ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия
«История Сибири в воспоминаниях и дневниках»

Основана в 2005 г.

Редакционный совет серии:
А. Л. Посадсков, доктор исторических наук
(председатель редакционного совета),
В. А. Зверев, доктор исторических наук, профессор,
С. А. Красильников, доктор исторических наук, профессор,
Н. П. Матханова, доктор исторических наук, профессор,
М. В. Шиловский, доктор исторических наук, профессор

Г. И. Клерже

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Ответственный редактор, составитель приложений,
автор вступительной статьи и комментариев
А. Л. Посадсков

Новосибирск
2012

УДК 94(571.1/.5)"1917/1920"
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612-9(253)
К48

Рецензенты:
С. А. Красильников, доктор исторических наук
Н. Н. Аблажей, доктор исторических наук

В подготовке издания принимали участие: Ю. М. Иванова
И. С. Трояк, кандидат исторических наук
Н. С. Матвеева, кандидат исторических наук

ISBN 978-5-94560-110-9
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) – составление, редактирование, оформление, 2012
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) – серия «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», 2012
© Посадсков А. Л. – публикация приложений, вступительная статья, комментарии, 2012

А. Л. Посадсков

Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г. И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста

Жили–были четверо братьев Клерже – и все офицеры… Так или примерно так, в духе старинной сказки, можно было бы начать эту историю. Отцом большого военного семейства был Иосиф Иванович Клерже – французский дворянин на русской императорской службе, родственник французского изобретателя Пьера Клерже[1]. Иосиф Иванович был дворянином Киевской губернии и одновременно в чине есаула состоял на казачьей службе. В ходе или сразу после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Иосиф Иванович был комендантом крепости Карс. Здесь, в Карсе, родилась (примерно в 1878 г.) его дочь Евгения.

В конце XIX в. И. И. Клерже с женой – польской дворянкой – поселился в Петербурге на Таврической улице в доме № 17, о чем сообщал справочник «Весь Санкт-Петербург на 1895 год».

Однако столичная жизнь была временной, так как Иосиф Иванович проживал по месту постоянной службы – в Канакерах, селении под Эриванью. Здесь, в Эриванской губернии, предположительно в тех же Канакерах, у него родились сыновья: Николай (19(7) июля 1879 г.)[2], Георгий (19(7) апреля 1883 г.), Сергей (7 декабря (25 ноября) 1890 г.)[3] и Александр (около 1897 г.)[4]. Все три брата Георгия Клерже стали, как и он, офицерами, а если прибавить к этому, что и их единственная сестра Евгения Иосифовна вышла замуж за офицера Ивана Васильевича Борисенко (имевшего к 1914 г. звание подъесаула и умершего в 1916 г.), то военное кредо семьи рисуется безупречным.

Обо всем этом и многом другом автору настоящих строк рассказал петербуржец Александр Владиславович Златоустовский, правнук Е. И. Борисенко (Клерже). Как замечательно было сознавать, что память об авторе публикуемых воспоминаний – Георгии Иосифовиче Клерже – живет не только на скрижалях истории.

Послужные списки Георгия Клерже[5] гласят, что он воспитывался во 2-м Московском кадетском корпусе (где за успехи в учебе был назначен корпусным знаменщиком)[6], а затем закончил по первому разряду курс наук в Павловском военном училище, получив 31 августа (ст. ст.) 1901 г. звание юнкера, а 23 сентября 1902 г. – унтер-офицера. По окончании училища 10 августа 1903 г. будущий мемуарист был произведен в подпоручики и направлен в 155-й пехотный Кубанский полк. После непродолжительного командования ротой Г. Клерже 12 августа 1904 г. назначается адъютантом батальона, а через две недели – исполняющим должность полкового адъютанта.

По приказанию начальника 39-й пехотной дивизии молодой офицер 2 октября 1904 г. был командирован в 314-й пехотный резервный Кадниковский полк, а 5 января 1905 г. переведен в штат этого полка, получив должность полкового адъютанта. Большую часть службы в полку Георгий проболел: внезапная хворь проявилась во время трехдневного отпуска в августе 1904 г., затем последовал четырехмесячный отпуск по болезни и поправка здоровья на родном Кавказе, и лишь 28 января 1905 г. офицер вновь встал в строй.

Возможно, учитывая желание подпоручика и его заболевание, начальство перевело его на Кавказ. Высочайшим приказом от 28 марта 1905 г., Г. Клерже был направлен на службу в 15-й гренадерский Тифлисский Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича полк. В день своего рождения 7 апреля 1905 г. Г. И. Клерже прибыл в Тифлис к новому месту службы. Отныне и надолго Кавказ станет для него постоянной «квартирой», ареной кипучей деятельности, местом обретения служебного и жизненного опыта. 19 мая 1905 г. (всего на третьем году офицерской службы, и это неслыханно для царской армии) Г. И. Клерже был назначен заведующим полковой учебной командой.

Со службой в Тифлисском гарнизоне у подпоручика Клерже были связаны два эпизода, о которых он рассказывает в своих воспоминаниях. Первый – это сопровождение к месту военных сборов бунтующих крестьян (нижних чинов Ейского уезда). Согласно документам, эта командировка Клерже состоялась с 27 сентября по 15 октября 1905 г. Второй яркий случай – это пресечение солдатами учебной команды во главе с Клерже революционной деятельности на окраине Тифлиса, причем солдатская команда, которую собирался вести за собой подпоручик, сама едва не стала под влиянием «агитатора», очагом революционного бунта. Офицеру пришлось проявить недюжинную выдержку и смелость, чтобы предотвратить солдатский мятеж.

Состоя на строевой службе, молодой офицер мечтал получить высшее из высших военное образование – академии Генерального штаба, открывавшее дорогу в среду военной интеллигенции России. 20 августа 1906 г. руководство Кавказского военного округа предоставило Г. И. Клерже командировку в Петербург для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба. К учебе в академии Георгий Клерже готовился почти три года, упорно штудируя труды русских и заграничных ученых. Выдержав экзамен, он 9 октября 1906 г. был зачислен слушателем в академию, а 10 ноября получил очередное звание поручика. Окончив два курса Николаевской академии по первому разряду, Клерже был переведен в дополнительный курс, по окончании которого 30 апреля 1909 г. «за отличные успехи в науках» был произведен в штабс-капитаны.

В промежутках между службой и учебой Г. И. Клерже создает семью. Его избранницей стала русская вдова коммерсанта-англичанина, женщина с четырьмя детьми. Узнав о намерениях сына, родители Георгия, как передает это семейное предание А. В. Златоустовский, поначалу были против такого брака. Но Георгий Иосифович пообещал, что застрелится, если не получит их благословения. И родители, чувства которых не поддавались описанию, благословили женитьбу сына.

Приказом по Генеральному штабу от 11 мая 1909 г. Г. И. Клерже был причислен к Генеральному штабу и откомандирован от академии в штаб Кавказского военного округа. Для 26-летнего офицера начиналась новая страница биографии, связанная с работой по линии военной аналитики и разведки. Поясним, что выработка военной стратегии России, чем занимался Генеральный штаб, была неразрывно связана с военной разведкой, которая традиционно также сосредотачивалась в структурах Генштаба. Офицеры Генштаба, прикомандированные к штабам военных округов, почти всегда руководили разведывательной работой в своем округе и на территориях соседних государств. Понятно, что содержание такой деятельности не раскрывалось, так что даже в документах гигантского по объему архивного фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)[7] о Г. И. Клерже можно найти не много сведений. Известно лишь, что к 1914 г. Клерже имел звание капитана и состоял в должности обер-офицера для поручений при штабе Кавказского военного округа. Высочайшим приказом от 10 мая 1914 г. он был переименован в гражданский чин, то есть официально

покинул военную и перевелся на гражданскую государственную службу[8]. Очевидно, такая формулировка подразумевала полный переход Г. И. Клерже на стезю военной разведки, ибо ни о каком гражданском учреждении, в котором бы Клерже служил после этого приказа, нам не известно. Зато в ряде источников (некоторые из них приведены в приложениях к данной книге) говорится о том, что Георгий Иосифович на момент начала Первой мировой войны находился с разведывательной миссией на территории Турции, примыкавшей к русскому Кавказу, и ему с огромным риском удалось пробраться в Россию через границу, ставшую линией фронта. В некоторых сообщениях на эту тему предполагается даже, что Клерже был в Турции военным агентом (аналог современной должности военного атташе)[9], но это заведомое заблуждение. По авторитетному утверждению историков военной разведки, военным агентом России в Турции до октября 1914 г. (пока Турция не объявила о вступлении в войну) был генерал-майор М. Н. Леонтьев[10]. По-видимому, «гражданский чин» затем и понадобился Клерже, чтобы беспрепятственно выезжать в страны, которые интересовали разведывательные органы.

Оказавшись в Тифлисе, Г. И. Клерже вновь надевает военную форму. В своих последующих биографиях он указывает на то, что в 1914–1915 гг. участвовал в боях на Кавказско-Турецком и Германо-Австрийском фронтах. Покинув Тифлис, Клерже в звании капитана участвует в знаменитой Сарыкамышской операции 9–25 декабря 1914 г., в ходе которой корпус генерала Н. Н. Юденича разгромил элитные части турецкой армии. В этих боях на снежных кручах Кавказа Г. И. Клерже проявил себя блестяще подготовленным, находчивым и храбрым офицером. Сослуживец Клерже и очевидец событий, скрывшийся под псевдонимом Старый Кунак, так описывает эту ситуацию: «Будучи начальником штаба правой арьегардной колонны, состоявшей из двух Туркестанских пехотных полков с артиллерией, Г[еоргий] И[осифович] в первый период боя по собственному почину перебрасывает с позиций в наш незащищенный тыл батальон стрелков, посаженных им на интендантские подводы, благодаря чему этот батальон успел за ночь по горным дорогам сделать 60 верст и к утру, заняв позиции в нашем глубоком тылу, отбил все атаки обходной турецкой колонны.

Это спасло наше положение, так как город Сарыкамыш, находившийся в тылу русских позиций, не мог быть захвачен турецкими войсками.

На другой день капитан Клерже, заменив собой ослепшего от снега начальника правого арьегарда и находясь с бригадой стрелков на обледенелых скалах, отбил несколько тяжелых атак турецкой пехоты.

Затем, заметя тяжелое положение нашего правого фланга, который обходил 9-й турецкий корпус, Г. И. Клерже выслал в тыл ему один полк стрелков, что привело к замешательству и временной остановке турецкого обхода, чем и воспользовался ген[ерал] Юденич, уже потерявший веру в победу и разославший телефонограммы всем трем арьегардам об отходе с позиций.

Увидя, что обстановка на правом фланге улучшилась, ген[ерал] Юденич, собрав все резервы и отменив свое распоряжение об отходе, энергично обрушился на 9-й турецкий корпус и разбил его наголову, захватив в плен несколько десятков тысяч человек.

Победа была полная. Капитан Клерже был представлен начальником дивизии к ордену Св. Георгия.

Командир корпуса (Н. Н. Юденич. – А. П.) присоединился к этому ходатайству, но получили высокую награду за этот славный бой все… кроме капитана Клерже»[11].

Весной 1915 г. 5-й Кавказский корпус был переброшен командованием на Юго-Западный фронт. В рядах корпуса на полях сражений в Восточной Европе оказался и Г. И. Клерже. Известно, что он был дважды ранен. Второе ранение, полученное в мае 1915 г. в боях под Радымно на Галицийском фронте, оказалось столь серьезным, что Клерже был отправлен в Петроград в распоряжение Генерального штаба. На смену таким раненым Генштаб всегда присылал здоровых офицеров из своего состава, многие из которых сами рвались на фронт. Так осуществлялась ротация кадров и офицеры-генштабисты получали возможность приобрести боевой опыт.

В Петрограде Г. И. Клерже ждало звание подполковника Генерального штаба (со старшинством с 15 июня 1915 г.) и должность помощника делопроизводителя ГУГШ, в которую он вступил 6 августа 1915 г. Через полтора года (6 декабря 1916 г.) он становится полковником Генерального штаба и к началу 1917 г. занимает в ГУГШ фактически три должности. Во 2-м оберквартирмейстерстве (в компетенцию которого входила вся военная

разведка России) Клерже, являясь заведующим ближневосточными и дальневосточными делами, непосредственно ведает вопросами Монгольской и Персидской казачьих бригад, действующих в сопредельных странах. Одновременно Георгий Иосифович служит начальником Всероссийской военно-цензурной комиссии. Третий род его занятий носит как бы «неформальный» характер. Клерже, говоря современным языком, был кем-то вроде пресс-секретаря ГУГШ. Обладая огромной информацией, которая стекалась к нему с фронтов войны, из прифронтовой зоны и зарубежных стран, полковник Клерже ведет ежедневную работу по информированию основных органов русской прессы. Он пишет статьи, заметки, диктует по телефону военные обзоры, обеспечивая информацией Генерального штаба петроградские, московские газеты и даже «Киевскую мысль», издающуюся за тысячу верст от столицы. Истоки этой военно-журналистской деятельности Г. И. Клерже восходят к 1915 г., когда он начал сотрудничество с прессой как военный корреспондент «Русских ведомостей» на Кавказском фронте. За два года имя журналиста Клерже становится известным не только в России, но и в Европе, и в Северной Америке. Утомительные будни газетной работы он сам красочно рисует в публикуемых воспоминаниях. Следует лишь добавить, что одним из результатов литературной деятельности Г. И. Клерже стала его публицистическая брошюра, выпущенная издательским отделом ГУГШ в 1917 г.[12] Литературная «жилка» Клерже в дальнейшем не раз приводила его на газетную и издательскую работу, а накопленный опыт государственного пропагандиста стал востребованным в Сибири, на Дальнем Востоке, в китайской эмиграции.

Впрочем, Г. И. Клерже, возможно, и не играл в ГУГШ первостепенной роли – вокруг него было много гораздо более именитых разведчиков – генералов и полковников. Во всяком случае, в воспоминаниях его шефа – начальника разведывательного отдела ГУГШ генерал-майора П. Ф. Рябикова – в разделе об этом периоде фамилия Клерже даже не упоминается (зато текст пестрит фамилиями других асов разведки)[13].

В бурном 1917 г. Г. И. Клерже продолжал совмещать все три должности в Генеральном штабе, а летом того же года принял активное участие в корниловской организации в Петрограде, о чем он сам подробно повествует на страницах воспоминаний. Ранним утром 27 августа 1917 г. Г. И. Клерже был арестован как корниловец

на своей квартире в доме № 12 по Дмитровскому переулку. Обо всем, что произошло дальше – об освобождении из-под ареста и назначении полковника Клерже в Тегеран на должность начальника Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии в первые дни после большевистского переворота (воспользовавшись пока еще слабым влиянием большевиков в ГУГШ и в Военном министерстве) – об этом лучше всего говорят сам автор мемуаров и документы, представленные в приложении 1. Любознательный читатель имеет полную возможность проверить по ним подлинность событий, рисуемых Клерже который, как видим, вполне достоверен в своей интерпретации – его назначение на новую службу действительно исходило от прежних начальника ГУГШ и военного министра. Отсутствие расхождений между архивными документами – критериями исторической истины – и объяснениями мемуариста Клерже очевидно и для всех следующих фактов, связанных с «персидским» периодом в судьбе и жизни полковника Генштаба.

* * *

Но сначала, дорогой читатель, ознакомимся с совсем другими характеристиками Г. И. Клерже, которые в массовом порядке тиражировались в трудах российских историков с середины 1990-х гг.

«Клерже Георгий Иосифович <…> В 1917 г. – полковник, командовал шахской казачьей дивизией в Персии, взбунтовал два полка и во главе с ними перешел на сторону советов» (справочник Е. В. Волкова, Н. Д. Егорова и И. В. Купцова «Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны» и, соответственно, сайт «east–front» в Интернете)[14].

«…В 1917 г. командовал шахской казачьей дивизией, два полка под его командованием перешли на сторону Советской власти. В 1918 г. занимал ответственные посты у красных в Баку и Тифлисе» («Энциклопедия Забайкалья» и сайт «ez.chita» в Интернете)[15] и т. д. и т. п.

К сожалению, эта никак не проверенная информация попала даже в замечательное по глубине и охвату трехтомное энциклопедическое издание И. Ф. Плотникова «Гражданская война на Урале»[16] и во многие другие труды почтенных историков. Что уж говорить о чисто компилятивных справочниках (как например, Р. Г. Шмарглита)[17], авторы которых, похоже, не боятся никаких обвинений в плагиате и переписывают тексты предшественников целыми абзацами.

К чести некоторых авторов нужно сказать, что они не солидаризируются прямо с подобными оценками и приводят их лишь как отзывы о Клерже других лиц. Так, А. А. Хисамутдинов, не высказывая своего отношения, дает в биографической справке Г. И. Клерже выдержку из архивных воспоминаний С. Елачича (который, в свою очередь, ссылается на сообщения русского посла в Персии фон Эттера) о том, что «одним из первых разлагателей Русской армии в Персии оказался Клерже. Своими демагогическими речами он взбунтовал два полка и во главе с ними перешел на сторону красных»[18]. (Вот первооснова фразы, разошедшейся потом по всем публикациям).

Осторожную характеристику нашему мемуаристу дает С. С. Балмасов. В биографической справке он пишет, что Клерже «позднее был обвинен в том, что…» (и далее следует та же цитата из С. Елачича)[19]. К такому приему прибегают авторы сайта «Павловское военное училище»[20] и некоторые другие специалисты, не склонные доверять всему, что писала и говорила русская эмиграция.

Наберитесь терпения, любезный читатель. В конце этой статьи Вы узнаете, из какого «источника» исходят все обвинения в адрес мемуариста Клерже. А пока что я, автор вводной статьи, хочу объявить, что весь ее дальнейший пафос будет направлен на разоблачение этих и других клеветнических (иначе не скажешь) наветов.

Г. И. Клерже не являлся, конечно, идеальным человеком. Ему были свойственны многие недостатки (и о них речь тоже пойдет), но ни организатором бунтов, ни «засланным казачком» красных в стане белых, ни агентом советских спецслужб в эмиграции (о чем будет говориться ниже) он не состоял. Весь текст мемуаров проверяется подлинными архивными документами, приводимыми в четырех приложениях – и они с очевидностью показывают достоверность каждого важного эпизода, отраженного в воспоминаниях.

Неохотно, скупо припоминает Георгий Иосифович о неприятном для него периоде жизни – о службе на посту начальника Персидской казачьей дивизии, службе, которая продолжалась всего 39 дней и закончилась для него, по сути, крахом всей предыдущей военной карьеры и тяжелым моральным поражением. Молодой командир дивизии не оценил силу коварства, зависти и интриг подчиненных, волчьей хваткой державшихся за свои законные и незаконные привилегии, за деньги, чины и должности, за почти узаконенную безответственность и расхлябанность.

Посмотрите документы (прил. 1), дорогой читатель. Они о многом говорят внимательному историку. Персидская казачья дивизия

имела давнюю и славную боевую историю, многие русские офицеры и рядовые казаки-инструкторы хранили лучшие традиции Русской армии, показывали отменную выучку и дисциплину, и полковник Клерже в своих приказах пользовался каждым случаем, чтобы отметить и поблагодарить отличившиеся отряды, их командиров и русских инструкторов. Но поводов для похвал имелось не так много. Гораздо чаще Г. И. Клерже вынужден наблюдать, с одной стороны, печальные последствия некогда сложившейся, закостенелой и явно неэффективной системы военной жизни и быта дивизии, а с другой – разлагающее влияние «комитетской» анархии как следствие большевизации России.

Обратимся к хронологии событий. 20 декабря 1917 г. Г. И. Клерже, согласно его телеграммы в ГУГШ, прибыл в Тегеран, 25 декабря вступил в командование дивизией[21]. Последовали вполне оптимистические обращения нового командира к офицерам и казакам дивизии[22], обмен телеграфными приветствиями с командующим 1-м Кавказским кавалерийским корпусом генералом Н. Н. Баратовым[23], благодарности офицерам, принимавшим участие в организации встречи Г. И. Клерже в Персии[24]. Как пишет в воспоминаниях сам Клерже, предыдущий начальник дивизии генерал-лейтенант барон В. Н. Майдель не выказывал к нему какой-либо враждебности. Он был упрежден телеграммами начальника Генерального штаба о прибытии Клерже и передаче ему полномочий. Не была секретом для барона и грядущая проверка дивизии, для которой совместно с Клерже в Тегеран прибыл чиновник ГУГШ подпоручик Н. А. Ригана, хорошо знавший по своей прежней должности в Учетно-ссудном банке Персии местную обстановку[25]. Документы говорят о том, что в основе решения Генштаба о замене Майделя на Клерже лежало недовольство ГУГШ рутинной и неэффективной деятельностью первого на посту начальника Персидской дивизии, нарастание негативных явлений (склок, казнокрадства, падения дисциплины) среди русских офицеров и казаков-инструкторов[26]. Проверка должна была вскрыть и ликвидировать эти «нарывы». По телеграфной просьбе Клерже барон Майдель отдал распоряжение начальнику Рештского отряда полковнику Яковлеву встретить нового командира в Реште, сопроводить его к месту службы в Тегеран и выдать 200 туманов (персидских денег). Со своей стороны Г. И. Клерже, прибыв в дивизию, выдал В. Н. Майделю необходимую сумму для выезда барона из Персии в Россию[27].

Георгий Иосифович, по-видимому, собирался обосноваться в Персии всерьез и надолго. В воспоминаниях он сообщает, что сохранение Персидской дивизии как боеспособного «осколка» старой Русской армии, которая в дальнейшем может пригодиться для борьбы с большевизмом, было частью стратегического плана ГУГШ. 20 января 1918 г. Клерже посылает в ГУГШ телеграфный запрос о том, когда к нему выезжает семья и свободен ли проезд через Баку[28].

Практически все имеющиеся источники утверждают, что Георгий Иосифович кроме должности начальника дивизии нес в Персии вторую государственную обязанность – он был русским военным агентом, то есть легальным начальником русской разведки в Персидском государстве. С самого создания Персидской казачьей дивизии эту должность исполнял начальник дивизии, а не военный дипломат. Достаточно быстро Г. И. Клерже восстановил регулярную информацию для ГУГШ о военном и политическом положении в Персии и Азербайджане, традиционно собиравшуюся офицерами дивизии и обобщавшуюся в ее штабе. В 1917 г. такие секретные рапорты начальника дивизии барона В. Н. Майделя отправлялись каждые две недели[29]. С приездом Клерже информирование центра временно прервалось, но 31 января 1918 г. начальник дивизии отдал распоряжение о спешной подготовке и высылке в Петроград очередной секретной информации. Большой рапорт, содержащий много пунктов (в том числе о движении Мирзы Кучук-хана в Гиляне) был отослан в тот же день[30]. Следует заметить, что связь дивизии с Россией осуществлялась в 1917 г., кроме телеграфа, только через канцелярию комиссара Закаспийской области: от комиссара начальнику дивизии пересылались пакеты ГУГШ, обратно шли копии приказов по дивизии и заказы на карты Персии, выполнявшиеся в ГУГШ для отрядов дивизии. Присылалась, очевидно, и российская пресса. Утверждая 29 декабря 1917 г. расходы по дивизии на предстоящий год, Г. И. Клерже, например, выделил средства на подписку для ее штаба четырех газет[31].

Первостепенной задачей нового начальника являлось поднятие боеспособности Персидской казачьей дивизии, приведение ее хотя бы в относительно дисциплинированный, обученный и нормально экипированный военный контингент. Клерже издает десятки приказов, в которых отмечает недисциплинированность, недостаточную выучку, ленивое и пренебрежительное отношение к службе некоторых своих подчиненных, незаконное пользование казенным имуществом и т. п.[32] Он придумывает для дивизии новую

военную форму – разную для каждого отряда, – которая должна подчеркнуть особый статус дивизии как элитной части персидской армии под командой русских офицеров[33]. Заметив слабое посещение русскими офицерами и казаками-инструкторами церковных служб, которые велись по воскресеньям в храме при посольстве, Георгий Иосифович издает специальный приказ об освобождении в этот день военнослужащих от инструкторских занятий с тем, чтобы они исправно ходили к проповеди[34].

Укрепление боевого сотрудничества (а лучше дружбы) между персидскими и русскими военнослужащими вообще являлось сверхзадачей Г. И. Клерже на посту начальника дивизии. В документах, вышедших из его штаба, он постоянно обращается к теме уважения русским командным составом национальных традиций и религии персов, повторяет мысль о совместной работе на благо национальных интересов и будущего Персии, которое Клерже видит в стратегическом союзе с Россией. Поэтому вполне закономерно, что одной из важнейших реформ Георгия Иосифовича во время краткого пребывания в должности начальника дивизии стало слияние школы для офицерских детей (где обучались русские и персидские ученики) со школой для детей казаков-персов и создание на их основе Персидского кадетского корпуса[35]. Свое решение Г. И. Клерже мотивировал тем, что при «горячем желании персидских мальчиков учиться и их поразительной способности к наукам из них можно сделать гораздо более развитых и полезных для своей страны граждан и деятелей». Поскольку обучение в обеих школах, а далее в корпусе велось русскими офицерами по программе русских учебных заведений, понятно, что из их стен должны были выходить выпускники – будущие военные лидеры Персидского государства, воспитанные в уважении к России, к русским и их культуре. Именно усиление русского влияния в среде персидской военной интеллигенции ставил целью опытный военно-политический аналитик Клерже, реформируя систему военного образования в дивизии.

Но как раз это решение начальника дивизии послужило тогда и годы спустя одним из главных обвинений в его адрес. Значительное число русских инструкторов-офицеров было категорически против смешения учеников из «благородных сословий» (в офицерской школе) с толпой учеников-простолюдинов. В этом видели веяние революционной демократии. Кроме того многие инструктора-офицеры и казаки были заражены традиционным великорусским

шовинизмом. С их точки зрения, мусульманским «инородцам» вообще незачем было давать широкое образование.

В конфликте вокруг преобразования учебных заведений в Персидской дивизии в первый, но далеко не последний раз дала себя знать ситуация несоответствия уровней мышления, знаний, культуры Г. И. Клерже и его противников, умственные способности, предубеждения и образовательный багаж которых не позволяли им понять действия полковника Генштаба, вызывали злобное и враждебное отношение к Клерже, кривотолки вокруг его имени.

Другим распространенным обвинением в отношении Г. И. Клерже в то время и позднее было, якобы, его стремление угодить персам в ущерб престижу России. Носители данного мнения предполагали, очевидно, что уважения к России можно добиться только грубой силой или угрозой военного насилия – и именно такой линии должен был в их понимании придерживаться командир казачьей дивизии. Сказывалось, опять же, нежелание считаться с тонкостями политической ситуации, с дипломатией и балансом сил в межгосударственных отношениях. Клерже находился в крайне сложном положении: сохраняя стратегические интересы России в Персии, он должен был где-то идти на уступки, чтобы не дать повода к расформированию персами казачьей дивизии. А признаки такой перспективы обозначались уже довольно ясно: англичане, войска которых стояли на юге страны, все сильнее давили на шаха и его министров, предлагая убрать из Персии своих конкурентов (но формально союзников) – русских. Да и само персидское руководство высказывало желание, пользуясь демагогическими заявлениями большевиков на международной арене, избавиться от военной опеки северного соседа.

В качестве иллюстрации военно-дипломатических головоломок, которые чуть не ежедневно приходилось распутывать Георгию Иосифовичу, приведем его инструкции П. П. Мамонову – начальнику Тевризского отряда, базировавшегося на севере страны близ границы с отделившимся от России Азербайджаном. Войсковой старшина П. П. Мамонов[36] был еще до приезда Г. И. Клерже назначен в октябре 1917 г. начальником отряда вместо ротмистра Сливицкого. Последний активно противился своему снятию с должности, не признавал полномочий Мамонова и затеял против него интригу. Сливицкого поддержал заместитель начальника дивизии полковник В. Д. Старосельский – будущий организатор свержения

Г. И. Клерже[37]. Но Мамонов остался в должности начальника Тевризского отряда, поскольку с приездом Клерже решение о его назначении уже не подлежало пересмотру. П. П. Мамонов, по-видимому, был лояльно настроен к новому начальнику дивизии. Их переписка включает шесть телеграмм Мамонова и столько же ответов-резолюций Клерже.

28 декабря 1917 г. П. П. Мамонов посылает на имя В. Н. Майделя (не зная, что тремя днями ранее того сменил Г. И. Клерже) телеграмму следующего содержания: «[В] связи с назначением [большевиками] посланником [в] Тегеране консула Бравина, приезд которого на днях ожидается здесь [в Тевризе], вероятно, [в] сопровождении большевистских делегатов, прошу срочных указаний, признается ли он посланником и как поступить в случае требований его и персидских властей об оказании ему почестей. Имею сведения, что местный большевистский гарнизон намерен его поддержать». Щепетильность ситуации была таковой, что Г. И. Клерже, судя по всему, надиктовал телеграфистам устный ответ, оставив на бумаге только три слова: «Телеграфировать как указано»[38]. Конспиративное чутье подсказывало военному агенту, что лучше не оставлять следов инструкций, явным образом направленных против первого большевистского полпреда в Персии.

22 января 1918 г. П. П. Мамонов вновь озадачил Г. И. Клерже болезненным вопросом. Он телеграфировал: «[В Тевризском] отряде имеется 4 медных полевых орудия, переданных отряду русскими войсками как отобранные от мужтехтидов (моджахедов, то есть повстанцев. – А. П.) в 1911 г. во время беспорядков [в] Тевризе. Командующий войсками Азербайджана, основываясь на телеграфном распоряжении Военного министерства [России?], требует передачи их ему, что нахожу нежелательным. Прошу распоряжения». В данном случае Г. И. Клерже не считает правильным ссориться с армией Азербайджана, борющейся с красными. Он отвечает: «Пушки выдать»[39]. Непопулярное, вынужденное решение…

Но П. П. Мамонов, судя по следующему документу, указания не выполнил. Спустя неделю, 29 января 1918 г. он телеграфирует очередную – и снова острую информацию. «[В] разговоре губернатор [провинции Тевриз], – сообщает телеграмма, – намекнул [о] желании Валиагда занять под свою резиденцию помещение отряда и квартиры чинов его, предполагая переселить всех [их в] свою летнюю резиденцию, ныне занятую русскими войсками, доведенную

[до] состояния развалин. Последнее время заметно явное домогательство властей вмешиваться [в] дела отряда, особенно предъявляются требования подчиняться и исполнять приказания Валиагда, губернатора, командующего войсками Азербайджана. Почти ежедневно Валиагд или губернатор вызывают меня для пустых разговоров. По возможности сдерживаю их домогательства, но знаю, что губернатор уже жаловался на меня в Тегеран. Требования [направлять] казаков [в] командировки непосильны отряду. Добившись выдачи им пушек, возможно предъявить требования выдать оружие, количество которого [они] точно знают, и со стороны Валиагда уже были намеки. Прошу указаний, какого направления держаться».

На этот раз реакция Г. И. Клерже была резкой и однозначной. Ответ гласил: «1. Переезд Валиагда [в] помещение отряда нежелателен. 2. Вмешиваться [в] Ваши распоряжения никому не позволяйте. Обо всем доносите мне»[40]. От дипломатичной мягкости до твердого отстаивания национальных интересов – таков был диапазон «реальной политики» начальника дивизии и военного агента уже не существующей России при персидском троне.

Колоссальной проблемой для Г. И. Клерже являлось финансирование дивизии, вернее почти полное отсутствие такового. Революция, экономический развал привели к резкому «обмелению» финансовых потоков, направлявшихся в дивизию из Военного министерства в Петрограде. Приход к власти большевиков вообще ставил под вопрос возможность такого финансирования из России. Еще барон В. Н. Майдель в июле 1917 г. предупреждал ГУГШ «об ухудшении материального положения офицеров дивизии ввиду вздорожания жизни в Персии»[41]. К моменту появления Г. И. Клерже финансовое состояние Персидской дивизии стало критическим: русские инструктора получали в это время скудное жалование только от персидского правительства. Но существовали договоренности о взаимной помощи союзников по Антанте, в соответствии с которыми Г. И. Клерже, проявив недюжинные способности экономической дипломатии, получил от представителей Великобритании большую сумму денег на содержание дивизии. 9 января 1918 г. стало для многих русских офицеров и казаков счастливейшим днем их службы: Английский банк в Тегеране перечислил на счет дивизии 1 млн иранских кранов, а Г. И. Клерже своим приказом перевел долгожданные деньги в распоряжение всех отрядов, пропорционально количеству военнослужащих (от 200 тыс.

кранов Тегеранскому отряду до 30 тыс. Ардебильскому и Астрабадскому). Было выплачено все жалование русским инструкторам и покрыты все задолженности[42].

Клерже обращает внимание на бытовую сторону жизни русских солдат-инструкторов дивизии. 30 января 1918 г. он утверждает своим приказом единообразные нормы выдачи «довольствия натурой» на каждую солдатскую квартиру: «не свыше 18 харваров угля в год и не свыше 3 батманов керосина в месяц». Приказ предусматривает улучшение быта и некоторое облагораживание казачьих жилищ. Предписывается начальникам отрядов «для каждой квартиры приобрести: по 2 простых стола, 4 стула, одной простой кровати с матрацем и одеялом (для семейных две), по две лампы… Квартиры с земляными или каменными полами необходимо застилать недорогими местными хлопчатобумажными паласами»[43].

Начальник дивизии наводит воинский порядок и дисциплину, заботится об обучении подрастающего поколения, предписывает офицерам посещать православные богослужения, наконец, вытаскивает дивизию из финансовой ямы… Где же здесь «большевизм», где восставшие «два полка», перешедшие якобы под командой Клерже на сторону красных? Не очевидна ли полная вздорность таких выдумок? Но у противников Клерже имелась своя логика. «Большевизм» они видели в малейшем отходе от косных и совершенно не пригодных в эпоху революционного разгрома старых правил жизни Русской армии – отказе от сословной «стены» между офицерами и солдатами, отмене материальных и моральных привилегий офицерства. Многие остались верны монархической идеологии, не желая слышать ни о какой «демократии» (Г. И. Клерже не скрывает в своих воспоминаниях, что он в это время симпатизировал А. Ф. Керенскому и не отказывался служить его «социалистическому» правительству).

Одним из главных «козырей» в критике Клерже его противники выдвигали утверждение, будто полковник Генштаба «поощрял» или даже «насаждал» в Персидской казачьей дивизии деятельность солдатских комитетов – детища фронтового большевизма – и игры в демократию социалистов из Временного правительства. Посмотрим, как дело обстояло в реальности.

И документы, и показания, данные Г. И. Клерже следователям колчаковского Военного министерства[44], подтверждают одну неоспоримую истину: комитеты военнослужащих были созданы

в Персидской дивизии задолго до появления в ней Клерже. В циркуляре, разосланном бароном В. Н. Майделем по всем отрядам дивизии еще 17 апреля 1917 г., говорится о возможности в ближайшее время «волнений и революционных выступлений» населения Персии, причем следует предупреждение, что «персидские революционеры будут в своих выступлениях, вероятно, поддержаны местными русскими комитетами и, пожалуй, русскими войсками»[45]. И хотя речь шла, по-видимому, о войсках и комитетах в корпусе генерала Н. Н. Баратова, все равно нужно признать, что «дорожка» к комитетам в Персии была протоптана еще весной революционного года. В архивных документах Персидской казачьей дивизии содержатся постановления Воинского комитета русских чинов дивизии от 26 ноября 1917 г.[46] (Клерже прибыл в дивизию и вступил в должность 25 декабря).

Руководя дивизией, Г. И. Клерже несколько раз, как говорят документы, присутствовал на заседаниях Воинского комитета. Однако рядом с ним на заседании комитета 30 января 1918 г., судя по протоколу, сидели представитель ГУГШ подпоручик Н. А. Ригана и помощник начальника дивизии полковник В. Д. Старосельский, который спустя месяц начнет обвинять Г. И. Клерже в выслуживании перед «комитетчиками»[47]. В резолюциях комитета присутствие официальных лиц мотивируется статьей 16 приказа № 271 по Военному ведомству за 1917 г., стало быть, Клерже и его команда являлись на заседания не по собственной инициативе, а на основе действовавшего тогда приказа. Да и что за «большевистские» решения принимались на этих собраниях? Например, на одном из них, состоявшемся 19 января 1918 г., речь шла о требовании некоего солдата Григория Маслова, обслуживавшего начальника одного из отрядов полковника Филаретова, взыскать с полковника деньги за денщицкие услуги Маслова. Военный комитет вовсе не поддержал (как можно было предполагать) претензии солдата. Резолюция по «делу» гласила: «Претензия Григория Маслова в сумме десяти туманов ежемесячно со дня приезда его с полковником Филаретовым в Персию признается преувеличенной и так как соглашение их ни письменными документами, ни свидетельскими показаниями установлено быть не может, признать достаточным вознаграждение Маслову в размере шести туманов в месяц и не со дня приезда в Персию, а со времени отмены института денщиков. Причем вознаграждение определено только потому, что между полк[овником] Филаретовым и солдатом Масловым было

какое-то соглашение, в отношении же других денщиков, которым приказ об отмене института денщиков, конечно, известен и которые продолжают по доброй воле оставаться у своих офицеров, решение по делу Маслова прецедентом служить не может»[48].

Воинский комитет Персидской дивизии отнюдь не сразу прекратил свою деятельность после ухода Г. И. Клерже с поста начальника (3 февраля 1918 г.). В бумагах дивизии попадаются документы комитета за март 1918 г.: обращение комитета к начальнику дивизии (теперь уже В. Д. Старосельскому) с просьбой об отчислении из дивизии скомпрометировавшего себя офицера, подписка другого офицера начальнику дивизии о возврате, по постановлению комитета, растраченных денег и т. п.[49] Стало быть, Старосельский вовсе не разгромил «комитетчиков» немедленно после своего воцарения (как об этом утверждалось позднее), а некоторое время вполне мирно с ними сотрудничал. В действительности Воинский комитет саморазоружился перед начальником дивизии: 8 февраля 1918 г. часть его членов сложила свои полномочия «ввиду предстоящих выборов нового состава комитета», которые должны были состояться 4 марта[50]. Но эти выборы, по всей видимости, просто не проводились.

И уж, разумеется, «большевизм» Клерже, с точки зрения его оппонентов, проявился в попытке перераспределить на более справедливых основах оклады жалования русских инструкторов дивизии – уменьшить жалование офицерам и увеличить рядовым казакам (при том, что бюджет дивизии оставался неизменным и, повышая оклады одним, нужно было уменьшить таковые у других). Здесь полковник покусился воистину на «святое». Он предположил, что офицеры дивизии являются сознательными гражданами и что, видя крайне тяжелое материальное положение рядовых казаков, офицерский корпус согласится отдать им часть своих денег. При этом Г. И. Клерже первым уменьшил оклад себе[51].

8 января 1918 г. новые оклады русских чинов Персидской казачьей дивизии были объявлены приказом Клерже. Начальник дивизии подчеркнул, что «уравнение окладов содержания сделано на основах справедливости и некоторой материальной жертвы со стороны старших чинов дивизии, которые, я надеюсь, охотно принесут эту жертву, войдя в положение младших своих сотрудников инструкторов-солдат, и тем еще больше скрепят существующее взаимное чувство доверия и связи между офицерами и солдатами-инструкторами дивизии»[52].

Романтические надежды молодого начальника развеялись почти сразу. Понятие «справедливость» оказалось пустым звуком для большинства офицеров, в особенности для высших чинов дивизии (начальников отрядов, офицеров штаба), чьи оклады пострадали больше других. Позднее во время разбора «дела» Г. И. Клерже при Колчаке некоторые свидетели прямо указывали, что заговор против начальника дивизии был вызван, среди прочего, резким недовольством и неприятием новых норм денежного довольствия со стороны начальствующих офицеров[53].

В финансовых вопросах Персидской дивизии, которые пришлось распутывать Г. И. Клерже, особенно острыми были вскрывшиеся факты злоупотреблений с казенными деньгами и ценностями. Проводившиеся Г. И. Клерже и Н. А. Ригана по поручению ГУГШ проверки денежной и прочей отчетности (Клерже в своих следственных показаниях сообщает о двух таких ревизиях)[54] показали, что начальники отрядов, интенданты и казначеи распоряжались имуществом отрядов как своим, присваивали вещи и денежные суммы, намеренно или по халатности не вели точного учета. Их вполне устраивала полная бесконтрольность, сложившаяся в дивизии.

15 января 1918 г. по приказу Г. И. Клерже финансово-хозяйственная проверка началась в Хамаданском отряде, которым командовал уже упоминавшийся полковник Филаретов. К командиру отряда Клерже не испытывал никакой вражды. Напротив, за три дня до проверки, посетив казармы отряда, он издал хвалебный приказ об увиденном: «Чистота помещений и порядок говорят о большой заботливости и попечении полковника Филаретова о вверенном ему отряде»[55]. Но ревизия выявила массовые нарушения финансовой дисциплины: неточные и не подписанные начальником отряда денежные документы, неправильно выданные деньги и т. п. Заведующий хозяйственной частью отряда ротмистр Макаров и вахмистр Жилин приписали себе лишние суточные деньги за командировки – и не вернули их. Приказ Г. И. Клерже, изданный 30 января по итогам проверки, гласил: «Триста кранов, излишне выданных в суточные деньги ротмистру Макарову и вахмистру Жилину, в случае непредставления их означенными чинами – взыскать с полковника Филаретова»[56]. Пройдет всего три дня и Хамаданский отряд во главе с полковником Филаретовым станет ударной силой свержения Клерже с поста начальника дивизии.

Личную обиду на Клерже затаили, по-видимому, и другие офицеры, считавшие себя ущемленными на финансовой почве.

Полковнику Генштаба Г. В. Филиппову (своему товарищу по корниловской организации в Петрограде, которого сам же Клерже отправил вперед себя в Персию на должность начальника штаба казачьей дивизии) Георгий Иосифович отказал в получении квартирных денег за то время, когда Филиппов бесплатно занимал (с 17 октября по 25 декабря 1917 г.) нижний этаж дома начальника дивизии[57]. Подполковнику Коннову, отрешенному приказом Клерже 27 декабря 1917 г. от должности начальника отряда, было отказано в просьбе о выдаче начальственного жалования по 3 января 1918 г.[58] В резкой форме выступил Г. И. Клерже и против сложившейся в дивизии практики «петкешей» – подношений персидских офицеров старшим русским начальникам, фактически – взяток «натурой»[59].

Внезапное окружение ранним утром 3 февраля 1918 г. дома начальника дивизии казаками Хамаданского отряда (персами во главе с русскими офицерами) и принуждение Г. И. Клерже к подписанию «отречения» от должности командира[60] не стали, таким образом, неожиданностью для многих дивизионных начальников – врагов Клерже. Заговор готовился давно и успех его был предрешен. Петербургский полковник с «генштабистским» строем мысли пришелся не по вкусу слишком многим подчиненным. Не приняли его как руководителя дивизии и русские дипломаты в Тегеране, в первую очередь посланник России Н. С. фон Эттер[61].

В тот же день 3 февраля 1918 г., когда Г. И. Клерже был свергнут и фактически посажен под домашний арест, его помощник полковник В. Д. Старосельский, подготовивший этот «переворот», подписал приказ о вступлении себя, как старшего «по чину и должности», на пост начальника Персидской казачьей дивизии[62]. Г. И. Клерже, отправив в несколько официальных адресов письмо с отказом признать законной свою отставку[63], отбыл 13 февраля 1918 г. из Тегерана в Петроград и объявил, что он едет в Генеральный штаб с докладом о «бунте» 3 февраля. В пути до российской границы Клерже сопровождал бывший начальник его личного конвоя Мамед-ага Шихлинский, которого Клерже за несколько дней до событий 3 февраля (возможно, по наветам заговорщиков) снял с должности и отправил на гауптвахту. Отсидев отмеренные 10 суток, азербайджанский офицер не обиделся на своего развенчанного командира, а честно, по просьбе последнего, довез его до Тифлиса[64].

Стремясь оправдаться перед командованием Кавказского фронта и придать видимость законности мятежу 3 февраля, В. Д. Старосельский отправил письмо генерал-квартирмейстеру фронта. В этом послании он писал: «Смена начдива генерал-майора Майделя и назначение на его место молодого, неопытного кабинетного офицера полковника Клерже еще больше затруднила и даже совсем погубила дивизию. Персидское правительство, признававшее барона Майделя и поэтому не могшее перестать его признавать, сразу почувствовало под собой почву и начало почти что третировать полковника Клерже. Возбудился вопрос об отозвании всех русских инструкторов на основании заявления Бронштейна (Троцкого) персидскому Charge d'affaires[65] в Петрограде Асай-хану об отозвании русской военной миссии. Полковник Клерже своей нетактичностью и недостатком личного обаяния много способствовал этому. Наши союзники англичане в лице своего посланника сэра Ч. Марлинга отнеслись к Клерже скептически, его же предупредительное, почти заискивающее поведение по отношению к англичанам еще более вооружило против Клерже персов. Российский посланник Эттер, не относившийся симпатично лично к Клерже, тоже невольно не мог укрепить его положения»[66].

«Кабинетный офицер» – такой ярлык Старосельский придумал для человека, который при регалиях сотрудника Главного управления Генштаба полгода не уходил с фронтов, сражаясь с противником, получил два ранения. Особенно примечательно указание Старосельского о «низкопоклонстве» Клерже перед англичанами. Что ж, возможно, прежний начальник дивизии и проявлял избыточную любезность перед союзниками. Но результатом явилось финансирование дивизии со стороны Английского банка, которое, кстати, продолжалось и при Старосельском. Сам новоиспеченный начальник Старосельский, упоминая в письме о финансах, восклицал: «Без денег дивизия рассыплется моментально, так как в Персии деньги – все»[67]. Если присмотреться к бумагам дивизии, можно обнаружить, что именно со Старосельским, а не с его предшественником, англичане наладили тесные контакты. Среди документов попадаются письма английского военного атташе, начинающиеся словами: «My dear Colonel Starosselsky»[68].

Но эта дружба окончилась бесславно. Англичане продолжали настаивать перед правительством шаха о ликвидации русской казачьей дивизии и с июня 1919 г. начали активную подготовку к слиянию последней с английской дивизией, находившейся на юге

страны и состоявшей из персов под руководством английских инструкторов[69]. Провоевав еще полтора года с переменным успехом, казачья дивизия была реформирована. Англичане заключили в октябре 1920 г. тайный договор с Ахмед Шахом об увольнении из дивизии всех русских инструкторов и замене их английскими. Полковник В. Д. Старосельский получил приказ персидского военного министра о передаче командования персидским офицерам. Начальником дивизии становился английский генерал Айронсайд, в распоряжение которого в Тегеран было приказано прибыть всем русским инструкторам для сдачи имущества и получения денежного расчета. Прием дивизии английским командованием продолжался с 3 ноября по 5 декабря 1920 г. В ноябре русские чины были уволены со службы. По условиям договора все они должны были эвакуироваться за счет британской казны в любую страну Европы и Азии по выбору. Вернуться в советскую Россию рискнули единицы, большинство предпочли Италию и другие страны Европы, Ирак, Индию и т. п. По свидетельству очевидцев, «dear colonel» Старосельский и начальник его штаба полковник Филиппов были эвакуированы первыми, чтобы сразу же обезглавить дивизию. Очередь остальных офицеров и казаков настала 20 декабря 1920 г.[70]

* * *

Но обо всем этом низвергнутый Г. И. Клерже узнал лишь спустя три года после отъезда из Тегерана. Его дальнейший путь – в Петроград, а оттуда в Пермь и в Ставку адмирала А. В. Колчака – достаточно полно и подробно описан в мемуарах. Отметим лишь, что попытки недругов Клерже изобразить его нелегальное проживание в советской Перми под фамилией артиста Светланова как «темный» эпизод биографии полностью рассыпались при разборе «дела» Георгия Иосифовича в Центральной следственной комиссии колчаковского Военного министерства. Выяснилось, что невразумительные первоначальные показания квартирных хозяев о том, что Г. И. Клерже и его зять И. И. Матикошвили занимались «шпионством» (раскладывали военные карты и отмечали колебания фронта) – следует понимать как «шпионство» белых против красных[71]. Ни один из свидетелей не смог указать реальных фактов личной дружбы Г. И. Клерже с большевиками Г. Н. Бироном и В. Г. Шпилевским при том, что внешне благожелательное отношение к комиссарам, вселившимся в дом, все признавали необходимым

для Клерже условием выживания. В основе всех «пермских» обвинений против Клерже оказались обывательская глупость, невежество, жадность. Вопрос о том, подвергались ли свидетели по «делу» Клерже нажиму со стороны следователей военной контрразведки в первые дни «раскрутки» следствия, остается открытым. Но сопоставьте хотя бы показания собственника дома Н. В. Щербаченко от 2 мая 1919 г. с его же показаниями от 3 июня 1919 г. – налицо огромная разница в утверждениях и оценках[72]. Ища хоть какую-нибудь «зацепку» против Клерже, его недруги из Военного министерства подбрасывают Центральной следственной комиссии «компромат» об отправке Клерже за границу двух офицеров, которых Министерство иностранных дел вернуло из Китая назад за недостойное поведение. Но и попытка отыскать «большевистский след» в похождениях двух пьяниц окончилась полным конфузом[73]. Пристрастность следствия при этом очевидна. Казалось бы, почему не спросить об обстоятельствах назначения Г. И. Клерже в Персидскую дивизию у главного действующего лица этого назначения – бывшего начальника Генерального штаба генерала В. В. Марушевского. Он командовал в это время Русской армией на Архангельском фронте, связь с которым осуществлялась через США и Скандинавию. Или у генерала Г. Г. Гиссера, бывшего в ноябре 1917 г. 2-м обер-квартирмейстером ГУГШ, непосредственным начальником Клерже – он находился тогда в Швеции, связаться с которой было не труднее, чем с Персией. Но нет, запросы посылались Н. С. фон Эттеру в Тегеран, М. С. Щекину в Токио и т. п.

Попав в Омске сначала на должность помощника начальника Главного штаба Военного министерства, Г. И. Клерже из-за противодействия своего начальника и главного завистника – генерала В. И. Марковского – не смог реализовать на этом посту в полной мере задатки военного организатора, хотя работал много и плодотворно. Зато талант военного пропагандиста и журналиста Клерже полностью раскрылся на посту создателя и первого начальника Осведомительного отдела при штабе Верховного главнокомандующего (Осведверха). Истории этой организации посвящена целая монография[74] и около двух десятков статей (в том числе автора настоящих строк) и, по-видимому, нет необходимости подробно освещать данный вопрос. Стоит выделить лишь основные вехи развития Осведверха, связанные с именем Г. И. Клерже.

Находясь с января 1919 г. на посту помощника начальника Главного штаба Военного министерства, полковник Клерже создавал,

налаживал и курировал работу службы Генерального штаба в составе Главного штаба. Всю эту деятельность он согласовывал со штабом Ставки Верховного главнокомандующего и персонально со своим бывшем соратником по корниловской организации в Петрограде генерал-майором Д. А. Лебедевым, возглавлявшим штаб Верховного главнокомандующего. Документы подсказывают, что между двумя генштабистами, по-видимому, существовали личные хорошие отношения и Д. А. Лебедев сочувствовал Г. И. Клерже в его споре с руководителями Военного министерства – министром Н. А. Степановым и начальником Главного штаба В. И. Марковским. В большой степени тому способствовала существовавшая до мая 1919 г. ситуация перманентного – по законам бюрократии – противостояния Военного министерства и штаба Верховного главнокомандующего.

Приход в Главный штаб Г. И. Клерже, возможно, слегка продвинул вперед военно-пропагандистскую работу, которая до того времени в белой Сибири не велась. Фигура Клерже – единственного в министерстве, кто знал эту область военно-политической деятельности и понимал ее значение – явным образом просматривается за некоторыми организационными решениями.

В феврале 1919 г. в составе Главного штаба был создан отдел печати, в ведение которого передавалось издание выходившей с ноября 1918 г. общевойсковой газеты «Русская армия». Такая же активность (и даже чуть раньше) началась в штабе Верховного главнокомандующего: 20 января 1919 г. здесь организуется Осведомительная (или особая) канцелярия – Осканверх, в задачу которой входило издание литературы для армии и устная агитация в воинских частях[75]. Осканверх работал плохо и кустарно, но по его почину в штабах армий стали создаваться свои осведомительные канцелярии, некоторые из них (например, в 3-й армии) развернули достаточно энергичное издание листовок и брошюр, насаждали солдатские чайные и читальни, силами своих культурно-просветительных отделов ставили спектакли и концерты[76]. Осведомительные канцелярии при штабах армий действовали вразнобой и каждая – на средства своего штаба. Даже их печатная продукция сильно разнилась по идейному содержанию: от антисемитских и монархических изданий до брошюр в эсеровском духе. В составе этих канцелярий, в редакциях армейских газет оказалось немало оставшихся в армии ее бывших политических руководителей – правых эсеров. Видную роль в Осведомительной канцелярии штаба

3-й армии играл, например, журналист, поэт и врач Н. С. Охотин – известный в Симбирске эсер, выступавший под псевдонимом «Изгнанник». Осведомительную канцелярию (информационный отдел) штаба Сибирской армии и ее газету «Голос Сибирской армии» создавал не кто иной, как эсеровский политик штабс-капитан Н. С. Калашников – будущий организатор восстаний против А. В. Колчака и глава военного ведомства Политцентра.

К весне 1919 г. обстановка для создания единой крупной общевойсковой военно-пропагандистской организации окончательно созрела, готовилась также полная реорганизация военного управления. А. В. Колчак пришел к выводу о необходимости решительно покончить с бесконечной склокой между «старыми» генералами из Военного министерства и «молодыми» из своего штаба. Выбор делался в пользу Д. А. Лебедева и штаба Верховного главнокомандующего, который отныне должен был стать единственным (объединенным с Главным штабом Военного министерства) средоточием военной мысли. Предполагался принцип совмещения персональной власти: начальник штаба одновременно становился военным министром. В этот момент Г. И. Клерже представил Д. А. Лебедеву план создания центрального военного пропагандистского органа, впоследствии названного Осведверхом. Говоря об этом в воспоминаниях, Клерже даже не скрывает, что движущей пружиной его действий, кроме заботы о политическом просвещении и боевом духе армии, послужило желание уйти из подчинения В. И. Марковского и Н. А. Степанова, отношения с которыми окончательно испортились, и – что не менее важно – личные амбиции, желание реализовать свой творческий и организаторский потенциал. В сущности, это вполне нормальное стремление перспективного специалиста не иметь над собой начальников с посредственными способностями.

Днем рождения Осведверха можно считать 17 (4) мая 1919 г. В этот день на знаменитом военном совещании под руководством А. В. Колчака была проведена общая реорганизация военного управления в белой Сибири, генерал Д. А. Лебедев назначен начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего и военным министром, Степанов и Марковский отправлены в отставку. Была принята новая структура штаба, в состав которого входили, по примеру петроградского ГУГШ, два генерал-квартирмейстерства. Начальником 2-го генерал-квартирмейстерства, которое (как и в ГУГШ) соединяло в себе функции разведки, контрразведки

и информации, стал все тот же генерал-майор П. Ф. Рябиков, выбравшийся из большевистского Петрограда в Сибирь вместе с Военной академией. Придя на новую должность с профессорской кафедры академии, он способствовал созданию в составе Управления 2-го генерал-квартирмейстерства Осведомительного отдела по плану своего бывшего сотрудника, разведчика Клерже. В бумагах П. Ф. Рябикова сохранилась черновая запись решений (а возможно, выступлений участников или собственных тезисов) по данному вопросу. «17 мая 1919 г. Освед[омительный] отдел, – гласит запись. – Составить доклад и желат[ельно] схемы работы и нужн[ые] кредиты, чтобы сразу же поставить на ноги информацию возможно широко в России (в армии, населении) и за границей (какими органами пользоваться, своя информац[ионная] агентура…), пропаганду для разложения Красной армии и осведомл[ения] в части положения дел в Европ[ейской] России и убогости большевизма в областях, занятых большевиками <…> Обдумать работу»[77]. Уже через пять дней после принятия принципиальных решений о военной реформе Осведверх провел свою первую организационную акцию: 22 (9) мая 1919 г. в Екатеринбурге под руководством Г. И. Клерже и с участием представителей АО «Русское общество печатного дела» прошло совещание о «постановке информационно-просветительной работы в действующей армии»[78].

28 мая 1919 г. началось формирование Управления 2-го генерал-квартирмейстера. Штатное расписание Осведомительного отдела поначалу состояло из 196 единиц, не считая сотрудников по вольному найму[79], но для казны такие затраты оказались непосильными. В итоге приказ о формировании Управления, подписанный 2-м генерал-квартирмейстером П. Ф. Рябиковым 9 июля 1919 г., включал по Осведомительному отделу 63 штатных сотрудника и 29 вольнонаемных служащих. Но Осведверх все равно был самым крупным подразделением Управления 2-го генерал-квартирмейстера. Существовавшие рядом отделы состояли: разведывательный из 17, контрразведки и Военного контроля – из 22 сотрудников[80].

Объявленный в приказе от 9 июля 1919 г. штат сотрудников Осведверха чрезвычайно любопытен. Из приказа следует, во-первых, что Г. И. Клерже на правах начальника нового ведомства постарался устроить в него своих ближайших родственников. Найти службу в Омске в то время было трудно из-за наплыва безработных беженцев из среды квалифицированной интеллигенции. И Клерже зачисляет в свой штат на должность штаб-офицера для

поручений при начальнике отдела (говоря современным языком – секретаря) своего зятя подполковника И. И. Матикошвили (Матикова). В качестве помощника делопроизводителя в штат вошла, по-видимому, приемная дочь Клерже Т. Ч. Вильямс (жена И. И. Матикошвили) – в приказе она названа «неимеющим чина Вильямсом»[81].

Во-вторых, и без родственников Клерже в Осведверхе хватало интересных людей. Среди лиц, зачисленных на службу, значатся Е. И. Шамурин – в будущем известный советский библиографовед, а тогда прапорщик белой армии; его жена в должности вольнонаемной машинистки; художник Н. Н. Яковлев – мастер белогвардейского сатирического плаката. Но наиболее ценным приобретением для Осведверха был, конечно, ученый, журналист и писатель А. М. Оссендовский, совмещавший в то время профессорскую должность в двух омских вузах с государственной службой в Министерстве финансов. А. М. Оссендовский, заведовавший в Осведверхе подотделом печати, был главным помощником Клерже во всех творческих, организационных, но главное – финансовых делах. Чрезвычайно плодовитый автор, он сам писал десятки очерков, статей, рассказов («Сожгли нас» и др.), которые направлялись затем Осведверхом в редакции фронтовых газет, бедных литературными силами, для опубликования[82]. Клерже восхищался Оссендовским и как талантливым литературным рассказчиком, и как опытным министерским «аппаратчиком», хорошо знавшим коридоры власти. Он не скрывает этого в своих воспоминаниях.

Осведверх разместился в самом центре Омска, в здании всем известного магазина и мастерской потомственной почетной гражданки М. А. Шаниной. На нижнем этаже «дома Шаниной» располагались склады литературы Осведверха, его газетной и книжной экспедиций.

Начав с оповещения всех заинтересованных лиц и учреждений о задачах Осведверха[83], Г. И. Клерже добился затем крупного авансового финансирования своего ведомства, а 5 июля 1919 г. разослал во все губернии Сибири и Дальнего Востока циркуляры от имени верховной власти, согласно которым «в изъятие всех правил почтового ведомства» литература Осведверха рассылалась в адреса управляющих губерниями, областями и уездами бесплатно[84]. В циркулярных телеграммах Клерже предлагал колчаковским администраторам самым энергичным образом распространять присылавшиеся им брошюры, газеты и листовки по своим губерниям и областям, «не исключая самых глухих углов, для ши-

рокого оповещения населения»[85]. Глава Осведверха через объявления в газетах и телеграммы всем гражданским управленцам, начальникам военных частей и гарнизонов, просил незамедлительно присылать в его отдел сведения обо всех примечательных событиях военной и общественной жизни[86].

Содержание работы Осведверха, включая устную агитацию и подготовку агитаторов, а также работу театральных и концертных коллективов, всесторонне рассматривается в книге Е. В. Лукова и Д. Н. Шевелева, а также у самого Г. И. Клерже. Но несколько впечатляющих цифр все же следует привести. За период с 28 мая по 10 сентября 1919 г. типографии Осведверха отпечатали до 6 млн экз. разных изданий. За это же время со складов Осведверха разошлось до 2 млн 300 тыс. экз. одних только книг и журналов. В частях, находившихся на фронте, одна газета приходилась на пять солдат. Осведверх оборудовал шесть специальных вагонов для доставки литературы на фронт и четыре вагона-библиотеки[87]. Осведверх интересовала библиотечная деятельность, в частности, вопрос о сборе книг для армии. Под лозунгом «Книга – солдату» весной и летом 1919 г. во всех губернских центрах Сибири прошли так называемые «Дни книги». В Омском военном округе Осведверх собирал сведения об имевшихся у владельцев личных библиотек произведениях классиков литературы и «общедоступных» книгах[88].

В организационном отношении одной из главных задач Осведверха было создание единой централизованной структуры управления военными издательскими ячейками. Г. И. Клерже в течение двух летних месяцев 1919 г. добился слияния разномастных фронтовых отделов в единую сеть, руководимую Осведверхом. Вместо прежних осведомительных канцелярий и информационных отделов при штабах армий возникли осведомительные отделы (осведармы), в штабе Степной группы армий была сформирована Осведстепь, а в штабе Сибирского казачьего войска – Осведказак. Самым крупным из этих филиалов Осведверха был Осведарм-3 (Осведомительный отдел при штабе 3-й армии), он имел четыре отделения в разных пунктах фронта – Орске, Актюбинске, Илецкой Защите и станице Кизильской[89]. Именно сюда, в Осведарм-3 на должность его начальника летом 1919 г. перешел из Осведверха зять Клерже подполковник И. И. Матикошвили (Матиков). Структурно каждый «осведарм» состоял из литературно-издательского, агитационного и культурно-просветительного отделений[90]. 9 августа 1919 г. Г. И. Клерже доложил правительственному Совещанию по делам печати об итогах объединения работ по агитации и пропаганде на фронте, а 11 августа участвовал

в совещании об объединении устной агитации Осведверха и Русского общества печатного дела на фронте и в тылу[91]. Вклад полковника Генштаба Г. И. Клерже в консолидацию белого движения выглядит, пожалуй, повесомее, а эффективность его работы – много больше и серьезнее по результатам, чем у большинства его критиков из «первого эшелона» генералитета.

Успехи Осведверха не были бы столь значительными, если бы его не поддерживал и не прикрывал от нападок непосредственный начальник Клерже – 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего П. Ф. Рябиков. Старый генерал царской разведки не хуже своего подчиненного понимал значение и цели информационного воздействия на массы солдат и населения, на войска противника. Основные вопросы работы Осведверха решались обычно в устной форме на совещании у П. Ф. Рябикова без лишней канцелярской волокиты. Когда не хватало правительственных денег, Рябиков выдавал Осведверху и Осведказаку средства из секретного фонда «на агитацию и секретные дела»[92]. 22 августа 1919 г. генерал-квартирмейстер разослал по тыловым военным округам послание, в котором обращал внимание начальников штабов, что телеграммы из Осведверха идут постоянно и требовал их «отпечатывать отдельными выпусками крупным шрифтом, везде расклеивать, разносить по эшелонам, частям войск, деревням и проч.»[93].

Но была в деятельности Осведверха одна сторона, вызывавшая бешеную злобу и яростную критику у большинства колчаковского генералитета, воспитанного в духе монархизма. Г. И. Клерже, сам не чуждый тоски по монархии (о чем говорят многие страницы его книги), был все же реалистом. Он признавал необратимость истории и видел корни революции, понимал объективный характер «русского бунта» и как интеллектуал не мог не сочувствовать освободительным идеям.

Клерже не стал удалять из осведомительного аппарата белой армии пропагандистов – эсеров и других «социалистов» и «демократов» – засевших там со времен Комуча. Был ли это недосмотр или намеренная линия – сейчас определить невозможно. Скорее всего, начальник Осведверха терпел в своем ведомстве тех, кого колчаковцы называли «врагами государства», по простой прагматической причине: он знал, что любители трона и нагайки не дадут ему литературной продукции того уровня, которого можно ожидать от вольномыслящих профессионалов пера. На службе в Осведверхе

остался тот же доктор Н. С. Охотин, сюда же пришел после своего изгнания с поста начальника правительственного Отдела печати эсер А. И. Манкевич. В итоге получилось так, что вокруг Русского общества печатного дела (РОПД) группировались в основном кадеты, в среде же работников Осведверха нередкими были их соперники в вопросах власти – правые эсеры. Даже спустя десятилетия журналист и редактор газет РОПД (а позднее известный советский писатель) Вс. Н. Иванов не мог спокойно вспоминать, как во время эвакуации из Омска два «эсера» – Н. С. Охотин и А. И. Манкевич – бестактно, нелюбезно и просто грубо обходились с ним и писателем С. А. Ауслендером в поезде Осведарма-3, пытаясь высадить «государственников» из эшелона, лишить их мест в чистом вагоне и т. д.[94]

Возможно, Г. И. Клерже пытался привлечь в свои сотрудники и других талантливых литераторов, имевших репутацию свободных интеллигентов. В Омске наиболее известным писателем считался Антон Сорокин, отметившийся в революционных событиях 1917–1918 гг. на стороне левых сил. По воспоминаниям его ученика и друга, писателя Н. И. Анова (Иванова), «гостеприимный дом Антона Семёновича был застрахован от внезапных обысков непонятным покровительством японского дипломата генерала Танаки и либерально настроенного полковника, работавшего в Осведверхе»[95]. Поскольку при Г. И. Клерже других полковников, кроме него, в Осведверхе не работало, можно с полным основанием говорить, что речь ведется именно о нем. Уверенности добавляет то обстоятельство, что сам Клерже в воспоминаниях уделяет определенное место похвалам в адрес генерала Танаки и дает понять, что в Омске он был с ним в дружеских отношениях[96].

В ту пору «либеральный полковник» еще не знал, какую цену ему придется заплатить за свой «либерализм». Ведущие генералы из окружения Колчака – М. К. Дитерихс, А. П. Будберг и др. – относились к нему нескрываемо враждебно. Достаточно перечитать знаменитый «Дневник белогвардейца» А. П. Будберга – сколько в нем презрительных, неодобрительных высказываний в адрес «полковника Клерже». А ведь А. П. Будберг был одним из четырех сменявших друг друга военных министров, под контролем которых с мая по август 1919 г. Центральная следственная комиссия Г. Е. Катанаева вела «дело» опального полковника. В августе 1919 г. это «дело», наконец, получило свое принципиальное разрешение. 26 августа Центральная следственная комиссия получила сообщение

военного министра М. К. Дитерихса о том, что Верховный правитель А. В. Колчак «помиловал» Клерже, осужденного Омским военно-окружным судом в июле 1919 г. за неподчинение своему начальнику В. И. Марковскому. «Дело», разбиравшееся Центральной следственной комиссией, было приказано прекратить[97].

Но «прощение» Клерже сопровождалось его увольнением с поста начальника Осведверха. Еще в середине августа 1919 г. был решен вопрос о переводе полковника Генштаба на скромную должность начальника военно-административного управления Степной группы армий в Кокчетаве. Г. И. Клерже «ссылался» туда по инициативе нового начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра М. К. Дитерихса вслед за теперь уже бывшим начальником штаба и министром Д. А. Лебедевым, отправленным на командование Степной группой. Клерже и Лебедев снова оказались в одной связке – первый работал в штабе второго. 28 августа 1919 г. Г. И. Клерже отбыл из Омска в Кокчетав.

Омская эпопея белого движения шла к закату. Калейдоскоп событий вновь привел Г. И. Клерже на несколько дней в столицу белой Сибири. Полковник приехал в Омск 8 ноября 1919 г., за неделю до взятия города красными. Его вызвал новый (следующий) начальник штаба, а в одном лице – военный министр и главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант К. В. Сахаров, предложивший Клерже вновь занять пост начальника Осведверха. Эвакуация эшелона Осведверха в день занятия Красной армией Омска 14 ноября 1919 г., временное расставание Г. И. Клерже с А. М. Оссендовским, гибель Осведверха под Новониколаевском, тяжелейший санный и пеший путь на восток вдоль полотна железной дороги – обо всем этом читатель узнает из текста воспоминаний. Участь Клерже, решившего во что бы то ни стало пробраться в Забайкалье к атаману Г. М. Семёнову, разделил тогда лишь один сотрудник Осведверха – полковник Л. Н. Канабеев. Вместе они попадали в плен, вырывались, снова шли и снова оказывались в большевистских ловушках. Канабеев чудом избежал тогда заразной болезни, поразившей Клерже (натуральной оспы) и заставившей двух друзей сильно замедлить продвижение к заветной Чите, где обоих ждали заранее эвакуированные семьи. Из текста мемуаров можно видеть, как Клерже был благодарен своему спутнику, терпеливо ухаживавшему за ним – больным, покрытым коростой и почти лишившимся возможности передвигаться[98]. «За кадром»

воспоминаний остался лишь один трагический эпизод, о котором Г. И. Клерже в то время еще не мог знать: во время взятия красными Новониколаевска в ночь с 13 на 14 декабря 1919 г. погиб зять Клерже подполковник И. И. Матикошвили, начальник Осведарма-3. Он защищал в бою эшелон своего Осведарма, стоявший на станции (тот самый, с которым ехали Н. С. Охотин и А. И. Манкевич)[99].

* * *

Воспоминания Г. И. Клерже заканчиваются на том месте, когда поезд с чехословацкими легионерами увозит их автора из Иркутска в «Семёновское» Забайкалье. Но в конце книги, выпущенной в 1932 г. в Мукдене, значится: «Конец первой части». Продолжение мемуаров, стало быть, предполагалось, а может быть и готовилось. Однако никаких следов второй части воспоминаний ни в российских архивах, ни в зарубежных архивохранилищах и библиотеках русской эмиграции (по крайней мере, в путеводителях по их фондам) выявить не удалось.

Повествование закончилось, но история продолжалась. И весь дальнейший текст статьи будет посвящен этим, не описанным в воспоминаниях, страницам жизни и службы нашего мемуариста.

Несколько месяцев пребывания Георгия Иосифовича в Чите содержат в себе больше вопросов, чем ответов. Впервые его имя появляется 23 марта 1920 г. в приказе главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины атамана Г. М. Семёнова. Приказ звучит буквально так: «Назначается начальник Осведомительного отдела штаба Восточного фронта, Генерального штаба полковник Клерже – в мое распоряжение, с прикомандированием к моей личной канцелярии и сохранением содержания по прежде занимаемой должности»[100]. Это означало, по-видимому, назначение Г. И. Клерже на знакомую ему военно-пропагандистскую работу, так как в эти весенние месяцы 1920 г. в составе личной канцелярии Г. М. Семёнова работал свой Осведомительный отдел, начальником которого Г. М. Семёнов поставил товарища и спутника Клерже по бегству от большевиков Л. Н. Канабеева[101]. Сам Клерже, скорее всего, еще не оправился от болезни и не мог по этой причине возглавить отдел. Но Осведотдел в составе канцелярии существовал только до конца апреля 1920 г. – в результате очередной реорганизации управления Семёновскими войсками его упразднили.

Из двух «каппелевских» корпусов (то есть пробившихся в Забайкалье частей сибирских белых армий) и одного «семёновского» корпуса (местных забайкальских формирований) была создана Дальневосточная армия. При штабе ее, как и положено, должен был формироваться Осведомительный отдел, но попасть в него Г. И. Клерже не имел никаких шансов. Начальником штаба Дальневосточной армии Г. М. Семёнов назначил 30 апреля 1920 г. генерал-майора К. К. Акинтиевского – личного недоброжелателя Г. И. Клерже еще со времен омской эпопеи[102]. Оставшегося без службы Клерже главнокомандующий Г. М. Семёнов приказом от 8 мая 1920 г. назначил генералом для поручений при себе[103]. Генеральская должность вскоре была подкреплена соответствующим воинским чином – в том же мае Г. И. Клерже получил из рук Г. М. Семёнова звание генерал-майора Генерального штаба.

21 мая 1920 г. Г. М. Семёнов создал специальную общевойсковую комиссию по изучению офицерского вопроса и назначил ее председателем генерал-майора Клерже. В приказе подчеркивалось, что комиссия создается «для изучения и изыскания способа к разрешению весьма наболевшего в настоящее время офицерского вопроса»[104]. В комиссии предполагалось пропорциональное представительство от всех войсковых частей, делегаты из армии должны были приехать в Читу для участия в работах комиссии, которые предписывалось начать не позднее 1 июня 1920 г. в офицерском гарнизонном собрании.

«Офицерский вопрос» действительно превратился в Чите в неразрешимую головоломку. После прихода каппелевских частей в столице белого Забайкалья скопились тысячи офицеров, они продолжали прибывать ежедневно – группами и поодиночке. Росла нехватка жилых помещений, резко повысились цены на квартиры, гостиничные номера и т. п. 29 мая 1920 г. командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий приказал, «ввиду появления в г. Чите переодетых в офицерскую форму большевистских агентов и переполнения г. Читы находящимися без дела воинскими чинами», провести поголовную перепись офицеров, военных чиновников, военных врачей и военного духовенства[105]. Поведение вновь прибывающих в Забайкалье офицеров отнюдь не отличалось безупречностью: пьянство, дебоши, картежная игра сопровождали каждый шаг многих из них. Вот хроника только одного месяца. 5 мая 1920 г. «ввиду произошедшего… инцидента

на благотворительном вечере в пользу уфимцев» (военнослужащих Уфимского корпуса. – А. П.) Г. М. Семёнов приказал прекратить в Чите всякие благотворительные вечера[106]. 13 мая появляется приказ Семёнова об азартных играх, которые «и в клубах и в частных домах производятся совершенно открыто». За организацию картежной игры атаман грозил тюремным заключением до года или штрафом до 100 тыс. руб.[107] 26 мая Семёнов обнародовал приказ, в котором указывал на тенденцию «все увеличивающегося пьянства среди военнослужащих». «Несмотря на принимаемые в отношении таких лиц репрессивные меры, – писал атаман, – пьянство военнослужащих не прекращается… В настоящее время особенно усилились случаи совершения военнослужащими в опьяненном состоянии различного рода преступлений и проступков». Главнокомандующий приказывал предавать офицеров и солдат за пьяные преступления военно-полевому суду «с увеличением, в зависимости от обстоятельств, …наказания до смертной казни включительно»[108].

При таком состоянии дел комиссии Г. И. Клерже было чем заняться. Но… никаких следов заседаний комиссии, а также доклада, который ее председатель должен был представить на рассмотрение Военного совещания (временным председателем которого был назначен генерал-лейтенант М. К. Дитерихс)[109] – в архивах найти не удалось.

Кроме военной службы, Г. И. Клерже участвует в эти месяцы и в гражданском управлении белым Забайкальем. Еще 16 января 1920 г. Г. М. Семёнов создал Совет управляющих ведомствами правительства Российской восточной окраины под председательством управляющего Забайкальской областью С. А. Таскина. Летом 1920 г. Г. И. Клерже вошел в состав этого правительства, став управляющим ведомством народного просвещения[110]. Увы, время не донесло до нас ни одного документа этого учреждения – ни в читинском, ни в московских архивах таких бумаг не сохранилось. В некоторых позднейших сообщениях указывается, что Г. И. Клерже продолжал военную службу в Забайкалье в штабе 2-го корпуса Дальневосточной армии (у генерала Г. А. Вержбицкого) – но именно документы этого корпуса опять-таки в архивах отсутствуют.

По причине полного вакуума достоверной информации нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить то обвинение, которое позднее, в эмиграции, возводили на Г. И. Клерже его враги: Клерже якобы пытался незаконно получить из Семёновской казны, по одним сведениям, 2 млн золотых рублей, по другим – 1 млн йен[111]. Отметим

лишь одно обстоятельство: в сумбурной жизни «семёновского царства», среди противоречий, обманов и политических хитросплетений можно было без труда выдать вполне законные действия по получению средств (для той же комиссии по офицерскому вопросу, например) за грабеж казны или другое должностное преступление. Персонажи этой истории – «авантюристка шпионка Нитуш», невинно пострадавший полковник барон Л. Л. Жирар де Сукантон (на которого Клерже якобы взвалил вину) – словно сошли со страниц дешевой дореволюционной брошюры о похождениях сыщиков Ната Пинкертона или Ника Картера. Да и почему полковник Жирар в эмиграции почти 15 лет молчал, и лишь затем решил реабилитироваться и «разоблачить» Клерже? Вопросы не имеют ответов.

Но самым главным фактом, доказывающим несостоятельность всех этих обвинений, является неожиданный взлет служебной карьеры Г. И. Клерже у атамана Г. М. Семёнова. Не настолько был доверчив или добродушен главнокомандующий вооруженными силами Российской восточной окраины, чтобы первым своим помощником – начальником штаба вооруженных сил – поставить человека, который его обманул. А именно это случилось с генералом Клерже – после эвакуации семеновской армии в ноябре 1920 г. из Забайкалья Георгий Иосифович стал наиболее приближенным к Семёнову военным, а затем получил пост начальника штаба главнокомандующего. Произошло это в самый трудный для атамана период жизни.

* * *

Личные письма часто говорят об эпохе и людях много больше, чем официальные документы.

Обратите внимание, дорогой читатель, на текст записки, переданной 21 мая 1921 г. от атамана Г. М. Семёнова Г. И. Клерже[112]. Клочок бумаги, на котором тонким витиеватым почерком атамана начертаны несколько фраз, посвящен пустяковому штабному недоразумению, за которым, впрочем, Семёнов предположил определенные интересы соперников Клерже (что значит: «Нашелся новый провокатор против Вас»? Выходит, Семёнов знал и о предшествующих попытках скомпрометировать начальника своего штаба?).

Но дело даже не в содержании записки, а в ее тоне. Семёнов обращается к Клерже доверительно, как к другу и помощнику.

Никакого приказа, официоза, субординации. Чуть ли не домашний обмен мнениями. При этом оба участника переписки, разумеется, ни на минуту не забывали о дистанции, пролегающей между ними.

Г. М. Семёнов в эти месяцы, действительно, как никогда нуждался в грамотных помощниках и советниках. В конце ноября 1920 г. его армия под натиском красных войск Дальневосточной республики покинула пределы России и ушла за кордон. Из Маньчжурии Дальневосточная армия была переброшена по КВЖД в Приморье, где два «каппелевских» корпуса стали лагерями и гарнизонами в районе Владивостока, а «семёновский» корпус расквартировался на станции Гродеково и в прилегающей местности. В казачий поселок Гродеково была переведена ставка главнокомандующего Г. М. Семёнова, здесь же расположилось войсковое правление Уссурийского казачьего войска. Сам Г. М. Семёнов не поехал в Приморье, власть в котором принадлежала «розовому» земско-социалистическому правительству (в январе 1921 г. Приморская область формально вошла в состав Дальневосточной республики).

Г. М. Семёнов обосновал свою временную резиденцию в русском городе-крепости Порт-Артуре, часть прибывших с ним генералов и офицеров проживала в соседнем Дайрене. Но то был в основном генералитет «семёновского» производства, непригодный к серьезной штабной работе. Бывший начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий после поражения армии в октябре 1920 г. покинул Г. М. Семёнова и уехал во Францию. Каппелевские генералы Генштаба (С. Н. Войцеховский, Г. А. Вержбицкий, Ф. А. Пучков) находились со своими войсками в Приморье, их отношения с Семёновым были весьма натянутыми. Пост начальника штаба семёновских вооруженных сил некоторое время оставался вакантным

Г. И. Клерже пришел на этот пост в марте или апреле 1921 г. В справочной литературе указывается дата 3 июля 1921 г.[113], но это очевидная ошибка. Уже в мае–июне 1921 г. харбинская пресса да и сам Г. М. Семёнов в публичных выступлениях называли Г. И. Клерже начальником штаба главнокомандующего[114]. Впрочем, некоторые косвенные свидетельства говорят о том, что генерал Клерже стал выполнять функцию главного помощника атамана Семёнова по стратегическим вопросам намного раньше своего назначения. Не исключено, что его фигура стоит за документом «Что должен атаман Семёнов сделать?», появившимся

в Харбине 20 января 1921 г. (суть этого документа состоит в обосновании необходимости предоставить атаману «полноту власти и прав» в полосе отчуждения КВЖД)[115].

Из документов штаба, датированных апрелем 1921 г., следует, что Г. И. Клерже активно занимался собиранием под крыло атамана различных офицерских отрядов, тайно существовавших на КВЖД и имевших целью продолжение вооруженной борьбы с советской властью. Клерже, как это видно из его резолюций на прошениях полковника Власова и одного из организаторов Ижевского восстания в 1918 г. штабс-капитана А. Шабалина, поддерживал их отряды и распределял между ними деньги[116].

Оказавшись в Порт-Артуре, Г. М. Семёнов не сложил оружия. Всю весну 1921 г. он и его начальник штаба Г. И. Клерже продумывали план весенне-летней кампании против большевиков на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Документы показывают, что главным творцом этого плана военного выступления сил контрреволюции был именно Клерже. Г. М. Семёнов даже называет дату появления такой бумаги. По его словам, им «совместно с начальником штаба 5 апреля 1921 г. был составлен общий план весенней кампании борьбы с коммунистами» и даны директивы всем подчиненным ему, Семёнову, военным группам и признавшим его государственное лидерство общественно-политическим организациям[117]. В другой своей речи Семёнов выразился еще определеннее: план был составлен его помощником генералом Клерже[118].

Выработка общей программы вооруженного выступления требовала скоординированных действий. В Порт-Артуре шла череда совещаний, атаман принимал различные делегации – общественные, партийно-политические, деловые, кооперативные, национальные, казачьи, беженские. Самую активную роль в этом сплочении контрбольшевистской общественности вокруг Семёнова играл начштаба Клерже. С его помощью было составлено и 22 мая 1921 г. принято так называемое Порт-Артурское соглашение, в котором делегаты от организаций – участники переговоров – признавали Г. М. Семёнова «верховной властью», то есть преемником Верховного правителя А. В. Колчака на территориях, которые предполагалось освободить от большевиков в ходе военных выступлений 1921 г.[119] Семёнов щедро выдавал и обещал деньги на будущие вооруженные восстания, поэтому в Порт-Артур стекались не только руководители военных формирований, но и политики, поставившие на антисоветскую карту. Заговор с целью сбросить полубольшевистское «розовое»

социалистическое правительство Приморья давно уже зрел во Владивостоке, и одними из главных клиентов семёновской казны оказались в те дни будущие переворотчики братья С. Д. и Н. Д. Меркуловы. За деньгами для переворота несколько раз приезжал Н. Д. Меркулов, с этой же целью у Семёнова побывал городской голова Владивостока И. И. Еремеев[120]. Г. М. Семёнов обеспечил финансовой поддержкой 2-й съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, организованный в мае 1921 г. во Владивостоке – семёновский посланец присяжный поверенный В. Ф. Иванов (будущий премьер-министр в правительстве Меркуловых) использовал привезенные им деньги для угощения делегатов съезда и других общественных деятелей, согласных поддержать переворот[121]. Деньги от Семёнова были переданы членам Совета несоциалистических организаций, избранного на съезде.

Антибольшевистские действия, запроектированные Г. М. Семёновым и Г. И. Клерже, действительно начались почти одновременно. 21 мая 1921 г., выступая в поход на красное Забайкалье, начальник Азиатской конной дивизии барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг издал в Урге приказ № 15 «Русским отрядам на территории советской Сибири», в котором мы опять находим ссылку на некий порт-артурский план. «В начале июня – уверенно заявляет барон, – в Уссурийском крае выступит атаман Семёнов… Я подчиняюсь атаману Семёнову… Сомнений нет в успехе, так как он основан на строго обдуманном и широком политическом плане»[122].

26 мая 1921 г. во Владивостоке свершился «меркуловский» переворот. У власти стало Временное Приамурское правительство, председателем которого был провозглашен С. Д. Меркулов, ключевой пост военного министра занял Н. Д. Меркулов. Немедленно по получении известий о перевороте Г. М. Семёнов стал собираться во Владивосток. Важнейшую роль в предстоящей поездке играл Г. И. Клерже, который фактически взял на себя организацию переговоров Семёнова с Меркуловыми.

Накануне отъезда Семёнова и Клерже у последнего побывал его бывший начальник, генерал-майор Генерального штаба П. Ф. Рябиков. Старый разведчик оставил чрезвычайно интересные воспоминания об этой встрече в Порт-Артуре, перемежая свой рассказ характеристиками личности и деятельности Г. И. Клерже. Воспоминания Рябикова имеют несколько редакций, попробуем выбрать из разных текстов своего рода коллаж наиболее точных и образных строк.

«Генерал Клерже, – пишет П. Ф. Рябиков, – человек очень развитой, культурный, проявивший себя и талантливым военным корреспондентом «Нового времени» во время Великой войны – натура очень энергичная, боевая, склонная в оценке событий к оптимизму. В его лице чувствовалось всегда большое самолюбие, стремление к карьере и, если так можно выразиться, повышенный “авантюризм”»[123].

Так вот, генерал Клерже, собиравшийся в дорогу, «бодро и оптимистично настроенный, посвятил меня, – сообщает Рябиков, – в планы предстоящей поездки атамана со штабом во Владивосток, принятия там общего возглавления и командования и, по устройству, открытия активной борьбы против большевиков». Клерже показывал Рябикову схемы и карты расположения белых отрядов в Сибири, но это не слишком убедило старого генштабиста. «Чувствовалось, – писал генерал, – быть может, и излишнее самомнение, показавшее потом, что в его характере не оказалось достаточно гибкости и такта для того, чтобы справиться с весьма сложной и запутанной внутриполитической обстановкой, в которой надо было сгладить очень много углов, посчитаться с разнообразными “группировками” и личными стремлениями и самолюбиями и пр.

Нельзя было забывать, что хотя атаман Семёнов и имел титул главнокомандующего всеми вооруженными силами Восточной окраины, широкой общей популярности и авторитета он не имел, а некоторые группы относились к нему враждебно».

При всем том, по словам П. Ф. Рябикова, «роль генерала Клерже в этом смысле была громадна, и выполнение его задачи облегчалось тем, что он, не будучи лично ни “каппелевцем”, ни “семёновцем”, ни казаком, мог явиться тем, я сказал бы, нейтральным [человеком], который смог бы стать сплотителем разнообразных группировок во благо общего дела, общей идеи.

Как покажут дальнейшие события, а именно переговоры атамана Семёнова с меркуловским правительством по прибытии атамана со штабом на “Киоко-мару” во Владивосток, – указанной своей большой и ответственной роли генерал Клерже выполнить не сумел»[124]. По мнению П. Ф. Рябикова, в ходе переговоров с владивостокской властью, которые Семёнов вел через посредничество своего начальника штаба, «генерал Клерже скорее навредил, чем помог атаману»[125].

Иллюзии, похоже, переполняли не только Г. И. Клерже, но и самого Г. М. Семёнова. Уезжая из Порт-Артура, Семёнов кон-

фиденциально заявил командованию японской Квантунской армии, что у него есть твердое намерение «ни под каким видом в Порт-Артур больше не возвращаться»[126]. Действительность быстро откорректировала радужные прогнозы.

Атаман Г. М. Семёнов и его штаб в количестве семи человек во главе с Г. И. Клерже выехали из Порт-Артура 29 мая 1921 г. на японском торговом судне «Киоко-мару», которое Семёнов зафрахтовал для этой цели. Третьего (а по другим источникам – второго) июня корабль бросил якорь на рейде Владивостока[127].

По пути к русским берегам Г. И. Клерже превратился из генерал-майора в генерал-лейтенанта Генерального штаба. Г. М. Семёнов решил, в целях большей солидности своей делегации на будущих переговорах, повысить статус начальника штаба главнокомандующего. П. Ф. Рябиков приводит две версии этого события: по одной из них, Г. М. Семёнов подписал приказ о присвоении Г. И. Клерже звания генерал-лейтенанта Генштаба на борту «Киоко-мару», когда судно стояло у берегов Владивостока; по другой версии, назначение состоялось еще по дороге из Китая в Россию[128].

Садясь на корабль, Семёнов и Клерже еще не знали, что за сутки до их отъезда, 28 мая 1921 г. председатель Временного Приамурского правительства С. Д. Меркулов дал интервью журналистам, в котором однозначно и категорически объявил себя противником атамана. «При данных условиях края, – сказал он, – настроение населения безусловно против преемства власти в крае атаманом Семёновым. Может быть, между нами и найдутся сторонники власти атамана, но мы чутко прислушиваемся к мнению масс, а они, несомненно, против власти атамана Семёнова»[129].

Меркуловцы, дорвавшись до власти, не собирались отдавать ее Семёнову. Кандидатуру забайкальского атамана в качестве верховного руководителя «национальной России» считали неприемлемой и каппелевские офицеры, составившие ударную силу переворота, который привел к власти Меркуловых. Все каппелевские генералы – Г. А. Вержбицкий, В. М. Молчанов, Ф. А. Пучков, И. С. Смолин – заявили себя противниками Г. М. Семёнова и сторонниками Меркуловых, в лице которых каппелевцы видели национально-демократический противовес «атаманщине». Замыслы Семёнова и Клерже выступить всеми войсками, скопившимися в Приморье, против Народно-Революционной армии ДВР были раскритикованы каппелевскими командирами. Ф. А. Пучков в письме полковнику Генерального штаба Л. Л. Ловцевичу, говоря о намерении начать поход

«на Иман и Хабаровск, а может быть и далее», характеризовал его как «детски нелепый план, о котором серьезно говорить не приходится»[130]. Во Владивостоке на два дня были арестованы заранее (еще до переворота) направленные атаманом Семёновым в Приморье как члены будущего «всероссийского» правительства: председатель Совета управляющих ведомствами Российской восточной окраины С. А. Таскин, кооператоры Шишканов, Берсенев, руководитель Крестьянского союза Улитин и др.[131] Меркуловские газеты переполняла критика в адрес Семёнова и его военных. Газета «Слово» писала в эти дни: «Отсутствие у атамана Семёнова государственного ума привело к тому, что атаман Семёнов, имея чрезвычайно богатые возможности, ныне сидит на разбитом корыте в бухте Золотой Рог и не может высадиться на берег»[132].

В такой обстановке разворачивались переговоры между С. Д. Меркуловым как главой приморской власти и атаманом Г. М. Семёновым как претендентом на власть на всем будущем антибольшевистском Дальнем Востоке. Сразу по прибытии Г. М. Семёнова в порт Владивостока С. Д. Меркулов посетил его на корабле «Киоко-мару». Беседа продолжалась шесть часов, но содержание ее неизвестно. Зато сохранился протокол другой, уже официальной встречи «семёновской» и «меркуловской» делегаций 8 июня 1921 г. О накале страстей и позиции каждой из сторон, в том числе Г. И. Клерже, читатель может судить, ознакомившись с этим замечательным документом[133]. Подчеркнем, что Г. И. Клерже был уверен в успехе военного похода на Хабаровск против красных войск ДВР и настаивал на организации похода. Меркуловцы тогда, в июне 1921 г., категорически отклонили это предложение, рассчитывая взять власть в Хабаровске и других городах путем переворотов по образцу приморского. План Клерже они посчитали авантюрой. Но… не прошло и полгода, как в такой поход на запад, только с каппелевской армией, ушел один из главных противников Семёнова и Клерже – каппелевский генерал В. М. Молчанов. В декабре 1921 г. генерал Молчанов взял Хабаровск и даже полтора месяца его удерживал. Закономерен вопрос: быть может, в решимости Г. И. Клерже имелся некоторый военно-политический расчет, а не только голый авантюризм?

Уверенность Семёнова и Клерже питало одно обстоятельство: ровно в этот день 8 июня 1921 г. японское военное командование в Приморье заключило с Семёновскими войсками, находившимися в станице Гродеково, договор, на основании которого японцы

в обмен на поход семеновской армии против «красного» Хабаровска предоставляли гродековской группировке оружие и боеприпасы и снимали арест с 10 млн золотых рублей, хранившихся на счетах Семёнова в японских банках[134]. Быть может, это имел в виду Г. М. Семёнов, когда на вопрос С. Д. Меркулова, прозвучавший на переговорах, о средствах для ведения войны с «красными», уклончиво ответил, что деньги у него есть.

Японцы брали на себя не только финансовую, но и политическую поддержку Семёнова. Начальник политического отдела Генерального штаба японских войск Мацусима дал тогда же информацию на русский Дальний Восток о том, что «японское правительство политическим путем будет принимать все меры к восстановлению атамана Семёнова в правах главнокомандующего Дальневосточной армией, а также чтобы все вооруженные силы были в распоряжении атамана Семёнова»[135].

Все 24 дня пребывания на рейде Владивостока Г. М. Семёнов не сходил на берег. Через некоторое время он перешел с японского судна на борт русского военного корабля «Патрокл», вошедшего в бухту. Атаман принимал на его борту многочисленные делегации от приморской общественности, произносил речи[136]. Менее публичной, но от этого не менее значимой была в эти дни деятельность его помощника и начальника штаба Г. И. Клерже. Уже через два дня после громогласного «выяснения отношений» с Меркуловым, 10 июня 1921 г. Клерже написал письмо начальнику военных сообщений Японских экспедиционных войск в Сибири генерал-майору Сибо с просьбой выделить в распоряжение штаба атамана несколько пассажирских вагонов[137]. Предполагались, несомненно, служебные поездки Клерже по Приморью во исполнение заданий атамана. Вагоны с локомотивом, по-видимому, были выделены: по документам можно проследить, что Клерже в дальнейшем оказывался то в Гродеково на казачьей конференции, то у генералов Вержбицкого и Пучкова, чьи войска и штабы были разбросаны по Уссурийской железной дороге[138]. Но самую значительную работу по организации общественной поддержки атамана Г. М. Семёнова Георгий Иосифович проделал в самом Владивостоке.

Г. И. Клерже обратился к хорошо известной ему и любимой военно-пропагандистской деятельности. 5 июня 1921 г. во владивостокской коммерческой типографии вышла его листовка «От штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и походного атамана всех казачьих войск»[139].

В листовке разъяснялись цели приезда во Владивосток атамана Семёнова – так, как их трактовал сам атаман (не вмешиваться в политическую жизнь Приморья, а «узнать о положении дела на месте с целью выяснения оснований и условий для начала общей согласованной борьбы с большевиками»). По-видимому, эта листовка не была единственной, в прессе говорилось и о появлении в городе других «летучек», заканчивавшихся словами: «Бог в помощь атаману Семёнову!»[140].

Где-то, вероятно во Владивостоке, размножались тогда на множительных аппаратах обзоры-сводки и другие документы, исходящие от атамана Семёнова и его штаба. В архивных фондах сохранилось около двух десятков этих оперативных пропагандистских документов – аккуратная машинопись копировалась на шапирографах или мимеографах и рассылалась, судя по штемпелям, по всему Дальнему Востоку через представительство главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины в Японии. Среди таких произведений оперативной полиграфии были аналитические «записки» и «дополнения к запискам», постановления просемёновских организаций Приморья, «Протест владивостокскому консульскому корпусу» от руководителей гродековской военной группировки (на постановление иностранных консулов о недопущении высадки атамана Семёнова во Владивостоке и разоружении семёновцев) и т. п.[141] Отдельным документом был отпечатан и разослан по военным частям доклад Г. И. Клерже (как председателя казачьей конференции в Гродеково) о его переговорах с каппелевскими генералами[142]. 16 июня 1921 г. Г. И. Клерже собрал во Владивостоке членов правых группировок на 2-м несоциалистическом съезде и проинформировал их о «семёновской» позиции в споре с Меркуловыми. Делегаты приняли постановление, лейтмотивом которого были слова: «Мы приносим глубокую благодарность атаману Семёнову и его начальнику штаба, Генерального штаба генерал-лейтенанту Клерже за их твердое намерение до конца продолжать борьбу с большевиками, за составленный ими план кампании 1921 года, ныне настойчиво проводимый в исполнение»[143].

«Рука» Клерже прослеживается и еще в одной акции печатно-пропагандистского характера. Вскоре после прибытия Г. М. Семёнова в бухту Золотой Рог во Владивостоке начала издаваться газета «Русский воин» – «орган военной и государственной мысли». Сотрудниками газеты были военные журналисты генерал-майор

Д. В. Загоскин, В. В. Власов, Н. Бородин. Лозунги, печатавшиеся крупным жирным шрифтом на всех полосах газеты, не оставляли сомнения в ее политической принадлежности: «Да здравствует единая Русская армия и ее единый главнокомандующий! Объединяйтесь скорее для спасения России!»; «Для поддержания наступления барона Унгерна нужна помощь атамана. Не мешайте же во имя русской свободы и пред той кровью, что прольется за вас, выступлению атамана на помощь освободительному движению»; и т. п. Такие же призывы и панегирики Г. М. Семёнову содержались почти во всех статьях «Русского воина»: «Недаром одна за другой тянуться делегации со всех концов Дальнего Востока и от всех слоев неподдельного русского населения с мольбой о спасении к "авантюристу" атаману Семёнову»; «Отойдите в сторону и дайте дорогу народному вождю – атаману! Будем едины и дружны»[144]. Некоторые публикации газеты явным образом заигрывают с каппелевцами, обращаясь «к доблестным героям "ледяного похода" – генералам Вержбицкому, Молчанову, Сахарову и другим» с «горячей просьбой» – «забыть все взаимные мелочные недомолвки и обиды и, содействуя скорейшему достижению соглашения между Приамурским правительством и атаманом Семёновым, решительно прекратить грязную, позорящую русскую честь кампанию против исторического имени атамана Семёнова»[145].

Ситуация неопределенности в переговорах Семёнова с Меркуловыми затягивалась. Длительное пребывание атамана на корабле без перспектив ступить на землю Приморья вызывало шутки и фельетоны в местной прессе[146]. 17 июня 1921 г. Г. М. Семёнов выдвинул ряд требований к меркуловскому правительству. Он хотел получить для гродековской группировки 200 тыс. дол. США, некоторое количество коммерческих грузов, задержанных на складах Владивостока, и требовал свободного проезда по КВЖД до ст. Хайлар вблизи Забайкалья для соединения с отрядами Р. Ф. Унгерна[147]. Требования Семёнова вызвали категорический отпор не только со стороны меркуловцев, но и китайских властей (в частности, правителя северных провинций Китая маршала Чжан Цзолина) и представителей иностранных держав. Сложившаяся ситуация заставила поменять первоначальные планы и японцев. Японское командование в середине июня пришло к выводу о необходимости высадить Семёнова и его штаб на сушу и организовать поход его гродековских войск (уже без каппелевцев) на запад. Начальник штаба жандармерии японских войск на Дальнем Востоке полковник Сибояма запрашивал

главнокомандующего Японским экспедиционным корпусом генерала Тачибана: «Мною 16 июня с[его] г[ода] получено… известие… что 28-го [июня] с[его] г[ода] предполагается высадить с парохода атамана Семёнова, но до сего времени мною еще не получено от штаба войск никакого предписания относительно высадки Семёнова». Вскоре полковник получил ответ, что «на основании секретного соглашения с атаманом Семёновым в Порт-Артуре» Семёнов после высадки на сушу «долго не будет во Владивостоке, а сам атаман лично ведет наступление на Хабаровск. Японское командование окажет на это нелегальную помощь Семёновским войскам» (лексика и стиль документа – А. П.). «В крае атаман Семёнов, – предполагали японцы, – скоро же объявит свое правительство». Однако если после высадки Семёнова «встретятся вооруженные столкновения между каппелевскими и семёновскими частями, то японское командование обезоружит обе стороны»[148].

В полном соответствии с этим планом, но на двое суток раньше предполагавшегося срока, а именно в 3 часа ночи с 25 на 26 июня 1921 г. Г. М. Семёнов сошел с «Киоко-мару» и на китайской лодке в сопровождении двух офицеров прибыл на берег к зданию Морского штаба в центре города, где сел в заранее подготовленный автомобиль. Пересев затем на еще одну лодку, а далее пешком, снова на автомобиле, в теплушке, в пассажирском вагоне и опять на автомобиле атаман в 8 часов вечера 27 июня прибыл в станицу Гродеково. Перипетии этого изобретательного бегства отражены в еще одном ротапринтном произведении, вышедшем из штаба Г. И. Клерже. Бюллетень называется «Приезд атамана Семёнова в Гродеково»[149]. Нужно ли пояснять, что столь слаженные действия по вызволению атамана из «морского плена» были также подготовлены штабом во главе с Клерже? О работе штабистов говорит и тот факт, что личный конвой атамана Г. М. Семёнова, состоявший из 400 офицеров и 100 кадетов, одновременно с самим атаманом 26 июня 1921 г. вышел с Русского острова (куда был интернирован меркуловцами) и, погрузившись во Владивостоке в «специальный поезд» (не тот ли, что Г. И. Клерже достал у японцев?), в ночь на 28 июня прибыл в Гродеково[150].

Нет сомнения, что в организации побега Г. М. Семёнова участвовали и японцы. Официально Японское осведомительное бюро открестилось от семёновской акции, заявив: «Если действительно Семёнову при оставлении им парохода помогли японцы, то это были состоявшие при нем лица, ничего общего с японской армией

не имеющие»[151]. Но сохранились документы, говорящие о слаженности действий Семёнова и японского командования. Как только стало известно о прибытии Г. М. Семёнова в Гродеково, вечером 28 июня 1921 г. в Генеральном штабе японских войск состоялось «совещание по делу атамана Семёнова», решения которого гласили: «На основании секретного соглашения в Порт-Артуре японское командование нелегально [будет] снабжать атамана Семёнова военными припасами, которые были захвачены во время событий 4–5 апреля прошлого года»[152]; «Согласно просьбы атамана Семёнова японское командование считает нужным отпустить атаману Семёнову… деньги в сумме 5 млн йен с обязательством»; «Японское командование считает нужным что[бы] атаман Семёнов возобновил себе должность главнокомандующего Дальневосточной армией»[153].

Однако похода гродековской группировки на территорию ДВР, на который рассчитывали Г. М. Семёнов и Г. И. Клерже, не произошло. Состояние гродековских войск было таковым, что о серьезных боевых действиях с их стороны не могло быть и речи. Японцы, учитывая интересы Временного Приамурского правительства, Китая и США, окончательно склонились к мысли о вооруженном нейтралитете и поддержке существовавшей в Приморье власти. Японского оружия семёновцы не получили. Обосновавшись в Гродеково, Г. М. Семёнов издал 3 июля 1921 г. приказ № 27, в котором заявил, что он как главнокомандующий, получивший власть из рук А. В. Колчака, и как политический лидер, возглавляющий все «национальное освободительное движение» русского народа против большевизма на востоке России, не намерен «подчиняться какому-либо из местных правительств»[154]. Но о походе против большевиков на запад в приказе не сказано уже ни слова.

Оказавшись вместе с Г. М. Семёновым в Гродеково, Г. И. Клерже продолжал выпускать от имени штаба информационные сообщения, сводки и доклады, размноженные на оперативной технике и рассылавшиеся затем через представительство Семёнова в Японии. Особенно характерна в этом отношении «Политическая сводка штаба Гродековской группы войск к 28 июля 1921 г.». Содержание и стиль этого многостраничного документа почти определенно говорят о влиянии, если не о прямом авторстве Клерже. Сводка содержит сведения, добытые контрразведкой Семеновского штаба, в частности, документы большевистских подпольных организаций и красных партизан, а также перехват телеграфных сношений

между генералами Г. А. Вержбицким и И. С. Смолиным от 19 июля 1921 г., из которых следует, что Смолин вошел в переговоры со штабом приморских партизан в пос. Анучино, предлагая объединить усилия каппелевцев и партизан для ликвидации вооруженным путем гродековской группировки[155]. Характеристики на каппелевское командование при этом совпадают с докладом Г. И. Клерже от июня 1921 г.[156]: генерал Ф. А. Пучков изображается непримиримым врагом национальной России, он и возглавляемые им единомышленники генералы В. М. Молчанов, И. С. Смолин, полковник Л. Л. Ловцевич расцениваются как «типичные социал-предательские фигуры». Несколько мягче оценивается в сводке личность генерала Г. А. Вержбицкого (которого Г. И. Клерже за полтора месяца до того почти склонил на сторону семёновцев): номинальный руководитель Дальневосточной армии рисуется как стыдливый покровитель предательства каппелевских «социалистических» генералов.

10 июля 1921 г. в Гродеково начала выходить ежедневная газета «Последние новости». В том, что издание этого четырехстраничного печатного органа было организовано Г. И. Клерже, сомневаться почти не приходится – ни до ни после лета 1921 г. в Гродеково не выходило ни одной (тем более ежедневной) политической газеты, если не считать официального еженедельного листка «Уссурийские казачьи ведомости». Сохранившаяся на одном из документов подпись редактора «Последних новостей» – некоего В. Григорьева, – кстати говоря, сильно напоминает почерк Клерже[157].

Содержание газеты также говорит о кураторстве над ней опытного руководителя, знающего и умеющего вести массированную политическую пропаганду. Ведущей темой из номера в номер стало разоблачение братьев Меркуловых и их правительства как неустойчивой конструкции, не способной противостоять большевикам и красным партизанам. Заголовки статей говорят сами за себя: «Карты Меркулова раскрываются», «Связь Меркулова с большевиками», «Большевики обрабатывают каппелевцев», «Из-за покровительства большевикам», «Гнусный расстрел безоружных» (о вооруженном нападении близ ст. Раздольная каппелевцев генерала В. М. Молчанова на шедшую в Гродеково семёновскую часть генерала Малакена)[158]. Дискредитация каппелевцев и меркуловцев велась по всем правилам черного пиара. В заметке «Болезнь Молчанова» сообщалось, например: «По заключению врачей здоровье генерала Молчанова сильно пошатнулось вследствие злоупот-

ребления кокаином и спиртными напитками. Утверждают, что за последнее время Молчанов редко бывает в состоянии вменяемости, а поэтому некоторые его приказы следует объяснять просто болезненным состоянием рассудка. Жизнь генерала в опасности»[159].

Одним из ведущих сотрудников газеты, ее собственным корреспондентом во Владивостоке являлся известный журналист, бывший начальник иностранной информации в Русском бюро печати Л. В. Арнольдов. Он почти ежедневно поставлял в газету под псевдонимом В. Сербский заметки, статьи и фельетоны о нелепости меркуловских порядков, панических настроениях в городе, грядущем большевистском перевороте, готовящемся свержении Меркуловых и т. п.[160] Вскоре после приезда Г. М. Семёнова в Гродеково меркуловские власти арестовали во Владивостоке большую группу семёновцев – генералов, офицеров и общественных деятелей (генералов Ф. Л. Глебова, Немысского, Толмачева, Бове, полковника Генерального штаба Н. В. Колесникова, С. А. Таскина и др.), обвинив их в подготовке переворота[161]. Тема пребывания семёновцев на гауптвахте и издевательств над ними со стороны каппелевцев также стала одной из сквозных на страницах гродековской газеты[162].

17 июля 1921 г. в газете появилась заметка следующего содержания: «Редакцией “Последних известий” получены интересные документы, доказывающие, что нынешние правители Приморья братья Меркуловы – братья мошенники. Документы эти вполне ясно и определенно изобличают Спиридона Меркулова в составлении подложных бумаг в деле о пароходах и Николая Меркулова в получении 60 000 рублей по подложному чеку. Печатание документов на страницах “Последних новостей” о деятельности братьев мошенников начнется в ближайшие дни»[163]. Однако никакой дальнейшей публикации анонсированных документов не последовало. Возможно, газетчики одумались, поняв, что такая сенсация станет замечательным подарком для большевистской пропаганды. Но скорее всего отмена компромата стала результатом «дипломатической» игры двух сторон: со следующих номеров накал обвинений в адрес Меркуловых в газете «Последние новости» заметно снизился. Нарастание критической ситуации в Гродеково не позволяло Г. М. Семёнову особенно ссориться с меркуловцами. 19 августа 1921 г. на 21-м номере издание газеты «Последние новости» было завершено.

Между тем в Гродеково стягивались семёновские части, оказавшиеся на территории Приморья, Маньчжурии и Китая, приезжали группами и поодиночке офицеры, готовые встать под знамена

атамана. Г. М. Семёнов разослал в Харбин и Токио своих агентов, поручив им закупить некоторое количество предметов вооружения и припасов[164]. Подготовленная в штабе главнокомандующего и разосланная по Дальнему Востоку информационная статья «Планы атамана Семёнова» утверждала, что атаман «озабочен организацией особого “комитета по борьбе с большевизмом”, в который, по мысли атамана, должны быть приглашены выдающиеся общественные деятели». Комитет, судя по всему, замышлялся как паллиатив государственного аппарата для антибольшевистской части Дальнего Востока: он, по словам статьи, должен был «обладать полнотой гражданской власти».

Документ содержит информацию, косвенно относящуюся к полномочиям Г. И. Клерже как начальника штаба. «Учитывая печальный опыт прошлого, – говорится в статье, – атаман Семёнов строго решил разграничить чисто оперативные и строевые функции военных не только от политических, но и хозяйственных заданий». В этих целях «снабжение армии и контрразведка, как обычные элементы штаба главнокомандующего, будут всецело переданы в ведение “комитета по борьбе с большевизмом”. Таким образом, штаб будет разгружен значительно и возможно сокращен. В настоящее время активными работниками штаба являются только два полковника Ген[ерального] штаба – полковник[и] Дубинин и Федоров»[165].

Как ни рассматривай эти слова, приходится заключить, что Г. М. Семёнов, очевидно, был недоволен малой эффективностью своего штаба, а это уже можно понимать как «черную метку» для Г. И. Клерже. Впрочем, за предполагаемой реформой штаба, возможно, стоял сам Георгий Иосифович – очень уж эти планы совпадают с его приоритетами оперативно-штабной аналитической работы. Но следующий шаг Семёнова уже явно был направлен на «урезание» полномочий Клерже. 7 июля 1921 г. войсковой атаман Сибирского казачьего войска генерал-лейтенант П. П. Иванов-Ринов приказом Г. М. Семёнова был назначен начальником штаба походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала[166]. У Г. И. Клерже, таким образом, была отнята половина его прежней должности. Отныне он был только начальником штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины. П. П. Иванов-Ринов выдвигается в это время на роль (вместо Г. И. Клерже) главного переговорщика с Приамурским правительством. В начале августа он ведет переговоры с С. Д. Меркуловым, прося его назначить Г. М. Семёнова коман-

дующим Забайкальским фронтом, взять на содержание семеновскую армию и выделить в полное распоряжение атамана 3 тыс. солдат. Меркулов ответил очередным отказом, добавив, что он может сделать для Семёнова только одно – дать возможность проехать из Гродеково до Владивостока и затем отплыть на пароходе в Америку[167].

П. П. Иванов-Ринов в переговорах с меркуловцами имел, очевидно, еще меньший успех, чем Клерже. На другой день после них С. Д. Меркулов разразился интервью, в котором заявил следующее: «О переговорах с атаманом не может быть и речи… Если японское командование правительству не будет мешать, то семёновщина будет ликвидирована военной силой»[168]. В тот же день Меркулов демонстративно распорядился уничтожить имевшиеся в его канцелярии читинские боны (деньги Г. М. Семёнова, выпущенные в 1920 г.) на сумму 94 млн руб., как «не предоставляющие в настоящее время какой-либо ценности»[169].

А еще через день, 6 августа 1921 г. во владивостокских газетах появилось «правительственное предупреждение» о том, что «продаваемое и предназначенное к продаже или залогу атаманом Семёновым имущество, прибывшее вместе с Дальневосточной армией в пределы Маньчжурии и Приморской области… – принадлежит русской казне, а не атаману Семёнову. Поэтому все сделки по покупке или принятию в залог этого имущества объявляются правительством недействительными и будут рассматриваться как преступное расхищение казенного имущества». «Все, заключившие такие сделки, – говорится в «предупреждении», – будут привлекаться к судебной ответственности, а имущество конфисковываться»[170]. Постановление имело прямое отношение к Г. И. Клерже. По некоторым сведениям, он в это время выполнял поручения Г. М. Семёнова по продаже крупных партий семёновского имущества – реквизированного товара, военного снаряжения, мастерских, автомобильных парков и т. д. – русским и китайским покупателям.

«Гродековское сидение» принесло Г. М. Семёнову много неприятностей. 4 июля 1921 г. во Владивостоке собралось совещание представителей казачьих войск (казачья конференция), на которой часть делегатов – Оренбургского, Енисейского и Уссурийского казачьих войск – приняла резолюцию о лишении Г. М. Семёнова звания походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала. И хотя представители Уральского и Семиреченского войск воздержались от голосования, Сибирского и Амурского – отказались обсуждать данный вопрос, а Забайкальского, Иркутского и Башкирского –

просто отсутствовали на совещании (что дало повод Семёнову заявить о нелегитимности постановления), репутация атамана была испорчена[171].

Еще более унизительными для семёновцев оказались нищета и неустроенность, встретившие их в Гродеково. Управление дежурного генерала штаба главнокомандующего вынуждено было просить у главного врача военно-санитарного госпиталя на станции Гродеково шесть наволочек для матрацев и сена или соломы для их набивки – офицерам управления не на чем было спать[172]. С конца июля все сильнее стал сказываться недостаток продовольствия и одежды. 8 августа 1921 г. Г. М. Семёнов подписал и отправил главноуполномоченному Российского красного креста в Харбине Е. А. Жданову два письма. В одном он просил «перед лицом голода» срочно передвинуть 30 вагонов с продовольствием из запасов Красного креста по реке Сунгари из Харбина в Гродеково. Семёнов мотивировал это необходимостью снабжения продовольствием на три осенних месяца гражданских лиц (1200 беженцев из советской России и 7789 членов семей военнослужащих), которых «принуждена кормить и содержать Гродековская группа войск». В другом письме атаман просил начальника Красного креста прислать из его запасов 4 тыс. полушубков, 6 тыс. папах и рукавиц и другого обмундирования для офицеров и солдат. Была заранее заготовлена и ответная благодарность в Дальневосточное правление Российского общества Красного креста (написанная рукой Г. И. Клерже). Но представители Красного креста остались глухи к просьбам семёновцев[173]. В конце августа 1921 г. в гродековских частях началась эпидемия тифа. Спасаясь от голода и болезни, солдаты и офицеры массами бежали из казачьей станицы во Владивосток, устраиваясь на службу в каппелевские войска[174].

Конец этой драмы хорошо известен. 11 сентября 1921 г. Г. М. Семёнов, согласившись на условия меркуловского правительства, покинул Гродеково. Пароходом из Владивостока атаман, потерпевший полное фиаско, прибыл в Шанхай. 26 сентября 1921 г. шанхайский представитель агентства Рейтер телеграфировал, что Семёнов «проиграл войну Меркулову» и «прибыл… из Приамурского округа без денег»[175]. На другой день после отъезда атамана, 12 сентября 1921 г. новый командующий гродековскими войсками (названными затем 1-м сводно-казачьим корпусом) генерал-майор Ф. Л. Глебов отправил Г. И. Клерже в отставку с фактически упраздненного поста начальника штаба главнокомандующего всеми вооруженными си-

лами Российской восточной окраины. К концу 1921 г. гродековская группа окончательно вошла в состав армии Временного Приамурского правительства.

Клерже находился в это время в поездках между Россией и Китаем. Выполняя поручения Г. М. Семёнова, он еще летом 1921 г. встретил во Владивостоке своего друга и сотрудника по Осведверху А. М. Оссендовского, оказавшегося в приморском городе после бегства от большевиков через Урянхайский край и Монголию. Друзья, несомненно, вели политические беседы в духе размышлений над планами атамана Г. М. Семёнова. Клерже, похоже, твердо убедил Оссендовского участвовать в политической защите атамана перед русской эмиграцией и международной общественностью. 27 октября 1921 г. на борту судна «Empress of Russia» по пути из Владивостока в Шанхай А. М. Оссендовский набросал в записной книжке краткие тезисы своего предполагавшегося выступления в Русском национальном комитете Шанхая. Все записи посвящены обоснованию заслуг и преимуществ «Г. М.» (то есть Семёнова) как верховного руководителя борьбы с большевизмом. «Г. М.», по словам Оссендовского, может легко выставить для такой борьбы 150 тыс. пехоты и 40 тыс. «несравненной» кавалерии. Кроме того, «Г. М.» имеет давние и прочные связи с Монголией, Тибетом, Урянхаем и китайскими монархистами, он влиятельная фигура в казачестве и т. п.[176] Даже проиграв все, Г. И. Клерже умел убедить своих соратников в правоте провалившегося дела и его неизбежном торжестве на будущих этапах истории.

* * *

Должность начальника штаба у атамана Г. М. Семёнова была вершиной служебной карьеры Г. И. Клерже. Следующие 15 лет своей жизни наш мемуарист безвыездно находился в Китае, служа иностранным – китайским, а затем японским – хозяевам. С конца 1921 по 1928 г. он, в разных качествах, работал в столице Северного Китая г. Мукдене в недрах военного и государственного аппарата маршала Чжан Цзолина, а затем его сына Чжан Сюэляна. Всесильный правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолин любил окружать себя иностранными советниками и инструкторами. С Клерже, как представителем атамана Семёнова, он был знаком не понаслышке. Еще в 1919 г. Г. М. Семёнов с согласия А. В. Колчака предложил мукденскому маршалу создать для него конницу

из монголов под командованием русских казаков[177]. П. Ф. Рябиков даже пишет, что в 1920 г., по назначению Г.М. Семёнова, генерал Г. И. Клерже «занимал должность главы русской инструкторской миссии при маршале Чжан Цзолине»[178]. Характеры обоих – Семёнова и Чжана – были схожи, бойкие на язык шанхайские журналисты окрестили Чжан Цзолина «Семёновым вторым»[179]. Но схожесть политических взглядов не мешала определенным (иногда крупным) разногласиям между двумя милитаристами. В январе 1921 г., когда Семёнов после поражения от советских войск оказался в Порт-Артуре, он ездил в Мукден к маршалу Чжану. В переговорах, возможно, участвовал и Клерже, как начальник семеновского штаба. Результат оказался незначительным: договорились с Чжан Цзолином о намерении создать Лигу по борьбе с коммунизмом, Г. М. Семёнов однако не добился главного. По словам эмигрантской прессы, «желая сохранить мир и порядок на китайской границе» с РСФСР, Чжан Цзолин заявил, что он «не думает вернуть оружие семёновским и каппелевским войскам. Семёнов рассматривается как политический беженец, находящийся под японским покровительством». Он вернулся в Дайрен, не придя ни к какому согласию с Чжан Цзолином[180].

В ноябре 1921 г. советское телеграфное агентство РОСТА объявило, что «бывший семёновец» генерал Клерже назначен Чжан Цзолином советником по охране общественного спокойствия в Манчьжурии (сам Чжан Цзолин имел титул главнокомандующего по охране общественного спокойствия)[181]. Фактически это означало должность военного советника. Клерже оказался в распоряжении Чжана «с подачи» Семёнова (с лета 1921 г. по заданию Семёнова он распродавал мукденцам семёновское военное имущество), и назначение Георгия Иосифовича в свиту мукденского маршала следует понимать как удачный ход атамана, внедрившего к Чжан Цзолину своего ставленника. В начале 1922 г. Г. И. Клерже был утвержден маршалом в таковой должности[182]. Но дебют Клерже на китайской военной службе оказался не совсем удачным. В мае 1922 г. армия Чжан Цзолина, руководимая его сыновьями, была полностью разбита войсками соперника Чжана генерала У Пейфу, который триумфально вступил в Пекин и удалил из северокитайского правительства сторонников мукденского маршала. Начальником штаба мукденцев был Г. И. Клерже, и поражение не могло не сказаться на его карьере[183]. Случившимся не преминули воспользоваться соперники Клерже, также состоявшие

советниками у Чжан Цзолина – генерал Томашевский и полковник Генерального штаба Грегори, хорошо знавший китайский язык, служивший по совместительству профессором Мукденской военной академии. Будучи приближенным к генералу Чжан Сюэляну – сыну маршала – Грегори сумел внушить мукденским правителям, что Клерже – семёновец и японский агент[184]. 1 апреля 1924 г. Г. И. Клерже был уволен со службы[185]. Правда, вскоре после этого полковник Грегори был изобличен в шпионаже в пользу СССР и покончил с собой. Судьбы Клерже это уже не изменило, но спустя некоторое время его вновь пригласили на службу в штаб Чжан Сюэляна, где он выполнял важные государственные задания мукденского руководства.

Когда в сентябре 1924 г. началась вторая война между милитаристскими группировками Чжан Цзолина и У Пейфу, в Мукдене снова вспомнили о предложении атамана Г. М. Семёнова придти на помощь мукденскому маршалу русскими военными добровольцами. В газетах появилось сообщение, что атаману Семёнову было поручено от имени Чжан Цзолина сформировать бригаду из русских военных и что Г. М. Семёнов вновь предложил пост начальника своего штаба Г. И. Клерже[186]. Но история пошла по другому пути. Основным руководителем боевых действий стал на этот раз другой милитарист, приближенный Чжан Цзолина – маршал Чжан Цзунчен. Он воплотил в жизнь предложения о создании в мукденской армии русского воинского контингента. Русский отряд, ставший затем бригадой, 65-й (русской) дивизией и Русской группой войск в 1-й Мукденской армии, возглавил генерал К. П. Нечаев, а после его ухода с должности в 1926 г. – лично сам Чжан Цзунчен. Последний был хорошо знаком со многими русскими, поскольку сам долго жил в России, воевал на стороне Русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Чжан Цзунчен был 15 лет близко знаком с Н. Д. Меркуловым и именно этого приморского магната и политика – злейшего врага Г. И. Клерже – пригласил к себе в качестве старшего советника, куратора русского воинского отряда. В начале 1925 г. Н. Д. Меркулов приехал к Чжан Цзунчену в только что занятый русским отрядом Тяньцзин и вступил в должность. В дальнейшем он стал помощником командующего Русской группой войск Чжан Цзунчена[187]. Н. Д. Меркулов вел совершенно определенную кадровую политику, он назначал на важные должности лояльных к нему меркуловцев, каппелевцев и вообще противников атамана Г. М. Семёнова. В Мукден для набора

и переотправки пополнения русской группы был прислан полковник Генерального штаба Л. Л. Ловцевич. В Харбине и всей Манчьжурии вербовку русских добровольцев вел забайкальский казачий генерал-майор И. Ф. Шильников – давнишний оппонент и соперник Г. М. Семёнова. Немудрено, что начиная с 1926 г. атаман Семёнов стал категорическим противником прихода русских военных на службу в китайскую армию. Семёнов устно и печатно критиковал «торговлю головами» русских солдат и офицеров, не афишируя, что он же сам стоял у истоков такой практики[188].

Разумеется, при наличии плотного кураторства Н. Д. Меркулова над русским воинским формированием и личной дружбы между Меркуловым и главнокомандующим мукденской армией Чжан Цзунченом Г. И. Клерже не имел никаких шансов продолжить при мукденском дворе успешную карьеру. Он по-прежнему исполнял поручения маршала Чжан Цзолина. Лишь на закате существования Русской группы войск, в 1928 г., когда группа потерпела крупные поражения и была частично расформирована, взоры некоторых ее командиров обратились к фигуре Клерже. В хороших отношениях с Георгием Иосифовичем состоял начальник штаба 65-й дивизии полковник А. А. Тихобразов, который иногда встречался с Клерже в Мукдене[189]. Именно он инициировал в июне 1928 г. контакты с Г. И. Клерже через представителя Клерже полковника Н. Н. Николаева. Речь, как это видно из ответного письма Клерже, шла о возможной совместной работе «на пользу многострадальной Русской боевой группы». Клерже подчеркивал необходимость выработать «наиболее практичный и целесообразный путь к переходу группы в условия надвигающихся обстоятельств», то есть сохранить русское подразделение перед лицом вполне возможных намерений его ликвидировать. Он писал, что это требует от группы установления «твердой связи и взаимопонимания с Мукденом». Далее в письме следует любопытная фраза. «Что касается меня, – сообщал Г. И. Клерже, – то я, с неослабным вниманием наблюдая за быстро меняющимися обстоятельствами, заблаговременно подготовил вполне благоприятную почву для разрешения всех вопросов, касающихся русской группы»[190]. Косвенно это свидетельствует, что Георгий Иосифович, находясь в штабе Чжан Сюэляна, оказывал определенное влияние на отношение мукденцев к русской группе. В другом письме к А. А. Тихобразову в сентябре 1928 г. он продолжает тему сотрудничества: «Твердо верю и надеюсь, что скоро придет время для нашей общей дружной патриотической работы»[191].

Но лимит истории был исчерпан. 1 декабря 1928 г. мукденские власти окончательно расформировали Русскую группу войск. Получившие расчет воины в декабре 1928 г. были отправлены эшелоном из Мукдена в Харбин[192]. В том же 1928 г. завершилась и работа Г. И. Клерже в штабе мукденской военно-государственной группировки. Несколько лет штабной службы в Мукдене вместили много эпизодов, гулким эхом отозвавшихся в судьбе Клерже. Сказались невзгоды прежних лет и в середине 1920-х гг. Г. И. Клерже заболел тяжелой болезнью печени и почек. Потребовалась сложная операция, после которой Георгий Иосифович был надолго оторван от работы[193]. Тогда же, в конце 1924 г. Г. И. Клерже в первый (но, возможно, не в последний) раз столкнулся с попыткой обработки его советскими спецслужбами. Как рассказал сам Клерже генералу А. С. Лукомскому, прибывший в Шанхай в составе советской военной агентуры бывший полковник Генерального штаба Гущин, уже тогда хорошо известный среди эмигрантов как сотрудник советской разведки, провел с ним две беседы, в которых убеждал Клерже перейти на службу в СССР. Гущин сообщил при этом, что его собеседника высоко ценят в советском военном ведомстве как специалиста, хорошо знающего Дальний Восток и ситуацию в Китае. В СССР, по словам Гущина, бывшего семёновского генерала ждут «высокий пост и большое содержание». Выслушав предложение, Клерже отказался его принять[194].

Напротив, Г. И. Клерже благосклонно отнесся к интересу со стороны японских спецслужб. С 1926 г. Японская военная миссия в Мукдене стала привлекать Клерже как советника и консультанта к разработке планов вооруженного конфликта с СССР. Клерже поручалось прояснение вопросов об участии русских эмигрантов в этом предполагаемом столкновении: план развертывания белого партизанского движения, его поддержки поставками оружия, денег, продовольствия и т. д.[195]

Среди сотрудников, которых Г. И. Клерже привлекал в это время для проведения специальных операций, видную роль играл В. Н. Руссиянов – тот самый жандармский полковник (а затем генерал), по приказам которого контрразведка в Омске весной 1919 г. собирала сведения о «большевизме» Клерже. Теперь роли поменялись. Руссиянов был в орбите Клерже и получал от него задания. Одним из таких крупных поручений, данных Клерже от мукденской верхушки, была поимка Ф. Бородиной – жены представителя

Коминтерна и резидента советской разведки в Китае, политического советника национального правительства Гоминдана М. М. Бородина.

В начале июля 1927 г. М. М. Бородин был отозван из Китая в СССР. Одним из поводов послужили скандальные результаты обыска, проведенного китайскими властями в апреле 1927 г. в советском консульстве в Пекине. Полицейские нашли здесь огромное количество документов о финансовой поддержке СССР китайских коммунистов, инструкции по разведке и вооруженным восстаниям, списки агентуры, шифры, тайные директивы Москвы и т. п. Еще раньше, 28 февраля 1927 г., в Нанкине по распоряжению Чжан Цзолина был захвачен с грузом оружия советский пароход «Память Ильича» и арестованы его пассажиры – три советских дипкурьера и жена Бородина – Фаина. В июне 1927 г. Ф. Бородина предстала перед пекинским судом. Но судья, получивший от советской агентуры крупную взятку, вынес жене дипломата оправдательный приговор и немедленно скрылся. Бежала и выпущенная на свободу в зале суда Ф. Бородина. Определенное время она скрывалась в Пекине, а затем через Синцзян по верблюжьим тропам была вывезена в СССР[196].

Г. И. Клерже, по поручению Чжан Цзолина, стал активным фигурантом преследования Ф. Бородиной. По признаниям одного из участников событий, бывшего офицера Русской группы войск Г. К. Адамсона[197], еще во время процесса над Ф. Бородиной в Пекине Клерже поставил перед Руссияновым задачу – выкрасть документы у адвоката Бородиной, проживавшего в гостинице «Пекин». Задание было отменено неким «Владимиром» – советским разведчиком, которому, по словам Г. К. Адамсона, тайно служил В. Н. Руссиянов (последнего Адамсон в своих показаниях японской жандармерии также называет советским шпионом)[198].

После освобождения Ф. Бородиной и ее исчезновения Г. И. Клерже организует поиски «коминтерновской» беглянки, опираясь на все того же В. Н. Руссиянова. По описанию Г. К. Адамсона, это выглядело так: летом 1927 г. Г. И. Клерже прибыл из Мукдена в Пекин вместе со штабом генерала Чжан Сюэляна, при котором он находился. 12 августа 1927 г. Клерже получил сообщение о том, что Ф. Бородина скрылась и 30 августа вызвал в Пекин Руссиянова, а тот через четыре дня позвал в Пекин и самого Адамсона. Генерал Клерже, принимая Адамсона, произвел его в чин подполковника китайской армии и назначил в помощь Руссиянову. Последний имел в этом деле особый интерес: в случае поимки Бородиной

он рассчитывал через посредство Клерже добиться у китайцев создания русского отделения китайской жандармерии и стать во главе такового. Но жандармской сноровки Руссиянова оказалось недостаточно. Поиски провалились и вернувшемуся в Пекин Руссиянову было объявлено, что его «работа никуда не годится» и что согласие Г. И. Клерже на формирование русской жандармерии аннулируется. Сообщая об этом, Г. К. Адамсон вспоминает слова, сказанные проницательным жандармом Руссияновым о Клерже. Руссиянов говорил, «что Клерже очень умный и тонкий человек и что, зная его давно, он не может его разгадать»[199].

«Неразгаданный» Г. И. Клерже в 1928–1932 гг. продолжал жить в Мукдене как частное лицо. Он искал возможности приложить свои, отнюдь не израсходованные за пятьдесят лет, силы на пользу русской эмиграции. С началом 1932 г. Георгий Иосифович налаживает переписку и обмен информацией с генерал-майором Генерального штаба Н. Ф. Эрном, старым другом по Тифлису, уехавшим в составе большой группы русских офицеров в Парагвай на помощь парагвайской армии в войне против Боливии[200]. В январе 1932 г. Клерже вошел в состав инициативной группы, которая объявила об учреждении в Мукдене «Русского общества в Маньчжурии и Монголии». Во главе этой новой организации эмигрантов в Китае встал генерал Н. Ф. Петухов, бывший советник маршала Чжан Цзолина. Г. И. Клерже был избран в состав главного правления общества. «Русское общество» проводило в Мукдене политические собрания и культурные мероприятия – концерты, балы, благотворительные вечера и т. п.[201] Признания эмигрантской общественности ни в Мукдене, ни в остальном Китае новая организация не получила[202], но в судьбе Г. И. Клерже (как об этом будет говориться ниже) борьба за «Русское общество» оставила заметный след.

С 14 декабря 1930 г. в городе начала выходить газета на русском языке «Мукден», редактором ее до июня 1931 г. был А. Калаушин. Издателем и владельцем типографии, где печаталась газета, выступало некое «Сибирское общество», это наводит на мысль, что у истоков ее стояли читинские эмигранты – семёновцы. За первые полгода газета выпустила всего 20 номеров. Настоящая история этого печатного органа началась тогда, когда в июле 1931 г. в выходных данных газеты появилась фамилия нового редактора – Юрия Эриванского. Под таким псевдонимом газету начал редактировать Г. И. Клерже. Он же, как это часто бывало в истории

русской прессы, выступал и ведущим автором газеты. Кроме ежедневной колонки редактора на первой полосе (с подписью: Ю. Эриванский), Клерже печатался здесь под криптонимом Г. К., псевдонимом Гр. Араратский и изредка за собственной подписью[203]. С № 26 за 20 августа 1931 г. газету стало выпускать издательство «Дунь Бей», печаталась она в типографии «Сибирь», а редактор отбросил свой псевдоним: в выходных данных появилась строчка, что газету редактирует Г. И. Клерже.

Ночью 18 сентября 1931 г. части японской Квантунской армии внезапно захватили Мукден и другие населенные пункты Северо-Восточного Китая. Началась японо-китайская война, сопровождавшаяся постепенным захватом японцами сначала Маньчжурии, а затем центрального и южного Китая. Наутро после начала агрессии, 19 сентября Г. И. Клерже отпечатал первый «фронтовой» выпуск своей газеты – на одной страничке уменьшенного вполовину формата через всю полосу шел заголовок: «Мукден под гром взрыва, орудийной и пулеметной стрельбы!!...». В таком же уменьшенном варианте газета «Мукден» выходила еще четыре дня с 20 по 23 сентября. 25 сентября 1931 г. газета возобновилась в полном объеме, но содержание ее стало исключительно прояпонским. Отныне всю первую страницу занимали цитаты из приказов, листовок и речей, а также портреты генерала Хонджо – командующего Квантунской армией, его заместителей и других японских официальных лиц. Лишь спустя два месяца газета вновь обрела «нормальное» лицо эмигрантской прессы, но печатала ее уже китайская (по названию) типография «Шен Дин Сы-бао». Редактор George Clerget указывал и свой домашний адрес: «11, Samidacho, Mukden».

С января 1932 г. газета превратилась фактически в орган пропаганды «Русского общества в Маньчжурии и Монголии». Здесь помещались информационные бюллетени общества (первый – в номере за 2 февраля), в редакции велась запись в его члены и собирались по призыву главного правления общества средства в помощь японским военным, пострадавшим в боях за Харбин[204]. Пропаганде «Русского общества» посвящены десятки передовых статей редактора Г. И. Клерже (Юрия Эриванского) с января по март 1932 г.[205]

Вчитываясь в газетные строки, можно понять, чем привлекла Георгия Иосифовича идея создания «Русского общества» во вновь образованном Маньчжурском государстве. Встав во главе новой империи, будущий император (коронация еще предстояла) Пу И и его хозяева-японцы объявили равноправие всех проживавших на территории Маньчжурии народов. Стать полноправными граж-

данами нового государства предлагалось и русским подданным. С формальной точки зрения это резко меняло их статус – в юрисдикции Трех Восточных Провинций Китая они были эмигрантами с весьма усеченными правами. Поняв возможность такого поворота событий, Г. И. Клерже стал горячим сторонником новой маньчжурской политики. В середине марта 1932 г. на радиостанции Мукдена состоялся «вечер приветствий» всех народов, населявших маньчжурское государтво. В пропагандистском шоу приняли участие представители маньчжур, китайцев, монголов, японцев, корейцев. Представителем от русских выступал Г. И. Клерже. Парадные фотографии запечатлели момент «единения» наций, сознанием которого, по словам Клерже, «проникнуты в настоящее время и маньчжур, и китаец, и русский, и японец, и монгол, и кореец»[206].

Поддерживая и инспирируя симпатии японцев к русской эмиграции, Г. И. Клерже в эти месяцы участвует почти во всех пропагандистских мероприятиях командования Квантунской армии и военной администрации. Вот хроника только одного дня 15 января 1932 г. Утром этого дня Г. И. Клерже посетил штаб Квантунской армии и передал начальнику штаба 200 иен, собранных редакцией газеты «Мукден» в пользу раненых под Харбином японских солдат и офицеров. В ответ редактор получил благодарственное письмо от командующего Квантунской армией генерала Хонджо. В 13 часов того же дня Г. И. Клерже, будучи официально приглашенным, присутствовал на торжественной встрече двух японских аэропланов («Патриотический-1» и «Патриотический-2»), прилетевших из Токио. Редактор «Мукдена» аплодировал военным летчикам, проделавшим в воздухе фигуры высшего пилотажа, а затем был представлен генералу Хонджо, от которого получил еще одну – уже устную – личную благодарность[207].

Но проблема полноправной интеграции русских изгнанников в государственную жизнь Маньчжурии имела и другую сторону. Сами русские должны были стать сплоченной национальной группировкой, показать пример самоорганизации. К этой «широкой самоорганизации в краевом масштабе» призывал со страниц газеты «Мукден» ее редактор. Собственно, сама идея Русского общества в Маньчжурии и Монголии, еще до официального объявления о создании общества, обрела контуры в передовой статье редактора Г. И. Клерже. 14 января 1932 г., приветствуя своих читателей в новом году, Клерже написал: «Мы хотим быть теперь полноправными гражданами независимого Манджуро-Монгольского государства, –

в таком духе громко, со всех сторон раздаются голоса. Голоса эти, как в фокусе, преломляются в нашей редакции <…> Мы теперь не “парии” сатрапской прежней власти, а полноправные граждане! Мы зовем всех к широкому объединению вне всяких различий. Пусть это будет Манджуро-Монгольское объединенное общество, в которое войдут все творческие силы и слои всего русского населения края. Пусть это общество <…> добивается полного объема всех своих справедливых чаяний и прав»[208]. Спустя несколько дней Г. И. Клерже развивает свою мысль, убеждая эмигрантов в необходимости получения русскими статуса одной из государственных наций Маньчжурии. «Не бойтесь стать русскими маньчжурами – пишет он, – <…>. Принимая облик русского маньчжура, мы можем добиться признанного положения народного меньшинства в большом новом государстве, которому могут быть даже даны права сформирования значительных воинских частей <…>. Можно ли думать, что получат когда-либо подобное право беспробудные эмигранты? Конечно, нет! А раз это так, то какая же цель без конца пребывать в состоянии полного паралича и ради этого необъяснимого маразма воли проспать все идущие в наши руки возможности!? <…>. Будьте дерзновенны, иначе вы рискуете остаться в дальнейшем еще в более жалком положении эмигранских ублюдков»[209].

В этих словах – весь Клерже. С его увлечением заманчивой идеей с красочной пропагандой этой идеи и… с очевидной склонностью к фантазии и авантюре.

Газета «Мукден» была не лучше и не хуже других эмигрантских изданий. Из известных авторов в ней публиковался А. А. Пурин – бывший колчаковский управляющий Камчаткой, исследователь этого сурового края[210]. Выступали и другие интересные эмигранты, был представлен весь стандартный набор русской прессы – до фельетонов и сатирических стихов (разумеется, антибольшевистских) включительно. 4 мая 1932 г. началась публикация, из номера в номер, воспоминаний редактора Г. И. Клерже – тех самых, которые читатель держит сейчас в руках. Чуть позднее в том же 1932 г. эти мемуары были выпущены редакцией газеты «Мукден» отдельной книгой (с нее и сделана настоящая перепечатка). Газетный вариант и позднейшее книжное издание воспоминаний слегка отличаются по тексту. Готовя книгу, Георгий Иосифович незначительно сократил газетную публикацию, убрав из нее некоторые малосущественные фразы. Но редактура коснулась только литературной стороны произведения. Все основное содержание было сохранено.

* * *

Спустя считанные месяцы после начала своей экспансии японские войска вошли в Харбин. «Японизация» этого центра русской эмиграции сопровождалась созданием здесь японской официальной газеты на русском языке «Харбинское время». Существует версия, что японцы, убедившись в Мукдене в лояльности Г. И. Клерже и принимая во внимание его натянутые отношения с большинством мукденских эмигрантов (на почве раздоров вокруг «Русского общества в Маньчжурии и Монголии»), перевели его на службу в Харбин в редакцию этой газеты. Но если таковая акция и состоялась, то в «Харбинском времени» Клерже задержался ненадолго. В доступных российскому историку подшивках газеты за 1933–1935 гг. статей ни Г. И. Клерже, ни Ю. Эриванского не обнаружено. Возможно, Георгий Иосифович выступал там под каким-то другим псевдонимом или анонимно. Следов в деятельности газеты это не оставило.

Однако известно, что Г. И. Клерже к концу 1932 г. действительно появился в Харбине. В декабре 1932 г. он вошел в состав руководства созданной в Харбине «Всеславянской лиги в Маньчжу Ди Го». Одновременно Клерже руководил обществом военных инвалидов в Харбине, подчинявшимся главному комитету этого общества в Париже[211]. По информации хулителей Клерже, он, будучи направленным от командования Квантунской армии в Японскую военную миссию в Харбине, занимался составлением обзоров русской прессы и негласным наблюдением за эмигрантами. За превышение служебных полномочий Клерже был уволен из военной миссии и негласно удален из Харбина[212]. Возможность такого или похожего развития ситуации тоже нельзя сбрасывать со счетов. Дальнейшие события показали, что Георгий Иосифович на самом деле повел себя в Харбине не так, как ожидали японцы.

Японская оккупационная администрация ставила целью подчинение интересам «Великой Ниппон» всех русских эмигрантов, сведение их в одну подконтрольную японцам структуру. 28 декабря 1934 г. в Харбине было организовано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) – учреждение, созданное группой прояпонски настроенных эмигрантов при активном содействии японского военного командования. С самого начала против Бюро, призванного привязать русскую эмиграцию к национальным интересам чужого государства, выступил ряд известных военных эмигрантов, в том числе руководители местного отделения

Российского общевоинского союза (РОВС) – генералы Г. А. Вержбицкий, Е. Г. Сычов, К. К. Акинтиевский, начальник РОВС на Дальнем Востоке, проживавший в Шанхае генерал М. К. Дитерихс, полковник Н. Белоцерковский и другие, а также антияпонски настроенные политики – профессор М. П. Головачёв и др. Едва ли не первым с критикой БРЭМ в этом хоре выступил Г. И. Клерже. На него и обрушился основной гнев учредителей БРЭМ.

Клерже и его единомышленники, «излишне» настойчиво позиционировавшие свой русский патриотизм, были выставлены в документах и официальных сообщениях БРЭМ как, наоборот, «враги русского национального дела». На них собирался агентурный компромат, оседавший в специальных досье Бюро. Собственно, именно таким досье на Г. И. Клерже является его так называемое личное дело, хранящееся в архивном фонде БРЭМ. В деле нет ни одного подлинного документа Клерже, но зато достаточно негативной информации о нем, собранной секретными русскими агентами японской жандармерии. Досье начало оформляться в апреле 1935 г. и, судя по делопроизводственному номеру (№ 96), было одним из первых в кадровом делопроизводстве БРЭМ. Уже сама расстановка акцентов в биографии Клерже, составленной каким-то анонимом из функционеров БРЭМ, говорит о том, что руководство Бюро заняло непримиримую позицию в отношении генерала[213].

С еще большей очевидностью ненависть БРЭМовцев к генералу Клерже воплотилась в другом документе – доносе на Г. И. Клерже и других генералов – противников БРЭМ, отправленном 25 июня 1935 г. в штаб Квантунской армии[214]. Гнусность этой бумаги сопоставима разве что с подобострастием, которое авторы доноса выказывают в отношении своих японских хозяев. Безымянные творцы документа, по-видимому, не хотели сохранять его для истории – в архивном фонде БРЭМ нет ни одной его копии. Но... выдающиеся доносы не горят, как и выдающиеся литературные рукописи. Случайно сохранился черновик письма, составленный из нескольких разных листков – и теперь Вы, дорогой читатель, можете сами оценить мораль тех русских военных, которые чуть ли не просили японцев расправиться со своими бывшими боевыми товарищами.

Реакция японского командования последовала быстро. 15 августа 1935 г. в Харбине были арестованы генералы К. К. Акинтиевский и Е. Г. Сычов, начальник штаба Харбинского отделения РОВС полковник Н. Белоцерковский, профессора института Святого Владимира В. А. Белобродский и М. П. Головачёв, общест-

венные деятели И. Ф. Брокмиллер (бывший издатель либеральной газеты «Новости жизни») и Л. Н. Горошкевич. 21 августа они были освобождены из-под ареста с условием покинуть пределы Маньчжурской империи до середины сентября[215]. Большинство из них осело потом в Шанхае. Чуть позднее из Харбина уехал в Тяньцзин бывший глава расформированного Харбинского отделения РОВС генерал Г. А. Вержбицкий. «Чистка» была доведена до конца, несмотря на то, что в защиту опальных военных выступили многие известные деятели эмиграции, в частности, председатель РОВС в Японии генерал-майор Генерального штаба П. П. Петров. В письме командующему Квантунской армией он выражал общее мнение, что «весь тяжелый инцидент есть следствие нетерпимости и партийности части ответственных руководителей Бюро, принадлежащей к фашистам и бывшим сотрудникам атамана Семёнова»[216].

* * *

Г. И. Клерже в это время находился уже в Шанхае – городе, управлявшемся (до японской оккупации летом 1937 г.) китайским национальным правительством Гоминдана. Приговор ему был отсрочен историей, но в недрах тайных канцелярий БРЭМ, Японской военной миссии и других таких же учреждений уже работал часовой механизм сбора доказательств в «антигосударственной» и «шпионской» деятельности. Обратим внимание на формулировки бумаги, составленной в БРЭМ: Клерже в ней предстает еще не «шпионом», но человеком, имеющим «секретную поддержку от советско-американских группировок» и действующим «по заданиям этих группировок»[217]. Ведется активный поиск «шпионского» следа в его биографии, но пока безуспешно. Упоминавшийся выше Г. К. Адамсон, давая 2 апреля 1935 г. показания на В. Н. Руссиянова как на советского агента, все же не отваживается объявить «шпионом» и Клерже: «Был ли Руссиян[ов] связан с Клерже по работе в пользу СССР, этого сказать не могу, – записывает он. – Не знаю»[218].

В Шанхае Георгий Иосифович возобновляет общественную деятельность. С 1935 г. он являлся вице-председателем организационного совещания при православном кафедральном соборе Шанхая – одном из духовных центров русской эмиграции. Кроме того, Клерже входил в состав правления шанхайской организации русских беженцев «Помощь»[219]. Но общественная работа не приносила заработка, и Г. И. Клерже был вынужден стать мелким предпринимателем.

Он занялся доставкой в Шанхай угля с каменноугольных копей Северного Китая[220]. Бизнес не давал большой прибыли, он лишь помогал выживать. Творческая сторона жизни Клерже в Шанхае проявилась в редактировании им книги В. Г. Казакова – командира знаменной группы и хранителя знамен Забайкальского казачьего войска. Василия Георгиевича Казакова, семёновского полковника, современные исследователи называют «героем из героев России»[221]. За храбрость и боевые заслуги в Первой мировой войне он стал полным Георгиевским кавалером (получил 4 Георгиевских креста всех степеней) и имел золотую Георгиевскую шашку, а также был награжден пятью другими боевыми орденами[222]. В 1936 г. в Шанхае под редакцией Г. И. Клерже вышла книга В. Г. Казакова «Немые свидетели», рассказывающая о 34 исторических знаменах различных частей Забайкальского казачьего войска и трофейных знаменах, захваченных войском[223]. Спасая знамена при отступлении семеновской армии из Забайкалья, В. Г. Казаков вывез их в приморскую станицу Гродеково, а при эвакуации из Приморья в октябре 1922 г. доставил на пароходе в корейский порт Гензан, а затем в Шанхай. 16 лет Казаков охранял знамена – символ казачьей славы и доблести. Скорее всего, он был знаком с Г. И. Клерже еще по Чите или Приморью, а возможно, и по Кавказскому фронту, на котором В. Г. Казаков воевал под одним из знамен своего войска. О чувствах, которые переполняли Георгия Иосифовича при редактировании этой книги, он сказал образно и емко в предисловии: «Перед нашими глазами изображен бесхитростный, дышащий подкупающей искренностью, совершенно правдивый рассказ забайкальского казака, урядника, наконец, полковника Василия Казакова о том, как он воспитался сызмала любить свою Родину, гордиться честью защищать ее в рядах доблестного Забайкальского казачьего войска <…>.

Нам – старому русскому воинству – вполне близки и понятны те трепетные чувства казака Василия Казакова и та любовь, с которыми он говорит о сохраняемых им почти на «своей собственной груди» родных знаменах <...>.

Нам – старому воинству – приятно, читая эту книгу, осознать, что мы еще не все утратили, несмотря на долгие годы изгнания <...>.

Нам сохраняемые Василием Казаковым знамена говорят слишком много и о многом!!!...

Пусть, прочитав эту самую небольшую, но яркую книгу, молодое подрастающее русское поколение научится, подобно простому

русскому казаку, любить и защищать свою Родину, научится лелеять и свято хранить старые боевые русские знамена.

Когда оно научится этому, тогда оно и поймет те глубокие чувства, которые переживает автор настоящей книги, выпуская ее в свет...»[224].

Полковник В. Г. Казаков пережил своего редактора Г. И. Клерже почти на восемь лет, хотя и разделил с ним судьбу политического узника. В августе 1945 г. Казаков еще раз спас исторические знамена, вынеся их из здания Японской военной миссии в Хайларе до того, как в него попала советская авиабомба. 12 августа 1945 г. он передал на станции Якеши эти знамена советскому командованию. В конце 1945 г. В. Г. Казаков был арестован в Хайларе органами НКВД и умер от болезни в местной тюрьме[225].

Политика продолжала удерживать эмигрантов железной хваткой и Клерже, совершенно к тому не стремясь, вновь попадает в Шанхае на страницы различных доносов, но на этот раз не как враг интересов Японии, а наоборот – как член «прояпонской партии». В Шанхае велась затяжная борьба между двумя эмигрантскими организациями. Совет общественных русских организаций (бывший Союз русских эмигрантов) представлял генерал Ф. Л. Глебов – тот самый, который после отъезда атамана Семёнова из Гродеково в сентябре 1921 г., получив командование из рук атамана, перекинулся на сторону братьев Меркуловых. Семёновцы считали его предателем и, естественно, Г. И. Клерже не примкнул к его стану, придя в другую шанхайскую организацию – Русский эмигрантский комитет, который возглавлял бывший царский дипломат К. Э. Мецлер. В этот же комитет записались высланные из Харбина генерал К. К. Акинтиевский и профессор М. П. Головачёв. И хотя их разногласия с японской креатурой из БРЭМ были у всех на виду, генерал Ф. Л. Глебов, сочиняя доносы для Главного центра Гоминдана в Нанкине, изображал изгнанных из Маньчжурии эмигрантов как некую «прояпонскую партию», прибывшую в Шанхай работать против китайского национального правительства. «Трудно решить, кто возглавляет ее (группу – А. П.), – писал он 29 мая 1936 г., – не то Клерже, не то Акинтиевский, не то Головачёв. Акинтиевский и Головачёв прибыли в Шанхай около полугода тому назад из Харбина под видом высланных оттуда, но это лишь декорация <...>. Вся эта смесь людей дружно и настойчиво прет в сторону Японии»[226].

На голову Клерже, сохранявшего в душе верность России и только России, сыпались обвинения в совершенно противоположных злодеяниях: враги, конкуренты, завистники выставляли его агентом

то японцев, то американцев, то большевиков. К 1930-м гг. эмиграция попала в тиски полномасштабного финансового кризиса, за деньги из японских, китайских, других иностранных источников шла отчаянная борьба. Расталкивая локтями соперников, русские эмигранты порой возводили друг на друга чудовищную клевету. Эмигрантское сообщество превратилось в клоаку, где многие обвиняли многих в службе на СССР, Коминтерн, ГПУ–НКВД, советскую администрацию Китайско-Восточной железной дороги. Японские оккупационные власти поощряли всеобщее доносительство и фальсификацию доказательств «советского шпионажа». Это позволяло им расправляться с любым эмигрантом, ставшим неугодным или неподконтрольным[227]. Приведенные выше примеры из жизни Г. И. Клерже, но главным образом его дальнейшая судьба подтверждают этот печальный вывод.

Крайне тенденциозные характеристики личности и деятельности Г. И. Клерже в оглашенных выше документах БРЭМ были первоисточником всего дальнейшего вала негативной информации о генерале, мутный поток которой докатился до наших дней. Именно в таком отношении к генералу Клерже БРЭМ воспитывал своих функционеров и активистов – и они плодили наветы на опального генерала, не задумываясь о достоверности своих свидетельств.

Разберемся с каждым из подобных «воспоминаний». В начале статьи приводился фрагмент мемуаров С. А. Елачича, сохранившихся в американском архиве. С. А. Елачич добросовестно пересказывает версию о «большевизме» Клерже со времен Персии до дней эмиграции. Но нигде – ни в России, ни за границей – С. А. Елачич не соприкасался с деятельностью Г. И. Клерже. В эмиграции он жил в Шанхае, в 1920-е гг. являлся членом президиума шанхайского Союза русских эмигрантов, ведущую роль в котором играл генерал Ф. Л. Глебов[228]. Откуда же этот мемуарист мог брать суждения о нашем персонаже? Очевидно, из общих злопыхательских разговоров «старших начальников».

Пойдем дальше в своем поиске. П. П. Балакшин в книге «Финал в Китае» приводит слова жандармского генерала Н. П. Злобина (в пересказе эмигранта Н. Ф. Богунского). Н. П. Злобин изображает себя главным разоблачителем Клерже еще в Омске. Адмирал А. В. Колчак будто бы запросил Злобина о Клерже и предложил ему допросить подозрительного полковника, не подвергая его аресту. «Я лично допрашивал Клерже, – говорил Злобин. – Он был растерян от неожиданности, менялся в лице, сбивался в показаниях,

уклонялся от прямых ответов на мои вопросы и признавал служение у красных “по принуждении.” и “из страха”. (Речь идет о сведениях некоторых лиц, также приводимых у П. П. Балакшина, что Г. И. Клерже «занимал ответственные места у красных в Баку и в Тифлисе» и там «расстрелял сотни белых офицеров». – А. П.). Когда мною были названы имена офицеров, бежавших в Омск из Баку и Тифлиса, он ответил: “офицеров было много и запомнить имена их трудно. Этих имен я не помню”. Результат этого допроса был мною передан адмиралу Колчаку. Когда последовал приказ об аресте и предании суду Клерже, такового в Омске не оказалось... Впоследствии стало известно, что Клерже прибыл к атаману Семёнову в Забайкалье. Получить его от атамана Семёнова было невозможно, потому что тот был настроен против адмирала Колчака»[229].

Рассказ Н. П. Злобина о допросе им Клерже, скорее всего, чистейшая выдумка. Во-первых, в 1919 г. оба – и Клерже и Злобин – были начальниками отделов в Управлении 2-го генерал-квартирмейстера при штабе Верховного главнокомандующего, оба были равны в правах (Злобин возглавлял контрразведывательный отдел) и по законам военной субординации допрашивать Клерже мог не равный по должности, а начальник – в данном случае 2-й генерал-квартирмейстер П. Ф. Рябиков. Даже если (допустим) начальник контрразведывательного отдела имел право в случае необходимости допрашивать равных себе по статусу коллег, он должен был испросить на это разрешение у начальника, а затем ему же – начальнику доложить о результатах допроса. Но... в воспоминаниях П. Ф. Рябикова, неоднократно цитировавшихся в нашем повествовании, нет ни строчки о «большевизме» Клерже, допросах его и вообще подозрении или недоверии к нему. П. Ф. Рябиков – сам старый разведчик – по-видимому, хорошо понимал те качества Г. И. Клерже, которые так раздражали других – скрытность, рационализм поступков, умение мимикрировать под окружающую среду, входить в доверие к любым людям, в том числе политическим врагам и т. п.

Кроме того, ведь если такие обстоятельства в биографии Г. И. Клерже были открыты, почему их нет в документах расследования о Клерже, которое вела Центральная следственная комиссия Военного министерства? Ничего похожего нет и в протоколах допросов офицеров, действительно прибывших из Персии и с Кавказа, допрашивавшихся в ходе этого следствия.

Наконец, существуют документы, которые проливают совсем иной свет на взаимоотношения Н. П. Злобина и Г. И. Клерже.

1 июля 1921 г., когда атаман Г. М. Семёнов находился в станице Гродеково, Злобин обратился к нему с просьбой принять его, жандармского генерала, на службу в штаб атамана. Просьба и ответ на нее были переданы через начальника штаба Г. И. Клерже. Атаман Семёнов уклончиво ответил, что «с удовольствием будет иметь в виду» Злобина, но «в настоящее время штаб еще не развертывается» и предложить что-либо Злобину он не может[230]. Закономерен вопрос: как же так? В 1919 г. Злобин бескомпромиссно «разоблачает» и «допрашивает» тайного большевика Клерже, а спустя два года просится на службу его подчиненным?

Третий эпизод. Эмигрант Н. Ф. Богунский в своих записках, присланных П. П. Балакшину, сообщил, что Г. И. Клерже, служа у Чжан Сюэляна, «в письменной форме... предложил свои услуги генеральному консулу СССР в Мукдене Кузнецову снабжать его необходимыми сведениями за вознаграждение <...>. Кузнецов почему-то препроводил письмо Клерже непосредственно Чжан Сюэляну. Клерже узнал об этом и бежал из штаба, чтобы избежать ареста, суда и сурового наказания по китайским законам за измену и предательство <…>. Проживание на японской концессии в Мукдене Клерже считал для себя безопасным, потому что японцы не выдали бы его китайцам из-за натянутых между ними отношений»[231].

Обвинение звучит внушительно. Но знакомство с биографией самого Н. Ф. Богунского, сохранившейся в его личном деле в БРЭМ, заставляет усомниться в основательности представленной информации. Клерже ушел из мукденского штаба в 1928 г. (после гибели маршала Чжан Цзолина в железнодорожном крушении, устроенном агентами ОГПУ). Период его работы в штабе охватывает, стало быть, 1921–1928 гг. Но Н. Ф. Богунский, врач по профессии, до 1926 г. находился в СССР и потому не мог ни знать Г. И. Клерже, ни иметь каких-либо сведений о нем. В 1926 г. Богунский бежал из СССР в Китай, в 1927 г. – заведовал больницей на Мулинских копях, а в 1928–1929 гг. был врачом на ст. Пограничная. Откуда бы рядовой медик, проживая на другом конце Северного Китая, мог добыть такую конфиденциальную информацию, да еще о человеке, стоявшем на много ступеней выше него? Ответ очевиден из той же анкеты Богунского: десять месяцев, с мая 1929 по март 1930 г. он служил в Мукдене в японском госпитале и амбулатории[232]. Именно там, скорее всего, он и нахватался слухов о Клерже. А слухами об «измене», «шпионаже» в те годы, как уже говорилось, полнилась вся русская эмиграция.

Кроме того, Н. Ф. Богунский был человеком определенных политических позиций. В 1934 г. он вступил в Харбине во Всероссийскую фашистскую партию. На вопрос анкеты «Ваши политические взгляды» Богунский ответил буквально следующее: «Бей жидов коммунистов и всех врагов русского народа и спасай Россию»[233]. Мог ли носитель пещерных убеждений хорошо относиться к своему антиподу Клерже – «умному и тонкому», «развитому», «высококультурному» (по словам П. Ф. Рябикова и В. Н. Руссиянова) представителю военной интеллигенции?

Можно приводить еще немало примеров, но суть их всегда одна: люди, реально знавшие Г. И. Клерже по службе или в личном знакомстве, не говорят о нем ничего плохого; те же, кто по определению не мог знать, видеть и общаться с Клерже, передают о нем десятки досужих небылиц.

Отголоски этой травли Г. И. Клерже, начатой по инициативе идеологов БРЭМ, докатились и до наших дней. Даже в очень ценной и содержательной монографии С. С. Балмасова можно, например, найти упоминание имени Г. И. Клерже как «крупного агента советской разведки»[234] (при том, что автор монографии неоднократно пишет, что японские доказательства «шпионажа» и «службы на большевиков» сплошь и рядом были фальсификацией спецслужб и сотрудничавших с ними эмигрантов). С. С. Балмасов не приводит никаких доказательств своего тезиса, но говорит, что Г. И. Клерже «погубил» своими признаниями бывший чекист, начальник управления НКВД по Дальневосточному краю небезызвестный Г. С. Люшков, бежавший 13 июня 1938 г. из СССР в Маньчжурию. И опять – логическая неувязка. Как выяснит читатель через несколько страниц, Клерже был казнен в феврале (по другой версии в начале мая) 1938 г. При чем же здесь Люшков, попавший в руки японской контрразведки лишь в середине июня? Если речь идет о закреплении версии о «шпионаже» Клерже, так сказать, задним числом, то ведь очевидно, что Люшков, полностью зависимый от японцев, мог «подтвердить» и «заявить» все, о чем попросили бы его новые хозяева. Отметим также, что ни в одной публикации по истории советской разведки, каковых появилось немало за последнее время (фундаментальных «Очерках истории российской внешней разведки», монографиях А. И. Колпакиди и Д. П. Прохорова, статьях В. Я. Кочика) никаких сведений о Г. И. Клерже как советском разведчике или агентурном сотруднике нет (хотя приводятся фамилии сотен других агентов)[235]. А ведь работа на советскую

разведку военного эмигранта такого масштаба (будь она реальной) наверняка считалась бы крупнейшим достижением разведывательных органов.

Версию о сотрудничестве Г. И. Клерже с советской разведкой, таким образом, разумно признать несостоятельной. Но как раз эта мифическая разведдеятельность Клерже стала предлогом для его ликвидации японскими оккупационными властями и их русскими подручными.

* * *

Летом 1937 г. японская армия двинулась в наступление на юг Китая, смяв сопротивление вооруженных сил национального правительства Гоминдана. Клерже, не ожидавший от японской оккупации ничего хорошего, решил выбраться из Шанхая. Он выехал в Харбин, но по дороге был задержан японцами в Дайрене. На допросе в японской военной миссии Клерже обвинили в том, что он, совершая сделки по купле-продаже угля, использовал средства советского торгового представительства. Приводя этот факт, П. П. Балакшин выражает мнение, что версия о коммерческой связи Клерже с советским торгпредством вполне могла быть выдумкой его конкурентов. Тем не менее во въезде в Маньчжурию Георгию Иосифовичу было отказано. Он уехал в Тяньцзин, где также имелась значительная колония русских эмигрантов. В Тяньцзине Г. И. Клерже открыл контору по продаже угля, но она, по словам П. П. Балакшина, работала плохо[236]. Обживаясь в Тяньцзине, Клерже встретил своего шанхайского знакомого – В. М. Кедроливанского, знаменитого служащего Шанхайской муниципальной полиции, русского «гения сыска» в Шанхае. Между сыщиком и бывшим царским разведчиком завязалась тесная связь, похожая на дружбу[237]. Но на Клерже обратили внимание и совсем другие силы, группировавшиеся в Тяньцзине вокруг ставшего известным своим коварством и жестокостью Антикоммунистического комитета.

Организация русской эмиграции, именуемая Антикоммунистическим комитетом Северного Китая, была создана в августе 1937 г., вскоре после оккупации Тяньцзина японскими войсками. Комитет занимал большое здание, называвшееся Белым домом. Руководящие кадры этого марионеточного учреждения, действовавшего по прямому указанию японской жандармерии, составляли люди с ярко выраженной склонностью к насилию, жаждавшие власти над эмиграцией и неразборчивые в средствах. Председателем

Антикоммунистического комитета стал казак Е. Н. Пастухин – человек «волевой и твердый», «ярый семеновец», отличившийся жестокостью еще в Гражданскую войну. Пастухин устраивал японцев тем, что в отличие от своих сослуживцев по комитету обладал некоторыми навыками организационной и публичной деятельности. С 1929 г. он занимался в Тяньцзине журналистикой, был репортером одной из газет и на этой почве имел знакомство с рядом представителей местной власти и эмиграции. Параллельно с работой в Антикоммунистическом комитете Пастухин редактировал газету «Возрождение Азии», которую издавал русский отдел Японской военной миссии в Тяньцзине. Однако досье Е. Н. Пастухина, накопленное в БРЭМ, изобилует уничижительными характеристиками на него своих же соратников и агентов жандармерии. Пастухин, по словам агентурных справок, «любит самоуправство…», «в эмиграции, проживая в Харбине, совсем спился, был даже ночлежником. Потом оправился». Семёновец генерал Малакен отзывался о Пастухине пренебрежительно – он помнил этого журналиста по Тяньцзину 1929–1930 гг., когда тот «производил жалкое впечатление мелкого и нечистоплотного газетного сотрудника». После того, как Е. Н. Пастухин встал во главе Антикоммунистического комитета, японская жандармерия получила сведения, подтвержденные из нескольких источников, что он «держит себя очень заносчиво. Благодаря его поведению комитет рассматривается как полицейское учреждение, но учреждение это сплотить и организовать эмиграцию не в состоянии. Добиться свидания с Пастухиным в Тяньцзине невозможно. Чувствуя свою силу, груб и лезет напролом. Он не обладает природным тактом»[238].

Другие ключевые фигуры Антикоммунистического комитета – Л. Н. Гутман, А. И. Левицкий и С. Караев – выглядели еще более мрачно. С их водворением в составе комитета появился особый отдел, а в подвале Белого дома были оборудованы камеры для подследственных этого отдела – русских эмигрантов, попавших на подозрение в нелояльности либо чем-то неугодных японской администрации. Агенты комитета, вдохновленные своей безнаказанностью, устроили в Тяньцзине настоящую «охоту за ведьмами», разыскивая и изобличая массу «прокоммунистических элементов». «Под это широкое понятие можно было подвести кого угодно, – пишет П. П. Балакшин, – эти японские назначенцы устанавливали контроль над эмигрантами, занимались сыском, вели расследование и следствие, применяли при допросах физические меры воздействия

вплоть до чудовищных азиатских пыток, и нередко сами приводили в исполнение вынесенные японскими жандармерскими органами смертные приговоры»[239].

Одним из проводников террора являлся начальник регистрационного отдела Антикоммунистического комитета некто С. Караев, с самого начала не вызывавший доверия у русской общины Тяньцзина. Кавказец, сын ссыльно-каторжного отца, который вдобавок был гражданином СССР, мусульманин, имевший домашнее среднее образование – ни по каким критериям этот функционер не подходил на должность руководителя одного из ведущих отделов комитета. Кроме одного – он был самым преданным сотрудником майора Таки – главы русского отдела Японской военной миссии в Тяньцзине[240]. В секретном рапорте об обследовании Антикоммунистического комитета секретарь газеты «Голос эмигранта» М. П. Шмейссер записал, что С. Караев – «большой татарский националист, русофоб и юдофоб»[241]. Позднее С. Караев действительно был разоблачен как тайный агент НКВД (хотя судить о том, насколько это соответствует действительности, не представляется возможным).

Помощником Е. Н. Пастухина в Антикоммунистическом комитете являлся Л. Н. Гутман – бывший хорунжий атамана Калмыкова, участник карательных экспедиций в Приамурье[242]. Гутман, служивший до Тяньцзина в судебно-уголовном отделе харбинской полиции, прослыл как вымогатель, шантажист и садист. Убрав Гутмана с глаз долой из Харбина, японцы выслали его в Тяньцзин. Здесь калмыковский каратель, кроме службы в Антикоммунистическом комитете, получил в свои руки особый отдел японской железнодорожной полиции со штатом в 80 эмигрантов, которые под руководством Гутмана творили невообразимую вакханалию пыток, зверств, насилий, издевательств над русскими, снятыми с поездов при проверке документов[243].

Еще одной знаковой фигурой Антикоммунистического комитета представал А. И. Левицкий – старший унтер-офицер Дальневосточной армии, подручный Л. Н. Гутмана в пыточных делах и расправах с неугодными эмигрантами[244].

Все эти люди, тесно связанные с майором Таки, сыграли зловещую роль в судьбе генерала Г. И. Клерже, волею случая оказавшегося в их руках.

Обстоятельства ареста и гибели Клерже наиболее подробно, со ссылками на свидетелей, описывает в своей книге П. П. Балакшин. По его рассказу, Г. И. Клерже сам пришел в логово палачей – Белый дом, в котором расположился Антикоммунистический комитет.

Генерал был намерен проситься на работу то ли в газету «Возрождение Азии» (и, по-видимому, не на рядовую, а на руководящую), то ли в Антикоммунистический комитет. Провокационную роль в этой истории сыграли некоторые тяньцзинские эмигранты и, в частности, член Антикоммунистического комитета и сотрудник редакции «Возрождение Азии», а по совместительству вице-председатель местной еврейской общины некто Пирютинский. Он и ряд других деятелей эмиграции уверяли Клерже, что Е. Н. Пастухин склонен оставить один из своих постов, так как тяготится совмещением редакторства в газете с председательством в комитете. Далее, по описанию Балакшина, произошло следующее: «...Клерже сам попросил Пирютинского устроить ему встречу с Пастухиным. В назначенный день они отправились на свидание с Пастухиным. Клерже встретили хорошо и провели в общий кабинет майора Таки и Пастухина, а Пирютинского попросили обождать в приемной. Ждать пришлось долго. Наконец в переднюю вышел Пастухин и спросил, кого он ждет. На ответ Пирютинского он засмеялся и сказал, что Клерже уже час назад как ушел домой.

Клерже не оказалось дома. Поиски его не привели ни к чему. Когда некоторое время спустя спросили Пастухина, не знает ли он, что случилось с Клерже, тот ответил, что он арестован. Больше его уже никто не видел, хотя в течение нескольких месяцев японская жандармерия продолжала принимать для него передачу от его друзей»[245]. Передачи ему носила М. С. Забиякина – жена лесного подрядчика И. И. Забиякина, в прошлом командира сотни и коменданта штаба Азиатской конной дивизии барона Р. Ф. Унгерна[246].

По версии П. П. Балакшина, Георгий Иосифович находился в казематах Белого дома около полугода. Арест произошел в середине декабря 1937 г., развязка наступила в начале мая 1938 г. Можно не сомневаться, что все эти месяцы тюремщики применяли в отношении узника пытки и истязания. Наконец, в начале мая 1938 г. майор Таки вызвал М. С. Забиякину и заявил ей, что на следующий день генералу Клерже потребуются бритвенные принадлежности, поскольку завтра он будет выпущен из тюрьмы. Но на следующий день тот же Таки неожиданно объявил пришедшей Забиякиной, что «все неожиданно изменилось» и передачи в дальнейшем носить не следует. На вопрос о судьбе Клерже японский майор ответил незнанием.

Обман потребовался оккупантам и их подручным для сокрытия истины. А она такова: майским днем (или ночью – история

об этом умалчивает) пятеро узников, среди которых находился генерал Г. И. Клерже, были вывезены из Тяньцзина в окрестное поселение Танка. Их конвоировали японские жандармы, сопровождаемые А. И. Левицким. Связанных узников вывели в поле подальше от жилых построек, и там Левицкий и жандармы задушили их веревками. При казни, по-видимому, присутствовал и Л. Н. Гутман, который позднее рассказывал о ней как очевидец[247].

Существует другой вариант гибели Г. И. Клерже. Согласно ему, генерал недолго прожил после своего ареста, он был расстрелян Л. Н. Гутманом прямо в тюрьме в Белом доме. А. А. Хисамутдинов, огласивший эту версию, называет и другую дату ареста Клерже – 22 января 1938 г.[248]

Документы, сохранившиеся в досье Г. И. Клерже в БРЭМ, подтверждают обе эти версии: в одном случае осведомитель сообщил о расстреле Клерже «за шпионаж» в донесении от 12 февраля 1938 г., в другом случае другой агент оповестил об этом своих хозяев 6 мая 1938 г.[249]

Слухи о расправе с Г. И. Клерже всполошили в Китае многих его друзей. Характерна реакция В. М. Кедроливанского, который, вероятно, знал о делах и мыслях Клерже несколько больше, чем другие. Прослышав об аресте Г. И. Клерже, Кедроливанский сразу покинул Тяньцзин и вновь поселился в Шанхае. Когда же до бывшего детектива дошли сведения об убийстве Клерже, он вообще уехал из Китая на Филиппины, сбив с толку окружающих сообщением, что едет в Дайрен[250].

В чем же причина столь жестокой и, казалось бы, немотивированной казни Г. И. Клерже теми, кому он немало послужил в прошлом и кто без особого труда мог бы распутать клубок слухов вокруг имени генерала? Много знающий и еще не старый (55 лет) крупный военный специалист по России, Маньчжурии и Китаю вполне пригодился бы для дальнейшего сотрудничества. Но оккупационный режим действовал в русле другой логики. Ее вполне точно обрисовывал харбинский домовладелец, современник расправ над Клерже и другими эмигрантами, некий А. А. Николаев – человек, по-видимому, умный и проницательный. Николаев говорил о другом случае политического убийства – об устранении Антикоммунистическим комитетом К. М. Воронина, которого тоже обвиняли в связях с большевиками. Но выводы харбинца вполне применимы и к «делу» Клерже.

«Не пытаясь докопаться до истинных причин смерти К. Воронина, – говорил А. А. Николаев, – можно сказать, что одна из причин – он слишком много знал, он служил в жандармерии, он был свидетелем целой эпохи в жизни этого учреждения. Таких свидетелей в живых не держат <…>. В конце концов, слишком большая осведомленность – шанс на скоропостижную смерть, а те, кто так или иначе ее выявляют перед японцами, копают себе яму. Все или большинство видных японских сотрудников (речь идет о русских сотрудниках японских учреждений – А. П.) обречены на скоропостижную смерть, разница только в сроке, а этот срок зависит от умения молчать, преданности, сговорчивости и вопросов морали»[251].

С таким выводом соглашались современники Клерже, согласятся, я думаю, и сегодняшние исследователи.

* * *

Да, не только революция, но и контрреволюция пожирала своих детей. Сохранились только клочья, обрывки их мыслей и чувств – в виде воспоминаний, писем, художественных произведений и научных сочинений.

Воспоминания Г. И. Клерже – не худшее из мемуарного наследия белой эмиграции, скорее наоборот. Сравнивая их с воспоминаниями противников Клерже, в частности, одного из руководителей БРЭМ генерала В. А. Кислицына, отчетливо видишь разницу. В книге Клерже степень субъективизма держится на вполне допустимом уровне, нет той безудержной похвальбы и самовозвеличивания, на которые пускаются иные мемуаристы. Клерже понимает, что он находится в стане побежденных – и это удерживает его от восторгов перед Белым движением, заставляет давать последнему относительно объективную, умеренно критическую оценку. Сравнительно немного в мемуарах и попыток оправдаться перед историей.

При всем том личность автора, конечно же, накладывает на его тексты неизгладимый отпечаток. П. Ф. Рябиков, пожалуй, был прав, когда называл два главных недостатка Г. И. Клерже – честолюбие и склонность к авантюризму. То и другое, в конце концов, погубило автора мемуаров. Следы этих, присущих Г. И. Клерже, особенностей характера совершенно ясно видны в его мемуарах.

Все слова покажутся лишними, когда Вы, читатель, перевернете эту страницу и углубитесь в недра увлекательного литературного и исторического сочинения, оставленного нам офицером и журналистом Г. И. Клерже.

Примечания

[1] Клерже Пьер (Clerget Pierre) – французский инженер, один из первых во Франции создателей авиационных моторов, в том числе первого ротативного мотора (1912) и первого официально зарегистрированного мотора на бензине (Nouveau Larousse universel. Paris : Libraire Larousse, 1969. T. 1. P. 364 ; Le Grand Robert des noms propres: Dictionnaire universel alphabetique et analogique des noms propres / Sous la direction de Paul Robert. Paris : Le Robert, 1983. T. 2. P. 696).

[2] Клерже Николай Иосифович (19(7).07.1879 – ?) – офицер. Окончил Эриванскую гимназию (1902) и Тифлисское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду (1904). 22(9).08.1904 г. произведен в подпоручики и отправлен на службу в 73-й пехотный Крымский Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича полк. Командовал ротами, командой разведчиков и службой связи (1905–1910). Произведен в поручики (1908), затем штабс-капитаны (1912), награжден орденом Святого Станислава 3-й степени (1912). С 20.05.1914 г. был начальником пулемётной команды. Воевал на фронте против австрийцев с пятого дня войны (5.08 (23.07).1914). В боях за крепость Перемышль был ранен (7.10 (24.09).1914), до 7.02 (25.01).1915 г. находился в отпуске по ранению. С 30 (17)06.1915 г. преподавал пулеметное дело в 4-й Киевской школе прапорщиков, затем был курсовым офицером в 3-й школе. Награжден мечами и бантами к имеющемуся ордену Святого Станислава 3-й степени (1915). В 1918–1920 гг. служил в Добровольческой армии, затем в Вооруженных силах Юга России (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 70149. Л. 1–4 об.).

[3] Клерже Сергей Иосифович (7.12(25.11).1890 – 1918) – офицер. Окончил 2-й Московский Императора Николая I кадетский корпус (1908) и Павловское военное училище (1910). Получил разрешение носить очки (1908), но несмотря на слабое зрение, был удостоен в 1909 г. звания отличного стрелка из винтовки и награжден знаком «За отличную стрельбу» 3-й степени. 19(6).08.1910 г. произведен в подпоручики и направлен в 7-й Кавказский стрелковый полк в г. Эривани. Служил полковым адъютантом. Участник Первой мировой войны. После революции воевал на стороне красных. В 1918 г. погиб в бою, похоронен в братской могиле у Вечного огня во Владикавказе. Здесь же, в Орджоникидзе (Владикавказе\ в конце 1962 г. умерла Е. И. Борисенко (Клерже) – сестра четырех братьев. Возможно, белогвардейские свидетели, обвиняя позднее Г. И. Клерже в принадлежности к большевистскому движению на Кавказе, путали его с братом Сергеем (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 35736. Л. 1–5 об. ; Сведения А. В. Златоустовского).

[4] Клерже Александр Иосифович (ок. 1897 – ?) – офицер. Окончил Тифлисский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Участник Первой мировой войны, к началу 1917 г. – хорунжий

2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. С 1918 г. в Добровольческой армии, участвовал в первом Ледяном походе генерала Л. Г. Корнилова, затем служил в Вооруженных силах Юга России. В 1920 г. – войсковой старшина корниловского конного полка. Осенью 1920 г. эмигрировал из Крыма в Румынию, в Екатеринодаре остались его жена и дочь, в дальнейшем дочь была замужем за крупным краснодарским партийным начальником (Елисеев Ф. И. С корниловским конным… М. : АСТ ; Астрель, 2003. С. 622 ; Сведения А. В. Златоустовского).

[5] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 168065. Л. 1–4 об; Д. 326596. Л. 1–5.

[6] Юбилейное торжество // Мукденский вестник. Мукден, 1928. 1 сент. (№ 94). С. 3.

[7] Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) было создано в России в 1910 г. для улучшения дела военного управления и организации. Во 2-м обер-квартирмейстерстве ГУГШ была сконцентрирована работа по военной разведке. После Февральской революции и некоторое время после большевистского переворота (до марта 1918 г.) этой деятельностью ведал помощник 2-го обер-квартирмейстера генерал-майор П. Ф. Рябиков.

[8] Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. СПб., 1914. С. 774.

[9] См. напр.: Старый Кунак. К юбилею ген[ерала] Клерже // Мукденский вестник. 1928. 5 авг. (№ 92). С. 2 ; Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрполиграф, 2007. С. 497 ; Клерже Георгий Иосифович : сайт / Павловское военное училище. URL: http://pvu-1863.ucoz.ru/publ/11-1-0-658 (дата обращения: 02.12.2008).

[10] *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М. : ИД «Рус. разведка», 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 477.

[11] Старый Кунак. К юбилею ген[ерала] Клерже… С. 2.

[12] *Клерже Г.* Что осталось от австро-германо-болгаро-турецкого союза : (стат. и документ. данные). Пг. : Издат. отд. [ГУГШ], 1917. 37 с.

[13] *Рябиков П. Ф.* В Главном управлении Генерального штаба после революции : воспоминания начальника разведывательного отдела [Рукопись] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1 в. – Л. 1–37 об.

[14] Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : биогр. справ. – М. : Рус. путь, 2003. – С. 113.

[15] Клерже Георгий Иванович : сайт / Энциклопедия Забайкалья. URL: http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3415 (дата обращения: 02.12.2008).

[16] *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.) : энцикл. и библиогр. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2007. Т. 1. С. 166.

[17] *Шмарглит Р. Г.* Белое движение: 900 биографий крупнейших представителей русского военного Зарубежья. М. : Зебра Е, 2006. С. 149.

[18] *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: опыт энциклопедии. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. С. 155–156.

[19] *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае… С. 497.
[20] Клерже Георгий Иосифович // Павловское военное училище…
[21] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 213. Л. 94.
[22] См. приложение № 1, документ № 4.
[23] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 169 об.
[24] Там же. Д. 265. Л. 5.
[25] См. приложение № 1, документы № 1, 3, 5, 6.
[26] Об этом Г. И. Клерже, не скрывая, писал в своих показаниях при расследовании его дела в Военном министерстве А. В. Колчака (см. приложение № 2, документ № 16).
[27] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 265. Л. 2 ; Д. 196. Л. 168 об. – 169.
[28] Там же. Д. 265. Л. 8.
[29] Там же. Д. 161. Л. 25 об – 26, 61–61 об, 93, 102–104 об, 116–116 об, 126–128 об, 134–136 об, 152–152 об, 155–161, 189–190 об.
[30] Там же. Д. 212. Л. 80–82 об.
[31] Там же. Д. 213. Л. 82–82 об, 86–87 ; Д. 196. Л. 168.
[32] См. приложение № 1, документы № 15, 19, 21, 22.
[33] См. там же, документ № 20.
[34] См. там же, документ № 18.
[35] См. там же, документ № 13.
[36] Мамонов Петр Петрович – казак Кубанского казачьего войска. В Персидской казачьей Его Величества шаха бригаде, затем дивизии – войсковой старшина. С октября 1917 г. – начальник Тевризского отряда дивизии. В 1918–1919 гг. служил в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России, получил звание генерал-майора. С июня 1919 г. – начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. Убит 27.09.1919 г. в бою севернее г. Царицына (Стрелянов (Калабухов) П. Н. Корпус генерала Баратова. 1915–1918 гг. М., 2002. С. 149).
[37] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 246. Л. 16,24, 25а, 43, 44а.
[38] Там же, Л. 49.
[39] Там же, Л. 64.
[40] Там же, Л. 67а.
[41] Там же. Д. 213. Л. 66–66 об.
[42] Там же. Д. 196. Л. 176 об – 177 об.
[43] Там же. Д. 273. Л. 16 об – 17.
[44] См. приложение № 2, документ № 16.
[45] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 161. Л. 71, 82.
[46] Там же. Д. 288. Л. 6, 8, 10.
[47] Там же. Л. 12 – 12 об.
[48] Там же. Л. 15.
[49] Там же. Л. 7; Д. 246. Л. 121.
[50] Там же. Л. 9–9 об.
[51] См. приложение № 1, документ № 11.
[52] См. там же, документ № 9.

[53] См. приложение № 2, документы № 29, 62.
[54] См. там же, документ № 16.
[55] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 179.
[56] Там же. Д. 273. Л. 17 об – 19 об.
[57] Там же. Д. 196. Л. 181–181 об; Д. 273. Л. 16.
[58] Там же. Д. 288. Л. 1.
[59] См. приложение № 1, документ № 24.
[60] См. там же, документ № 26.
[61] См. приложение № 2, документы № 11, 14, 29, 65.
[62] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 273. Л. 20 об.
[63] См. приложение № 1, документ № 28.
[64] См. там же, документы № 10, 25, 27, 29.
[65] Поверенному в делах (фр.).
[66] РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 212. Л. 84–85.
[67] Там же. Л. 85 об.
[68] Там же. Оп. 2. Д. 480. Л. 27.
[69] Там же. Оп. 1. Д. 542. Л. 1–15.
[70] *Захарин И. Е.* На службе у персидского шаха // Часовой. Париж, 1981. № 629 (1). (Янв. – февр.). С. 16 ; *Калугин С.* Персидская казачья Его Величества шаха Персии дивизия // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 11 (май). С. 17 ; Булацель С. Воспоминания о службе в Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии // Там же. С. 20 ; РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–5.
[71] См. приложение № 2, документы № 26, 59, 60.
[72] См. там же, документы № 3, 26.
[73] См. там же, документы № 37–44.
[74] *Луков Е. В., Шевелёв Д. Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 184 с.
[75] Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 105; Д. 50. Л. 1–24.
[76] Там же. Д. 102. Л. 1–40.
[77] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1а. Л. 261.
[78] Там же. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 15. Л. 70–80.
[79] Там же. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1а. Л. 213–215.
[80] Там же. Л. 207–209.
[81] Там же. Л. 208.
[82] РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.
[83] От Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх) // Сиб. речь. Омск, 1919. 15 июля ; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17. Л. 216.
[84] Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 289. Оп. 3. Д. 118. Л. 18.
[85] Там же. Ф. 334. Оп. 2. Д. 120. Л. 43.

[86] Там же. Л. 46.

[87] ГАРФ. Ф. Р-776. Оп. 5. Д. 1774. Л. 56–56 об ; Сиб. речь. Омск, 1919. 3 сент.

[88] Осведомительный отдел // Наша газета. Новониколаевск, 1919. 17 окт. (№ 9). С. 3.

[89] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 15. Л. 66, 68.

[90] РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 175. Л. 182.

[91] ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 15. Л. 70–80.

[92] ГАЧО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 16. Л. 70 об., 97.

[93] Там же. Ф. 334. Оп. 2. Д. 135. Л. 5.

[94] *Иванов Вс. Н.* Исход: из воспоминаний. Хабаровск, 2008. С. 243–245.

[95] *Анов Н. И.*На литературных перекрестках: воспоминания. Алма-Ата, 1974. С. 85.

[96] Ирония истории состоит в том, что японский консул в Омске генерал Р. Танака спустя годы стал свидетелем обвинения с советской стороны на Токийском процессе 1946 г. над главными японскими военными преступниками. Видимо, «либерализм» увел и его в сторону от «патриотизма».

[97] См. приложение № 2, документ № 58.

[98] Дочь полковника Л. Н. Канабеева, проживающая ныне в Канаде Н. Л. Вильямс (Канабеева) сообщила автору данных строк, что в их семье еще долго вспоминали как главную опасность этого пешего похода главы семьи – возможность заразиться от его больного спутника.

[99] *Иванов Вс. Н.* Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922 гг.): главы из воспоминаний // Вс. Н. Иванов Императрица Фике. Дочь маршала : ист. повести. М. : Худ. лит., 1992. С. 434.

[100] ГАЧО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 13. Л. 275 ; Д. 82. Л. 7

[101] Там же. Л. 319 об.

[102] Там же. Ф. 329. Оп. 1. Д. 50. Л. 8 ; Д. 66. Л. 41.

[103] Там же. Д. 66. Л. 40 ; Д. 82. Л. 110.

[104] Там же. Д. 82. Л. 85 ; Д. 50. Л. 98.

[105] Там же. Д. 13. Л. 374–374 об.

[106] Там же. Д. 50. Л. 64.

[107] Там же. Д. 82. Л. 84.

[108] Там же. Д. 50. Л. 132–132 об.

[109] Там же. Д. 82. Л. 118.

[110] *Василевский В. И.* Забайкальская белая государственность: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. С. 100 ; Бучко Н. П. Военная элита белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922 гг.). Хабаровск : Част. коллекция, 2009. С. 182.

[111] См. приложение № 4, документы № 1, 2.

[112] См. приложение № 3, документ № 1.

[113] *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 113.

[114] Атаман Семёнов во Владивостоке (из газет) // Свет. Харбин, 1921. 11 июня (№ 590). С. 3 ; Приложение № 3, документы № 2, 4, 5.

[115] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–3.

[116] Там же. Д. 76. Л. 12–16.

[117] См. приложение № 3, документ № 2.

[118] См. там же, документ № 5.

[119] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 22.

[120] *Иванов В.[Ф.]* Каким путем Меркуловы пришли к власти // Последние новости. Гродеково, 1921. 20 июля (№ 7). С. 2.

[121] *Иванов Вс. Н.* Исход: Главы из воспоминаний… С. 372–373.

[122] Выписка из приказа русским отрядам на территории советской Сибири. № 15. Мая 21 дня н.с. 1921 г., г. Урга // Русский воин. Владивосток, 1921. 19 июня (№ 11). С. 3–4.

[123] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 35–35 об.

[124] Там же. Д. 16. Л. 81–82.

[125] Там же. Д. 1д. Л. 36–36 об.

[126] Заявление Семёнова // Голос Родины. Владивосток, 1921. 13 июня (№ 514). С. 1.

[127] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 23.

[128] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 36 об.

[129] Беседа с С. Д. Меркуловым // Голос Родины. 1921. 29 мая (№ 499). С. 2.

[130] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 20–21.

[131] ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

[132] Печать // Голос Родины. 1921. 13 июня (№ 514). С. 3.

[133] См. приложение № 3, документ № 2.

[134] История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Владивосток : Дальнаука, 2003. С. 506.

[135] Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.

[136] См. приложение № 3, документ № 5.

[137] См. там же, документ № 4.

[138] См. там же, документ № 3.

[139] Оригинал листовки см.: РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.

[140] Приемы политической борьбы // Голос Родины. 1921. 13 июня (№ 514). С. 2–3.

[141] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–5, 14–20 и др.

[142] См. приложение № 3, документ № 3.

[143] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 17–20.

[144] *Власов В. В.* Прежде и теперь // Русский воин. 1921. 19 июня (№ 11). С. 2 ; Загоскин Д. Новая еврейская монополия // Там же. С. 2–3.

[145] *Бородин Н.* Вниманию Временного правительства // Русский воин. 1921. 19 июня (№ 11). С. 1.

[146] Главноуговаривание (шарж) // Голос Родины. 1921. 13 июня (№ 514). С. 3. Подп.: Турист.

[147] История Дальнего Востока России… С. 507.

[148] ГАПК. Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 в, 5.

[149] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 77. Л. 4–5.

[150] Там же. Д. 73. Л. 6.

[151] Они здесь не причем // Неволя. Владивосток, 1921. 3 июля (№ 1). С. 4.

[152] Имеется в виду вооруженное выступление японских войск во Владивостоке и других городах Приморья 4–5 апреля 1920 г., направленное против большевистских и просоветских элементов, открыто поднимавших голову при Временном правительстве Приморской областной земской управы. Японцы жестоко подавили тогда попытку «советизации» Приморья, разоружив и разгромив военные отряды и части, нелояльные интервентам, арестовав и уничтожив многих большевиков, левых эсеров, красных партизан и т. п.

[153] ГАПК. Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 36. Л. 8–9.

[154] Приказ Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины и походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала. № 27. 3 июля 1921 г. // Последние новости. Гродеково, 1921. 10 июля (№ 1). С. 1.

[155] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–9.

[156] См. приложение № 3, документ № 3.

[157] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 11.

[158] Карты Меркулова раскрываются // Последние новости. 1921. 17 июля (№ 5). С. 1 ; Связь Меркулова с большевиками // Там же. С. 1 ; Большевики обрабатывают каппелевцев // Там же. С. 1 ; Из-за покровительства большевикам // Там же. С. 1 ; Гнусный расстрел безоружных // Там же. 14 июля (№ 3). С. 1.

[159] Болезнь Молчанова // Последние новости. 1921. 14 июля (№ 3). С. 1.

[160] Сербский В. Язык без костей // Последние новости. 1921. 6 авг. (№ 16). С. 2 ; Его же. Переполох во Владивостоке // Там же. 28 июля (№ 12). С. 1 ; Его же. Владивосток перед событиями // Там же. 17 июля (№ 5). С. 1 ; Его же. Начало конца // Там же. 26 июля (№ 11). С. 1 и др.

[161] Аресты семёновцев // Неволя. 1921. 3 июля (№ 1). С. 4.

[162] Меркуловские пленники // Последние новости. 1921. 10 июля (№ 1). С. 1 ; Мученики Владивостокской гауптвахты // Там же. С. 2 ; Чехарда с арестованными // Там же. 12 июля (№ 2). С. 2 ; Издеваются… // Там же ; Что пережили арестованные? // Там же. 14 июля (№ 3). С. 2.

[163] Братья мошенники // Последние новости. 1921. 17 июля (№ 5). С. 1.

[164] Слет в Гродеково // Неволя. 1921. 5 июля (№ 2). С. 3 ; Подготовка к авантюре // Там же. 3 июля (№ 1). С. 4.

[165] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 77. Л. 6–7.

[166] Там же. Д. 69. Л. 1б.

[167] Переговоры Временного правительства с Семёновым // Голос Родины. 1921. 4 авг. (№ 565). С. 3.

[168] У С. Д. Меркулова: интервью // Голос Родины. 1921. 5 авг. (№ 566). С. 3.

[169] Уничтожение читинских бон // Там же.

[170] Правительственное предупреждение // Голос Родины. 1921. 6 авг. (№ 567). С. 3.

[171] Лишение Семёнова звания походного атамана // Неволя. 1921. 5 июля (№ 2). С. 2 ; Истинная цена «лишения» // Последние новости. 1921. 10 июля (№ 1). С. 2.

[172] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.

[173] Там же. Д. 76. Л. 22–24 об. ; У атамана Семёнова // Голос Родины. 1921. 18 авг. (№ 579). С. 1.

[174] Тиф в Гродеково // Русский голос. Харбин, 1921. 1 сент. (№ 337). С. 1 ; Тиф среди гродековцев // Там же ; Среди каппелевцев // Голос Родины. 1921. 5 авг. (№ 566). С. 3.

[175] *Michalowski W. S.* Wielkie safari Autoniego O.: Kym byl Antoni Ferdynand Ossendowski. Warszawa : Iskry, 2004. S. 75–76.

[176] Ibid. – S. 32–33.

[177] Балакшин П. П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 296.

[178] ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 34 об – 35. Возможно, это ошибка и речь идет о назначении Клерже на службу у Чжана в конце 1921 г.

[179] Печать о Чжан Цзолине // Вехи. Хабаровск, 1922. 30 мая (№ 12). С. 1.

[180] Семёнов и Чжан Цзолин // Русский голос. 1921. 6 февр. (№ 174). С. 2.

[181] ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 11. Л. 138.

[182] Старый Кунак. К юбилею ген[ерала] Клерже (окончание) // Мукден. вестн. 1928. 5 авг. (№ 93). С. 2.

[183] *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 356.

[184] *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае… С. 19.

[185] Старый Кунак. К юбилею ген[ерала] Клерже (окончание)… С. 2.

[186] *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании… С. 455.

[187] *Николаев Н. [Н].* История возникновения русской группы мукденских войск: (краткий исторический очерк) [Рукопись] // ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–5 ; За кулисами Нечаевского отряда // Новая Шанхайская жизнь. Шанхай, 1925. 22 окт. С. 3.

[188] ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–4.

[189] *Балмасов С. С.* Белогвардейцы на военной службе в Китае… С. 274. В указанный период (1928 г.) А. А. Тихобразов был помощником командира конвойного конного полка в Русской группе войск.

[190] ГАРФ. Ф. Р-7043. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.

[191] Там же. Л. 4. Из этого же письма, кстати, следует, что семья Г. И. Клерже цела и находится при нем.

[192] Там же. Д. 50. Л. 76, 107, 108, 112.

[193] Старый Кунак. К юбилею ген[ерала] Клерже (окончание)… С. 2.

[194] *Балмассов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае… С. 326–327.

[195] Там же. С. 405.

[196] *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ : очерки истории российской военной разведки. М.: Олма-пресс, 2000. Т. 1. С. 180–181 ; Их же. КГБ: приказано ликвидировать: спецоперации советских спецслужб. 1918–1941 гг. М. : Яуза: Эксмо, 2004. С. 195–196.

[197] Адамсон Герман Карлович (1893 – ?) – сотник, затем подъесаул и есаул Амурского казачьего войска. В октябре 1922 г. эвакуировался из Приморья. В эмиграции – мелкий предприниматель, владелец химической чистки в Тяньцзине. С декабря 1925 по март 1927 г. – младший офицер на бронепоезде «Ханан» в Русской группе войск армии маршала Чжан Цзунчена. С октября 1927 г. проживал в Харбине. В 1937 г. – есаул Амурской станицы в Маньчжурии (Справочник – список руководящего и рядового состава – членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке» – находившихся на территории Маньчжурии / Архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю. Хабаровск, 1950. С. 4).

[198] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 17.

[199] Там же. Л. 6–8.

[200] Письма отовсюду // Мукден. 1932. 27 мая (№ 243). С. 2–3.

[201] Концерт-бал. В субботу 13 февраля 1932 г. … // Мукден. 1932. 11 февр. (№ 127). С. 1.

[202] *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск : Частная коллекция, 2008. С. 42 ; «Русское общество Маньчжурии» – в стороне от эмиграции: Последние новости об истории и целях мукденского начинания // Заря. Харбин, 1932. 10 февр. (№ 39). С. 3.

[203] *К[лерже] Г.* Общие данные о Маньчжурии // Мукден. 1931. 16 июля (№ 21). С. 2. Подп.: Г. К.; и др.

[204] Информационный бюллетень № 1 Русского общества в Маньчжурии и Монголии // Мукден.1932. 2 февр. (№ 121). С. 1.

[205] *Эриванский Ю.* Мукден, 14 января (1 января 1932 г.) // Мукден. 1932. 14 янв. (№ 109). С. 1 ; *Его же.* Мукден, 22 января // Там же. 22 янв. (№ 111). С. 1 ; *Его же.* Мукден, 26 января // Там же. 26 янв. (№ 114). С. 1 ; *Его же.* Мукден, 13 февраля // Там же. 13 февр. (№ 129). С. 1 и др.

[206] *Эриванский Ю.* Народы Маньчжоу – Го. Мукден, 19 марта // Мукден. 1932. 19 марта (№ 158). С. 1.

[207] Мукденская жизнь // Мукден. 1932. 15 янв. (№ 105). С. 2.

[208] *Эриванский Ю.* Мукден, 14 января (1 января 1932 г.) // Мукден. 1932. 14 янв. (№ 109). С. 1.

[209] *Эриванский Ю.* Мукден, 26 января // Мукден. 1932. 26 янв. (№ 114). С 1.

[210] *Пурин А.* Русской молодежи на Новый 1932 год // Мукден. 1932. 7 янв. (№ 4). С. 2–3.

[211] *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 135.

[212] См. приложение № 4, документы № 1, 2.

[213] См. там же, документ № 2.

[214] См. там же, документ № 1.

[215] Депортация из пределов Маньчжу Ди Го // Луч Азии. – Харбин, 1935. № 12. С. 44 ; *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае… С. 50–51.

[216] *Волков Е. В.* Крестьянский сын белой России: линия жизни генерала П. П. Петрова // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-популяр. альманах. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 87–88.

[217] См. приложение № 4, документ № 1.

[218] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 8.

[219] *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. М. : Рус. путь : Б-ка-фонд «Рус. зарубежье», 2008. С. 397.

[220] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 249.

[221] *Перминов В. В.* Герой российский Василий Казаков // Читинский архивный вестник. Чита, 2001. № 3. С. 50–55.

[222] По данным современных специалистов, из всех участников Первой мировой войны только пять (кроме В. Г. Казакова) имели четыре Георгиевских креста и Георгиевское оружие, «но боевых орденов у них было поменьше и часть наград они получили на Русско-японской войне» (Там же. С. 51). Так что, возможно, В. Г. Казаков являлся человеком, наиболее отличившимся и отмеченным за эту войну высшими государственными наградами.

[223] *Казаков В. Г.* Немые свидетели / под ред. Ген. штаба генерал-лейтенанта Г. И. Клерже. Шанхай : Тип. А. П. Малых, 1936. 120 с.

[224] *Клерже Г.* «Полк, под знамя! Шашки вон, пики в ру-ку! Слушай… на… кара… ул!» (Вместо предисловия) // В. Г. Казаков. Немые свидетели… С. 6–8.

[225] *Перминов В. В.* Герой российский Василий Казаков… С. 53.

[226] Цит. по: Балакшин П. П. Финал в Китае… Т. 1. С. 341–342.

[227] *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае… С. 451.

[228] ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 20–21.

[229] *Балакшин П.П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 247–248.

[230] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 4–4об.

[231] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 249. Однако Кузнецов перестал быть советским генеральным консулом в Мукдене в 1925 г. (*Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 163–164). Между этой датой и временем увольнения Г. И. Клерже с мукденской службы (1928) лежат три года. Стали бы китайцы ждать со своим возмездием так долго?

[232] Богунский Николай Филиппович (20.12.1888, г. Вильно – ?, г. Сан-Франциско, США) – врач, общественный деятель. Окончил в Варшаве художественное училище, счетоводческие курсы с машинописью, Варшавскую фельдшерскую школу и медицинский факультет Варшавского университета (1914). В годы Первой мировой войны служил медиком в лейб-гвардейских частях действующей армии, 13.02.1917 демобилизован. В 1918–1920 гг. – на службе в белых армиях и в государственных учреждениях белого движения. Неоднократно арестовывался большевиками, судим их военным трибуналом. Отец и мать Богунского 08.03.1920 были заживо похоронены большевиками в Харькове из-за службы трех сыновей в белых армиях и в карательных антикоммунистических отрядах. После 1920 г. Богунский проживал в разных местах СССР, работал врачом и состоял в подпольных контрреволюционных организациях. С 02.10.1925 по 26.10.1926 занимал должность старшего врача в поликлинике г. Владивостока. 26.10.1926 бежал в Китай, в 1927 г. заведовал больницей на Мулинских копях, с 1928 г. был врачом 14-го участка на ст. Пограничная. С 15.05.1929 по 08.03.1930 служил в Мукдене в госпитале доктора Инода и в амбулатории Миаказава. В 1930 г. имел частную врачебную практику в г. Циндао, затем в 1930–1933 гг. был частным врачом в Шанхае. Организовал и возглавил в Шанхае благотворительное Общество друзей русской школы, был председателем родительского комитета Коммерческого училища Русского православного братства. До апреля 1929 г. состоял в Харбинском отделении РОВС, 18.05.1934 вступил во Всероссийскую фашистскую партию. 09.01.1926 был осужден харбинским судом за уголовное преступление. После 1941 г. уехал из Китая в США, проживал в г. Сан-Франциско (ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 4887. Л. 1–4).

[233] Там же. Л. 2.

[234] *Балмасов С. С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае… С. 452.

[235] Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. М., 1996–1999. Т. 2: 1917–1933 гг. 271 с. ; Т. 3: 1933–1941 гг. 495 с. ; *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Внешняя разведка России. СПб. : Нева ; М. : Олма-пресс, 2001. 511 с. ; Их же. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки : в 2 кн. М. : Олма-пресс, 2000 ; Их же. Все о внешней разведке. М. : АСТ : Олимп, 2002. 637 с. ; Их же. КГБ: приказано ликвидировать: спецоперации советских…

[236] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 249–250.

[237] Там же С. 361.

[238] Пастухин Евлампий Николаевич (23.10.1894, Амурская обл. – 20.03.1945, г. Харбин) – казачий офицер, общественный деятель. Из казаков Амурского казачьего войска. В 1905 г. поступил в Благовещенскую гимназию, которую окончил в 1913 г. Зачислен в Киевский университет на юридический факультет, откуда в 1915 г. был взят в Алексеевское военное училище. В июле 1915 г., окончив училище, в чине прапорщика направлен в действующую армию, служил в пехотном полку, был ранен и награжден знаком отличия. Закончил войну в звании штабс-капитана, летом 1918 г. вернулся на Амур. Принял активное участие в борьбе с отрядами большевиков в районе Верхнего Амура. В 1919 г. произведен в звание есаула. В 1920–1922 гг. находился в составе Дальневосточной армии Г. М. Семёнова, был белым партизаном. С 1922 г. в эмиграции в Харбине, до июля 1926 г. воевал в составе Отдельного конного дивизиона Русской группы войск генерала К. П. Нечаева. Затем занимался журналистикой, с 1929 г. был репортером в Тяньцзине. В августе 1937 г. возглавил в Тяньцзине Антикоммунистический комитет Северного Китая, одновременно редактировал газету «Возрождение Азии». В годы Второй мировой войны был председателем Пекинского отделения Центрального антикоммунистического комитета Северного Китая. Застрелился в Харбине *(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 35720. Л. 1–25).*

[239] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 240–241.

[240] Караев Селим (03.04.1903, ст. Маньчжурия, Китай – ?) – эмигрант. В анкетах на вопрос о национальности писал: «Азербайджанец (черкес)». Мусульманин. Среднее образование получил на дому. В 1921–1926 гг. перепродавал в Харбине лошадей, покупаемых его отцом (гражданином СССР). В 1927–1929 гг. занимался сельским хозяйством и торговал с Монголией. Для покупки шкурок тарбаганов (монгольских сурков) два сезона охоты выезжал в местность Узум-чин. В 1923 и 1928–1929 гг. был старостой поселка при ст. Цаган. В 1930–1934 гг., отделившись от хозяйства отца, занимался самостоятельным домашних хозяйством. С 1932 по 1935 г. являлся председателем мусульманской духовной общины на ст. Маньчжурия, затем был почетным членом и советником правления общины. С 01.09.1936 служил в отделении БРЭМ на ст. Маньчжурия, был казначеем отделения. В октябре 1936 г. вступил во Всероссийскую фашистскую партию. В 1937 г. перевелся в Тяньцзин, был начальником регистрационного отдела Антикоммунистического комитета Северного Китая *(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19107. Л. 1–5).*

[241] Там же. Л. 10.

[242] Гутман (Гуттман) Леонид Николаевич (06.08.1904, г. Одесса – ?) – эмигрант. Окончил 6 классов гимназии и три года учился в Одесском кадетском корпусе. С 1918 г. находился в отряде атамана Калмыкова, был произведен в хорунжие, закончил курсы подрывного дела и учился в Хабаровском

военном училище, которое не закончил. В 1920 г. отступил с отрядом Калмыкова из Хабаровска в Китай, но был выдан китайцами, вместе с сослуживцами, советским войскам Амурской области. Находился в тюрьме г. Благовещенска, бежал. Участвовал в карательных экспедициях против крестьян и партизан Приамурья. Был приписан к Уссурийскому казачьему войску, затем в Приморье перешел на службу в каппелевские части. В конце 1921 г. участвовал в походе на Хабаровск в составе штаба 3-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии (генерала В. М. Молчанова), был ранен. После эвакуации Приморья попал в китайский город Янцзысян, откуда 01.05.1924 прибыл в Маньчжурию. В 1930 г. был осужден за убийство (по версии Гутмана – в целях самозащиты) «отмольца», то есть члена отдела молодежи (отмола) советской администрации КВЖД (харбинского варианта комсомола). Сидел в тюрьме, затем работал шофером, в 1930–1932 гг. служил водителем у генерала Юй и, войдя в доверие к японцам, в 1932 г. поступил агентом в Японское жандармское управление в Харбине. За злоупотребления по службе был выслан из Харбина в Тяньцзин, где служил заместителем, а затем начальником особого отдела японской железнодорожной охраны (полиции). Одновременно являлся помощником председателя Антикоммунистического комитета Северного Китая и служил в Северном штабе Квантунской армии у майора Таки. После разоблачения противозаконных методов ведения следствия в особом отделе железнодорожной полиции (пытки, избиения, изнасилование женщин и т. п.) Гутман, его жена, любовница и некоторые сотрудники отдела были арестованы японцами, которые в течение двух месяцев допроса применяли к арестованным те же пытки, что практиковались в отделе Гутмана. После освобождения Л. Н. Гутман устроился в Пекине секретарем Особого отдела Мантецу (японской полицейской службы), но через месяц вновь подвергся аресту, а потом после нескольких месяцев заключения был выслан с женой в Японию. 31.03.1942 прибыл из Японии в г. Хайлар по вызову Таки, ставшего подполковником, для службы в Японской военной миссии в Хайларе. Занимал должность начальника разведки в русском отделе миссии (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12102. Л. 1–4).

[243] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 237–245.

[244] Левицкий (Левитский) Александр Иванович (25.12.1904, г. Уфа – ?) – эмигрант. До 1917 г. учился в среднем учебном заведении г. Уфы. С 1919 по 1922 г. служил в 4-м Уфимском им. генерала Корнилова стрелковом полку Уфимской дивизии, получил звание старшего унтер-офицера. Прошел с Сибирским ледяным походом до Читы, затем эвакуировался в Приморье. В конце 1921 г. участвовал в походе на Хабаровск 3-го стрелкового корпуса генерала В. М. Молчанова. Окончил шестой класс гимназии им. генерала Каппеля в г. Никольске–Уссурийском в 1922 г. Эвакуировался с белой армией из Приморья, в Маньчжурии жил на случайные заработки,

работал по охране приисков и геологоразведки в районе городов Уюн и Фошань-сян. Служил в Русском полку в Шанхае, был осужден за убийство и год отсидел в тюрьме, но освобожден японцами. В 1930-е гг. был членом Братства Русской Правды в Харбине, в марте 1937 г. уехал в Тяньцзин с целью организовать там группу указанного Братства. Вошел в состав руководства Антикоммунистического комитета Северного Китая в Тяньцзине, был помощником Л. Н. Гутмана по осуществлению наиболее грязных противоправных дел. По имеющейся информации, Левицкий явился непосредственным убийцей генерала Г. И. Клерже и других узников Белого дома в 1938 г. В это же время 02.02.1938 Левицкий участвовал вместе с Гутманом в попытке похищения и убийстве эмигранта К. М. Воронина в конторе Мендэ. Арестованный британской муниципальной полицией, А. И. Левицкий был приговорен к трем с половиной годам тюрьмы, но почти немедленно освобожден в административном порядке. До 1940 г. служил в Северном штабе Квантунской армии в Пекине, затем до августа 1942 г. жил в Шанхае, служил в Японской военной миссии. 21.08.1942 прибыл из Шанхая в Маньчжурию, был коммерсантом в Японской военной миссии в Хайларе, вновь воссоединившись на службе с Л. Н. Гутманом под эгидой подполковника Таки (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 26613. Л. 1–2 ; Д. 26627. Л. 1–11).

[245] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 250.

[246] Забиякина Мария Семеновна (17.10.1899, г. Верхнеудинск – ?) – эмигрантка. По окончании восьми классов Верхнеудинской женской гимназии служила с 13.08.1918 по 20.07.1919 в милиции г. Верхнеудинска, затем вышла замуж за И. И. Забиякина и стала домохозяйкой. В Харбин прибыла в 1921 г. вместе с мужем (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 15619. Л. 1–2).

Забиякин Иван Иванович (30.08.1893, г. Тетюши, Казанской губернии – ?) – эмигрант. Окончил шесть классов 2-й Казанской гимназии (1911), получил в Казанском университете аттестат помощника провизора (1913). Работал на Волге с отцом по лесному и хлебному делу. В июле 1915 г. был призван в армию, служил в 130-м запасном полку. В мае 1916 г. окончил Чистопольскую школу прапорщиков, после чего командовал ротой в 143-м запасном полку. В октябре 1916 г. окончил курсы химической и газовой борьбы и обороны при Петроградском химическом батальоне, направлен на Австрийский фронт, где в 1916–1917 гг. командовал газовой командой и ротой. Демобилизован в феврале 1918 г. В июле 1918 г. в г. Тетюши поступил добровольцем в отряд подполковника В. О. Каппеля, командовал 1-й ротой. С каппелевскими войсками дошел в Сибирском ледяном походе до Верхнеудинска, где был адъютантом во 2-м военном районе. В 1920–1921 гг. в Азиатской конной дивизии барона Р. Ф. Унгерна командовал 3-й сотней 1-го конного полка, затем был на ст. Даурия комендантом штаба дивизии. Участник похода барона Унгерна весной – летом 1921 г. в советское Забайкалье. Был дважды ранен. 08.11.1921

прибыл в г. Хайлар с остатками отряда Унгерна из Внешней Монголии. В 1922–1923 гг. жил в Хайларе случайным заработком. С конца 1923 г. служил доверенным по лесным работам у инженера Махова на ст. Шитоухе, затем в 1924–1929 гг. был рядчиком земельного отдела Правления КВЖД, далее (1930–1933) рядчиком службы пути. Как человек, знающий монгольский язык, работал с 1934 г. подрядчиком по лесным заготовкам на концессии Чол-Горигол. С 1937 г. проживал в Тяньцзине, входил в круг друзей Г. И. Клерже (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 15617. Л. 1–2).

[247] *Балакшин П. П.* Финал в Китае… Т. 1. С. 255–256.

[248] *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2000. С. 119 ; *Его же.* Российская эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском… С. 155–156.

[249] См. приложение № 4, документы № 4, 5.

[250] Владимир Михайлович Кедроливанский, оказавшись в Маниле, был взят в плен японцами вместе с американским отрядом из гарнизона в Коррегидоре и пошел в так называемый «Батанский марш» – пешее шествие, тягот которого не выдержали многие пленные. После войны В. М. Кедроливанский вернулся в Шанхай, где, по официальной версии, покончил с собой при загадочных обстоятельствах (Балакшин П. П. Финал в Китае… Т. 1. С. 361).

[251] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8718. Л. 4.

Г. И. Клерже

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Как «началась» революция

– Allo! Я у телефона... Батюшки… Вот не ожидал! Константин Николаевич, какими судьбами!.. Когда приехали? Откуда Вы говорите?.. К сожалению, я болен и не выхожу из дому. Приезжайте сейчас ко мне. Как приятно будет поговорить с Вами. Вы много должны сообщить нам интересного о милом Кавказе... Как не можете?!. Почему?.. Постойте, я ничего не понимаю... Что?!. Что?!.

Присутствовавшая тут же жена заметила неожиданную перемену в голосе автора настоящих воспоминаний.

– Что случилось?.. Почему генерал Савельев[1] не может приехать к нам? На тебе лица нет, – забросала она вопросами.

– Странно, я тоже что-то не все понял... Говорит Константин Николаевич, что он сегодня утром только с поезда, остановился у знакомых, на Кирочной, на углу Литейного, добрался с вокзала благополучно, а теперь... выйти из дому не рискует... Из окна, говорит он, видит, как солдаты бегают по улице с ружьями. Публика прячется в подъезды. Раздается беспорядочная стрельба. Он сам видел, как три солдата вытолкали какого-то генерала из автомобиля против Собрания «Армии и Флота» и, усевшись в его машину, заставили шофера ехать в сторону Таврического сада и Государственной Думы.

– Что же это – бунт, революция! У нас, на Стремянной пока тихо, – говорила встревоженная этой новостью жена.

Вот чудеса! Неужели это так просто делается: «вытолкали из автомобиля» и революция готова? Какое сегодня число? 27 февраля? – почему-то машинально спросил самого себя автор настоящих воспоминаний, сам не зная, что в этих обстоятельствах прилично к «случаю» говорить. – Интересно, может быть этот день является «уже историческим!..» в жизни России?!!

– Слышишь, на нашей улице тоже сейчас оживление. Видно, по Владимирскому проспекту началась стрельба, так как публика шарахнулась в эту сторону и прижимается к стенам домов, – заговорила оживленно жена и бросилась к окну, расположенному с противоположной стороны от телефона.

В комнату вбежали дети, прислуга и почти разом заявили, что на крышах угловых домов «городовые ставят пулеметы», и уже началась пальба вдоль прилегающих к Владимирской церкви многочисленных улиц...

Пишущий эти строки попробовал позвонить к себе на службу в Генеральный штаб.

Барышня мгновенно соединила, так как, видимо, сама была рада случаю подслушать «авторитетную» информацию из высокого военного учреждения по поводу уличных Петроградских событий.

Несколько дней перед этим в штабе было тихо и мирно. Ничто, казалось бы, не предвещало зловещей бури...

Видимо, и в Гугше (так сокращенно называлось Главное управление Генерального штаба) революция была полной неожиданностью.

Какой-то чиновник из младших столоначальников, успев только ответить, что на «улицах происходит интересное», бросил трубку и куда-то умчался...

Для более точной информации необходимы были выдержка и терпение.

Знакомых много. Скоро со всех сторон посыпятся телефонные звонки и невольно будет известно, что делается в городе.

С этой мыслью добрался больной до постели и лег.

Что думал он в эти минуты?! Одно было несомненно для него, как и для большинства в России людей, что все то, что сотворилось 27 февраля 1917 года, было темно и «неясно»...

Итак, «началась» революция!

Военные меньше всего ожидали ее и еще меньше готовы были понять и воспринять эту революцию. В последнем и сокрыт трагический смысл переживаемых русскою страною ужасов.

Первые дни, недели и месяцы революция протекала сумбурно и в совершенно неясных формах внешнего своего проявления.

Прокламации, манифесты, воззвания, приказы, наказы, – все это сыпалось как из рога изобилия, потешая жадную толпу в ее неудержимом порыве уличного столпотворения.

Первые впечатления

Грязнеющие от талого весеннего снега петроградские мостовые покрывались хлопьями белых листовок, разбрасываемых агитаторами из автомобилей, трамваев и извозщичьих пролеток.

Угол Литейного и Невского играл роль форума, откуда вещались новости каждого часа, каждой минуты.

Здесь толпа бушевала, и отсюда она разливалась по всем улицам царской столицы, унося с собой потоки новых настроений, новых тревог, новых загадок о судьбах России.

Толпа трепетала.

Но ликовала ли она от радости в эти дни? Увлекалась ли, зараженная новым порывом?!.

С заметным азартом небольшая группа людей бросилась снимать с ворот Аничкова и Зимнего дворцов эмблемы России и Царского дома, жгла их на глазах улицы и разносила в клочья.

Но, когда же огонь пожирал распростертые крылья орла, и на головах последнего начинали дымиться... короны, очень многие из этой самой буйной уличной толпы уходили поскорее прочь, сгоняя с ресниц навернувшиеся слезы.

Раздавались робкие голоса, которые указывали толпе, что двуглавый орел есть эмблема России, а не царского павшего трона.

– Сжигая «всю птицу», – говорили они, – мы отрекаемся от «всей России»!

Но голоса эти оставались не услышанными... На военных учреждениях столицы падение государственного строя России отразилось резко и бесповоротно к худшему.

Хотя по внешнему виду серьезной перемены будто и не произошло, но кто наблюдал за военной машиной изнутри и принимал непосредственное участие в ее работе, тому было ясно, что серьезнейший надлом революцией уже был сделан и исправить его было некому.

События, словно вода, прорвавшаяся через плотину, заливали военную машину России сверху, снизу и с боков. Мало приспособленная к живой работе еще до войны, страдавшая серьезными недостатками во время самой войны, она оказалась совершенно мертвенным телом в стихии революционной бури.

К величайшему несчастью России, во главе Военного министерства в момент насильственного отречения Государя Императора от трона стоял генерал Беляев[2].

Безжизненная и бездушная его натура еще в мирное время стяжала ему общеизвестное в русском Генеральном штабе прозвище «мертвой головы».

До мозга костей пропитанный мертвенной канцелярской рутиной и почти помешанный на «уточнении» редакции составляемых в министерстве бумаг и докладов, «подносимых для подписания на Высочайшее Имя», генерал Беляев, военный министр переломной эпохи имперской России, остался таким же бездушным бумажным рутинером и после государственного переворота.

Вся последующая работа главнейших деятелей республиканского военного ведомства под влиянием этого генерала ушла больше

в заботу о форме, по которой «следует» писать и озаглавливать доклады, приказы и мемории, адресуемые на имя и от имени новой безличной «Верховной власти», чем на практическую сущность содержания бумаг.

Революции будто не было!

Вследствие этого Военное министерство быстро потеряло всякое влияние на внутреннюю жизнь армии, которая переживала ужасающую «реорганизационную» драму.

Взаимодействие и связь петроградского Военного министерства с могилевской Ставкой Верховного главнокомандующего, страдавшие и раньше большими недочетами, с падением трона молниеносно стали разрушаться.

Революционная же власть России вместо того, чтобы воодушевить работу военного ведомства и действующей армии, бросила последним открытый вызов недоверия и во главе их начала ставить штатских министров (Гучкова[3] и Керенского[4]).

Русская армия до конца своей трагедии не смогла примириться с тем, что деятельностью и жизнью ее руководили лица, совершенно не знающие ее быта и незнакомые с общими военными и боевыми ее положениями.

Последующее же сочетание в лице Керенского должности военного министра и Верховного главнокомандующего потешало лишь тех, кто радовался «моральным» успехам революции, и не могло оно поддержать воинского, хотя и революционизированного уже, духа армии на должной высоте. Как бы умышленно забыто было то, что армия стояла на боевых позициях перед глазами сильного внешнего врага государства.

Революция бросила вызов армии, и армия погибла...

Но этот «вызов» послужил гибелью для России и для самой революции.

Разочарование в военных кругах

Отмеченные обстоятельства создали благоприятную почву и обстановку для случайных и безответственных выступлений отдельных лиц.

Первый период революционного управления военным делом России можно охарактеризовать «толчением воды в ступе».

Ни два ни полтора.

«Мертвая голова» генерала Беляева временно продолжала прежнюю свою бесцветную работу в роли помощника революционного «военмина» А. И. Гучкова.

Военная машина большого имперского масштаба, превратившись в жалкую и угодливую революционную канцелярию, фактически была учреждением уже умирающим...

Сумбурное же появление Керенского на арене общегосударственной деятельности, таковым же сказалось и в жизни армии и Военного министерства.

Без каких-либо потрясений вскоре сошел со сцены и генерал Беляев. Об его уходе пожалела разве лишь небольшая группа приближенных к нему лиц, пользовавшихся непосредственно от него благами служебного своего благополучия.

Большинство из последних долго после этого служило в Московском красном Генеральном штабе, где пользовалось, по-видимому, не меньшим расположением к себе и «товарища» Троцкого[5].

После ухода генерала Беляева в ролях ближайших сотрудников Керенского по Военному министерству выдвинулись совершенно молодые и неопытные полковники Генерального штаба: Якубович[6] и князь Туманов[7].

Оба они скромно перед этим работали в мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба на должностях начальников отделений.

Когда образовался республиканский «Комитет членов Государственной Думы», Якубович и кн[язь] Туманов, по собственному почину, ходили в Думу, чтобы помогать работать в думской военной секции.

Там они впервые познакомились с Керенским, который и привлек их к ответственной военной работе, когда сделался вершителем судеб всей России.

Что можно возразить против «революционной деятельности» этих двух честных и разумных полковников Генерального штаба? Один из них деликатнейшего типа офицер князь Туманов, при первых же признаках начинавшегося восстания большевиков в Петрограде был зверски убит толпою на улице. Труп его в раздетом виде нашли в Фонтанке. Другой – Якубович, почуяв неладное – вышел из «игры» заблаговременно и куда-то скрылся. Теперь он где-то за границей.

Но факт случайного их выдвижения и назначения, сам по себе характерный, ярко показывает, насколько в то время вообще

выскользнуло из чьих-то рук управление важнейшим органом в жизни государства – военным ведомством.

Последующее мимолетное появление в роли военного министра «генерала от революции» Верховского[8] занимало внимание не больше, чем лента очередного киносеанса и было оно совершенно бесцельным.

В военных кругах зародились тревога и чувство глубокого разочарования.

В успех и организационные способности русской демократии как-то сразу перестали верить!

Надвигавшаяся же гроза анархизма, скрывавшая за своей спиной малоизвестный большевизм, уже сама по себе говорила о необходимости принятия государственных мер самозащиты.

Июльская вспышка восстания большевиствовавших кронштадтских матросов в Петрограде[9] воочию убедила многих из сомневавшихся в полной неспособности правительства Керенского справиться с темной силой, протягивавшей свою руку к рулю русского государственного корабля.

Этот период революции ознаменовался первыми вышедшими наружу признаками работы патриотической организации, решившей открыто бороться и с большевиками, и с заигрывавшим с ними Керенским.

Определилось корниловское движение.

Гражданская война, в сущности, народилась уже в мае месяце 1917 года...

«Корниловское» выступление

Имелась ли первоначальная связь с последовавшим в конце августа 1917 года выступлением генерала Корнилова[10] у той группы лиц, которая работала под видом центрального повстанческого штаба в Петрограде с начала того же лета, остается пока вопросом еще невыясненным.

А между тем, как теперь ясно представляется, от недостаточной налаженности этой связи в сущности и провалилась задуманная генералом Корниловым активная операция.

Этим обстоятельством легко, с провокационной целью, воспользовался А. Ф. Керенский.

Отсутствие централизованного руководства со стороны Ставки генерала Корнилова и схематизация отдельных ролей участников

послужили еще большей причиной полного проигрыша в августовские дни 1917 года.

Подъем настроения петроградского общества и многочисленных повстанческих сил был на стороне Корнилова. Победа Корнилова была почти верной. Не хватало лишь простого расчета времени.

Кому принадлежала инициатива создания отмеченной петроградской военно-политической корниловской организации, которая зародилась в мае 1917 года, судить пока не представляется возможным.

Вспоминается только, что руководящую роль в первоначальных организационных совещаниях принял на себя в то время Генерального штаба генерал Доманевский[11].

Недалеко от Таврического сада, в богатой квартире состоялось первое знакомство «действующего персонала» и обсуждение общих мероприятий и плана действий.

Довольно многочисленная группа малознакомых между собою лиц собралась в указанном месте и подозрительно поглядывала друг на друга.

По едва уловимым намекам «председателя» этого конспиративного собрания можно было лишь догадываться о том, на кого и какая роль выпадала в тайной организационной работе.

Отсутствие твердого руководства из Ставки ген[ерала] Корнилова сказалось и на этом «учредительном» заседании Петроградского повстанческого штаба. Не проявлялось оно и в весь последующей период работы.

В результате провала выступления некоторым из членов этой организации пришлось подвергнуться временному аресту и быть привлеченными к ответственности перед чрезвычайной Следственной комиссией прокурора Шабловского[12], сформированной в сентябре того же года по приказу премьера Керенского.

Только лишь благодаря тому, что в состав этой комиссии попал один из видных членов той же «штабной» организации, наиболее важные «вещественные доказательства» работы арестованных членов петроградской группы «корниловцев» своевременно были устранены и арестованные отделались без тяжких последствий.

Приспособленные перед этим для содержания большевиков, арестованных Керенским за июльское восстание в Петрограде во главе с тов. Абрамом (Крыленко[13]), арестантские камеры Петроградского комендантского управления на Садовой улице включили в свой состав еще и около 40–50 «корниловцев».

Видными заключенными среди последних тогда были: князь Шаховской[14], гр[аф] Урусов[15], В. С. Завойко[16], полк[овник] Д. А. Лебедев[17], полк[овник] Г. И Клерже, Б. Б. Глинский[18] (редактор «Исторического Вестника») и мн. др.

Свыше двух с половиною месяцев потрачено было в общем на подготовительную и разведывательную работу Петроградской военной организацией.

За это время происходило всего несколько совещаний, каждый раз в различном составе и при том же отсутствии связи с предыдущими заседаниями, и без того же осязаемого соприкосновения со ставкой генерала Корнилова.

От последнего приезжали в Петроград полковники Д. А. Лебедев (впоследствии начальник штаба Верховного главнокомандующего адмирала Колчака), Сидорин[19] (впоследствии командующий Донской армией) и др., но их визиты, приуроченные главным образом к последнему моменту подхода армии генерала Корнилова к Петрограду, носили почти случайный характер…

Ответственного, твердо поставленного во главе Петроградского района руководителя фактически не было до последних чисел трагического конца августа месяца, когда провал плана Корнилова всплыл наружу и подвергся жестокому бичеванию всей русской печати. А между тем основная часть прессы обеих столиц с жадностью прислушивалась, перед этим, к грядущим успехам Корнилова и, если мстила ему теперь после катастрофы, то только за то, что он сам оказался виновником своего собственного поражения.

К случаю сказать, неопытная офицерская молодежь была неосторожна в частных разговорах и многое, что должно было до поры до времени, быть сохраненным в тайне, стало известно даже такой жалкой «контрразведке», каковая была заведена неким Мироновым[20] для «главковерха» Керенского.

Ехавшие из Могилевской ставки в Петроград неосторожные посланцы заносили в свои записные книжки адреса виднейших членов Петроградской организации. Их часто задерживали в пути и при обысках узнавали нити заговора и имена действующих лиц.

Только по этой причине некоторые члены, в том числе и автор этих строк, были арестованы в Петрограде накануне подхода к нему авангардного корпуса генерала Крымова[21].

Долго после этого «мироновская контрразведка» шарила по Петрограду, отыскивая Генерального штаба полковника Л. П. Дюсимитьера[22], адрес и участие которого в корниловской организации

были также ею обнаружены. Но, вовремя предупрежденный, он быстро скрылся из Петрограда и уехал через Финляндию за границу.

Несмотря на произведенные аресты среди членов центрального Петроградского повстанческого штаба, надежда на успех выступления еще не была потеряна, ибо боевые отряды полковников В. В. Геймана[23], Филиппова[24] и др., предназначенные для атаки Зимнего дворца и всех правительственных учреждений, раскрыты Керенским еще не были.

К сожалению, неудача с корниловским авангардом, которым командовал ген[ерал] Крымов, лишила петроградские отряды шанса на открытое выступление.

Уже находясь под арестом в здании штаба гвардии и Петроградского военного округа, автор настоящих воспоминаний, еще не знавший о состоявшемся провале крымовской наступательной операции на Петроград, не терял надежды на благополучный исход всего корниловского плана.

Через большие окна здания этого штаба, выходящие на Дворцовую площадь, он с трепетом ждал появления на улицах Петрограда национальных русских отрядов.

Увы... Ожидания были напрасны.

Изложенные факты наглядно свидетельствуют о том, насколько отсутствие твердого организационного принципа и руководства глубоко засело уже тогда в нашей военной среде и оно-то лишило нас плодов сравнительно легкой победы.

Может быть, если бы время позволило, эти уроки впоследствии были бы учтены.

Однако судьба вела Россию к тяжелым испытаниям...

Катастрофа плана и выступления генерала Л. Г. Корнилова ускорила большевистскую развязку.

Продержавшийся после этого еще около двух месяцев Керенский принужден был, загримированным «под американца», покинуть северную столицу.

Он изменил свою внешность настолько сильно – одевшись в «беженский» костюм, что его никто не узнал, даже в дежурной комнате штаба Петроградского военного округа, куда пришел он в последнюю минуту для того, чтобы отсюда навсегда уехать из Петрограда на автомобиле Американской миссии.

Из этой дежурной комнаты Керенский в последний раз был вызван по телефону из Зимнего дворца и говорил с оставшимися в нем отчаянными его защитниками.

Эти смертники, подвергшиеся вскоре уничтожению и издевательствам, были... женщины-доброволицы известного Бочкаревского батальона![25]

Случилось все это в ночь на 25 октября старого стиля 1917 года.

Картина закулисной стороны корниловского движения была бы не полна, если бы мы не коснулись в этом случае той оценки событий и обстановки, которую дает по этому поводу сам А. Ф. Керенский.

В своих воспоминаниях бывший неограниченный диктатор России А. Ф. Керенский дает сравнительно правдивую картину того, как создавался и протекал самый заговор против Временного правительства.

Это вполне является понятным, так как мы сами должны были уже констатировать тот факт, что дело конспирации и организации было поставлено у «повстанческой стороны» из рук вон плохо.

Ничего существенного к тому, что сказано по этому поводу А. Ф. Керенским в соответствующей главе своих воспоминаний, пожалуй, прибавить не придется.

Однако в той части повествования, где «министр-председатель Временного Всероссийского правительства» говорит о готовившихся на его высокую персону покушениях придется остановить наше внимание.

– «Одно время заговорщики в Петербурге сильно склонялись к “центральному террору”, то есть, попросту говоря, хотели меня убить, – безапелляционно заявляет А. Ф. Керенский.

– Сделать это было чрезвычайно просто, – продолжает он, – так как охрана моя была весьма несовершенна. Да внешняя охрана и не могла предотвратить убийство, ибо сами террористы или имели ко мне свободный доступ, или находились в числе моей охраны.

– Так, каждое утро до начала докладов ко мне являлся полковник Генерального штаба Клерже.

– На его обязанности было держать меня в курсе событий на фронте. Я выходил к нему в биллиардную перед кабинетом, обычно один, и мы оставались глаз на глаз около развернутой на биллиарде карты фронта.

– Получив сведения о том, что ОН ДОЛЖЕН ЗАСТРЕЛИТЬ МЕНЯ, я несколько дней наблюдал за ним во время наших утренних свиданий, ни в чем не меняя порядка встреч. Полковник вообще очень замкнутый, выдержанный и спокойный, теперь КАК БУДТО, действительно, несколько нервничал. Через несколько

дней такой острой игры я, прощаясь с полковником Клерже, попросил его больше ко мне не являться... Он не спросил почему, откланялся и исчез».

Приведя еще один весьма малозначащий и ничем не подтвержденный «факт» намечавшегося против него личного террора, А. Ф. Керенский завершает главу по этому вопросу следующими словами:

«Должен сказать, что самая идея начать восстание с моего убийства была совершенно правильной, ибо только тогда – сразу и косвенным образом расстроив аппарат правительственной власти – военные заговорщики могли рассчитывать на какой-нибудь успех. Однако идея эта вовремя не была осуществлена. Конечно, они твердо решили со мной покончить, но, как будет видно дальше, они предпочитали сделать это в обстановке совершенно для них безопасной».

Во всей этой части воспоминаний А. Ф. Керенского приходится констатировать глубокое расхождение с истиной. Не потому что автору хотелось бы, во что бы то ни стало, снять с себя подозрение о подготовке предумышленного убийства главы республиканского, как ни как все же признанного всеми державами, Русского правительства, нами опровергается отмеченная выше сенсационная версия криминального характера, так как этого требует прежде всего (и особенно важно отметить именно это теперь, в порядке свободного и непринужденного личного воспоминания, которое пригодится быть может для будущего беспристрастного русского историка) справедливость в отношении тех фактов, которые имели место в то тяжелое смутное русское время.

Смеем заверить, и А. Ф. Керенский не имеет серьезных оснований в этом сомневаться, что никогда, насколько хватает нашей памяти и знания тогдашней обстановки, вопрос о насилиях над членами республиканского правительства и в особенности над главою его то есть А. Ф. Керенским не обсуждался и никаких решений по этому поводу никем выносимо не было.

Тем менее оснований допускать версию, что подобного рода задача могла быть возложена на автора настоящих воспоминаний.

Помнится, во время одного из заседаний в помещении Всероссийской военно-цензурной комиссии (председателем и руководителем которой был пишущий эти строки) ныне покойный генерал Д. А. Лебедев в порядке очередного инструктирования начальников отдельных повстанческих отрядов, разъясняя некоторые положения и отвечая на вопрос одного из участников заседания

о том, как «поступать с членами правительства, если дойдет дело до открытых арестов» (корниловская организация в Могилеве и в Петрограде до последнего момента не переставала верить, что между Керенским и Корниловым все же произойдет полюбовное политическое, к счастью России и ее народов, соглашение), определенно заявил, что надо ограничиваться только временным задержанием членов правительства и никаких насилий или оскорблений по их адресу не допускать.

Совершенно ясно тогда представлялось, что в результате «военного давления» на психологию правительства А. Ф. Керенского, попавшего в плен к Совету солдатских и рабочих депутатов, сам Керенский ОСТАНЕТСЯ ЧЛЕНОМ НОВОГО, НО ТОЛЬКО ЧИСТО УЖЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛУВОЕННОГО РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, возглавлять которое будет генерал Л. Г. Корнилов.

Одно это уже никак не могло говорить за то, что против самого А. Ф. Керенского замышлялось какое-либо террористическое преступление.

Приходится теперь глубочайшим образом пожалеть о том, что последний был вводим в заблуждение «информаторами» вроде г.г. Мироновых и им подобных, которые, пожалуй, и послужили тому, что прямое и честное соглашение между Корниловым и правительством Керенского в конце концов не состоялось...

Вся военная масса России не хотела авантюры ради авантюры и отлично учитывала, что нарушение идеи преемственности верховной русской власти прежде всего влекло за собою всеобщую анархию и развал фронта и самой страны.

Поэтому готовясь к крайним выступлениям, та же организация генерала Корнилова, как мы все тогда это понимали, непрестанно искала пути к безболезненному и рациональному разрешению общего затруднения, в которое поставила Россию политика советов солдатских и рабочих депутатов.

А у этой политики А. Ф. Керенский, в конце концов, находился в самом серьезном, как мы уже сказали выше, плену.

Напрасно, теперь можем мы сказать, А. Ф. Керенский в лице старших чинов армии и Всероссийского Генерального штаба видел «только врагов русского народа».

Сам же он в своих воспоминаниях утверждает, что генералы Алексеев[26], Корнилов, и Деникин[27] «пришли с низов и пробились на вершины военной иерархии собственным горбом».

Почему же Керенский, если он действительно сын своего народа, не смог найти честного и ясного языка с теми опытными государственными людьми, которые «пришли с низов» этого же самого русского народа?

Ведь нашел же он, А. Ф. Керенский, какие-то практические оправдания для совершенно неожиданного и мало чем оправдывавшегося, даже в бурное революционное время, выдвижения в качестве своих ближайших помощников по военному ведомству совсем неопытных в крупной государственной работе молодых полковников кн[язя] Туманова, Якубовича и Барановского[28], которые, кстати говоря, ни до революции, ни во время наступившего ее активного периода ничем реальным себя ни в какой области не проявили, и ему, А. Ф. Керенскому, в его действительно труднейшей и ответственнейшей правительственной работе ничем существенным не помогли.

Не в суд и не в осуждение направлены эти строки против названных лиц, первые двое из которых являлись даже личными приятелями и сверстниками по службе в Генеральном штабе автора настоящих воспоминаний, но для иллюстрации справедливости вышесказанного трудно удержаться от того, чтобы не отметить несколько сохранившихся в памяти примеров из практики «республиканской» их службы.

Почти ежедневно встречались мы в помещении Главного управления Генерального штаба с Тумановым и Якубовичем до революции. Богатейший информационно-пропагандный материал, которым владел в то время автор сего, заведуя в том же штабе вопросами освещения обстановки для отечественной и иностранной прессы, служил нескончаемой темой для взаимного оживленного обмена мнениями.

Вопросы войны, отношений со Ставкой Верховного главнокомандующего петроградских, преимущественно придворных, сфер и настроений, взаимоотношений с союзниками и некоторых повседневных штабных злоб дня служили базисом для этих приятельских собеседований, и ни слова о... столь близко подкравшейся к нам революции, ни тем более о совершенно неведомых тогда для нас, военных, каких-то «большевиках»...

Дальше таинственных слухов о каких-то возможных внутридворцовых переворотах «революционность» настроения собеседников наших по тому времени, конечно, не шла. Напротив, существовавшая до некоторой степени уверенность в недалеком завершении

Великой войны «победным концом» выдвигала иногда мысли глубоко демобилизационного и мирного порядка.

Беспокоились даже о том, как «трудно» будет провести планомерную демобилизацию многомиллионной Русской армии и отвести ее из районов приграничных в глубь страны «по местам постоянного квартирования»...

В голову не вместилась бы, по тому настроению, дерзкая мысль о том, если бы кто-нибудь тогда мог сказать, что «Русская армия сама себя демобилизует» и ни в каком «заблаговременном расчете и руководстве» Генерального штаба «нуждаться не будет»...

Убийство Распутина[29], революция, отречение Императора смешали все «заблаговременные» расчеты Всероссийского Генерального штаба... и подбросили наших мирных собеседников к подножию пьедестала революционного кумира всероссийской демократии А. Ф. Керенского.

Наши каждодневные встречи оборвались.

Не до них было. Каждый был занят своим делом в условиях совершенно несвойственной им революционной обстановки, работы и взаимоотношений.

Князь Туманов просто был раздавлен своей новой ролью, в которой он был похож на неоперившегося цыпленка, попавшего под сильный проливной и грозовой дождь. Фигурой он был маленький, щупленький, к тому же скромный до бесконечности. О нем вообще ничего не было слышно до того ужасного случая, когда его труп нашли в Фонтанке.

Несколько пытался было бодриться обладавший массивной и внушительной внешностью полковник Якубович.

Очевидно, пытаясь подражать в манерах и в революционном пафосе своему новому патрону-энтузиасту революции А. Ф. Керенскому, Якубович пробовал было выступать с политическими речами перед собранием писарей Генерального и Главного штабов, которых он собирал иногда на дворе штаба и для чего взбирался даже, в прямом смысле, «на бочку» (из-под типографской бумаги), служившую для него «революционной трибуной».

Но писаря имели уже своих собственных «вождей» и «царским полковникам» они не верили...

Не «поверил» в свои революционные способности и сам полковник Якубович. Он затих, оставаясь абсолютно подавленным и во все последующее время своего «высокого государственного положения».

Случилось так, что, отправляясь по приказанию начальника Генерального штаба[30] с обычным информационным докладом для г.г. членов Временного правительства, заседавших в Мариинском дворце, автору настоящих воспоминаний пришлось ехать в одном автомобиле с «дореволюционным приятелем» своим Якубовичем...

Мы оба промолчали всю дорогу. Темы для разговора не нашлось. Якубович выглядел совершенно измученным.

Перед развернутой картой фронта склонилось в Мариинском дворце несколько голов республиканских штатских министров, но Якубович был словно не живой. Ничто его не интересовало.

Что мог выдавить из этой полузастывшей монументальной фигуры изверившегося в самом себе царского полковника запальчивый министр-президент и Верховный главнокомандующий Всероссийской республики?!!!

Очевидно ровным счетом ничего.

Злые языки утверждали, но этого никто не проверял, что третьим сотрудником по военно-политическим вопросам у «кумира революции» был родственник его «по женской линии» полковник Барановский. Он заведовал личной канцелярией А. Ф. Керенского.

Больше того, что Барановский был «родственником» своего патрона, о нем никто существенного ничего не слыхал...

А революция бушевала. Россия накренялась над черной бездонной пропастью.

На капитанском мостике русского государственного корабля метался в беспомощной полуистерической лихорадке почти одинокий, никому не верящий и никого не желающий слушать революционный вождь всероссийской демократии...

Наблюдая «глаз на глаз около развернутой на биллиарде карты фронта» и не с целью, конечно, «застрелить» А. Ф. Керенского, полковник Клерже был обуреваем далеко не враждебными к последнему мыслями.

Зная из многочисленных донесений с фронта о растущей большевистской пропаганде в солдатских окопах, он настойчиво докладывал об этом в ежедневных своих личных аудиенциях Верховному главнокомандующему А. Ф. Керенскому и подчеркивал, что солдатам надо создать какое-то новое настроение, ибо они ничего иного, кроме большевистской «окопной правды»[31], не видят и не читают.

Временами А. Ф. Керенский как будто воодушевлялся и, вызывая начальника своей канцелярии, того же полковника Барановского,

приказывал ему «немедленно отпечатать миллионы экземпляров дешевой библиотеки сочинений Пушкина и ими забросать все окопы»...

Но пушкинской или какой-либо другой национальной литературы солдатские окопы, очевидно, так и не дождались, и не потому ли Ленина[32] и Троцкого они встретили с таким «неподдельным чувством трепета и большевистского восторга»...

Однако, что бы ни говорили современные критики положения и событий в революционной России, особенно теперь, когда все мы находимся вне юридической ответственности за содеянные многими ошибки, а м.б. и даже преступления перед нашей родиной, все же надо признать, что А. Ф. Керенскому волшебница-судьба подарила завидный случай сделать многое и великое для России.

Нельзя также отрицать и того обстоятельства, что, вследствие исключительной экспансивности своей натуры, взбудораженной общим революционным подъемом и нервностью, он – Керенский – как никто иной в той обстановке мог и должен был направить революцию на национальные рельсы.

Автору настоящих воспоминаний, как тогда в Петрограде, так и теперь в эмигрантском изгнании на Дальнем Востоке, при полном отрыве от внутрироссийской настоящей обстановки, а также и от современных настроений западно-европейской русской эмигрантской жизни, представлялось и представляется совершенно неоспоримым, что, не оторвись А. Ф. Керенский от Русской армии и ее «пришедших с низов» главных военных вождей генералов Алексеева, Корнилова и Деникина, он сам теперь, как и мы все, не был бы в изгнании, а национальная Россия была бы на принадлежащем ей по праву месте среди великих держав.

Участие в корниловской организации

Непосредственного активного участия в операциях боевой корниловской организации автор настоящих воспоминаний фактически не принимал по той простой причине, что он был переобременен различными служебными обязанностями в Главном управлении Генерального штаба, где на нем, помимо заведования ближне-восточными и дальневосточными делами 2-го оберквартирмейстерства и руководства Всероссийской военно-цензурной комиссией, лежала еще большая работа по газетно-информационной части.

Помимо прямых обязанностей по службе Генерального штаба, на которые обычно уходило все свободное время с утра до позднего вечера, приходилось работать почти до глубокой ночи, а то и до рассвета также и по газетной «военно-обозревательной» деятельности.

В силу того, что в распоряжении автора этих строк был всегда безграничный по своей ценности информационный материал, который притекал со всех сторон и, главным образом из Ставки Верховного главнокомандующего, из штабов фронтов и отдельных армий, из различных правительственных иностранных источников, к нему непрестанно обращались почти все редакции не только русских столичных и провинциальных, но и иностранных влиятельнейших газет и журналов с просьбой и предложением сотрудничества в их изданиях на самых лестных материальных условиях.

С разрешения начальника Генерального штаба и за своей личной ответственностью, как сам возглавляющий всю военную цензуру в России, работал он, что говорится, не покладая рук, преимущественно по ночам до рассвета, диктуя по телефону во все редакции свои «военные обзоры» и различные статьи...

Редкий вечер обходился, когда таких статей, примерно по 100–150 газетных строк каждая, печаталось и передавалось около пяти–шести штук.

Обычно их было около девяти–десяти штук в вечер.

Каждодневная передача «обзоров» происходила также по телефону и в московские газеты «Русское Слово» и «Утро России».

Даже газета «Киевская Мысль» получала ежедневно обзоры автора настоящих воспоминаний, которые передавались по телефону до Москвы и дальше в Киев по телеграфу.

При такой бешеной кипучей газетной деятельности, принимая во внимание усталость от дневной штабной работы, естественно, не было ни одной свободной минуты для других дел.

Вот почему организаторы петроградской группы «корниловского движения» не могли фактически возложить на полковника Клерже излишних обязанностей и ограничились главным образом тем, что использовали его как прямую связь со Ставкой генерала Корнилова, которая держалась по юзовскому прямому проводу, работавшему из помещения Главного управления Генерального штаба непосредственно в г. Могилеве.

Кроме того, организации легче всего было маскировать свою секретную работу, которая велась втайне от Временного правительства, пользуясь изолированным от других служб помещением

Военно-цензурной комиссии, распорядителем которого был тот же полковник Г. И. Клерже.

Об одном из конспиративных заседаний в последнем помещении мы уже имели случай говорить выше.

Поддерживая таким образом больше техническую связь между «заговорщиками», действовавшими в Могилеве и в Петрограде, автор настоящих строк уже привлекал на себя особые подозрения со стороны так называемой «мироновской контрразведки». Однако при всем своем желании прервать эту связь, он не мог уже по одному тому, что по получаемой непосредственно из Ставки военной информации составлял каждодневные свои личные доклады для Верховного главнокомандующего, пребывавшего в Петрограде, то есть для того же А. Ф. Керенского...

Справедливость требует отметить, что Ставка весьма слабо пользовалась этим способом связи с тайной Петроградской организацией, предпочитая, как указывалось раньше, посылку офицеров-ординарцев с письменными и словесными распоряжениями.

Однако перед самым выступлением Ставка по отмеченному «прямому проводу» в адрес полковников Сидорина и Дюсимитьера передала следующую лаконичную фразу: «Сообщите Сидорину, что причитающееся ему содержание он получит около 28–29 августа»...

Расшифровывалось это так: «Сообщите полковнику Сидорину и другим, что активное выступление в Петрограде назначается на 28–29 августа, в зависимости от того, как подойдет к Петрограду авангард конного корпуса генерала Крымова»...

Передана эта «лента» была в ночь на 27 августа – и по расшифровке она немедленно была доставлена по назначению.

К случаю припоминается, что упомянутые в этой ленте лица по своим постоянным адресам последние дни не проживали и для того, чтобы кого-нибудь из них найти, приходилось перебывать в целом ряде условленных адресов. По телефону, ввиду усиленной слежки «мироновской контрразведки», говорить тогда никому из участников организации не рекомендовалось.

Долго разъезжая на автомобиле, удалось автору этих строк, наконец, вручить «ленту» по назначению, найдя адресатов в одном из модных тогда полузагородных ресторанов под названием «Вилла Родэ»...

Произошла эта передача около часу ночи, а наутро в 7 часов, на своей квартире по Дмитровскому переулку в доме № 12, главный «связист» между Петроградом и Могилевым, то есть Ваш покорный слуга, был арестован.

Наряд кронштадтских матросов в числе около семи человек ввалился в квартиру автора сих воспоминаний и увлек его в упомянутое раньше помещение штаба гвардии и Петроградского военного округа, где в это время хозяйничала полным ходом политическая разведка Временного правительства, расправлявшаяся с одинаковой энергией как с июльскими большевиками, так и с августовскими «корниловцами»...

Вскоре к арестованным присоединен был и полковник Д. А. Лебедев, которого арестовали около г. Пскова по пути следования его в отряд генерала Крымова, на имя которого он вез тоже «ленту» инструкционного характера от генерала Корнилова, полученную из Могилева в самом Пскове. Эту ленту нашли в кармане полковника Лебедева, которая и послужила причиною того, что время ареста для него было значительно увеличено. Освободился он, как выяснилось, позже почти перед самым октябрьским большевистским в Петрограде переворотом, откуда вскоре он поехал на юг России в армию генералов Корнилова и Алексеева.

Свыше двух недель пришлось провести под арестом в камерах Петроградского комендантского управления, в котором одновременно находились два крайних крыла русской революции: большевики и корниловцы.

За полтора месяца перед этим туда была припрятана Керенским наиболее активная большевистская головка, предводительствуемая Крыленко, которая настолько уже освоилась там со своим положением, что чувствовала себя под арестом как дома...

Льготы по сообщению с «волей» у большевиков были настолько широки и неограничены, что Крыленко, например, совершенно открыто, на глазах у караула (совершенно обольшевичившегося ко времени появления там «корниловцев»), редактировал статьи, отправляемые им в газету «Правда», и также открыто вел агитацию среди разложившихся чинов караула, натравливая ненависть солдат против арестованных совместно с ними корниловцев.

Возбуждение солдатчины бывало временами настолько велико, что с наступлением ночи всегда можно было ожидать поголовного избиения всех «охраняемых ими контрреволюционеров»...

Удивляться приходится той распорядительности, а может быть даже и «предусмотрительности», вследствие которой Временное правительство совместно разместило столь враждебно настроенные друг к другу группы в одном и том же тесном помещении.

Из города в арестное помещение доходили весьма тревожные сведения, которые говорили о том, что большевистский переворот может произойти в каждую минуту и что арестовавшее нас Временное правительство стремительно утрачивает остатки своего жалкого влияния на массы и особенно на совершенно распоясавшийся Совет солдатских и рабочих депутатов...

Через верных людей, которые умудрялись держать какими-то способами связь с арестованными, были подготовлены некоторые меры для внезапного, в случае крайней необходимости, нападения извне на караул комендантского управления и для освобождения из его камер всех заключенных корниловцев.

Ввиду полной неблагонадежности большевиствовавшего солдатского караула, вся надежда на своевременное раскрытие арестного помещения для непосредственного исчезновения из него корниловцев была построена на содействии нескольких корниловских офицеров комендантского управления, которые не только находились на свободе, но даже «контролировали» находящихся в заключении своих политических единомышленников.

Развал власти Временного правительства послужил причиной освобождения арестованных корниловцев.

Адмирал А. В. Колчак[33] и корниловское движение

Вероятно мало кто слышал о том, что, в случае успеха корниловского выступления в Петрограде и на фронте и в случае падения Временного республиканского правительства, возглавлявшегося А. Ф. Керенским, на посту диктатора России предназначался не генерал Корнилов, а адмирал А. В. Колчак.

Среди многих неясностей внутриорганизационной и политической формы самого движения, возглавлявшегося генералом Корниловым, туманным вопросом все время оставался и тот образ верховной власти, который фактически должен был бы прийти на смену Временному правительству.

Очевидно, это находилось в зависимости от того, в какую форму отольются ближайшие и последующие взаимоотношения между группой политических деятелей, окружавших непосредственно генерала Корнилова, и между самим Керенским.

В широких кругах и в политических салонах петроградского круга деятелей имя адмирала Колчака временами называлось в связи

с проектами использования авторитетного имени адмирала в военно-морских кругах и сферах, которому при этих условиях, естественно, предназначался пост морского министра.

Сам адмирал держался как-то в стороне от активного выявления своего «политического» лица в течение всего периода подготовки движения, направленного против Временного республиканского правительства.

Только однажды на одном из заседаний, происходивших в начале или в середине августа 1917 года в Петрограде, в помещении Бессарабского банка[34], расположенном на Невском проспекте, вдруг неожиданно появился адмирал А. В. Колчак.

Это заседание, организованное Николаевским (директор этого банка), полковником Гейманом и другими, предназначено было, как это выяснилось для остальных приглашенных несколько позже, для решения вопроса об окончательном возглавлении уже определившегося к тому времени движения.

Как сейчас помнится, за большим овальным столом разместилось семь или восемь человек в том числе и адмирал Колчак, занявший как бы председательское, вернее почетное место за более узкой частью стола.

Напротив него, с другой узкой стороны стола, поместился автор сих воспоминаний. По бокам сидели Николаевский, Шаховской, Алькимович, Гейман и другие.

Так как автор сих строк несколько запоздал к самому моменту открытия заседания, то он и не знал в точности формулировки той повестки, которая, вероятно, была перед самым началом заседания кем-либо из собравшихся инициаторов собрания объявлена.

Не придавая особого значения факту присутствия на этом заседании адмирала Колчака, так как на предыдущих таких же заседаниях обычно присутствовал всегда кто-нибудь из новых лиц, которых раньше видно не было, пишущий эти строки все же неожиданно был удивлен, когда на этом заседании услышал последующую речь полковника В. В. Геймана…

После нескольких малозначительных фраз своей вступительной речи он вдруг каким-то особенно приподнятым тоном перешел на тему о том, что, мол, созревшее движение, в условиях современной ответственной обстановки в России возглавить должен никто иной, как уже известный на всю Россию герой Рижского залива адмирал А. В. Колчак.

О генерале Л. Г. Корнилове, имя которого было в то время на устах у всей России, на этом заседании, к крайнему удивлению, ничего ни разу не было сказано. Со слов Геймана выходило так, как будто все движение до сего времени исходило только от имени адмирала Колчака и под его непосредственным контролем и руководством.

В ответных словах на «торжественную» речь полковника В. В. Геймана адмирал Колчак, высказав благодарность за оказанное ему всем заседанием доверие и честь, между прочим объявил, что он уже получил приглашение от американского правительства на службу по военно-морскому ведомству и что, в связи с этим, он должен выехать в Америку через Архангельск и Англию.

Собираясь уехать туда в ближайшем времени, он просил членов заседания поддерживать с ним самую тесную связь и, в случае успешного завершения движения, телеграфировать ему для того, чтобы он смог немедленно вернуться обратно в Россию.

Некоторое время адмирал Колчак предполагал задержаться в Англии, по-видимому, не желая далеко уезжать от России, на случай необходимости скорого возвращения в Петроград.

При столь неожиданной обстановке таким образом как бы определилась будущая, после Керенского, форма правления Россией… Диктатура адмирала А. В. Колчака.

Знал ли об этом решении собрания и соглашался ли с ним генерал Корнилов, так и осталось до сего времени пишущему эти строки неизвестным.

Как и предполагал, адмирал Колчак вскоре уехал через Архангельск в Англию, но в Америку, к новому своему назначению, он так и не доехал.

И вместо «победной и пригласительной» телеграммы, адмирал узнал о полном провале всего выступления и об аресте самого Корнилова и всех его ближайших соучастников как в Могилеве, так и в Петрограде…

Года через полтора после описанного заседания, уже в Сибири (в Омске) представляясь, по случаю прибытия и назначения на одну из высоких должностей по службе Генерального штаба в армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, автор настоящих воспоминаний напомнил ему об этом экстраординарном заседании, «решения» которого не были, к сожалению, провиденциальными для всей России и лишь частично осуществились в отношении одной только Сибири.

Грустной улыбкой ответил адмирал на эти слова и при этом подчеркнул о том, что из участников того заседания в Сибири налицо оказались только он да представляющийся ему в данный момент собеседник…

Из последующего разговора с адмиралом выяснилось, что он даже не знал и ничего не слыхал к тому времени о судьбе всех остальных главнейших участников этого заседания, в том числе и о полковнике В. В. Геймане, «провозгласившим» адмирала «диктатором всея России»…

Ни генерала Корнилова, ни адмирала Колчака в настоящее время нет в живых. Оба эти высокопатриотических мужа России сложили свои честные солдатские головы на поле брани и на поприще предельного по их силам служения своей великой родине. Оба они не были, в конце концов, яростными политическими ретроградами, для того чтобы против памяти их мог бы, со своей «демократической» точки зрения, А. Ф. Керенский высказать теперь, как говорится, хотя бы задним числом, какие-либо существенные подозрения в отношении их «политической неблагонадежности»…

Не оспаривая друг у друга власти ни в те дни, ни после, уже в самый разгар белого движения, Корнилов и Колчак шли к заветной цели раскрепощения России от власти Третьего интернационала, опираясь на сочувствие и мнение широких слоев русской общественности и выявляя исключительную свою терпимость даже к группам социалистического «вероучения».

Почему же А. Ф. Керенский, перед которым будущее России было полно таинственности и загадочности, не нашел в себе сил побороть то предубеждение, которым он в самонадеянном ослеплении «заболел» в короткие месяцы своего «правления Россией»?

Переход власти к большевикам

Между Смольным институтом, где заседал Совет рабочих и солдатских депутатов и Зимним дворцом, где еще цеплялось за призрак уходящей из рук государственной власти Временное всероссийское республиканское правительство, происходили напряженные переговоры, в результате которых соглашение не состоялось, и большевики решили открытой силой брать в свои руки власть.

Недолго протекал период накапливания антиправительственной вооруженной силы большевиками, к услугам которых имелось

достаточное количество распропагандированной петроградской солдатской и кронштадтской матросской массы, а также и рабочих отрядов, сформированных из городских и пригородных фабричных и заводских районов.

Так называемая Красная гвардия, руководимая непосредственно из Смольного института, где находился также и военный большевистский штаб, постепенно накапливалась и продвигалась по улицам Петрограда в направлении на Зимний дворец и на Дворцовую площадь, где находились Главный всероссийский и Генеральный штабы, а также и штаб гвардии и Петроградского военного округа.

Особого сопротивления их продвижению не могла оказать ни одна из правительственных вооруженных частей, так как фактически их почти вовсе и не было…

Рассчитывавшее, очевидно, на один «революционный экстаз» широких народных масс, Временное правительство, только недавно перед этим едва вышедшее из процесса борьбы с корниловским движением, не позаботилось о своевременном создании солидной и лояльной правительству более или менее крупной армейской части.

Не созревшее в конкретные формы и, кроме того, сорванное встречным столкновением с Временным правительством, не смогло оказать сопротивления нашествию большевизма в Петрограде и повсюду в России и корниловское военно-политическое объединение. Если бы последнее в то время обладало навыками и принципами борьбы фашистской организации, то оно несомненно не оказалось бы в период окончательного развала власти Временного республиканского правительства и натиска на его власть со стороны большевиков пассивным зрителем и само выявило бы свое национальное лицо, и спасло бы Россию от ввержения ее во власть Третьего интернационала.

Итак, по вине самого правительства А. Ф. Керенского случилось то, что с 25 октября в столице России восторжествовали Ленин и Троцкий.

В центральных управлениях военного ведомства, в том числе и в Главном управлении Генерального штаба, приход к власти большевиков был принят как неизбежное зло, сопротивляться которому не имелось никакой физической возможности. В распоряжении центральных военных учреждений, как и у самого правительства, не было никакой опорной вооруженной силы.

Живой персонал этих управлений и штабов, состоящий наполовину из офицерских и наполовину из писарских чинов, не предс-

тавлял сам по себе никакой реальной организации, которая могла бы, в той или иной форме, оказать влияние на крупные внутренние политические события в Петрограде.

Среди писарской части чинов Главного управления Генерального штаба, отличавшейся сравнительной политической умеренностью, большевистские тенденции не прививались так быстро, как это вообще наблюдалось в рядовой массе солдат и команд петроградского гарнизона.

Вследствие этого между офицерским и писарским составами названного штаба в течение ближайших двух месяцев после большевистского переворота существовали самые спокойные и благонамеренные взаимоотношения.

Создавшиеся офицерский и писарский комитеты штаба не враждовали между собой, но даже искали друг в друге моральной поддержки.

Особенно это почувствовалось в то время, когда «политическая уличная пропаганда» большевиков подняла вопрос о мире «без аннексий и контрибуций», а также когда в воздухе понеслись слухи о скором заключении соглашения с немцами о прекращении войны и о выходе России (тогда еще верили, что самое имя России не будет вовсе утрачено) из договорных обязательств в отношении союзников.

Справедливость требует отметить, что писарская масса, как более культурная часть, чем прочая распропагандированная столичная солдатня, сравнительно болезненно переносила ущемление национального русского самолюбия, проистекавшего от новых политических программ, выдвинутых, как сказано выше, большевиками с первых же шагов своего владычества.

Они – писаря, сколько могли, старались сдерживать общие страсти, врывавшиеся с улицы в стены Главного управления Генерального штаба, но это им весьма плохо удавалось.

Автору этих строк, по поручению начальника Генерального штаба и по выбору офицерских чинов, некоторое время пришлось исполнять председательские обязанности офицерского комитета штаба и в этой роли иногда сталкиваться с условиями ворвавшейся в замкнутый штабной круг работы, напиравшей со всех сторон так называемой «большой политики»…

При специальном желании играть ту или иную роль в этой политике, при тех условиях времени, отношении и доверии со стороны всех чинов Главного управления Генерального штаба, можно было бы,

как говорится, сделать весьма недурную политическую и всякую другую карьеру.

Достаточно сказать, что как только еще Керенский стал популяризировать в военном ведомстве широкое выборное начало, то пишущему настоящие воспоминания сразу стали предлагать занять должность выборного начальника Генерального штаба.

Опыт с занятием должностей помощников военного министра (А. Ф. Керенского) такими же молодыми сверстниками (Якубовичем и Тумановым), казалось бы, говорил за то, что и в данном случае можно было бы «дерзать» и не отказываться.

Но врожденное чувство меры, не в пример тому, что мы широко наблюдали потом в разгар Гражданской войны на всех фронтах белых армий, не позволяло тогда даже и думать о том, чтобы можно было бы делать такую молниеносную, почти киноголливудского темпа, военную карьеру подобным приемом.

Быстро сменявшиеся в то скоротечно-неустойчивое революционное время начальники Генерального штаба генералы Романовский[35] и Марушевский[36], по нормальным понятиям бывшие неблизкими кандидатами на подобную высокую роль, довольно искусно «маневрировали» между политикой и прямыми задачами, лежавшими на их плечах, как ответственных руководителей центрального военного органа.

К случаю следует подчеркнуть, что оба эти генерала были также соучастниками корниловского движения, хотя открыто своей деятельности не выявляли.

Генерал Романовский в свое время, например, объявил автору настоящих строк о том, что «дальнейшие каждодневные доклады Верховному главнокомандующему (А. Ф. Керенскому) надлежит прекратить и Зимний дворец до особого распоряжения его (генерала Романовского) пока не посещать»…

– «Главковерх имеет какие-то агентурные, беспокоящие его и касающиеся Вас, сведения», – сказал генерал Романовский, саркастически при этом улыбаясь.

Не придавши в то время этим словам начальника Генерального штаба какого-либо «острого» значения, автор этих строк расшифровал их «доподлинное» значение лишь сравнительно в недавнее эмигрантское время, когда познакомился с соответствующим изложением этого же факта в интерпретации самого А. Ф Керенского, недавно выпустившего из печати свои личные воспоминания…

Керенский боялся тогда покушения на свою жизнь.

С падением власти Временного республиканского всероссийского правительства и с захватом ее большевиками во всех министерствах, в том числе и в военном, создались полная неразбериха и маразм.

С одной стороны получилось так, что «штатская» власть военного министра в лице Керенского ушла, а с другой стороны – она попала снова в руки военного человека.

До сих пор еще не представляется вполне понятным, каким образом в этот переломный к большевизму момент во главе Военного министерства вместо самого Керенского вдруг стал генерал Маниковский[37], бывший начальник Главного артиллерийского управления.

Одно время он исполнял должность третьего помощника Керенского (по вопросам артиллерийского снабжения), очевидно, это и послужило причиной того, что с бегством Керенского «преемственно» вступил на «освободившуюся» должность военного министра генерал Маниковский…

Конечно, этот мираж преемственности скоро был дескредитирован и рассеян объявившимся «Военным комиссаром» в лице Троцкого…

Генерал Маниковский скоро сошел на «нет», и с ним сошла со сцены и прежняя национальная, великая «офицерская» Россия…

Пока держалась власть генерала Маниковского, как-никак чувствовалась еще некоторая закономерность во всех распоряжениях, исходивших по военному ведомству, и не чувствовался с такою оголенностью весь ужас, уже, в сущности, определившегося «небытия России»…

Страшный и безликий призрак Третьего интернационала тогда еще не был понятен ни массам, ни отдельным группам, ни учреждениям.

От него как-то все хотели отмахнуться, не замечать и не чувствовать его прикосновения к вопросам государственного существа Российской державы.

Почему-то все хотели внушить себе мысль, что «большевизм» существует только для улицы, для бунтующей толпы и черни, но, что государственной машины и основных, по крайней мере, внешних интересов России он не коснется, их не затронет…

Ввиду того, что первое время со стороны большевиков, то есть со стороны «Смольного института» (там Центральный комитет сохранял свою резиденцию довольно продолжительное время)

не делалось никаких реальных шагов к непосредственному захвату власти в Военном министерстве и, в том числе, в Главном управлении Генерального штаба, создавалось впечатление, что последние так и останутся «неприкосновенными» или, по меньшей мере, «автономными» среди других «комиссариатов» (не министерств уже) новой власти.

Но, конечно, это был только гипноз общего самообмана...

Вспоминается, например, один незабываемый на всю жизнь момент, который безжалостно разбил и эту последнюю иллюзию и «де-факто» открыл всем глаза на печальную действительность.

В приемном зале штаба, в котором начальник всероссийского Генерального штаба делал свои обычные официальные приемы лиц, прибывающих к нему по службе, происходило соединенное заседание офицерского и писарского комитетов управления Генерального штаба, председательствование в котором выпало на долю автора этих воспоминаний.

На повестке заседания был вопрос о том, как реагировать в случае, если со стороны большевиков будут сделаны «попытки» подчинить себе центральные органы Военного министерства…

По одной этой «наивной» постановке вопроса можно теперь судить о том, насколько еще не осознавали в самом Петрограде в первые недели большевизма глубины той пропасти под ногами ее непосредственных свидетелей…

Чинно начавшееся заседание, руководимое его председателем – офицером и секретарем – старшим писарем штаба, протекало в довольно приподнятых и патриотических настроениях: не сдаваться, не подчиняться, не допускать разрушения важнейшего государственного органа военного управления, требовать невмешательства «Смольного» в это деликатное и незнакомое им специальное дело… – раздавались настойчивые голоса.

И больше всего, надо подчеркнуть, говорили об этом именно писаря, то есть солдаты.

Уже приступили к голосованию и «составлению резолюции», как вдруг чей-то встревоженный голос прорезал приподнятое настроение смешанного собрания:

– Господа, смотрите в окна, через Дворцовую площадь к нашему Управлению двигается большой наряд вооруженных до зубов кронштадтских матросов...

Этот возглас был магическим. Он разрушил все оптимистические иллюзии намечавшейся «резолюции» и открыл перед всеми участниками собрания всю неприглядную наготу власти большевизма.

Двигавшаяся через площадь «краса и гордость большевизма» кронштадтская матросня не сулила ничего хорошего.

Разговоры с ней были короткие.

К тому же не изгладился еще из памяти председателя этого собрания столь недавний и также «непрошенный визит» этих же матросов к нему на квартиру в дни корниловского движения...

Все участники собрания, отлично знавшие «корниловское» прошлое своего председателя и учитывавшие всю «невыгодность» предстательствования перед «новой властью» в ореоле «корниловского мученичества», которого большевики, как и Керенский, определенно недолюбливали, тут же, пока матросы шествовали через площадь, «решили» передать дальнейшее председательствование в этом собрании кому-либо из писарей...

Само по себе понятно, что присутствие в этот момент в зале заседания было не безопасно для автора сих воспоминаний.

Потом, как рассказывали участники этого «невольного» приема представителей большевистской власти в стенах Генерального штаба, последние «очень крепко выражались» по адресу всех и вся и, пообещав на прощание «поставить к стенке всяких там корниловцев и их приспешников», запретили какие-либо собрания и обсуждения вопросов без разрешения «Смольного»...[38]

«Догорели огни, облетели цветы»...

Наступило царство массового террора и преследований.

Так перешла власть к большевикам...

Отъезд из Петрограда

После свержения власти Временного всероссийского республиканского правительства и утверждения власти большевиков оставаться в Петрограде было бесполезно и опасно. Особенно тем, кто был замешан в участии в политических антибольшевистских организациях, и особенно в корниловской.

Так как большевики захватили все правительственные старые учреждения, то они нашли в них достаточно материала, расшифровывающего деятельность их недавних врагов.

Начались повальные обыски, аресты и расстрелы.

Найденное оружие, хотя бы служившее целям любительским, коллекционным, служило прямым и непременным поводом для привлечения к суровой ответственности «за контрреволюционную деятельность, направленную против большевиков».

В частности, в квартире автора сих строк хранилась небольшая коллекция современного оружия разных иностранных систем, собранная во время личного участия в боях на Кавказско-Турецком и на Германо-Австрийском фронтах.

После серьезного ранения, полученного в мае 1915 года в боях на Галицийском фронте, в то время когда фельдмаршал Макензен[39] прорывал наше расположение под Радымно, пишущего эти воспоминания командировали в Петроград на смену здоровых офицеров Генерального штаба, еще не получивших возможности принять участия в военных действиях.

Коллекция оружия была взята в Петроград, где и нашла себе место в виде украшения на стенах кабинета будущего «корниловца», который в то время, естественно, и не подозревал, что найденное им на поле сражения оружие будет для него, как коллекционера, более опасным при мирной обстановке в столице России, чем на самом боевом фронте...

Во время одного из повальных обысков Петроградского Чека оно было «найдено» и приобщено, как «вещественное доказательство», к делу об «опасной контрреволюционной деятельности полковника Клерже»...

К этой партии оружия приобщено было также и дело, взятое из следов «мироновской контрразведки» по корниловскому делу и ассортимент «тягчайших преступлений» (против кого?) оказался полностью и на лицо...

При таких условиях не приходилось долго разбираться в том вопросе, по какому из заведенных большевиками в Чека разрядов ты будешь подведен под «стенку».

Тут можно было говорить только о сроке расстрела – коротком или более длинном.

Автору сего грозил расстрел по «первому разряду», то есть безоговорочный и немедленный.

Столь «заманчивые перспективы» не оставляли желать ничего лучшего, как покинуть Петроград с наименьшими для себя потерями.

Ко всем этим настроениям, относящимся к разряду физического характера воздействия на психологию «опасного контрреволюционера», было еще и ужасное моральное пугало, которое нависло над головами всех русских патриотов почти с первых же дней водворения в Петрограде большевиков.

Слухи и разговоры о предстоящем скором заключении предательского «мира» с немцами в Бресте, породили невероятное общее уныние и горе.

Сначала этим слухам «пробовали» не верить, но это так же было напрасно и неутешительно, как и с вопросом «признания или непризнания» над собою фактической власти большевиков.

Формировалась в срочном порядке делегация для командировки в Брест.

В качестве военных экспертов требовались в эту делегацию офицеры Генерального штаба.

Добровольно ехать в эту «командировку», естественно, никто из находившихся тогда в Петрограде, да и в Ставке Верховного главнокомандующего, не хотел.

Все те, которым делаемы были «предложения», под разными предлогами отказывались или просто уклонялись.

В конце концов, из Петрограда выехал в Брест полковник Шишкин[40]. Туда же несколько позже был послан и генерал А. И. Андогский[41], состоявший в должности начальника Военной академии. Из Могилевской ставки командировали полковника Скалона[42].

Как известно, полковник Скалон не вынес этой нравственной пытки национального позора и до подписания Брестского мирного договора между немецкими военноначальниками и русскими большевиками, он там же в Бресте и застрелился.

Генерал же Андогский вернулся потом в Петроград и снова вступил в командование Военной академией, в составе которой в то время еще продолжало числиться несколько десятков молодых русских офицеров, пытавшихся продолжать курс своего специального военного образования.

Тяжелым моральным камнем до самой смерти генерала А. И. Андогского висело над ним всеобщее порицание за участие в этом позорнейшем акте. Он всячески пытался оправдываться в этом нелегком для него положении, настойчиво утверждая, что он «Брестского мира не подписывал, но подписал только ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЭТОГО МИРА»...

Трудно было кого-либо убедить в этом наивном оправдании, тем более что уже по тем временам выступать открыто с протестами против того, что проводили большевики, было совершенно немыслимою вещью.

Не имея достаточных материалов для того, чтобы точнее описать эту тяжелую страницу русской истории, автор настоящих строк воспроизводит последний штрих лишь на основании собственных слов об этом печальном факте самого генерала А. И. Андогского.

Сопоставляя «оправдания» Андогского с фактом самоубийства Скалона, невольно останавливаешься вниманием на том контрасте психологических настроений и умозаключений, которыми были обуреваемы два русских офицера Генерального штаба, находившихся в совершенно одинаковых морально трудных условиях.

Полковник Скалон вышел из этого положения с честью, а генерал Андогский с моральным пятном, которое он и унес с собой в преждевременную свою харбинскую (эмигрантскую) могилу...

Автор настоящих воспоминаний покинул Петроград примерно через месяц после перехода власти к большевикам, отправившись в Персию, куда получил новое назначение, преднамеченное еще задолго до большевистского переворота и даже до начала открытого корниловского выступления.

Это новое назначение на некоторое время переносит его в обстановку незаконченной еще борьбы с немцами на Кавказском фронте, а также и настроений соседней с Кавказом страны – Персии.

Персидская Его Величества шаха дивизия

Авторитет императорской России был настолько велик, что в соседних с нею странах она имела специальные сферы своего влияния, в пределах которых она держала не только самостоятельные вооруженные консульские охранные свои части, но даже руководила обучением и организацией вооруженной силы данной страны.

К разряду таких стран надо отнести Монголию и Персию.

На основании особых договорных отношений Россия содержала в них довольно значительный инструкторский офицерский и унтер-офицерский состав из разных родов войск, на обязанности которого лежало не только обучение воинских монгольских и персидских частей, но и управление ими во всех отношениях.

В Монголии, в городе Урге, имелась такая одна, небольшого состава, монгольская смешанная бригада, во главе которой стоял штаб-офицер или генерал русского Генерального штаба. При нем, в качестве его помощников, состояло пять или семь офицеров и столько же нижних чинов.

В Персии, в городе Тегеране и в городе Тевризе, имелась тоже смешанная персидская бригада, несколько большего состава, чем монгольская.

Во главе последней в течение нескольких десятков лет в качестве ее командира (главного инструктора) также состоял штаб-офицер или генерал русского Генерального штаба.

В распоряжении последнего находилось около двадцати офицеров и нижних чинов, которые одновременно были инструкторами и начальниками соответствующих персидских воинских частей всех родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск).

Называлась эта бригада: Персидская Его Величества шаха бригада.

Наиболее видными из числа командиров этой бригады за последнее время были известные генералы Генерального штаба Ляхов[43], Вадбольский[44] и Майдель[45].

С момента начала мировой войны временно командовал ею полковник Прозоркевич[46], который был одновременно и инструктором артиллерийского дела.

Находясь на особом положении, Монгольская и Персидская бригады, вернее, русский командный и инструкторский составы этих бригад, подчинялись непосредственно Императорскому Российскому главному управлению Генерального штаба в лице начальника Генерального штаба.

Находились также в некоторой зависимости эти две бригады и от соседних русских военных округов – Иркутского и Кавказского, из состава войсковых частей которых эти бригады получали главным образом свой личный инструкторский состав.

В Главном управлении Генерального штаба в Петрограде делами по Монгольской и Персидской бригадам ведало Второе обер-квартирмейстерство, в сферу деятельности которого входили все военно-политические вопросы как Дальнего, так и Ближнего Востока (Япония, Китай, Монголия, Афганистан, Турция и Персия).

Как помнит читатель, автор сих воспоминаний после ранения на Галицийском фронте был переведен на службу в Петроград и назначен на должность Генерального штаба по названному Второму обер-квартирмейстерству. Таким образом, непосредственное заведывание делами Монгольской и Персидской инструкторских бригад лежало на нем.

Техническое руководство делами этих бригад и тесное постоянное соприкосновение с вопросами названных иностранных воинских частей и послужило в период падения власти Всероссийского Временного правительства и захвата власти большевиками причиною того, что автор настоящих строк, как близко знакомый

с делами Персидской бригады, был командирован в столицу Персии, в город Тегеран.

Непосредственное же распоряжение об этой командировке было дано лишь через две недели после падения власти Временного правительства, когда во главе Военного министерства вместо Керенского оказался его помощник генерал Маниковский, а начальником Генерального штаба – генерал Марушевский.

Сама по себе командировка не носила таким образом случайного характера, а была кроме того еще и результатом того, что в течение предшествовавших этому новому назначению в Тегеран [месяцев], Персидская Его Величества шаха бригада была развернута в дивизию, а состав ее увеличен больше, чем в три раза.

Реорганизационная работа Главного управления Генерального штаба по разворачиванию Персидской бригады в дивизию была начата еще весною 1916 года, то есть за год до злосчастной Февральской нашей революции, и была закончена только летом 1917 года, то есть уже после падения русской Империи...

Кропотливая работа по проведению в жизнь этой реформы в пределах чужого государства не могла быть проведена в более короткий чем указанный срок по той причине, что каждую деталь нового соглашения и распоряжения по увеличению ассигнований, личного состава самой персидской части и присылки нового увеличенного состава русских инструкторов требовалось согласовывать с Императорским (позднее республиканским) Министерством иностранных дел, которое, в свою очередь, входило в сношение с нашим посланником в Тегеране, а этот последний – с шахским правительством и обратно.

Проживающий в настоящее время «на покое» в Тяньдзине симпатичнейший Василий Оскарович Клемм[47], по тому времени начальник Ближне-Восточного департамента Министерства иностранных дел, немало пролил чернил в свое время на «борьбу мнений» с Главным управлением Генерального штаба (дипломаты ведь вечно «воюют» со своим Генеральным штабом) по вопросу «разворачивания Персидской бригады», почему-то стараясь «умерить пыл» разворачивающегося влияния военного ведомства в персидских делах.

И если бы не случайное совпадение, что в качестве помощника полковника Клерже в Управлении Генерального штаба по персидскому делопроизводству был личный приятель В. О. Клемма – Н. А. Ригана (служивший до начала всеобщей мобилизации в Учетно-Ссудном банке Персии – филиальном отделении Русского Государст-

венного банка), то, может быть, вопрос об этом разворачивании персидской бригады затянулся бы и на более продолжительное время.

Когда переписка между Генеральным штабом и Ближне-Восточным департаментом, как говорится, попадала в тупик, тогда, обычно, «командировался» Н. А. Ригана[48] к Василию Оскаровичу для ведения «дипломатических» переговоров, и дело мало-помалу проталкивалось вперед.

А если принять во внимание, что для того, чтобы получить того или иного офицера или нижнего чина с фронта для командировки в Персию, тоже приходилось выдерживать целую «войну» со строевыми штабами частей, куда приходилось обращаться Генеральному штабу (части очень неохотно отпускали чинов по специальному подбору), то сама затяжка вырастала еще в большую величину.

Немало хлопот причиняли в этом, казалось бы, простом военно-реорганизационном деле и врывавшиеся политические веяния «демократии», которая после отречения императора требовала введения «войсковых комитетов» среди русских инструкторов и даже чуть ли не в самих персидских частях...

Полтора года непрерывной борьбы и переписки по вопросу «о разворачивании Персидской дивизии» сделали таким образом автора настоящих воспоминаний настолько «натасканным» в этом деле «специалистом», что когда вскоре за сим возник вопрос о назначении нового начальника Персидской Его Величества шаха дивизии, то выбор пал именно на него, как на одного из бесспорных кандидатов.

Таким образом, несмотря на то, что в течение полутора лет, во время которых производились вышеуказанные мероприятия по персидскому вопросу, в России происходили глубокой важности политические перемены (война, отречение императора, революция, корниловское движение, большевистский переворот) все же реформу, клонящуюся к усилению русского влияния в Северной Персии, удалось довести до конца.

Персидская бригада была развернута в дивизию.

Развитие этого вопроса и выпавшее на долю автора настоящих воспоминаний назначение из Петрограда в далекую Персию весьма устраивало его в том отношении, что давало ему возможность покинуть обольшевичившуюся русскую столицу и, в то же время, быть ближе к Кавказу, на котором протекала вся его жизнь и служба в молодые годы до Великой войны и до революции.

К Кавказу тянуло в те времена еще потому, что там, казалось тогда, меньше было данных за то, что большевики сумеют укрепить свое прочное влияние.

На практике это вылилось только в оттяжку на несколько месяцев, но по тем временам и мерилу, с которым вообще повсюду подходили к большевистскому вопросу, была почему-то уверенность, что надо только найти «место для пережидания, пока большевики не будут свергнуты», и тогда можно будет вернуться на свои прежние «насиженные» места…

Как в самом начале Великой войны царила всеобщая ошибочная уверенность об окончании войны в течение пяти-шести месяцев, так в отношении большевиков тогда многие думали, что они не удержатся больше того времени, как держался Керенский…

Увы! Жестокая ошибка еще и до сего времени никем не поправлена…

Яркой иллюстрацией подобной «уверенности» может, например, послужить тот вопрос, с которым встретил в Тегеране автора сих строк Его Императорское Высочество великий князь Дмитрий Павлович[49], находившийся в Персии в ссылке после известного случая с убийством в Петрограде Распутина.

Питаясь совершенно случайно доходящими до Тегерана, извращенными расстоянием и настроениями передатчиков сведениями, великий князь почти верил в то, что «вся эта история с большевиками скоро кончится»…

– Правда ли, что в Петроградском совете солдатских и рабочих депутатов половина членов его состоит из монархистов – был его вопрос.

Эта версия была уже знакома автору этих воспоминаний еще по петроградским разговорам, но «она, к глубокому сожалению, не отвечает предположениям Вашего Императорского Высочества» – был ему ответ.

Итак, бушующий в руках большевистских агентов Петроград и уезжающие в Брест – для заключения «похабного мира» депутаты остаются далеко позади.

Впереди дорога на родной Кавказ и дальше в Персию…

Путешествие из Петрограда в Тифлис

Персидская дивизия имела форму одежды образца Терского казачьего войска, то есть черкеску, синий бешмет и серебряный галунный прибор.

С получением назначения на должность начальника этой дивизии, автору сих строк предстояло перед отъездом из Петрограда заказать себе форму этой части.

Несмотря на то, что на улицах Петрограда свирепствовал большевизм и всему тому, что носило офицерский вид, уже фактически был «вынесен смертный приговор», новая офицерская форма все-таки была заказана у портного Конвоя Его Величества на Шпалерной улице.

В то время (это было, примерно, в середине ноября (по старому стилю) 1917 года) еще не видно было признаков того, что офицерские погоны будут объектом непосредственных преследований со стороны большевиков.

Жестокое гонение на «золотопогонников» в России началось примерно с января или даже с февраля месяца 1918 года, то есть со времени заключения Брестского мира.

Выезд из Петрограда состоялся 29 ноября, то есть через пять недель после большевистского переворота и не был осложнен какими-либо затруднениями.

Совместно с пишущим эти воспоминания выехал в Тегеран, под видом специальной командировки от Главного управления Генерального штаба, и Н. А. Ригана.

Большевики еще не успели к тому времени разрушить порядок движения по железным дорогам, и посему путешествие через центральную и южную Россию до Владикавказа протекло без всяких осложнений и почти в нормальных условиях мирного времени.

Никаких признаков открытой Гражданской войны еще не наблюдалось, и только лишь на некоторых узловых станциях в вагонах иногда появлялись «представители власти» из местных совдепов и проверяли документы и наличие огнестрельного оружия.

Были слухи, что где-то в районе Белгорода появились какие-то отряды антикорниловского направления, но на линии железной дороги их в то время видно не было.

Из Владикавказа до Тифлиса проезд был совершен по знаменитой и феерически красочной Военно-Грузинской дороге на автомобиле, также в условиях нормального порядка и расписаний.

Ничто не было еще нарушено и здесь большевистской стихией, если не считать одной видной автомобильной катастрофы, произошедшей накануне проезда названных путешественников и закончившейся гибелью нескольких подгулявших комиссаров, выехавших в нетрезвом виде из Владикавказа и свалившихся в глубокую пропасть с дороги недалеко от Млетского перевала...

В родном Тифлисе

Около двух с половиною лет перед тем автор настоящих воспоминаний покинул столицу и жемчужину Кавказа город Тифлис, где протекла его первая офицерская служба в строю в 15-м Гренадерском Тифлисском полку и в Генеральном штабе.

Внешне город сохранил свой прежний вид, но внутренне жизнь изменилась неузнаваемо.

Войска Кавказской армии были еще на Турецком фронте в глубине Армении и Анатолии, но в тылу ее уже назрели кризисы и серьезные моральные надломы.

Среди старых сослуживцев по штабу Кавказского военного округа осталось не так много прежних лиц, и те уже определенно тяготились оказываемым на них давлением со стороны «демократического правительства» полуотделившейся тогда от России Грузинской республики.

Тифлис был раздираем политическими интригами, в которых яркой чертой разграничивались «сферы влияния» прежней «империалистической» русской власти и новой республики, с одной стороны, и определилась борьба между грузинами и армянами из-за исторического правовладения самим городом Тифлисом, как столицей края, с другой стороны…

Прежние друзья и приятели в том же русском Генеральном штабе, служившие в Кавказской армии под командой генералов Юденича[50] и Пржевальского[51], уже враждовали между собой на почве отстаивания старых и новых прерогатив и прав…

Типичным представителем первого настроения являлся тогда полковник П. Н. Шатилов[52] (отец его был одним из последних помощников наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова[53]) и второго, то есть грузинского, республиканского – полковник Г. В. Квинитодзе[54].

С большим апломбом в этой «борьбе» держал себя второй из них, так как он чувствовал себя на положении уже не рядового штаб-офицера Генерального штаба Кавказской (русской) армии, а в роли «военного министра» независимой Грузинской республики.

Грустно было наблюдать эту печальную картину утраты влияния России в Закавказье и не было, в то же самое время, никакой уверенности в том, что и «освободившаяся от царского гнета Грузия» сумеет самостоятельно обеспечить свое «независимое» положение...

Не задерживаясь больше двух дней в Тифлисе, начальнику Персидской Его Величества шаха дивизии надо было спешить в Тегеран.

Поездом до Баку и дальше пароходом до Энзели путешествие было совершено в течение трех суток.

Въезд в Персию и тамошние «настроения»...

В городе Баку оставлена была часть тяжелого багажа, принадлежавшего автору сих воспоминаний и состоявшего из весьма ценнейшей книжной библиотеки и богатейшего картографического материала.

Все это, в свое время, служило исключительным по своей редкости справочным материалом при составлении многочисленных военно-политических обзоров и статей, помещавшихся в русских и заграничных периодических изданиях пишущим эти строки.

К великому огорченно, этот, невозместимый никакими деньгами груз, составлявший при том и память о великой эпохе Мировой войны, не будучи вовремя доставленным в Тегеран, безвозвратно погиб, попав в руки хозяйничавших в городе Баку большевиков.

Книги и рукописи были разграблены и совершенно случайно, много позже потом, когда уже настал период работы автора в Омске, туда была доставлена одним из приехавших с Кавказа офицеров каким-то чудом попавшая к нему в руки одна из французских исторических книг, принадлежавшая к названной библиотеке, на которой, также случайно, оказалась подпись хозяина, которому принадлежала эта книга.

Временный владелец этой книги, желая «сделать приятное», доставил ее хозяину, как память о... былой любимой библиотеке.

Оставлены были книги, к случаю сказать, в помещении Бакинского отделения Учетно-Ссудного банка Персии у чиновника этого банка, который являлся сослуживцем и приятелем спутника по путешествию Н. А. Ригана.

Блуждают где-нибудь по белу свету и, возможно, также где-либо и за границей живые свидетели минувшего невозвратного дорогого воспоминания, и как бы было теперь снова радостно и приятно, если бы вдруг какой-либо из экземпляров застрявшей в Баку библиотеки опять нашел бы своего хозяина...

Итак, ближе к первоначальной теме.

Из Баку в Тегеран была послана телеграмма о посадке на пароход нового начальника Персидской Его Величества шаха дивизии.

В первом персидском порту Энзели, куда прибыл пароход на следующий день, была организована торжественная встреча. Во главе сотни казаков подполковник Яковлев[55], начальник Казвинского отряда Персидской дивизии, отрапортовав по всем правилам воинского устава, тем не менее сразу доложил, что в Тегеране к прибытию нового начальника дивизии некоторые группы русских служащих в дивизии во главе с начальником штаба ее, Генерального штаба полковником Филипповым[56] относятся с явным предубеждением и даже враждебностью…

Никаких распоряжений об организации встречи нового начальника дивизии из Тегерана сделано, как оказалось, не было, и сотню казаков в Энзели привел для встречи, по своей инициативе, сам подполковник Яковлев, как начальник ближайшего отряда дивизии.

Видимо, общий развал дисциплины коснулся и наших офицеров, находившихся в почетной заграничной командировке в Персии.

По тифлисским настроениям это также уже наблюдалось, и в отношении разговоров о Тегеране были какие-то смутные слухи. В частности, тегеранские «оппозиционеры» постарались и в штабе Кавказского военного округа (тогда он еще был штабом армии, ибо война не кончилась) посеять некоторые неудовольствия против появления «новых лиц» из Петрограда.

Очевидно, кое-кто мечтал о бесконтрольном распоряжении дивизией, снабженной большими материальными ресурсами.

Под впечатлением первого доклада подполковника Яковлева невольно вспомнились последние напутственные слова начальника Генерального штаба в Петрограде генерала В. В. Марушевского, который, отправляя полковника Клерже в Тегеран, особенно хотел верить, что там дольше всего сохранятся дисциплина и порядок, на которые впоследствии, быть может, придется опереться в трудные минуты политических осложнений внутри России.

Учитывая начавшийся ужас в русской столице, генерал В. В. Марушевский, надо полагать, справедливо рассчитывал на только что развернутую трудом и усилиями Главного управления Генерального штаба Персидскую дивизию как на живую силу, в которой можно было бы сохранить и подготовить кадры для последующей борьбы с растлителями России.

Не тут-то было...

С первых же шагов вступления на персидскую территорию автор сих воспоминаний понял, что и тут «почва уже больная».

Обиднее всего было сознание того, что главнейшим зачинщиком этого скрытого развала в дивизии был офицер... Генерального штаба, ее начальник штаба.

Был момент, когда возникал в душе вопрос отказаться от дальнейшей поездки в Тегеран и предоставить тамошние «настроения» своему собственному распоряжению.

Положение осложнялось, кроме того, тем, что к этому времени (середина декабря 1917 года) получились некоторые сведения о полном захвате власти большевиками в Петрограде и об утрате формального положения самого Управления Генерального штаба и начальника его генерала Марушевского, а также и военного министра генерала Маниковского.

Приходилось решать вопрос самому так, как он складывался.

Фактически авторитет того министерства и управления, которые командировали нового начальника Персидской дивизии, почти отсутствовал, что, очевидно, было также известно и в Тегеране и на чем, главным образом, решено было «играть» до конца...

Исчадие большевистской революции сделало свое мрачное дело.

Приходилось рассчитывать только на самого себя и на остаток понятия о воинском долге, который должен же был в ком-либо из остальных русских чинов дивизии все-таки да сохраниться...

Выехав на автомобиле в Казвин и переночевав в гостеприимном доме подполковника Яковлева, автор сих воспоминаний направился в Тегеран.

Вышло странно: в России возник большевизм, в самом начальном пекле которого приходилось присутствовать, и после этого ехать через всю Россию и Кавказ, не встречая все же нигде пока никаких препятствий, а по въезде в Персию пришлось натолкнуться на печальные отголоски этого большевизма, который успел уже проникнуть туда какими-то неведомыми путями.

Приезд в Тегеран

Въезд в столицу Персии был не из веселых. Прежде всего нигде никакой официальной встречи новому начальнику дивизии организовано не было.

Приезду последнего, по настоянию начальника штаба дивизии, придали «совершенно частный характер»...

На лицах некоторых русских офицеров дивизии, случайно встретившихся на улице и в отеле, где пришлось поневоле остановиться, написано было крайнее смущение и неловкое удивление.

– Почему мол, нового начальника дивизии так демонстративно «решено игнорировать»?

Проживавший в том же отеле полковник Филиппов, начальник штаба, не только не явился, хотя ему и было послано сообщение о приезде, но даже уклонился от фактической встречи с прибывшим из Петрограда официальным лицом, командированным на службу в Персию начальником Генерального штаба генералом В. В. Марушевским и военным министром генералом Маниковским.

Очевидно, полковник Филиппов, только сам недавно присланный в Персию (уже во время Керенского, после провала корниловского движения, в котором он принимал некоторое участие) и назначенный на настоящую должность при посредстве автора сих воспоминаний, как лица заведовавшего в Генеральном штабе этими назначениями в Персидскую дивизию, в момент прибытия нового начальника этой дивизии, в которой он состоял начальником штаба ее, почему-то вдруг решил авторитета указанных двух генералов не признавать, а прибывшего полковника Клерже считать «большевистским агентом»...

Только последним, пожалуй, и можно оправдать «глубокомысленные» рассуждения полковника Филиппова, столь ясно показавшего перед всеми полную свою недисциплинированность и свое собственное натуральное «большевизанствование»...

На следующий день по приезде в Тегеран пишущий настоящие воспоминания отправился на квартиру генерала Майделя, фактическим заместителем которого он и был назначен...

Старик генерал Майдель, видимо, незлобивый сам по себе человек, все же оказался настроенным с некоторым предубеждением, и пытался было доказывать, что назначение ему заместителя является «незаконным».

Однако, когда ему было предъявлено формальнее предписание начальника Генерального штаба генерала В. В. Марушевского, он больше не возражал и должность свою передал.

Столь неожиданная «мягкотелость» генерала Майделя произвела в лагере оппозиционеров, а потом, как оказалось, и заговорщиков, впечатление разорвавшейся бомбы. Автором сих строк должность была принята, вернее «вырвана», но само по себе положение оставалось все время крайне напряженным и скрытно-неприязненным.

Момент интриги был сорван, но заговор внутри только разгорался...

По соображениям скорее дипломатическим, так как во всю эту «борьбу» (по каким серьезным соображениям, до сего времени остается непонятным) были, как вскоре выяснилось, втянуты чины Русского посольства и иностранцы, пришлось воздержаться от решительных действий против нарушителей дисциплины и воинского чинопочитания, сделав вид, что, собственно говоря, ничего «существенного» и не случилось.

Фактически положение создалось совершенно невыносимое, так как опоры не было никакой: с Петроградом и Управлением Генерального штаба всякая связь прервалась. Страсти здесь разгорались. За кулисами дипломатического Русского посольства шла какая-то двойная игра, в которой усиленно советовались с англичанами и параллельно с сим возбуждали против нового начальника дивизии Персидское правительство и особенно Военное министерство последнего.

Только вследствие этой двойной игры тегеранского Русского посольства, со стороны Персидского Военного министерства не состоялось формального признания назначения нового лица в качестве начальника Персидской Его Величества шаха дивизии.

По той же причине не состоялась и аудиенция у Его Величества шаха Персии.

Больше всего поражал своей неискренностью российский посланник г. Эттер[57], который устраивал вновь прибывшему начальнику дивизии банкеты и выражал удивление в том, что последний «совсем не похож на большевика, как это некоторые утверждают», в то же самое время, совместно с «заговорщиками» вырабатывал план, как бы поскорее избавиться от него, как от «большевистского агента»…

Словом, разобраться во всем этом при недостаточном знакомстве с обстановкой, при наличии развала в армии генерала Н. Н. Баратова[58] (отступающие из Месопотамии части которого расплывались по всей Северной Персии), было чрезвычайно сложно, неприятно и трудно.

Чтобы не терять слишком много времени на описание последующих событий в Персии, достаточно сказать, что при отмеченных выше обстоятельствах и при полном противодействии почти со всех сторон, группе полковника Филиппова не трудно было инсценировать в частях персидской дивизии «бунт» против нового начальника дивизии и поставить последнего перед фактом

невозможности и бесполезности вести дальнейшую со скрытыми врагами борьбу...

Воспользовавшись пьяной группой офицеров, заговорщики 3 февраля 1918 года провели инсценировку «бунта» по тому плану, который был накануне перед этим разработан и одобрен... в Русском посольстве Тегерана.

Когда намеченный планом внешний «эффект бунта» против нового начальника дивизии был достигнут, для оформления и фиксации создавшегося положения к месту «чрезвычайного происшествия» прибыл своей собственной персоной Российский посланник в Персии г. Эттер...

Тут же оказался налицо «заблаговременно приготовленный» для занятия «вакантной» должности начальника дивизии (служивший некогда по полиции в России) полковник Старосельский[59], перед этим случаем находившийся в отпуску, но срочно вызванный полковником Филипповым в Тегеран по «особым соображениям».

Находясь в каких-то интимных отношениях с семьей Старосельского, Филиппов в этом случае проявил неожиданную скромность, «предоставив» должность начальника дивизии бывшему полицейскому чиновнику (по штату эта должность замещалась только офицерами Генерального штаба) и сохранив за собой прежнюю свою должность начальника штаба последней.

Очевидно, в этом случае скрывалась комбинация особого характера...

В силу того, что не все русские офицеры дивизии относились сочувственно к вышеотмеченной интриге бунтовщиков, представлялась некоторая возможность вооруженной рукой подавить «бунт против законного начальства», поднятый кучкой заговорщиков (Филаретовым[60], Ткаченко и др.). Все же, однако, дабы не проливать крови ни в чем неповинных рядовых офицеров и казаков (русских и персидских) и, кроме того, чтобы не создать анархии в столице Персии, где положение становилось определенно напряженным и могло даже вызвать иностранное вмешательство, которое в свою очередь могло вновь опрокинуть расчеты прибывшего из Петрограда официального лица, от этой мысли «контрпереворота» пришлось отказаться.

...Прошло несколько лет. Захваченный шквалом событий внутри России, автор настоящих воспоминаний утратил всякую связь с Персией и оставшимися там «настроениями».

Не до того было. Гражданская война отвлекла на себя все силы и внимание, а Персия, как предполагавшаяся база для борьбы с большевиками, так и не оправдала своего назначения.

Уже находясь на Дальнем Востоке, в Мукдене, за несколько тысяч верст от Тегерана, в роли военного советника маршала Чжан-Цзо-Линя[61], правителя Северо-Восточных провинций Китая (ныне отделившихся от последнего и образовавших самостоятельное государство Мань-чжу-Го), пишущий эти строки получил несколько писем от русских офицеров, служивших в Персидской Его Величества шаха дивизии с описанием того, что произошло после 3 февраля 1918 года...

Эти офицеры находились на простом уже эмигрантском положении и в пристрастии при описании тех событий, свидетелями которых они были, едва ли можно их заподозрить.

Вот что пишет один из них:

«Ваше Превосходительство
Георгий Иосифович!

Случайно узнав Ваш адрес от Николая Антоновича Ригана, который неожиданно наткнулся на него в одном из №№ «Общего Дела»[62] (в этой газете оповещалось о розыске пасынка автора настоящих воспоминаний, затерявшегося среди эвакуировавшейся армии генерала Врангеля[63]. – Ред.), я счел своим долгом немедленно вкратце изложить Вам обстановку конца русского инструктирования в Персии и причины позорного удаления русских инструкторов из Персидской казачьей дивизии, а также и все то, что мною было предпринято за год до ее крушения в Отделе Генерального штаба Вооруженных Сил Юга России, куда я специально поехал, чтобы подробно доложить обстановку в Персидской Е. В. шаха дивизии и предупредить гибель русского дела в Персии.

Мы, несколько старых офицеров-инструкторов, зафиксировали в протоколе всю преступную деятельность полк. Старосельского и клики его приспешников, погубивших все русское дело в Персии, и надеемся представить этот протокол впоследствии законному Российскому правительству (конечно, не большевикам, которых мы не признаем), чтобы посадить на скамью подсудимых виновников этого позора.

Вы, конечно, из газет уже знаете, что 18-го октября прошлого, 1920 года, Старосельский был позорно изгнан из Персидской казачьей дивизии и с кафедры английского парламента, на весь свет назван вором...

Он, боясь ареста, бросил дивизию очень поспешно и бежал из Персии, как только сжег обличающие его документы (особенно переписку с большевиками). Следом за ним, спешно ликвидировав свое имущество, бежал и его друг дома Филиппов...

Я был приглашен англичанами и Персидским правительством в качестве посредника при разборе расчетов и недоразумений при ликвидации между русскими чинами и Персидским правительством.

Персидское правительство, уволившее русских инструкторов, в ответном письме полк. Филиппову от 15-го Бордж-агреба пишь-иля 1299 года относительно нарушения персами военной конвенции, указало, что конвенцию нарушили сами русские инструктора бунтом 3-го февраля 1918 года, силой удалив своего законного начальника дивизии, а вовсе не Персия, которая уже после бунта не считала ее существующей.

Дивизию, безусловно, можно было еще спасти, если бы генерал Деникин успел бы прислать, на чем я очень настаивал в Отделе Генерального штаба Вооруженных Сил Юга России, заместителя Старосельскому на законном основании, человека более умного, более военного и, главное, более честного и русского, а не ублюдка, тянувшегося к Грузии и принимавшего в дивизию офицеров Грузинской республики, находившейся с Югом России во враждебных отношениях...

Генерал А. И. Деникин, по моему докладу, назначил в Персию генерала кн. Н. П. Вадбольского для ревизии, но последний уехал в Киев и не возвратился до самого падения генерала А. И. Деникина, и дивизия меньше чем через год погибла, т. к. это должно было случиться, раз Старосельский остался ею командовать.

Когда кучка негодяев совершила бунт, я, как Вы помните, был начальником Ардебильского отряда дивизии (дивизия состояла из восьми отрядов, расположенных в различных городах Северной Персии. – Ред.) и воевал в Ардебиле с шахсевенами.

Циркулярная телеграмма Старосельского о Вашем отказе от должности и о его вступлении во временное командование пришла ко мне со значительным запозданием.

Я был очень удивлен и не зная, чем объяснить происшедшее, запросил Тегеран. Ответа, конечно, не последовало.

Тщетно я писал офицерам, прося объяснить Ваш отказ, но, получая уклончивые ответы, оставался в неведении.

Даже приехав через полгода в Тегеран, будучи вызванным на должность директора Кадетского корпуса дивизии, я не был в курсе

дела, и лица, близкие к Старосельскому, советовали мне не интересоваться переворотом, чтобы не навлечь на себя гнева Старосельского, т. к. последний начал своевольничать, отчислять неугодных лиц без всякой вины с их стороны, не имея на это никакого права, ибо эти лица были назначены Главным управлением Генерального штаба да еще с Высочайшего соизволения, а он сам был лишь вр., случайный командующий дивизией.

Начав с преступления, Старосельский не мог уже стать на законную точку и продолжал в том же духе. Дивизией он вовсе не занимался, предаваясь безобразной азартной игре и спекуляциям.

Последние два года дивизия жила только по инерции, благодаря старой дисциплине, заложенной в персидских офицерах еще прежними начальниками дивизии.

Как много работавший над делами этой дивизии (когда она еще была бригадой. – Ред.) еще за время моей 4-летней службы в Главном управлении Генерального штаба, я не мог не видеть быстрого и верного падения 40-летних военных трудов России в Персии в руках негодяя, а потому в вопросах, близко касающихся моей деятельности, я в корректной форме настаивал на необходимости войти в связь с генералом А. И. Деникиным для совместной работы, и указывал на различные упущения, но это Старосельскому не нравилось, и он решил от меня избавиться.

Он прислал мне предписание, в котором, восхваляя мою работу, предлагал снова принять в командование Ардебильский или Урмийский отряд, а когда я доложил, что вредно для пользы дела Кадетского корпуса каждый год менять директоров, тем более, что сам уже много поработал по педагогике и надеюсь в следующий год дать отличные уже результаты, он отчислил меня безо всякой причины от дивизии и командировал к генералу Деникину, которого сам не признавал.

Не считая себя отчисленным, а лишь командированным, я поехал в Ростов в августе 1919 года. Там, будучи прикомандированным к Отделу Генерального штаба, я написал несколько докладов, осветив деятельность Старосельского, бунт 3-го февраля 1918 года, указал на безусловную гибель дивизии в случае оставления ее в руках Старосельского и просил о назначении ревизии.

Хотя Старосельский имел много друзей, а еще больше денег, но, несмотря на все это, даже на просьбу из Парижа Сазонова[64] (вероятно, чтобы не обнаруживать странной роли Эттера 3 февраля

1918 года в бунте) о несвоевременности якобы ревизии и пользы от командования дивизией Старосельским, генерал В. Е. Вязьмитинов[65] добился назначения ревизии, но, как я уже сказал, кн. Вадбольский застрял в Киеве и, я теперь думаю, умышленно избежал поездки.

Старосельский, когда до него дошел слух о ревизии кн. Вадбольского, очень испугался и экстренно принялся заметать следы, а потом, вследствие долгого неприезда ревизии, командировал к генералу А. И. Деникину ротмистра Сливицкого[66], умершего вскоре в Екатеринодаре от тифа, с односторонним докладом, которому дал большие деньги на случай кого-нибудь подкупить и поручил выхлопотать отставления ревизии, а меня постараться оклеветать, но судьба сделала иначе.

До какой степени Старосельский боялся ревизии, видно из следующего факта.

Когда в Энзели приехала позорная миссия генерала Выгорницкого[67], направлявшаяся в Бухару, то Старосельский, воображая, что она приехала ревизовать дивизию, экстренно визировал в английской миссии паспорта, чтобы бежать через Багдад в Америку, но, когда обнаружилось, что Выгорницкий (перешедший потом на службу к большевикам) едет в Бухару, он успокоился.

Будь Выгорницкий более прозорливый и не такой болтливый, Старосельский не выдержал бы и бежал, и дивизия тем была бы спасена…».

На этом можно было бы прервать цитирование письма добровольного корреспондента по затронутому вопросу о Персидской Его Величества шаха дивизии в аспекте выдвинутого о ней, и о ее вновь назначенном из Петрограда начальнике дивизии, положения.

Однако в силу того, что во второй части своего письма этот корреспондент полностью отвечает на вопрос о той роли, какую должна была бы сыграть Персия, как база борьбы с большевиками, и о том, насколько это оказалось неиспользованным антибольшевистскими русскими группировками, трудно отказаться от дальнейшего его изложения.

Итак, снова возвращаемся к этому письму:

«*…Зная хорошо Персию, особенно Азербайджан, шахсевенов и других кочевников, я для Отдела Генерального штаба Вооруженных Сил Юга России написал несколько докладов, но, к несчастью, они не прошли в жизнь, а жаль, ибо при их осуществлении*

можно было бы поручиться, что Персия непроизвольно сыграла бы огромную роль для Добровольческой армии и дала бы возможность быстро ликвидировать дагестанский вопрос, а также изменить отношения к лучшему Грузии и Азербайджана к генералу Деникину.

Неуспех моих докладов я объясняю отсутствием в штабе генерала Деникина лиц, знакомых с Ближним и Средним Востоком.

Когда генерал Деникин сложил свои полномочия и находился в г. Батуми, откуда я поехал в Энзели взять свою семью и повидаться с нужными мне шахсевенами, с которыми у меня не было общения почти четыре месяца, и, возвратившись обратно, с новыми данными добиться осуществления моих докладов уже у генерала барона Врангеля, но... Баку захватили большевики и мне пришлось застрять в Энзели (на персидской территории. – Ред.).

Живя в Энзели, я не терял надежды пробраться в Крым и видался с нужными мне лицами талышинцами, юрчинцами и др. персидскими кочевниками. Но однажды рано утром 15 большевистских пароходов бомбардировали Энзели и захватили его и мне пришлось, бросив все мое имущество, бежать в Тегеран.

Однако, мусульманский большевистский отряд, направившийся из Астары в Ардебиль, был разбит, потеряв свою артиллерию и пулеметы и около 1500 человек, которые были уничтожены Хусейн-Али-Ханом.

Большевистская пропаганда не имела никакого успеха, и большевики вынуждены были отказаться от дальнейших операций в этом направлении.

В Тегеране мне было очень трудно жить, и я существовал с семьей только уроками.

К этому времени Старосельский уже окончательно смотрел на дивизию, как на свою вотчину, принимал в инструктора разных подозрительных личностей; даже иностранцев-грузин с аттестатами Грузинской республики, хотя по конвенции инструктора должны были быть только русские, а Грузия не только считалась самостоятельной, но даже была во враждебных отношениях к Вооруженным Силам Юга России.

Будучи в зените своей власти, Старосельский сносился с большевиками, намереваясь работать с ними в контакте, поэтому к добровольцам-беженцам он относился вполне отрицательно, а возвратившийся из командировки от большевиков его начальник штаба, капитан Кондратьев[68] (Филиппов в это время командовал отрядом),

уже открыто пел большевикам панегирики и, издеваясь над беженцами-добровольцами, обращавшимися в дивизию с просьбой о принятии на службу, советовал им возвращаться обратно и поступать на службу к большевикам.

Из Энзели большевики направились в г. Решт.

Квартировавший там отряд казаков Персидской Е. В. шаха дивизии, под командой ротмистра Ильи Булацеля, вошел в контакт с большевиками, но это продолжалось очень недолго, т. к. скоро большевики арестовали русских офицеров, а без них персидские казаки и офицеры, хотя и храбро дрались, но долго держаться не могли и скоро принуждены были сдаться.

Кучук-хан[69] спас русских инструкторов от смерти и с их семьями препроводил через горы в Тегеран.

Булацель[70] и его помощник капитан Калугин[71] за потерю отряда не только не были отчислены, подобно подполковнику Яковлеву и его офицерам за потерю того же Рештского отряда в 1918 году, но получили даже повышения. Никакого дознания по поводу гибели их отряда не производилось.

После захвата Рештского отряда Персидское правительство решило выгнать большевиков из Персии и начать экспедицию.

На эту экспедицию, как и на все бывшие прежде, Старосельский смотрел только как на выгодную статью, когда можно было пограбить и, показав «мертвые души», безнаказанно утаить казенные деньги.

Старосельский был назначен главнокомандующим. Он создал все – и ставку, и телеграммы о победах, и в результате – полный провал, провал грубый, позорный.

Удивительного в этом, конечно, ничего нет, ибо прежняя служба Старосельского прошла по полиции, а незначительное участие в Германской войне не смогло научить его воевать. Гораздо стыднее должно было бы быть полковнику Филиппову, как офицеру Генерального штаба.

После первого поражения, нанесенного горстью большевиков, когда в одну ночь персидские казаки бежали на 60 верст, Персидское правительство очень испугалось и просило помощи у англичан.

Англичане предложили сформировать 2-ю казачью дивизию под командой войскового атамана Уральского казачьего войска, генерал-лейтенанта Толстова[72], спасшегося от большевиков в Персию, который с 150–200 уральцев был в это время в Тегеране.

Я предназначался начальником штаба в эту 2-ю дивизию.

Англичане на это формирование давали все необходимое для 3.000 человек, но... Старосельский, узнав об этом, экстренно приехал в Тегеран и, путем взяток, провалил это дело и обещал, если ему увеличат армию на эти 3.000 человек, полную победу.

Армию-то ему увеличить разрешили, но вместо победы скоро последовало второе поражение, после чего решено было «Главнокомандующего» убрать...

Кроме поражения обнаружились и другие погрешности вроде – расходования казенных денег не по прямому назначению, сношение с большевиками, грабежи во время экспедиции некоторыми из приближенных к нему лиц, полное отсутствие боеспособности дивизии под его командой и проч.

Сначала предполагалось уволить только негодных инструкторов, оставив хороших служить, но изменившаяся политическая обстановка испортила все дело и все русские чины были из Персидской Е. В. шаха дивизии уволены.

Потерпев от большевиков поражение и не надеясь больше на казаков, Персия поспешила заключить с большевиками договор, тем более, что большевики отказывались в своем договоре от всех русских концессий, прощали долги, дарили банк (Учетно-Ссудный банк Персии, являвшийся фактическим филиалом Русского Государственного банка. – Ред.) и проч.

После этого договора по отношению к русской колонии со стороны персов пошли всякие репрессии и издевательства.

Оставшийся Российским поверенным в делах в Персии Г. Гильдебрандт, решивший безболезненно перейти на службу к большевикам, не только не защищал русских, но сделал все возможное, чтобы помочь большевистской миссии начать свою работу в Тегеране при наиболее выгодной обстановке и привлечь для этой цели наибольшее число лиц русской колонии в Тегеране.

Нас, не признавших большевиков, оказалось не больше пяти семей: несколько подпрапорщиков, я, Луценко, Ригана, Сулин, несколько банковских служащих и священник, – вот и все!...

Самойлов служит у большевиков, Высоцкий просился, да его не взяли (это бывшие офицеры Персидской дивизии. – Ред.).

Большевики очень старались привлечь и нас в миссию – они обещали и хорошо оплаченные должности, и пугали арестами и высылкой в советскую Россию. Заступиться за нас было некому, мы рисковали, но даже не только не пошли, но еще смогли отстоять

православную церковь от разрушения. Правда, в этом деле много нам помог иеромонах, отец Виталий, – своей решительностью.

Теперь большевики в Персии уже не имеют той силы, как прежде, над их ультимативными нотами смеются, но все же персы никого из нас на службу не принимают, а военный министр (он же начальник дивизии) Реза Хан[73], бывший помощник Филаретова в памятный день «бунта» 3-го февраля 1918 года, видя в нас бывшее начальство, настроен к нам враждебно.

Живется нам очень тяжело, ибо жизнь очень дорогая, а денег у нас нет, питаемся только надеждой на лучшие перемены в будущем.

Всего хорошего, желаю Вам полного успеха. Справедливость должна все же восторжествовать.

Примите уверение в моем совершенном уважении и искренности.

Полковник Вл. Добромыслов[74]. 1–14 Декабря 1921 года.

г. Тегеран».

Среди нескольких других писем, полученных автором настоящих воспоминаний от бывших офицеров той же Персидской Его Величества шаха дивизии, интересно также отметить и письмо капитана Кондратьева, который, находясь в должности начальника штаба Старосельского, как утверждает В. А. Добромыслов, бывал в командировках по каким-то переговорам с большевиками.

В период пребывания пишущего эти строки в Тегеране капитан Кондратьев состоял в группе сочувствующих настроениям «переворотчиков 3-го февраля 1918 года». Поэтому получение от него письма, по ликвидации всех русских инструкторов в Персии, можно объяснить лишь тем, что капитан Кондратьев чувствовал некоторую моральную потребность «реабилитировать» себя в глазах того человека, который, хотя и находился далеко, но, тем не менее, в любой момент мог поднять вопрос о «Тегеранских злодеяниях»...

К тому же, на Дальнем Востоке в момент написания им письма еще не закончилась вооруженная борьба с большевиками и влияние «свергнутого в Персии начальника дивизии» могло снова возрасти...

Будучи тогда сторонником Старосельского, капитан Кондратьев, тем не менее, находит необходимым характеризовать теперь последнего также с крайне отрицательной стороны.

В этом настроении он не расходится во мнении с В. А. Добромысловым.

В начале зимы 1921 года, находясь в Италии тоже на эмигрантском положении, капитан Кондратьев пишет следующее:

«Глубокоуважаемый Георгий Иосифович,

Прочтя Ваш адрес в «Общем Деле», решил написать Вам.

Быть может, письмо это дойдет, и Вы найдете свободную минуту черкнуть несколько слов. О себе пишу вкратце, не будучи вполне уверен, что письмо дойдет. Нас, т. е. Персидскую дивизию, англичане, в конце концов, ликвидировали и с большим треском. Быть может, Вы читали что-либо в английских газетах (к сожалению, с этими материалами в английской прессе, кстати, о которых упоминает в своем письме и В. А. Добромыслов, автору настоящих строк так и не пришлось ни тогда, ни теперь познакомиться. – Ред.), но там не все было правда, краски сильно сгущены.

Ликвидировали в самый критический для Персии момент (это же подтверждает и Добромыслов. – Ред.) – когда одна лишь дивизия дралась с большевиками, не допуская их к Казвину.

В этих боях было убито пять русских офицеров-инструкторов.

После ликвидации дивизии, большевики стали делать с Персией все, что им было угодно и первым делом вышибли англичан из Северной Персии.

Инструктора дивизии англичанами вывезены из Персии до Европы на их счет. И, таким образом, я очутился в Италии.

Если пожелаете, сообщу подробно о дивизии, ее существовании, борьбе с англичанами и о последних ее минутах.

До последних дней я все был и. д. начальника штаба, но два последних месяца был в ссылке в Мазандеране, куда Старосельский отправил меня по настоянию Козлова, быть может, помните такого, который был казначеем дивизии. Он был, в конце концов, вознесен высоко – занимал должность дивизионного интенданта, увеличил себе оклад жалования и ДЕРЖАЛ КРЕПКО В РУКАХ СТАРОСЕЛЬСКОГО...

Вообще (откровенничает далее капитан Кондратьев. – Ред.), внутренняя политика Старосельского была гибельна и, если бы англичане не успели ликвидировать дивизию, она развалилась бы сама, благодаря разладу между инструкторами-офицерами, посеянному Старосельским.

Пока позвольте пожелать всего наилучшего (это пожелание, пожалуй, полезнее было бы высказать накануне «переворота»

3 февраля 1918 года, и не пришлось бы, вероятно, эмигрировать в Италию. – Ред.).

Примите уверение в совершенном почтении. Готовый к услугам. А. Кондратьев».

Таким образом, опираясь на слова и. д. начальника штаба дивизии капитана Кондратьева, который, по-видимому, почти до конца своего пребывания в дивизии пользовался большим доверием Старосельского, можно безошибочно приqти к заключению, что Старосельский дивизией не командовал, а только спекулировал на этом командовании.

Кроме отмеченных двух весьма ярких и многоговорящих писем, автором настоящих воспоминаний в то же самое время и значительно позже были получены неоднократные письма и от других офицеров и чиновников этой дивизии, которые также были полны резких отзывов о погубивших русское дело в Персии персонажах.

Мы остановили внимание на этом вопросе в полной его совокупности и не скрашивая горькой истины, не для того только, чтобы изливать личные свои настроения, но чтобы отметить тот маразм, которым были охвачены некоторые наши офицерские круги уже с первых дней революции и особенно с момента захвата власти в России большевиками.

Растаптывая своими собственными ногами принципы субординации и попирая те устои, на которых держалась империя, они не только губили то дело, которое было доверено их рукам, но и, кроме того, распространяли свое разлагающее влияние и в тех сферах, где теплилась идея горячей борьбы с большевиками и где не думали о материальной спекуляции на служебных правах, а складывали свои головы и проливали кровь во имя спасения родины.

Черное жало столь подробно обрисованной тегеранской интриги дало себя знать много позже. В период борьбы на фронте армий адмирала Колчака на Урале и в Сибири разыгралась не одна тяжелая драма, осложнившая внутреннюю структуру антибольшевистской организации, направлявшей идею борьбы в широком общегосударственном масштабе.

Запутывая интригу в Париже и влияя через Сазонова на решения Ставки генерала Деникина по вопросу о названной Персидской дивизии, Старосельский и его приспешники прежде всего прикрывали свои спекулятивно-материальные комбинации, не имею-

щие ничего общего с тем, что требовалось от них военно-политической обстановкой того ответственного и тяжелого времени.

Они не только не в состоянии были подняться до высоты сознания гибельности для общего дела их «политики», но даже открыто, как бы действуя по указке большевиков, разрушали то, что им попало в руки и могло бы быть использованным в координированном плане борьбы совместно с вооруженными силами Юга России.

Действуя теми же и иными разными путями, эта беспринципная группа бросала свою искаженную информацию и в Омскую ставку адмирала Колчака.

Там завязывалась легко раздуваемая такими же, как и тегеранские, комбинаторами злостная интрига, которая творила свое «каиново дело»...

При более близком описании омской части воспоминаний этому вопросу будет уделено, в свое время, немалое внимание, а теперь, чтобы закончить цикл описания воспоминаний персидского периода работы во время русской революции и Гражданской войны, необходимо еще добавить, что, несмотря на весьма кратковременный срок пребывания пишущего эти строки в Тегеране, в должности начальника Персидской Его Величества шаха дивизии, ему все же удалось войти в предварительное словесное соглашение с Британским военным атташе полковником Нейпиром о временном подкреплении необеспеченного обстоятельствами бюджета дивизии и о последующих, более широких ассигнованиях из суммы Британского казначейства, на случай необходимости значительного увеличения штатного состава всех восьми отрядов Персидской дивизии.

При беспрепятственном и своевременном проведении в жизнь последнего мероприятия можно было бы ручаться в том, что военный разгром большевиками дивизии, находившейся под злосчастным «командованием» Старосельского, не имел бы вовсе места и Добровольческая русская армии генерала Деникина, в лице сильной персидско-русской вооруженной группы, действующей в пределах всей Северной Персии, приобрели бы себе весьма существенного и твердого оперативного союзника.

Эта же дивизия, вернее армия, развернутая на широком фронте от Урмийского озера и до Каспийского моря, несомненно, сумела бы предупредить развитие враждебных чувств против генерала Деникина и со стороны находившейся в его глубоком тылу так называемой Грузинской независимой республики.

Во всяком случае, инициатива борьбы с большевиками на Южнорусском и Кавказском фронтах сохранилась бы тогда полностью в руках русского командования и англичанам не пришлось бы, как это случилось двумя годами позже, в спешном порядке и на свой риск прибегать к сильно запоздалому проекту создания «второй» Персидской казачьей дивизии под командой случайно подвернувшегося в то время в Тегеране генерала Толстова...

Вот как бывает отрицательно и плачевно влияние личных интриг и жажды материального обогащения вообще и особенно тогда, когда и то и другое направлено во вред общенациональному русскому делу.

Кто знает, быть может, эта самая изменническая политика «ублюдка, тянувшегося к Грузии и принимавшего в дивизию офицеров Грузинской республики, находившейся с Югом России во враждебных отношениях», и сыграла подлую и решающую роль в гибели всего белого движения 1918–1920 годов!..

История в этом, конечно, разберется, но... потерянного не воротить.

Отъезд из Персии

Примерно в середине февраля месяца (ст. ст.) 1918 года автор настоящих воспоминаний покинул Тегеран.

Пребывание в столице Персии в течение двух зимних месяцев оставило в памяти самое сумбурное и безрадостное впечатление.

От былого русского влияния в одно мгновение ока ничего не осталось. Утрате последнего содействовал общий развал в России и на Кавказе, а также и в совершенно деморализовавшейся и в анархическом беспорядке отступавшей армии генерала Н. Н. Баратова.

Хотя путь отступления армии из Месопотамии на Энзели лежал в стороне от Тегерана, тем не менее, в пределах последнего и особенно Казвина накопилось довольно значительное число распущенных и буйствовавших солдат и казаков, которые портили на своем пути все, что попадало им под руку.

Персы были смертельно ими напуганы и меньше всего, конечно, могли думать о применении против дезорганизованных русских банд своей вооруженной силы, которая, к тому же, только что внутри себя совершила акт бунта против своего старшего и законного начальника. Доверие персов к русским офицерам упало…

«Подливало масла в огонь» и наличие успевших прибыть в Тегеран первых большевистских «дипломатических» представителей…

Всюду ползли тревожные слухи, и персы начинали подумывать об обращении за помощью к англичанам.

Неспокойные всегда, а теперь особенно поднявшие свою голову, кочевые племена Северной Персии также представляли для столицы Персии серьезную угрозу. Знаменитый Кучук-хан, который по имевшимся слухам, якобы, вошел в контакт с русскими большевиками, мог двинуться в поход на Тегеран и свергнуть существующее шахское правительство.

При этих условиях пишущему эти строки приходилось покидать Тегеран для того, чтобы соединиться с оставшейся в Петрограде семьей.

Среди анархии и хаоса, без всякой надежды на удачу благополучного проникновения в Петроград, где уже свирепствовал террор «ЧК», было предпринято это исключительное по своей трудности и рискованное длинное – через всю Россию (с юга на север) – путешествие.

«Путешествие» это было начато в феврале, а закончилось только… в июне месяце.

На маленьком обтрепанном, взятом на прокат четырехместном «Форде», дребезжащий мотор которого грозил остановиться в любую минуту, совершена была поездка от Тегерана до порта Энзели.

По дороге то и дело обгоняли бредущие в полном беспорядке колонны войск генерала Баратова, среди которых находилось очень мало офицеров. Настроение солдат было злобное и возбужденное.

Когда эти «войска» проходили через населенные пункты, они открывали беспорядочную стрельбу в воздух, наводя на мирных персов дикий ужас. Когда эти «войска» шли по шоссе, они «упражнялись» в стрельбе по чашечкам (изоляторам) придорожного телеграфа…

Вид серебряных штаб-офицерских погон обгонявшего этих солдат на «Форде» путешественника приводил их в негодование.

Находившиеся с ними в строю немногие офицеры или были уже совершенно без погон, или имели на своих плечах изображения погон, «нарисованные» химическим карандашом…

На первой же остановке для кратковременного ночлега, пришлось натолкнуться на довольно неприятное происшествие.

В комнату, где перед отходом ко сну расположился и ужинал автор настоящих воспоминаний, вдруг вошла группа взволнованных

русских офицеров проходившей мимо части какого-то пехотного полка и заявила, что командир их полка полковник Мартынов с казначеем полка, бросив полк на произвол судьбы, бежал, вперед захватив с собою все деньги части. Их, офицеров, солдаты держат в качестве «заложников» за сбежавшего командира полка. В лице проехавшего мимо них только что на «Форде» полковника они, будто бы, «узнали полковника Мартынова» и требуют немедленного его ареста и повешения на первом попавшемся дереве…

За дверью и под окнами гудели голоса сильно возбужденной солдатской массы.

Офицерам солдаты не верили и требовали, чтобы «полковник Мартынов» немедленно «сам» показался перед ними на улице…

Среди темной ночи, в гуще возбужденных злобой, подогреваемых агитаторами солдат надо было предстать для того, чтобы избавить офицеров этой части от подозрений в «укрывательстве» покинувшего их командира.

При свете автомобильных фар подслеповатого «Форда» тысячи солдатских глаз пытливо вглядывались в мнимого полковника Мартынова и только лишь тогда, когда волнение несколько улеглось, можно было докончить прерванный ужин.

Однако на ночлег располагаться не пришлось, ибо ежеминутно прибывали все новые и новые толпы таких же взбудораженных и озлобленных солдат, среди которых снова раздавались все те же ожесточенные крики по адресу покинувшего их командира полка и случайно находившегося между ними злосчастного «двойника» последнего…

С большим трудом пробираясь среди многочисленных солдатских толп, автомобиль выбрался на шоссейную дорогу для того, чтобы следовать дальше на Энзели.

Небольшая пристань южно-каспийского порта Энзели, всегда мало оживленная и почти пустынная, в этот раз была запружена массою накопившихся солдат и казаков той же Баратовской армии.

Чрезвычайно буйно настроенная и рвущаяся на причаливающие к пристани пароходы, эта толпа оглашала воздух истошными криками, руганью, пьяными песнями и… стрельбою во все стороны.

Немногие случайные пассажиры жались к той же пристани, стараясь быть незамеченными буйствующими солдатами.

После нескольких часов томительного и бесцельного ожидания пароход вышел в море, чтобы следовать в г. Баку.

Новое возвращение на Кавказ

Со времени большевистского переворота в Петрограде и в Москве прошло уже около четырех месяцев. Переговоры большевиков с немцами в Бресте подходили к концу, и вооруженные столкновения на Русско-германском и Австрийском фронтах сводились на нет.

Однако на Кавказе, на русско-турецкой границе еще не видно было признаков приближающегося заключения мира между враждующими сторонами.

Объяснялось это тем, что образовавшиеся Закавказские демократические малые республики (Армянская, Грузинская и Азербайджанская – татарская[75]), восприявшие меньшевистскую идеологию, власти российских большевиков и заключаемого ими Брестского мира не признавали.

Наиболее непримиримо к туркам и немцам были настроены, конечно, армяне, значительная часть которых (в Турецкой Армении) уже в течение многих веков тяготилась под турецким гнетом и возвращаться снова под власть турок после того, как они были освобождены знаменитыми победами русской Кавказской армии, не желали.

Менее враждебно относились к туркам, как к своим единоверцам, закавказские татары, населявшие главным образом Елизаветпольскую губернию, часть Эриванской и весь Бакинский район.

Под влиянием агитации Энвера-паши[76], импонировавшего мусульманским массам своими пан-исламскими идеями, вновь образовавшаяся Азербайджанская республика своими симпатиями явно тяготела к стране «Звезды и Полумесяца».

На этой почве существовавшая всегда и раньше вражда между армянским и татарским населением Закавказья, с захватом власти большевиками в России и с приближением окончания великой войны, вспыхнула с новой силой.

В Баку, переполненном татарами, работающими на нефтеносных участках района, то и дело происходили стычки с армянскими охранниками, расположенными по границе армянской части города.

Вперемешку между ними попадались также коммунистические отряды милиции, которые стремились укрепить местную советскую форму правления.

Общее настроение жителей в этом крупном промышленном центре Закавказья было чрезвычайно тревожное и подавленное.

В силу того что Закавказская железная дорога работала неисправно и сквозного сообщения с Тифлисом не существовало, в городе накопилась масса проезжих пассажиров. Все гостиницы были переполнены до отказа, и достать свободную комнату было почти невозможно.

Через Баладжарский железнодорожный узел, расположенный от Баку в одном часе езды, бурным потоком и в полном беспорядке двигались на север наполовину дезорганизованные эшелоны Кавказской армии, которые самовольно покидали свои позиции в Турецкой Армении и Анатолии для того, чтобы двигаться «к себе на родину»…

В большинстве это были эшелоны кубанских казаков, которые почему-то особенно торопились вернуться в свои станицы.

Не считаясь с недостатком подвижного состава, отступающие войска располагались чрезвычайно свободно в поездах, как на «широких квартирах». В вагонах с ними ехали, неведомо каким порядком успевшие проникнуть в район расположения армии на театре военных действий, их жены-казачки, зачастую даже с детьми.

Бесконечно длинные эшелоны представляли собою печальное зрелище, которое отнюдь не напоминало собою дисциплинированной армии, имеющей позади себя врага на фронте.

Это были скорее «передвижные цыганские таборы», которые кто-то, по сверхъестественному капризу судьбы, поставил почему-то на рельсы железной дороги… Среди людских и конских вагонов, сравнительно слабо населенных воинами-пассажирами и их семьями, попадались и платформы сверх всякой меры нагруженные сеном и прочими фуражными видами довольствия.

Замаскированные в сене, со всех сторон вагонов-платформ торчат дула пулеметов, предназначенных для отражения постоянных нападений на эшелоны, производимых местными татарскими бандами, охотящимися как за этими самыми пулеметами, так и вообще за всякого рода вооружением и патронами.

Поддавшиеся полному моральному разложению и почти лишенные командного и офицерского состава, казаки и солдаты (только что перед этим доблестно сражавшейся с внешним врагом России славной и победоносной армии), обросшие теперь «бабьим, домашним и награбленным по пути скарбом», страшно

боязливо относились к каждому пустяшному нападению на эшелон со стороны слабо вооруженных и неорганизованных татарских банд.

Дух революции и наступившей всеобщей анархии окончательно разрушил воинскую дисциплину, честь и спайку частей. Эти эшелоны были так же страшны для случайно проезжавших в сборных служебно-товарных поездах пассажиров, как и грабящие банды бродящих вдоль линии железной дороги разбойников.

Эшелоны уходившей с фронта Кавказской армии, растянувшейся от Сарыкамыша и Карса до Тифлиса и Баку, почти сплошной лентой двигались только в одном направлении. Чтобы прорваться в обратном, против движения этой ленты, направлении, надо было проявить максимум усилий и настойчивости.

В силу этого на путь от Баку до Тифлиса автору настоящих воспоминаний пришлось потратить примерно около пяти дней.

Случайный малого состава поезд никем в пути не охранялся и посему ежечасно он подвергался опасности быть остановленным и ограбленным.

На каждой остановке, на станции или полустанке поездная бригада и сами немногочисленные пассажиры производили опрос местных жителей и сохранившихся станционных служащих о безопасности дальнейшего следования поезда. После сводки всех данных о «возможном встречном противнике», с большими предосторожностями поезд продвигался до следующей станции.

Несмотря на все эти меры, все же, не один раз по пути в Тифлис поезд был бандитами останавливаем и обыскиваем.

В бараньих шапках и со зверским выражением глаз обшаривали эти непрошеные «ревизоры революции» мирных граждан поезда в одной из «свободнейших» республик Закавказья…

Искали в первую очередь, конечно, ценности, валюту, но, кроме того, требовали от проводников вагонов сведений о наличии в вагонах… «молодэнких дэвочек»…

К счастью, в этом поезде последних не оказалось, иначе таковым грозило бы грязное насилие и может быть даже увод в трущобы Елизаветпольской губернии…

После долгих мытарств поезд наконец добрался до Тифлиса – новоявленной столицы Грузинской независимой демократической республики.

Краткая история Грузии

История Грузии полна драматических моментов. Вследствие близкого положения к границам Персии и Турции, Грузия попадала то под влияние одной, то другой. В периоды наиболее тяжких испытаний она неоднократно обращалась к России за помощью и также неоднократно получала ее от последней.

Однако будучи совершенно слабым государством, раздираемым распрями и неурядицами в семье царей династии Баградитов[77], Грузия не всегда сохраняла благорасположение к себе со стороны царей России.

История Грузии начинается с глубокой древности и является почти сплошной войной с соседними народами.

Еще в эпоху Митридатовских войн (1 ст[олетия] до Р[ождества] Хр[истова]) Грузия близко сталкивается с Римом и остается под его влиянием в течение пяти веков до замены в IV ст[олетии] Рима Византией.

К этому времени относится проповедь христианства в Грузии св. Ниной.

В V веке царь Вахтанг переносит столицу Грузии из Мцхета в Тифлис. К этому же времени Грузия является предметом спора между Византией и Персией. С VII века начинаются нашествия хазар, а затем арабов.

И только в X веке, когда калифат[78] стал распадаться, Грузия возрождается под управлением царей династии Баградитов, которые объединили под своей властью все картвельские народности в одно Абхазо-Карталинское царство.

В XI веке начинается нашествие турок-сельджуков, но уже в XII веке, когда сельджукские государства начинают распадаться, наступает золотой век грузино-абхазской монархии.

Завоевание Персии Чингис-Ханом, а затем нашествие Тамерлана уничтожают и Грузию как самостоятельное государство, и она становится лицом к лицу с мусульманскими державами Турцией и Персией. События эти определили всю дальнейшую историческую судьбу Грузии до присоединения ее к России.

При всех войнах Турции с Персией Грузия всегда страдала от разорительных набегов соседей.

Лучшие времена настали для Грузии в половине XVIII века, когда шах Надир, благоволивший к сыну царя Кахетинского Теймураза Ираклию, назначил его царем объединенной Карталинии и Кахетии.

Царствование Ираклия ознаменовалось тесным сближением Грузии с Россией, хотя первые сношения России с Грузией относятся еще ко времени царицы Тамары, бывшей в первом браке за кн[язем] Георгием, сыном Андрея Боголюбского. Татарское иго надолго прерывает эти сношения, и они возобновляются лишь в XVI веке. Так, например, в 1584 году царь Грузии Александр впервые обращается к Московскому царю с просьбой принять его в подданство и оказать защиту против султана и шаха.

Царь Федор Иоанович принял под свою руку Грузию, и к титулу Московского царя прибавляется «государь Иверской земли и грузинских царей». Однако Московскому царству еще не под силу было тогда распространять свою власть на Кавказ. Сношения с Грузией прерываются. При Петре Великом с Грузией поддерживаются лишь дипломатические сношения.

Русские войска попадают в Грузию лишь в царствование Екатерины Великой для совместных действий с христианскими народами Кавказа против Турции.

По заключении 10 июля 1774 года с Портой[79] Кучук-Кайнарджийского мира, императрица Екатерина Великая отозвала русские войска из Грузии. После чего в последней вновь наступила анархия, а в результате поборов персов грузинский народ был доведен до нищенства.

Царь Ираклий в 1782 году отправил в Петербург челобитную о принятии его под Верховную власть России и о присылке русских войск.

24 июля 1783 года в Георгиевской крепости состоялось подписание трактата о подданстве Грузии России.

Между тем, воцарившийся в Персии первый шах Каджарской династии Ага-Магомет решил вновь подчинить Грузию Персии и, вторгнувшись весной 1794 года, нанес грузинским войскам жестокое поражение.

На помощь поспешил русский отряд и оттеснил персов, однако, с восшествием на престол императора Павла I, отряд был из Грузии снова отозван.

11 января 1798 года умер царь Ираклий II, и на престол Карталинии и Кахетии вступил последний царь Грузии Георгий XII.

Положение страны было бедственное: голод и чума свирепствовали во всем крае, турки, персы и лезгины грабили и уводили жителей в плен. Тяжесть положения увеличилась внутренними раздорами в царской семье. Грузия в любой момент могла быть

захвачена Персией или Турцией, и только страх перед Россией заставлял их удержаться от этого шага.

На обращения Георгия к императору Павлу с просьбой о присылке войск долго не получалось ответа.

Под угрозой нашествия нового повелителя Персии Фет-Али-Шаха, царь Георгий обратился вновь с отчаянным письмом в Петербург, в котором высказывал, что только немедленная присылка в Грузию русских войск может спасти ее от окончательного уничтожения. Наконец, по приказанию Павла I отряд генерала Лазарева в составе егерского полка, 4 орудий и команды казаков 26 ноября 1799 года вступил в Тифлис, а 12 декабря состоялось торжественное коронование и присяга Георгия на верность России.

Чувствуя приближение смерти и сознавая, что Грузия сама не в состоянии найти успокоение, царь Георгий обратился с письмом к императору Павлу I с заявлением, что грузинский народ желает навсегда вступить в полное подданство России.

Манифест о присоединении Грузии был подписан 18 декабря 1800 года, а через десять дней после этого скончался царь Георгий XII.

Манифест обходил молчанием вопрос о династических правах фамилии Баградитов, а потому царевич Давид, со смертью своего отца, отправил в Петербург послов с просьбой указать, кому из царевичей император соблаговолил быть правителем Грузии.

Государственный Совет, на рассмотрение которого был внесен вопрос о Грузии, не нашел возможным сохранить звание грузинского царя и вторичным манифестом императора Александра I 12 сентября 1801 года Грузия присоединялась к империи на общих основаниях, как русская губерния.

Из этого краткого очерка истории христианской Грузии ясно видно, что ни при каких обстоятельствах самостоятельно существовать Грузия не могла.

Ближайшие ее соседи Турция и Персия всегда стремились Грузию поработить, и в наиболее трагические моменты своей довольно длительной и колоритной истории она прибегала к помощи христианской России. И эту помощь, если у России хватало сил и возможности, она оказывала Грузии совершенно бескорыстно, немедленно уводя свои войска обратно, как только непосредственная необходимость в них миновала.

Столь показательная и многострадальная история Грузии, которая с присоединением к России составила только две губернии (Тифлисскую и Кутаисскую) последней, должна была твердо гово-

рить современным грузинским политическим деятелям о том, что и в дальнейшем Грузии не следовало бы отрываться от России...

Однако печальный опыт периода Гражданской войны на юге России с полной очевидностью показал, что как раз в этом-то вопросе лидеры либерального грузинского движения резко стали на путь сепаратизма и даже активной враждебности национальным русским антисоветским группировкам.

В приведенном выше письме полковника В. А. Добромыслова, являвшегося живым свидетелем этих событий под «персидским углом зрения» на этот вопрос, подобная позиция Грузии особенно сильно подчеркивается.

Как в первый свой приезд в Тифлис в декабре 1917 года, так и теперь, через три месяца после этого, автор настоящих воспоминаний мог констатировать только ликующее настроение грузинских «государственников» по поводу естественного факта отделения от России.

Все русское спешно изгонялось из обихода общественной и государственной жизни Грузинской независимой республики. Улицы и учреждения переименовывались, формировались новые грузинские войсковые части, отменялся официальный русский язык и проч.

И, как это ни странно, проявлялась тенденция ориентирования на Германию и на ее союзницу – мусульманскую Турцию...

Так как русская Кавказская армия уже окончательно к этому времени самодемобилизовалась, вернее, под влиянием большевистской агитации совершенно разложилась и покидала фронт, то главную тяжесть защиты границ прежнего русского Закавказья добровольно приняли на себя малочисленные отряды армянских дружин.

При создавшейся ужасающей военно-политической обстановке положение горсти этих армянских героев было самое отчаянное.

Они оказались лицом к лицу с вековыми своими врагами турками, которые после развала Русской армии стремились ворваться на плечах дезертирующих частей последней и захватить территорию не только всей Армении (и Турецкой в том числе, отвоеванной нами последними победами Кавказской армии под славным водительством генералов Берхмана[80], Юденича, Пржевальского, Калитина[81] и др.), но и всего Закавказья.

Отмеченная выше тенденция грузинских сепаратистов и определенные симпатии к туркам Закавказских татар, составивших Азербайджанскую республику, осложняли общее положение.

Так как формально все новоявленные республики Закавказья не признавали заключенного русскими большевиками в Бресте «похабного мира», то этим они автоматически сохраняли для себя «состояние войны» с Германией и ее союзниками.

Пользуясь этой «официальной мотивировкой», турецкие армии развивали свое наступление в направлении на... Тифлис.

Оторванные от России и предоставленные самим себе закавказские республики вели «самостоятельную политику» и нащупывали почву для непосредственных переговоров с представителями враждебной стороны. Наибольшее стремление «договориться с немцами» проявляла грузинская демократия.

В связи с этим по Тифлису ползли тревожные слухи о том, что в столицу Грузии скоро прибудут немецкие делегаты, которые установят тесные отношения с местным правительством…

Ожидавшийся приход в Тифлис немцев, под охраной турецких и немецких солдат, создавал весьма нервную в городе обстановку как для русского, так и для иностранного населения.

Война наших союзников с немцами на западном фронте была еще в полном разгаре, и непосредственное соприкосновение с враждебной стороной в условиях тогдашней грузинской действительности для официальных представителей Антанты в Тифлисе представлялось вещью совершенно недопустимой.

Слухи о скором появлении немцев и турок в Тифлисе все росли, но опровержений со стороны Грузинского правительства по этому вопросу не объявлялось.

Само по себе, таким образом, назрело решение всех находившихся в Тифлисе консулов Антанты об эвакуации их в северном направлении, то есть через советскую уже тогда Россию, которая только что перед этим заключила с немцами в Бресте мир...

Другого выхода для представителей Антанты не было, ибо единственный выезд через порт Батум был закрыт турецким флотом, который в это время уже был полным хозяином в водах Черного моря.

Путешествие из Тифлиса в Петроград

Почти трехмесячное вынужденное сиденье в Тифлисе не внесло в общую запутанную военно-политическую обстановку никаких перемен в благоприятную для русских националистов сторону.

До Тифлиса не доходили никакие сведения о том, что делалось в это время в коренной России. Местные «правительственные» власти совершенно были погружены в свои «внутренние дела» и положением в соседней России не интересовались. Ее старались как можно скорее «забыть».

Не было также никаких сведений и о том, что где-то в это время на Дону и на Кубани уже зарождались очаги будущего Белого движения.

Все было темно и неясно.

Путешествие при этих условиях в Петроград было равносильно акту безумия. Это означало идти прямо в пасть лютого зверя, каковым уже тогда рисовались большевики...

Оставаться же в Тифлисе – это значило стать лицом к лицу с коллизией полных нравственных и национальных противоречий, среди которых доминирующую роль играли интересы отколовшейся от России Грузинской республики и враждебных России Германии и Турции...

Семья автора настоящих воспоминаний, с которой он не имел никакой связи, находилась в это время в полной неизвестности в Петрограде, где бушевал большевистский террор.

Самостоятельно проехать в Петроград из Тифлиса, за все время пребывания в последнем пункте, не представлялось положительно никакой физической возможности.

При решении прорваться, так или иначе, в Петроград представлялся только единственный случай – выехать совместно с покидающими Тифлис иностранными консулами.

В конце концов, этот факт и послужил случайной причиной того, что при тогдашних условиях обстановки автор сих строк в период Белого движения оказался, как это естественно было бы, не на Южном фронте, а попал через Петроград в... Сибирь и на Дальний Восток.

Эта странность и кажущаяся противоестественность была следствием неизбежного стечения политических обстоятельств, по воле которых приходилось «плыть», не задумываясь над вопросом о том, где в данном случае было бы важнее и натуральнее находиться, чтобы приложить свою энергию и силы для борьбы с надвинувшимся на Россию коммунистическим наваждением.

Словом, под влиянием угрозы появления турок и немцев в Тифлисе было принято решение «прорываться» на север в неведомый по тому времени обольшевиченный Петроград...

После долгих и сложных подготовительных переговоров и визитов комбинация с поездкой совместно с иностранными консулами была выработана, и до Владикавказа решено было ехать по Военно-Грузинской дороге на автомобилях.

Учитывая могущие быть неприятности в пути от того, что придется перед большевиками маскировать присутствие в консульском эшелоне офицера-«золотопогонника», решено было, что автор сих воспоминаний, как владеющий иностранными языками, будет изображать собою переводчика при Тифлисском французском консульстве.

Военно-Грузинская дорога представляет собою живописнейший шоссейный путь, связывающий Тифлис с Владикавказом через главный Кавказский хребет.

В конце XVIII и в начале XIX столетий Военно-Грузинской дорогой называлась вообще вся военная дорога, связывавшая Кавказскую линию (на Северном Кавказе) с Грузией. В 1781 году, с присоединением Грузии, военно-административный центр Кавказской линии, крепость Моздок, был связан с Закавказьем рядом укрепленных постов, построенных для охраны сообщения с Грузией.

Этот девственный путь через Дарьяльские ворота неприступного Кавказского дикого горного хребта существовал с незапамятных времен, и по этому пути происходило движение народов и завоевателей из Малой Азии в Европу и обратно.

В 633 году до Р. Хр. по этому пути вторглись скифы в Армению и в Малую Азию; в 204 году до Р. Хр. по этому же пути перешли главный хребет и через Грузию обрушились на Армению хазары; в 513 году после Р. Хр. гунны-сабиры вторглись в Армению и прошли далее на север, через Дарьяльское дикое ущелье.

Во времена независимой Грузии через главный Кавказский хребет к Дарьяльскому ущелью ездили по горным тропам на вьючных животных...

Русские войска впервые перешли главный хребет по этому пути лишь во второй половине XVIII столетия при Екатерине Великой, когда начались наши непосредственные сношения с Грузией. До этого же времени они проникали в Закавказье (поход Петра Великого в 1722 году) через Дербентские ворота (по западному берегу Каспийского моря), то есть тем же путем, по которому руссы достигли Персидского Азербайджана в 913 году.

Лишь с 1830 года Военно-Грузинская дорога окончательно переходит в русское управление, и принимаются меры для ее благо-

устройства и безопасности сообщения. В 1863 году было закончено постройкой шоссе через главный хребет.

В настоящее время Военно-Грузинская дорога, начинаясь у Тифлиса (1.350 фт. над уровнем моря), постепенно поднимается до Крестового перевала (7.972 фт.) через главный хребет, от которого спускается к Владикавказу (2.568 фт.). Она пролегает сначала долиной реки Куры; затем переходит в долину реки Арагвы[82] и, переваливши хребет, спускается в живописнейшее дикое узкое горное ущелье реки Терека, по которому и следует до выхода из гор.

Общая длина этого исключительного в мире по своей красоте шоссе между Тифлисом и Владикавказом равна 200 верстам. Весь этот путь разбит на 12 почтовых перегонов. Каждая почтовая станция представляет собою нечто вроде маленькой крепостцы, обставленной всеми удобствами для проезжающих путешественников.

Несмотря на ежегодные ремонтные работы, Военно-Грузинская дорога подвергается, однако, и ныне опасностям от завалов, метелей[83] и разрушений, производимых бешеным течением, извивающимся между грандиозных скал Терека. Для обеспечения дороги от снежных и земляных завалов устраиваются примыкающие к скалам бесконечно длинные, крытые железом галереи.

Весьма грозные, хотя и редко, бывают завалы, прерывающие сообщение по Военно-Грузинской дороге на долгие сроки, около горы Казбек. Грандиозный конус этой горы гордо высится над дорогой около станции того же наименования и ежедневно грозит сбросить на проезжающих путешественников лавины камней и снежных валунов.

Со времени утверждения русского владычества на Кавказе было три таких грандиозных завала в 1807, 1817 и в 1832 годах. Последний из них был настолько грандиозен и сбросил на дорогу такую массу снега, льда и камней, что совершенно завалил все Дарьяльское ущелье на протяжении двух верст и прекратил сообщение на десять дней, а течение бурного Терека остановил на... восемь дней. Около станции Казбек вследствие этого образовалось озеро до 5 верст в окружности.

В техническом отношении Военно-Грузинская дорога разработана очень хорошо, за исключением скалистого Дарьяльского ущелья, где дорога проходит над серьезными и крутыми обрывами и под сильно нависающими над ней массивами угрюмых скал.

Мостовые переправы через горные бурные речки разработаны также очень солидно, но все же ближайший к Владикавказу так

называемый «Чертов мост», перекинутый через Терек в том месте, где последний делает весьма резкий излом течения, представляет несколько жуткое впечатление.

Этот «Чертов мост» и почти примыкающая к нему, нависающая над дорогой скала, известная под названием «Пронеси Господи», являются едва ли не самыми волшебно-красочными местами на всей Военно-Грузинской дороге.

У этих самых волшебных мест происходили, в момент проезда мимо них автомобиля автора настоящих воспоминаний, боевые столкновения между вновь сформированными частями грузинской армии и русскими большевистскими отрядами, оперировавшими во Владикавказском районе.

От Тифлиса до Млетского подъема, расположенного приблизительно на середине Военно-Грузинской дороги, широкое чудно укатанное шоссе пролегает по местности плодородной и хорошо заселенной. Многочисленные грузинские селения живописно разбросаны по крутым горным скатам.

На главном же перевале через Кавказский горный хребет, между станциями Млеты и Коби, встречаются только изредка бедные и неопрятные аулы осетин.

Но после станции и горы Казбек и далее по арьяльскому ущелью в узкой долине Терека населения почти нет.

Пока двигались автомобили путешественников по территории, находившейся под властью Грузинской республики, все было нормально и не предвещало близости фронта Гражданской войны.

Однако с прибытием на станцию Казбек обстановка резко переменилась.

Расположенные в этом районе части грузинской «армии», считавшие себя чуть ли не в состоянии открытой войны с большевистской Россией, вели деятельную разведывательную и охранную службу.

По всем уступам скал, обращенным в сторону открывающегося с этого места дикого горного ущелья Дарьяла, там и сям виднелись группы грузинских стрелков и мелкие пулеметные команды.

Настроение у «кунаков» было приподнятое, воинственное.

Однако наступать вперед грузины не рисковали, так как справедливо опасались быть перебитыми в узком горном дефиле и ограничивались перестрелкой с передовыми частями большевистских красногвардейцев.

Появление эшелона автомобилей с иностранными представителями, намеревавшимися пересечь «линию фронта», произвело

на начальника грузинского отряда ошеломляющее впечатление. Прежде всего, он и слышать не хотел о том, что такую операцию можно будет, при вышеуказанных крайне рискованных условиях, совершить без серьезных потерь для настойчивых путешественников.

Однако надо было решаться и изыскать способ, чтобы безболезненно «перейти на сторону» таинственного и в то же время жестокого противника…

Невеселые думы в это время шевелились в голове пишущего эти строки...

Что ожидало его в этом диком горном ущелье при такой сверхъестественной обстановке, в случае если бы его «инкогнито» было расшифровано?!...

«Пронеси Господи», «Пронеси Господи» неотступно стояла на уме мысль, невольно ассоциируемая со столь подходившим к моменту данного настроения названием впереди лежащей за «Чертовым мостом», таинственно нависшей над этой смертельно опасной дорогой, скалы...

До передовых линий грузинских сторожевых частей автомобили путешественников сопровождались небольшим вооруженным конвоем.

Оставив позади себя с жадным интересом наблюдавших и не веривших в успешный проезд через «нейтральную зону» грузинских стрелков, под прикрытием огромнейших белых флагов, наскоро смастеренных из дорожных простынь, автомобили двинулись в полосу... неизвестности.

Очень медленно и неуверенно продвигаясь вперед, приближались они к «Чертову мосту», никем уже не охраняемые.

Вдали за мостом виднелась, трагически в этот момент вырисовывавшаяся, скала «Пронеси Господи», за острыми выступами которой, притаившись за камнями, залегли направившие в сторону путешественников свои ружья и пулеметы «сыны и защитники октябрьской революции»!!...

Никем не предупрежденные о том, что линию «нейтральной зоны» должны перейти неизвестные им лица, они со всеми мерами предосторожности наблюдали за передвигавшейся в их сторону группой автомобилей.

Ехавшие замаскированными также под «французов» два молодых армянина, кроме большого флага, смастерили еще и по маленькому белому флажку. Стоя на подножках автомобиля и стараясь

как можно заблаговременнее привлечь внимание большевистских сторожевых постов на их миролюбивые настроения, они усиленно размахивали в воздухе своими флажками.

Чем ближе подходили автомобили к линии большевистских постов, тем более замедляли они свой ход... Нервы у всех были напряжены до последней крайности. Все внимание было сосредоточено на том, чтобы со стороны постов не вызвано было никакой стрельбы, как вдруг где-то по горам прокатился короткий залп грузинских стрелков...

Все замерли и машины остановились. Вот-вот раздадутся ответные выстрелы большевиков и по дороге начнут свистать со всех сторон пули...

Шоферы, правившие машинами, начали роптать и требовать немедленного возвращения обратно.

Момент был нелегкий. Повернуть обратно, находясь на расстоянии прямого выстрела от большевистских постов, это значило подвергнуть себя еще большему риску быть обстрелянными сосредоточенным ружейным и пулеметным огнем, направленным прямо по автомобилям.

Простым глазом было видно, как отдельные фигуры красноармейцев начали усиленно накапливаться за ближайшей скалой, отделенной от машин расстоянием не больше 200–250 шагов...

Часть ружей была направлена против грузинских стрелков, а часть вдоль по дороге и в сторону только что оставленного автомобилями в тылу «Чертова моста»...

Если бы пришлось по нему возвращаться под огнем, едва ли кто вышел бы из этой переделки живым. Замешательство среди автомобильных пассажиров, видимо, стало понятным большевикам, они принялись усиленно сигнализировать о том, чтобы машины приблизились в их сторону...

Несмотря на новые протесты шоферов, автомобили еще более медленным темпом начали снова продвигаться к ближайшему большевистскому сторожевому посту.

Сама встреча оказалась не так черства, как могло бы быть.

Обыску подверглись, конечно, все вещи, а пассажиры были подробно опрашиваемы.

Интересовалось красноармейское начальство «силами противника», то есть войсками Грузинской республики, против меньшевистской идеологии которой, по тому времени, большевиками уже была развита сильнейшая агитация. Наличие иностранных крупных

представителей повлияло на то, что на передовой линии советского фронта путешественники долго задержаны не были. Вскоре после этого, пользуясь хорошей дорогой до Владикавказа, машины достигли своего назначения.

Около суток пришлось потерять перед посадкой в поезд для того, чтобы следовать по Владикавказской железной дороге в Москву и Петроград.

Для каждого консульского представительства было отведено примерно по половине классного вагона и разместиться пришлось довольно тесно… Однако не это заботило всех пассажиров, которые все свое внимание сосредоточили на дальнейших опасностях, которые могли встретиться на пути.

Еще во Владикавказе стало известно, что по всей линии Владикавказской железной дороги, особенно в пределах Кубанской области, царил ужасающий кровавый террор. Из поездов вытаскивали всех, кто мало-мальски походил на «золотопогонника-офицера» и тут же на перроне вокзала или станции расстреливали. Смотрели на руки и, если руки были не покрыты «трудовыми мозолями», то таких лиц тоже расстреливали...

Наибольшая свирепость большевиков проявлялась в районе Тихорецкого узла железной дороги. Там был большой деповской район, и рабочие были особенно злобно настроены.

Станция Тихорецкая была памятна автору настоящих воспоминаний еще со времени так называемой малой русской революции 1905 и 1906 годов.

Несмотря на окончание Русско-японской войны, в 1906 году в частях войск Кавказского военного округа производилась очередная поверочная мобилизация, для которой призывались запасные солдаты северных губерний того же округа.

За привозом одной из партий запасных солдат на станцию Тихорецкую и был командирован пишущий эти строки, будучи тогда молодым офицером 15-го Гренадерского Тифлисского полка.

Пропаганда того времени сильно задела рабочие круги, из которых приходилось составлять маршевые команды и отправлять их в Тифлис для прохождения поверочного сбора в Гренадерском Тифлисском полку.

Невероятный разгул и нежелание идти хотя бы на короткий срок в войска выражались в том, что при посадках в поезда запасные производили довольно сильные дебоши, для усмирения которых приходилось прибегать к применению вооруженной силы

команд, предназначавшихся для сопровождения запасных по линии железной дороги.

Так как эти команды были невелики, то для усиления их привлекались части второочередных казачьих полков, стоявшие в этих же районах по ближайшим казачьим станицам.

Особенно скандалил во время всего пути и в момент погрузки в вагоны на станции Тихорецкой именно тот эшелон, который отправлялся под командой пишущего эти строки. Будучи поначалу сравнительно мирно настроенным, этот эшелон усердно и коленопреклоненно молился во время напутственного молебна, совершенного станичным священником на большой церковной площади.

Сравнительно прилично он двигался от этой площади до вокзала и казалось, что ничто не нарушает настроения почтенных бородатых запасных «дядей», как вдруг, уже у самого вокзала, раздался голос провокатора, призывающего к беспорядкам и сопротивлению...

Внезапно вся масса, около полуторы тысячи человек, заволновалась, как дикое стадо и начала громить станционное помещение, бить стекла в окнах и бросать каменьями в конвоировавших конных казаков.

– Бей офицеров, – раздавались дикие возгласы полупьяных запасных солдат.

Казаки не проявляли большой склонности к немедленному наведению порядка в эшелоне, и протекло около часу времени, пока удалось кое-как привести буйствующую толпу в «христианский вид».

Естественно, что отошел эшелон с Тихорецкой не досчитавшись нескольких десятков человек, которые дезертировали из строя и уже с последующими эшелонами доставлены были по назначению.

В пути, несмотря на все предупредительные меры, запасные солдаты умудрялись доставать откуда-то водку и, основательно напившись, снова, поддаваясь пропаганде, устраивали погромы на проезжаемых станциях.

На станции Кюрдамир Закавказской железной дороги, в пределах Елизаветпольской губернии, о которой выше упоминалось в связи с нападениями на поезда революционных татарских банд, запасные буйствовавшего эшелона вступили в драку с местными торговцами на базаре, которых они же сами начали грабить.

Татары открыли со всех крыш по толпе запасных солдат огонь и тем заставили их отойти к вокзалу, где они были загнаны в ва-

гоны сопровождавшей их малочисленной командой строевых солдат Тифлисского полка.

С пути в Тифлис посылались предупредительные телеграммы, вследствие которых прибывающему эшелону там была организована соответствующая «встреча»...

Целый батальон пехоты был выведен на воинскую платформу для «приема доблестных защитников родины», призванных в войска на кратковременные поверочные сборы.

От вокзала до казарм полка запасных вели под строгим конвоем, как тяжких государственных преступников. Немало было с ними возни и в первые дни поверочных занятий в полку, так как дух бунтовщичества в них сидел довольно глубоко.

В городе было вообще по тому времени неспокойно, да к тому же и между татарами и армянами происходила кровавая резня.

В казармах действовали тайные революционные агитаторы, которым удалось создать неудовольствие среди солдат, подавлять которое приходилось самыми решительными и крутыми мерами.

Надо отдать должное энергии командира 15-го Гренадерского Тифлисского полка полковника Н. И. Гаврилова, который действовал в этом отношении решительно и смело. Несколько иначе в этом же направлении дело обстояло в соседнем полку той же бригады. Там открытые случаи неповиновения начальству выявлялись одновременно во всех четырех ротах одного из батальонов полка.

Нелегко было в это время офицерскому составу, на котором всей тяжестью лежала ответственность за поддержание порядка в полку и, кроме того, за поддержание порядка в городе, где в это время происходили революционные беспорядки и дикие схватки враждовавших между собой армян и татар.

Был, например, с автором сих воспоминаний, который в то время, несмотря на молодые свои годы, уже командовал учебной командой полка, такой случай.

Поздно вечером он получил приказ командира полка произвести обыск в самом глухом районе города, где засели террористы-революционеры.

Учебная команда, как самая надежная часть полка, была предназначена для этой задачи. Город был на военном положении, и войска сами несли охрану разбитого на участки района, подвергшегося влиянию тайных революционных организаций.

Казармы полка находились на окраине Тифлиса, и ехать к ним среди темной ночи приходилось по глухим улицам и длинному

Кахетинскому подъему в легковом экипаже (фаэтоне). В то время как утомленные лошади уже достигли вершины подъема, вдруг по фаэтону из-за угла каменного строения посыпались выстрелы.

Извозчик с испуга ударил кнутом по лошадям, и они понеслись с невероятной силой. Нападение террористов таким образом было избегнуто без ранений, но, по прибытии в казармы полка, пришлось натолкнуться на возбужденное настроение солдат учебной команды, умами которых овладел какой-то из вольноопределяющихся.

Растерявшийся фельдфебель доложил, что под влиянием агитации солдаты команды хотят выйти на улицу с оружием в руках, но... без офицеров.

Команда, которую надо было вести на ответственную ночную облаву против революционеров, сама готова была взбунтоваться...

Малейшее промедление могло заразить бунтарством весь полк.

Вынув револьвер из кобуры и став на дороге к выходной казарменной двери, автор настоящих воспоминаний громогласно всем солдатам объявил: «Кто желает двинуться к двери с оружием в руках и проникнуть на улицу, тот может это сделать только перейдя через труп начальника учебной команды»...

Неожиданный отпор сделал свое дело. Вольноопределяющийся немедленно был солдатами выдан и арестован. Команда была выведена на облаву и провела назначенную ей задачу с полным успехом...

Вот эти воспоминания выплыли неожиданно наружу при одном приближении к той же станции Тихорецкой.

Злые лица деповских рабочих памятны были еще с 1906 года... А теперь о них говорят снова, но в еще более ужасной и тираническо́й обстановке.

Поезд продвигался по Кубанской области.

По лицам встречавшихся по дороге и на станциях жителей видно было, что в настроениях населения произошли заметные перемены. Все как-то нервничали, подозрительно посматривали друг на друга и с жадностью вглядывались в лица проезжавших в поездах пассажиров…

Чего-то все искали, чего-то все боялись.

Между толпой и подходящим к перрону станции поездом немедленно вырастала длинная линия вооруженных до зубов людей, во власти которых находились жизнь и смерть имевших несчастье попасть на их глаза случайных людей…

Осмотры, обыски и допросы в вагонах поездов производились чуть ли не на каждой станции и даже полустанке. Наиболее «подозрительных» немедленно выводили из вагонов на перрон, тут же на глазах у жадной до зрелищ толпы производили еще более тщательный досмотр вещей и документов и зачастую уводили вовсе за пределы станционных построек для немедленного «командирования в могилевскую губернию»...

Жуть беспощадного террора висела в воздухе и давила всей своей кровавой тяжестью. В вагонах шепотом передавали, что много, много сотен офицеров и «буржуев» было снято таким образом с поездов и подвергнуто немедленному расстрелу тут же на глазах остальных пассажиров.

Наиболее примитивным критерием для суждения о принадлежности к разряду «врагов революции» у намеченной к расстрелу невинной жертвы служили или следы срезанных с плеч у офицеров погон, или же руки, на ладонях которых не находилось «трудовых мозолей»...

Поезда шли не по расписанию и застаивались на станциях непроизвольно долго, в зависимости от того, сколько требовалось времени для обшаривания по вагонам в поисках новых кровавых и бессмысленных жертв октябрьской революции.

Наличие иностранцев несколько сдерживало разнузданность вооруженных с ног до головы террористов, тем не менее случалось не один раз, когда последние, несмотря на протесты и заявления консулов, врывались в занимаемые ими вагоны и зорко вглядывались в глаза каждому из находящихся в них пассажиров...

На заявление, что «здесь едут только одни иностранцы», обычно следовал довольно грубый хохлацкий ответ: «а може, замисто иностранцив, Вы вэзэте ахвицерей»…

На лицах братьев армян при этих словах рисовался дикий ужас. Они каждую минуту боялись, что «инкогнито» пишущего эти строки будет расшифровано, а с этим падет подозрение и на них самих.

«Ломанным» русским языком, стараясь сохранить полное самообладание, приходилось убеждать «дорогих станичников», что в вагоне с иностранными консулами «никак не может быть допущено укрывательства врагов революции»...

Очевидно, они верили этим «уверениям», потому что иначе эти воспоминания не увидели бы света…

Уже с осени 1917 года в Петрограде нельзя было достать не только белого, но даже и черного хлеба. Ввиду этого, пользуясь проездом через хлебную богатую житницу, каковой всегда являлась Кубанская область, надо было сделать, елико возможно, больший запас продовольствия.

Целый мешок белого кубанского хлеба доставил в Петрограде семье пишущего эти строки невероятное удовольствие.

Этому хлебу в начале лета 1918 года в Петрограде радовались, как «манне небесной»...

Много мытарств и неприятностей пришлось пережить из-за этого мешка с хлебом, легально везти который, по тому времени, было уже почти «государственным преступлением»...

В Москве при пересадке с Казанской железной дороги на Николаевскую надо было проходить через целый ряд рогаток и застав, на каждой из которых злосчастный мешок кубанского хлеба неоднократно разворачивался и каждая «буханка» хлеба подвергалась отдельному ощупыванию и досмотру...

Поскольку этот хлеб был «сладок» для тех, кому он достался в Петрограде в виде невиданного, по тому времени, лакомства, постольку «горек» был путь мытарств с этим хлебом, пока удалось его дотащить от Кубани до бывшей царской столицы...

«Великая бескровная» русская революция через год-полтора своего существования уже успела настолько обездолить русский народ, что он метался по всей территории страны в погоне за куском хлеба и доставался ему этот хлеб горькими, горькими слезами и... кровью.

«Экспортер» платины...

Полугодовое отсутствие из Петрограда и новые впечатления от перевернутой «вверх дном» жизни в нем привели автора настоящих воспоминаний к убеждению, что все то, что связывало его с прошлым, безвозвратно погибло и восстановить его едва ли удастся даже в самый длительный срок.

Прежнего ГУГШа (Главного управления Генерального штаба) как не бывало... Связь со всеми и со всем, что было понятно и дорого семь месяцев тому назад, безнадежно оборвалась. Люди и знакомые лица исчезли, уехали или замаскировались, а новые «деятели» революции «великого октября» были непонятны, далеки и жутки...

Все более или менее сохранившее еще пока свое сравнительное благополучие или вид перешло на нелегальное положение.

Власть большевиков хотя уже пустила свои корни во все прежние государственные учреждения и начинала сурово управлять всей страной, тем не менее еще продолжали существовать некоторые переходные положения и отношения, вследствие которых можно было под страхом смертной казни еще кое-что комбинировать.

В частности, из государственного банка через ряд подпольных, развившихся в то время «спекулянтов» можно было доставать и даже полностью снимать с текущих счетов денежные вклады. За «учетом» 20 проц[ентов], например, автору сих воспоминаний без особых затруднений посчастливилось изъять полностью свой текущий счет в Петроградском отделении Учетно-Ссудного банка Персии в размере около 15 000 рублей. Эти деньги, в период работы в прессе, составляли тот щедрый гонорар, который платили редакции петроградских, московских, киевских и других газет за помещение в них специальных так называемых «Военных обзоров».

Благодаря этим деньгам при тогдашнем ужасном положении, в которое были поставлены все бывшие служащие царского и республиканского правительств при первых месяцах власти большевиков, можно было оставаться некоторое время независимым и комбинировать личную свою жизнь в пределах тех весьма ограниченных норм и сфер, куда еще не проникло всевидящее око «Чека»...

Избегая встреч с лицами, которые могли опознать и выдать агентам последней, надо было налаживать новую форму своего личного материального обеспечения и как можно дальше отойти от центральных пунктов, где большевики устанавливали свою власть.

Все взоры обращены были в сторону Урала...

Нижеследующий документ, к пояснению которого мы еще вернемся в дальнейшем, дает полную картину того, что происходило в работе автора настоящих воспоминаний в период между возвращением из Персии и появлением на белом фронте в Сибири.

Этому вопросу будет уделено, в свое время, соответствующее внимание для разъяснения тех многих трений и осложнений, которые имели место в омский период событий.

Итак, перед глазами читателей заявление по экспортно-платиновому вопросу:

«Его Высокопревосходительству
генералу Жанен[84]

Гражданина Г. Клерже.

Заявление.

Находясь летом 1918 г. в Петрограде и наблюдая внутреннюю жизнь Советской России, я случайно обнаружил, что агенты германского и австрийского правительств производят скупку некоторых ценных материалов на Урале. Это обстоятельство навело меня на мысль повести в этом направлении определенную программу действий с целью сокращения утечки материала во враждебный лагерь, о котором я уже имел случай докладывать Вашему Высокопревосходительству, т. е. в Германию и Австрию. Для чего я воспользовался знакомством с группой лиц (русских инженеров и промышленников), ведущих это дело на Урале, и склонил их работать с тем источником, на который я им укажу. Результатом было предложение мое приобрести платину Французскому правительству, которое я сделал 29 июля (нов. ст.) 1918 г. в г. Москве члену Французской военной миссии майору Гиберу в присутствии майора Корбейля и г. Шапуи, той же миссии.

Предложение мое было принято немедленно и я, получив задаток в 25 000 рублей, взял перед Французским правительством обязательство доставить в распоряжение последнего 40 пудов уральской платины, всего на сумму около 16 000 000 рублей (по расчету стоимости: 1 зол. (86 проц.) – 105 руб. т. е. один процент – 1 руб. 22 коп.).

Пунктом сдачи материала от меня агентам майора Гибера был определен город Пермь.

Предназначив для этой цели капитана Французской военной миссии Париса, майор Гибер обещал командировать последнего в г. Пермь примерно к 20 авг. (нов. ст.) 1918 г., вследствие чего я немедленно выехал в названный пункт с группою лиц, предложивших для продажи платину.

По политическим обстоятельствам приезд капитана Париса в Пермь, однако, не состоялся, и на мое заявление майору Гиберу об этом (в конце сентября 1918 г.) я получил от него категорическое указание ждать мне в Перми открытия путей на гор. Екатеринбург для продолжения покупки по заключенному выше условию

с тамошним Французским консулом Бояром. У последнего, по заявлению майора Гибера, имеются специальные средства и возможность отправить груз во Францию через Владивосток.

Посылать вместо капитана Париса ко мне в город Пермь новое лицо майор Гибер не имел возможности по новым политическим осложнениям в Советской России и, кроме того, как указал майор Гибер, у него в то время уже не было в распоряжении необходимой суммы денег. Вместе с сим майор Гибер обещал мне, что он предупредит консула Бояра о моей миссии.

Я принял и это условие, так как имел самое искреннее желание быть полезным союзному России Французскому правительству вообще, и, кроме того, оказать услугу стране, из которой вышли мои предки и где и до сего времени имеется мой троюродный брат Пьер Клерже, изобретатель двигателя для аэропланов, в Париже.

После освобождения Перми от большевиков я выехал в Екатеринбург к консулу Бояру, но от него к своему огорчению узнал, что этот вопрос, хотя ему и известен через кап[итана] Париса (который вместо Перми прошел фронт где-то около Казани), но подлежит разрешению еще в Омске, распоряжением высших военных французских властей, сам же консул Бояр ныне уже покупкой более не занимается.

Из личного моего доклада Вашему Высокопревосходительству известны детали дела, и Вы изволили подтвердить мне, что действительно член Французской военной миссии майор Гибер, еще в бытность Вашу начальником последней в России, уполномочен был Французским правительством на покупку материала, о котором шла речь выше, но что теперь, ввиду окончания войны, может быть Французскому правительству не нужен этот материал и об этом Вы запросите телеграфом Париж.

На ответ мне был указан Вами срок примерно 20–30 января 1919 г. (нов. ст.). Несмотря на потерю уже пяти месяцев, я согласился вновь ждать и этот срок, но заявил при этом, однако, что для поддержания моей коммерческой агентурной сети на Урале я и мои доверители, ввиду заявления майора Гибера о необходимости базирования мне через консула Бояра на Екатеринбург, уже заплатили 400 000 рублей в виде залогов держателям на месте материала с тем, чтобы они его не продали в немецкие или австрийские руки. Вместе с тем, я обратил внимание Вашего Высокопревосходительства на то, что дальнейшая задержка (уже сверх шести месяцев ожидания: 1 августа 1918 г. – 1 февраля 1919 г.) ответа меня

поставит в крайне тяжелое положение перед моими доверителями и вынудит настойчиво просить Французское правительство возместить мне и моим доверителям убытки в размере последней указанной суммы, позаимствованной у компаньона – капиталиста на внесение залогов (400 000 рублей), плюс побочные мои расходы (по проезду и проживанию в Перми, не считая моих личных расходов) в сумме 35 000 рублей.

Всего 435 000 рублей.

О получении ответа из Парижа я не получил уведомления от штаба Вашего Высокопревосходительства (где мною оставлен был мой адрес: Омск – Войсковая, 24) и по настоящее время, ввиду чего я считаю себя свободным от дальнейшего обязательства пред Французским правительством по условию, заключенному с майором Гибером в Москве в конце июля 1918 г. и прошу возместить указанный выше убыток в размере 435 000 рублей.

7 февраля 1919. г. Омск.

Г. Клерже».

В ответ на это заявление был получен на официальном бланке Французской военной миссии и главнокомандующего Союзными силами в Сибири генерала Жанена на французском языке следующий, скрепленный официальной печатью Французской военной миссии в Сибири, письменной ответ:

«Французская военная миссия в Сибири. Омск. 15 февраля 1919 года.

Генеральный штаб.

№ 371.

Генерал Жанен
Главнокомандующий Союзными силами в Сибири
г-ну Клерже
24, Войсковая улица
Омск.

В ответ на Ваше заявление я имею честь сообщить, что Французское правительство меня уведомило о том, что оно не имеет намерения покупать платину, считая, что цена таковой слишком высокая.

Ваше письменное заявление я отправил моему правительству.

Начальник штаба генерала Жанена
полковник Бюксеншютц».

23 февраля 1919 года автором настоящих воспоминаний было подано на имя главнокомандующего Союзными силами в Сибири следующее и последнее заявление:

«Имею честь уведомить, что сообщение штаба Вашего Высокопревосходительства от 15 с[его] февраля мною получено, из которого я усматриваю, что Французское правительство отказалось от первоначальных своих условий, заключенных мною с ним в Москве 1918 года через майора Гибера.

Это обстоятельство еще больше меня убедило в намерении искать понесенных мною потерь в размере, заявленном мною 7 февраля с. г.

В виду изложенного, позволяю себе надеяться, что Французское правительство войдет в рассмотрение моего заявления и произведет со мною и моими доверителями окончательные расчеты».

Эта переписка, имеющая чисто коммерческий характер, приводится на страницах настоящих воспоминаний как фактический материал, проливающий свет на «темный период работы в Перми» автора настоящих воспоминаний... Как потом будет видно, омские и другие тайные и явные интриганы, стремившиеся опорочить «все и вся», в широкой степени использовали и этот последний период вынужденного четырехмесячного пермского сидения пишущего эти строки для того, чтобы внести разлад и дезорганизацию в служебной работе последнего, когда он занимал ответственную должность в Военном министерстве адмирала Колчака.

В омский период событий не представлялось удобным публиковать во всеуслышание ныне печатаемое для установления исторической точности материала. Это было «на руку» тем, кто стремился сделать из этого простого и естественного по той обстановке факта большую «политическую шумиху о службе полковника Клерже у большевиков»...

Этим недобросовестным приемом, к сожалению, надо признаться, пользовались в Омске очень многие даже из числа высших сановников Военного ведомства адмирала Колчака...

Без преувеличения можно теперь утверждать, что последним «вопросом» военный министр того времени генерал Н. А. Степанов[85] и начальник Главного штаба генерал Марковский[86] занимались в гораздо большей и серьезной степени, чем прямыми их служебными делами и обязанностями, касавшимися, например, мобилизации и пополнения армии на фронте, а также их боевым и прочим снабжением...

Однако вернемся снова в Петроград. Прежде чем выехать из него для следования в Пермь для выполнения «экспортной» миссии, принятой на основании секретного соглашения, состоявшегося в Москве с майором Гибером, предстояло подумать о том, как замаскировать себя от любознательности агентов тогдашней «Чека», переименованной впоследствии в «Гепеу».

Этот вопрос являлся далеко не праздным, так как со своей настоящей фамилией совершенно невозможно было бы спокойно продержаться на виду у всех властей, где бесконечно приходилось регистрироваться и получать различные разрешения и пропуска.

Не только прежнее служебное положение и паспорт были совершенно «изъяты из употребления», но была изменена и самая внешность.

Вместо полковника Генерального штаба Г. И. Клерже, на сцене появился артист-певец Юрий Федорович Светланов...

Длинные пышные усы, как это полагается у артиста-профессионала, были сбриты. Вместо поднятой прически кверху, был сделан гладкий пробор посередине. В зубах появилась кривая трубка, постоянное наличие которой во рту «искажает до неузнаваемости» лицо...[87]

В Петроградском союзе «работников сцены и арены», где нашлись свои старые приятели, было зарегистрировано новое амплуа автора настоящих воспоминаний и получено соответствующее письменное удостоверение.

Особой «натяжки» в этом подлоге, с формальной стороны, собственно говоря, не было, ибо артист Светланов обладал некоторыми голосовыми данными и навыком петь, полученным еще с юношеских и школьных лет и, кроме того, одно время он немного увлекался вокальными упражнениями.

Теперь это очень пригодилось... Особенно, когда приходилось отсиживаться в течение четырех месяцев в Перми, выжидая возможности перейти на сторону образовавшегося вскоре после этого белого Сибирского фронта.

Предусмотрительность требовала, кроме этой перемены лика, иметь на всякий случай и некоторое легализированное положение под своей настоящей фамилией.

Такие случаи могли всегда неожиданно встретиться, и в этот момент надо было, не теряя присутствия духа, представиться «как ни в чем не бывало» под своим собственным именем, но... соответственным образом «забронированным»...

Для этой цели было использовано уже к тому времени в Петрограде создавшееся «Представительство Грузинской Демократической республики в Российской Соц[иалистической] Фед[еративной] Сов[етской] Республике».

От него, благодаря тем же старым Кавказским связям и приятельским отношениям, не трудно было получить удостоверение за № 393 о том, что «предъявитель сего гражданин Г. Клерже находится под защитой Грузинского представительства в России и что Грузинское представительство будет преследовать дипломатическим и всеми иными законными путями всякое нарушение неприкосновенности личности, имущества и жилища Георгия Клерже».

Конечно, на практике неизвестно еще было, даже по тем сравнительно «льготным» временам для демократических республик русского Кавказа, насколько легко было бы осуществить «преследование» против всякого нарушения «неприкосновенности личности», но все же наличие в одном из карманов такого «грозного» удостоверения в тогдашней сумасшедшей обстановке в несчастной России могло иногда весьма существенно пригодиться.

Значительно позже, когда после падения Омска и «странствования по шпалам», среди дремучей сибирской тайги, во время отступления белой армии и неоднократного попадания в плен к красным, это грузинское удостоверение принесло свою относительную пользу. К этому случаю еще будет время вернуться.

Итак, трижды переменившись и приспособившись к «местным условиям и обстоятельствам», кадровый русский полковник Генерального штаба у себя на родине «начинал свою новую жизнь»...

И какую жизнь – «экспортера-коммерсанта» – в тот момент, когда Россия рушилась, перемалывалась под эсеровскими и большевистскими политическими жерновами и предавалась ими в руки каинов национального дела!

Не радовала новая роль, но никакого выхода пока видно не было.

Почему-то чувствовалось, что только на Востоке, оторвавшись на время от печальной русской действительности в центре страны, можно будет привести в порядок свои мысли и принять какое-то рациональное решение.

Принимая участие в отмеченной коммерческой операции с представителями союзного командования, находившимися в то время в России уже почти на нелегальном положении, вовсе не думалось о материальной наживе, так как по тому времени большинство русских офицеров не имело понятия о том, что можно вообще

заниматься коммерцией и преувеличивать свое материальное благосостояние какими-либо побочными способами. Кроме того, в распоряжении автора настоящих воспоминаний, как это видно было выше, недостатка в личных сбережениях, накопленных газетным трудом, не было.

Случайная комбинация с этим вопросом послужила толчком, который невольно вытолкнул пишущего эти строки из охваченного большевистским террором Петрограда на Волгу и дальше на Урал, а потом и в Сибирь.

Не подвернись этого дела, может быть, много печальнее сложилась бы личная судьба и куда она его забросила бы, трудно даже себе теперь это представить...

Имея связь с чинами Французской военной миссии, для свидания с которыми автору настоящих воспоминаний, несмотря на смертельный риск и безграничную опасность быть опознанным каждую минуту искавшими его агентами «Чека», приходилось выезжать в Москву, можно было до некоторой степени ориентироваться в общей военно-политической ситуации в Европе (где война была еще в полном разгаре) и частично в России.

Весьма бледные признаки возможного зарождения антикоммунистического фронта на востоке, со стороны Сибири, уже тогда прощупывались из бесед с чинами этой, наиболее близкой для нас русских в те времена, военной иностранной миссии.

Интуитивно чувствовалось, что, связываясь по отмеченному выше коммерческому делу (в успех которого почему-то уже тогда не верили и сами французы, которые действовали больше на «ура» и не жалея стремительно падающих русских «романовских» ассигнаций), обе «договаривающиеся стороны» скорее стремились поддержать более тесную связь друг с другом в этой ужасающей обстановке. И на выдачу довольно крупного денежного аванса они смотрели скорее как на одну из форм поддержки видного русского белого офицера, к тому же имеющего в глубоком прошлом связь с выходцами в Россию из Франции.

Как-никак отношения были самые искренние и сердечные и, бывая в те тревожные дни в помещениях Французской военной миссии, автор настоящих воспоминаний не чувствовал себя «потерянным» среди моря злобы, ненависти, агитации и террора.

Уезжая из Петрограда и Москвы в Пермь, а может быть и в Екатеринбург, автор настоящих воспоминаний имел целую сеть связи

с теми же союзниками в указанных районах и в случае необходимости мог всегда получить от них ту или иную поддержку.

Маршрут для путешествия в Пермь был намечен по железной дороге из Петрограда до Нижнего Новгорода и оттуда по Волге на пароходе до Казани и по реке Каме до Перми.

В первых числах августа, то есть через полтора месяца после того, как вернулся из Тифлиса в Петроград, отправился автор настоящих воспоминаний со всей своей семьей по железной дороге в Москву и Нижний Новгород.

Путешествие это как ни странно происходило в сравнительно приличных условиях, еще напоминавших собою дореволюционные времена. Билеты были взяты плацкартные, и места в вагонах первого класса никем из посторонних лиц не занимались.

Не задерживаясь в Москве и пересев на поезд, идущий в Нижний Новгород, совершенно благополучно достигнут был конечный пункт, где предстояла пересадка на великолепный пароход (теплоход) под названием «Эрзерум».

Путешествие от Нижнего Новгорода до Казани на пароходе «Эрзерум» в первых числах августа месяца представляло исключительное наслаждение. Дивное и нежаркое летнее утро создавало прекрасное настроение. Блестящий новенький пароход совершенно еще не был тронут «революцией» и пассажиры на нем располагались на глубоко «буржуазных» началах...

После утомительной поездки в вагоне так приятно было отдохнуть и душой и нервами в комфортабельной обстановке путешествия на речном волжском пароходе. Обширная кают-кампания, сверкающая белизной скатертей на столиках различной величины, расставленных вдоль бортовых простенков у самых окон, из которых открывалась живая панорама на все проплывающие мимо берега среднего привольного Поволжья, была местом откуда не хотелось уходить ни на минуту...

Издерганная бесконечными треволнениями душа каждого пассажира, хотя и чувствовала, что это есть уже «последняя лебединая песня» прежнего безграничного благополучия и что за этим вскоре придет самая ужасная и ничем неприкрытая действительность, все же торопилась жадно, жадно втянуть в себя прелесть природы и удобств, какие представляются такими случаями, как плавание по рекам многоводным, богатым, широким, могучим русским рекам.

– Волга, Волга, мать родная...

Волга русская река...

Если к этому прибавить тонкую кулинарию наших знаменитых пароходных рестораторов, которые одни, кажется, на всем свете, волшебники, способны приготовить упоительную волжскую стерлядь и обставить ее соответствующими закусками, икоркой черной, питиями и прочими специями и явствами, то общий комплект настроения в этой чарующей обстановке, казалось бы, не требует ни дорисовки, ни слов. Дивно, дивно плавать по нашей милой Волге.

На несколько часов отошли от головы все заботы вчерашнего и завтрашнего дня. А ведь в советской России уже тогда без этого нельзя было обойтись, в сущности, ни на минуту.

Впереди была Казань, после которой мечталось еще подняться по Каме, такой же могучей и многоводной реке до Перми, минуя Чистополь, Елабугу, Сарапул, Воткинский Завод, Осу и Оханск...

Еще примерно два дня такого приятного и должно быть также безмятежного речного путешествия предстояло впереди. Не хотелось верить и не думалось, что оно, вообще, так неожиданно и неприятно, как это случилось на самом деле, могло оборваться.

Весь день до самого вечера пароход плыл без всяких помех и препятствий. На пристанях заметно было некоторое волнение, но ничто не говорило за то, что фронт боевых действий был так близок от безмятежных пассажиров парохода «Эрзерум»...

На борту этого парохода, собственно говоря, не было большого числа публики и среди едущих не было таких, кто мог бы похвалиться общей осведомленностью о ближайшей обстановке на прилегающих к району путешествия берегах Волги. Даже пароходная администрация почти ничего не знала, так как жила своей замкнутой «плавучей» жизнью и то, что творилось «на суше», казалось, их совершенно не интересовало.

При этих условиях, находясь уже в сущности на самом театре военных действий, автор настоящих воспоминаний и не подозревал того, что Казань, в которую «Эрзерум» вот-вот уже должен был к вечеру прийти, вдруг, как говорится, перед «самым носом» будет кем-то и у кого-то «взята»...

На деле же это так именно и случилось. Казань была взята, и в нее пароход «Эрзерум» проскочить, к глубочайшему сожалению находящихся на нем пассажиров, не успел.

Уже сильно завечерело. Было почти темно. На реке еще было совершенно спокойно. Пароход себе плыл, да плыл. Берега пустынные и тихие. Вдали, вдали виднеться начали какие-то огни. Очевидно, это и есть Казань…

Только странно, кроме мерцающих неподвижных огней виднеются также и какие-то вспышки, словно маленькие, маленькие зарницы.

В чем дело? Публика насторожилась. Это необычно и, по-видимому, неспроста. Любопытство и некоторая тревога начали охватывать пассажиров «Эрзерума». Все вглядываются вдаль, где количество огней и уже явных вспышек значительно увеличивается...

Заметно также приближение к пароходу двигающейся со стороны Казани целой ленты огней. Огни эти все ближе и ближе. Наконец, сквозь туманную мглу надвинувшейся ночи ясно стали обрисовываться корпуса идущих почти в кильватерной колонне пароходов, пароходов и пароходов...

Идут, дымят и непрестанно гудят, наводя жуткую оторопь на ничего не понимающих еще пассажиров «Эрзерума».

– В чем дело? В чем дело? – раздаются со всех сторон голоса. И только когда первые пароходы подошли почти борт к борту к «Эрзеруму», через рупорную трубу услышан был ясный чей-то голос с капитанского мостика головного парохода.

Упорно и настойчиво голос передавал «всем, всем, всем» приказ: поворачивать обратно и отходить, Казань занята «золотопогонниками», Казань горит и входить туда воспрещается...

«Эрзерум», заметно замедливший перед этим свой ход, совершенно остановился. Остановился в нерешительности и в полной... досаде.

Все, не исключая и администрации парохода, ведь предвкушали совсем иное. Никому не хотелось в этот момент «поворачивать оглобли обратно»... Тем более, что совершенно теперь уже становилось неизвестным, что ждет всех в Нижнем Новгороде и на ближайших пристанях до него, а также и со стороны большевистских отступающих пароходов, наполненных красными отрядами и взъерошенной, вооруженной до зубов, революционной «вольницей»...

Настроение мгновенно переменилось и упало до самого низкого градуса.

– Как обратно?! Нельзя ли перестоять и выждать «выяснения обстановки»? – с такими вопросами обращался автор настоящих воспоминаний и пытался уговорить капитана «Эрзерума» под каким-нибудь предлогом уклониться от приведения в исполнение приказа об отступлении. – Нам ведь не от кого «отступать», нам лучше прорваться в Казань, если уж действительно она занята «золотопогонниками»...

Капитан «Эрзерума», видимо, и сам был такого же самого мнения, но... ослушаться приказа и пойти наперекор ему он не рискнул.

Простояв несколько минут на месте случайной остановки, «Эрзерум» не мог в действительности уклониться от общего шквального течения удирающих из Казани пароходов, тем более, что почти со всех встречных пароходов все время повторялась настойчиво одна и та же команда о движении назад и даже были слышны угрозы открыть огонь по «Эрзеруму», если он немедленно не войдет в общую кишку движущихся к Нижнему Новгороду пароходов.

На бегущих пароходах частных пассажиров почти видно не было, ибо они наполнены были войсками, артиллерией, пулеметами и обозом.

Беспечный и глубоко буржуазный вид «Эрзерума» этой революционной «храброй» ватаге, видимо, совершенно не нравился, и потому-то, наверное, раздались так скоро угрозы «открыть по буржуям огонь»...

Нехотя и намеренно медля начал разворачиваться для обратного следования в... Нижний Новгород наш красавец-теплоход «Эрзерум».

Куда девалось прежнее настроение. Ночь была тягостная. Гудящие и шумящие пароходы, особенно те, которые были нагружены войсками, начали понемногу отставать и причаливать к ближайшим к Казани пристаням, частично выгружаясь для посадки на железную дорогу, что от Свияжска отходит на Алатырь и Ардатов.

Не спалось в эту историческую ночь, в которую впервые пришлось воочию натолкнуться на братоубийственный фронт Гражданской войны, который открыт был теперь по всей бедной многострадальной России по воле до сего времени совершенно никому неизвестного и чуждого русскому духу и сердцу Третьего интернационала...

Великая война не окончена, сорвана великим же позором Брестского «похабного» мира, как уже началась новая бессмысленная, дикая и жесточайшая из самых жестоких войн, война... Гражданская.

– Бедная, бедная Россия, кто бросил тебя в эту мерзкую пучину испытаний?! За что, за что несешь ты, великая и миролюбивая страна, этот неслыханно тяжелый и бессмысленный крест?!

Эти жгучие до боли мысли неотступно стояли в голове.

Утром «Эрзерум» возвратился обратно в Нижний Новгород.

Чтобы проехать в Пермь по воде, надо было предпринимать сложное путешествие по реке Унже, впадающей в Волгу около города Юрьевца.

Вверх по Волге отходили пароходы весьма небольшого размера, но и те, дойдя до слияния с Унжой, в нее уже не заходили. Приходилось здесь делать новую перегрузку на еще меньший плоскодонный «паузок», который весьма медленно тащил до маленького городка Макарьева, где снова – то есть уже в третий раз – пришлось пересесть на малюсенький, грязненький буксиришко, который тащил за собой на длинной бичеве что-то вроде парома.

На пароме, заставленном всякой всячиной и рухлядью, располагаться было совершенно невозможно, почему автор настоящих воспоминаний со своей семьей, будучи единственным в своем роде «редким» пассажиром на подобного образа «пароходе», поместился в трюме буксира, напоминающем собою простой погреб, куда можно разве складывать только бочки с селедками.

Это путешествие было «первой данью», которую надо было платить октябрьской революции тому, кто не видел в ней никакой для себя «прелести»...

И эту «дань» мы, русские, заплатили, да и до сих пор платим еще весьма исправно...

Около суток было потрачено на блуждание по этому первобытному речному сообщению, по которому едва ли когда-либо ездил хоть один пассажир «дальнего речного плавания»...

На этих «калошах» и «полукалошах», очевидно, разъезжали только местное именитое купечество, да власть имущие становые и исправники.

На рассвете тащивший в своем грязном и тесном трюме семью «артиста» Юрия Федоровича Светланова буксиришко с грехом пополам добрался до маленькой и совершенно невзрачной пристанишки у деревни Мантурово. Отсюда, очевидно, регулярного сообщения вверх по Унже не существовало.

Дальнейшее путешествие до Перми надо было совершать по железной дороге, ближайшая станция которой Мантурово находилась в трех верстах от только что достигнутой пристани того же наименования.

Нагрузив вещи на простую крестьянскую телегу и следуя за ней пешим порядком по узенькой проселочной дороге, прибрели усталые и измученные горе-путешественники на глухой полустанок Мантурово.

От сонного сторожа, несказанно удивленного появлением столь необычных пассажиров в этом районе, узнали, что в скором времени на Вятку из Петрограда пройдет «курьерский» поезд...

Останавливается он здесь на несколько минут и попасть на него довольно трудно, так как «завсегда местов нет»…

Это малоутешительное сообщение было не особенно приятно. После бессонной ночи плавания на «паузках» и буксирах совершенно не улыбалась перспектива длительного ожидания на грязном и безжизненном полустанке поезда, где можно было бы «найтить местов». Поэтому пришлось напрячь все силы для того, чтобы во что бы то ни стало попасть в «курьерский» поезд, наполненный, как заявил сторож, «одними комиссарами, да большим начальством».

Скромному «артисту сцены и арены» Светланову трудно было при этих условиях рассчитывать на то, что в короткий срок остановки, с большим багажом и несколькими членами семьи удастся проникнуть в вагоны привилегированного «комиссарского» поезда.

Пущены были в ход всесильные русские «чаевые».

– А ну-ка, любезный «товарищ», не откажетесь ли вы посодействовать так, чтобы в этот поезд попасть обязательно и чтобы поезд не ушел, пока не будут погружены все вещи и пассажиры. Вот вам за хлопоты, и еще прибавим, только хорошенько постарайтесь.

Новенькие хрустящие «романовские», хотя и были уже тогда «проклятым наследием прогнившего царского режима», произвели на представителя «мирового пролетариата» ожидаемое впечатление. Сонное настроение сторожа захудалого железнодорожного полустанка улетучилось в одно мгновение, и он ушел весь в заботу подготовки для предстоящей посадки и ежеминутно справлялся по телефону у соседней станции о времени прибытия шедшего не по расписанию курьерско-комиссарского поезда...

С шумом и грохотом подлетел «курьерский»...

На умоляющие взоры артиста Светланова и робкую просьбу о местах проводник вагона первого класса ответил решительным и грубым отказом: «нет местов»...

Положение создалось критическое. Поезд мог сорваться с места и уйти. Пущен был в ход только что проделанный опыт с хрустящими «романовскими» и... двери двухместного купе, «заказанного для какого-то важного комиссара», мгновенно открылись, и в них разместилась усталая и обрадованная этой «находкой» светлановская семья.

Впопыхах и боясь отстать от поезда, спешно набросали как попало вещи в купе, которое оказалось, как и некоторые другие купе того же вагона, свободным от самого Петрограда.

До ближайшей станции Вятка, где предстояла пересадка, так как там уже начинался «театр военных действий», оставалось ходу еще несколько часов. Надо было отдохнуть, – и все немедленно заснули.

Несколько часов кряду никто не просыпался и в купе из посторонних никто не входил. Однако как только поезд подошел к станции Котельнич, у которой дорога проходит по большому железнодорожному мосту через реку Вятку, произошел первый довольно серьезный досмотр документов пассажиров.

Профессиональное удостоверение «союза работников сцены и арены» не особенно удовлетворило контролеров железнодорожной «чрезвычайки», и, для вящего убеждения в соответствии документов с действительностью, они произвели подробное обследование всего наличного в купе багажа. Предусмотрительно взятые с собою ноты и оперные партитуры, видимо, усыпили подозрительность чинов контроля, и они прошли в следующее отделение вагона.

К вечеру того же дня поезд подошел к Вятке, и здесь надо было выгружаться. Дальше на Пермь регулярного пассажирского движения поездов совершенно не существовало. Туда ходили только воинские эшелоны, да служебные поезда.

На вокзале Вятки царило неописуемое столпотворение. Весь район, прилегающий к вокзалу, был оцеплен вооруженными людьми, одетыми в различные формы частей войск бывшей Русской армии и флота и, конечно, все без погон.

Обращало на себя внимание большое количество латышей, которые грузились тут же в вагоны для отправки в восточном направлении.

По возбужденному настроению всей этой разношерстной массы бывших солдат и матросов, перемешанных с отрядами железнодорожных рабочих, видно было, что по дороге на Пермь не все обстоит благополучно.

По перрону бегали взад-вперед увешанные ручными гранатами и револьверами военные комиссары и отдавали какие-то спешные и грозные приказы. В небольшой толпе случайно очутившихся здесь пассажиров, в которой замешалась и семья Светланова, потихоньку от одного к другому передавали, что со стороны Перми на Вятку против накопившихся здесь латышей наступают «товарищи матросы»...

Последние требовали беспрепятственного пропуска их эшелона через Вятку на запад, а местное начальство распорядилось матросов с «белогвардейского» фронта не выпускать и даже принудить их

снова возвратиться обратно для защиты «завоеваний пролетарской революции».

Против непокорных дезертирующих с фронта матросов выставлены были повсюду пулеметы и орудия, а по боковым путям железнодорожного узла курсировали бронепоезда.

Это новое обстоятельство грозило полным срывом дальнейшего путешествия Светланова в сторону Урала, где, по-видимому, уже определился антибольшевистский фронт, против которого посылались из Петрограда и Москвы наскоро набранные части будущей Красной армии.

Суматоха на вятском вокзале продолжалась довольно долгое время, и только когда уже совсем стемнело и люди, видимо, от дневного напряжения изрядно утомились, наступило некоторое успокоение. Слух прошел о том, что столкновения не произошло, и обе стороны договорились о совместной обороне Вятского железнодорожного узла, на случай если «гидра контрреволюции осмелится поднять здесь свои головы»...

В Пермь можно было проникнуть лишь на одном из отправлявшихся туда латышских эшелонов, получить пропуск для проезда с которым представляло большие трудности.

Сначала на всякую попытку получить легальное разрешение на этот проезд получался решительный отказ. Желание ехать в сторону явной опасности вызывало даже сугубое подозрение в политической неблагонадежности просителей.

Долго бы продолжалось это мытарствование по различным комиссарам, открывшим тут же на вокзале свои канцелярии, если бы одна из сестер милосердия не научила к «кому обратиться»...

В третий раз за короткий промежуток времени в руках Светланова зашелестели «хрустящие романовки», и за 25 рублей один из комиссаров-еврейчиков выдал бумажку, по которой открывалось право ехать с латышским поездом в одном из полупустых товарных вагонов.

Среди набравшихся, очевидно, тем же «протекционным» порядком в этом вагоне людей не видно было ни одного лица, которому можно было довериться ни на слове, ни на деле. Приходилось зорко смотреть за своим багажом.

Чтобы сохранить от пропажи вещи, пришлось положить их все в одну общую груду и разместиться на них, как на сидениях. В противном случае при ночной езде в неосвещенном вагоне можно было бы не досчитаться многих отдельных пакетов и даже чемоданов.

Путешествие это было чрезвычайно неприятно и тягостно. Помимо удрученного общего настроения, вызванного крайними неудобствами томительной поездки в грязном, вероятно, только что перевозившем лошадей или интендантский скот вагоне, пришлось немало наслушаться также циничной «словесности» и ругатни в самой неприкрытой форме по адресу все тех же злосчастных «буржуев» и других «врагов народа»...

Семья Светланова, несмотря на крайнюю усталость, почти не сомкнула глаз до самого рассвета. Все мерещилось, что вот-вот произойдет какое-то несчастье, встречать которое в сонном виде было бы как-то особенно жутко.

Собственно говоря, в этой обстановке все находились во власти слепого случая и дикого произвола. Можно было ожидать самых крайних насилий в любой момент, тем более, что «белогвардейский фронт» был где-то совсем недалеко и со стороны его могли быть всякие для «товарищей» неожиданности, включительно до крушения поезда. В последнем случае могли пострадать и все невольные пассажиры латышского эшелона.

В этой нервной и напряженной обстановке, перед самым почти рассветом, среди полной темноты совершенно ничем не освещенного вагона, вдруг раздался душераздирающий крик одного из пассажиров. Этот крик подхватило еще несколько голосов, и в первую минуту нельзя было ничего понять – что и с кем в этот момент приключилось...

Среди темноты в вагоне началась какая-то сильная возня. По отдельным возгласам боровшихся нескольких людей можно было уловить весьма злобную ругатню по адресу какого-то вора, забравшегося в чей-то карман и вытащившего кошелек с деньгами и документами.

Всеобщее возбуждение в вагоне возросло, так как обокраденными оказались многие лица.

Наскоро зажженные свечи осветили трагикомическую картину внезапного ночного происшествия. Несколько человек вцепились руками за шиворот какого-то субъекта и нещадно били его по чему попало. Избиваемый издавал дикий гнусавый вой. Из зубов и носа у него сочилась кровь. Он молил о пощаде, обещая вернуть все, что он успел вытащить за эту ночь из карманов своих не только близко расположившихся от него соседей, но и тех, которые находились в совершенно другом конце вагона...

Какова дерзость и ловкость «оперирования» среди глубокой ночной темноты!

Мольбы и обещания вора не удовлетворяли тузивших его людей, и они сами начали обшаривать все карманы и складки незатейливого костюма опытного рецидивиста.

Лишившихся своих кошельков оказалось ни больше ни меньше как девять человек. К счастью, судьба к Светланову и членам его семьи в этот трагический момент была милостива...

Все эти девять лиц с ожесточением рвали на пойманном воре всю его одежду и искали свои пропавшие кошельки. Отчаяние возросло, когда они не нашли последних в его куртке и в карманах штанов.

Минутное остервенение сменилось внезапным отчаянием, так как надежда вернуть пропавшее как будто бы исчезла. Как вдруг кому-то из пострадавших пришла внезапная мысль обыскать обмотки на ногах вора.

Новый взрыв негодования и радости от обнаружения всех девяти кошельков в этом потаенном месте снова огласил стены полутемного вагона. Мигом все начали пересчитывать свои деньги, и к глубокому своему удовлетворению, нашли их нетронутыми...

Это обстоятельство «приободрило» и самого «виновника происшествия», который вследствие «благополучных результатов» обыска и сохранности всех сумм, просил себе снисхождения. Он больше всего боялся, чтобы возбужденные пассажиры не передали его в руки агентов железнодорожной станционной «чрезвычайки».

Вора продолжали крепко держать за шиворот и в то же время обсуждали вопрос, как с ним следует поступить.

Как всегда в подобных случаях бывает, проектов посыпалось немало.

Кто предлагал «набить морду и выкинуть из вагона на ходу поезда», кто требовал «убить его на месте, как собаку», кто находил, что его можно «простить»... И только немногие неуверенные голоса советовали передать вора станционному начальству для привлечения его «к законной ответственности»...

Судьбу свою решил сам виновник импровизированного вагонного «суда».

Он не нашел ничего для себя более лучшего, как выпрыгнуть из вагона на полном ходу поезда...

Все ахнули, но вора в вагоне уже не оказалось. Вытягивая, сколько позволяла возможность, свои шеи из вагонной задвижной

двери, при едва брезжащем свете начинающегося раннего утра, видели эти растерянные лица, как опытный вагонный воришка, перекувыркнувшись два-три раза, свалился под пологий откос полотна, встал быстро на ноги и «спокойно» пошел в обратную от направления движения поезда сторону.

На этом все происшествие и закончилось. Некоторые повеселели и по адресу ловкого акробата и его «талантов» даже отпускали лестные эпитеты.

– Ну и парень, ну и молодец!!!

«Молодец» пошел себе домой в Вятку, а остальные путешественники продолжали свой путь до Перми.

Примерно через неделю после того, как Светланов выехал из Петрограда, достигнут был конечный пункт назначения, то есть город Пермь.

В этом городе находилась в данный момент постоянно проживавшая там та группа русских платино-промышленников, с которой были у Светланова коммерческие договорные отношения, по заключенному в Москве с французами договору.

Промышленники имели свою обширную коммерческую агентуру по всему Уралу, через которую весь ценный материал накапливался или в Перми, или в Екатеринбурге.

По намеченному раньше плану, если бы обстоятельства позволили, предполагалось поработать первоначально в Перми и потом передвинуться в Екатеринбург.

Имен участников этой группы, которые может быть в настоящее время находятся где-либо в советской России, называть сейчас не представляется возможным...

Несмотря на повальные повсюду в Перми обыски, они умудрялись так надежно припрятывать ценные металлы (платина и золото) и минералы, что они, вероятно, и по сей день во многих местах хранятся в полной безопасности, выжидая изменения обстановки в России.

Как уже знает читатель, вся операция по заключенному договору на поставку большой партии платины не была выполнена из-за политических обстоятельств. Непосредственное распространение военных действий между белыми и красными в приуральском и в приволжском районах сковали всю нормальную и деловую жизнь в этом крае, не говоря уже о том, что той же операции едва ли позволили бы осуществиться и заведенные к тому времени на Урале местные большевистские власти.

Ввиду того, что в Сибири были также повсюду беспорядки и восстания, нечего было и думать о том, чтобы вообще могла удасться операция по вывозу купленной французами платины в том или ином направлении.

Попав с таким трудом и риском в незнакомый для него город Пермь, Светланов совершенно определенно в этом сам убедился и потому решил в отношении принятых на себя перед французами обязательств стремиться только к тому, чтобы соответственным образом информировать своих покупателей.

Для этой цели приходилось поддерживать всякими путями и способами связь с Москвой и Петроградом. В последнем пункте французы имели негласно сохранившуюся по тому времени торговую палату, которой руководил очень симпатичный инженер Гро… Через него же при завязке платинового дела были начаты первоначальные переговоры в Петрограде, которые потом перекинуты были в Москву.

В течение августа и сентября 1918 года сравнительно нетрудно было проникать в эти пункты посылаемым из Перми светлановским курьерам, но в последующие месяцы это делать было уже совершенно невозможно, да и надобности не было, так как обстановка весьма серьезно осложнилась, и французы сами покинули, и Москву, и Петроград.

Все участвовавшие в этом деле лица выехали во Францию, и только один капитан Парис прорвался в Сибирь и временно находился на Восточным белом фронте. За все последующее время Светланову так и не удалось видеться с этим весьма энергичным капитаном, который отлично изъяснялся на русском языке.

Таким образом, вынужденное сидение Светланова в Перми сводилось уже к выжиданию изменения военно-политической ситуации в районе Перми до того момента, когда можно было бы перейти по ту сторону линии фронта, которая разделяла в это время «красных» от «белых».

Жизнь в большевистской Перми в течение последних двух месяцев перед занятием ее сибирскими войсками была полна тревоги и ужаса. В городе и на Мотовилихе – так назывался район военных заводов – царил кровавый террор.

Всюду шли аресты и расстрелы.

Кто из жителей Перми попадал в Мотовилиху или в местную семинарию, где располагалась «чрезвычайка», тот оттуда живым уже не возвращался…

Про Мотовилиху народная молва говорила, что там «живьем» сжигают в заводских печах, семинарский сад был весь завален трупами расстрелянных там «буржуев», священников и офицеров...

После занятия Перми белыми автор настоящих воспоминаний сам лично убедился в полной справедливости последнего сведения. Действительно, в саду довольно обширных размеров всюду валялись трупы, видимо, давно расстрелянных жителей Перми, имевших несчастье попасть в это место смерти и пыток.

В ужасных позах, изуродованные, полураздетые там и сям валялись полузасыпанные снегом фигуры несчастных. Толпами народ валил в этот страшный сад, разыскивая среди погибших своих родных и близких.

Все это знал в Перми каждый житель и больше всего боялся попасть на особый учет и внимание агентов чрезвычайной комиссии.

Каково же было настроение тех, кто невольно находился в эти страдные дни в Перми и вынужден был, как например, Светланов, скрывать свое настоящее лицо и положение...

Никаких «артистических» выступлений публичных, конечно, Светланов для оправдания своего профессионального положения производить не мог уже потому, что не был профессионалом, да и, кроме того, появись он на «сцене» вообще, он был бы кем-нибудь обязательно опознан, и с «концерта» мог бы прямо угодить или в Мотовилиху, или в семинарский сад...

В штабе Красной армии, кажется, по номеру пятой, располагавшемся в то время тоже в Перми[88], служило несколько бывших офицеров кадрового Генерального штаба, среди которых были такие, которые отлично знали «Светланова» в лицо.

Был однажды один случай, когда «Светланов» с глазу на глаз столкнулся с полковником В. Я. Жуковым[89], с которым он в течение полутора последних лет совместно, бок о бок, сотрудничал в Петрограде в Главном управлении Генерального штаба.

Жуков был немного близорук, а «Светланов» сильно видоизменил свою внешность, и потому только обошлось без «приятного» восклицания: «Ба, какими судьбами! Что поделываете, Георгий Иосифович, где служите?..».

Трудно было бы в это время доказывать, что ты уже не Георгий Иосифович, а Юрий Федорович. Каких настроений преисполнен был в это время «дорогой друг Владимир Яковлевич», Светланову совершенно было неизвестно. Люди ведь так быстро меняются...

После этой неожиданной встречи различными агентурными и кружными путями было выяснено, что этот самый полковник старого Генерального штаба был ревностным работником (таким же ревностным служакой он был и в ГУГШе в свое время) в штабе реввоенсовета пятой советской армии по оперативной части. Возглавлялся реввоенсовет тогда Смилгой[90], Лашевичем[91] и Уборевичем[92]. В последние годы ликвидации белых армий на Дальнем Востоке Уборевич был командующим краснознаменной армии. Лашевич как известно играл печальную роль потом на К. В. Ж. Дороге, будучи на ней в качестве ответственнейшего руководителя с советской стороны.

Может быть, Жуков и не выдал бы своего бывшего сослуживца и приятеля, но этим самым он ставил бы и себя под удар со стороны тех же агентов «чрезвычайки», которые всегда могли бы арестовать и его за сокрытие опаснейшего «врага народа»...

Этот случай и некоторые другие определенно говорили о том, что шутить с такими вещами в обстановке непосредственной близости от фронта жесточайшей Гражданской войны было весьма неразумно.

Приходилось очень мало показываться днем на улице и на каждом шагу проявлять максимум осторожности. И в то же время надо было, как говорится, не терять лицо «профессионального артиста без специального ангажемента», то есть безработного, однако живущего в условиях некоторого комфорта, недоступного для средств рядового артиста.

На Оханской улице в доме номер 29 найдена была, с первых дней приезда в Пермь, Светлановым сравнительно приличная комната с обстановкой.

Домохозяева, типичные местные «буржуи», были на особом учете у «чрезвычайки» и посему скрывались где-то по разным местам в городе и в его окрестностях, и по заимкам.

Некоторое время хозяйка дома пыталась еще нелегально жить в своем собственном доме, но частые визиты агентов «Чека» ее все время пугали и она, в конце концов, должна была вовсе покинуть свой дом и поселиться где-то в окрестностях города, за рекой Камой.

Несмотря, однако, на явную опасность и колоссальный риск, оба они, временами, снова возвращались в свой дом, чтобы провести в нем полную тревоги и смертельного страха ночь. Как затравленные звери, кругом озираясь и вскакивая с постелей при

малейшем за окнами шорохе, они ежесекундно должны были быть готовыми обратиться в дикое и безоглядное бегство...

Нервность и сторожкость домохозяев передавалась и на всех членов семьи Светланова, которая, находясь в положении невольных укрывателей разыскиваемых «чрезвычайкой» лиц, сама рисковала попасть, вместо разыскиваемых, в места смерти и пыток...

Случился однажды такой казус, что ночью из агентов никто не являлся, но вдруг утром, когда домохозяева считали себя в относительной безопасности, в дверь с черного хода кто-то сильно постучался.

Обомлевшая от ужаса хозяйка дома через окно увидела трех «чекистов».

Потеряв всякую способность ориентироваться и не понимая, что делает, она опрометью бросилась через парадную дверь на улицу, забыв даже предупредить своего мужа, который в этот момент находился в... уборной и не подозревал о том несчастье, которое на него надвинулось...

Надо было во что бы то ни стало спасти домохозяина, так как слишком долго уже за ним охотились агенты «Чека».

В несколько прыжков Светланов подскочил к двери уборной, рванул дверь с крючков, крикнул о грозящей опасности, бросил ему в руки шубу и шапку и показал ему выход на подъезд, где только что скрылась его жена.

К величайшему счастью, чекисты были не так предусмотрительны и, входя с черного хода, со двора, не позаботились поставить караула со стороны парадного подъезда.

Пока жена Светланова возилась у дверей, чтобы открыть двери непрошенным гостям из «чрезвычайки», время было выиграно, и домохозяева, которые в этот раз попались бы несомненно, были спасены.

Долго потом ходили все бледные и расстроенные после этого трагического момента, в случае неблагоприятного исхода которого всем членам семьи Светланова грозила бы весьма печальная участь.

Если бы только злющие-презлющие тогда агенты «Чека» разобрались бы в том, «кто» укрывал преследуемых ими лиц, то мало от этого бы не было.

Когда чекистам надоело подлавливать неуловимых беглецов (очевидно, кто-нибудь из соседей осведомлял о временных возвращениях домохозяев), они решили вселить в дом ответственных партийных советских работников...

С этого времени посещения беглецов действительно прекратились, зато для Светланова и членов его семьи началась новая ужасная пытка...

В квартире было всего пять небольших комнат, половину из которых отвели под г.г. комиссаров транспортного отдела штаба той же пятой советской армии...

День и ночь, в каждую данную секунду, вся жизнь «артиста» Светланова была у этих комиссаров на глазах как на ладони. Тут уже, действительно, пришлось во время самой жизни проявлять величайшие артистические способности. Игра была жуткая и длительная, ибо совместное сожительство продолжалось около полутора-двух месяцев.

– Где, товарищ Светланов, вы раньше пели, почему теперь нигде не выступаете, да покажите нам свой голос, – с ответами на такие вопросы комиссаров и их приятелей приходилось «маневрировать» почти каждый день и час.

Так как без конца сидеть без дела было нельзя, то пришлось вывесить на дверях квартиры объявление о том, что группой артистов и музыкантов даются уроки пения и музыки.

Это объявление избавляло от лишних толков и разговоров, а также создавало впечатление, что люди «чем-то в сущности заняты»...

«Назвался груздем – полезай в кузов», говорит русская народная поговорка.

В результате такого «поворота» вопроса в числе первых учеников пения оказался живущий в той же квартире комиссар транспорта по фамилии Бирон[93], а в числе учениц по музыке – его гражданская жена.

Молоденькая наивная девица из богатой семьи екатеринбургского купца и монархиста, по странному стечению обстоятельств, сделалась женой заядлого коммуниста и комиссара. Сама она в этом сознавалась, когда оставалась наедине с женою Светланова, но ничуть от этого не страдала и угрызения совести перед своими родителями, от которых она почти сбежала, не чувствовала.

Дорожил, видимо, своей монархисткой-женой и комиссар Бирон. Лестно ведь пролетарию похвалиться было перед своими товарищами «белой дворянской костью да голубой кровью» избранницы своего сердца…

Жили они между собою весьма недурно. Комиссар Бирон задаривал молодую жену всеми благами коммунистического и комис-

сарского привилегированного продовольственного и мануфактурного пайка. Всего у них вдвоем было всегда вдоволь, в то время как семья Светланова жила полуголодной жизнью. В городе достать ничего без продовольственных карточек было невозможно.

За черным кусочком хлеба приходилось выстаивать в очередях многие часы. Остальные продукты кое-как удавалось доставать из-под полы у приезжих из ближайших деревень крестьян или с помощью посылаемых туда ходоков.

За последнее время и этот спасительный способ питания прекратился, так как по всем проселкам и главным путям, идущим в город, большевики расставили заградительные посты и караулы, которые отбирали положительно все, что только попадало им на глаза, а везущих жалкие крохи продовольствия для личного пользования арестовывали.

Среди предметов дамского туалета молодой комиссарши встречались самые разнообразные и диковинные вещи, отобранные во время многочисленных обысков у «буржуев», не исключая носовых платков с метками... императрицы.

Этими диковинными вещами и комиссар Бирон, и его «любезная супруга» любили очень часто похвалиться перед членами семьи и другими спутниками Светланова. Когда во время одного из таких «сеансов» похвальбы всеобщее внимание привлекли на себя «предметы личного белья», принадлежащего всероссийской императрице, на каждом из отдельных экземпляров которых красовались императорские гербы, вышитые дивной гладью, то об истории их «приобретения» Бирон с особенным удовольствием рассказывал самые большие подробности, носившие временами самый скабрезный характер.

Говорил ли Бирон правду или только бахвалился для рисовки перед забитыми страхом обывателями, утверждать трудно, только от него приходилось не один раз слышать историю о том, как он, Бирон, участвовал в избиении русского императора и его мученической семьи в подвалах Ипатьевского дома в городе Екатеринбурге в июле 1918 года[94]...

Жутью веяло от того, чем хвалился большевистский комиссар по этому поводу, который явно стремился изобразить себя в этом акте не иначе, как «народным героем и мстителем»... или «выразителем народного гнева» против «кровожадного русского царя»...

Среди многих подробностей этого страшного мирового злодеяния Бирон с особенным удовольствием смаковал финальную картину

расстрела царской семьи, когда изображал позы сраженных пулями членов императорской русской фамилии, останавливаясь с садическим интересом над несчастными великими княжнами и матерью-императрицей...

– Какие телеса, какие телеса!!! – восклицал в этой части своего безгранично циничного повествования комиссар транспорта пятой советской армии...

Между прочим Бирон тогда утверждал, что убийство всей царской семьи и государя императора произошло по приказу из Москвы и совершено было в ночь на 21 июля 1918 года[95].

Когда впоследствии автор настоящих воспоминаний делился впечатлениями об этом самом материале, слышанном им лично из уст названного комиссара, с генералом М. К. Дитерихсом[96], на которого Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком была возложена задача официального расследования убийства царской семьи, то дата, названная Бироном, признана была совершенно не отвечающей действительному сроку убийства, которое, по мнению генерала Дитерихса, произошло в ночь на 18 июля, то есть на три дня раньше, чем указывал Бирон.

Кроме того, всю версию рассказа Бирона генерал Дитерихс признал «вымышленною» самим Бироном из простого хвастовства. Генерал Дитерихс подчеркнул при этом, что «подобной манией хвастовства, как показали материалы подробного его расследования, страдали многие из советских деятелей», которых в той или иной форме приходилось допрашивать самому генералу Дитерихсу и членам его расследовательной комиссии в качестве привлеченных по делу екатеринбургского кровавого злодеяния.

Светланову очень хотелось каким-нибудь способом уговорить комиссара Бирона или его «супругу» или отдать на память, или продать хоть один из носовых платков, принадлежавших ее величеству. Помнится, как сейчас, перед глазами автора сих строк жена Бирона вертела в руках один из таких тонких платков, на котором красовалась монограмма «А» с короной и с маленьким вышитым внизу под монограммой номерком «95»...

Но комиссарша была неумолима. Ей было лестно сморкаться в этот дорогой платок, быть может, не один раз орошенный священными и горькими слезами несчастнейшей из несчастных русских женщин, матерей – всероссийской императрицы Александры Федоровны – супруги последнего русского венценосца государя императора Николая II Александровича.

Тягостно было находиться в положении немого свидетеля в районе, где совершалась невероятная драма в жизни Российского государства, и помочь которой не было никакой фактической возможности. Автор настоящих воспоминаний попал в Пермь при совершенно случайных обстоятельствах и, естественно, никого из местных жителей здесь не знал вообще. Это обстоятельство затрудняло общую ориентировку, получить сведения для которой можно было только из советских газет, да из случайно оброненных комиссарами фраз и разговоров.

Очевидно, в городе были какие-нибудь тайные и национальные русские группировки, но связаться с ними было трудно и рискованно. На каждом шагу могла быть провокация со стороны зорко следивших за всем агентов «чрезвычайки».

Если белые организации и существовали в то время в Перми и в других пунктах Приуралья, то о работе их нельзя сказать ничего положительного. Возможно, что они были слабы как в количественном, так и в качественном отношениях. В противном случае трудно было бы объяснить то обстоятельство, что эти организации были столь пассивны в моменты расправы с членами царской фамилии как в Екатеринбурге, так и в Перми и Алапаевске.

Между этими крупнейшими пунктами северной части Урала, надо полагать, ведь существовала в мирной обстановке самая тесная деловая и житейская связь. Почему при привозе во все эти города высоких пленников революции из царствующего Дома Романовых во главе с отрекшимся от престола императором, в этих организациях могла невольно возникнуть вполне рациональная мысль о спасении их от неминуемой в той обстановке гибели.

Из рассказов, которые дошли до слуха Светланова после того, как он попал в Пермь, видно было, что картина обстановки вокруг проживавшего летом 1918 года в Перми брата государя великого князя Михаила Александровича представлялась далеко не такою безотрадною. Оказывается, живя в так называемых «Королевских номерах», великий князь пользовался сравнительно большой свободой режима и передвижений.

Он общался в городе со многими лицами, бывая в домах на положении простого обывателя. С ним всегда могли установить связь руководители местных антибольшевистских организаций. Если бы они правильно при этом учитывали быстро меняющуюся в то время военно-политическую обстановку, то они должны были бы и найти то или иное решение вопроса в отношении общей и частичной

судьбы как великого князя Михаила Александровича[97], так и узников Екатеринбурга и Алапаевска.

Когда Пермь пала и перешла в руки белых, то, помнится, в городе моментально, чуть ли не в несколько часов была налажена самая серьезная военно-комендантская служба и внутренняя городская самоохрана, которою руководили старые кадровые офицеры из числа местных старожилов, всех в городе хорошо знавших и всех легко раскассировавших на «надежных» и «ненадежных» в политическом отношении.

Стало быть, в их же руках были немалые возможности для предупреждения или по крайней мере облегчения участи несчастных членов царской фамилии.

В течение всего летнего периода времени, до появления в Перми штаба советской армии, местная совдепская власть тут была не более сильна, чем в самом Екатеринбурге. От того же Бирона и его сотоварищей иногда приходилось слышать иронические насмешки над пассивностью белых, которые, мол, дескать, не сумели использовать момента полной слабости здесь советской власти, для того чтобы «выкрасть царя»...

Будучи потом в Омске и интересуясь этим вопросом уже с чисто исторической точки зрения, автор настоящих воспоминаний пришел к убеждению, что в последних словах хвастливого комиссара Бирона, к сожалению, была большая доля горькой для всех русских националистов правды...

Государя и его мученическую семью можно было бы спасти, если бы в момент нахождения их в Екатеринбурге, незадолго до появления в этом пункте белых войск, были бы приняты в этом направлении более радикальные и осторожные меры.

Этими тягостными мыслями и кошмарами минувшего была полна голова Светланова в течение всей осени 1918 года.

Наиболее крупные военные действия между красными и белыми в районе Перми начали разыгрываться только с начала декабря месяца.

Стараясь не навлечь на себя внимания и подозрений жительствовавших под одной кровлей комиссаров, упорно следил Светланов по местным советским газетам за каждым военным сообщением штаба пятой армии или за сводками, которые публиковались от имени Реввоенсовета РСФСР, и на тайно хранившейся у него карте отмечал все фазисы различных положений передвигавшихся боевых фронтов.

Эти фронты то приближались, то удалялись, то замирали на долгие промежутки времени в неопределенном положении. В зависимости от этого то поднималось, то падало, то мучительно томилось неизвестностью настроение самого Светланова и его семьи. Все с нетерпением и горячо ждали случая и момента, чтобы белые взяли Пермь или чтобы открылась хотя бы какая-либо возможность прорваться по ту сторону линии в наименее опасном направлении.

Конечно, если бы не семья, состоящая из двух женщин[98], то вопрос с прорывом через линию фронта разрешился бы самым простым и, пожалуй, скорым способом. Но так как бросить семью в этой смертельно опасной обстановке было бы равносильно преданию ее на поругание и насилие обозленных большевиков, пришлось терпеть и только ждать, ждать...

Отслоение «белых» сил

Около трех четвертей года ушло на то, чтобы перемешавшиеся на необъятном пространстве России «красные» и «белые» силы нашей революции могли отслоить главные массы своих контингентов. Первые фазисы беспорядочной борьбы на путях к берегам Черного моря, к Дону и Кубани продолжались весну и лето 1918 года. В этом направлении массовым потоком отошли наиболее солидные элементы белых сил Центральной России.

В сторону же Сибири специальной «тяги» белых не было.

Внезапно произошедшее восстание чехословацких эшелонов на Волге, в Сибири и на Дальнем Востоке разом отрезало азиатскую Россию от европейской ее части и тем заключило как бы в один обширный резервуар все находившиеся к востоку от Волги и Урала политические группировки, организации и силы, вне зависимости от их притяжательных и отталкивающих в отношении московского большевистского центра настроений.

Судьба не дала автору настоящих воспоминаний случая лично наблюдать условия борьбы на Алексеевско-Деникинском и позднее Врангелевском южном фронтах.

Зато она предоставила ему возможность в довольно отчетливых очертаниях видеть картину вооруженной борьбы на берегах Волги, на отрогах Урала, в Западной Сибири, во время отступательного Ледяного Сибирского похода, в Забайкалье и в Приморье последних дней…

Указаная разница в условиях отслоения «белой силы» на южном и восточном (сибирском) русских фронтах усугубляла и повышала требования, предъявляемые к организующему Центральному военно-административному аппарату Сибири в области работы по сосредоточению всех усилий для вооруженной борьбы с большевиками.

Здесь-то требовалось особое мастерство, чтобы объединить не только однородные белые элементы, но также втянуть в общий порыв борьбы и прочие оттенки политических настроений не изведавшей большевизма Сибири.

Несомненно, что эти «оттенки» настроений в той или иной степени входили в боевые ряды армии. А это, в свою очередь, ставило перед высшими руководителями последней еще более деликатные и тонкие задачи.

Во всяком случае, во имя воссоздания и сохранения основных организационных принципов построения армии как боевого аппарата и всех военных учреждений, ее обслуживающих, требовалось, чтобы работа около них протекала вне серьезных ущербов и особых злоключений.

Посмотрим, что было на самом деле…

Армия Верховного правителя

В первый период зарождения Поволжско-Уральского фронта, в Перми, как в одном из прифронтовых городов, привелось, как это видно из предыдущего изложения воспоминаний, автору последних, находившемуся на нелегальном положении, наблюдать в течение нескольких месяцев вооруженную борьбу красных сил против «контрреволюции».

Богатейший материал собранных им «со стороны» наблюдений за жизнью и деятельностью Красной армии на фронте и в тылу привел его к целому ряду ценных заключений.

Последние имелось им в виду использовать немедленно вслед за проникновением на противобольшевистский фронт.

Ноябрьский переворот 1918 года, выдвинувший на сцену адмирала Колчака, завершился стремительным наступлением Средне-Сибирского корпуса генерала Пепеляева[99] на Пермь.

С падением последней открылась возможность из конспиративно-наблюдательного положения перейти к открытому сотрудничеству с развивавшейся уже тогда во всероссийском масштабе армией Верховного правителя.

Вынужденно длительное бездействие после кипучей работы перед революцией в Петрограде еще больше поднимало силы для новой организационной работы. Казалось, что именно теперь открывается исключительное по широте своей поле активной деятельности…

Затихли отдаленные выстрелы преследующих противника и продвигающихся к Западу от Перми сибирских стрелков. На Пермском вокзале появился блестящий состав поезда со штабом генерала Пепеляева. Перевитые национальными и одновременно с тем и бело-зелеными сибирскими флагами, узорные вензеля украшали наружные стены салон-вагона «героя Перми».

Особое чувство подъема невольно тянуло к этой простой, но яркой эмблеме попранной родины.

Холодной новизной повеяло, однако, от пепеляевского бело-зеленого (сибирского) флага.

Двойственная внешность флагов и эмблем на вагонах штаба генерала Пепеляева вызывала такое же неожиданно двойственное впечатление и настроение души, истомленной терзаниями за судьбу России.

Простой искренний порыв, руководивший психикой русского патриота в эти минуты, был невольно озадачен этим раздвоением понятий на антибольшевистском боевом фронте.

Как трудно и как больно было в этом разочаровываться, а еще более после близкого ознакомления с внутренним содержанием светлого призрака былой Русской армии. Да, именно призрака!..

Большая и достойная по своей внешней силе и духу армия Верховного правителя адмирала Колчака, к сожалению, оказалась и по первому впечатлению и значительно позже потом только лишь желанным призраком… но не действительностью.

Первая встреча в пепеляевском штабе автора настоящих воспоминаний, уже как кадрового офицера Генерального штаба, была неприятная, почти оскорбительная.

Бурбонистого типа «наштакор»[100] совершенно открыто показывает вам свое нерасположение, и в коротком отрывочном разговоре с ним чувствуется эгоистическое недружелюбие его к вам как к вновь появившемуся на горизонте «конкуренту по службе». Подчеркнутая сухость официальных отношений сразу лишает вас не только возможности поделиться свежими впечатлениями и наблюдениями о виденном в тылу красного, общего для нас обоих,

врага, но заставляет спешить даже сократить формальную сторону объяснений с тем, чтобы скорее покинуть неприветливого хозяина штабного вагона.

«Герой Перми» Пепеляев оказался еще менее доступным, чем его начальник штаба.

Это было одно из первых весьма тяжелых и не предвещающих ничего хорошего впереди впечатлений. Как хотелось в то время, чтобы оно было при этом и… последним…

Последние дни в Перми

Не задерживаясь особыми формальностями в Перми, где в последние ночи перед уходом большевиков чуть не пришлось подвергнуться аресту, «бывший артист» Светланов покинул этот город через несколько дней после прихода туда передовых частей армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и отправился в Омск.

Ввиду того, что последние столкновения между красными и белыми к востоку от Пермского района происходили в течение продолжительного времени и носили довольно ожесточенный характер, не особенно успешный для белых, самое появление частей Сибирской армии в Перми в Рождественскую ночь 1918 года было сравнительно неожиданным для городского населения сюрпризом.

Перед этой святой ночью и в течение ее, производя спешную эвакуацию своих тыловых учреждений (большую часть которых большевикам увезти из Перми не удалось), все органы тайной разведки штаба пятой советской армии шарили по городу в поисках «белых» для немедленной их ликвидации…

Всех, кто подходил под призывной возраст или способен был носить оружие, большевики стремились вывезти из Перми в западном направлении, чтобы ими не воспользовались нуждающиеся, по их понятиям, в пополнении своей живой силы белые.

Нужно было проявить много бдительности и изворотливости, чтобы в эти дни и ночи не попасться в руки агентов «чрезвычайки».

Покидавшие за несколько дней до падения Перми квартиру на Оханской улице, где жил Светланов, комиссары Бирон и другие «взяли» обещание последнего, что он вскоре присоединится к ним в пути, по дороге на Вятку…

Расставшись с «дорогими товарищами», вся семья Светланова почувствовала громадное душевное успокоение. Легче сразу стало

комбинировать свою маскировку и выжидать появления в городе белой армии.

На рассвете Рождественского утра жители Перми были разбужены орудийными выстрелами, доносившимися с восточной стороны и, когда уже совершенно рассвело, по улицам города появились первые дозоры белых сибиряков с зелеными ветками елок на головном уборе.

Народ высыпал на улицы, лавки все мгновенно открылись, и на лотках появились всевозможные съестные припасы для продажи.

Город переродился, город проснулся от искусственного сна, который ему привили перед этим агенты Третьего интернационала.

Отступающие за реку Каму части пятой советской армии сделали было попытку перейти в контрнаступление, для отобрания назад Перми, но это им совершенно не удалось.

Пермь сделалась белою и из нее можно было ехать в Омск в ставку адмирала А. В. Колчака…

На белом фронте

Глубоко вдыхая чистый зимний воздух, легко чувствовал себя наконец освободившийся от постоянного большевистского гнета пишущий эти строки.

Не надо было ежесекундно думать о том, что в любую минуту ты можешь потерять свободу и может быть даже и жизнь. Это чувство морального раскрепощения трудно выразить простыми словами и тем более трудно понять его тому, кто не испытал вообще, что такое большевистский режим, и как тяжела пята того гнета, который накладывается на каждого человека, попадающего на положение раба Третьего интернационала.

Под первым впечатлением полученной свободы как-то не думалось о том, что впереди могут быть снова тягчайшие испытания. Верилось или по крайней мере хотелось верить, что все впереди будет ясно, светло и радужно безгранично. Предстоящая работа на поприще любимого и близкого сердцу военного дела по своей прямой специальности офицера Генерального штаба глубоко радовала и волновала…

Бьющая через край молодая энергия требовала немедленного применения ее к делу, и потому как-то особенно горячо хотелось достигнуть ближайшей стоявшей перед тобою цели, то есть прибытия

в Омск – в центр создавшегося нового антибольшевистского движения, в центр, в котором снова возродилась утраченная национальная русская государственность.

Сознание того обстоятельства, что верховная власть в Сибири и в Приуральско-Волжском районе находится в руках адмирала А. В. Колчака, с именем которого были так живы в памяти дни корниловского движения в Петрограде, воодушевляло еще больше.

Избегая всяких задержек в пути, продвигался автор настоящих воспоминаний через Екатеринбург к новой столице Верховного правителя.

В Екатеринбурге пришлось задержаться лишь столько, сколько потребовалось времени, чтобы побывать во французском консульстве по делу майора Гибера и инженера Гро и исполнения некоторых формальностей по получению в отделе военных сообщений содействия для безопасного продвижения семьи и себя до Омска.

Несколько часов свободного времени было потрачено на ознакомление с городом, являющимся столицей нашего богатого Урала и в то же время могилой всей многострадальной семьи мученически погибшего в нем последнего императора всей России.

С безграничной и неподдельной скорбью, обнажив голову, долго простоял перед домом Ипатьева пишущий эти строки, быстро перебирая в своей памяти все моменты, в которые ему посчастливилось лицезреть при жизни погибшего русского монарха в Москве, в Петрограде, на Кавказском фронте и в Крыму.

Сверлили душу и сердце и те кошмарные рассказы, которыми хвалился в Перми комиссар Бирон…

Сердце и ум не воспринимали того ужасного факта, что вот из этих полузарытых в землю окон подвального этажа дома екатеринбургского купца Ипатьева[101] неслись к небесам душераздирающие вопли избиваемых по-звериному венценосцев Российской империи. И на эти крики неземных страданий не посмел подоспеть на помощь ни один слышавший их русский человек…

Боже, Боже Праведный, как велика чаша страданий, которую Ты уготовал Своему Помазаннику и всему русскому народу!..

Жутко было находиться около этой Голгофы царственных мучеников, но еще труднее было отойти от нее и перестать о ней думать, для того чтобы обратиться мыслями к своим личным житейским делам.

Казалось бы, нужно было веки-вечные стоять у дома Ипатьева и только думать о том, что было и что произошло…

Как мелки и ничтожны казались в этот тягостный миг сознания все житейские наши радости и невзгоды.

Царя в России нет, как нет и самой России…

Быстро отступавшие, неорганизованные в первый период борьбы на Приволжско-Уральском фронте большевистские части не успели привести в негодность линии железных дорог этого района и посему путешествие по ним можно было совершать без особых препятствий и затруднений.

Из Перми в Екатеринбург пришлось ехать обычным воинским эшелоном в товарном вагоне, ибо в первые дни после занятия белыми города подвижной состав находился в хаотическом состоянии.

От Екатеринбурга до Омска движение пассажирских поездов было налажено достаточно хорошо и потому переезд этот был совершен в условиях обычного на русских железных дорогах комфорта.

На рассвете первого января 1919 года, то есть в самый день нового года, автор настоящих воспоминаний приехал в столицу Верховного правителя адмирала Колчака.

Морозное зимнее утро придавало большому сибирскому городу весьма суровый вид. Смесь городских провинциальных картинок с нахохленностью некоторых сановных вельмож с портфелями под мышкой, важно шествовавших в свои департаменты, придавала Омску несвойственный его прежним традициям полуторжественный, полукомический колорит.

Личная резиденция адмирала А. В. Колчака скромно укрылась от глаз широкой публики в стороне от главных улиц, располагаясь на берегу могучего и плавно текущего Иртыша. Небольшой, но просторный особняк вмещал в себе и личную квартиру адмирала, и его официальную резиденцию.

При первых же представлениях Верховному правителю по службе бросилось пишущему эти строки в глаза некоторое сходство устройства расположения и плана приемной, биллиардной и кабинета адмирала Колчака с той частью запасной половины Зимнего дворца в Петрограде, в которой летом 1917 года принимал с докладами «некоронованный президент» Всероссийской Республики А. Ф. Керенский.

Большой биллиард находился между приемной и кабинетом адмирала и около него он так же как и Керенский принимал тех, кто имел у него аудиенцию общего и не секретного характера.

Сам адмирал Колчак имел весьма утомленный и безразличный вид. Не чувствовалось в его настроении того подъема, которым он горел на одном из памятных тайных заседаний в корниловские дни в Петрограде. Когда зашел разговор с ним об этих воспоминаниях, от которых отделял промежуток времени около полутора лет, адмирал, грустно улыбнувшись, осведомился о судьбе некоторых из участников не забытых им заседаний, но говорил о них таким тоном, что видно, это его теперь интересовало не больше, «чем прошлогодний снег»…

Тяжелым крестом уже тогда легла на его плечи власть Верховного правителя, которую восприял он перед этим всего лишь только полтора месяца тому назад.

Воля к власти у адмирала Колчака, как показалось в то время, совершенно отсутствовала. Если в петроградский период он с подъемом шел навстречу революционной буре, то теперь, испытавши немалые трения, видимо, он обнаружил уже признаки заметного разочарования.

Полупассивное настроение Верховного правителя явно не понравилось тогда автору настоящих воспоминаний. В единоличном принципе верховной власти, призванной сломить такого серьезного и жестокого врага, как большевики, – что можно было видеть иное, как ни самую твердую диктатуру, черпающую силы и уверенность только из своего собственного волевого «Я», не знающего ни страха, ни препятствий.

Лицо, на которое пал такой ответственный жребий, должно было бы отличаться сверхъестественными качествами не только военачальника, но и политика, активиста, пропагандиста, именно такого, какими мы раньше видели хотя бы того же Керенского, а потом Ленина, Троцкого и других.

Адмирал не должен был бы оставаться только «адмиралом», но, как вынес свое впечатление автор настоящих воспоминаний в Омске, А. В. Колчак был не на своем месте…

Он не вдохновлял на политический подвиг людей, он не имел с ними общего языка, он не импонировал, наконец, ни своим пафосом, ни своим политическим обоснованием. Будучи адмиралом, он не правил тем государственным кораблем, который попал, почти случайно, под его управление, но он сам плыл по «воле волн» неустойчивой и разнобойной политики и подпадал под различные персональные, партийные и даже иностранные влияния…

В Омске адмирал Колчак создал самую обыкновенную канцелярскую рутину во всех министерствах и ведомствах и дал возможность развиться невероятному бюрократизму там, где должна была властвовать только одна жизнь, кипучая, творческая, созидательная.

На этой почве потом пышным цветом распустилась канцелярская мертвечина, которая убила и само дело, и самого же несчастного адмирала А. В. Колчака.

Под этими ничего не сулящими настроениями приходилось приступать автору сих воспоминаний к работе в должности помощника начальника Главного штаба Омского военного министерства.

Не чувствовалось уверенности в том, что безгранично тяжелая задача пресечения широко развившегося интернационального движения в России и восстановления нормального правопорядка в стране или хотя бы в такой ее части, как в Сибири, могла быть достигнута под властью адмирала А. В. Колчака. Может быть, подобному выводу и настроению способствовали воспоминания петроградского периода совместной работы с адмиралом, когда последний предназначался на возглавительные роли в дни корниловского движения…

Как-никак, надо было находить выход из положения в том виде, в каком оно создалось ко времени приезда автора настоящих воспоминаний в Омск и постараться приложить все свои силы и знания для служения тому делу, которое было естественным и прямым, то есть военному.

Опыт львовщины, керенщины и корниловского провала слишком хорошо еще сохранился в памяти для того, чтобы с легким сердцем можно было бы подходить снова к вопросам восстановления государственности после того, как таковая начисто оказалась разгромленною и утраты которой не могли в свое время предупредить все предшествовавшие октябрьскому перевороту всероссийские правители и правительства.

Положение Колчака было во много раз труднее и ответственнее потому, что он принял на себя власть всероссийскую через промежуток времени в полтора года, в течение которого необъятные области России начали уже осваиваться с мыслью о фактическом отсутствии в России законного монарха и о возможности устраивать новую жизнь на началах широких местных автономий, зачастую преследующих цели даже полного отделения от России.

Большевистская же пропаганда, в свою очередь, забила в головы масс такие идеи, от которых связь с прошлым еще больше разрывалась.

Все это красноречиво говорило о том, как велика и беспредельна была миссия адмирала А. В. Колчака в 1918–1919 годах…

Ему воистину надо было бы родиться титаном для того, чтобы вынести на своих плечах благополучно тот рок судьбы (иначе как роком трудно назвать то положение, в котором оказался в Сибири Колчак) и не загубить окончательно последних возможностей, которыми располагало в то время антибольшевистское русское движение.

Нам, современникам, еще трудно быть беспристрастными судьями этих печальных событий, тем более что в каждом из нас есть частица ответственности за все содеянное нами и упущенное в былых возможностях.

Но кому много дано, с того много и спрашивается…

Адмиралу А. В. Колчаку было «много дано», но спрашивать от него не пришлось, так как рок судьбы освободил его от последующей тягчайшей ответственности.

Да не в суд и не в осуждение будь сказано, но надо, во имя отвлеченной справедливости перед историей белого (национального) русского движения, признать, что натворено было много грубейших ошибок и упущений, в результате которых была потеряна армия, территория и золотой национальный запас…

Всем этим воспользовался Третий интернационал не потому, что он был силен и непобедим, а потому, что тот, кому «много было дано», не справился со своей задачей и не имел гражданского мужества и чутья своевременно передать свою власть более сильному лицу или крепкой организации.

Надо честно признать, что те, которые выдвинули адмирала Колчака на такую недосягаемую высоту государственного долга и служения, тоже совершили не меньшую, чем он сам, ошибку, ибо, сделав эту ошибку, они могли бы и исправить ее, преподав адмиралу своевременный совет к последующему самоустранению.

Они, кто возвели адмирала, не могли не видеть того, что экзамен на контрреволюционного полководца, политика, экономиста и дипломата он совершенно не выдержал с первых же месяцев своего верховного управления. Особенно тягостны были последствия от промахов в области выбора внешней ориентации и от полного неучета и неиспользования помощи движению в Сибири со стороны Японской империи[102].

Этого промаха будущая история никогда не простит.

Столица Верховного правителя

Будучи Верховным правителем и в то же время Верховным главнокомандующим, адмирал А. В. Колчак избрал для своей резиденции город Омск, главный центр Акмолинской области, который в дореволюционное время был резиденцией Степного генерал-губернаторства.

Находясь в Западной Сибири, на главной магистрали Великого Сибирского железнодорожного пути, город Омск вполне подходил для своего первого предназначения, то есть для Ставки адмирала Колчака как Верховного правителя. Хотя этот вопрос можно было бы и оспаривать, доказывая, что города Томск и Иркутск еще больше бы ответили этому назначению, однако первый период зарождения антибольшевистского фронта на Волге и на Урале сам по себе подсказал это решение в пользу бывшей резиденции Степного генерал-губернатора.

Имея теперь в печальном итоге полный опыт Белого движения в Сибири, можно было бы, пожалуй, настаивать на том, что, если адмиралом Колчаком не были избраны столицами ни Томск, ни Иркутск на первое время, то, во всяком случае, в один из этих пунктов и скорее даже в Иркутск надо было бы перенести резиденцию Верховного правителя в тот период движения, когда надо было думать о серьезном укреплении авторитета антисоветской русской власти во всей Сибири и распространять ее в полной мере и на весь Дальний Восток.

Тяготея к Москве, в которую хотели, вообще, скорее попасть «на перегонки» с генералом А. И. Деникиным, и опасаясь под влиянием агитации американофилов подпасть под «контроль» Японии, министры Омского кабинета (Сукин[103] и др.) не давали совета Верховному правителю в этом направлении.

Печальная развязка, наступившая в конце 1919 года, только подтвердила справедливость того мнения, что слишком затяжное пребывание правительства адмирала А. В. Колчака в Омске привело последнее к катастрофическому концу, ибо, если бы значительно заблаговременно оно передвинулось бы в Иркутск, то там не было бы допущено образования так называемого «Политического Центра»[104], погубившего все движение в Сибири и нанесшего адмиралу А. В. Колчаку прямой удар в спину.

Будь Иркутск столицей освободившейся от большевиков Сибири и установи адмирал Колчак прямой и ясный союз с Японией,

никогда не добились бы большевики того успеха, которого они достигли с такой легкостью лишь только потому, что без сопротивления и препятствий преследовали «по пятам» отступающую армию адмирала, и на ее «плечах» ворвались в западную и центральную Сибирь.

Дальность расстояния между Омском и Читою также послужила причиною того, что авторитет правительства адмирала Колчака, как и самого Верховного правителя, не распространился на Забайкальскую область, в результате чего нормальная работа глубокого тыла отсутствовала от начала освободительного движения в Сибири и по день гибели адмирала. Пересидевши все дозволенные благоразумными расчетами сроки в Омской столице, громоздкие учреждения министерств, личной ставки адмирала и кладовые государственного золотого запаса в последний момент эвакуации забили все пути единственной железнодорожной Сибирской магистрали и отняли у армии необходимые для нее последние подвижные составы, кое-как уцелевшие от захвата их чехословаками и поляками.

Судьбе угодно было подстроить в финальном акте Белого движения так, что выдающемуся флотоводцу адмиралу Колчаку пришлось совершать ледяной поход по дремучей сибирской тайге, а выдающемуся кавалерийскому генералу Врангелю – совершать морской поход по бурному Черному морю…

Привычка флотоводца к одновременному поднятию флота в поход, очевидно, сказалась и при эвакуации Омска, где вместо легко подвижных военных кораблей фигурировали неуклюжие и неповоротливые эшелоны, вытягивать в поход которые надо было с терпением и не вдруг…

Голова «кильватерной колонны» отступающих и растянувшихся на 4000 верст железнодорожных эшелонов достигла берегов Тихого океана, в то время как хвост ее еще не успел оторваться от Омска и оказался захваченным уже большевиками.

Неудачный в конечном итоге выбор резиденции Верховного правителя предрешил, таким образом, провал Белого движения во всесибирском масштабе.

Центральные военные учреждения Омска

Когда началась Великая мировая война и Верховным главнокомандующим Русской армии и флота был назначен великий князь Николай Николаевич[105], то для Ставки его по этой высокой

должности была предоставлена узловая железнодорожная станция Барановичи, находящаяся в нескольких стах верстах от боевой линии всего русского фронта, имевшего общую линию протяжения (от моря и до моря) около 1200 верст.

После отхода наших армий в 1915 году назад, Ставка Верховного главнокомандующего была отодвинута в Могилев и находилась примерно в таком же удалении от фронта, как и во время нахождения своего в Барановичах.

Даже тогда, когда Верховное командование принял на себя государь император, Ставка Его Императорского Величества сохранила свое прежнее местопребывание в Могилеве.

В то время это было совершенно естественно, несмотря на то что длительное отсутствие государя в столице империи – Петрограде приносило некоторый ущерб общему равновесию и взаимодействию отдельных частей величайшей государственной машины управления такой обширной страной, как Россия.

Может быть, если бы император Николай II не покидал своей столицы и оставил Верховное командование в других руках, не случилось бы революции в таком по крайней мере всесокрушающем масштабе, но, во всяком случае, когда он принял решение возглавить на войне свою армию и флот, он не соединил, однако, столицы со Ставкою Верховного главнокомандующего в одном и том же географическом пункте.

Эту справку приходится приводить для того, чтобы сразу наглядно на нашем собственном примере в Великую мировую войну показать, насколько та же задача адмиралом А. В. Колчаком, как Верховным главнокомандующим, была разрешена не в соответствии с обстановкой в период Гражданской войны на Восточном (Сибирском) фронте.

Прежде всего надо подчеркнуть то обстоятельство, что в течение всего периода времени, несмотря на постоянное передвижение линии фронта то к западу, то на восток, Ставка (Штаб) Верховного главнокомандующего адмирала Колчака неизменно продолжала оставаться в городе Омске.

Оставалась она там даже тогда, когда фронт противника был на… другом берегу реки Иртыша, на котором лежит и город Омск, то есть на расстоянии всего нескольких верст.

В Омске находилась Ставка и тогда, когда фронт удален был от нее на 1500 верст, то есть находился на Волге, по линии городов Казань – Симбирск – Сызрань – Саратов…

В этот период максимального удаления фронта на запад, последний имел общую линию протяжения не больше 500–600 верст. Стало быть Ставка Верховного главнокомандующего была удалена от фронта на расстояние в три раза больше, чем было протяжение самого боевого фронта.

При сравнении этого положения с положением, которое было во время Великой войны, получается разница не в пользу положения Омской Ставки.

Трудно было, конечно, находясь на таком расстоянии от линии боевых действий, управлять ходом последних и регулировать успешное развитие главнейших военных операций против большевиков, которые свою Ставку для Восточного фронта, конечно, не держали в это время в Москве, а располагали ее в различных городах приволжской прифронтовой полосы.

Совмещая Ставку Верховного главнокомандующего с остальными учреждениями правительства и со своей личной резиденцией в Омске, адмирал Колчак сам поставил себя в полную зависимость от тех трений и путаницы, которые проистекали от того, что слишком близко соприкасались между собою те учреждения, которые не имели прямого отношения к действующей на фронте армии.

В частности, Ставка (Штаб) Верховного главнокомандующего, находясь среди других учреждений Омска и перепутавшись в непосредственных с ними общениях, настолько увлеклась и втянулась в местные омские общественно-политические и иные прочие настроения, что, незаметно для себя, утратила способность твердого руководства операциями на фронте. Ближайшим следствием такого ненормального положения явился выход из повиновения некоторых командующих армиями, входящих в состав Восточного фронта (Гайда[106] и генерал Пепеляев).

Если бы адмирал А. В. Колчак сохранил бы в своих руках только пост верховного главы нарождавшейся и восстанавливавшейся государственности, а должность главнокомандующего с самого начала передал бы – как это он и сделал, но только в конце 1919 года – другому лицу (генералам Дитерихсу, Сахарову[107] и Каппелю[108]), то дело национального движения в Сибири от этого только выиграло бы.

Принимая во внимание вышеизложенные соображения и расчеты, следовало бы штаб Верховного главнокомандующего или, как потом его проще назвали, штаб главнокомандующего Восточным фронтом (Главковосток) располагать не в Омске, а в одном из более выдвинутых в западном направлении пунктов.

Наивыгоднее всего в этом случае было бы использовать важнейшие железнодорожные узлы Приуральского района – Екатеринбург или Челябинск. Эти два пункта между собою связаны поперечной железнодорожной линией, что в отличной форме способствовало бы связи по фронту между двумя главнейшими операционными направлениями.

Пока во главе штаба Верховного главнокомандующего стоял генерал Д. А. Лебедев, человек весьма молодой и малоопытный в ведении массовых операций на фронте, штаб никак не мог оторваться от Омска. Будучи по натуре своей и по предыдущей «контрреволюционной» деятельности больше политиком, чем военным стратегом, Д. А. Лебедев не мыслил свою работу вне связи с политическими настроениями Омска, который после возглавления движения адмиралом А. В. Колчаком приобрел особое в этом отношении значение.

Только лишь тогда, когда вместо генерала Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал М. К. Дитерихс, который одновременно с сим был наименован и главнокомандующим Восточным фронтом, и Омская военная Ставка (штаб Верховного главнокомандующего) перестала играть прежнюю свою роль, образованный генералом Дитерихсом штаб Главковостока выдвинулся к западу и приблизился к фронту.

К сожалению, эта мера проведена была крайне поздно и существенного влияния на изменение в благоприятную для Белого движения сторону военно-политической обстановки не оказала.

Генерал М. К. Дитерихс понял всем своим нутром, что надо спасать прежде всего положение фронта, который в угоду омской политики и интригам оказался на положении пасынка и о котором меньше думали там, чем о вопросах внутренней борьбы, разгоравшейся в то время в различных канцеляриях столицы Верховного правителя.

Правильно решив первую часть этой задачи и быстро покинув Омск, генерал М. К. Дитерихс допустил, однако, при этом непростительную для него, как старого офицера Генерального штаба, ошибку. Взяв с собою в качестве начальника штаба Восточного фронта также малоопытного, явно бесталанного и известного в то время интригана и пьяницу полковника Д. Н. Сальникова[109], генерал М. К. Дитерихс бросил на произвол судьбы весь вопрос тыла и управления им.

Сильно распухшая к этому времени по своему личному составу и по сформированным различным управлениям Ставка Верховного главнокомандующего, оставшись без начальника штаба, обратилась в громоздкое и совершенно мертвое тело, которое не только ничем не управляло, но наоборот, сразу все затормозило и запутало в тылу быстро отступающих и наполовину деморализованных сибирских армий...

Сменивший генерала Дитерихса перед самым падением Омска генерал К. В. Сахаров, несмотря на самую отчаянную и завидную энергию, которую он проявлял всегда и во всем, фактически не успел, конечно, выровнять совершенно разрушенного таким образом высшего военного управления на фронте армий Верховного правителя адмирала А. В. Колчака.

Страшная катастрофа эта наложила свой смертельный отпечаток и на весь последующий ход военных действий в Сибири, вследствие которых Сибирский фронт окончательно утратил свою боеспособность и мог только безудержно и бесконечно отступать до Байкальского озера.

Страшно сказать, но на протяжении 2000 с лишним верст эти армии не смогли дать ни одного мало-мальски серьезного сражения и не могли задержать немногочисленного противника ни на один лишний день!..

Вот к каким печальным выводам приходится приходить прежде, чем коснуться внутренней стороны деятельности высших органов военного управления в Омске в тот период, когда там должна была укрепляться идея решительной борьбы с воинствующим большевизмом и когда была поставлена такая высокая идея, как освобождение... Москвы от власти Третьего интернационала.

Однако вернемся снова к внутренней жизни Омска и посмотрим, что же там творилось в это ответственное историческое время...

В момент прибытия автора сих воспоминаний в Омск наличное число офицеров Генерального штаба, находившихся в распоряжении правительства адмирала А. В. Колчака, было сравнительно невелико. Главная масса их, которая была в действующей армии, попала преимущественно на Деникинский фронт.

В сибирских частях и штабах по тому времени вообще состояло самое ограниченное число чинов Генерального штаба, большинство из которых находилось еще в Европейской России, куда они были переведены на службу или ушли с войсковыми частями по обстоятельствам военного времени.

С открытием Волжско-Сибирского антибольшевистского фронта, то есть с момента восстания чехословацких эшелонов и с началом действий русских добровольческих отрядов на Волге и в Сибири, по эту сторону фронта оказалось лишь несколько офицеров Генерального штаба из числа тех, кто случайно в это время был на Волге, как например генерал В. О. Каппель и его ближайшие сотрудники, или находился в составе чехословацких частей, как например генерал М. К. Дитерихс и др.

С течением времени прибывали в Сибирь отдельными небольшими группами некоторые офицеры Генерального штаба из армии генерала Деникина, как например генералы Д. А. Лебедев, Нагаев[110], Карцев[111] и др.

Прибывали и из глубокого тыла из Харбина, как например генералы Н. А. Степанов, Марковский, П. Г. Бурлин[112], Н. В. Лебедев[113], Дашкевич-Горбацкий[114] и др.

Были потом в Сибири, в предагонийный период существования там белой власти и весьма далекие пришельцы из Парижа – генералы Н. Н. Головин[115] и Занкевич[116], полковники Котович[117], Ракитин[118], Григорьев[119] и Базаревский[120].

Прорывались и одиночным порядком сюда, как например: автор настоящих воспоминаний, полковник Церетели[121] и др.

И, наконец, как бы составляя главный кадр будущего Сибирского Генерального штаба, прибыл, после мытарствований на разных положениях, в полном составе в Сибирь кадр профессоров, преподавателей и слушателей Императорской Военной академии (Генерального штаба) во главе с начальником ее генералом А. И. Андогским…

Казалось бы, что из состава чинов последней должно было бы быть составлено главное ядро Генерального штаба адмирала А. В. Колчака, как Верховного правителя и как Верховного главнокомандующего.

В составе учебного и административного персонала Военной академии было достаточное число старших и опытнейших офицеров Генерального штаба, из которых можно было смело сорганизовать полный штат главнейших высших военных учреждений, таких как штаб Верховного главнокомандующего, штабы армий, Главный штаб и штабы тыловых военных округов.

По своему непререкаемому авторитету и имея в своем непосредственном распоряжении несколько десятков офицеров – слушателей академии, которые проходили, как говорится, на походе,

«школу колонновожатых», эти опытные в большинстве генералы Генерального штаба могли бы в короткий срок взять, по крайней мере на первое время, в свои руки бразды правления во всей военной организации в Сибири и на Волге.

Однако по странному «предубеждению» к этому вопросу со стороны некоторых ответственных по своему влиянию в окружении адмирала Колчака лиц, вся академия все же оказалась... не у дел. В таком печальном и угнетаемом состоянии ее держали на протяжении... всей сибирской эпопеи.

Почему-то признано было необходимым «продолжать обучение» слушателей академии для подготовки их к занятию будущих должностей Генерального штаба, тогда как вопросом о том, хватит ли для этого времени и возможности, то есть позволит ли вообще военно-политическая обстановка такую роскошь, как нормальные академические занятия, никто, по-видимому, серьезно не задумывался.

Когда автору сих воспоминаний при первых шагах своей служебной деятельности пришлось поднять этот вопрос, то на него набросились с такими явными предубеждениями, что только младенцу можно было бы не понять, что тут вопрос стоял вовсе не в том, что «надо было обучать» молодых офицеров военному искусству (это было явно бесполезно по той неустойчивой обстановке), а в том, что некоторым лицам, уже получившим «тепленькие местечки», не хотелось их уступать более достойным и знающим свое прямое дело генералам.

Больше всего почему-то неистовствовал в этом вопросе начальник Главного штаба генерал Марковский, поддержку в котором он видел при этом от военного министра адмирала Колчака – генерала Н. А. Степанова...

Они оба – два вершителя омского военного Олимпа – почему-то предали остракизму и позорному бичеванию всех чинов Военной Императорской академии, несмотря на то, что в составе ее были весьма почтенные профессора, в свое время обучавшие того же Марковского и Степанова...

История возникновения малопонятной травли против всего состава Военной академии относилась отчасти на счет самого начальника академии генерала А. И. Андогского, которому не могли никак простить его участия в переговорах с немцами при заключении большевиками мира в Брест-Литовске, отчасти потому, что на пути проникновения в Сибирь, прежде чем попасть в армию адмирала А. В. Колчака, академия сохраняла свое полулояльное отношение к большевикам.

Странное творилось в этом направлении в Омске вообще вот взять хотя бы вопрос с этой академией. Если уже она и особенно ее начальник признаны были «неблагонадежными» в политическом отношении, то не следовало ли просто раскассировать ее полностью и виновных привлечь к законной, по тому времени, ответственности.

Однако в те времена и генерал Степанов, и его ближайший помощник Марковский предпочитали предавать людей моральному распятию, то есть привлекать их на ту или иную службу, но в то же время держать их под тяжестью интриг и бесконечных, совершенно ни на чем не обоснованных, обвинений в... большевизме.

В больном мозгу Марковского это, может быть, было и естественно, но лица, на которых он, в данном случае, пользуясь своим высоким служебным положением, возводил эти «обвинения», испытывали невероятные нравственные мучения.

Только чувство долга перед распинаемой большевиками родиной заставляло скрепя сердце переносить эти трения и обиды, исполнять прямые обязанности по службе в обстановке, которую создал в этом отношении в Омске маньякальный начальник Главного штаба адмирала А. В. Колчака.

В глубоком тылу в университетском городе Томске было назначено место официального расположения Военной академии, но по существу это было местом ссылки русских военных профессоров, связи с которыми чванный омский военный Олимп поддерживать совершенно не желал...

На короткое время, когда влияние Степанова и Марковского было ослаблено, из состава академии привлекались для несения старших штабных должностей генералы Андогский, Рябиков[122] и другие, но потом, когда запахло развалом позиции адмирала А. В. Колчака и в воздухе повисла неизбежная эвакуация, они снова возвратились в академию и откатились с нею в Харбин и во Владивосток.

Итак, наша военная «Альма Матер» оказалась не в милости Белого движения в Сибири и активного в нем участия не приняла. Главенствующие роли в высших военных учреждениях Омска возложили на себя в Военном министерстве и в Главном штабе старые «зубры» Степанов и Марковский, а в штабе Верховного главнокомандующего – «политический молодняк» во главе с покойным ныне генералом Д. А. Лебедевым.

Между этими двумя доминирующими в Омске военными группами сразу выросла мертвая стена взаимного непонимания и завязалась борьба, которая с течением времени приняла такие размеры,

что в конце концов адмирал А. В. Колчак вынужден был Главный штаб расформировать, а его начальника генерала Марковского, под предлогом другого назначения, из Омска убрать.

К сожалению, реформа эта была продиктована не столько велениями насущной к тому необходимости, сколько чувством затаенной борьбы и ничем не оправдываемого соревнования между двумя высшими органами военного управления, районы и сферы деятельности которых должны были не исключать, а дополнять друг друга.

Автор настоящих воспоминаний прибыл в Омск в период, когда Главный штаб существовал только по названию, ибо к прямой организации его генерал Марковский как следует приступить еще не успел, но зато он уже в достаточной мере напортил свои личные отношения с «молодой Ставкой», авторитета которой он явно признавать ни над собой ни вообще не хотел...

«Рогатые» отношения между штабами Марковского и Лебедева были очевидными сразу для всех. Приходится только удивляться, как этого долго не замечал сам адмирал А. В. Колчак.

В лице вновь прибывшего полковника Генерального штаба Г. И. Клерже генерал Марковский усмотрел, как об этом он сам выразился при первом служебном представлении, необходимого для себя помощника, который по предыдущей своей практике хорошо был знаком с организацией высших военных учреждений.

Принимая должность помощника генерала Марковского в Главном штабе, автор настоящих воспоминаний должен был наладить прежде всего службу Генерального штаба, на которой лежали главнейшие задачи по обслуживанию действующей армии во всех отношениях, а также и по организации военных округов, находящихся вне театра военных действий и подчиненных Военному министерству. Естественно, что в столь ответственной работе требовалась полная согласованность и солидарность работы со штабом Верховного главнокомандующего, от которого поступали требования, вызывающиеся обстановкой на фронте. В его же распоряжение должны были быть поданы соответствующие пополнения как живой силой, так и всеми видами материального снабжения.

Хотя находившаяся в том же городе Ставка несколько стесняла свободу распоряжения всеми необходимыми средствами военного ведомства, тем не менее это вполне было бы терпимо, если бы между двумя высокими военными учреждениями существовали бы вполне нормальные и взаимно доброжелательные отношения.

Пользуясь личными приятельскими отношениями со старшими чинами штаба Верховного главнокомандующего, которые были сверстниками и даже младшими сослуживцами автора настоящих воспоминаний, последний, несмотря на существовавшие трения между генералами Марковским и Лебедевым, решил действовать в полном контакте с ними, добиваясь одновременно и того, чтобы существующее «разногласие» было постепенно ликвидировано.

Учитывая некоторую нервность и невоздержанность самого Марковского, приходилось проявлять максимум такта и внимания ко всякого рода вопросам и положениям, чтобы при разрешении их не задеть «самолюбия» лиц, пользующихся одинаковыми служебными правами и положением и друг другу не подчиненных...

«Блажен, кто верует»... омская печальная практика показала, что подобная вера была напрасна... Олимп Главного штаба, хотя первое время и смотрел как будто сквозь пальцы на налаживавшийся «альянс» между помощником начальника Главного штаба со штабом Верховного главнокомандующего, тем не менее в тайниках своей души именно этого «альянса» явно не одобрял.

По нормальным понятиям это называлось бы работа согласованная, а по понятиям генерала Марковского классифицировалось проще – ...«снюхались».

И вот за это своеобразное «снюхивание» между двумя высокими военными Омскими учреждениями автору настоящих воспоминаний пришлось испить чашу горьких испытаний и перенести массу незаслуженных обид и унижений...

На виду у серьезнейшего и жестокого противника, в то время как дорога была каждая минута полезной работы на укрепление антибольшевистского фронта, такое уродливое положение было не только нетерпимо, но было и просто преступно...

В течение января и февраля месяцев 1919 года работа в Главном штабе, который в это же самое время сам и организовывался, протекала весьма интенсивно и с полным напряжением. Создались отделы Генерального штаба, главное направление деятельностью которых было сосредоточено в руках пишущего эти строки.

Так как сама жизнь выдвигала живые вопросы, на которые приходилось реагировать немедленно и непосредственно, то создавшийся кипучий характер самой деятельности службы Генерального штаба привлекал к себе общее внимание и расположение.

В свою очередь, это способствовало выдвижению на первый план тех лиц, которые принимали в этой работе то или иное, а тем более видное участие.

Как на грех именно этот успешный темп развития работы в Главном штабе, столь удачно согласовываемый со штабом Верховного главнокомандующего и с Военным совещанием, которое отпускало кредиты, привел автора настоящих воспоминаний к еще большим служебным неприятностям и осложнениям с генералом Марковским.

Под влиянием «шептунов» он вообразил, что под его репутацию, как начальника Главного штаба, идет «подкоп» со стороны его же помощника, который якобы только «спит и видит» как бы своей выделяющейся из общего фона работоспособностью и распорядительностью невыгодно оттенить «ограниченную деловую способность своего прямого начальника»...

Чем больше налегал помощник начальника Главного штаба на работу, тем больше ревновал его к этой работе начальник этого штаба...

Получилась невероятнейшая какофония отношений и понятий.

Стремясь проявить свою деятельность, генерал Марковский временами пробовал перекладывать на свои плечи главнейшие вопросы штаба, а иногда даже и мелочи, которые мог бы сделать любой писарь, как например, вскрытие несекретной почты, но повозившись с этим некоторое время и видя, что дело от этого только запутывается, снова возвращал дела в руки своего помощника...

«Шептуны» же не дремали и сильно настраивали больное самолюбие слабого в своих организационных способностях и нерешительного в принятии решений генерала Марковского.

Услужливо, а иногда и по прямому приказу самого генерала Марковского заработала против автора настоящих воспоминаний и... контрразведка Главного штаба, которая была сначала подчинена помощнику начальника Главного штаба, но когда Марковскому нужно было использовать ее против своего же помощника по службе, то он переподчинил ее непосредственно себе...

Был применен уже испытанный прием «обвинения в большевизме».

По линии контрразведки был дан приказ «добыть» какой-либо компрометирующий материал…

И, надо отдать должное энергии контрразведчиков, которых в этом направлении долго учить не приходится, «материал» был добыт, но так как он ничего компрометирующего собою не представлял,

то его сдобрили всевозможными пошлыми выдумками и в таком виде представили генералу Марковскому, а он, в свою очередь, при особой «конфиденции» преподнес его военному министру генералу Н. А. Степанову.

Очевидно, тот тоже не преминул этим «материалом» запорошить и без того задерганные мозги и нервы адмирала А. В. Колчака...

Словом, эта мерзкая игра в «подозрении по большевизму», широко культивировавшаяся такими ограниченными бездарностями, как Марковский, принесла свои печальные всходы.

Ударяя по своему прямому помощнику по службе таким пакостным и грязненьким приемом, начальник Главного штаба сам разрушал ту работу в штабе, за которую он же и должен был бы быть ответственным.

И Главный штаб, и штаб Верховного главнокомандующего, каждый в отдельности, имели свою контрразведку. Во главе первой стоял дряхлый жандармский генерал Бабушкин[123], а во главе второй – жандармский полковник Злобин[124]. Между собою эти две разведки то воевали, то ладили. Зависело это от того, как жило между собою высшее начальство, стоявшее над этими двумя секретными аппаратами штабной службы.

В данном случае, так как между Марковским и генералом Лебедевым были явные нелады, то и эти две разведки находились в «полувраждебных отношениях»... В таком случае, если одна «добывала» какие-либо сведения, то другая обязательно должна была разоблачать первую.

Так было и в период ожесточенной борьбы между двумя высокими омскими штабами. Когда бабушкинская контрразведка «ублажала» требования Марковского и доставляла ему всякие небылицы про тегеранский и пермский период «большевичания полковника Клерже», то злобинская сейчас же об этом самом «ублажении аппетитов Марковского» доносила в штаб Верховного главнокомандующего на имя генерала Д. А. Лебедева и его ближайшего помощника генерал-квартирмейстера полковника Церетели. Последний в штабе Верховного находился на таком же служебном положении, как и полковник Клерже в Главном штабе, и так как между ними существовали, кроме того, личные приятельские отношения, ибо они оба были сверстниками по службе в Генеральном штабе и в одно и то же время вместе окончили Военную академию, то все то, что Злобин доносил, полковник Церетели немедленно, для сведения, сообщал также в порядке строгой конфиденции полковнику Клерже.

Продолжая соблюдать полную служебную корректность в отношении генерала Марковского, который уже подумывал о вызове из Харбина нового себе помощника в лице молодого и малоопытного по службе в высших штабах полковника К. К. Акинтиевского[125], автор настоящих воспоминаний настаивал перед полковником Церетелли, в ведении которого находились все офицеры Генерального штаба, состоящие в штабах и частях действующей армии и не подчиненные ни Военному министерству, ни Главному штабу, о том, чтобы его перевели на учет штаба Верховного главнокомандующего.

Этим путем предполагалось выйти наконец из того тупика ненормальностей, которые создались в тягостной атмосфере Главного штаба.

К сожалению, ни полковник Церетелли, ни генерал Лебедев не разделяли этого вполне естественного желания полковника Клерже и продолжали настаивать на том, чтобы он оставался на своем прежнем тяжелом посту и способствовал бы дальнейшему развитию вопросов действующей армии в той мере, в которой они зависели от Главного штаба и Военного министерства. Кроме того, генерал Д. А. Лебедев в утешение говорил о том, что Верховный правитель уже решил реформировать все военное управление и слить в одно целое и Ставку, и Главный штаб...

Приходилось подчиняться создавшемуся положению и, скрепя сердце, ждать или улучшения отношений между штабами, или их полной новой реорганизации.

Однако последующая практика показала, что излишняя настойчивость чинов штаба Верховного главнокомандующего, хотя и привела, в конце концов, к слиянию указанных двух штабов (чего делать, собственно говоря, вовсе не следовало бы), тем не менее она поставила автора настоящих воспоминаний лицом к лицу с окончательно рассвирепевшим и потерявшим всякое самообладание генералом Марковским и привела его к резкому служебному с ним столкновению...

Молодая Ставка пошла, как говорится, «ва-банк» и решила сокрушить «ретроградный» Главный штаб. Очевидно, состоялись какие-то важные доклады Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку, в результате которых последним был дан генералу Д. А. Лебедеву приказ о назначении его военным министром (с сохранением должности начальника штаба Верховного главнокомандующего).

Ему же было поручено Главный штаб расформировать и чинов последнего влить в части и управления по новому распределению...

Этот неожиданный поворот обстановки застал генералов Степанова и Марковского почти врасплох. Попытавшись сначала восстановить покачнувшееся их высокое служебное положение и потерпев в этом направлении полную неудачу, они решили, пользуясь тем, что письменного приказа Верховного правителя еще не последовало, всячески на этом играть и проведение новой реформы штабов в жизнь тормозить, попросту говоря, саботировать…

Ставка же вошла в свои новые права и начала отдавать свои новые реорганизационные приказы, которые должны были распространяться и на весь состав чинов прежнего Главного штаба.

Техническую сторону проведения реформы слияния двух штабов генерал Д. А. Лебедев, как уже совмещающий две высшие должности, поручил своему помощнику по должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра, Генерального штаба генерал-майору П. Г. Бурлину.

Собрав в помещении Ставки, располагавшейся по-прежнему в здании Управления Омской железной дороги, всех старших чинов Ставки и Главного штаба, П. Г. Бурлин объявил им новое распределение должностей в штабе Верховного главнокомандующего, к которому отныне переходили все функции и дела бывшего Главного штаба.

Присутствовал на этом собрании и пишущий настоящие строки, как предназначенный для нового назначения в объединенный высший военный аппарат Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака.

Согласно нового распределения должностей, автор настоящих воспоминаний назначен был на должность 3-го генерал-квартирмейстера, в сферу деятельности которого отходили некоторые функции прежнего Главного штаба и, главным образом, вновь созданное Осведомительное управление.

1-м генерал-квартирмейстером, ведающим оперативной частью, остался состоявший в той же должности в прежней Ставке полковник Церетелли, 2-м генерал-квартирмейстером, ведающим разведывательной и военно-дипломатической частью, был назначен профессор Военной академии симпатичнейший генерал П. Ф. Рябиков, дежурным генералом, состоявшим в той же должности в прежней Ставке – полковник Леонов[126] и начальником военных сообщений – преподаватель Военной академии полковник Сапрунович[127]…

Изложив некоторые инструктивные указания, генерал П. Г. Бурлин, обращаясь к автору настоящих воспоминаний, заявил, что для 3-го генерал-квартирмейстерства отводится бывшее помещение Главного штаба, располагавшегося до этого времени в здании бывшего Омского реального училища.

Когда в ответ на это генералу Бурлину было заявлено, что пока в помещении Реального училища является хозяином генерал Марковский, начало работ нового генерал-квартирмейстерства в нем не представляется удобным и, при неожиданно создавшемся новом положении, следовало бы избавить автора настоящих воспоминаний от необходимости вступать с генералом Марковским в какие-либо личные по этому поводу переговоры или формальности. Генерал П. Г. Бурлин при всех присутствующих громогласно заявил, что о состоявшемся приказе Верховного правителя генерал Д. А. Лебедев лично уже поставил в известность как бывшего военного министра генерала Н. А. Степанова, так и бывшего начальника, также бывшего уже Главного штаба генерала Марковского. Поэтому никаких препятствий к открытию работ нового учреждения Ставки в помещении реального училища не... должно быть.

Тем не менее эти «препятствия» оказались и завершились они грандиозным скандалом, в котором генерал Марковский перешел все границы такта, столь необходимого в его высоком служебном положении вообще и как офицера Генерального штаба в особенности.

За последние дни, перед объявлением новой реформы обоих штабов, автор настоящих воспоминаний, дабы избегать нежелательных разговоров и столкновений со своим, изменившимся до неузнаваемости начальством, старался воздерживаться от непосредственных встреч с ним и даже несколько дней под предлогом болезни не посещал помещения штаба.

Когда на основании распоряжения Верховного правителя пришлось обратиться к новым занятиям и в силу этого явиться в помещение бывшего Главного штаба, то генерал Марковский счел себя почему-то этим фактом кровно обиженным и решил деловой работе в новой должности пишущему эти строки воспрепятствовать.

Не подействовали на этого странного упрямца и личные разговоры генералов Лебедева и Бурлина. Он настаивал на своем и вознамерился доказать, что он, и никто иной – хозяин в помещении Реального училища...

Это самодурство и каприз до некоторой степени еще были бы, пожалуй, объяснимы, если бы имели место в каком-либо провин-

циальном глухом захолустье, где мелкомещанское самолюбие какого-либо почтового почтмейстера «требовало бы» в глазах какой-либо Пульхерии Ивановны показать, как велика власть этого самого почтмейстера…

Но, к стыду нашему, надо сознаться, эта беспримерная мещанская манера проявления своего уязвленного самолюбия была совершенно неуместна в условиях серьезной омской действительности.

Мало того, что Марковский вообще ничего полезного за четырехмесячное управление Главным штабом не сделал, но он пытался даже вредить и той работе, которая была предопределена потом и без его участия...

Надо отметить при этом, что он не постеснялся чуть ли не с первого месяца совместной с полковником Клерже службы добиться у того же военного министра генерала Н. А. Степанова согласия на организацию особой расследовательной комиссии, которой было поручено производство дел во всех тех случаях, когда кто-либо «подозревался в большевизме». Одним из «видных дел» этой комиссии было, конечно, и дело о… помощнике начальника Главного штаба...

Каково?!!!.

Это только большевики могли додуматься до такой иезуитской системы, по которой, с одной стороны, лицо как бы облекалось неограниченным служебным доверием на высоком официальном посту, а с другой стороны, против этого же самого лица возводилось полуофициальным порядком обвинение в причастности его к контрреволюции. Это лицо не могло ни оправдаться от подозрений, так как не от него самого оправдание это зависело, ни отказаться от несения официальной должности до выяснения обстоятельств расследования, так как служба была обязательна и отказ от нее грозил еще большим обвинением в предумышленном саботаже...

Словом, бедному Омску в этом направлении глубоко «посчастливилось»: во главе центрального военного учреждения оказалось такое лицо, которому лучше было бы на это же самое время отсидеться где-либо в желтом доме.

Генерал Марковский ведь был одним из старших офицеров Генерального штаба в это время в Сибири и, казалось бы, кому же, как не ему надлежало бы и дать наиболее яркий пример образцовой работы и служебного такта остальным более молодым его сослуживцам по тому же штабу!

Слишком молод был генерал Лебедев и все его подчиненные в Ставке, и тем легче было бы генералу Марковскому приобрести

среди них вполне доступный для него в то время авторитет и даже влияние на ход важнейших дел и решений в этой самой Ставке.

Немножко вдумчивости и общего доброжелательства и, наверное бы, работа в высших штабах Омска протекала бы совершенно гладко и дружно, а это, в свою очередь, не привело бы фронта к такому тяжелому внутреннему и внешнему потрясению, которого он, в конце концов, и не выдержал.

С этой точки зрения, справедливый будущий историк Белого движения в Сибири не один раз, вероятно, задумается над той глубочайшей драмой, которая раскрывается настоящими строками и печальным повествованием...

В борьбе с большевиками нам всем было очень тяжело, но явления, подобные только что обрисованным, и которые никогда не должны быть забытыми, еще больше усложнили наше положение и облегчили большевикам достижение над нами незаслуженной ими победы.

Возвращаясь снова к факту личного, вернее, служебного столкновения с генералом-самодуром Марковским в стенах бывшего Главного штаба, автору настоящих воспоминаний не хотелось бы останавливаться на нем совершенно в видах опасения, чтобы у читателя не получилось бы впечатления о якобы подчеркнуто субъективном освещении обстоятельств того важного исторического момента. Однако избежать этого нельзя, ибо картина драмы омского Верховного правителя будет тогда не полна и многие обстоятельства через это не будут достаточно ясны. А на них-то и следует упереть главнейшее внимание, чтобы понять основные причины проигрыша нами вооруженной борьбы с большевиками.

Автор настоящих воспоминаний весьма далек от мысли «обвинять ради обвинения» и больше всего боится впасть в критику других ради каких-либо причин или в стремлении личного самооправдания.

В этом нет никакой нужды ни для самого автора, который ни от какой ответственности за это время совершенно себя не освобождает, ни для истории, которая будет разбираться в этом же вопросе и по другим источникам и материалам.

Однако принцип – кому много дано, с того много и спросится – требует того, чтобы разлагающий характер работы наиболее ответственных лиц не остался бы не заклейменным.

Конечно, нельзя утверждать, что разлагатели отмеченного выше порядка являлись бы сознательными пособниками большевиков. В этом случае не приходится становиться на путь обычных

обвинений стиля Марковского, но, однако, нельзя не подчеркнуть еще раз того обстоятельства, что последнего рода «система» приносила большевикам гораздо большую пользу, чем вся их пресловутая пропаганда и чрезвычайные комиссии.

За свою работу в Омске генерал Марковский смело мог бы потребовать себе высокой награды непосредственно из... Москвы. И эту награду он должен был бы получить. Благодаря своей пустой фанаберии и дутому чванству, он сделал, невольно, в пользу большевиков больше того, что смогли бы сделать сотни весьма дорого оплачиваемых ими патентованных агентов-провокаторов.

Хотя и сильно сказано этими словами, но тем не менее это есть самый натуральнейший факт. И факт весьма тягостного и печального по своим последствиям значения...

Как превратно в то время понимали люди типа Марковского условия борьбы с большевиками, можно наглядно показать на примере следующего случая: когда автор настоящих воспоминаний прибыл из Перми в Омск и в самом ближайшем времени сделал в закрытом собрании старших чинов штаба Верховного главнокомандующего, и особенно для офицеров Генерального штаба, сообщение на тему о системе большевистской борьбы против белого фронта на основании личных наблюдений в тылу противника в течение шести месяцев (с июля по декабрь 1918 года) и воспроизвел из этого ряд совершенно реальных для пользы дела выводов, то в результате получилось «не дело, только мука»...

Оказывается, что заключение автора настоящих воспоминаний о том, что Красная армия из разрозненных отдельных рабочих отрядов и банд начинает принимать вид организуемой на европейских началах (по немецкой системе) вооруженной силы, число бойцов которой в ближайшие месяцы большевики предполагают довести до одного миллиона, что страной и армией начинает править суровыми методами строго организуемая – в порядке большем, чем обычная воинская дисциплина – коммунистическая партия, что белым надо поспешить привести свои вооруженные силы в наибоеспособнейшее состояние и что Генеральному штабу следовало бы взять на себя инициативу ведения всей борьбы в полном ее объеме по принципам, принятым у большевиков, то есть из всего наличного состава офицеров Генерального штаба в Сибири составить твердо правящую политическую касту (партию), привело некоторых узколобых вершителей омской политики к выводу, что

полковник Клерже «ведет пропаганду в пользу большевиков, восхваляет их порядки и пытается привить Белому движению коммунистическую систему и программу»...

Эти жалкие критики, обладающие болезнью, которая в простонародье называется «куриной слепотой», к крайнему удивлению, имели в Омске большее влияние, чем это допускал здравый смысл.

Конечно, приспешники Марковского и контрразведка Главного штаба не замедлили приобщить и этот «материал» к синодику обвинений полковника Клерже «по подозрению в... большевизме».

Ретрограды типа Марковского и Степанова считали, что борьба с большевиками может вестись не иначе, как по образцам «Высочайше утвержденным», и что всякая приспособляемость к методам борьбы, выдвинутым сильнейшим и опаснейшим врагом – большевиками – должна быть почитаема тем же большевизмом.

Не только пророком, но и простым объективным наблюдателем трудно было быть в этой обстановке, ибо ни в какие рамки «Высочайше утвержденных» образцов жизнь того времени подлаживаться не... хотела.

Но г.г. Степановы и Марковские тащили эту жизнь за уши и думали, что они ведут «успешную борьбу» с большевиками.

Вспоминается еще один яркий пример такого же рода, когда перешедший на сторону Сибирской армии командир большевистского полка, бывший полковник Котомин[128], сделал в публичном месте Омска аналогичного характера доклад, то его просто обозвали... провокатором, предали полному остракизму, загноили в «подозрении на большевизм» и довели до скоротечной болезни и преждевременной... могилы.

Вот за что нужно было бы выдать Марковскому и его приспешникам в Омске орден Красного Знамени... и притом самой высшей степени.

Итак, решив сорвать всю злобу на молодую Ставку Верховного главнокомандующего, которая, можно сказать, «расседлала» генерала Марковского в разгар его самодурской деятельности, последний наметил себе какой-то малопонятный для постороннего наблюдателя план дискредитации последних ее распоряжений.

Ввиду того, что эта самая Ставка выдвинула на новую высокую должность его же ближайшего помощника по Главному штабу, шипящая злоба Марковского автоматически перенеслась и на автора настоящих воспоминаний.

В воздухе чувствовалась полная напряженность неприязненных отношений, при наличии которых можно было ежеминутно ожидать всяких недоразумений и даже скандалов.

Короче говоря, на почве нежелания Марковского допустить начало работы 3-го генерал-квартирмейстерства в здании бывшего Омского реального училища, произошел открытый конфликт между автором сих воспоминаний и его бывшим начальником по Главному штабу.

Генерал Марковский в самой дерзкой и оскорбительной форме потребовал, чтобы новое учреждение, существования которого он не признает, немедленно прекратило бы работу в помещении бывшего Главного штаба, а сам генерал-квартирмейстер Ставки немедленно также покинул стены здания.

На заявление ему о том, что он ошибается в своих требованиях, ибо распоряжением Верховного правителя и главнокомандующего создалось в отношении бывшего Главного штаба уже новое положение, генерал Марковский, как упрямый бык, настаивал на своем первоначальном несуразном требовании.

Категорический отказ исполнить наглое требование генерала Марковского, который почему-то продолжал при этом себя считать прямым начальником того лица, к коему направлял он свои дикие домогательства, послужил Марковскому основанием для подачи официального рапорта генералу Н. А. Степанову о «неисполнении полковником Клерже его – начальника Главного штаба – законного приказа и с ходатайством о предании первого военному суду».

Генерал Н. А. Степанов, который в этот самый момент также уже не состоял в должности военного министра, вместо того, чтобы утихомирить расходившегося не в меру Марковского и убедить его в несвоевременности, неуместности и бестактности, при описанных выше условиях, даже в том случае, если бы случайно Марковский был бы и прав, поднимать скандал такого крупного характера, – он, наоборот, тоже, очевидно, был рад случаю «поднасолить» молодой Ставке и рапорту генерала Марковского, как говорится, дал «законный ход»...

Сажая на скамью подсудимых автора настоящих воспоминаний, как Марковский, так и Степанов втайне лелеяли мысль о срыве всех планов Ставки, которая, по их наивным расчетам, должна была бы обязательно провалиться на этом процессе и расписаться в своей «полной организационной безграмотности»...

Словом, как бы равняясь на большевистские приемы, они стремились в этом случае подражать столь широко практикуемому теперь в советской России методу создания «показательных процессов» адмирал А. В. Колчак, как водится в этих случаях, «рвал и метал», но совершенно не понимал того, что, поддаваясь на столь неумно придуманную в серьезное политическое время интриганскую удочку, он сам попадал на острие ее смертельных заусенцев...

Он так же, как и Степанов, не мог проявить своего решительного вмешательства в это дело для того, чтобы на виду у противника прекратить эту распрю генералов.

Совершивший же «тяжкое по законам военного времени преступление» полковник Клерже, вместо устранения, впредь до окончания следствия и суда, от должности, наоборот нагружается еще большим количеством ответственных задач и поручений, проистекающих от его новой роли в штабе Верховного главнокомандующего и продолжает работать в том же злополучном помещении реального училища...

Началось военное следствие и пристрастное формирование, для разбирательства этого громкого дела, состава членов Омского военно-окружного суда.

Полковника Клерже надо было во чтобы то ни стало «засудить», и посему судьи подбирались с заблаговременным давлением на их судейскую совесть... Этого требовали г.г. Марковские и Степановы и, к удивлению многих, помогали им и некоторые другие видные лица. Среди последних нельзя не назвать имени ныне расстрелянного большевиками бывшего тогда в Омске в должности командующего войсками Омского военного округа Генерального штаба генерала Матковского[129].

На него было возложено ведение предварительного следствия и формирование состава военно-окружного суда.

Чтобы не быть голословным в таком серьезном вопросе, где ставится на моральный суд общественного мнения величайший авторитет святости решения военно-окружного суда, ниже приводится дословная копия письма одного из старых кадровых русских генералов по этому поводу.

В настоящее время этот почтенный генерал проживает в Америке, но письмо, им написанное на имя автора настоящих воспоминаний, относится к началу 1921 года, то есть ко времени полной ликвидации не только всей сибирской, но и забайкальской трагических военно-политических эпопей.

«Харбин, 14 февраля, 1921 года.

Многоуважаемый Георгий Иосифович,

В 1918 году в Омске, в бытность мою инспектором артиллерии Омского военного округа, командующий войсками округа, генерал-лейтенант Матковский предложил мне быть членом суда по делу о неисполнения Вами приказания военного министра генерал-майора Степанова (очевидно, что для большего «воздействия» на психику предназначаемого в члены военно-окружного суда, было пущено в ход «увеличивающее вину обстоятельство», то есть версия о якобы неисполнении приказания самого высшего в военной иерархии лица – военного министра, тогда как это было не так. – Ред.) *и добавил, что он потому наметил меня членом суда, что я, состоя уже много лет на службе и обладая большим служебным опытом, не могу не понять того громадного преступления, которое Вы совершили, за что Вы и должны быть непременно осуждены.*

Видя, что еще до суда как бы предрешается Ваша участь и не желая попасть в ложное положение подписывающего осуждающий Вас приговор, что было бы против моей совести, если Вы на самом деле, может быть, были и не виновны, так как я о подробностях дела ничего не знал, – я уклонился от заседания в предстоящем суде под предлогом крайне необходимой мне поездки по инспектированию артиллерийских частей округа и отправился в города Томск и Ново-Николаевск.

Вместо меня генерал-лейтенантом Матковским членом суда был назначен другой генерал штаба округа.

Уважающей Вас,

генерал-лейтенант Н. Богомолец».

Что можно прибавить к этому яркому документу?!.

Действительно, вместо отказавшегося честного генерала Н. Ф. Богомольца[130] членом суда был назначен генерал-майор А. А. Агарков[131], который занимал должность в штабе Омского военного округа, кажется, дежурного генерала, и потому был в полной служебной зависимости от своего командующего войсками округа.

Этот генерал, не к чести его будь сказано, во время самого судебного разбирательства держал себя весьма подхалимисто и все «вопросики», которые он задавал на суде подсудимому и те выводы, которые он старался тут же громко высказывать и навязывать другим членам суда, явно показывали, что он из кожи лез, стараясь угодить «воле пославшего его»...

Нисколько не думая о том суровом приговоре, который грозил бы в случае, если бы суд признал подсудимого виновным и заслуживающим наказания по всем строгостям военного времени, автор настоящих воспоминаний скорбел всей душой о том, что вся эта предвзятая судебная трагикомедия отвлекала всех от серьезности положения на боевом фронте, которое с конца апреля месяца 1919 года уже находилось под знаком надвигающейся катастрофы.

Судебное же разбирательство происходило в мае и июне месяцах[132].

Как указано было выше, пишущий эти строки на все время судебного процесса ни на минуту не был освобожден от исполнения всех служебных обязанностей, и на самое присутствие на заседаниях суда смотрел, как на своего рода особую служебную обязанность... С утра раннего обычно приходилось бывать в Управлении генерал-квартирмейстерства, принимать доклады, отдавать распоряжения, потом на несколько часов в... заседание суда, в котором судят как будто бы какого-то постороннего подсудимого, потом снова в Управление, до поздней ночи приходилось проводить время за бумагами и делами. Ночью дома, примерно до 4–6 часов утра, надо было «подгонять» вопросы, которые не успели пройти через дневную работу, а на следующее утро опять то же самое.

В Омском военно-судебном ведомстве вследствие существовавшего дуализма во всей схеме военного управления (на фронте и вне театра военных действий) существовало два главных военных прокурора.

Между этими прокуратурами, как и между контрразведками, также существовало своеобразное соревнование, причем чины судебного ведомства Ставки и фронта занимали в отношении подсудимого благожелательную позицию, а другие наоборот.

Все это явилось, как любят выражаться большевики, «проклятым наследием» Марковского и Степанова, которые дух разложения и интриг внесли в жизнь Белого движения в Сибири в короткий срок настолько в серьезной степени, что от него оно не могло избавиться уже до самого своего конца.

Судебный процесс привлек к себе внимание всего военного и гражданского омского мира. Так как ему придали характер суда над «Ставкою», то толков по городу по этому поводу, конечно, было нескончаемое число.

В качестве свидетелей со стороны обвиняемого выступило свыше двадцати офицеров Генерального штаба, начиная от самого

генерала П. Г. Бурлина и кончая младшими офицерами, которые своими показаниями стремились наиболее ярко обрисовать обстановку, в которой обвиняемый оказался лишь «искупительной жертвой».

Общий смысл их показаний сводился к тому, что при норовистом характере Марковского подобного рода инциденты могли случиться с любым из них самих и во всякое время...

На стороне Марковского как обвинителя выступал только один... К. К. Акинтиевский.

Последний вдвойне имел «основания» быть недовольным подсудимым, во-первых, потому, что должность, специально предназначенная для него Марковским, ему улыбнулась, ибо Главный штаб был расформирован в момент прибытия Акинтиевского в Омск, а во-вторых, самого Марковского отправляли в почетную ссылку в Красноярский тыловой район.

С последним Акинтиевскому ехать было уже невыгодно, а оставаясь в Омске, он попадал в атмосферу, только что победившую самодурство бывшего начальника Главного штаба.

Эту неприязнь к подсудимому, которого он – К. К. Акинтиевский видел, можно сказать, впервые за всю свою жизнь, он перенес и на весь последующий период борьбы с большевиками, и в тот момент, когда Марковского уже не было, «тень его», в лице только что отмеченного офицера Генерального штаба, неизменно бросала свои темные полосы на все то, что направлено было в авторе настоящих воспоминаний к фанатическому служению национальной идее и родине.

Мрачная «тень» Марковского оказалась еще более упорной и мстительной. Примкнув к группе генералов М. К. Дитерихса и Н. А. Лохвицкого[133], эта «вторая натура Марковского» повела жесточайшую интригу против дальнейшего выдвижения по службе пишущего эти строки и, надо отдать должное, достигла своего в полной мере.

Когда на смену генералу Д. А. Лебедеву появился генерал М. К. Дитерихс, то одним из первых его распоряжений было удаление автора настоящих воспоминаний от работы в штабе Верховного главнокомандующего.

Его так же, как в свое время Марковского, назначили на должность вне Омска и которую смело мог бы занимать не офицер Генерального штаба.

Должность эта называлась начальник военно-административного управления Степной группы. Командующим же этой Степной группой, сформирование которой совершенно запоздало и никакой

пользы делу принести уже не могло, был назначен только что смещенный с должности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев.

Этот период распоряжений относится к тому времени, когда генерал М. К. Дитерихс носился, как это уже было отмечено выше, с полупьяным и шалым полковником Сальниковым по линии фронта и развалил одним «взмахом пера» все центральное управление и фронтом и тылом...

Потом, уже перед паническим оставлением Омска, заменивший Дитерихса генерал К. В. Сахаров спешно вызвал автора настоящих воспоминаний снова в штаб Верховного, но, к величайшему сожалению, эта мера оказалась чрезвычайно уже запоздалою, ибо в этот момент весь правительственный и военный Омск был посажен в нескончаемые грузные эшелоны и отползал в безобразнейшем беспорядке в сторону Ново-Николаевска и дальше.

Автор настоящих воспоминаний, понимая всю беспредельную и смертельную опасность положения, создавшегося к тому времени на фронте, и видя полную угрозу самому Омску, для спасения которого нужны были самые героические и решительные меры, будучи в тот момент в районе Кокчетава, слал в Омск настойчивые телеграммы с горячей просьбой о предоставлении ему должности начальника штаба новой армейской группы, на долю которой выпадала задача непосредственной защиты самого Омска как правительственного и военного центра, а также создания сильной опорной группы, на которую смогли бы опереться сильно утомленные и растрепанные в длительных боях отступающие на восток части армии адмирала А. В. Колчака.

Увы, эта мольба не была удовлетворена!!!

В горячий и катастрофический момент военных операций старого кадрового офицера Генерального штаба продержали на административной должности и в стороне от главного направления важнейших военных операций в то время, когда в Омске распоряжались молодые чины наскоро набранной генералом К. В. Сахаровым новой Ставки во главе с полковником Оберюхтиным[134] и другими.

К случаю говоря, этот «выдвиженец», которого почему-то генерал К. В. Сахаров выдвинул с такой молниеносной быстротой из скромных начальников отделений на высокую должность начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом, передался на сторону большевиков раньше, чем несчастная армия успела отойти от Омска до линии станций Тайга и Томск...

Как фатально ошибались наши сибирские Главковерхи и Главковостоки!!!..

Один сплошной ужас! Дитерихс «отличился» с Сальниковым, Сахаров – с Оберюхтиным. А в это время надо было спасать не только саму армию, но и целое «переселение народов», сплошной лавиной откатывавшееся с запада на восток.

Полковник Оберюхтин был скромный молодой офицер Генерального штаба, горячий работник и фантаст быстрых решений, но... со слабой личной волей и панической душой. Пока невелика была ответственность маленького штабного работника, он казался «титаном» энергии и в таком виде, очевидно, произвел благоприятное впечатление на генерала К. В. Сахарова, который тоже имел довольно ретивый характер.

Однако тот же полковник Оберюхтин оказался жалким птенчиком в момент, когда на него «навалили» не по плечу грандиозную ответственность и предоставили его самому себе в омуте паники и в общей прострации расстроенного управления армией.

Причем армия эта уже фактически перепуталась с дезорганизованным до крайности тылом. Трудно было не растеряться в этой обстановке и весьма опытному военачальнику и администратору. Еще труднее было, конечно, решение такой задачи для неуверенного в своих силах и опыте полковника Оберюхтина, или, как тогда он считался, начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом.

Как натура неустойчивая он, вероятно, быстро впал в свою собственную волевую прострацию и, видя неизбежность полной катастрофы, не нашел иного для себя решения, как перейти на сторону... большевиков.

И таких как Оберюхтин было немало, к сожалению, на белом Сибирском фронте. Некоторые из ему подобных, как например, полковники Песоцкий[136], Колегов[136], Базаревский, Григорьев и иные прочие еще с меньшим для себя внутренним душевным сопротивлением совершили этот переход на сторону врагов национальной России…

Это печальное явление всецело получило корни от того развала в организации армии, который был допущен на самых верхах управления ею.

И этот развал так ярко выразился на омском судебном процессе, к продолжению описания которого необходимо теперь снова вернуться.

Центром внимания на этом процессе была не фигура подсудимого, как отмечено было выше, но сама Ставка во главе с ее на-

чальником – генералом Д. А. Лебедевым и его ближайшим помощником генералом П. Г. Бурлиным.

Главнейшим моментом процесса, от выяснения которого зависела судьба подсудимого и ожидавшийся для него приговор, являлся вопрос: был ли полковник Клерже подчинен генералу Марковскому, когда отказался исполнить его приказ, или подчинен ему не был? Если был подчинен, то виновен и подлежит присуждению, если не был подчинен – то подлежит оправданию.

Этот простой и ясный вопрос суд мог бы фактически и не выяснять, ибо во время протекания самого процесса, который был назначен через полтора месяца после «совершения преступления», обстановка в отношении служебно-официального положения подсудимого нисколько не изменилась. Как и во время инцидента он получил только словесный приказ Верховного правителя о новом своем назначении, переданный через нового военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Лебедева и его помощника генерала Бурлина, так еще и во время самого процесса в письменной форме приказ этот оформлен не был.

Как бы сознательно затемняя эту сторону вопроса, военно-окружной суд, который находился под определенным давлением генералов Марковского, Матковского и Степанова, потратил массу времени на допрос свидетелей по этому поводу. Главнейшим из свидетелей, который мог определенно доказать суду тот факт, что полковник Клерже совершенно не был во время столкновения с генералом Марковским ему подчинен, был, конечно, генерал П. Г. Бурлин (Лебедев на процессе не выступал).

Его показания все ожидали с напряженным интересом, ибо он был и проводником в жизнь всех распоряжений, связанных с новым переформированием двух штабов в один. Он же должен был бы явиться и ответственным как за свои, так и за генерала Лебедев и Верховного правителя распоряжения, отданные в этом направлении.

– Был ли отдан письменный приказ о новом назначении подсудимого на новую должность, – задает вопрос старавшийся изо всех сил член суда генерал А. А. Агарков.

– Не был – отвечает генерал П. Г. Бурлин.

– Как нет этого приказа и по сие время, – делает в этот момент свое заявление сам подсудимый.

– А какой же приказ был отдан? – настаивает тот же член суда.

– Словесный, – отвечает помощник военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего.

– Не будете ли добры объяснить суду, – снова и снова вопрошает генерал Агарков, – равносилен ли приказ словесный письменному и не должен ли был бы таковой, если он действительно от имени Верховного правителя состоялся, быть подтвержденным обязательно письменно?..

Тут, видимо, высокий свидетель был пойман на хитрую удочку старательного члена суда и вместо того, чтобы твердо заявить, что было бы вполне правильно и законно, что всякий приказ Верховного правителя имеет одинаковую и законную силу и в письменном подтверждении не всегда нуждается, он начал, как говорится в просторечии, «плавать»...

– Приказ-то равносилен, но он должен был бы быть, пожалуй, подтвержден письменно, – замямлил неожиданно для всех шляповатый П. Г. Бурлин.

– Я предлагаю суду обратить внимание на это важное заявление свидетеля, – с особенным удовольствием подчеркнул перед всем составом суда тот же «старательный» генерал А. А. Агарков.

– Я прошу суд, – заявляет при этом снова подсудимый, – тогда потрудиться определить: кто перед Вами в настоящий момент сидит на скамье подсудимых – помощник ли начальника Главного штаба, или 3-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Кстати, вот со мной тут же на столе находится и служебный портфель с делами последнего, так как я сюда пришел прямо с занятий в Управлении этого квартирмейстерства, а не из Главного штаба, которого фактически уже полтора месяца, как не существует вовсе.

Срывался несколько раз с места и защитник подсудимого знаменитый присяжный поверенный и крупный общественный омский деятель Жардецкий[137].

Настроение публики, присутствовавшей на слушании процесса, было явно на стороне подсудимого, который во время перерывов в заседаниях получал приветствия и заявления, что судят, собственно говоря, не полковника Клерже, а «безграмотную Ставку»...

Последнему заключению публики, среди которой присутствовали почти все военные и гражданские юристы того времени, находившиеся в Омске, способствовало действительно безграмотное заявление П. Г. Бурлина. Помимо того, что своим «показанием» он

несправедливо ухудшил позицию подсудимого, и в то же время он подставил под удар и авторитет Верховного правителя.

Однако в результате судебное решение было полно комизма и компромиссных «оговорок». Суд не мог по совести признать, что подсудимый виновен в такой мере, чтобы понести полностью наказание по 105 статье Воинского устава о наказаниях, которая грозила лишением всех прав и присуждением в дисциплинарный батальон от 4 до 8 лет...

Но также суд «не мог» и оправдать подсудимого, потому что в нем сидели г.г. Агарковы...

Так вот, в своем окончательном приговоре, который постановлено было самим же судом повергнуть на «благовоззрение» Верховного правителя, вместо указанной высшей меры наказания назначено было подсудимому, виновному в том-то и том-то, один месяц ареста на дому и, кажется (в настоящее время память изменяет), чуть ли не с исполнением служебных обязанностей...

И эта комедия нужна была только для того, чтобы «ударить по носу зарвавшуюся молодую Ставку»...

Да, надо сознаться, «ретроградная» партия Марковского ликовала. Ставке действительно «утерли нос», но не в том, что она своею властью сделала, а в том, что она этой высокой властью пользоваться не умела...

Как только кончился процесс, о нем скоро все позабыли и раньше всех сам «подсудимый». О том, что через месяц после приговора, последний был представлен Верховному правителю (в это время генерал М. К. Дитерихс был Главковостоком), и им ликвидирован без остатка под видом полного помилования, автор настоящих воспоминаний узнал почти случайно, когда после ссылки в Кокчетавские степи, по вызову генерала К. В. Сахарова, снова возвратился в эвакуирующийся Омск.

Как-никак после омского процесса обе враждовавшие до сего времени военные группировки – и старая (Главный штаб) и молодая (Ставка) нанесли взаимное друг другу поражение. Их поражением воспользовалась, если так можно выразиться в этом случае, третья группа, и эта группа шла под флагом генерала М. К. Дитерихса.

Но лучше ли от этого стало?

Не объединив, а разрознив молодую и старую группы еще в большей степени и бросив, как указано было выше, весь центральный аппарат военного управления на произвол судьбы, генерал

М. К. Дитерихс стал носиться по фронту и почти непосредственно управлять операциями весьма ослабевших и обтрепанных армейских группировок.

Он, как и генерал Д. А. Лебедев, не смог поддержать быстротечно таявший состав рядов белой Сибирской армии и не смог организовать достаточно сильных маневренных войсковых групп в ближайшем тылу Восточного фронта для того, чтобы откатывающиеся в безудержном порядке, растянутые на широком протяжении части могли на них опереться и перейти снова в контрнаступление.

Генералы Лебедев с Бурлиным и Степанов с Марковским не сумели вовремя сформировать предназначавшихся для поддержки фронта сначала трех, а потом еще двух пехотных дивизий. Вследствие бездарной волокиты Главного штаба и борьбы со Ставкой по всякому пустому случаю, эти части, которые должны были составить по крайней мере две довольно сильных армейских группы, совершенно не поспели со своими формированиями и вместо ожидаемого и заблаговременного прибытия их в соответствующие стратегические районы они вливались в общую линию поколебленного фронта по частям и моментально в них растворялись, таяли и даже переходили на сторону противника.

Еще в марте месяце 1919 года, когда Сибирские армии полным и победоносным маршем двигались к берегам Волги, автор настоящих воспоминаний настойчиво докладывал в письменной форме начальнику Главного штаба и военному министру, когда последний вызывал его для личных к себе докладов, о том, что несмотря на кажущийся успех наступающих армий, надо немедленно же приготовить в тылу новые войсковые группировки, чтобы в случае неустойки (которая могла быть в любой момент, ибо войска сильно растянулись и легко могут быть прорваны большевиками и тогда неминуемо и неудержимо покатятся назад) принять их на себя. С этой целью надо было ускорить формирование намеченных еще в феврале месяце новых трех дивизий.

Ни Степанова, ни Марковского этот важнейший вопрос нисколько не волновал, ибо они увлечены были в это время разработкой штатов всех центральных учреждений военного ведомства, и в том числе на первом месте, Главного штаба, с тем, чтобы придать этим учреждениям более «импозантный», по сравнению со Ставкой, вид…

Сам военный министр по десять раз возвращал на переработку, как сейчас ясно помнится, штат какого-то несчастного строевого отделения Главного штаба, в котором должны были переиздаваться воинские уставы на новый лад.

В составе этого маленького отделения должно было состоять не больше двух или трех офицеров. Так вот, решению вопроса о том – два или три офицера должны быть в этом отделении, которому судьба так и не дала возможности развернуть своей деятельности, военный министр жестокой эпохи Гражданской войны придавал более важное значение, чем подаче на изнывающий в неравной борьбе фронт сильных войсковых подкреплений!!!…

Если со штатом одного маленького штабного отделения военный министр сам лично прокопался около двух недель, то легко себе представить, что творилось в этом же вопросе, когда составляли штаты для намеченных к формированию… трех новых дивизий. Тут мудрствованиям генералов Степанова и Марковского не было ни границ, ни края… Да если к этому прибавить постоянное еще переругивание со штабом Верховного главнокомандующего и волокитную переписку со штабами округов и воинскими начальниками, собиравшими комплектования и кадровый состав для этих частей, то станет вполне понятным, почему с подачей резервов на фронт вообще опоздали.

Чувствуя и на своих плечах серьезную ответственность за несвоевременную подачу на фронт солидных подкреплений и не видя иного исхода для продвижения дела с формированием трех новых дивизий, автор настоящих воспоминаний в частном порядке апеллировал к высшим чинам Ставки с целью воздействовать через них на военного министра и начальника Главного штаба. В Ставке возмущались порядками военного ведомства, но не особенно тоже, видимо, болели душой за этот острый вопрос.

Однако фронтовые начальники все время подавали свои голоса о необходимости заблаговременных мероприятий в тылу армий, ибо они тоже понимали, что успехи эти могут оказаться только временными, и что, в случае серьезной неудачи или прорыва большевиками где-либо растянутого фронта, может получиться жесточайшая катастрофа.

Некоторые из них, как например генералы В. О. Каппель и К. П. Нечаев[138], приезжали лично в Омск для того, чтобы подогнать вопросы формирований, пополнений и общего снабжения частей на фронте, находящихся под их командой.

Имея более напористый характер, К. П. Нечаев умудрялся (в Омске, к превеликому удивлению, надо было уметь «умудряться»), странствуя по всем военным учреждениям, ведающим различными видами снабжения армии, вытягивать для своей кавалерии седла, сапоги и проч.

Более же скромный и деликатный генерал В. О. Каппель ограничивался только скромными просьбами и легко удовлетворялся, если получал обещание, что ему «все необходимое будет выслано незамедлительно»...

Появлялся иногда на омском горизонте и генерал К. В. Сахаров, имя которого было тесно связано с военным представителем Великобритании генералом Ноксом[139]. Оба они принимали деятельное и живейшее участие в подготовке офицерского состава для частей действующей армии, для каковой цели на Русском острове во Владивостоке была создана ими прекрасно оборудованная специальная школа.

Возмущался он весьма сильно, когда видел драматическую обстановку в Главном штабе, тормозившем все живые начинания и дела, связанные с запросами армии и фронта.

Подготовленный штат офицерского и унтер-офицерского состава в этой школе предназначался к занятию младших и средних командных должностей в формировавшихся тогда новых дивизиях. По идее план представлял самую живую и рациональную программу работы в этом направлении и только сама жизнь, к сожалению, была покалечена уродами того несчастного времени...

Во время этих наездов в Омск генерал К. В. Сахаров нередко заходил в Главный штаб, где и познакомился более близко с полковником Оберюхтиным, заведывавшим организационным отделением в штабе. В начале ноября месяца 1919 года, когда генерал Сахаров перед падением Омска был назначен главнокомадующим Восточным фронтом, он взял к себе этого еще совсем юного офицера в начальники штаба.

Выдающаяся энергия самого молодого и крайне инициативного генерала К. В. Сахарова, к сожалению, не была Омском использована в более раннем периоде его деятельности. Можно смело утверждать, что если бы этот прекрасный и строгий к самому себе, к другим лицам, а также к порученному ему делу, солдат и генерал своевременно был выдвинут на верхние ступени омской военной иерархии, то он не допустил бы такого ужасающего провала всего белого, преимущественно военного, движения в Сибири, Забайкалье и Приморье, которое приходилось наблюдать сряду на протяжении трех-четырех лет.

Почему-то в Омске побаивались весьма определенной монархической политической позиции генерала К. В. Сахарова. В то время, когда весь центр тяжести борьбы с большевиками висел

на вооруженной силе, настроения широких общественных кругов, которые в Сибири страдали излишней «народовольностью», могли бы на некоторый срок быть попридержанными под спудом.

В результате такой политики, которой довольно слепо придерживался погибший адмирал А. В. Колчак, и которого эта самая «народная вольница» (Политический центр) в Иркутске приговорила к смерти, твердый и честный генерал был оставлен в стороне, и когда привлекли его к высокой ответственности, то было уже абсолютно поздно.

Неудачный выбор им начальника штаба в лице полковника Оберюхтина нельзя серьезно ставить в вину этому генералу. По этому выбору, который был, несомненно, сделан под горячую руку, когда рассуждать уже не было времени, можно только сделать заключение, что генерал К. В. Сахаров, сам будучи огненно живым человеком, в этот момент думал, что в Оберюхтине, хотя и слишком молодом, он нашел достаточную для своих тогдашних настроений гармонию.

Со временем он в этом скоро разобрался бы и смог бы снова взять себе помощника более опытного и достойного.

На общем фоне неустроений и неурядиц омского центрального военного аппарата много оживления и надежд вызвал приезд в конце лета 1919 года из Парижа известного профессора Военной академии Генерального штаба, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина.

В сопровождении группы из пяти офицеров Генерального штаба, бывших на службе в частях русских войск, сражавшихся на французском фронте (генерал-лейтенанта М. И. Занкевича и полковников Котовича, Ракитина, Базаревского и Григорьева), профессор Головин должен был, по мнению большинства, внести значительные улучшения в общую систему управления военными делами Верховного правителя и создать прочный фундамент для последующей обороны Сибири в самом широком смысле слова.

Имя генерала Н. Н. Головина было достаточной гарантией того, что, если бы он взялся за это дело с надлежащей энергией и соответствующими от адмирала А. В. Колчака полномочиями, то он мог бы в короткий срок восстановить общее поколебленное военно-политическое положение.

Один из талантливейших офицеров и профессоров русского Генерального штаба и Военной академии, он приковывал к себе внимание еще задолго до начала Великой войны. Вскоре после проигранной Россией войны с Японией, когда признано было

необходимым серьезным образом реформировать систему и программу обучения в Военной академии того времени, на Н. Н. Головина была возложена ответственная командировка во Францию для изучения постановки этого дела во Французской военной академии.

Пробыв там несколько лет, генерал Н. Н. Головин вернулся в Петроград и представил исчерпывающий доклад о своих весьма ценных наблюдениях, в результате которых в русской Военной академии был немедленно введен в жизнь метод прикладного обучения будущих офицеров Генерального штаба.

Автору настоящих воспоминаний посчастливилось начать прохождение курса Военной академии как раз в тот самый год, когда новая программа занятий в академии была реформирована по французской системе.

Эта система, как весьма живая и практичная, встретила всеобщее одобрение, и проводнику ее в русской академии профессору Н. Н. Головину она создала ореол широкой и ценной популярности.

С тех пор имя генерала Головина не сходит со сцены лучших авторитетов военной доктрины вообще и в русском Генеральном штабе особенно.

Если бы Великая война не затянулась бы слишком долго, то по окончании ее генерал Н. Н. Головин, вероятно, был бы во главе той же академии, или даже может быть и всего Генерального штаба.

Когда в период «президентствования» А. Ф. Керенского был поднят вопрос об избрании кандидата на должность начальника Военной академии, который должен был пройти путем всеобщей подачи голосов от всех без исключения офицеров Генерального штаба, то генерал Н. Н. Головин собрал бесспорное большинство записок.

Другими кандидатами, но с меньшим числом голосов, оказались генералы А. М. Драгомиров[140], И. И. Гурко[141] и А. И. Андогский. Только соображения невозможности отрывания первых трех генералов от фронта привели к тому, что на выборную должность начальника Военной академии получил утверждение Керенского генерал А. И. Андогский.

Все изложенное относительно генерал-лейтенанта Н. Н. Головина определенно говорило о том, что появлению его в тяжелый период омской обстановки было придано самое серьезное значение. Почти никто не сомневался в том, что он немедленно вступит в должности военного министра и начальника штаба Верховного главнокомандующего. И это было бы самым естественным фактом того времени.

Но ко всеобщему недоумению это назначение не состоялось. Генерал Н. Н. Головин пробыл в Омске очень короткое время, после чего уехал сначала в Японию, а потом и вовсе обратно во Францию.

Многие тогда приняли этот отъезд как сигнал всеобщего провала Белого движения в Сибири, ответственности за окончательный исход которого генерал Н. Н. Головин, как авторитетный исследователь, на себя принять не пожелал.

Покидая Омск, он оставил в распоряжении адмирала А. В. Колчака всех привезенных им офицеров Генерального штаба, которые и получили немедленно назначения во вновь созданное генерал-квартирмейстерское управление при самом Верховном правителе. Во главе этого управления стал генерал М. И. Занкевич, а ближайшим его помощником – полковник В. В. Ракитин.

Эти два лица были почти до последних трагических моментов жизни адмирала А. В. Колчака при нем. Причем полковник В. В. Ракитин был расстрелян большевиками в тот же момент, когда казнен был ими и Верховный правитель.

Генерал М. И. Занкевич, оказавшийся последним ближайшим военным сотрудником трагически погибшего Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, сопровождал его в поезде почти до самого Иркутска. Когда чехи, вошедшие в переговоры с Политическим центром, решили выдать адмирала, его свиту, охрану и золотой запас последнему, генерал М. И. Занкевич какими-то путями успел уклониться от грозившей ему лично смертельной опасности.

Не избег, однако, этой печальной участи полковник Ракитин, который наравне с другими был арестован, водворен в тюрьму, просидел в ней непродолжительное время и был казнен.

С автором настоящих воспоминаний В. В. Ракитин был знаком еще с малых детских лет по школьной скамье во 2-м Московском императора Николая I кадетском корпусе. В течение семи учебных лет они оба сильно дружили между собою и на протяжении всей последующей юнкерской и академической жизни и службы в Генеральном штабе всегда поддерживали друг с другом тесную связь.

Во время Великой войны В. В. Ракитин попал на французский фронт и там остался после заключения Версальского перемирия. Первые периоды русской революции для него прошли вне непосредственного соприкосновения его с последней. Поэтому он смотрел на нее полунаивными глазами с точки зрения постороннего наблюдателя.

Появившись же в Сибири в разгар отчаянной и уже надломленной вооруженной борьбы с большевиками, он склонен был еще «философствовать» на темы о тех или иных принципах и преимуществах социальных и политических идей...

Дух избалованного «русского парижанина» слишком глубоко пустил в сибаритской натуре В. В. Ракитина свои корни. Несмотря на очевидность надвигавшейся военной катастрофы, он продолжал оставаться в состоянии полной «нирваны» и требовал, чтобы его служебная обстановка была окружена условиями максимального комфорта и удобств...

Блестящие вагоны литерного поезда Верховного правителя, в которых он совершал эвакуацию из Омска совместно с адмиралом А. В. Колчаком, были для него ближе и понятнее, чем весь ужас творившихся страданий вне этих вагонов... Понятнее эти вагоны были потому, что они напоминали ему культурную Францию...

Ясное сознание крайней опасности и безнадежного положения обстановки у В. В. Ракитина отсутствовало, и в глубине своей души он, очевидно, верил, что все «как-то образуется и утрясется»...

Пребывая в таком душевном состоянии до момента фактического его пленения большевиками в Иркутске, В. В. Ракитин явился одним, в своем роде, из офицеров Генерального штаба, который остался с адмиралом А. В. Колчаком до последнего своего издыхания и восприял одинаковую с ним смерть...

Удивительное философское равновесие души не покидало его и во время самого нахождения в большевистской тюрьме. Как потом дошли сведения, В. В. Ракитин среди арестованных вместе с ним офицеров, сидевших в общей арестантской камере, организовал «кратковременные» курсы изучения английского языка, в знании которого, как и французского, он был весьма силен.

Его общительный и живой характер помогал другим, которые поддавались крайнему отчаянию, легче переносить нравственные пытки ожидания неизбежной казни.

Генерал М. И. Занкевич потом уехал снова в Европу, а остальные из тех, которые прибыли в Сибирь совместно с генералом Н. Н. Головиным... остались по ту сторону белого фронта.

С главным военным командованием, в общем, не повезло белому Волжско-Сибирскому фронту. Те, кто фактически им командовали, успеха ему не принесли, а которые могли бы если не сотворить чудеса побед, но хотя бы стабилизировать его положение, не были к делу привлечены ни в соответствующий срок, ни в надлежащей форме.

Последующее же кратковременное появление в ролях главнокомандующих Восточным фронтом генералов В. О. Каппеля и Войцеховского[142] дело также не могло поправить уже потому, что фронт неудержимо стал откатываться на восток.

Претендовавший же на революционное возглавление военного командования генерал Пепеляев своим безумным выступлением против власти Верховного правителя и против главнокомандующего Восточным фронтом генерала К. В. Сахарова еще больше разрушил всякую мысль о возможности сохранения в районе к западу от Байкальского озера линии антибольшевистского фронта.

Осведверх

Под этим названием в штабе Верховного главнокомандующего, после того, как последний был слит с прежним расформированным Главным штабом в одно целое, по инициативе автора настоящих воспоминаний было организовано Осведомительное управление[143].

Хотя самое название наводит на некоторую мысль, что в этом управлении могли быть сосредоточены функции тайной политической разведки, как это и бывало в соответствующих такому названию учреждениях, например Министерства внутренних дел, тем не менее в омском Осведверхе подобное положение вещей совершенно не имело места.

Учитывая опыт широчайшей организованной в государственном масштабе политической пропаганды большевиков, которые буквально засыпали население всей необъятной России различными воззваниями, призывами, оповещениями, плакатами, газетами и наскоро сколоченной киноагитационной продукцией, пишущему эти строки пришла в голову мысль провести с не меньшей интенсивностью такую же контрпропаганду и в широчайшем антибольшевистском масштабе.

В первую очередь как бы в виде опыта и для приобретения сноровки, были предприняты им шаги в военном ведомстве, для чего были использованы все доступные по тому времени возможности.

Был составлен соответствующий доклад и, так как для всех остальных этот вопрос был совершенно незнаком, то и проведение его в жизнь было поручено всецело автору настоящих воспоминаний.

Усвоив все навыки большевиков, за которыми удалось наблюдать в этом вопросе в течение нескольких месяцев вынужденного скрывания в Петрограде и в Перми во второй половине 1918 года, а также используя свою собственную богатейшую писательскую и газетную практику, автору настоящих воспоминаний нетрудно было разработать соответствующий, весьма рациональный и жизненный проект организации ставшего потом широко известного на белом Сибирском фронте Осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего или, как его по сокращенному телеграфному коду называли все, Осведверха.

Идея эта настолько привилась, что в кратчайшее время все штабы армий и даже некоторых корпусов, по образцу Ставки, но в сокращенном виде завели у себя такие же Осведармы и Осведкоры. Был даже и Осведстепь, организованный в так называемой отдельной армейской Степной группе, предназначенной действовать в Башкиро-Киргизских степях.

Штабы армий в этом отношении слишком сильно временами увлекались – и тем иногда создавали значительный разнобой в смысле содержания выбрасываемого несогласованного с центром (Осведверхом) агитационного материала, но все же в этом беда была невелика по сравнению с той пользой, которая приносилась этой новой организацией.

Главная же польза заключалась в том, что широкое осведомление населения и армии достигалось в достаточной степени прилично.

Конечно, эта постановка была далеко не так строго организована и проводима, чем это было у большевиков, но в этом вопросе трудно было регулировать всю программу работы сверху, ибо самая политическая «установка», как говорят обычно большевики, в правительстве адмирала А. В. Колчака страдала серьезной неустойчивостью, противоречиями и подвергалась различным внешним и внутренним влияниям.

Если к этому же еще прибавить различные политические платформы многочисленных групп, которых было немало и в самой армии, то в работе всех видов «Осведов» могли быть естественными иногда и солидные прорухи.

Пользовались временами со скрытой целью этими организациями и тайные агенты большевиков или им сочувствующих левых социалистов-революционеров, которые, например, в ящики с заготовленными для рассылки агитационными материалами этих

учреждений умудрялись подкладывать и свою ярко большевистскую или оппозиционную прокламацию.

На этой почве иногда раздавались вполне основательные от фронтовых частей жалобы и сообщения. Немедленно принимались срочные меры проверки, и вредная работа тайных агентов пресекалась.

Будучи организатором широкой осведомительной (агитационной) службы и главой всего Осведверха, который фактически занял в штабе Верховного главнокомандующего место первоначально намечавшегося к формированию 3-го генерал-квартирмейстерства, автор настоящих воспоминаний видел в этом своем служебном положении большое со всех сторон внимание к себе и интерес к работе Осведверха.

Достаточно отметить, что даже старички-генералы, составлявшие собою Военное совещание, на рассмотрение которого обычно вносились все новые проекты, требующие дополнительных по военному ведомству ассигнований, и они, несмотря на свой преклонный возраст и, конечно, полное незнакомство с внутренней сущностью какой-то неведомой доселе для военного человека вообще агитационной работы, и они весьма сочувственно отнеслись к личному докладу в этом совещании автора настоящих воспоминаний и требовавшееся крупное денежное для этой цели ассигнование безоговорочно утвердили, подписав соответствующий протокол своего по этому вопросу положительного заключения.

– Мы этого нового дела совершенно не понимаем, но сердцем чувствуем, да и на примере большевиков тоже видим, что это дело для нас также очень, очень полезно,– говорили почти в один голос все члены омского Военного совещания.

Помимо частей действующей армии, такие же Осведы были налажены и в штабах Омского, Иркутского и Дальневосточного военных округов.

Все они получали руководящие инструкции и материалы из Осведверха и воспроизводили свои собственные печатные материалы, если это требовалось условиями частной обстановки.

От Осведверха тянулись нити связи по агитационному вопросу и в другие министерства, где таковая работа начинала также постепенно налаживаться.

Вполне опытных и подготовленных работников в области систематического ведения пропаганды как печатной, так и устной,

конечно, на первое время совершенно недоставало. Однако вследствие подбора личного состава среди литераторов, писателей и артистов, в сравнительно короткий срок эти затруднения были преодолены.

Ближайшим сотрудником автора настоящих воспоминаний по осведомительно-пропагандной деятельности состоял профессор Антон Мартынович Оссендовский[144], известный крупный публицист и писатель. Он проявлял колоссальную энергию и создавал с большим успехом ячейки пропагандистов всех категорий и видов. При его содействии были привлечены видные работники в области печатной, плакатной и устной агитации.

Сам он составлял наиболее важный и направляющий пропагандный материал, который потом, после санкционирования его начальником Осведверха, то есть автором настоящих воспоминаний, а то и после утверждения Верховного правителя, когда дело этого требовало, размножался в десятках, а то и сотнях тысяч экземпляров и рассылался во все стороны.

Очень успешную работу по агитации среди своих войск и населения вели под руководством и контролем Осведверха наиболее видные в то время в Омске артисты.

Среди последних громадную программу выполнила драматическая труппа известной артистки Глинской[145]. Взяв на себя задачу проехать от Урала до Тихого океана со всем составом своей труппы артистов, она должна была дать около полусотни больших спектаклей, программа которых составлена была из ярко патриотических пьес преимущественно русского исторического содержания.

Эти спектакли повсюду производили колоссальное впечатление, так как артисты были подобраны великолепные и играли они, как и сама артистка Глинская, с громадным пафосом и подъемом.

Для передвижения всей труппы с места на место были предоставлены все доступные по тому времени удобства, вследствие чего Глинской удалось провести намеченную программу полностью в Приуральском и в Западно-Сибирском районах, включая город Иркутск. Дальше на восток продвижение этой труппы затормозилось, так как оно уперлось, как и все прочее в этом месте тогда упирались, в так называемую Забайкальскую «пробку»...

На расходы по этому маршрутному турне Осведверхом отпущены были довольно значительные средства, ибо все спектакли для воинских чинов организованы были совершенно бесплатно.

Немалую пропагандную энергию проявила в то же самое время и популярная исполнительница народных патриотических песен артистка М. А. Каринская[146].

Своими сольными выступлениями с импровизированных подмостков, созданных из полураскрытого товарного вагона, М. А. Каринская, можно сказать, «с ума сводила» своих слушателей и разжигала в их сердцах большой патриотический подъем.

Ее районом деятельности был преимущественно фронт действующей армии, где она стремилась проникнуть возможно ближе к передовым линиям войск и там своей песней, шутками, прибаутками, а то и прямой горячей патриотической агитацией поддерживала бодрость духа и силы офицеров и солдат.

Весьма яркий агитационно-плакатный материал выпускал и художественный отдел Осведверха, работавшей под руководством художника Н. Яковлева.

При Осведверхе издавалась газета под названием «Русская Армия», редактором которой состоял бывший казанский помещик, отставной полковник Юрий Геркен.

В силу слишком ярких его монархических воззрений на газету «Русская Армия» часто сыпались жалобы с различных сторон и особенно из правительственных омских кругов. Когда временами Геркен упорствовал и продолжал нажимать в агитации на «реакционные темы», запросы тогда поступали даже из канцелярии Верховного правителя. Приходилось вызывать старика Геркена в Осведверх и давать ему добрый совет держаться более умеренных тонов в его газете. Старый помещик морщился, делал некоторую уступку демократии, но ненадолго...

Протестовали также против направления этой газеты и из «Бюро печати»[147], находившегося под руководством Клафтона[148] и обслуживавшего полуофициозный курс политики правительства адмирала А. В. Колчака.

Около этого «Бюро печати», которое, в сущности, являлось министерством пропаганды Омского правительства, группировались профессора Болдырев[149] и Устрялов[150], Вс. Иванов[151] и другие. Там же издавалась газета «Заря», фактическим редактором которой состоял М. С. Лембич[152], бывший сотрудник московского сытинского «Русского Слова».

Между Осведверхом и этим Бюро, как это ни странно, существовали самые хорошие и благожелательные отношения. Помогало

этому прежде всего полное взаимопонимание и взаимно доброжелательные настроения.

Особенно хороши были личные отношения между автором настоящих воспоминаний и главным директором «Бюро печати» Клафтоном, которого после падения Омска большевики немедленно расстреляли.

Очень живое общение с Осведверхом поддерживали тогда нынешний сменовеховец профессор Н. В. Устрялов, М. С. Лембич и Л. В. Арнольдов[153].

Благодаря налаженным деловым отношениям нетрудно было в общем итоге выравнивать курс средней агитационной линии, которая в достаточной степени обеспечивала бы направление официальной правительственной политики, и в то же время не возбуждала бы слишком сильно против себя и реакционных течений некоторых военных и помещичьих кругов.

Если бы для этой согласованной работы не было бы посторонних помех, то вся программа агитационной работы в широком антибольшевистском масштабе, о которой было сказано выше, автором настоящих воспоминаний осуществилась бы полностью и это сыграло бы значительную роль и во всем антибольшевистском движении в Сибири.

К глубокому сожалению, в тот момент, когда в командование Восточным фронтом вступил генерал М. К. Дитерихс, автору настоящих воспоминаний, под отрицательным влиянием К. К. Акинтиевского на нового Главковостока, было дано отмеченное выше новое назначение в Кокчетавские степи на военно-административную должность.

Налаженная важная агитационная работа в Осведверхе была сорвана, а после того, как на короткое время она была передана в ведение генерала Сальникова, то и вовсе захирела.

Очень живое и деятельное участие в налаживании и в согласовании работы Осведверха и «Бюро печати», как двух высших – военного и правительственного – аппаратов агитации и пропаганды, принимал начальник канцелярии правительства профессор Г. К. Гинс[154]. Как просвещеннейший и высокоидейный влиятельный член Омского правительства, он весьма чутко понимал и принимал близко к сердцу деликатные эти вопросы, стремясь не только не нарушить общей гармонии отношений между правительственными сферами и военным ведомством, но и еще больше укрепить и развить их.

Поддерживалась Осведверхом тесная связь также и с Министерством финансов Омского правительства, во главе которого стоял И. А. Михайлов[155].

Между профессором А. М. Оссендовским и И. А. Михайловым были самые дружеские личные отношения, вследствие чего все проекты расширения и ассигнований по части пропаганды проходили с особенной быстротой и легкостью.

Были между этими учреждениями и общие вопросы. Так например, когда по представлению Министерства финансов были аннулированы «керенки»[156], то для большего эффекта и демонстрации этого смелого решения правительства, было признано необходимым переклеймить все запасы указанных денег особыми агитационными лозунгами и пачками разбрасывать их с аэропланов над линией фронта большевиков и своих войск.

Составление агитационных лозунгов, клеймение и разброска с аэропланов были поручены Осведверху[157].

Аннулированные «керенки» были заменены сибирскими банкнотами.

Целыми тюками доставлялись в помещение Осведверха аннулированные распоряжением правительства адмирала А. В. Колчака бумажные денежные знаки времен Керенского двадцати и сорока рублевого достоинства.

Громадные листы неразрезанных банкнот подвергались операции погашения их прежней стоимости путем напечатания поверх каждой купюры различных агитационных лозунгов.

В «обработанном» таким способом виде эти «агиткеренки» отправлялись или в части войск на фронт для переброски всякими способами на сторону противника, или передавались в центральное авиационное управление для разброски их с воздуха.

Самый акт аннулирования правительством адмирала денег времен Керенского, ходивших до сего времени наравне с только что появившимися сибирскими банкнотами, произвела в общем скорее неблагоприятное впечатление, и в большинстве случаев эту меру правительства, вернее минфина И. А. Михайлова, не одабривали.

Некоторые начальники войсковых частей, в том числе и генерал К. П. Нечаев определенно, например, утверждали, что «отмена “керенок” понизила наступательный дух армии»...

Оказывается, что в случаях, когда представлялась возможность пограбить комиссарскую казну, которая обычно была полна денежными знаками Керенского, то это очень подзадоривало наиболее

рьяных из разведчиков передовых частей войск, и они становились более активными в стремлениях достигнуть своей «цели». Этим порывом увлекались другие части, и войска быстрее продвигались вперед...

Возможно, что в этом «заключении» войсковых начальников есть маленькая крупица истины, которая в отдельных небольших случаях находила себе некоторое подтверждение, в силу чего обобщать это явление, распространяя его на всю массу белой армии, конечно, не приходится, но в этом «заключении» знаменательно то, что к самому факту преждевременного «вывода из строя» «керенок» и в армейских кругах отнеслись неодобрительно.

Не обошлось и без того, что в этом вопросе, например, винили и Осведверх, который, мол, клеймением «портит» кое-что стоящие еще «керенки»...

Действительно, «преждевременная» отмена правительством адмирала денежных знаков Временного Всероссийского правительства не вызывалась никакими серьезными соображениями, тем более что наряду с этим романовские банкноты такому «остракизму» не подвергались.

Появившиеся банкноты сибирского периода отличались также и внешней несуразностью, не говоря о том, что они не были «портативны» для пользования ими в жизни. Кроме того, по сравнению с «романовками» и даже «керенками», они не производили впечатления «хороших» денежных знаков.

Обыватель любит, чтобы деньги прежде всего были «красивыми», а у колчаковских длиннополосых купюр, напоминавших собою больше ломбардные квитанции, этого-то как раз и не было.

Когда общее отступление армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака было в полном разгаре и преследующие части Красной армии непосредственно гнались за тылами уходящих на восток белых арьергардов, то большевики объявили и «колчаковские деньги недействительными». Однако это не послужило препятствием для наступательного порыва Красной армии...

Автору настоящих воспоминаний, в силу неблагополучно сложившихся обстоятельств, во время этого отступления пришлось не один раз попасть в плен к большевикам и в течение кратковременного пребывания среди передовых частей большевиков, которые тоже грабили всех попавшихся в их руки «белобандитов» и «белогадов», видеть, как красноармейцы отбирали у пленных колчаковские купюры только мелкого достоинства.

Объяснялось это тем, что на мелкие деньги солдаты Красной армии тут же покупали у крестьян предметы продовольствия, ибо крестьяне, еще не знавшие об общем аннулировании «колчаковок», продолжали пока им «верить» по-прежнему.

Это тоже было своего рода надувательством крестьян, которое проделывалось над ними такими же крестьянами, но только одетыми в красноармейскую форму.

Разворачивавшаяся работа Осведверха обещала большой успех, и если бы ее не нарушили внезапным назначением вне Омска начальника последнего, то есть автора настоящих воспоминаний, то может быть в критический момент осложнившейся потом военно-политической обстановки тот же Осведверх сыграл бы роль морального фактора, который нашел бы выход из общей волевой прострации и полной растерянности.

28 августа 1919 года при весьма скромной обстановке состоялись в Омске проводы уезжавшего в Кокчетавские степи начальника Осведверха, вернее создателя и организатора последнего.

Это было ровно за два с половиною месяца до падения самого Омска.

Собравшиеся на проводы все служащие Осведверха как бы предчувствовали, что дело идет к полному развалу и катастрофе, но сила влияния разлагающих общее положение тенденций была столь стремительна и велика, что противостоять ей можно было бы только путем исключительных напряжений массового характера.

На этом прощальном банкете выступал с приветственными словами 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, генерал-майор П. Ф. Рябиков. В его словах, как и в общем настроении присутствовавших, также прорывались нотки опасения ввиду надвигающейся близкой уже катастрофы...

Обращаясь к автору настоящих воспоминаний и чувствуя всю полноту несправедливости, которая обрушена была на его плечи, П. Ф. Рябиков высказал пожелание, чтобы «тяжкий для провожаемого дальний путь» был бы не таким уж тернистым, каким он начался чуть ли не с первых дней появления его на омском горизонте...

К сожалению, последнее пожелание не сбылось!!!

Последующий «путь» оказался и слишком «дальним», и слишком «тяжким»...

За два месяца отсутствия автора настоящих воспоминаний из Омска Осведверх обратился в совершенно никому не нужный

грузный балласт, который никакой продуктивной работы производить уже не мог и сам нуждался в том, чтобы о нем еще кто-то заботился.

В такое состояние он превратился под руководством полковника Сальникова, которого генерал М. К. Дитерихс назначил на это место лишь потому, что сам он хотел избавиться от последнего после того, как понял, насколько Сальников был не годен для ответственной должности начальника штаба Главнокомандующего Восточного фронта.

Странно, что полковник Сальников сам не отказался от этого назначения. Ведь он должен же был понимать, что эта специальная и нелегкая работа ему, как совершенно не знакомому с ее постановкой, была не по плечу.

В конечном итоге, когда автор настоящих воспоминаний за несколько дней до падения Омска, 8 ноября 1919 года был вызван генералом К. В. Сахаровым в Омск для принятия снова должности начальника разрушенного Осведверха, то «бренные останки» последнего нашел уже в совершенно беспомощном состоянии и наполовину погруженными в эвакуирующийся эшелон...

Оставалось только «догрузить» этот уже ни к чему не пригодный воинский груз и постараться возможно скорее вытолкать его из забитого и переполненного до отказа такими же эшелонами Омского железнодорожного пункта.

Чуть ли ни с револьвером в руках приходилось отвоевывать паровоз для длинного эшелона Осведверха и кое-как вытолкать его из Омска в 6 часов утра 14 ноября, то есть за восемь часов до занятия последнего пункта красными...

Эвакуационные расчеты так были «составлены» начальником военных сообщений штаба Верховного главнокомандующего полковником Сапруновичем[158], что почти все эшелоны штаба Верховного главнокомандующего должны были уходить из Омска под огнем неприятеля, и в тот уже момент, когда эшелоны штабов отступавших армий спешно проскакивали через этот же самый злополучный Омск. Именно «проскакивали», ибо в Омске ни один из штабов всех трех армий, к случаю говоря, столпившихся на Омском вокзале в одну и ту же трагическую ночь на 14 ноября, не задерживался больше нескольких часов и уходил дальше на восток в сторону Ново-Николаевска.

С невероятным трудом вырванный из Омска эшелон Осведверха до Ново-Николаевска не дошел. Идущими в «ленту» впереди

набившимися эшелонами путь был настолько загромождён, что прорваться к Ново-Николаевску уже не было никакой возможности. Красные не только наседали с хвоста, но и глубоко обходили эшелоны с обеих сторон полотна железной дороги.

Ввиду этого за несколько верст до Ново-Николаевска пришлось покинуть вагоны и при помощи высланных вперед людей раздобыть лошадей и сани и на них продолжать дальнейший так называемый «Ледяной поход».

Остававшиеся до последнего момента у эшелона охранные команды, воспользовавшись запасами в вагонах бензина, подожгли весь состав поезда и присоединились к «понужавшему» на лошадях, растрепанному Осведверху уже за Ново-Николаевском...

Дальнейший крестный путь последнего превратился в сплошную драму.

Ледяной поход

С момента оставления Омска все управления штаба Верховного главнокомандующего прекратили свое фактическое существование.

Вне всякой связи с войсками и войсковыми штабами продвигались эшелоны бывшей Омской Ставки, никому не нужные и только даром забивавшие своими громадными составами длинную Сибирскую магистраль.

Иностранные войска сравнительно заблаговременно убрались на восток.

Однако чехословацкие и польские эшелоны сильно запоздали с эвакуацией из Западно-Сибирского района. Они, вытянувшись почти одновременно с общей массой поездов, нагруженных различными правительственными учреждениями омской и местной краевой администрации, частично перепутались с последними и в конце концов бросили свои хвостовые эшелоны.

Брошенные без паровозов, эти составы еще больше забивали путь и сделали совершенно невозможным продвижение вперед находившихся позади русских эшелонов.

Бесконечная кишка русских поездов постепенно уменьшалась. С хвоста эту кишку неизменно «откусывали» преследовавшие неотступно по пятам части Красной армии, а с головы, по мере того, как эта кишка упиралась в образовавшиеся пробки, она превращалась в вереницы «понужающих» вдоль полотна железной дороги многочисленных саней и двигающихся гусеницей всадников и пешеходов.

Только части войск продолжали сохранять относительный вид своей первоначальной организации, но что касается других учреждений и не принадлежащих к ним составов, то там уже с половины пути между Ново-Николаевском и Красноярском образовалась из них сплошная «каша»...

Стихийное стремление всей массы людей как можно скорее продвинуться на восток, чтобы уйти от непосредственного соприкосновения с наседающим и не дающим покоя противником, делало свое печальное дело.

Задняя масса «давила» переднюю и еще больше усиливала общую неразбериху, причиняя невыразимые страдания всем без исключения, кто имел несчастье совершать этот беспримерный в истории так называемый Ледяной поход...

Здоровье и жизнь каждого из участников этого похода потеряли всякое значение. На падающих, отстающих, умирающих и замерзающих никто не обращал совершенно никакого внимания.

Каждый в той ужасающей обстановке предоставлен был самому себе и собственной выносливости и изворотливости.

Не выдерживаешь – значит погибай, но на другого не рассчитывай.

И каждый это отлично понимал, и никто не требовал от другого ни сочувствия ни помощи. Малодушные и слабосильные сразу сдавали и прекращали свой крестный путь, передаваясь на сторону жестокого противника, но твердые духом и упорные в своем стремлении уйти как можно дальше на восток уходили и уходили...

Но немногие из них, однако, достигли того, чего хотели. Этот «счастливый» удел, видимо, немногим был написан на роду в это каиново время...

Несчастная, вернее, несчастливая белая Русская армия в Сибири среди дремучей тайги и глубоких снегов, в лютые морозы была предоставлена самой себе. В Сибири было много вооруженных иностранных сил, но эти силы не помогали, а мешали русским антибольшевистским войскам.

Если вследствие бездарности военачальников белая Русская армия приговорена была к медленному угасанию и замерзанию, то что же сделали г.г. министры правительства адмирала А. В. Колчака, чтобы предотвратить это несчастье?

Куда девалась дипломатия, которая не сумела найти надлежащих форм и положений, чтобы принудить или заинтересовать

прежних союзников прийти белой армии в Сибири на помощь, если не в самом начале процесса вооруженной борьбы, то, во всяком случае, в наиболее тяжелый период существования последней.

Некоторые историки белого сибирского движения слишком сильно обвиняют чехов и отчасти поляков в том, что они не помогали Русской армии в разгар ее борьбы с большевиками, а уходя через Сибирь во Владивосток, значительно поживились за счет русской государственной казны и ее золотого запаса[159].

Справедливы ли эти обвинения в полной мере?! Что чехи отказались под конец воевать и воспользовались благами плохо оберегаемого русского достояния – это верно.

Однако после того, как перед читателями прошла картина страшного развала в управлении русскими вооруженными силами в Сибири, где сами русские не щадили ничего того, что клонилось к успеху борьбы их с большевиками, то можно ли требовать от чехов и поляков, чтобы они были «больше русскими, чем сами русские»...

Конечно нет. Чехи видели нелады на верхах русского военного командования, которое не только вело между собою отчаянную борьбу, но и вступало в борьбу с чешским военным командованием.

Автору настоящих воспоминаний, как одному из старших офицеров Генерального штаба омского периода, на своих плечах пришлось перенести столько невзгод и отчаянных внутренних трений, что трудно было справляться со своими прямыми задачами по службе. Где же было возможно успеть распространить свою положительную работу и на урегулирование взаимоотношений с иностранцами, в том числе с чехами, поляками, сербами и с другими войсками интервентов, прежних союзников России?

Урегулировать отношения с чехами, как братьями по крови, как с участниками первых антибольшевистских выступлений на Волжско-Уральском и Сибирском фронтах надо было во что бы то ни стало. Ведь не было столь серьезных причин для внутренней борьбы с чехами, чтобы, ввязываясь в нее, русские могли поставить на карту свое собственное существование.

Не одно военное русское командование повинно в порче отношений с чехами, и среди чехов находились лица, которые обостряли углы в вопросах взаимоотношений и в вопросах вмешательства во внутреннюю русскую политику...

Однако даже эти недочеты не должны были бы иметь полного перевеса над здравым рассудком и сознанием громаднейшей

ответственности, лежавшей на плечах всех без исключения общественно-политических деятелей того периода русской истории.

Среди чехов было немало лиц, которые искренно болели душой за разруху, царившую в рядах белого русского лагеря, и за нелады последних с чехами.

Заметную роль в политической, скорее в секретной, форме отношений того времени играл чешский полковник Заячек[160]. Он как заведующий чешской контрразведкой лучше других знал всю «подноготную» различных взаимоотношений, и потому точнее, чем другие, мог судить о том, насколько они могли влиять на то или иное складывающееся внутреннее положение.

Еще в период весенних первых неурядиц в 1919 году он неоднократно приходил в служебный кабинет автора настоящих воспоминаний и ему, как помощнику начальника Главного штаба, сетовал на целый ряд обстоятельств, которые мешают совместной русско-чешской дружной работе.

Он стремился вполне добросовестно к установлению общей линии понимания и в лице своего собеседника искал прямого сочувствия. Естественно, что в этом направлении он встречал взаимную искренность. Однако, как тонкий и чуткий наблюдатель, полковник Заячек не мог не заметить того, что и автор настоящих воспоминаний в тот период разговоров уже не в силах был оказать своего влияния на благоприятный оборот взаимоотношений чехов с русскими, ибо он сам был в состоянии полного преследования со стороны своего прямого начальства – генералов Степанова и Марковского...

Неумная контрразведка Марковского ему доносила, что «полковник Клерже вошел в контакт с чешской контрразведкой, очевидно, он что-то замышляет»…

Получая эти «донесения» на своего помощника, Марковский не обращался к нему за разъяснениями, а шел с «соответствующим» докладом к военному министру генералу Н. А. Степанову.

На попытку автора настоящих воспоминаний завязать с генералом Марковским разговор на тему о необходимости улучшения взаимоотношений с чехами он смотрел как на желание первого «играть видную политическую роль» и, конечно, всячески этому противодействовал.

Коль скоро в таких простых вопросах нельзя было не только договориться, но и установить даже самое примитивное взаимное

понимание, то можно ли после этого удивляться, что вообще с чехами вышел в конце концов такой страшный по своим последствиям разлад...

С этой точки зрения автору настоящих воспоминаний приходится стать, как это не кажется парадоксальным, на защиту чехов и, пользуясь настоящим случаем, определенно сказать, что в том, что чехи стали индифферентными к судьбам борющейся с большевиками Сибири, виноваты не они – чехи, а только и только одни русские.

Да и в действительности, чем могли чехам и другим союзническим группам импонировать в Сибири белые, как ни своим классическим средостением. Если бы по тому времени в рядах Белого движения появился бы вождь типа вождя итальянского фашизма Бенито Муссолини или германского фашизма Адольфа Гитлера, то само по себе понятно, что этот вождь русского Белого движения не только не растерял бы своих позиций, но и поднял бы на высокий подвиг служения человечеству и другие, соприкоснувшиеся с русской революцией народности.

Только потому, что Белое движение в Сибири, как и всюду в России, не успело определить своей яркой политической физиономии и не успело обрести своего яркого духовного вождя, оно само по себе проваливалось, и ему не могли помочь и другие, в том числе чешские и польские вооруженные легионы.

В натуре славянского чешского народа нет враждебного отношения к славянам русским. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что значительная часть русской культурнейшей силы получила самый теплый и внимательный прием в Чехо-Словакии после того, как проиграв жестокую войну с большевиками и попав на эмигрантское положение, она – эта русская духовная сила – искала себе надежного морального убежища.

Это убежище русская интеллигенция получила именно в Чехо-Словакии непосредственно после того, как чешские легионы, «ограбившие» Сибирь, а также «проклинаемые» вождями сибирского русского освободительного движения, возвратились к себе на родину...

Где же тут логика, и почему сибирские русские антибольшевики не нашли с братьями чехами одинакового языка в то время, как вновь освободившаяся от немецкого владычества Чехо-Словакия открыла двери своих университетов для русской национальной молодежи!!!

Прав был, тысячу раз был прав полковник Заячек, когда он в Омске приходил и сетовал на нелады между лидерами русского

Белого движения и случайными деятелями чехословацкого в Сибири военного и политико-административного возглавления.

Где был разум, где был простейший инстинкт самосохранения!!!

Ведь Чехо-Словакия одна из немногих еще до сих пор не признала большевиков...

Разве это не говорит в пользу того, что с чехами в Сибири в 1919 году всегда можно было договориться и найти один общий, друг другу понятный, братский язык.

Те, кто создавал «трения» между русскими и чехами отнюдь не могут быть причислены к лону глубоких русских патриотов.

Нельзя подчеркивать, что только чехи одни «грабили». Грабили и русские самих себя, грабили свое собственное русское население, когда давали ему ничего фактически не стоящие сибирские длиннополосые купюры, а золотой запас держали в вагонах для того, чтобы передать его потом (кому же!)... большевикам.

Если часть этого золотого запаса попала в руки чехословацких легионеров, то это произошло все же не от того, что чехи отличаются «грабительскими инстинктами», а потому, что сами русские свое золото сохранить или хотя бы с пользой для дела применить не сумели.

Если после отмены бумажных «керенок» наступательный порыв белой армии «упал», то как легко, стало быть, этот самый порыв можно было бы «восстановить», если бы войскам и населению за все платили бы звонкой золотой монетой, той самой монетой, которую потом отдали в Иркутске «Политическому центру», а от него – большевикам.

Ведь подумать только, двадцать восемь вагонов американского типа, полные слитков золота и монет, пропали даром в период борьбы и обратились они против белых в тот момент, когда хозяевами их стали те же большевики.

И сам адмирал А. В. Колчак, и его министры, особенно финансов, не учли этого фактора, который был в течение длительного времени в их собственных руках.

Итак, вопрос о «вероломстве и о грабительских инстинктах» чехов есть плод собственной русской вины перед самими собою...

Помимо чешского вопроса, на фоне Белого движения в Сибири имелся еще один самый важнейший и значительнейший фактор, которого не только не использовали, но который преступно небрежно отвергли и затоптали...

Здесь прямо и без всяких обиняков надо говорить о той роли, которую могла и должна была сыграть в Белом русском движении в Сибири... Япония.

Маленького роста, неизвестно откуда-то появившийся, в больших «американских» очках в черепаховой оправе, министр иностранных дел И. И. Сукин «вершил» политику хитроумного Омска...

Через свои «розовые» американские очки этот клопеныш-министр с подозрительностью и с крайним предубеждением смотрел на великую восточную державу и жестоко предостерегал всю коллегию Омского кабинета от «неразумных» соглашений с Японией...

– Америка и Европа нас скоро признают, и они нам помогут. Ни одной пяди русской земли японцам – таков примерно был лозунг Министерства иностранных дел несчастного Всероссийского Верховного правителя адмирала А. В. Колчака...

– За свою помощь Япония потребует чуть ли не пол-Сибири, – думали «глубокомысленные» омские дипломаты, среди которых в роли товарища министра иностранных дел состоял и профессор М. П. Головачев[161]...

Перед генералом Жаненом, который командовал интернациональной армией, собранной в Сибири, омские министры изгибались в три погибели и в то же время почти совершенно не считались с видным представителем Японии генералом Фукуда, одно прямое и ясное солдатское слово которого, сказанное не из корыстных намерений, могло бы перевернуть всю обстановку в Сибири, а может быть, и во всей по тому времени России в благоприятную для Белого движения сторону...

Вместо того, чтобы, не обращая внимания на противодействие других союзников, гневом которых вечно пугал всех И. И. Сукин, настоять на том, чтобы японцы ввели в Сибирь несколько своих дивизий для охраны большей части Сибирской железнодорожной магистрали, омские дипломаты привели к тому, что японцы, преследуемые несправедливыми подозрениями, сосредоточились в районе к востоку от Байкальского озера и по своей инициативе начали оказывать поддержку той белой группировке, которая находилась в оппозиции Омскому правительству...

Как показал опыт последующей вооруженной борьбы с большевиками в Забайкальской области, на Амуре и в Приморье, те же японцы понесли сами весьма большие потери офицерами и солдатами в боях с большевиками, тем не менее, однако, ни одной «пяди» русской земли себе за эту помощь своей кровью они не потребовали...

Военный представитель Великобритании генерал Нокс, работавший в полном контакте с генералом К. В. Сахаровым, распоряжался во внутренних делах омского аппарата как у себя дома, и ему было повсюду оказываемо безграничное доверие. Однако совершенно не на таком привилегированном положении находился военный представитель ближайшей соседней державы генерал Фукуда. А между тем, если бы состоялось солидное принципиальное соглашение с последним, то при помощи японской вооруженной силы, выдвинутой в район Красноярска и Иркутска, можно было бы вполне обеспечить полное спокойствие в тылу армий адмирала А. В. Колчака и предупредить те серьезные восстания в центре Сибири, которые в сущности и нанесли самый сильный вред белому Сибирскому фронту.

То же соглашение предотвратило бы политическую «игру» против адмирала А. В. Колчака и в Забайкальском районе…

Помимо всех этих весьма радикальных выгод, которые сулились при полном единодушии с японцами, можно было бы воспользоваться и технической помощью последних в вопросе налаживания правильного железнодорожного сообщения по всей Сибирской магистрали. Образцовая постановка железнодорожного дела в Японии доведена до высокой степени совершенства. Изумительная точность расчетов и педантичная аккуратность в соблюдении всех маршрутных сообщений, которыми славятся все японские железные дороги, если бы была применена в Сибири, то во время эвакуации белой армии из Омска не получилось бы такого невероятного хаоса и безобразия...

Даже большевики, после десятка лет своего хозяйничания в России, когда убедились, что наладить железнодорожное хозяйство и движение в надлежащей мере они не могут, пригласили к себе в качестве инструкторов японских железнодорожных специалистов и инженеров. Эти инструктора в течение долгого времени работали на многих линиях русских железных дорог и принесли заметную пользу железнодорожному русскому хозяйству даже в условиях тяжелой и малоподвижной советской системы управления.

Бесконечно путаясь в «ориентациях» и не находя прямого выхода из создавшейся трагической обстановки, адмирал А. В. Колчак даже свою собственную судьбу отдал не на попечение Японии, которая одна-единственная, по тому времени, могла оказать реальную помощь соответствующей вооруженной силой, а на попечение одновременно… всех великих держав. В результате такой

«политики» его литерный поезд, разукрашенный флагами пяти великих держав, самым простейшим способом был передан в руки прямых и открытых врагов адмирала как Верховного правителя всей России.

В то время, как в Иркутске происходила «передача» адмирала и золотого запаса в руки Политического центра, в соседней Забайкальской области находилась в полной боевой готовности вся пятая японская дивизия во главе с генералом Судзуки[162].

В течение времени меньше, чем через сутки, передовые части этой дивизии, находившиеся в городе Верхнеудинске, могли появиться в пределах Иркутского района и принять на себя полную охрану Верховного правителя и доставить его в ту же Забайкальскую область для дальнейшего продолжения, совместно с японцами, вооруженной борьбы против большевиков. Ведь эту же самую борьбу японцы вели весьма интенсивно уже после гибели адмирала в Забайкальском и Приморском районах, помогая войскам атамана Семёнова и последующего Приамурского (Меркуловского) правительства[163]!

Почему же того самого они не сделали бы совместно с адмиралом?..

Вина за полный провал политики и за гибель самого Верховного правителя лежит исключительно на Министерстве иностранных дел Омского правительства и персонально на самом министре И. И. Сукине и его ближайших помощниках.

Этот жесточайший промах омской дипломатии должен войти в историю всего Белого движения, как самая мрачная и тягостная картина всего испытания, которое выпало на плечи всех, чаявших прихода избавления России от большевиков со стороны... востока.

Японцы отлично разбирались во всех тонкостях и хитросплетениях омской дипломатии, и так как сами не искали для себя никаких специальных выгод за счет русского народа, то и не видели для себя необходимости проявлять свое рыцарское, самурайски-бескорыстное отношение к Омску.

Среди флагов пяти великих держав, под сенью которых несчастный русский адмирал А. В. Колчак шествовал на свою последнюю Голгофу, развевался флаг и страны Восходящего Солнца.

Однако на присутствие японского флага в данном случае надо смотреть лишь как на церемониальное участие его в обычной траурно-погребальной процессии...

И в этой печальной погребальной процессии не видно было ни министра в черепаховых «американских» очках, ни его ближайших помощников...

А где они были, действительно, в это время?!. Не знал об этом, вероятно, в тот момент и сам адмирал...

На санях по... шпалам

Покинув затертый в общем заторе поездов эшелон Осведверха, автору настоящих воспоминаний пришлось пересесть на сани и в них продолжать свой дальнейший путь на восток.

Длинной вереницей тянулись впереди и позади колонны из таких же саней, которые стремились сохранять свое прежнее организационное устройство. Двигались группой и уже заметно поредевшие в своем составе сотрудники Осведверха.

Временами, когда впереди идущая вереница саней неожиданно останавливалась и не пропускала тянущуюся позади колонну, некоторые нетерпеливые смельчаки выезжали на полотно тут же пролегающей Сибирской железнодорожной магистрали и продолжали свой путь прямо по шпалам.

Каждую минуту эти смельчаки рисковали своей жизнью, ибо сзади идущие по линии поезда, вынырнув неожиданно из-за поворота, могли наскочить на них.

В таких случаях, а повторялись они очень часто, среди едущих по шпалам саней поднималась невообразимая паника, в результате которой сани бросались с полотна в сторону и нередко падали с большой высоты под откос.

Нервы у всех были перетянуты до последней крайности и бывало так, что эта самая паника поднималась и безо всякой причины...

Компанию в этом походе на санях с автором настоящих воспоминаний разделял ближайший его помощник по Осведверху профессор А. М. Оссендовский.

Большие вместительные сибирские сани-розвальни, запряженные тройкой сытых лошадей, быстро скользили по накатанной зимней дороге.

Полулежа, закутанные в теплые шубы и «дохи», они путешествовали в течение нескольких дней в одних санях от Ново-Николаевска до станции Тайга.

В длинных и нескончаемых беседах проходило это удивительное и памятное на всю жизнь «путешествие»... Проведенное вместе время в Кокчетавских степях, где случалось не один раз побывать на охоте «по зверю и птице» и куда с «сосланным» начальником Осведверха добровольно согласился отправиться и профессор А. М. Оссендовский, а также впечатления от омской катастрофы служили предметом самых оживленных между ними разговоров и воспоминаний.

Профессор А. М. Оссендовский был изумительный и интересный рассказчик, с которым можно было проводить целые дни, причем никогда не иссякала у него тема для самых занимательных и душу захватывающих повествований. В жизни своей, полной всяких охотничьих, а также политических приключений и злоключений, было немало глубоких переживаний, тем не менее они нисколько не отразились на живом и весьма общительном его характере.

Близко подружившись с ним, автор настоящих воспоминаний видел в нем не только весьма ценного помощника и сотрудника, но и дорожил им как личным проникновенным советником и доброжелательным другом.

К сожалению, не доезжая станции Тайга, совместное путешествие должно было прерваться, так как профессору А. М. Оссендовскому пришлось повернуть на север и отправиться в город Томск, где находилась его жена. Надо было взять ее с собою, и потом снова догнать в пути колонну Осведверха.

Тепло простившись с профессором, автор настоящих воспоминаний и не подозревал того, что следующая встреча у него с ним произойдет только через... полтора года.

В то время, как санная колонна Осведверха добралась до станции Тайга, были получены сведения, что в городе Томске произошло восстание гарнизона[164] и таким образом профессор А. М. Оссендовский с семьей попал в очень тяжелое положение.

Было сразу очевидно, что скоро ему оттуда не выбраться и что его личной жизни, как видного участника антибольшевистской пропаганды, грозит большая опасность.

Только во Владивостоке летом 1921 года, когда там образовалось одно из последних антибольшевистских правительств, привелось при совершенно случайных обстоятельствах снова увидеться с профессором А. М. Оссендовским. Много, много пришлось ему пережить после того, как он покинул сибирские походные санирозвальни начальника омского Осведверха.

Вырываясь из большевистского плена, в котором он пробыл около года, он проник в Монголию и кружным путем добрался до Владивостока как раз в то время, когда там снова появилось белое правительство, и автор настоящих воспоминаний прибыл в этот город в роли начальника штаба атамана Г. М. Семёнова.

Вскоре после этого А. М. Оссендовский покинул Владивосток, отправляясь через Америку в Европу и Польшу. Через два года потом появилась в печати книга, написанная профессором, под названием «Боги, люди и звери»[165], в которой он в самых захватывающих и натуральных красках рисует все свои переживания и бедствия, перенесенные во время плена и бегства из последнего. Находясь в Америке и в Европе, А. М. Оссендовский продолжал свою пропагандную работу антибольшевистского характера, иногда поддерживая связь письмами с пишущим эти строки. Интересовался он вопросами непосредственного участия и руководства в русской революции, особенно в большевистский ее период, со стороны Германского Генерального штаба[166].

В связи с этим он запрашивал, не сохранилось ли в распоряжении автора настоящих воспоминаний материалов по этому поводу, из числа тех, которые имелись в свое время в омском Осведверхе.

Материалы, подтверждающие этот вопрос, конечно, были, но они или погибли в общем пламени, когда под Ново-Николаевском был подожжен эшелон Осведверха, или, если вообще уцелели, попали в руки большевиков.

От Тайги до Балая...

На станции Тайга, от которой железная дорога имеет ветку на Томск, по прибытии санной колонны Осведверха представилась возможность снова пересесть в поезда.

Значительная часть эшелонов пятой польской дивизии, двигавшейся в хвосте растянувшейся впереди ленты чешских поездов, еще не успела покинуть ст. Тайга. У поляков имелись в полном комплекте вагоны и паровозы. Они сами, при помощи временно устанавливаемой своей военной комендатуры, распоряжались продвижением своих эшелонов.

При содействии русского коменданта, руководившего эвакуацией, протекавшей через Тайгу с Омского и Томского направлений, удалось с большим трудом получить вагон-теплушку

и в нее погрузить жалкие остатки наполовину растерявшегося в пути личного состава Осведверха.

В невероятной тесноте разместились в вагоне-теплушке с семьями, среди которых были и многодетные, и в таком виде двинулись от Тайги на восток. По мере знакомства с чинами польского эшелона, уже в пути удалось разместиться по различным теплушкам.

Первоначально движение шло без перебоев, но потом начались задержки и замедления, из-за недостатка воды и топлива, на промежуточных станциях. Зачастую на перегоне между станциями в паровозе воды не хватало и ее приходилось восполнять снегом.

В этих случаях все едущие в эшелоне, без различия ранга и служебного положения в польской и русской армии, брались за лопаты и ведра и становились на работу.

После получаса такой интенсивной работы поезд отправлялся до ближайшей водокачки и там уже пополнял свой водяной запас. Таким образом, весь расчет движения был построен на постоянной «водяной мобилизации», и все едущие в эшелоне с большим вниманием следили за наличием в паровозе воды или... снега. При малейшем упущении в этом вопросе грозила полная остановка поезда, ибо паровозы немедленно замерзали. Все промежуточные станции и депо были заставлены замерзшими в пути паровозами, для разогревания которых не всегда имелась возможность из-за недостатка рабочих в паровозных депо или из-за умышленного уклонения их от работы. Крепчавший мороз и большевистская агитация делали свое дело...

Все большее и большее количество эшелонов прекращало свое движение, и отстающие стремились пересесть в уплотняемые передние эшелоны.

С теми или иными препятствиями и задержками польский эшелон в течение нескольких дней дотянулся до станции Минино.

По дороге, в Ачинске, пришлось наблюдать печальные остатки разрушений, произведенных взрывом мин, которые находились в одном из эшелонов морского ведомства[167]. Груды отдельных частей искалеченных тел, рук и ног были сложены в пирамиды на перроне вокзала и ожидали своего погребения...

Польский эшелон проходил через станцию Ачинск через три дня после того, как на ней произошел страшный взрыв, разрушивший сразу пять эшелонов, стоявших на станционных путях. В одном из эшелонов находились чины штаба бывшего Главковостока

генерала К. В. Сахарова полковник Оберюхтин и заменивший его в должности начальника штаба генерал Богословский[168].

У полковника Оберюхтина пострадала от взрыва жена, а генерал Богословский ранен был сам. На обоих этот взрыв и его последствия произвели такое неизгладимо тягостное впечатление, что они уже тогда открыто говорили о невозможности дальнейшего сопротивления большевикам и о необходимости прекращения против них вооруженной борьбы. Все тогда почему-то были уверены, что ачинский взрыв был организован или тайными агентами большевиков, или партизанами Щетинкина[169], который действовал в Минусинском районе. Однако имеются полные основания утверждать, что это дело было следствием небрежного обращения с минами, которые на станции Ачинск перегружали из одного вагона в другой.

В ночь на 6 января, то есть через семь недель после того, как автор настоящих воспоминаний покинул Омск, в польском эшелоне он достиг станции Минино, расположенной по соседству с городом Красноярском с западной его стороны.

Здесь перед его глазами предстала одна из печальнейших картин последнего отблеска угасающей омской военной организации. Штаб Главковостока генерала В. О. Каппеля, сменившего «убранного братьями Пепеляевыми» генерала К. В. Сахарова, покидал свои вагоны, пересаживался на лошадей и отправлялся в сторону от полотна железной дороги в северном направлении.

В Красноярске произошло большевистское восстание. Военная власть в городе перешла в руки бывшего начальника формировавшейся здесь дивизии генерала Зиневича[170], который воспротивился дальнейшему продвижению через Красноярск на восток армии генерала В. О. Каппеля...

Настроение немногочисленных чинов штаба, садившихся на лошадей, хотя и было достаточно бодрое, тем не менее уже чувствовалось, что в этот момент происходила агония последних призраков власти адмирала А. В. Колчака, о местонахождении которого не имелось к тому времени никаких сведений.

Войдя в пустеющий вагон штаба, автор настоящих воспоминаний встретил в нем бывшего генерал-квартирмейстера последнего периода омской Ставки генерала П. Ф. Рябикова, который в кратких чертах набросал данные об общей обстановке. По мнению последнего, продолжение продвижения по железной дороге на восток, через Красноярск, не обещало никакого успеха...

Тут же, на станционных путях, приходилось наблюдать картину полной растерянности среди тех из чинов того же штаба и других эшелонов, которые были перегружены своими семьями и вещами до чрезвычайной крайности и в этой безвыходной обстановке, без всякой надежды достать лошадей и сани для дальнейшего путешествия, не знали, что делать...

Они действительно были в безысходно трагическом положении.

На бывшего дежурного генерала Ставки полковника Леонова, ехавшего со своей молодой женой, это трагическое обстоятельство так сильно подействовало, что он тут же лишился рассудка и, стоя на путях, что-то бессвязно бормотал, беспомощно протягивая ко всем встречным свои руки...

Тяжелая и жуткая картина, но такие сцены были кругом потому, что станция Минино была последним этапом, до которого докатился последний призрак умирающей омской власти.

После Минино все предоставлены были самим себе. Те, кто мог, цепляясь за армию, идти с нею в глухую бездорожную зимнюю сибирскую тайгу, тот еще мог рассчитывать вырваться из когтей надвинувшейся смерти и дикого ужаса, но кто этой возможности не имел, тот погибал или сдавался...

Не пересекли меридиана Красноярска полковник Оберюхтин и генерал Богословский, оставшись в лагере большевиков. Какова была судьба помешавшегося на станции Минино полковника Леонова, так и осталось неизвестным и по сей день...

Генерала П. Ф. Рябикова автор настоящих воспоминаний с тех пор уже не встречал[171]. Прорвавшись с армией до Читы, он вскоре покинул Дальний Восток и уехал в Сербию.

Трагическая обстановка, при которой произошла последняя встреча с пишущим эти строки, видимо, оставила в памяти генерала П. Ф. Рябикова такое тяжелое и всесокрушающее впечатление, что когда он встретил в Чите ранее уехавшую туда жену автора настоящих воспоминаний, то на ее естественный вопрос о судьбе своего мужа он нарисовал ей такую печальную картину, что в трагической гибели последнего сомневаться почти не приходилось...

Хотя и опасно было двигаться через Красноярск с польским эшелоном, но ввиду того, что иного выхода не было, надо было рисковать. Бросать всех чинов Осведверха с семьями в этот трагический момент также было нельзя.

Поляки волновались, так как не были уверены, что они пройдут через восставший Красноярск без боя, но у них тоже не было

выхода... Они решили двигаться по железной дороге. Невольно с ними потянулся навстречу полной неизвестности и лютой опасности и автор настоящих воспоминаний с... Осведверхом...

Однако риск оказался не так велик. На вокзале все находилось в сравнительном порядке и польскому эшелону не причинили никаких препятствий и неприятностей, и он смог продолжать свой путь и дальше от Красноярска на восток.

По общему впечатлению, которое сложилось в этот момент у пишущего эти строки, напрасно генерал В. О. Каппель предпринял тяжелое обходное движение всеми силами своей армии вокруг Красноярска с севера, тогда как последний можно было бы взять без особого сопротивления, простой лобовой атакой.

Очевидно, даже у военачальников, перенесших слишком длительное нервное и военное напряжение в течение нескольких лет Великой и Гражданской войны, в конце концов, силы для активного противодействия иссякли, и они настолько сами «выдохлись», что предпочитали идти только по «линии наименьшего сопротивления»...

Инициатива и активность, видимо, твердо покинули ряды белой армии в Сибири, и она только стремилась уйти и уйти...

«В Забайкалье, в Забайкалье, скорее и во что бы то ни стало!!!». Вот что было лозунгом того ужасного времени, и никто уже не помышлял о серьезном восстановлении фронта. Также потом, два месяца спустя, без боя оставляя адмирала А. В. Колчака и золотой запас на произвол судьбы, обходил с севера Иркутск и последующий Главковосток генерал Войцеховский. Точь-в-точь, как это самое, два месяца перед этим, под Красноярском, проделал и генерал Каппель.

Большевики только и учитывали эту надломленную волевую психологию белой, стихийно отступавшей армии и стремились преследовать ее по пятам, зарываясь сами в это время до последней крайности.

Этот факт стал для автора настоящих воспоминаний очевидным во всей его полноте тогда, когда он попал в плен к большевикам и лично слышал об этом красноармейские разговоры и приказы передовым частям 30-й советской дивизии, которая гналась за армией Каппеля и Войцеховского.

– Товарищи, скорее, скорее вперед, нагоняйте белогвардейцев, иначе они могут легко оправиться и нам тогда несдобровать, так

как мы слишком зарвались и малочисленны. Не давайте опомниться врагу от понесенного им поражения. Не теряйте времени на чай, обед и ужин, вперед, вперед!!!

– Недорубленный лес скоро вырастает, – покрикивали комиссары, подбадривая своих подчиненных для дальнейшего преследования.

Так гнали весьма слабую и такую же вымотанную, как и белая, Красную армию ее командиры, стремясь не дать противнику передохнуть ни на один день.

Если бы белая армия сохранила способность сделать хотя бы самый несложный обходной контрманевр, то зарвавшиеся слишком вперед преследующие части Красной армии действительно могли бы попасть в мешок и быть сравнительно легко разбитыми.

Как это ни странно, но значительный процент отставших или сдавшихся красным солдат из армии Верховного правителя автоматически попадал в ряды передовых преследующих частей противника и в один миг из «белогвардейцев» переделывался в рьяных красноармейцев...

И эти «перелеты» были более ревностными исполнителями своих обязанностей, чем остальные красноармейцы…

Такова психология Гражданской войны. Таковы уродливые последствия проигранных в этой войне решительных операций.

Итак, с отрывом остатков армии адмирала А. В. Колчака от поездных эшелонов все то, что находилось к востоку от Красноярска, на путях Сибирской железной дороги, оказалось вне всякого вооруженного прикрытия и превращалось в беспомощное «беженство».

Только те, кто так или иначе поустраивались при польских или чешских эшелонах, могли считать себя до некоторой, весьма относительной, степени в безопасности.

Все, имевшие сани и лошадей, ушли за армией.

К востоку от Красноярска польскому эшелону, в котором, теперь уже случайно очутившиеся на «беженском» положении, двигались остатки былого Осведверха, удалось пройти только <...> четыре станции. Вследствие того, что у многих впереди идущих эшелонов замерзли паровозы, они остановились и загородили собою весь путь, который имел здесь только <...> одну колею.

Получилась безнадежная пробка...

Простояв в напрасном ожидании от впереди лежащего ближайшего Канского деповского участка помощи паровозами, все пассажиры польского эшелона начали не на шутку волноваться...

Позади были только одни красные, и помощи в случае их приближения к вагонам, ждать было неоткуда. Поляки определенно решили вооруженного столкновения с большевиками не принимать и перейти к ним совершенно добровольно в надежде, что их никого не тронут и после некоторого времени отправят через Европейскую Россию на… родину.

В вагонах стоящего в глухом снежном поле эшелона началась большевистская агитация. На немногочисленных русских поляки начали смотреть с явным недружелюбием и даже злобою, как бы считая их прямыми виновниками случившегося с эшелоном несчастья...

Положение создалось безвыходно драматическое.

Среди русских поднялась паника, но никто из находившихся в вагонах не хотел покидать их. Почему-то все надеялись, что какое-то чудо должно спасти их.

Но «чудо» ниоткуда не приходило...

Автор настоящих воспоминаний делал отчаянные попытки произвести разведку положения вокруг эшелона и впереди его для того, чтобы нащупать хотя какой-нибудь признак наличия белых отрядов, идущих вдоль железной дороги на санях или лошадях и чтобы сдать туда женщин и детей, а мужчин присоединить к колонне. Ничего нигде видно не было.

Армия, видимо, была уже далеко, так как со дня разрыва прямой связи с нею прошло больше трех суток...

Сколько хватало возможности пройти пешком вперед по линии железной дороги, было видно, что все паровозы в польских эшелонах пятой дивизии стояли замерзшими.

Эшелон, в котором следовал Осведверх, находился одним из хвостовых в этой печальной ледяной колонне...

Обледенелые паровозы, обледенелые вагоны, заледеневшие сердца пассажиров...

Вот он, знаменитый отныне... «Ледяной поход».

Картина была жуткая и непередаваемая.

Кругом ни души.

Недалеко впереди виднеется занесенная снегом, глухая сибирская станция под названием Балай.

Поляки не проявили никакой попытки покинуть эшелоны, чтобы с оружием в руках походным порядком двинуться вперед.

У них имелась для этого полная возможность.

Во всех эшелонах пятой польской дивизии погружено было значительное количество лошадей, артиллерийских повозок и даже саней.

При намерении оторваться от вагонов можно было бы использовать все, имевшееся под рукой, для того, чтобы вывезти на лошадях женщин и детей, а самим двигаться пешим строем.

Но поляки и слышать об этом не хотели.

Им дорог был тот обильный скарб, которым они нагрузили, за долгий срок путешествия свои вагоны...

С левой стороны эшелона, протоптанной санями ушедшей на восток белой армии, появились красные конные разъезды.

Двигаясь рысцой на сытых рослых и совершенно свежих лошадях, красные кавалеристы кричали в сторону вагонов о том, чтобы все оружие поляки складывали перед собою на снег, а лошадей немедленно выгружали из эшелонов...

В одно мгновение ока из всех широко раздвинутых дверей теплушек потянулись польские легионеры и начали составлять «в козла» винтовки и около них наваливать горы ручных гранат и патронов...

Только некоторые из польских солдат злобно ругались про себя и небрежно швыряли амуницию из вагонов в придорожную, довольно глубокую, запорошенную пухлым снегом канаву.

Русская часть пассажиров была совершенно пассивна.

На всех лицах было написано полное уныние. Большинство молчало и с тупым равнодушием наблюдало за процедурой разоружения польских легионеров.

Красные кавалеристы быстро продвигались вперед, за ними следовали другие и другие. Они все были увешаны большими красными бантами, лентами и повязками через плечо или около локтя.

«Недорубленный лес скоро вырастает», и потому они торопились вперед, чтобы побольше отрезать и без того уже стоящих в полной покорности польских эшелонов.

Время шло. Скоро появятся те, кому надлежит ведать попавшими в плен «белогвардейцами».

Ожидать этого момента значит сознательно надевать на свою шею мыльную веревку...

Приходилось действовать.

Приняв решение во что бы то ни стало уйти от грозящей личной смертельной опасности, автор настоящих воспоминаний пошел вдоль тех вагонов эшелона, где имелись русские, и тихим голосом, чтобы не привлекать общего внимания, предлагал всем желающим покинуть вагоны для того, чтобы прорываться на восток пешим порядком, присоединиться к нему.

Первый, который ответил отказом следовать за своим офицером, был личный вестовой автора настоящих воспоминаний. У него оказалось «больное горло» и он боялся «простудиться»...

Личный адъютант поручик Хусаинов, видимо от горя, был мертвецки пьян и от него ничего толком добиться было нельзя. С ним случалось, что, дорвавшись до «четверти» с чистым спиртом, он – молодой еще юноша, хотя и татарин, припадал к ее «устам» и пил, пил, пока не отваливался от горлышка наполовину опорожненной бутыли...

Спирту в эшелоне у поляков было сколько угодно и бедный Хусаинов стал жертвой своей страсти во время этого печального пути.

Мертвецки пьяный он и попал на «учет» прибывших вскоре из Красноярска агентов Чека...

Будь он трезв, не пришлось бы ему остаться в руках большевиков, ибо следовать пешком он наверняка не отказался бы.

Все остальные, как сговорившись, отвечали решительным отказом, а некоторые даже ругались, считая прорыв через линию красного фронта еще большим безумием, чем сдача на волю «победителя»...

Дамы и девушки с ужасом смотрели на решившегося уходить «бывшего» начальника Осведверха и со слезами на глазах, нашептывая молитвы, благословляли его крестным знаменем.

Только один из всего состава Осведверха и других лиц нашелся, кто решил разделить сверхопасную попытку прорыва через выдвинувшуюся далеко вперед большевистскую линию фронта.

Этот один-единственный был полковник Лев Николаевич Канабеев[172].

В этом безумном решении было бы трудно справиться одному, и потому автор настоящих воспоминаний облегченно вздохнул, когда убедился, что в своем положении он не оказался совершенно одиноким.

Взяв с собою по маленькой «котомке» с бельем, полотенцем и мылом, двинулись две печальные фигуры на восток, прижимаясь ближе к вагонам, чтобы не привлечь на себя внимание со стороны проезжающих мимо красноармейских кавалеристов.

Погоны, конечно, были сняты, внешний вид изменен.

От вагона к вагону, от эшелона к эшелону пробирались они, пока не достигли самого дальнего, после чего открывалось довольно большое открытое пространство, вдали которого виднелась памятная теперь этим безумным пешеходам на всю жизнь станция Балай...

Вечерело.

Оглядываясь по сторонам и совершенно не зная, что их ждет в ближайшей к станции Балай деревушке, они решили пробираться к ней и оттуда дальше на восток, придерживаясь линии железной дороги.

Так как военную карту брать было опасно, ибо наличие ее могло привлечь внимание любого красноармейца, тем более комиссара, решено было пользоваться только схематической картой, приложенной к обыкновенному железнодорожному путеводителю, на которой ничего кроме тоненькой линии дороги и отмеченных на ней станций не было.

С такой картой уходить далеко в сторону от железной дороги было рискованно и потому волей-неволей пришлось, уходя на восток, придерживаться полотна железнодорожной линии.

Итак, в Балай, так в Балай ...

А там увидим, что дальше делать.

По пути подвернулся мужичонка на розвальнях, возвращавшийся со стороны в деревню при станции Балай. Переговорили с ним. Он охотно согласился взять двоих «заблудившихся в пути путешественников» для того, чтобы показать хату, где можно переночевать в безопасности от большевиков.

Смекалистый мужичонка по мере того, как вез и подгонял почему-то все время «упрямившуюся» свою лошаденку, расспрашивал своих ездоков о том да о сем и чему-то загадочно ухмылялся...

Хотя такое поведение мужичка не совсем обоим спутникам понравилось, тем не менее никто из них не хотел в ту минуту даже и думать, что, может быть, за этой загадочной улыбкой простодушного русского мужичка кроется жестокое коварство и предательство...

Потом-то горе-путешественники научились «уму-разуму», а пока что, на первый же раз, влипли в грязную историю с полного маху.

«Смекалистый русский мужичонка», сразу догадавшись, что имеет дело с офицерами белой Русской армии, решил их доставить «живьем» прямо в лапы большевиков.

И доставил…

– Пожалуйте, г.г. хорошие, здесь Вам лучше всего будет отдохнуть, – ехидно ухмыляясь, сказал он, остановившись около дверей небольшой деревенской хаты.

Пока оба путешественника вылезали из саней и собирали свой «дорожный пешеходный багаж», в это время мужичонка проворно

скрылся за дверями избы и оттуда вышел в сопровождении нескольких вооруженных винтовками и ручными гранатами красноармейцев...

– Вот г.г. ахвицерей привез я к вам в гости – залепетал, подленько хихикая, случайный возница.

Красноармейцы обступили и начали немедленно шарить по карманам, отыскивая оружие, а потом повели «колчаковских шпионов» в хату, из которой они все вышли…

Мужичонка же быстро смотался, подобострастно откланиваясь перед красноармейцем, который в этот момент играл роль самого «высшего местного начальства».

Началась вакханалия обыска, в котором принимали участие все находившиеся в хате красноармейцы, а их было не меньше десяти-двенадцати человек.

Все рвали, тащили, снимали, тут же примеряли на себя, передавали друг другу то, что им не нравилось и снова начинали шарить по карманам, ища денег и золотых вещей.

Пришедший комиссар поселка несколько приостановил грабеж, пригрозив красноармейцам расстрелом за мародерство, указав на то, что на площади поселка валяется труп одного из расстрелянных только что им мародеров.

Это отрезвило «доблестных» красноармейцев, которые состояли все из таких же «простодушнейших русских мужичков», каким был только что «доставивший» пленников в хату… случайный возница. Ночь была кошмарная.

Ночью допрашивали и угрожали, а когда комиссар выходил из избы, то красноармейцы снова шарили по карманам пленных.

По настроению окружающих можно было думать, что не дальше как на рассвете «колчаковские шпионы» будут расстреляны...

Оставаясь в ночной темноте со своими, быть может, последними в жизни мыслями, автор настоящих воспоминаний передумал все, что только знал и помнил из своей жизни более или менее примечательного.

Воспаленное воображение рисовало мрачную, но вполне натуральную картину расстрела на окраине деревни в предутренней полумгле.

Временами начинались галлюцинации, доходившие до того, что на груди чудились кровоточащие огнестрельные раны и «ощущался» терпкий, сладковатый запах собственной теплой крови...

На следующее утро состоялся первый допрос.

В течение первой половины ночи, перед допросом, арестованных «колчаковских шпионов» продержали в том же помещении, куда они были доставлены мужичком-провокатором, но на вторую половину ночи почему-то перевели в помещение железнодорожной станции Балай.

Под конвоем двух полусонных красноармейцев автора настоящих воспоминаний и полковника Л. Н. Канабеева, наполовину ограбленных, отправили по пустынным и вымершим улицам маленького поселка.

В самом глухом из переулков шедший впереди конвоир красноармеец по фамилии Карманов выхватил из-за борта шинели небольшой блестящий смитовский револьвер и, направив его в голову автора настоящих воспоминаний, стал требовать, чтобы тот отдал ему надетое на пальце золотое обручальное кольцо.

Как ни была глуха и жутка обстановка, требование Карманова не было сразу исполнено. На повторные требования он также получил решительный отказ.

Обозленный Карманов взвел курок и намеревался было выстрелить.

Второй конвоир вмешался тоже в эту своеобразную борьбу из-за обручального кольца и, придерживая одной рукой Карманова, стал «убеждать» автора настоящих воспоминаний прекратить дальнейшее сопротивление и отдать Карманову кольцо, так как в противном случае «товарищ Карманов беспременно убьет»...

– Он у нас известный сумасшедший из всех красноармейцев, – наставительно заверял второй конвоир.

После этих слов Карманов еще больше рассвирепел и с налитыми кровью глазами и с хрипящим криком снова набросился, и стал тащить с пальца кольцо сам.

Дальнейшее сопротивление было бесполезно.

Кольцо перешло в руки «защитника октябрьской революции»...

Во время обыска в караульном помещении этот самый Карманов, имя которого всеми остальными красноармейцами часто повторялось, отличался наибольшей озлобленностью и грубостью. Его побаивались, когда он на кого-нибудь из других окрысивался.

Возможно, что в послужном списке этого «героя октября» числилось уже к тому времени немалое количество невинно загубленных им душ из числа тех, которые причислены к «врагам русского народа»...

Потеряв самую дорогую память, автор настоящих воспоминаний пришел в крайне возбужденное состояние.

Кипевшая в душе злоба требовала выхода.

Отняв кольцо и спрятав его в карман, товарищ Карманов снова зашагал впереди арестованных, идущих сзади него гуськом по узенькой, протоптанной в снегу тропинке.

Карманов отделился на несколько шагов вперед, а задний конвоир тоже приотстал.

Пользуясь тем, что в это время проходили около станционных путей, сплошь заставленных порожними и гружеными вагонами, пишущий эти строки, наполовину обернувшись к Канабееву, предложил ему напасть на сзади идущего красноармейца, оглушить его ударом кулака по голове, вырвать винтовку и броситься под вагоны на ту сторону заставленных в несколько рядов путей.

То же самое должен был проделать с идущим впереди Кармановым и автор настоящих воспоминаний.

Настроение было так возбуждено, что самый размер опасности не представлялся уже таким рискованным.

К сожалению, Л. Н. Канабеев, чувствовавший себя все время в полном упадочном настроении, не согласился и даже запротестовал...

Тот же протест, к сожалению, пришлось услышать от него и в помещении железнодорожной станции, где, находясь в полутемной комнате около полудремлящих красноармейцев, автор настоящих воспоминаний снова пытался повторить тот же прием нападения и бегства.

Случай был очень благостный.

На столе стояла маленькая и единственная в большой комнате керосиновая лампа, задуть пламя которой не представляло никакой трудности и в темноте вырваться наружу за двери станции.

Но Канабеев запротестовал и тут, считая, что неудавшимся бегством можно еще больше ухудшить положение.

Видимо, в глубине души Канабеев все же надеялся, что «непротивлением злу» легче будет избегнуть смертельной опасности…

Не сомкнув глаз, арестованные «колчаковские шпионы» дождались рассвета.

Едва забрезжило туманное зимнее утро, их повели к председателю Чрезвычайной комиссии 263-го пехотного советского полка, в расположении которого они были задержаны.

В маленькой избушке происходил детальный допрос.

Благодушно попивая чай, в разговорной форме опрашивали арестованных два члена Чека.

Видимо, на них появление новых людей не производило никакого, кроме простого любопытства, впечатления. Слишком много, без того, они навиделись в погоне за белыми по всей Сибири, на протяжении многих месяцев непрерывной своей «чекистской» работы...

Справедливость требует отметить, что особой придирчивости в допросе не чинилось.

Сравнительно нетрудно было изворачиваться от всяких скользких вопросов, тем более, за долгое ночное бессонное мытарствование все «оправдывающие и смягчающие вину обстоятельства» были всесторонне взвешены и продуманы...

На вопрос, откуда и почему арестованные появились среди красных войск в районе глухой станции Балай, полковые чекисты получили объяснение в том духе, что автор настоящих воспоминаний, будучи «грузинским подданным» (Грузия еще сохраняла свои добрососедские к РСФСР отношения) и имея коммерческие дела в Сибири, предпринял с Кавказа путешествие сюда, кружным морским путем через Владивосток, и вот в пути между Канском и Красноярском пассажирский поезд, который его вез, затормозился навстречу идущими колчаковскими эшелонами и прекратил дальнейшее движение.

Ввиду этого «несчастья» теперь надо снова возвращаться через Владивосток на «родину» и пока что пользоваться всякими способами передвижения и пешим порядком в том числе.

Помогло присутствие полученного в Петрограде грузинского паспорта.

Внимание старшего из допрашивавших чекистов было привлечено прекрасно сшитой и отороченной мехом шубой-бекешей, которая была надета на авторе настоящих воспоминаний и которую не посмели снять с плеча «колчаковского шпиона» простые рядовые красноармейцы.

Это «право», очевидно, «принадлежало» только высшим представителям советского военного командования...

Не закончив допроса, старший из следователей полковой Чека предложил пишущему эти строки или «продать» ему шубу, или, «обменяться» с ним на его дрянненькое ватное пальтишко...

Но так как шуба чекиста была простенькая, то он даже предложил «доплатить разницу ее относительной стоимости»...

Как ни жалко было расставаться в лютую сибирскую зиму с теплой шубой, перед лицом надвинувшейся опасности пришлось с «радостью» согласиться на чрезвычайно «выгодное» предложение...

Шуба перешла на плечи судебного следователя советского военного трибунала, а подозреваемый в «военном шпионстве агент» получил возможность вырваться из затянувшейся на его шее веревки...

Благостное настроение чекиста распространилось и на Л. Н. Канабеева, который, кстати говоря, по уговору, чтобы не сбиться в показаниях, должен был стараться на допросе как можно больше молчать и предоставить выворачиваться из «грязной истории» одному только автору настоящих воспоминаний.

Л. Н. Канабеев на этом допросе фигурировал, по подложному паспорту, под видом старого запасного полкового писаря какого-то пехотного полка и под фамилией Кондратьева.

Такие паспорта «на всякий случай» имелись на руках у некоторых из предусмотрительных, которые отлично понимали, как легко во время Гражданской войны очутиться в подобном, как теперь, и принеприятном положении...

Автор настоящих воспоминаний тоже подправил в своем грузинском паспорте свою фамилию в таком виде, что она никак не «напоминала» собою настоящую.

Вместо Генерального штаба полковника Клерже в лапы чекистов попался «случайный», запутавшийся среди воинских эшелонов грузинский коммерсант по фамилии… Каернея...

Словом, худо или плохо, но без шубы, в драном грязненьком засаленном пальтишке, без всяких вещей, с маленькой котомкой белья, отпущен был на свободу, но без права двигаться на восток, автор настоящих воспоминаний и «случайный его спутник» по злосчастному пассажирскому владивостокскому поезду… Николай Кондратьев.

Итак, после Балая Каернея и Кондратьев вышли «обновленными» и очень сильно «облегченными».

Никакого «лишнего багажа».

«Товарищи» над этим потрудились весьма добросовестно...

Когда немного опомнились после минувшей ночи «горе-путешественники», да осмотрелись, то обнаружили, что черные «галифэ», которые Каернея надел для теплоты в зимнюю стужу поверх основного костюма, оказались на... ногах Кондратьева, а шапка Кодратьева на голове Каернея...

Это второпях и в споре караульные красноармейцы «перепутали», когда снимали с арестованных «колчаковских шпионов» их одежду и, примеряя на себя, передавали друг другу не нравившиеся им вещи и «путали» таковые со своими.

Очевидно, красноармейцу, которому достались черные «галифэ» Каернея, понравились больше брюки Кондратьева, и он, сняв с него эти брюки, всучил ему то, что только что было стащено с ног Каернея...

Вот они гримасы «Великой и бескровной революции» и не менее «Великого Пролетарского Октября»...

Стоит ли после этого упоминать о золотых часах и прочих личных ценных предметах памяти, которых Каернея лишился в эту примечательную балайскую ночь...

С котомкой по... шпалам

Канабеев-Кондратьев был прав. Гасить лампу и бежать от таких «добрых» и «облегчающих карманы Кармановых» едва ли было бы благоразумным...

Получив свободу, Каернея и Кондратьев стали перед вопросом – куда идти?

На запад или на восток?..

В руках имелось маленькое письменное удостоверение, выданное Чрезвычайной комиссией 263-го пехотного советского полка (один из трех полков 30-й советской дивизии[173], которая во главе Красной армии преследовала отступающую армию Верховного правителя адмирала А. В. Колчака), по которому разрешалось из Балая выехать на запад в город Красноярск, то есть в обратную от Владивостока сторону.

Естественно, что такое удостоверение бывших «осведверховцев» не удовлетворяло.

Надо было двигаться на восток, чтобы так или иначе нагнать свою армию.

Большевистское удостоверение было немедленно порвано и выброшено.

Озираясь по сторонам и заметая следы своего последующего маршрута, окольными путями двинулись, придерживаясь линии дороги, а временами и прямо по полотну дороги, мерно шагая по шпалам, Каернея и Кондратьев, ежеминуто обдумывая каждое

слово и объяснение, которое придется давать по поводу цели и намерения своего «путешествия» в таком виде.

Гнетущие мучительные мысли все время преследовали путешественников, которых смертельная опасность сторожила на каждом шагу, при каждом неосторожном слове.

Случай с балайским «смекалистым» возницей показал, что и населению верить совершенно нельзя.

На каждом шагу – измена и предательство. На каждом шагу – подозрительные взгляды и расспросы...

Обязанность придумывать всевозможные «версии» была возложена на Каернея, который только что в Балае выдержал, можно сказать, блестящий в этом духе «экзамен».

Но эта обязанность была мучительно тяжела.

Выдержать эту танталову пытку в течение двух последующих месяцев, во время которых пришлось мытарить между передовых наступающих советских воинских частей, мог только тот организм, который жадно требовал достижения намеченной цели...

Белая армия уходила довольно быстро, советские части старались не отставать и посему, чтобы не запутаться среди глубокого расположения тыловых советских штабов и учреждений, где легко могли встретиться лица, которые распознали бы разницу между «Каернея» и настоящим носителем этого грузинского псевдонима, приходилось форсировать свои переходы.

При этих трудных и опасных условиях приходилось двигаться среди частей 30-й советской дивизии, на плечах которых и лежала задача неусыпно преследовать отступающие части армии Верховного правителя.

Бредя большею частью пешком по шпалам, а иногда умудряясь подсаживаться на паровозы случайных поездов, идущих на восток, продвигались со скоростью 25–30 верст в сутки два замаскированных «белых» офицера.

Нагнать белую армию в этих условиях было невозможно. Приходилось думать только о том, чтобы не отстать, и самое большее, о чем можно было мечтать в то время, это вырваться как-нибудь вперед перед расположением передовых советских частей.

– Вот если бы да у нас было в руках удостоверение какого-нибудь советского комиссара, явились бы мы в деревню, да потребовали бы по наряду лошадей и сани, и махнули бы на них прямо в Иркутск. Живо бы обогнали все красные части – размечтался в своих разговорах Кондратьев–Канабеев.

– Да, да, – отвечает ему Каернея...

Как бы в шутку последний начал шарить по карманам засаленного пальтишка, только что полученного с плеч комиссара 263-го полка, и... вдруг вытаскивает самое настоящее удостоверение последнего.

Глазам своим не веря, стали обсуждать, как в действительности использовать эту удивительную случайную находку. Риск был большой и особенно в случае, если бы красные арестовали спутников раньше, чем они использовали бы удостоверение, и притом эту самую бумажку при обыске нашли бы в их карманах...

Преисполненные надежд, двинулись в ближайшую деревню...

Выбрали избу зажиточного мужика и решили остановиться в ней для отдыха и осуществления своего плана. Хозяева оказались радушными, предложили чаю и вкусных сибирских шанежек.

Попив чайку, уже думали затеять с хозяином разговор о лошадях.

Вдруг дверь в избу отворилась и на пороге появились вооруженные до зубов местные комиссары и ... арестовали обоих мечтателей.

Обыскав карманы, они нашли... удостоверение...

– А это что значит, г.г. хорошие, – многозначительно смотря обоим в глаза, начал допытываться один из них...

Пришлось начистоту сознаться в том, что оно попало случайно при «обмене шубами» и что о присутствии удостоверения в кармане даже не «подозревали»...

– Сейчас проверим, и если это не подтвердится, то...

Арестованные и без объяснения отлично понимали, что дело плохо.

Даже если полковой чекист подтвердит правильность, то, во всяком случае, он может вспомнить, что не разрешал им двигаться на восток, а приказал двигаться на запад в Красноярск.

Снова арестованные Кондратьев и Каернея пережили немалые волнения.

Около двух дней прошло в таком напряженном ожидании.

К счастью, ответ получился благоприятный и запрета в продвижении на Иркутск не последовало.

От имени коменданта поселка Иланского Гуляева и за скрепой судебного следователя Иланского исполкома Евг. Долгорукова на имя обоих «путешественников» выдано было новое удостоверение, предоставляющее возможность двигаться теперь и по железной дороге, и по проселкам без препятствия.

Это обстоятельство значительно облегчило положение и можно было снова возобновить прерванный путь на Иркутск.

Сильно измученные переживаниями и бессонными ночами, решили горе-путешественники один-два дня передохнуть в Иланском и потом двинуться в дорогу.

Забрались в хату простого и скромного мужичка и стали там отсыпаться и отъедаться. Имея гуляевское удостоверение, чувствовали себя сравнительно в безопасности, так как сами большевистские власти благонадежность их «удостоверяли»...

Опасались только того, чтобы не попасться на глаза тем из чинов Красной армии, которые могли лично их опознать.

Уже подумывали собирать свои котомки и с ближайшим «маневровым» паровозом отправиться в Н[ижне-]Удинск.

В это время в поселок стала прибывать какая-то новая советская пехотная часть и быстро заполнять все свободные помещения под свой постой. Во двор, где находились «Каернея» и «Кондратьев», прибыла команда около двадцати красноармейцев.

Шумной толпой и с хохотом ворвались они в избенку и первое, что вырвалось из уст Канабеева-Кондратьева при виде этой ватаги, это изумление от присутствия среди них... бывшего вестового полковника Клерже, который только десять дней тому назад под Балаем отказался следовать за своим офицером из-за «болезни горла»...

Произошла короткая мимическая сценка.

Обе стороны друг друга узнали и в первый момент остолбенели.

– Выдаст или не выдаст, – как молния блеснула в голове «Каернея» мысль.

«Кондратьев» побледнел как полотно и решил, что все пропало.

Сделав вид, что не узнал, бывший вестовой быстро вышел из избы, но этот маневр его показался еще более подозрительным и опасным. Очевидно, он что-то обдумывает или дает «белым офицерам» возможность скрыться.

Медлить было нельзя ни секунды.

Каернея и Кондратьев, как были полуодетые, схватили шубы и выскочили на улицу, оставив в избе котомки с бельем и мылом.

Завернув за угол, они стали быстро удаляться в сторону от поселка.

В наступающей мгле темнеющего зимнего вечера, проваливаясь в сугробы глубокого снега, спешили они в близлежащий железнодорожный городок. Там надо было скрыться до утра и на рассвете уйти из Иланского.

В воспаленном мозгу чудилась организованная сзади погоня и облава, так как если даже «вестовой» не выдал, то хозяин избушки, не видя возвращения вышедших «до ветру» его случайных постояльцев, мог поднять непрошеную тревогу и «искать» беглецов.

Мужичонка был такой же лукавый, как и балайский «возница»...

Все можно было ожидать.

Во время этого «шпально-ледяного похода» на многое пришлось насмотреться и в благодушии характера русского мужичка жестоко разочароваться.

Видели своими собственными глазами, как эти самые «добродушные» мужички со злобой гнали прочь из своих изб буквально замерзающих на морозе отсталых солдат «колчаковской армии»...

Последнюю ночь в Иланском провели, проспавши на полу в маленькой квартире сторожа железнодорожной школы, у которого была куча детей и среди коих, как наутро выяснилось, свирепствовала… натуральная оспа.

В довершение всех невзгод Каернея заразился этой неприятной азиатской болезнью и через десять дней после Иланского свалился в большой температуре.

На станции Тулун, куда добрались всеми правдами и неправдами, пришлось застрять на продолжительное время.

К счастью, Каернея был не один. Кондратьев, как мог, сердечно ухаживал за ним и даже нашел какую-то сердобольную сестру милосердия из ближайшего полевого лазарета, которая была, конечно, не «красная».

Она – женщина, лучше русского «добродушного мужичка» поняла всю трагедию русских офицеров и сделала, что могла, не навлекая на себя подозрений со стороны большевиков, чтобы скрыть и помочь выпутаться из создавшегося положения.

Безусловно, хорошо относились к «путешественникам» и железнодорожники, особенно машинисты, в помещении паровозных бригад которых приходилось ночевать не раз, когда в простых деревенских избах зачастую встречали весьма недружелюбно.

В Тулуне, как слышали из общих разговоров, умер заболевший и замерзший в походе последний из назначенных Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком главнокомандующий Восточным фронтом генерал В. О. Каппель.

Эта грустная новость произвела весьма тягостное впечатление на двух русских офицеров, которые, сами находясь в ужасном положении, видели, как белая армия таяла и расстраивалась даже на самых своих верхах.

В поезде начальника 30-й советской дивизии....

После десятидневного лежания в Тулуне, Каернея, с поддерживающим его под руку Кондратьевым, доставши случайно сани, кое-как добрались до большой деповской станции под названием Зима.

Здесь находился штаб 30-й советской дивизии. Впереди дорога была занята тремя полками этой дивизии и двигаться вдоль линии дороги пешком было абсолютно невозможно.

Ходили слухи в поселке, что с чехами идут переговоры о беспрепятственном вступлении красных в Иркутск, а также о том, что белая армии уже вся ушла в Забайкалье...

С минуты на минуту вся 30-я дивизия втянется в Иркутск и окончательно отрежет всякое сообщение с Забайкальем, попасть в которое можно было теперь почти только чудом или путем новых многомесячных мучений и мытарств.

Для начальника 30-й дивизии[174] уже приготовлен был поездной состав.

Надо было изыскивать героические способы, чтобы «вскочить» в Иркутск до того момента, пока его не покинули еще последние чешские эшелоны.

Задача была почти невыполнимая.

Передумавши все хоть сколько-нибудь правдоподобные комбинации, решили действовать, как говорится, очертя голову.

Терять было нечего...

Думали, думали и надумали: идти в... штаб 30-й советской дивизии и просить разрешения проехать в Иркутск с поездом начальника дивизии...

– Мы, мол, железнодорожные рабочие и должны попасть в Иркутск как можно скорее, так как один из нас болен (благо вся физиономия у Каернея от только что перенесенной оспы была покрыта оспенной коростой) и нужно лечение, а то может и операция.

С этой мыслью пошли в помещение местной школы, где помещался штаб дивизии и нерешительно вошли в него.

Слушать простых железнодорожных «рабочих» в штабе советской дивизии никто не хотел и в пропуске в Иркутск, да еще в эшелон самого начдива, конечно, отказали.

Уныло понурив свои головы, стояли в нерешительном раздумьи в штабе советской дивизии два белых офицера Генерального штаба. Они теряли последнюю надежду проникнуть в желанный Иркутск.

Подражая простонародным манерам, усиленно сморкался прямо на пол Кондратьев-Канабеев и слегка поругивал порядки в пролетарском государстве, где «нашему брату-пролетарию нет никакого внимания и помощи»...

Строчившие какие-то бумаги штабные красные борзописцы не обращали никакого внимания на эти сетования «рабочих железнодорожников». И только один из них предложил самим «просителям» обратиться непосредственно к «товарищу наштадиву».

– Сейчас он выйдет и вы поговорите с ним, – сказал он.

Хотя разговор с «наштадивом» не входил в планы отчаявшихся в своем положении новоявленных «пролетариев», тем не менее они сделали вид, что готовы были ожидать выхода из другой комнаты высокого штабного начальства.

Подняв выше воротники и надвинув на глаза возможно сильнее свои шапки, с некоторым беспокойством ожидали они появления лица, которое могло их узнать, несмотря на радикальную маскировку.

Ожидать пришлось недолго. Но поговорить не «удалось»...

Как только распахнулась дверь и в ней показался начальник штаба советской дивизии, из соседней комнаты неожиданно появились одетые в богатые черные шубы с каракулевыми воротниками двое плотных мужчин и прямо подошли к нему.

– Товарищам Песоцкому и Колегову выдать усиленный продовольственный паек, как чинам штаба дивизии, – громогласно приказал наштадив одному из пишущих чиновников после того, как выслушал обращение к нему этих двух лиц.

На лицах Каернея и Кондратьева изобразился сплошной ужас...

Песоцкий и Колегов только три месяца тому назад занимали довольно видные должности офицеров Генерального штаба в Ставке адмирала А. В. Колчака...

Они уже изменили, служили у большевиков и получали «усиленный советский паек»!!!...

Забыв в один момент, зачем пришли в штаб, оба «пролетария», не дождавшись очереди разговора с наштадивом, мгновенно выскочили из помещения на улицу.

На вокзале стоял и дразнил своей полной готовностью к отправлению в Иркутск советский эшелон начальника 30-й дивизии.

До смерти хотелось попасть в него, чтобы проскочить полторы сотни верст, отделявших станцию Зима от столицы центральной Сибири.

Все вагоны сплошь набиты были красноармейцами.

В конце состава прицеплена была теплушка, оборудованная под походную кухню. В ней около большого бака со щами и кашей возились два кашевара.

Блеснул еще маленький луч надежды. Авось кашевары согласятся нелегально впустить в вагон своего «брата-пролетария».

Началось уговаривание. Долго отказывались кашевары, не уступая никаким доводам и причинам.

Раздались отправные свистки и поезд начал медленно двигаться...

– Товарищи, мы будем чистить вам картошку и рубить дрова, только пустите к себе в теплушку! – в отчаянии взмолился Кондратьев.

Кашевары сдались и в один миг шпальные путешественники очутились в спасительной теплушке.

«От радости в зобу дыханье сперло»...

В течение нескольких часов, не останавливаясь ни на одной из промежуточных станций, специальный советский «экспресс» мчал на всех парах.

Торжествующе въезжал в покинутую белыми войсками предбайкальскую столицу советский военачальник[175]. Не менее «торжествующе» чистили картошку, рубили дрова и подкреплялись жирными советскими щами и кашей два «загримированных белобандита»...

Каждый радовался по-своему...

Счастье, случай, изворотливость и упорство сделали то, что, оторвавшись от белой армии в полупути, испытав все способы передвижения и преодолев все препятствия, добрался, наконец, снова до хвоста чешских эшелонов в Иркутске автор настоящих воспоминаний в сопровождении разделившего с ним тяжкий беспримерный «ледяной поход» полковника Генерального штаба Л. Н. Канабеева.

Радостно обнялись горемычные путешественники, когда почувствовали под ногами почву территории, на которой еще не иссякла власть «чехокомандования».

В Иркутске проживали родители Л. Н. Канабеева. Благодаря их теплой заботливости и участию автор настоящих грустных воспоминаний принял некоторый образ подобия человеческого. Помылись, постриглись, побрились и надели чистое теплое фланелевое белье.

Душа и тело ликовали. Хотелось забыть все невзгоды, лечь в чистую постель и беззаботно долго, долго... спать.

Не тут-то было! К родителям Канабеева пришел один из знакомых, который служил на телеграфе, и сообщил им, что по линии дана депеша о «задержании начальника Осведверха полковника Клерже, который исчез из польского эшелона в районе Красноярска»...

Сообщивший эту новость предупредил, что слухи о появлении Клерже уже достигли иркутских тайных агентов большевиков и что розыски его начались... Куда девались мечты о сладком отдыхе.

Скорее в вагоны ближайшего чешского эшелона! Забившись в наиболее укромное место, пришлось сидеть в вагоне, не показываясь на линии путей и на вокзале, в течение нескольких часов.

Тут же рядом, во всю длину пути, стоял поезд с русским золотым запасом, который охранялся чехами и большевиками.

Об участи, постигшей бедного Верховного правителя адмирала Александра Васильевича Колчака, расстрелянного в том же Иркутске тремя неделями раньше, автор настоящих воспоминаний в точности узнал только в этом чешском эшелоне.

Поезд тронулся и пошел в загадочное Забайкалье.

Занавес над закончившейся омской драмой опустился...

Комментарии к тексту воспоминаний

[1]**Савельев Константин Николаевич** (1878 – ?) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Служил в войсках Кавказского военного округа с 25.10.1908 г., пройдя путь от командира роты до и. д. начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии (с 21.07.1915 г.). 09.01.1917 г. утвержден в этой должности.

Ист.: Савельев Константин Николаевич // Русская армия в Великой войне: картотека проекта. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2941 (дата обращения: 20.01.2009).

[2]**Беляев Михаил Алексеевич** (1863–1918) – генерал от инфантерии (1914). В 1893 г. был в числе первых выпускников Николаевской академии Генерального штаба. С начала Первой мировой войны и. о. начальника Генерального штаба, утвержден в этой должности в апреле 1916 г. С 03.01.1917 г. – военный министр России. Вопреки мнению Г. И. Клерже, последний военный министр Российской империи оказал довольно решительное сопротивление Февральской революции: 27.02.1917 г. он объявил Петроград на военном положении и потребовал из Ставки войска для подавления восстания. Генерал сжег весь секретный архив Военного министерства. 02.03.1917 г. Временное Всероссийское правительство уволило его со службы, а 01.07.1917 г. он был арестован, предан суду Чрезвычайной комиссии Временного правительства по делам о бывших царских министрах, находился в Петропавловской крепости. После Октябрьского переворота генерал М. А. Беляев был освобожден, но в 1918 г. вновь арестован и расстрелян как контрреволюционер.

Ист.: Беляев М. А. – новый военный министр // Летопись войны. Пг., 1917. № 126. С. 2013 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи : энцикл. слов. генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 140.

[3]**Гучков Александр Иванович** (1862–1936) – российский промышленник, политический деятель. Лидер партии октябристов. Депутат и в 1910–1911 гг. председатель III Государственной думы. С 1915 г. – член Государственного совета и председатель Центрального Военно-промышленного комитета. Принял, вместе с В. В. Шульгиным, манифест об отречении императора Николая II от престола. Военный и морской министр в первом составе Всероссийского Временного правительства. После октября 1917 г. – эмигрант.

Ист.: Гучков Александр Иванович // Википедия – электрон. энцикл. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D1%87%D0%BA%D0%BE%

D0%B2,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 11.12.2008).

[4]**Керенский Александр Федорович** (1881–1970) – политический деятель, юрист. До 1917 г. – присяжный поверенный. После Февральской революции – министр юстиции в первом составе Временного правительства, заместитель председателя исполкома Петроградского совета рабочих депутатов и член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. С 05.05.1917 г. – военный и морской министр в новом коалиционном составе Временного правительства. 11.05.1917 г. обнародовал свой приказ о правах командных и низших чинов армии. С 07.07.1917 г. министр – председатель во втором коалиционном составе Временного правительства, одновременно – военный и морской министр. После подавления в конце августа 1917 г. мятежа Л. Г. Корнилова назначен вместо него, по решению кабинета министров, Верховным главнокомандующим вооруженных сил России. После начала большевистского восстания скрылся вечером 25.10 (07.11).1917 г. из Петрограда, выехав в части 3-го конного корпуса генерала П. Н. Краснова. До июня 1918 г. скрывался в России (на Дону, под Новгородом, в Петрограде, Финляндии и Москве), затем тайно эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США, умер в Нью-Йорке.

Ист.: Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В. Александр Федорович Керенский. – Саратов : Изд. центр Сарат. экон. акад., 1996. 250 с.

[5]**Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович** (1879–1940) – революционер, политический и государственный деятель советской России, один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции, создатель Красной армии. С марта 1918 г. – нарком по военным и морским делам, с сентября 1918 г. одновременно – председатель Революционного Военного Совета республики. Под воздействием его идейного и личного врага И. В. Сталина Троцкий, начиная с 1925 г., постепенно лишился всех постов. В 1929 г. выслан из СССР, в 1940 г. убит по приказу Сталина.

[6]**Якубович Григорий Адрианович** (1880–1926) – Генерального штаба генерал-майор (1917), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). С 14.10.1916 г. – начальник отделения Главного управления Генерального штаба. Принял активное участие в Февральской революции, с первого дня ее победы (28.02.1917) – помощник председателя Военной комиссии Государственной думы. Став военным министром в мае 1917 г., А. Ф. Керенский назначил его помощником министра. При большевиках уехал в эмиграцию, работал во Франции таксистом и разнорабочим. Умер в Париже.

Ист.: Якубович Григорий Адрианович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2220 (дата обращения: 10.12.2008) ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 820.

[7]**Туманов Георгий Николаевич**, князь (1880–1917) – Генерального штаба генерал-майор (1917), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909). С 14.04.1914 – и. д. помощника начальника отделения Главного управления Генерального штаба. Активно участвовал в Февральской революции. Вместе с Г. А. Якубовичем с первого дня ее победы 28.02.1917 г. был помощником председателя Военной комиссии Государственной думы, вместе с ним же стал одним из помощников военного министра А. Ф. Керенского. В октябре 1917 г. после большевистского переворота убит неизвестными на улице Петрограда.

Ист.: Туманов Георгий Николаевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3232 (дата обращения: 10.12.2008).

[8]**Верховский Александр Иванович** (1886–1939) – Генерального штаба генерал-майор (1917), в Красной армии – комбриг (1936). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). После Февральской революции был избран товарищем председателя Севастопольского совета, затем (в июле–сентябре 1917 г.) командовал войсками Московского военного округа. С 30.08 (12.09).1917 г. по 22.10 (04.11).1917 г. был военным министром Всероссийского Временного правительства, ушел в отставку за три дня до большевистского переворота из-за того, что Предпарламент отклонил его предложения демобилизовать армию и выйти из войны. В ноябре 1917 г. стал одним из организаторов противодействия большевикам в Ставке Верховного главнокомандующего. Подвергся аресту как участник эсеровской подпольной организации (1918). С 1919 г. – в Красной армии, с 1920 г. – член Особого совещания по обороне республики. С июня 1922 г. руководил Военной академией РККА им. М. В. Фрунзе, был ее преподавателем, затем профессором (1927). С 1930 г. служил начальником штаба Северо-Кавказского военного округа, был арестован и 18.07.1931 г. приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу по статье «антисоветская деятельность». 02.12.1931 г. приговор заменен на 10 лет заключения в лагере. 17.09.1934 г. А. И. Верховский был досрочно освобожден, далее находился на службе командирских курсов «Выстрел», затем служил в Генеральном штабе и Академии Генштаба. Репрессирован, 19.08.1939 г. Военной коллегией Верховного суда приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Ист.: Верховский Александр Иванович // Русская армия в Великой войне. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=427 (дата обращения: 09.11.2008) ; Залесский К. А. Первая мировая война. Правители и военачальники : биогр. энцикл. слов. М., 2000. С. 87–88 ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

[9]Июльские события 1917 г. в Петрограде – попытка свержения 3–5 (16–18).07.1917 г. Всероссийского Временного правительства и передачи

власти в руки ЦИК совдепов, сопровождавшаяся восстанием солдат Петроградского гарнизона и рабочих городских заводов. Восстание было подавлено боевыми частями, снятыми с фронта. После его ликвидации Временное правительство объявило большевистскую партию вне закона, лидеры большевиков скрылись в подполье и были объявлены в розыск. Правительство в целях безопасности переехало из Мариинского дворца в Зимний.

[10]**Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918) – генерал от инфантерии (1917), один из вождей Белого движения. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1898). После Февральской революции в марте–апреле 1917 г. – командующий войсками Петроградского военного округа, затем – командующий 8-й армией Юго-Западного фронта. С 08.07.1917 г. – Верховный главнокомандующий вооруженных сил России. Организовал заговор против правительства А. Ф. Керенского, поставив задачей оказать вооруженное давление на это правительство для удаления от власти социалистических, в первую очередь пробольшевистских политических лидеров и разгона совдепов. Целью переворота провозглашалось установление твердой государственной власти. 27–31.08 (09–13.09).1917 г. Корнилов выступил во главе верных ему войск на Петроград, где восстание готовила «корниловская организация». 27.08 (09.09).1917 г. А. Ф. Керенский сместил Л. Г. Корнилова с поста Верховного главнокомандующего. Выступление закончилось неудачей. С декабря 1917 г., освободившись из Быховской тюрьмы, Корнилов вместе с генералом М. В. Алексеевым формировал на Дону Добровольческую армию, с 25.12.1917 г. возглавлял эту армию. Убит 31.03.1918 г. от разрыва вражеского снаряда.

Ист.: Дело генерала Л. Г. Корнилова: материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Авг. 1917 – июнь 1918 г. М., 2003. Т. 1. 565 с. ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 692–693.

[11]**Доманевский Владимир Николаевич** (1878–1937) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1903). С 04 июля по 30 ноября 1916 г. служил начальником штаба 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала Н. Н. Баратова в Персии. Вернувшись в Петроград, принял участие в корниловском движении. В сентябре 1917 г. назначен начальником штаба Приамурского военного округа, находился в распоряжении генерала Д. Л. Хорвата, а затем Генерального штаба армии США, как служивший при американском экспедиционном корпусе в Сибири. В 1920–1921 гг. служил на командных должностях в армии Временного правительства Дальнего Востока (Приморской областной земской управы), с 13 февраля 1920 г. по 12 апреля 1920 г. – в должности начальника штаба армии, возглавлявшейся А. А. Краковецким. Получил от приморских властей звание генерал-лейтенанта (1920). С 1922 г. в эмиграции, в 1931–1937 гг. – сотрудник военно-исторического

журнала «Часовой» и лектор Высших военно-научных курсов во Франции. Умер в Париже.

Ист.: М. Л. Генерал В. Н. Доманевский : [некролог] // Часовой. Париж, 1937. – № 190 (25 мая). – С. 21 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : биогр. справочник. – М., 2003. – С. 86 ; Доманевский Владимир Николаевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1617 (дата обращения: 25.12.2008) ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 468.

[12]**Шабловский И. С.** – юрист. До революции работал адвокатом в Риге. Выступая защитником на политических процессах в судах Прибалтийского края, имел дружеские отношения с адвокатом А. Ф. Керенским, также бравшимся за политические дела. Став военным министром, А. Ф. Керенский назначил гражданского адвоката Шабловского главным военно-морским прокурором. Как доверенное лицо Керенского, он стал в сентябре 1917 г. председателем Чрезвычайной следственной комиссии по делу о заговоре Л. Г. Корнилова.

Ист.: Дело генерала Л. Г. Корнилова… Т. 1. 565 с.

[13]**Крыленко Николай Васильевич** (1885–1938) – советский партийный и государственный деятель, член большевистской партии с 1904 г. При возвращении в Россию из эмиграции был арестован и в апреле 1916 г. направлен в действующую армию, где дослужился до звания прапорщика. После Февральской революции – председатель полкового, дивизионного, а затем армейского (11-й армии) комитетов на фронте. Активно участвовал в большевистском перевороте, был членом Петроградского военно-революционного комитета. 09.11.1917 г. назначен первым советским Верховным главнокомандующим и первым наркомом по военным делам. В дальнейшем возглавлял органы советской юстиции, был государственным обвинителем на важнейших политических процессах, председателем Верховного трибунала при ВЦИК (1922–1931), прокурором РСФСР, наркомом юстиции РСФСР (1931–1936), наркомом юстиции СССР (1936–1938). Один из организаторов политических репрессий в СССР. Репрессирован, расстрелян.

Ист.: *Ваксберг А. И.* Прокурор республики. Крыленко : док. повесть. М., 1974. 191 с. ; *Матюшин М.* Преданность : повесть о Николае Крыленко. М., 1976. 344 с. (Пламенные революционеры) ; *Симонов Е. Д.* Человек многих вершин: Николай Васильевич Крыленко. М., 1969. 192 с. ; Гродзенский С. Я. Лубянский гамбит. М., 2004. 285 с.

[14]**Шаховской Дмитрий Иванович**, князь (1861–1939) – российский государственный и общественный деятель. В 1917 г. – министр государственного призрения Всероссийского Временного правительства.

[15]**Урусов Лев Павлович**, граф (1839–1928), – русский дипломат, посланник России в Румынии (1880–1886), Бельгии и Люксембурге (1886–1897), Франции (1897–1904), Италии (1904–1905), Австро-Венгрии (1905–1910). После 1917 г. в эмиграции.

[16]**Завойко Василий Степанович** (1875 – ?) – помещик, предприниматель, журналист, политический деятель. Внук адмирала В. С. Завойко – камчатского военного губернатора и героя Петропавловской обороны 1854 г. По окончании Царскосельского лицея (1895) занимался земельными спекуляциями в Юго-Западном крае, стал владельцем крупного имения в Подольской губернии. После Первой русской революции 1905–1907 гг. занялся нефтяным предпринимательством, являлся директором-распорядителем нефтедобывающего товарищества «Эмба и Каспий», поверенным фирмы «Нобель», заместителем председателя правления Среднеазиатского общества «Санто». Работал также в банковской сфере, был организатором стекольных заводов и пр. Сотрудник и соиздатель черносотенной газеты «Русская воля», 23.04.1917 г. учредил в Петрограде журнал «Свобода в борьбе». Познакомившись с Л. Г. Корниловым, который после Февральской революции командовал войсками Петроградского военного округа, В. С. Завойко стал его главным советником и консультантом по политическим вопросам. В мае 1917 г., когда Корнилов уехал командовать 8-й армией на Юго-Западный фронт, Завойко отбыл вслед за ним, формально зачислившись добровольцем в один из полков «Дикой дивизии», однако фактически являясь ординарцем Корнилова в штабе армии. Используя опыт журналиста, Завойко ввел публицистический элемент в документы Корнилова, адресованные общественности, составил ряд приказов и обращений генерала. Пользуясь своими связями в столичной прессе, организовал широкую кампанию популяризации личности и идеологии Л. Г. Корнилова, выпускал накануне и в ходе августовского выступления пропагандистскую корниловскую литературу (брошюры, листовки). В конце 1917 – марте 1919 г. участвовал в белом движении на Юге России, был с Л. Г. Корниловым в Ледяном походе 1918 г. В апреле 1919 г. прибыл в Омск под фамилией Курбатов. Состоя в дружеских отношениях с «корниловцем» генералом Д. А. Лебедевым, пытался интриговать против А. В. Колчака, предлагал представителям Сибирской казачьей конференции организовать свержение адмирала. Был выслан из пределов России, уехал в Нью-Йорк и там развил публицистическую деятельность, издавая и рассылая статьи, памфлеты, письма против Колчака и Деникина. В 1920 г. прибыл в Читу, служил у атамана Г. М. Семёнова. Был одним из вдохновителей «демократизации» семеновского режима и передачи летом–осенью 1920 г. некоторых властных функций Забайкальскому Народному собранию. Уехав после эвакуации в Японию, сотрудничал с Временным правительством Приморской области земской управы. Предлагал этому правительству свой план организации демократической власти, выпустив в 1920 г. в Иокогаме книгу «Основные законы Приморской области».

Ист.: Продолжение про Л. Г. Корнилова. В продолжение вчерашнего разговора о Корнилове. Из Е. И. Мартынова «Корнилов. История попытки переворота». (Политика и стратегия; М., 2003) // Живой журнал. URL: http://wg-lj.livejournal.com/43000.html (дата обращения: 15.01.2010) ; Дело генерала Л. Г. Корнилова… Т. 1. С. 244 ; *Ципкин Ю. Н.* Являлось ли

Белое движение буржуазно-демократической альтернативой советской власти? // Россия и АТР. 2005. № 1. С. 39 ; Завойко Василий Степанович // Биографии : сайт А. В. Квакина. URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.01.2010).

[17]**Лебедев Дмитрий Антонович** (1883–1928) – Генерального штаба генерал-майор (1919), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). В 1917 г. штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Один из организаторов Союза офицеров армии и флота (1917), участник корниловского движения. В ноябре 1917 г., освободившись из Быховской тюрьмы, выехал на Дон, где участвовал в формировании Добровольческой армии, был начальником штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. выехал в Сибирь для установления связи Добровольческой армии с сибирским вооруженным подпольем. Принимал участие в приводе к власти в Омске адмирала А. В. Колчака. 21.11.1918 г. назначен начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Находясь на этой должности, вступил в затяжной конфликт с военным министром Н. А. Степановым, сопровождавшийся борьбой за влияние на военную среду и принятие стратегических решений. Г. И. Клерже, занимавший тогда должность помощника начальника Главного штаба Военного министерства, силой отторжения со стороны министра и его аппарата был приближен в этом конфликте к позиции Д. А. Лебедева. Последний поддержал проект Г. И. Клерже об Осведомительном отделе при штабе Верховного главнокомандующего и, вопреки сопротивлению министерства, создал такой отдел (Осведверх) во главе с Клерже в начале мая 1919 г. В результате реформирования высших органов военного управления в Омске Главный штаб Военного министерства был слит со штабом Ставки Верховного главнокомандующего и Д. А. Лебедев 23.05.1919 г. стал одновременно военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. После провала Челябинской операции Лебедев был смещен с обеих должностей и заменен генералом М. К. Дитерихсом. 12.08.1919 г. бывший начштаба был назначен в г. Кокчетав на должность командующего Отдельной Степной группой войск на правах командующего армией. Вместе с ним на должность штабного офицера уехал Г. И. Клерже. После упразднения Степной группы войск Лебедев 16.11.1919 г. был назначен командующим Уральской группой войск, которая в начале января 1920 г. участвовала в тяжелых боях под Красноярском. Возглавлял, вместе с генералом К. В. Сахаровым, одну из колонн белой армии во время Сибирского ледяного похода. Прибыв в Читу в феврале 1920 г., почти сразу же уехал в Приморье, где с марта 1920 г. был директором Русского Восточного кадетского корпуса во Владивостоке. Один из военных организаторов переворота 26.05.1921 г. в Приморье, приведшего к власти Временное Приамурское правительство братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых, до переворота возглавлял подпольный меркуловский

Национально-революционный комитет. После смещения Меркуловых в июле 1922 г. стал помощником у правителя Приамурского Земского края генерала М. К. Дитерихса, являлся начальником вооруженных сил во Владивостоке в период эвакуации (октябрь 1922 г.). В эмиграции жил в Шанхае, основал и редактировал газету «Русская мысль».

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.) : энцикл. и библиогр. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. – С. 194–195 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… : биогр. справ. С. 126 ; Лебедев Дмитрий Антонович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака : сайт. URL: http://east-front.narod.ru/bio/lebedev.htm (дата обращения: 15.11.2008) ; Лебедев Дмитрий Антонович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 09.11.2008) ; Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистких правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). – Рязань, 2006. – С. 324.

[18]**Глинский Борис Борисович** (1860–1917) – историк, публицист. Окончил историко-филологическое отделение Петербургского университета со званием кандидата (1885). Подвергался тюремному заключению за участие в студенческом движении (1886–1887). Автор множества историко-публицистических статей, редактор журналов «Северный вестник» (1890–1891) и «Исторический вестник» (1913–1917).

Ист.: Глинский Борис Борисович / Русский биографический словарь : сайт. URL: http://www.rulex.ru/01040172.htm (дата обращения: 08.08.2010).

[19]**Сидорин Владимир Ильич** (1882–1943) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). В апреле–июне 1917 г. начальник штаба Кавказского корпуса, затем находился в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. В ноябре 1917 г. прибыл на Дон, активно участвовал в Белом движении. С 15.02.1918 г. по 27.03.1920 г. командовал Донской армией. По прибытии в Крым был осужден за донской казачий сепаратизм и приговорен к четырем годам каторги, замененным, по повелению генерала П. Н. Врангеля, на увольнение из армии без права ношения мундира. В мае 1920 г. выслан из Крыма в эмиграцию. С 1939 г. жил в нацистской Германии, умер в Берлине.

Ист.: *Клавинг В. В.* Гражданская война в России: белые армии. – М., 2003. С. 543 ; *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 222–224.

[20]**Миронов Н. Д.** – общественный деятель. Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. был доцентом Московского университета, преподавал санскрит. Создав студенческую эсеровскую группу «Организация вооруженного восстания» и ее печатный орган – бюллетень «Буревестник», привлек к сотрудничеству в бюллетене своего знакомого А. Ф. Керенского,

с которым затем поддерживал связь из эмиграции. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, при поддержке А. Ф. Керенского был назначен начальником вновь созданного отдела контрразведки Министерства юстиции. 27.07.1917 г. назначен по совместительству начальником контрразведывательного отдела штаба Петроградского военного округа. Накануне корниловского выступления приезжал в ставку Верховного главнокомандующего для выявления и ареста заговорщиков, но был проигнорирован Л. Г. Корниловым и его офицерами. Корнилов через военного министра Б. В. Савинкова пригрозил ему расстрелом в случае начала арестов.

Ист.: Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 88–91.

[21]**Крымов Александр Михайлович** (1871–1917) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1902). С 07.04.1917 г. и. д. командира 3-го конного корпуса, с 24.08.1917 г. по приказу Л. Г. Корнилова – командующий Отдельной Петроградской армией. Назначение было связано с начинавшимся мятежом: Корнилов возлагал на Крымова задачу непосредственного взятия власти в Петрограде, ареста Временного правительства и подавления сопротивления. После провала выступления А. М. Крымов 31.08.1917 г. лично явился к А. Ф. Керенскому и дал свои объяснения, а затем застрелился в своей квартире.

Ист.: *Залесский К. А.* Первая мировая война… С. 139–140 ; Крымов Александр Михайлович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%BE%D0%B2,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 11.12.2008) ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 730.

[22]**Дюсимитьер Леон Павлович** (1883 – ?) – Генерального штаба полковник (1917). С 26.11.1915 г. – штаб-офицер для поручений при заведующем авиацией и воздухоплаванием в действующей армии, с февраля 1917 г. – штаб-офицер, заведующий офицерами, обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба. В годы Гражданской войны в армии А. В. Колчака, в 1920 г. – во Владивостоке. Эмигрировал в Китай, в июне 1920 г. создал в Шанхае Союз военнослужащих (позднее переименованный в Союз служивших в Российской армии и флоте), стал его председателем до вхождения этого союза в Российский общевоинский союз (РОВС) в 1928 г. С конца 1920-х гг. являлся вице-председателем РОВС в Шанхае. Служил в Шанхайском отделении Русско-Азиатского банка, в эмиграции слыл вполне обеспеченным человеком. Прекрасно владея иностранными языками, вращался в кругах богатых и знатных иностранцев. Много сделал для финансирования Шанхайского отделения РОВС из иностранных источников, привлекая на вечера РОВС наиболее влиятельных иностранных банкиров, за что в шутку именовался «министром иностранных дел» воинского союза. После закрытия в Шанхае отделения Русско-Азиатского банка перевелся в Харбин, а затем уехал в Европу.

Ист.: Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. – СПб., 1914. – С. 673 ; Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 г. – Пг., 1917. – С. 101, 774 ; *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1930-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 140 ; ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1, Д. 1д. Л. 319–319 об (Воспоминания П. Ф. Рябикова).

[23]**Гейман Владимир Владимирович** – полковник (1917). Один из первых российских автомобилистов, председатель Санкт-Петербургского автоклуба. Судья многих российских и международных соревнований по автогонкам в 1910-х гг.

Ист.: Общий список офицерским чинам Русской императорской армии. Составлен по 1 января 1910 г. СПб., 1910. С. 400.

[24]**Филиппов Георгий Владимирович** (1880–1946) – Генерального штаба полковник (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1907). В годы Первой мировой войны и. д. начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии (с 28.01.1915 г.). Участник корниловской организации в Петрограде. После провала корниловского выступления назначен, при посредстве Г. И. Клерже, начальником штаба Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. Прибыл к месту службы в Тегеран 11.10.1917 г. Находился на этой должности до октября 1920 г., после чего был по требованию англичан выслан из Персии. В эмиграции жил в США, с 1939 по 1946 г. был председателем американского Общества помощи русским военным инвалидам.

Ист.: Филиппов Георгий Владимирович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3253 (дата обращения: 19.12.2008).

[25]Бочкаревский батальон – добровольческий женский батальон, сформированный в мае 1917 г. поручиком Марией Леонтьевной Бочкаревой (1889–1920). В июне 1917 г. батальон участвовал в составе 1-го Сибирского корпуса в наступлении на германском фронте. 25.10 (7.11).1917 г. во время большевистского переворота батальон охранял Зимний дворец и находившихся в нем министров Временного правительства.

[26]**Алексеев Михаил Васильевич** (1857–1918) – генерал от инфантерии (1914), военный руководитель Белого движения в России. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1890). С августа 1915 г. по март 1917 г. – начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего Русской императорской армии. В марте–мае 1917 г. – Верховный главнокомандующий. 20.10 (02.11).1917 г. создал в Петрограде «Алексеевскую организацию» как основу будущей армии Белого движения. После большевистского переворота бежал из Петрограда в Новочеркасск, где вместе с Л. Г. Корниловым организовал Добровольческую армию. С 27.12.1917 г. имел титул Верховного руководителя армии.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 44 ; Шикман А. П. Деятели отечественной истории : биогр. слов.-справ. в 2 кн. М, 1997. Кн. 1: А–К. – С. 27–28 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 377–378.

[27]**Деникин Антон Иванович** (1872–1947) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1915), военный и государственный деятель Белого движения в России. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). С 05 апреля по 31 мая 1917 г. – начальник Генерального штаба Русской армии. За враждебное отношение к Февральской революции и поддержку Корниловского мятежа арестован 29.08.1917 г. Временным правительством. После освобождения 19.11.1917 г. бежал на Дон, где вместе с Л. Г. Корниловым и М. В. Алексеевым формировал Добровольческую армию, после гибели Л. Г. Корнилова стал в апреле 1918 г. ее главнокомандующим, а 08.10.1918 г. после смерти М. В. Алексеева – Верховным руководителем армии. С 08.01.1919 г. – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. Вел успешные боевые действия против советской России, к октябрю 1919 г. занял всю Украину, Донскую область, Северный Кавказ, Царицынскую, Курскую, Орловскую и Воронежскую губернии. К марту 1920 г., в результате контрнаступления красных, потерял большинство территорий и 25–27.03.1920 г. эвакуировал остатки армии в Крым, передав 04.04.1920 г. военную и гражданскую власть генералу П. Н. Врангелю. Эмигрировал, жил в Бельгии, Венгрии, Франции, с конца 1945 г. – в США. Автор ряда ценных воспоминаний.

Ист.: *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999. 576 с. (Серия: Человек-легенда) ; *Ипполитов Г. М. Деникин. М.,* 2000. 532 с. (Серия: Жизнь замечательных людей) ; *Венков А. В.* Белые генералы: Корнилов, Краснов, Деникин, Врангель, Юденич. Ростов-на-Дону, 2000. 416 с.

[28]**Барановский Владимир Львович** (1882–1931) – Генерального штаба генерал-майор (1917), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). Сразу после Февральской революции стал членом Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, 06.06.1917 г. назначен А. Ф. Керенским начальником своего кабинета военного министра (главой администрации министерства). Назначение и фантастически быстрое продвижение по службе (получив 07.07.1917 г. воинское звание полковника, он уже через полтора месяца 30.08.1917 г. был произведен в чин генерал-майора) многие объясняли родственными связями: Барановский был мужем сестры А. Ф. Керенского. С приходом большевиков был заключен в Петропавловскую крепость, но 04.01.1918 г. освобожден, в сентябре 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. Служил на различных должностях во Всеобуче, с 1919 по 1921 г. – помощник начальника Всероссийского главного штаба, в 1921 г. – начальник организационного управления штаба РККА, в 1921–1924 гг. – начальник оперативно-строевого отдела управления связи РККА. Репрессирован (1931), умер в Сиблаге.

Ист.: Барановский Владимир Львович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=892 (дата обращения: 20.01.2009).

[29]**Распутин Григорий Ефимович** (ок. 1864–1916) – фаворит императорской семьи, авантюрист. В 1904 г. появился в аристократических и придворных кругах Петербурга как «святой старец», «пророк» и «целитель». Получил безграничное доверие императрицы Александры Федоровны, а через нее – императора Николая II как якобы чудотворец, способный эффективно лечить гемофилию у наследника престола царевича Алексея. Обладая огромным влиянием, вмешивался в дела государственного, церковного и военного управления, инициировал кадровые увольнения и назначения высших чинов. Убит заговорщиками из высшей знати, считавшими, что «распутинщина» дискредитирует русскую монархию.

Ист.: Ватала Э. Григорий Распутин без мифов и легенд. М., 2000. 718 с.

[30]Начальником Генерального штаба в описываемое время (до корниловского выступления) был генерал И. П. Романовский (см. комментарий № 35).

[31]«Окопная правда» – большевистская ежедневная газета, издававшаяся с 30.04 (13.05).1917 г. на фронте (в г. Риге, затем в г. Вендене). Предназначалась главным образом для рядовой солдатской массы. Сыграла большую роль в пропаганде большевизма в действующей армии.

[32]**Ленин (Ульянов) Владимир Ильич** (1870–1924) – профессиональный революционер, социал-демократ большевик. Организатор (1903) и лидер большевистской партии, один из вождей Октябрьского революционного переворота. Первый председатель Совета народных комиссаров в 1917–1924 гг.

[33]**Колчак Александр Васильевич** (1874–1920) – адмирал (1918), военный и государственный деятель Белого движения в России. В описываемое время – командующий Черноморским флотом. С 04.11.1918 г. – военный и морской министр Временного Всероссийского правительства (Директории). Придя к власти в результате переворота в Омске 18.11.1918 г., был провозглашен Верховным правителем России и получил должность Верховного главнокомандующего Русской армии. 04.01.1920 г. передал власть в Сибири и на Дальнем Востоке генерал-лейтенанту атаману Г. М. Семёнову, назначив его главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины. Всероссийскую власть и титул Верховного правителя Колчак отдал генералу А. И. Деникину. Казнен 07.02.1920 г. по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Ист.: *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. 2-е изд., перераб. М. : КноРус, 2004. 479 с.; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М. : Молодая гвардия, 2006. 635 с. (Серия: Жизнь замечательных людей) ; *Хандорин В. Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. архит.-строит. ун-та, 2006. 268 с. ; *Рунов В.*, *Португальский Р.* Адмирал Колчак. М. : Яуза : Эксмо, 2007. 347 с. (Серия: Имперский стяг) ; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. М. : Центрполиграф, 2008. – 589 с. (Серия: Россия забытая и неизвестная) ; *Черкашин Н. А.* Адмирал: трагическая судьба Колчака. М. : Вече, 2009. 425 с. (Серия: Военные тайны XX века).

[34]Бессарабско-Таврический земельный банк – одно из первых в России частных банковских учреждений. Был основан в 1872 г. как акционерное общество, уставной капитал составлял 1,5 млн р.

[35]**Романовский Иван Павлович** (1877–1920) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919), в описываемое время – генерал-майор. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1903). В октябре 1916 – марте 1917 г. генерал-квартирмейстер 10-й армии, с марта по июль 1917 г. – начальник штаба 8-й армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Ставки Верховного главнокомандующего, исполнял обязанности начальника Генерального штаба Русской армии. В сентябре 1917 г. отрешен от должности за участие в корниловском заговоре, заключен в Быховскую тюрьму. Освободившись в ноябре 1917 г., вместе с другими корниловцами бежал на Дон, участвовал в создании Добровольческой армии. В феврале–декабре 1918 г. начальник штаба армии, затем в январе 1919 – марте 1920 г. начальник штаба Вооруженных сил Юга России, друг и соратник А. И. Деникина. Вместе с Деникиным эмигрировал 22.03.1920 г. из Крыма в Турцию. Убит в Стамбуле русским поручиком.

Ист.: *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов… С. 207–208 ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 417 ; *Клавинг В. В.* Гражданская война в России… С. 532–533 ; Романовский Иван Павлович // Хронос – всемирная история в Интернете : сайт. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/pomanovski_ip.html (дата обращения: 08.08.2010).

[36]**Марушевский Владимир Владимирович** (1874–1952) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919), в описываемое время генерал-майор. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1902). 03.07.1916 г., получив в командование 3-ю Особую пехотную бригаду, был отправлен с бригадой во Францию на помощь союзникам. В июле 1917 г. возвращен в Россию. 26.09.1917 г. стал последним из досоветских начальников Генерального штаба Русской армии. 20.11 (03.12).1917 г. арестован большевиками, заключен в петроградскую тюрьму «Кресты». Освободившись в декабре 1917 г., жил на нелегальном положении, бежал в августе 1918 г. в Финляндию, затем уехал в Швецию. С ноября 1918 г. – командующий войсками Временного правительства Северной области в Архангельске, по совместительству генерал-губернатор области и заведующий тремя отделами правительства. Создал Северную армию. 13.01.1919 г. передал пост генерал-губернатора генералу Е. К. Миллеру, 19.08.1919 г. отказался от поста командующего войсками и эмигрировал в Швецию, позднее перебрался в Югославию. Умер в Загребе.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 114 ; *Клавинг В. В.* Гражданская война в России… С. 490–491 ; Марушевский Владимир Владимирович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/marushevsky.html (дата обращения: 08.08.2010).

[37]**Маниковский Алексей Алексеевич** (1865–1920) – генерал от артиллерии (1916). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1891). С 24.05.1915 г. – начальник Главного артиллерийского управления Русской армии, приложил большие усилия и упорство в деле ликвидации так называемого «снарядного голода» на фронте. С 06.03.1917 г. – помощник военного министра А. И. Гучкова, после отставки последнего с 30.04.1917 г. – вр. и. д. управляющего Военным министерством. При военном министре А. Ф. Керенском остался товарищем министра по вопросам снабжения армии. Вместе с другими членами Временного правительства арестован большевиками в Зимнем дворце во время его взятия 25.10 (07.11).1917 г. Дав согласие работать на большевиков, 30.10 (12.11).1917 г. освобожден из тюрьмы и возобновил работу во главе Военного министерства. 20.11 (03.12).1917 г. вновь арестован ВЧК, но освобожден через 10 дней. В 1918–1919 гг. служил начальником Главного артиллерийского управления и начальником управления снабжения РККА. В начале 1920 г. был направлен в командировку в Ташкент и погиб при крушении поезда.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 102 ; Маниковский Алексей Алексеевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/manikovsky.html (дата обращения: 08.08.2010).

[38]Это заседание, по-видимому, оставило большой след в памяти офицеров Главного управления Генерального штаба. О нем пишет в своих неопубликованных воспоминаниях и генерал П. Ф. Рябиков (ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1в. Л. 30 об – 31).

[39]**Макензен (Mackensen) Август** (1849–1945) – немецкий генерал-фельдмаршал (1915). С апреля 1915 г. – командующий 11-й австро-германской армией, осуществившей в мае 1915 г. Горлицкий прорыв. В годы нацизма помогал НСДАП А. Гитлера установить деловые связи с генералитетом рейхсвера.

Ист.: Военная энциклопедия. В 8 т. М., 1999. Т. 4. С. 528–529.

[40]**Шишкин Владимир Иванович** (1881 – ?) – Генерального штаба полковник (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1907). В 1917 г. служил в штабе 2-й армии. В ноябре 1917 – январе 1918 г. участник Брест-Литовских мирных переговоров, военный консультант советской делегации. Затем вступил в РККА, в 1919–1920 гг. состоял в списках ее Генерального штаба.

Ист.: Шишкин Владимир Иванович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2296 (дата обращения: 20.01.2009).

[41]**Андогский Александр Иванович** (1876–1931) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1890) и Николаевскую академию Генерального штаба (1905). С июля 1915 г. – командир 151-го пехотного Пятигорского полка. С ноября 1916 г. служил в Николаевской академии, имел звание профессора, в июле 1917 г. стал начальником академии. С именем Андог-

ского связана эпопея продвижения академии на восток России. Согласившись перейти на службу в РККА, Андогский в декабре 1917 – январе 1918 г. был военным экспертом советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. В марте 1918 г. бывшая Николаевская академия (ставшая Военной академией Красной армии) под руководством Андогского была эвакуирована большевиками вместе с имуществом, оборудованием, типографией и библиотекой в Екатеринбург, а затем в Казань. В полном составе профессоров и преподавателей после взятия этих городов частями белой армии академия перешла на сторону Белого движения. После потери белыми Поволжья и Урала академия перебралась в ноябре 1918 г. в Томск, называясь теперь Военной академией. В течение 1919 г. академия стараниями А. И. Андогского сделала несколько ускоренных выпусков офицеров Генерального штаба для фронта. С января по июль 1919 г. Андогский занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера штаба Ставки Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, затем в августе–октябре 1919 г. был начальником этого штаба. Вернулся в Военную академию и в октябре–ноябре 1919 г. провел ее планомерную эвакуацию во Владивосток. После победы во Владивостоке 30.01.1920 г. антиколчаковского восстания и создания Временного правительства Приморской областной земской управы Андогский вел с этим правительством в лице П. С. Парфёнова (Алтайского) переговоры о переводе академии в «красную» часть Дальнего Востока – Благовещенск-на-Амуре; он всячески затягивал эти переговоры до тех пор, пока не произошло японское вооруженное выступление 04–05 апреля 1920 г. и «советизация» академии стала невозможной. Работа Военной академии во главе с А. И. Андогским была в 1920–1922 гг. в определенной мере развернута во Владивостоке, хотя часть профессоров и преподавателей вернулась в эти годы в советскую Россию. Андогский по совместительству являлся преподавателем Государственного Дальневосточного университета, созданного в апреле 1920 г., был избран гласным Владивостокской городской думы. После меркуловского переворота 26.05.1921 г. он становится членом городской управы, отвечавшим за вопросы народного образования и культуры, а затем последним городским головой Владивостока. В сентябре 1922 г. накануне разгрома Земской рати Андогский эвакуировался в Японию, служил военным советником императора Хирохито. В августе 1923 г. уехал в Харбин, где в 1920-е гг. был директором 1-й мужской (русской) гимназии. В боях русского отряда генерала К. П. Нечаева (в войсках маршала Чжан Цзолина) против армии Гоминьдана погиб зять А. И. Андогского. Покончил жизнь самоубийством в Харбине.

Ист.: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 25–26 ; Андогский Александр Иванович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 10.12.2008) ; Андогский Александр Иванович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_a/andogsky.html (дата обращения: 08.08.2010) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 33–34 ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиогр. слов. Владивосток, 2000. С. 30.

[42]**Скалон Владимир Евстафиевич** (1872–1917) – Генерального штаба полковник (1907). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1898). С 08.11.1917 г. служил генерал-квартирмейстером Ставки Верховного главнокомандующего (каковым спустя день был назначен большевик Н. В. Крыленко). Был включен как военный эксперт в состав советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. Застрелился в первый же день прибытия делегации.

Ист: Скалон Владимир Евстафиевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1559 (дата обращения: 20.01.2009).

[43]**Ляхов Владимир Платонович** (1869–1920) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1896). Командовал Персидской казачьей Его Величества шаха бригадой, в 1908 г. получил известность за решительные действия по предотвращению антишахского переворота: обстрелял иранский меджлис (парламент) и казнил нескольких лидеров оппозиционеров-конституционалистов. Мохаммад Али-шах отблагодарил Ляхова, назначив его генерал-губернатором Тегерана. В январе 1915 – июне 1916 г. командир 1-го Кавказского армейского корпуса и Приморского отряда Кавказской армии. Одержал блестящую победу, разбив в мае 1916 г. 3-ю турецкую армию и выбив турок из Трапезунда. В 1918–1919 гг. занимал командные посты в Добровольческой армии. Убит в результате покушения в Батуми (Грузия).

Ист.: *Клавинг В. В.* Гражданская война… М., 2003. С. 485–486 ; Ляхов Владимир Платонович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_l/lyahov.html (дата обращения: 08.08.2010). Заглавие с экрана.

[44]**Вадбольский Николай Петрович**, князь (1869–1944) – Генерального штаба генерал-майор (1911). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1895). В 1907–1909 гг. был начальником штаба Кавказской кавалерийской дивизии. С сентября 1909 по 1914 г. являлся начальником Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады. В 1914–1915 гг. командовал бригадой Кавказской туземной горной дивизии, затем (1915–1917) был начальником Сводной кавказской дивизии. С 24.04.1917 г. – командующий 7-м Кавказским армейским корпусом. Занимал командные должности в Вооруженных силах Юга России на Северном Кавказе. В эмиграции с 1920 г., в 1930–1938 гг. был председателем Союза русских военных инвалидов в Югославии. Убит во время Второй мировой войны в Югославии.

Ист: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 223–224 ; Вадбольский Николай Петрович // Русская императорская армия : сайт. URL: http://regiment.ru/bio/V/103.htm (дата обращения: 19.07.2010) ; Вадбольский Николай Петрович // Павловское военное училище : сайт. URL: http://pvu1863.ucoz.ru/publ/4-1-0-74 (дата обращения: 20.07.2010).

[45]**Майдель Владимир Николаевич**, барон (1864 – ?) – Генерального штаба генерал-майор (1910). Окончил Николаевскую академию Гене-

рального штаба (1892). С ноября 1913 г. занимал командные должности в войсках Кавказского военного округа: командующий 1-й отдельной кавалерийской бригадой, затем 1-й Кавказской кавалерийской дивизией (с 05.12.1914 г.). С 16.10.1916 по ноябрь 1917 г. являлся начальником Персидской казачьей Его Величества шаха бригады, непосредственный предшественник Г. И. Клерже на этом посту. С 29.01.1918 г. находился в распоряжении начальника штаба Кавказского фронта, затем в 1918–1919 гг. служил в Вооруженных силах Юга России, был взят в плен. Поступил на службу в РККА, занимал хозяйственные и штабные должности в управлениях военных сообщений штабов Восточного, Туркестанского и Кавказского фронтов, затем был военным помощником начальников Волго-Бугульминской и Азербайджанской железных дорог. С мая по октябрь 1921 г. служил помощником начальника военных сообщений Западного фронта, с 28.10.1921 г. был в должности начальника учебного отдела управления военно-учебных заведений Западного фронта. Автор военно-философской книги «Поэзия войны» (СПб., 1906).

Ист.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 86 ; Стрелянов *(Калабухов) П. Н.* Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007. С. 418 ; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 202 ; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 г. [Пг.], 1923. С. 136–137.

[46]**Прозоркевич Николай Васильевич** (1867 – ?) – полковник (1915). В 1916 г. был назначен начальником Персидской казачьей Его Величества шаха бригады, но его командование вызвало недовольство в рядах бригады. 12.05.1917 г. был отправлен в отпуск, а 20.06.1917 г. телеграммой ГУГШ был отчислен от дивизии и заменен на этом посту генерал-майором В. Н. Майделем.

Ист.: Общий список офицерским чинам Русской… С. 387 ; РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 302. Л. 1.

[47]**Клемм Вильгельм (Василий) Оскарович** (1861–1938) – русский дипломат. До августа 1917 г. – начальник 3-го (Ближневосточного) департамента Министерства иностранных дел, затем – дипломатический советник генерала Д. Л. Хорвата в Харбине. В октябре – ноябре 1918 г. начальник дипломатической канцелярии уполномоченного Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке Д. Л. Хорвата. С ноября 1918 по январь 1920 г. советник МИД Российского правительства А. В. Колчака во Владивостоке на правах товарища министра. После установления 30.01.1920 г. власти Временного правительства Приморской областной земской управы эмигрировал в Харбин, до октября 1924 г. был переводчиком (драгоманом) МИД Китайской республики. Затем жил в Тяньцзине, в 1930-е гг. перебрался в Берлин, где и умер.

Ист: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 523 ; *Савченко С. Н.* К вопросу о деятельности атамана

Г. М. Семёнова по установлению контроля над полосой отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) осенью 1918 г. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь вчера, сегодня, завтра»: материалы регион. науч. конф. (г. Новосибирск, 21 дек. 2008 г.). Новосибирск, 2009. С. 174–175.

[48]**Ригана Николай Антонович** – чиновник. В 1910-е гг. находился на службе в Учетно-Ссудном банке Персии, с 1915 г., будучи призванным в армию в связи с войной, служил на канцелярских должностях в Генеральном штабе. В 1917 г. – и. д. делопроизводителя 2-го обер-квартирмейстерства Главного управления Генерального штаба, помощник Г. И. Клерже.

[49]**Дмитрий Павлович (Романов)**, великий князь (1891–1942) – член императорского дома, внук Александра II. К 1916 г. в звании флигель-адъютанта. Участвовал в убийстве Г. Е. Распутина 17 (30).12.1916 г., за что был выслан Николаем II в Персию в Кавказский стрелковый корпус генерала Н. Н. Баратова. После революции перешел на английскую службу в Персии, затем эмигрировал в Англию и далее во Францию. Заболев в 1939 г. туберкулезом, лечился и умер в Швейцарии вблизи курорта Давос.

Ист.: Гавриил Константинович, великий князь. В мраморном дворце: воспоминания. СПб. ; Дюссельдорф, 1993. С. 215.

[50]**Юденич Николай Николаевич** (1862–1933) – генерал от инфантерии (1915), военный и государственный деятель Белого движения в России. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1887). С 1913 г. начальник штаба Кавказского военного округа. После начала Первой мировой войны – начальник штаба, а с 1915 г. командующий Кавказской армией. В 1916 г. отличился успешным проведением Эрзерумской и Трапезундской операций. В марте – апреле 1917 г. был главнокомандующим Кавказским фронтом, но в мае 1917 г. отстранен от командования как нелояльный Временному правительству и ушел в отставку. Эмигрировал осенью 1918 г. в Финляндию к своему другу генералу Маннергейму, затем переехал в Эстонию и возглавил Северо-Западную армию, сформированную для наступления на Петроград. Вошел в состав Северо-Западного правительства. В сентябре 1919 г. возглавил поход армии, прорвавшей линию обороны РККА и подошедшей к Петрограду, но в октябре – ноябре 1919 г. из-за провала операции отступил в Эстонию. В 1920 г. эмигрировал в Англию.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 807 ; Шикман А. П. Деятели отечественной истории… Кн. 2: Л–Я. С. 432–433 ; Юденич Николай Николаевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/yudenich.html (дата обращения: 08.08.2010).

[51]**Пржевальский Михаил Алексеевич** (1859–1934) – генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1888). С 1891 г. занимал различные должности в частях Кавказского военного округа, в Кубанском и Терском казачьих войсках. Девять лет (1891–1901) был секретарем русского генерального консульства в Эрзеруме, вел большую работу по сбору разведывательных данных. В годы Первой мировой войны командующий 1-й Кубанской пластунской брига-

дой, затем (с февраля 1915 г.) 2-м Туркестанским армейским корпусом. Отличился в Сарыкамышской (декабрь 1914 г.), Эрзерумской (декабрь 1915 – февраль 1916 г.) и Эрзинджано-Харпутской (июль 1916 г.) операциях. 03.04.1917 г. был назначен командующим Кавказской армией, а 31.05.1917 г. – главнокомандующим Кавказским фронтом вместо Н. Н. Юденича. Протестуя против возраставшего всевластия на фронте большевистских комиссариатов, комитетов и советов, 28.12.1917 г. сложил полномочия главкома и подал в отставку из армии. В 1918–1919 гг. по назначению генерала А. И. Деникина командовал добровольческими частями на Кавказе, затем отбыл в эмиграцию, жил в Югославии. Умер в Белграде.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 349 ; Залесский К. А. Первая мировая война… С. 178–180 ; Пржевальский Михаил Алексеевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/przheval_ma.html (дата обращения: 08.08.2010).

[52]**Шатилов Павел Николаевич** (1881–1962) – генерал от кавалерии (1920). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Состоял на службе Генерального штаба в Кавказском военном округе, был сослуживцем Г. И. Клерже. С ноября 1910 г. состоял в разведывательном отделе штаба округа (помощник старшего адъютанта), с 16.12.1916 г. командовал Черноморским казачьим полком во 2-й Кавказкой казачьей дивизии. В 1917 г. – генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии. С конца 1918 г. занимал командные должности в Добровольческой армии, затем с июня 1919 г. – начальник штаба Кавказской армии генерала П. Н. Врангеля. Помощник главнокомандующего П. Н. Врангеля после избрания последнего на этот пост 22.03.1920 г., с июня 1920 г. – начальник штаба главнокомандующего. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма, жил в Париже, в 1924–1934 гг. являлся начальником 1-го отдела РОВС во Франции.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 726 ; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов… С. 269–270 ; Шатилов Павел Николаевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=686 (дата обращения: 08.08.2010).

[53]**Воронцов-Дашков Илларион Иванович**, граф (1837–1916) – русский государственный деятель, генерал от кавалерии (1890). Участвовал в Кавказской войне 1817 – 1864 гг. и в военных действиях в Туркестане в 1865 г., с 1866 г. был помощником губернатора Туркестанской области, с 1874 г. – начальником штаба Гвардейского корпуса. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (начальник кавалерии Решукского отряда). Был министром императорского двора и уделов (с 1892 г.) и начальником охраны императора Александра III (с 1881 г.), членом Государственного совета. Получив в 1897 г. отставку от придворных постов, был назначен в 1905 г. наместником России на Кавказе, одновременно в 1905–1915 гг. являлся главнокомандующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Решительно подавлял революционные выступления 1905–1906 гг. и последующего времени. В начале Первой мировой войны был формально назначен главнокомандующим Кавказской армией, но фактически переложил эту должность на генерала Н. Н. Юденича.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 295 ; Воронцов-Дашков Илларион Иванович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%BE%D0%B2-%D0%94%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 28.10.2008) ; Воронцов-Дашков Илларион Иванович // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/voron_dash.php (дата обращения: 12.10.2008).

[54]**Квинитадзе Георгий Иванович** (1874–1970) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). В годы Первой мировой войны – начальник штаба 4-й Кавказской дивизии. После Февральской революции 1917 г. стал заместителем военного министра Закавказской Республики. Руководил успешными боевыми действиями против турок, вторгшихся в Грузию. 11.01.1918 г. был назначен генерал-квартирмейстером Кавказского фронта. В июне 1918 г. ушел в отставку из-за разногласий с правительством грузинских социал-демократов. Начальник штаба армии Грузинской Республики в грузино-армянской войне декабря 1918 – апреля 1919 гг., провел успешную операцию по занятию и присоединению к Грузии исторической провинции Артвин (Артаани). С 1920 г. – главнокомандующий вооруженными силами Грузии, в апреле–мае нанес поражение Красной армии, войска которой пытались прорваться со стороны Азербайджана. После установления в 1921 г. в Грузии советской власти эмигрировал во Францию. Работал на заводе грампластинок, производил и продавал мацони. Умер в Шату (Франция).

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 633 ; Квинитадзе Георгий Иванович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D0%B5_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 30.04.2010).

[55]Предположительно, **Яковлев Николай Андреевич** (1873–?) – полковник (1916). Казак Терского казачьего войска, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 24.01.1917 г. был начальником Отдельной Кубанской казачьей бригады, с 19.06.1917 г. – начальником снабжения 7-го Кавказского армейского корпуса.

Ист.: Стрелянов (Калабухов) П. Н. Казаки в Персии… С. 387.

[56]**Филиппов Георгий Владимирович** – см. комментарий № 24.

[57]**Эттер Николай Севастьянович**, фон – русский дипломат, шталмейстер Высочайшего двора, генерал-майор (1906). С 1880 г. состоял на военной службе, в 1913 г. переведен в 3-й гражданский классный чин. Российский посланник в Персии в 1913–1918 гг., был награжден персидским правительством медалью Льва и Солнца 2-й степени.

Ист.: Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1 марта 1915 г. Пг., 1915. С. 761.

[58]**Баратов Николай Николаевич** (1865–1932) – генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1891). В годы Первой мировой войны командовал 1-й Кавказской казачьей дивизией (1914–1916), с 26.04.1916 г. – Кавказским стрелковым корпусом. В 1917–1918 гг. – командующий Отдельным экспедиционным корпусом в Персии. С февраля 1918 г. – представитель Добровольческой армии, затем Вооруженных сил Юга России в Закавказье (Тифлис). Тяжело ранен и стал инвалидом (ампутированы обе ноги) после покушения в октябре 1919 г., ушел в отставку. В Южно-Русском правительстве П. Н. Врангеля в Крыму в марте – апреле 1920 г. был управляющим Министерством иностранных дел, затем уехал в эмиграцию. В 1930–1932 гг. в Париже являлся председателем центральной организации Союза русских военных инвалидов, которой подчинялись аналогичные союзы во многих городах мира. Редактировал газету «Русский инвалид».

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 109–110 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 386 ; Стрелянов (Калабухов) Н. П. Казаки в Персии… С. 379–380 ; Баратов Николай Николаевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=367 (дата обращения: 08.08.2010) ; Кручинин А. «Не балетный полковник»: судьба белого офицера В. Г. Воскресенского // Свой: журнал для просвещенного консерватора от Никиты Михалкова. – М., 2009. – № 8/9. – С. 92–99.

[59]**Старосельский Всеволод Дмитриевич** (1875–?) – полковник (1916). Офицер гвардейской кавалерии (1895). С 1908 г. служил, в звании штабс-ротмистра, адъютантом помощника главнокомандующего Кавказским военным округом в Тифлисе. В годы Первой мировой войны был с 24.03.1916 г. командиром Кабардинского конного полка, с 14.05.1917 г. командиром лейб-гвардии Конного полка. В описываемое время – начальник Тегеранского отряда Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии, заместитель Г. И. Клерже по командованию дивизией. 03.02.1918 г., после «свержения» Клерже, собственным приказом возвел себя на пост начальника дивизии и оставался таковым до ее расформирования в 1920 г. Был последним военным министром персидской династии Караханидов.

Ист.: Общий список офицерским чинам Русской… С. 99 ; Стрелянов (Калабухов) Н. П. Казаки в Персии… С. 418–419.

[60]**Филаретов** – полковник, в 1918 г. начальник Хамаданского отряда Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.

[61]**Чжан Цзолин (Чжан Цзолинь)** (1875–1928) – военный и политический деятель, маршал Китая (1920). Глава северо-китайской (Фынтяньской) милитаристской группировки, центром которой являлась древняя столица Китая г. Мукден. Будучи назначенным во время китайской Синхайской революции 1911–1912 гг. командующим 27-й дивизией,

Чжан подчинил себе Маньчжурию, был назначен фынтяньским генерал-губернатором, управителем и инспектором Трех Провинций Северо-Востока (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян). В 1920 г. провозгласил административную независимость Трех Провинций от Китайской республики. Боролся с революционной армией Национального правительства Гоминьдана, возглавляемого Чан Кайши. С помощью поддержавших его японцев был провозглашен в 1926 г. главнокомандующим армии умиротворения страны и генералиссимусом Китайского Народного Государства, объединив под своим командованием войска милитаристов Северного и Центрального Китая. На стороне Чжан Цзолина воевал в этот период (1924–1928) крупный отряд русских офицеров – эмигрантов под командованием генерала К. П. Нечаева, ставший затем 65-й (русской) дивизией в армии Чжана. Еще ранее, в конце 1921 г. его военным советником в Мукдене стал Г. И. Клерже. В 1928 г. Чжан потерпел поражение от войск Чан Кайши и погиб при взрыве поезда, организованном, по одним сведениям, японской, по другим – советской разведкой.

Ист.: Каретина Г. С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984. 198 с. ; Ее же. Военно-политические группировки Северного Китая: (эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001. С. 112–140 ; Чжан Цзолинь // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B6%D0%B0%D0%BD_%D0%A6%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%8C (дата обращения: 02.02.2009) ; Чжан Цзо-линь // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_ch/ chzhan_czolin.php (дата обращения: 02.02.2009) ; Чжан Цзолин // Яндекс. Словари : сайт. URL: http://slovari.yandex.ru/Чжан%20Цзолин/ (дата обращения: 02.02.2009).

[62]«Общее дело» – русская эмигрантская газета, выходившая в Париже с 1918 по 1931 г. под редакцией В. Л. Бурцева.

[63]**Врангель Пётр Николаевич**, барон (1878–1928) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1917), военный и государственный деятель Белого движения в России. Окончил Горный институт в Петербурге (1901) и Николаевскую академию Генерального штаба (1910). В годы Первой мировой войны командовал кавалерийским корпусом. После большевистского переворота бежал из Петрограда в Крым, с августа 1918 г. занимал командные посты в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России (командующий кавалерийской дивизией, затем корпусом и с весны 1919 г. – Кавказской армией, в декабре 1919 г. – январе 1920 г. Добровольческой армией). 22.03.1920 г. на совещании военачальников в Крыму был избран главнокомандующим Русской армией. Создал в Крыму Южно-Русское правительство. В ноябре 1920 г. потерпел поражение от Красной армии и эвакуировался со значительной частью своих войск в Турцию. В эмиграции жил во Франции, где создал в 1924 г. Российский общевоинский союз (РОВС), затем в Бельгии.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи…Т 1. С. 299 ; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших… С. 68–73 ; Врангель Пётр Николаевич // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%80%D0%B0% D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D1%8C,_%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 22.01.2010) ; Врангель Петр Николаевич // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/ bio_we/vrangel_pn.php (дата обращения: 22.01.2010).

[64]**Сазонов Сергей Дмитриевич** (1860–1927) – русский дипломат и государственный деятель. Министр иностранных дел Российской империи (1910–1916). В 1914–1916 гг. в ходе Первой мировой войны вел большие переговоры с Англией и Францией о сотрудничестве в борьбе с Германией, активно содействовал созданию Антанты. После 1917 г. находился за границей, в 1919–1920 гг. представитель Росссийского правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина (формально – министр иностранных дел) на Парижской мирной конференции.

Ист.: Сазонов Сергей Дмитриевич // Википедия … URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2,_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 22.01.2010).

[65]**Вязьмитинов Василий Ефимович** (1874–1929) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1904). В июле – августе 1917 г. командовал 136-й пехотной дивизией, затем 6-м Сибирским корпусом. С 1918 г. на командных должностях в Добровольческой армии, с начала 1919 г. – помощник начальника военного управления в штабе Вооруженных сил Юга России. С марта 1920 г. – военный и морской министр Южно-Русского правительства в Крыму, начальник военного управления в крымской Русской армии. В эмиграции с ноября 1920 г., жил в Болгарии, с 1923 г. – в Югославии.

Ист: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. – С. 307 ; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов… С. 74–75.

[66]Предположительно, **Сливицкий Алексей Семёнович**, бывший в 1910-е гг., в звании ротмистра, помощником старшего адъютанта начальника штаба Кавказского военного округа. В Персидской казачьей дивизии служил в 1917 г. начальником Тевризского отряда, с декабря 1918 по август 1919 г. – начальником Ардебильского отряда.

Ист: Общий список офицерским чинам Русской… С. 101 ; РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.103 ; Д. 437. Л. 1–25.

[67]**Выгорницкий Александр Иванович** (1868 – ?) – генерал-майор (1917). Востоковед, военный переводчик, разведчик. В 1895 г. в звании поручика был, по распоряжению императора Николая II, командирован за границу для изучения языка индустани (урду), как имеющего значение для возможных военных действий на восточных рубежах России. Проведя

год в Бухаре и год в Индии, первым из русских выучив языки урду и хинди, Выгорницкий с 01.10.1897 г. стал преподавателем специально учрежденных для этого Ташкентских курсов обучения офицеров языку урду. В 1897 г. подал в МИД России записку, обосновывавшую необходимость учреждения генерального консульства России в г. Бомбей (Индия). На основе этой записки МИД был сделан доклад Государственному совету и по решению последнего открыто консульство. С 1912 г. был негласным агентом Русской армии на Востоке. С августа 1915 г. Выгорницкий командовал 494-м Верейским пехотным полком, затем с 11.01.1917 г. был командиром 1-й Туркестанской стрелковой бригады и 9-й Туркестанской стрелковой дивизии. В 1920–1930-е гг. – эмигрант в Персии. В начале 1940-х гг. был одним из руководителей военных формирований (бригады) бывших белых офицеров, готовившихся выступить на стороне Германии в случае начала военных действий СССР в Персии.

Ист: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С 303 ; Выгорницкий Александр Иванович // Проект «Русский генералитет накануне Гражданской войны» (Материалы к биографическому справочнику) : сайт Дом Рус. зарубежья им. А. Солженицына. URL: http://old.bfrz.ru/cgi-bin/load.cgi?p=matiis/prj8.htm&t=Проект%20«РУССКИЙ%20ГЕНЕРАЛИТЕТ%20НАКАНУНЕ%20ГРАЖДАНСКОЙ%20ВОЙНЫ» (дата обращения: 12.02.2010) ; Дубовицкий В. Порождение «холодной войны» позапрошлого века // ИнфоШОС. URL: http://www.infoshos.ru/ ?idn=2341 (дата обращения: 02.12.2009).

[68]Предположительно, **Кондратьев Александр Елисеевич**, служивший в 1910-е гг. в 258-м пехотном Сухумском полку в звании штабс-капитана.

Ист: Общий список офицерским чинам Русской императорской… С. 385.

[69]**Кучук-хан Ага Мирза** (1880/1881–1921) – вождь персидских «дженгелийцев» – партизан, боровшихся против иностранного влияния в Иране и шахской монархии Караханидов. Передвижения его отрядов и боевые действия внимательно отслеживали в 1915–1918 гг. начальники Персидской казачьей дивизии, с которой Кучук-хан неоднократно вступал в вооруженные столкновения. В 1918 г. его отряды разгромили Рештский отряд дивизии, которым командовал подполковник Яковлев (см. примечание № 55).

Ист.: Кучук-хан Ага Мирза / В. Хлебников. Ветка вербы. URL: http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/proza/vetka-verby.htm (дата обращения: 08.08.2010) ; РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 161. Л. 22–24об (разведывательная информация «Записка о личности Мирзы Кучук-хана и организованной им шайке в пределах Гилянского округа». 21.01.1917 г.).

[70]**Булацель Илья Сергеевич** – ротмистр (1917). Кавалерист, ранее служил в Белостоке в 4-м уланском Харьковском полку. В 1917 г. – старший адъютант Тегеранского отряда Персидской казачьей дивизии. Его

брат Булацель Сергей Сергеевич был в 1919–1920 гг. начальником Урмийского, затем Тегеранского и Гилянского отрядов Персидской казачьей дивизии.

Ист: Общий список офицерским чинам Русской императорской… С. 576 ; Стрелянов (Калабухов) Н. П. Казаки в Персии… С. 420.

[71]Предположительно, **Калугин Серафим Михайлович** (? – 1962), дослужившийся в Персидской казачьей дивизии в 1918–1920 гг. от капитана до полковника, ставший директором Кадетского корпуса Персидской казачьей дивизии (основанного Г. И. Клерже).

Ист: Стрелянов (Калабухов) Н. П. Казаки в Персии… С. 420.

[72]**Толстов Владимир Сергеевич** (1884–1956) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1905). В годы Гражданской войны предводитель уральского казачества. С марта 1918 по март 1919 г. командовал Гурьевской группой уральских казачьих войск. 11.03.1919 г. войсковым кругом избран атаманом Уральского казачьего войска, с апреля 1919 г. по январь 1920 г – командующий Уральской армией. Был разгромлен красными и предпринял беспрецедентный поход в 1200 км с остатками войск и беженцами от Гурьева на Урале по восточному побережью Каспийского моря до границы России и Персии. 22.05.1920 г. перешел границу Персии и год находился на ее территории. В мае 1921 г. прибыл с остатками казаков в лагерь беженцев в г. Басра (Ирак). С 1923 г. в эмиграции в Персии, Франции, а после ее оккупации нацистами (1942) – в Австралии.

Ист: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 125 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 206–207 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 557 ; Толстов Владимир Сергеевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_t/tolstov.html (дата обращения: 08.08.2010).

[73]**Реза-шах Пехлеви** (1878–1944) – шах Ирана, в молодости носил имя Реза-хан. Родоначальник династии Пехлеви. Служил в Персидской казачьей Его Величества шаха бригаде, затем дивизии, в 1919–1920 гг. сартин 2-го ранга (генерал-майор), командующий Тегеранским гвардейским стрелковым полком. 21.02.1921 г. сыграл решающую роль в политическом перевороте, заняв Тегеран своими войсками, после чего был назначен главнокомандующим вооруженными силами страны и военным министром. С 1923 г. – премьер-министр. 21.12.1925 г. по решению Учредительного собрания в Тегеране был провозглашен шахом Ирана вместо низложенного Ахмед-шаха. После оккупации Ирана британскими и советскими войсками отрекся 16.09.1941 г. от престола в пользу своего сына, был арестован англичанами и отправлен в г. Йоханнесбург (Южно-Африканский союз), где и умер.

Ист: Реза-шах Пехлеви // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%B0_%D0%9F%D0%B5%D1%85%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8 (дата обращения: 11.12.2009).

[74]**Добромыслов Владимир А.** – Генерального штаба полковник. В 1913–1917 гг. служил в Главном управлении Генерального штаба, занимаясь делами Персидской казачьей Его Величества шаха бригады, затем дивизии. В 1917–1918 гг. начальник Ардебильского отряда дивизии. С августа 1918 г. – директор Кадетского корпуса Персидской казачьей дивизии, созданного Г. И. Клерже. В августе 1919 г. командирован начальником дивизии В. Д. Старосельским к главнокомандующему Вооруженными силами Юга России А. И. Деникину для доклада о деятельности дивизии. Весной 1920 г. вернулся в Персию.

[75]В современной терминологии: тюркская.

[76]**Энвер-паша** (1881–1922) – турецкий военный и политический деятель. Один из лидеров партии младотурков «Единение и прогресс» и Младотурецкой революции 1908 г. Подготовил и провел в 1913 г. государственный переворот, вошел в состав триумвирата, правившего затем в Турции. Являлся одним из ярких представителей политики пантюркизма, проповедником идей панисламизма. Настойчиво вел страну к союзу с Германией, заключил с последней военный договор, вверг Турцию в Первую мировую войну на стороне Германии. В ходе войны был заместителем главнокомандующего (султана). Один из главных виновников геноцида армян в 1915 г. После подписания Турцией в 1918 г. перемирия с Антантой бежал в Германию, затем начал совместно с британцами борьбу против нового младотурецкого лидера Кемаля Ататюрка. В 1920–1921 гг. находился в советской России, выступал на первом Съезде народов Востока в Баку (1920). В Бухаре в 1921 г. выведал сведения о красноармейских войсках в Средней Азии (предложив себя большевикам в роли советника РККА по формированию национальных частей). Обманув красных, ушел в Восточно-Бухарский регион и возглавил там крупное басмаческое соединение. В 1922 г. захватил Душанбе и большую территорию Восточной Бухары. Убит в бою с частями РККА.

Ист.: Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 596–597; Энвер-паша // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD% D0% BD%D0%B2%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D0%B0%D1%88%D0%B0 (дата обращения: 08.08.2010).

[77]Багратиды – цари из династии Багратуни, древнего влиятельного княжеского рода в Закавказье (Армении, Грузии).

[78]В современном произношении: халифат.

[79]Порта – официальное название султанской Турции.

[80]**Берхман Георгий Эдуардович** (1854–1929) – генерал от инфантерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Почти беспрерывно служил по Генеральному штабу в Кавказском военном округе, в 1907–1913 гг. был начальником штаба округа. В годы Первой мировой войны командовал 1-м Кавказским корпусом (1914–1915), а затем на Румынском фронте – 40-м корпусом. В 1918–1920 гг. состоял на службе в Добро-

вольческой армии и Вооруженных силах Юга России (в распоряжении главнокомандующего). С 1920 г. в эмиграции в Турции, Болгарии, затем во Франции. Был главой отделения РОВС в Марселе.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 151 ; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов… С. 45 ; Берхман Георгий Эдуардович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=378 (дата обращения: 08.08.2010).

[81]**Калитин Петр Петрович** (1853–1927) – генерал от кавалерии (1915). Учился в Нижегородском кадетском корпусе, отчислен за плохое поведение. Произведен в офицеры за боевое участие в Ахалтекинской экспедиции (1880). С 1899 г. командовал различными казачьими частями и соединениями в Терском, Уссурийском и Забайкальском казачьих войсках. С 1909 по 1915 гг. начальник Сибирской казачьей дивизии (в 1914–1915 гг. – на фронте). В феврале 1915 – марте 1917 г. на Кавказском фронте, командовал 1-м Кавказским армейским корпусом. В 1919 г. служил в Вооруженных силах Юга России. После 1920 г. – в эмиграции в Югославии, затем во Франции (чернорабочий на автозаводе). Председатель Союза георгиевских кавалеров.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 604 ; Калитин Петр Петрович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=473 (дата обращения: 08.08.2010).

[82]Современное название реки: Арагви.

[83]Так в тексте воспоминаний.

[84]**Жанен Морис (Пьер – Тибо – Шарль – Морис)** (1862–1946) – французский дивизионный генерал (1916). Преподавал в Николаевской академии Генерального штаба в 1910–1911 гг., был в ней инструктором и одновременно стажером. В годы Первой мировой войны командовал различными частями и соединениями французской армии, начиная от полка, служил в штабе главнокомандующего французскими войсками маршала Жоффра. С мая 1916 по октябрь 1917 г. был главой Французской военной миссии при Ставке Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, после большевистского переворота отозван на родину. В ноябре 1918 г. вернулся через Владивосток на территорию, занятую войсками Временного Сибирского правительства, как главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, был главой Французской военной миссии при Российском правительстве А. В. Колчака. В дни краха этого правительства (декабрь 1919 – январь 1920 г.) занял двойственную позицию: заверяя Колчака, что тот будет вывезен за границу под охраной союзных войск, на деле задержал эшелон Колчака, позволил арестовать его и передать Политцентру. Препятствовал частям, посланным атаманом Г. М. Семёновым для подавления восстания Политцентра в Иркутске. Среди правого крыла русской эмиграции считался предателем Белого движения.

Ист: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 130–131 ; Жанен Пьер // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 19.10.2008).

[85]**Степанов Николай Александрович** (1869–1949) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). В начале Первой мировой войны начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии, затем командир полка и с конца 1916 г. – начальник Военно-сухопутного управления штаба командующего Балтийским флотом. С сентября 1917 г. – начальник штаба 4-го кавалерийского корпуса. С конца 1918 г. служил в Добровольческой армии, был начальником штаба войск Ростовского района. Уехав морем на Дальний Восток, до осени 1918 г. находился в Харбине. Прибыл в Россию вместе с генералом А. Ноксом и по его рекомендации военным и морским министром Временного Всероссийского правительства (Директории) А. В. Колчаком назначен помощником министра (ноябрь 1918 г.). С 03 января по 23 мая 1919 г. – военный министр Российского правительства А. В. Колчака. После соединения Военного министерства со Ставкой Верховного главнокомандующего (май 1919 г.) и увольнения с должности министра уехал в эмиграцию. Жил в Югославии, затем во Франции.

Ист.: Степанов Николай Александрович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=660 (дата обращения: 24.10.2008) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 109 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 529 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 197–198 ; Степанов Николай Александрович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/s.htm (дата обращения: 15.11.2008).

[86]**Марковский Василий Иосифович** (1878–1924) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1905). С 1907 г. служил в частях Иркутского военного округа. Во время Первой мировой войны был и. д. начальника штаба 4-й пехотной дивизии (1914–1915), командовал 188-м пехотным Карсским полком (1916). С января 1917 г. – начальник штаба 155-й пехотной дивизии, затем генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии. С 09.08.1917 г. – генерал-квартирмейстер штаба Иркутского военного округа. В январе 1918 г., после установления в Иркутске большевистской власти, уехал на Дальний Восток. С апреля по июнь 1918 г. был начальником 1-го отдела, затем – начальником штаба Охранной стражи КВЖД. С 01 августа по 15 декабря 1918 г. занимал пост генерал-квартирмейстера при управляющем Военным министерством Делового кабинета Д. Л. Хорвата – генерале В. Е. Флуге. 03.01.1919 г. вместе с Н. А. Степановым приступил в Омске к службе в Военном министерстве Российского правительства А. В. Колчака: был помощником военного министра Степанова и начальником Главного штаба Военного министерства. В результате реорганизации

в мае 1919 г. высших органов военного управления (соединения Военного министерства и Ставки Верховного главнокомандующего) 23.05.1919 г. удален от занимаемых постов (формально – по его просьбе), стал помощником командующего войсками Иркутского военного округа. В августе 1919 г. направлен в Красноярск на смену генералу С. Н. Розанову как новый командующий войсками Красноярского военного района, вел ожесточенную борьбу с красными партизанами в Енисейской и северной части Иркутской губерний. 21.12.1919 г. сдал командование Красноярским районом генералу Б. М. Зиневичу, совершившему в городе эсеродемократический переворот по планам Политцентра, и спешно уехал в Забайкалье. После эвакуации белых войск из Читы в октябре 1920 г. жил как эмигрант в Харбине.

Ист.: Марковский Василий Иосифович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1654 (дата обращения: 24.10.2008) ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 109 ; Волков Е. В, Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 134 ; Марковский Василий Иосифович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/m.htm (дата обращения: 15.11.2008).

[87]Подлинники удостоверений Г. И. Клерже на эту фамилию, сохранившиеся в деле Центральной следственной комиссии Военного министерства, говорят, однако, о другом: в них обозначены настоящие данные владельца документов – артист Георгий Иосифович Клерже – с пояснением, что у него имеется псевдоним Светланов. (см.: Приложение № 2, документы №№ 19, 20, 21).

[88]Ошибка памяти мемуариста. В действительности в Перми располагался штаб не 5-й, а 3-й красной армии, которая действовала в этом районе Приуралья вплоть до своего поражения в конце декабря 1918 г.

[89]**Жуков Владимир Яковлевич** (1876 – ?) – Генерального штаба полковник (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1906). На фронтах Первой мировой войны не был. С 1913 г. – помощник делопроизводителя, с 1916 г. – делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. В 1918 г. добровольно поступил на службу в РККА, был начальником разведывательного отдела штаба 3-й советской армии. После отступления из Перми в декабре 1918 г. был перемещен на службу в учебные заведения РККА, заведовал учебной частью 4-х Московских, затем Киевских пехотных курсов, был начальником Высшей школы военной маскировки, инспектором Главного управления вузов РККА, начальником учебной части Московского управления военных вузов.

Ист.: Жуков Владимир Яковлевич / Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2295 (дата обращения: 20.01.2009).

[90]**Смилга Ивар Тенисович** (1892–1938) – советский партийный и государственный деятель. Член большевистской партии с 1907 г.,

в 1917–1920 гг. – член ЦК партии. В 1917 г. – уполномоченный Совнаркома РСФСР в Финляндии, в 1918 – мае 1919 г. член Реввоенсовета 3-й армии на Восточном фронте. В 1919–1921 гг. – начальник Политуправления и член Реввоенсовета республики. В 1927 г. исключен из партии и снят со всех постов как активный деятель троцкистской оппозиции, выслан в Сибирь. В 1930 г., после покаяния перед сталинским ЦК ВКП (б), восстановлен в партии, но 01.01.1935 г. (после убийства С. М. Кирова) вновь арестован и после трех лет, проведенных в тюрьме, расстрелян 10.01.1938 г.

Ист.: Залесский К. А. Империя Сталина: биогр. энцикл. слов. – М., 2000. – С. 416.

[91]**Лашевич Михаил Михайлович** (1884–1928) – советский военный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г., большевик с 1903 г. В 1915 г. был мобилизован в армию, дослужился до старшего унтер-офицера, дважды ранен, вел революционную пропаганду в военных частях на фронте. В дни Октябрьского большевистского восстания 1917 г. – член Петроградского военно-революционного комитета, организатор запасного штаба восставших в Петропавловской крепости, в ночь на 25.10 (7.11).1917 г. руководил отрядами солдат и матросов, захвативших телеграф, почты, Государственный банк и Павловское военное училище в Петрограде. В августе–ноябре 1918 г. член Реввоенсовета республики, в декабре 1918 – марте 1919 г. – командующий 3-й армией на Восточном фронте. В августе–ноябре 1920 г. командовал 15-й армией. В 1918–1919 и 1923–1925 гг. член, затем кандидат в члены ЦК ВКП (б). В 1922–1925 гг. председатель Сибревкома в Новосибирске, затем заместитель наркома по военным и морским делам СССР и одновременно – заместитель председателя Реввоенсовета СССР. Как сторонник Л. Д. Троцкого, был снят с ответственных должностей в Москве и послан в Харбин, где в 1926–1928 гг. являлся заместителем председателя правления Общества КВЖД. В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП (б) исключен из партии как троцкист, организовавший якобы в Москве подпольную троцкистскую типографию. В 1928 г. восстановлен в рядах ВКП (б). 30.08.1928 г. погиб на Дальнем Востоке в автомобильной катастрофе при недостаточно ясных обстоятельствах.

Ист.: Казанов Б. Я. Лашевич Михаил Михайлович // Политические деятели России 1917 г. : биогр. слов. / гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993. С. 176–178 ; Залесский К. А. Империя Сталина… С. 270–271.

[92]**Уборевич Иероним Петрович** (1896–1937) – советский военный деятель, командарм 1-го ранга (1935). В 1915 г. поступил на механический факультет Петроградского политехнического института, но вскоре ушел из студентов и поступил в юнкера Константиновского артиллерийского училища, которое закончил в 1916 г. по первому разряду. На фронтах Первой мировой войны дослужился до звания подпоручика. «Мартовский» коммунист, вступил в РСДРП (б) в марте 1917 г., был в 1917 г. одним из выборных (избранных солдатами) командиров полка на фронте. В начале 1918 г. взят в плен австро-венграми, в августе 1918 г. бежал. Ко-

мандовал одной из дивизий 3-й армии большевиков на Восточном фронте. С октября 1919 по декабрь 1920 г. командующий последовательно 14-й, 9-й, 13-й и снова 14-й армиями. Вместе с М. Н. Тухачевским и под его командованием жестоко подавил «антоновское» восстание крестьян Тамбовской губернии в 1920 г., летом 1921 г. также расправился с повстанцами Н. И. Махно на Украине и С. Н. Булак-Булаховича в Белоруссии. В августе 1921 г. направлен в Иркутск, командовал 5-й армией и войсками Восточно-Сибирского военного округа. С августа по ноябрь 1922 г. – член Дальбюро ЦК РКП (б), последний военный министр и главнокомандующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики, руководил решающим штурмом Спасска. С 1924 г. – на должностях начальников штаба и командующих ряда военных округов СССР (Уральского, Северо-Кавказского, Московского, Белорусского). С 1930 г. кандидат в члены ЦК ВКП (б). Арестован по «делу» М. Н. Тухачевского, 11.06.1937 г. расстрелян.

Ист: *Шикман А. П.* Деятели отечественной истории… Кн. 2: Л–Я. С. 342–343 ; Залесский К. А. Империя Сталина… С. 451.

[93]**Бирон Георгий Николаевич** (1895–1937) – советский военный и хозяйственный деятель. В 1918–1919 гг. занимал должность помощника начальника военных сообщений штаба 3-й большевистской армии. После окончания Гражданской войны – на партийно-хозяйственной работе. В 1930-х гг. являлся начальником Дальневосточного строительно-монтажного треста Народного комиссариата путей сообщения. Репрессирован, расстрелян 20.08.1937 г. в Хабаровске.

Ист: Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM).

[94]Рассказ Г. Н. Бирона о своем участии в убийстве царской семьи – очевидная выдумка. Ни в одном из вариантов списка расстрельной команды его фамилия не значится (см. версии В. П. Козлова, И. Ф. Плотникова, Э. Радзинского и др.).

[95]В действительности царская семья была расстреляна 17 июля 1918 г.

[96]**Дитерихс Михаил Константинович** (1874–1937) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). С сентября 1914 г. исполнял обязанности генерал-квартирмейстера, затем начальника штаба 3-й армии на германском фронте. С апреля 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта, один из организаторов блестящего наступления армий фронта весной 1916 г. (Брусиловского прорыва). С мая 1916 г. – командир 2-й Особой пехотной бригады. В сентябре 1917 г. назначен генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем А. Ф. Керенском. Сразу после большевистской революции бежал из Петрограда на Украину, в Киеве стал начальником штаба Чехословацкого корпуса, вместе с корпусом в мае 1918 г. оказался в Сибири и участвовал в установлении власти

Временного Сибирского правительства. В январе 1919 г. покинул должность начальника штаба корпуса, решением А. В. Колчака был назначен начальником специальной Следственной комиссии по делу об убийстве в г. Екатеринбурге царской семьи и других членов дома Романовых. По итогам своего расследования написал и выпустил позднее двухтомную книгу «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» (Владивосток, 1922). В январе 1919 г. стал начальником штаба Западного фронта, с 22 июля по 4 ноября 1919 г. являлся командующим Восточным фронтом, одновременно с 10 августа по октябрь 1919 г. был начальником штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака и 10–27.08.1919 г. военным министром Российского правительства. Лишился должностей после того, как предложил А. В. Колчаку, учитывая критическую ситуацию, отойти от линий обороны на Иртыше вглубь Сибири и сдать Омск. После поражения белых армий под Омском уехал в Харбин. В июне 1922 г., в ходе борьбы во Владивостоке Приамурского народного собрания с правительством братьев Меркуловых, М. К. Дитерихс был приглашен на пост командующего войсками Временного Приамурского правительства и стал фактическим руководителем Приморья, а 08.08.1922 г. принял от Земского собора власть правителя Приамурского Земского края и воеводы Земской рати. В октябре 1922 г. после разгрома своих войск эвакуировался с их остатками в Китай. Жил в Шанхае, с 1930 г. возглавлял Дальневосточный отдел РОВС. Осуждал ориентацию части русских эмигрантов на Японию, был противником создания Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) как прояпонской организации.

Ист.: Генерал Дитерихс. М., 2004. 640 с. (Серия: Белые воины) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 117–118 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 85 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 453 ; Дитерихс Михаил Константинович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=278 (дата обращения: 08.08.2010).

[97]**Михаил Александрович, великий князь (Романов)** (1878–1918) – младший брат императора Николая II, военачальник, законодатель. В феврале 1917 г. Николай II, отрекшись от престола, назвал его в Манифесте преемником короны. Вопреки бытующему мнению, Михаил Александрович не отказался от престола, а передал в своем Манифесте от 03.03.1917 г. вопрос о форме государственного устройства России на разрешение Учредительного собрания, которое он поручил созвать Временному правительству на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов. Стоя, таким образом, у истоков демократических перемен 1917 г. в России, он был согласен продолжить династию в случае положительного решения избранников народа. В марте 1918 г. был выслан большевиками под надзор в Пермь. Проживал в гостинице «Королевские номера», часто и охотно посещал Пермский оперный театр. В ночь с 12 на 13.06.1918 г., за месяц до убийства в Екатеринбурге царской семьи, Михаил Александ-

рович и его секретарь Джонсон стали жертвами большевистской провокации: группа, за спиной которой стоял руководитель пермских большевиков Г. И. Мясников (будущий член «рабочей оппозиции» в РКП (б) в 1921 г.), выдав себя за тайную монархическую организацию, предложила великому князю и его спутнику побег. «Беглецы» отбыли из города на моторной лодке по р. Каме. В пути большевики объявили жертвам подлинный смысл их «похищения». В лесу под Пермью оба были расстреляны как «не выдержавшие испытания» на лояльность советской власти.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 219 ; Романов Михаил Александрович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/mih_alex_rom.php (дата обращения: 08.08.2010).

[98]Имеются в виду жена Г. И. Клерже Мария Ивановна Вильямс (Клерже) и приемная дочь Татьяна Чарльзовна Вильямс.

[99]**Пепеляев Анатолий Николаевич** (1891–1938) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Павловское военное училище (1910). На фронтах Первой мировой войны стал известен как храбрый офицер. Демобилизовавшись в начале 1918 г., вернулся в родной Томск, стал участником офицерского подполья, готовившего свержение большевиков. 26.05.1918 г., после начала восстания, во главе своего отряда захватил власть и изгнал красных из Томска. С июня 1918 по май 1919 г. командовал 1-м Средне-Сибирским корпусом в Сибирской армии, прославился дерзкими вылазками на фронте и взятием столицы красной Сибири – Иркутска (11.07.1918 г.), Нижнеудинска и других городов. Неожиданным маневром корпус А. Н. Пепеляева 24.12.1918 г. взял Пермь. С апреля по июль 1919 г. командовал Северной группой Сибирской армии, с 14 июля по декабрь 1919 г. – 1-й армией Восточного фронта. Среди старых монархически настроенных генералов А. В. Колчака Пепеляев не вызывал симпатий, так как считался сторонником эсеров, Учредительного собрания и демократического государственного устройства России. Его конфликт с руководящим генералитетом привел к тому, что 09.12.1919 г., во время отступления и остановки поезда А. В. Колчака на ст. Тайга он и его брат премьер-министр В. Н. Пепеляев ультимативно потребовали от Колчака замены командующего Восточным фронтом К. В. Сахарова и арестовали последнего (освобожден новым командующим В. О. Каппелем). Участник Сибирского ледяного похода, вместе с остатками своей 1-й армии вышел в феврале 1920 г. в Забайкалье. В 1920–1922 г. в эмиграции в Харбине. Начавшееся в марте 1922 г. антибольшевистское восстание в Якутии воодушевило А. Н. Пепеляева, который по приглашению повстанческой Якутской народной армии, собрав отряд под названием Сибирская добровольческая дружина, высадился 07.10.1922 г. в порту Аян на берегу Охотского моря. Дружина Пепеляева вместе с якутскими повстанцами к лету 1923 г. оказалось разбитой РККА, сам он в июне 1923 г. был захвачен в плен и судом в Чите приговорен в 1924 г. к расстрелу, замененному ВЦИК на 10-летнее тюремное заключение. Вышел на свободу в 1933 г., работал плотником в Цент-

ральной России. Вторично арестован в 1936 г., расстрелян в Новосибирске 14.01.1938 г.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 32–33 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 157–158 ; Пепеляев Анатолий Николаевич // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 05.11.2008) ; Пепеляев Анатолий Николаевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=818 (дата обращения: 08.08.2010).

[100]Наштакор – начальник штаба корпуса. Таковым в обозначенное время в 1-м Средне-Сибирском корпусе был полковник (с 06.11.1919 г. генерал-майор) А. А. Сурнин (см. о нем: комментарии к Приложениям, сноска № 42).

[101]В действительности Николай Николаевич Ипатьев, купивший этот дом в 1908 г., был не купцом, а военным инженером-строителем. В 1918 г. дом был у него конфискован Екатеринбургским совдепом и использовался для содержания привезенной из Тобольска царской семьи.

Ист.: Дом Ипатьева // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BC_%D0%98%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 20.01.2009) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 153.

[102]Приведенные выше три абзаца рассуждений Г. И. Клерже о том, что А. В. Колчак «не имел гражданского мужества и чутья своевременно передать свою власть более сильному лицу», придерживался неправильной «внешней ориентации» и не использовал помощи белому движению «со стороны Японской империи» – без сомнения, навеяны соображениями того времени (1932), когда писалась книга. Автор мемуаров тогда уже 12 лет состоял в более или менее тесной деловой связи с атаманом Г. М. Семёновым и японцами, жил на японской концессии в Мукдене. Под «более сильным лицом» Белого движения на востоке России имеется в виду, без сомнения, атаман Г. М. Семёнов, который оспаривал в 1918 г. у адмирала А. В. Колчака право на власть в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В контексте этого противопоставления Г. И. Клерже квалифицирует вручение А. В. Колчаку верховной власти как «ошибку».

[103]**Сукин Иван Иванович** (1891 – ?) – русский дипломат. В 1917 г. – секретарь Российского посольства в США, осенью 1918 г. приехал в Омск, в ноябре–декабре 1918 г. являлся заведующим дипломатической канцелярией при Ставке Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. Как лицо, близкое к Колчаку, вмешивался в работу Министерства иностранных дел. После отъезда в январе 1919 г. министра Ю. В. Ключникова на Парижскую мирную конференцию был назначен товарищем министра с исполнением обязанностей управляющего Министерством иностранных дел. Руководитель внешней политики Российского правительства А. В. Колчака с января по ноябрь 1919 г. 03.12.1919 г. уволен в отставку по его собственному прошению. В 1920 г. был управляющим ведомством ино-

странных дел Временного правительства Приморской областной земской управы, затем находился в эмиграции в Китае и США.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский Во власти и в изгнании… С. 551 ; Сукин Иван Иванович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 04.11.2008).

[104]Политический центр (Политцентр) – организация, нелегально созданная 12.11.1919 г. на съезде земств и кооперативов в Иркутске для захвата власти и устранения правительства А. В. Колчака. Учредителями Политцентра выступили Всесибирский краевой комитет Партии социалистов-революционеров, Сибирское бюро организации РСДРП (меньшевиков), губернские и областные земства Сибири. Политцентром был подготовлен и в конце декабря 1919 г. начат переворот, в результате которого 21.12.1919 г. власть Российского правительства пала в Черемхово, 23.12.1919 г. – в Нижнеудинске, 24.12.1919 г. вспыхнуло восстание в Иркутске, которое 05.01.1920 г. закончилось победой повстанцев. С этого времени Политцентр представлял собой верховный орган власти умеренных социалистов, распространявший свои действия на несколько городов и станций Восточной Сибири. 21.01.1920 г. под нажимом большевистских вооруженных группировок в Иркутске Политцентр передал власть Иркутскому военно-революционному комитету и перестал существовать.

Ист.: Примечания // П. В. Вологодский Во власти и в изгнании… С. 241.

[105]**Николай Николаевич младший (Романов)** (1856–1929) – великий князь, дядя императора Николая II. Генерал от кавалерии (1901). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., был офицером для особых поручений при главнокомандующем – своем отце Александре II. Во время Первой мировой войны Верховный главнокомандующий Русской армией с 20.07 (02.08).1914 г. по 23.08 (05. 09).1915 г. Устранен от должности по настоянию Г. Е. Распутина, до 02 (15).03.1917 г. был главнокомандующим войсками Кавказского фронта. Уехал в Крым, откуда в марте 1919 г. эмигрировал в Италию, затем во Францию. Значительная часть российской эмиграции признавала его в 1920–1930-е гг. как единственного претендента на российский престол. По уставу многих военных организаций эмигрантов за границей Николай Николаевич являлся их высшим или почетным руководителем.

Ист.: Военная энциклопедия... Т. 5. С. 480 ; Николай Николаевич Романов (младший) // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/niknik_mlad.php (дата обращения: 08.08.2010).

[106]**Гайда Радола (Гейдль Рудольф)** (1892–1948) – генерал-майор армии Чехословацкой республики (1918), генерал-лейтенант Русской армии с 17 января по 02 сентября 1919 г., лишен этого звания по приказу А. В. Колчака. Военный и политический деятель Белого движения. В годы Первой мировой войны был мобилизован в австро-венгерскую армию, имел чин поручика, попал в сентябре 1915 г. в плен к черногорцам, служил санитаром в сербо-черногорской армии. В январе 1916 г. кружным путем через Францию приехал в Россию для службы в сербской военной части,

сформированной русскими. Через год, в январе 1917 г. ушел на службу в Чехословацкую бригаду, 20.03.1918 г. назначен командиром 7-го полка Чехословацкого корпуса. 25.05.1918 г. стал одним из руководителей антибольшевистского восстания этого корпуса в Западной Сибири, с 26 мая по июль 1918 г. – командир чехословацких частей в Новониколаевске, в июле 1918 г. вместе с А. Н. Пепеляевым командовал войсками, взявшими Иркутск. Продвигаясь дальше на восток по железной дороге, соединился с основными силами Чехословацкого корпуса под командованием М. К. Дитерихса, изгнавшими красных из Владивостока и других дальневосточных городов. В сентябре 1918 г. назначен командиром 2-й Чехословацкой дивизии. 12.10.1918 г. перешел на службу в Русскую армию и был назначен командующим Екатеринбургской группой Сибирской армии. С 04.01.1919 г. командовал Сибирской армией, но как приверженец эсеровских идей, допустивший крупное поражение Сибирской армии и имевший личные стычки с А. В. Колчаком, 14.07.1919 г. был удален от должности и исключен с русской военной службы. Вернулся в Чехословацкий корпус и уехал во Владивосток, где вместе с эсерами и земцами (И. А. Якушев, А. А. Краковецкий и др.) подготовил и начал 17.11.1919 г. мятеж против А. В. Колчака. После подавления мятежа бежал, по другим данным, был арестован и передан командованию корпуса, а затем в январе 1920 г. эвакуировался в Чехословакию. Служил в Чехословацкой армии с 1922 по 1926 г., получил звание дивизионного генерала, командовал дивизией. В 1926 г. назначен начальником Генерального штаба Чехословацкой армии, но за якобы шпионаж в пользу СССР и попытку государственного переворота в том же году был лишен должности, разжалован и изгнан из армии. В 1920–1930-е гг. стал приверженцем фашизма, создал организацию «Национально-фашистская община» и руководил ею, в 1932 г. условно приговорен к тюремному заключению за профашистскую деятельность. Однако, будучи избранным от этой общины в 1935 г. в парламент Чехословацкой республики, стал на национально-патриотические позиции. В 1937–1938 гг. перед немецкой оккупацией Чехословакии (1939) призывал к вооруженному отпору германской агрессии. Чехословацкое правительство вернуло в 1945 г. Гайде звание дивизионного генерала, но 12.05.1945 г. он был арестован и осужден 04.05.1947 г. так называемым Пражским народным судом на два года тюремного заключения. 12.05.1947 г. освобожден из тюрьмы по болезни, 15.04.1948 г. умер в Праге.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 76 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 70–72 ; *Клавинг В. В.* Гражданская война в России… С. 414–416 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М., 1987. С. 139 ; Гайда Радола (Гейдль Рудольф) // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/ bio_g/gayda_radola.html (дата обращения: 08.08.2010).

[107]**Сахаров Константин Вячеславович** (1881–1941) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Ге-

нерального штаба (1908). Командовал частями и соединениями на фронтах Первой мировой войны, в 1916–1917 гг. был и. д. начальника штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии, затем проходил службу в Ставке Верховного главнокомандующего. В 1917 г. участвовал в заговоре генерала Л. Г. Корнилова, с декабря 1917 г. – в Добровольческой армии. Был арестован большевистскими властями в Астрахани, в августе 1918 г. бежал из тюрьмы в Уфу, где находился в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего войск Директории В. Г. Болдырева. 23.11.1918 г. получил назначение на Дальний Восток, был организатором и начальником офицерских и унтер-офицерских курсов на о. Русский во Владивостоке, начальником гарнизона острова. В январе 1919 г. назначен генералом А. И. Деникиным представителем Вооруженных сил Юга России в Ставке Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. 29.03.1919 г. назначен генералом для поручений в штабе Ставки Колчака, с 20.05.1919 г. был начальником штаба Западной армии, с 22.07 по 04.11.1919 г. командовал Западной армией, затем Московской группой армий. 04.11.1919 г., после ухода с поста М. К. Дитерихса, занял его место главнокомандующего армиями Восточного фронта. 09.12.1919 г. усилиями А. Н. и В. Н. Пепеляевых был смещен с должности и арестован, увезен под арестом вместе с отступавшими войсками нового командующего фронтом В. О. Каппеля. Под Иркутском 23.01.1920 г. освобожден от ареста и принял командование колонной 3-й армии каппелевских войск, пробивавшихся в Забайкалье. Придя в Читу в феврале 1920 г., в мае уехал в эмиграцию в Китай, с осени 1920 г. жил в Германии. В годы нацизма – сторонник А. Гитлера, был членом эмигрантской пронацистской организации Российское освободительное народное движение, преподавал историю и военное дело на курсах, проводившихся этой организацией для эмигрантской молодежи. Сын Сахарова был, в чине полковника, командиром полка 1-й дивизии Русской освободительной армии генерала А. А. Власова. К. В. Сахаров после тяжелой операции умер в Берлине.

Ист.: Сахаров Константин Вячеславович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=731(дата обращения: 24.04.2010) ; *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 83–84 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 182–183 ; Сахаров Константин Вячеславович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/sakharovkv.htm (дата обращения: 08.08.2010) ; Сахаров Константин Вячеславович // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_s/saharov_kv.html (дата обращения: 22.01.2010) ; Сахаров Константин Вячеславович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 19.10.2008).

[108]**Каппель Владимир Оскарович** (1883–1920) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). Воевал на фронтах Первой мировой войны, до

03.02.1915 г. был офицером для поручений в штабе 5-го армейского корпуса, затем – старшим адъютантом штаба 5-й Донской казачьей дивизии и в этой же должности – в штабе 1-го кавалерийского корпуса и штабе 14-й кавалерийской дивизии. С 18.03.1916 г. служил штаб-офицером для поручений в управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. 02.08.1917 г. был назначен начальником разведывательного отделения этого штаба. Уйдя в отпуск 02.10.1917 г., застал демобилизацию армии, жил в Перми, затем в Самаре. Летом 1918 г. в звании подполковника командовал 1-й Добровольческой Самарской дружиной Народной армии Комуча, затем группой войск. В июле–августе 1918 г. войска под командованием В. О. Каппеля одержали крупные победы, взяв Сызрань, Ставрополь, Бугуруслан, Бузулук, Симбирск и Казань, захватив золотой запас России. 22.07.1918 г. Каппель был назначен командующим действующими войсками Народной армии. После отступления и ликвидации Народной армии с ноября 1918 г. находился на командных должностях на Западном фронте, был командующим 2-м Уфимским корпусом, с 27.02.1919 г. – созданным им 1-м Волжским корпусом, затем Волжской группой Западной армии. С ноября 1919 г. командовал 3-й армией, 09.12.1919 г. назначен А. В. Колчаком последним главнокомандующим армиями Восточного фронта вместо К. В. Сахарова. Организовал отход остатков белых армий в Забайкалье (Сибирский ледяной поход), командовал движением колонн на Байкал. Умер на разъезде Утай близ станции Тулун Иркутской губернии во время этого похода.

Ист.: Капель и каппелевцы. 2-е изд. , испр. и доп. М., 2007. 778 с. (Серия: Белые воины) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 106–107 ; Каппель Владимир Оскарович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/kappel.htm (дата обращения: 08.08.2010) ; Каппель Владимир Оскарович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BF%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D1%8C,_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%9E%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 29.04.2010) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 160.

[109]**Сальников Дмитрий Николаевич** (1882–1945) – Генерального штаба генерал-майор (1920), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912). Кроме военного образования, имел духовное, в начале XX в. окончил Холмскую духовную семинарию. В годы Первой мировой войны служил штабс-офицером для поручений при штабе 13-го армейского корпуса. В 1918 г. был в Добровольческой армии начальником укомплектования штаба армии, участвовал в 1-м Кубанском ледяном походе, исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. С ноября 1918 по март 1919 г. командовал 1-м Офицерским (Марковским) полком. Направлен руково-

дителями Вооруженных сил Юга России в армию А. В. Колчака, по прибытии занимал с 19 июня по 30 сентября 1919 г. должность начальника штаба Восточного фронта. Одновременно в конце августа 1919 г., после ухода Г. И. Клерже с поста начальника Осведверха (Осведомительного управления при штабе Верховного главнокомандующего), Д. Н. Сальников занял эту должность, которая вскоре была низведена до масштабов Осведфронта (Осведомительного управления при штабе Восточного фронта). В ноябре 1919 г. Сальников командовал войсками на Алтае (Барнаульского и Бийского районов), затем отступил вместе с армией на восток. Во время Сибирского ледяного похода в декабре 1919 – феврале 1920 г. был начальником штаба Северной колонны отступавших. С 17 июня по 01 октября 1920 г. являлся начальником Осведомительного (особого) отдела штаба Дальневосточной армии Г. М. Семёнова. Не явившись из командировки в Харбин и Владивосток, был отчислен от службы. После меркуловского переворота во Владивостоке в мае 1921 г. занимал должность генерала для поручений по военным делам Временного Приамурского правительства, затем состоял в аналогичной должности при военном министре Н. Д. Меркулове. Участвовал в походе армии генерала В. М. Молчанова на Хабаровск в ноябре 1921 – феврале 1922 г. С октября 1922 г. жил в эмиграции в Харбине, состоял в ряде эмигрантских военных организаций, работал учителем и техником путей сообщения на КВЖД. В 1933–1935 гг. был начальником штаба Дальневосточного отдела Корпуса императорской армии и флота, с 1935 г. – начальником штаба Дальневосточного Союза военных, созданного японцами в противовес Дальневосточному отделу РОВС М. К. Дитерихса. С 01.11.1935 г. Сальников занимал должность помощника начальника 7-го отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ).

Ист.: Сальников Дмитрий Николаевич // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/salnikov.htm (дата обращения: 17.11.2008) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 79–80 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 180–181 ; Сальников Дмитрий Николаевич // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/salnikov.htm (дата обращения: 08.08.2010) ; Сальников Дмитрий Николаевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=761 (дата обращения: 08.08.2010).

[110]**Нагаев Николай Васильевич** (1883–1976) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1910). Во время Первой мировой войны командовал полком, участник Брусиловского прорыва 1916 г., с 1917 г. – командир 2-го лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка. С декабря 1917 г. в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского ледяного похода и 2-го Кубанского похода. Формировал гвардейские части в Добровольческой армии, был начальником штаба сводно-гвардейской дивизии. Летом 1919 г. направлен

А. И. Деникиным в Сибирь на помощь Верховному главнокомандующему А. В. Колчаку. В эмиграции жил в Белграде. В 1943 г. принял сан монаха и был назначен в полковые священники Русского охранного корпуса. В 1954 г. рукоположен в архиереи и под именем архиепископа Ричмондского Никодима возглавлял английскую епархию Русской Зарубежной Православной церкви. Умер в Лондоне.

Ист.: Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов… С. 167–168 ; Нагаев Николай Васильевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=622 (дата обращения: 08.08.2010) ; Нагаев Николай Васильевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nagaev.html. (дата обращения: 08.08.2010).

[111]**Карцов (Карцев) Владимир Александрович** (1860–1931) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1910). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1910 г. вышел в отставку, но с началом Первой мировой войны возвратился в армию, с 11.08.1914 г. был командиром 1-й бригады Кубанской казачьей дивизии. 18.10.1915 г. вновь ушел в отставку. В ноябре 1917 г. вместе со старшим братом Петром Александровичем Карцовым пришел в Добровольческую армию, затем служил в Вооруженных силах Юга России. Весной 1919 г. совершил поездку в Сибирь в Ставку Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, 30.06.1919 г. прикомандирован к его штабу. В ноябре 1919 г. уехал обратно в войска А. И. Деникина. Эвакуировался из Крыма вместе с армией П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. В эмиграции жил и умер в Югославии.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 623 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 109.

[112]**Бурлин Петр Гаврилович** (1879–1954) – Генерального штаба генерал-майор (1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1914). В 1916 г. на фронте был старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. После большевистской революции находился в Харбине и Приморье, в июне 1918 г. участвовал в установлении власти Временного Сибирского правительства во Владивостоке. С 10.07.1918 г. – генерал-квартирмейстер штаба военно-сухопутных сил Приморской области, исполнял должность начальника штаба. 28.01.1919 г. вступил на пост помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, 23.05.1919 г. получил права заместителя начальника штаба. После ухода Д. А. Лебедева с должности начальника штаба Бурлин также был понижен в должности: 12.08.1919 г. он стал вторым помощником начштаба, а 01.10.1919 г. – 1-м генерал-квартирмейстером штаба Восточного фронта. С 1920 г. в эмиграции в Китае, жил в г. Ханькоу (нынешний Ухань), с 1930 г. служил советником Генерального штаба армии Национального правительства Гоминьдана. С 1932 г. был профессором в Военной академии этого правительства. В 1930-е гг. являлся главой

Шанхайского отделения Братства Русской Правды, в соответствии с уставом отделения Братства именовался в нем «Номер первый». После победы войск коммунистического Китая жил с 1948 г. на Тайване, затем переехал в Австралию. Умер в Сиднее.

Ист: Бурлин Петр Гаврилович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/burlin.htm (дата обращения: 17.11.2008) ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 58 ; Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском… С. 64 ; Бурлин Петр Гаврилович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1607 (дата обращения: 08.08.2010).

[113]**Лебедев Николай Владимирович** (1877–1925) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1904). С 1907 г. непрерывно находился на обер-офицерских должностях в войсках Приамурского военного округа. Накануне и в годы Первой мировой войны руководил военными перевозками по железнодорожным и водным путям Китайско-Восточного района. В 1917 г. был на фронте начальником штаба 10-й пехотной дивизии. В 1918 г. служил в Добровольческой армии, состоял в резерве чинов при штабе главнокомандующего армией, а затем Вооруженных сил Юга России. В феврале 1919 г. был направлен А. И. Деникиным в Сибирь в помощь А. В. Колчаку, прибыл в Омск через Харбин в июле 1919 г., а 22.07.1919 г. прикомандирован к штабу Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, 12.08.1919 г. стал главным начальником военных сообщений при штабе. 27.08.1919 г. уехал обратно в Екатеринодар под предлогом набора служащих для своего управления, затем был отчислен со службы. В эмиграции жил и умер в Харбине.

Ист.: Лебедев Николай Владимирович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1648 (дата обращения: 20.01.2009) ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 126–127 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 24.

[114]**Дашкевич-Горбацкий Владислав Владиславович** (1879–1952) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1905). В годы Первой мировой войны с ноября 1915 г. исполнял должность начальника штаба 68-й пехотной дивизии, с февраля 1916 г. являлся командиром 96-го пехотного Омского полка. В 1918 г. был связан с украинскими сепаратистами, служил в армии гетмана Скоропадского, был начальником его штаба, участвовал в разгоне Центральной Рады, являлся начальником штаба Вооруженных сил Украинской державы. С октября 1918 г. возглавлял дипломатическую миссию Украинской державы в Румынии. Из Константинополя летом 1919 г. отбыл морем в Сибирь. С осени 1919 г. находился при штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. В декабре 1919 – феврале

1920 г. в Сибирском ледяном походе был командиром Северной группы 2-й армии, отступавшей в Забайкалье. В Дальневосточной армии Г. М. Семёнова состоял генералом для поручений, в ноябре 1920 г. ушел вместе с армией в Китай, откуда уехал в Крым в войска П. Н. Врангеля. С конца 1920 г. – в эмиграции в Германии. Арестован советской контрразведкой на территории Германии в 1945 г., осужден и отбывал срок в ГУЛАГе. Умер в лагере в пос. Инта, Коми АССР.

Ист.: Дашкевич-Горбацкий Владислав Владиславович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1803 (дата обращения: 20.01.2009 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 431.

[115]**Головин Николай Николаевич** (1875–1944) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Был на службе в основном в штабах гвардейских частей. Проявил себя как военный историк и аналитик, с 1908 г. был профессором Николаевской академии. В годы Первой мировой войны командовал драгунским, затем лейб-гвардии гусарским полком, в ноябре 1914 – октябре 1915 г. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, с 24.10.1915 г. и. д. начальника штаба 7-й армии. С 17 апреля по 15 октября 1917 г. находился в должности и. д. начальника штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. Руководил разработкой и участвовал в проведении свыше 150 операций Русской императорской армии. В 1919 г. служил на штабных должностях в Вооруженных силах Юга России. Уехал во Францию и оттуда морем прибыл 26.08.1919 г. в Сибирь. Отказался от предложения А. В. Колчака занять пост начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. Через некоторое время вновь уехал на юг России. В ноябре 1920 г. из Крыма эвакуировался в Турцию, затем жил во Франции. Создал и возглавил в 1927 г. в Париже Высшие военно-научные курсы РОВС, выпустил серию военно-исторических и теоретических трудов, часть из них о Гражданской войне. Во время оккупации Франции стал пособником германских оккупационных властей, участвовал в вербовке и направлении эмигрантов для работ в Германию, поддерживал власовскую Русскую освободительную армию. Умер в плену у французских партизан-коммунистов.

Ист: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 376–377 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 77–79 ; Головин Николай Николаевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golovin_nn.html (дата обращения: 08.08.2010) ; Головин Николай Николаевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=455 (дата обращения: 08.08.2010).

[116]**Занкевич Михаил Ипполитович** (1872–1942) – Генерального штаба генерал-майор (1914). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). В 1905–1913 гг. был военным агентом (военным атташе) в Румынии, затем в Австро-Венгрии. В годы Первой мировой

войны с марта 1915 по май 1916 г. командовал полком, затем был начальником штаба 2-й Гвардейской пехотной дивизии. С июля 1916 по февраль 1917 г. генерал-квартирмейстер Генерального штаба Русской императорской армии. После Февральской революции – начальник военной охраны Петрограда. В июне 1917 г. послан Временным правительством во Францию как представитель России при штабах армий союзников и военный агент, был в этой должности до декабря 1918 г. В июле 1919 г. приехал из Франции в Сибирь, служил генерал-квартирмейстером в штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, в августе–октябре 1919 г. – начальник штаба группы Северных армий (1-й и 2-й). В ноябре 1919 г. назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, вместе с ним находился в поезде во время отступления на восток и взят в плен иркутскими повстанцами. С февраля 1920 г. был 22 года в заключении в ГУЛАГе, после чего расстрелян.

Ист.: Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 537 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 445 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 93 ; Занкевич Михаил Ипполитович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_z/zankevich.html (дата обращения: 08.08.2010).

[117]**Котович Михаил Александрович** (1880 – ?) – Генерального штаба полковник (1914). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1907). В годы Первой мировой войны служил с марта 1915 г. и. д. начальника штаба 12-й Сибирской стрелковой дивизии, затем с июля 1916 г. и. д. начальника штаба 5-й Особой пехотной бригады. Летом 1919 г. прибыл вместе с генералом Н. Н. Головиным из Франции в армию А. В. Колчака, служил на штабных должностях.

Ист.: Котович Михаил Александрович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2856 (дата обращения: 20.01.2009).

[118]**Ракитин Всеволод Владимирович** (1883–1920) – Генерального штаба полковник (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909). Во время Первой мировой войны был с июня 1915 г. старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, с сентября 1916 г. – и. д. начальника штаба 1-й Особой пехотной бригады. В составе группы генерала Н. Н. Головина прибыл летом 1919 г. из Франции в армию А. В. Колчака. Арестован посланцами Иркутского Политцентра в поезде Колчака, расстрелян в феврале 1920 г. почти одновременно с ним.

Ист.: Ракитин Всеволод Владимирович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3225 (дата обращения: 20.01.2009).

[119]**Григорьев Сергей Дмитриевич** (1883–1921) – Генерального штаба полковник (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909). Во время Первой мировой войны был с марта 1915 г. старшим

адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии. В 1918 г. служил на Украине в армии гетмана Скоропадского, затем – в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. Летом 1919 г. вместе с группой высших офицеров во главе с генералом Н. Н. Головиным прибыл из Франции в Омск в армию А. В. Колчака. Захвачен в плен, позднее был мобилизован в РККА, включен в список советского Генерального штаба за август 1920 г. Служил в Омске, где 05.05.1921 г. был арестован органами Чека вместе с генералом Б. М. Зиневичем. Расстрелян 24.06.1921 г.

Ист.: Григорьев Сергей Дмитриевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2503 (дата обращения: 20.01.2009) ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

[120]**Базаревский Александр Халильевич** (1884–1938) – Генерального штаба полковник (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909). В годы Первой мировой войны был с июня 1915 г. старшим адъютантом штаба, затем и. д. начальника штаба 11-й пехотной дивизии. С августа по декабрь 1917 г. – генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии, затем находился в распоряжении начальника штаба 9-й армии. Летом 1919 г. в составе группы генерала Н. Н. Головина прибыл из Франции в Омск для службы в армии А. В. Колчака. В начале 1920 г. был взят в плен, затем служил в РККА. С мая 1920 г. в Омске являлся штатным преподавателем 1-х Сибирских кавалерийских курсов, затем Высшей военной школы Сибири. С сентября 1920 по декабрь 1921 г. служил на разных должностях в штабе войск Сибири (начальник отдела, помощник начальника управления, помощник и вр. и. д. начальника штаба). С конца 1921 г. на службе в Москве сначала как инспектор, а затем как штатный преподаватель военно-учебных заведений, включая Военную академию РККА и Академию ВВС. Арестован в августе 1930 г., осужден к пяти годам лагерей, досрочно освобожден в 1934 г. Снова вел преподавательскую работу, был доцентом академии Генерального штаба РККА, в 1935 г. получил звание советского полковника. В конце 1937 г. вновь арестован, 02.04.1938 г. расстрелян.

Ист.: Базаревский Александр Халильевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1533 (дата обращения: 28.09.2008) ; Жертвы политического террора в СССР… Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

[121]**Церетели Зиновий Филимонович**, князь (1881–1920) – Генерального штаба генерал-майор (1919), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909). Во время Первой мировой войны служил с июля 1915 г. и. д. начальника штаба 56-й пехотной дивизии, затем с июля 1916 г. – на аналогичной должности в 3-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В начале 1919 г. по личной

инициативе прибыл в Сибирь для службы в войсках А. В. Колчака. Занимал должность генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, с 19 апреля по 23 июля 1919 г. командовал сводным Стерлитамакским, позднее 5-м Стерлитамакским армейским корпусом, затем состоял в резерве офицеров Генерального штаба при управлении 1-го генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего. Во время отступления армий в Сибирском ледяном походе погиб на ст. Кемчуг.

Ист.: Церетели Зиновий Филимонович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1722 (дата обращения: 28.09.2008) ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 222 ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 166.

[122]**Рябиков Павел Федорович** (1875–1932) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Специализировался на службе военной разведки, с 14.08.1906 г. состоял помощником делопроизводителя 5-го (разведывательного) делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера управления генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. В годы Первой мировой войны был с ноября 1914 г. старшим адъютантом разведывательного отделения штаба 2-й армии, затем с сентября 1915 по февраль 1916 г. – начальником разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта. С 16.02.1916 г. командовал 199-м пехотным Кронштадтским полком. С февраля по декабрь 1917 г. служил помощником по разведке 2-го обер-квартирмейстера отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в декабре 1917 – марте 1918 г. был там же и. д. 2-го генерал-квартирмейстера. Одновременно Рябиков стал штатным преподавателем в Военной академии Генерального штаба РККА (бывшей Николаевской академии), вместе с академией был в марте 1918 г. эвакуирован в Екатеринбург, в июле, после взятия города чехословаками и частями Народной армии Комуча, перешел на сторону Белого движения. Зимой 1918 г. прибыл с Военной академией в Томск, 07.05.1919 г. избран ее профессором. Взят А. В. Колчаком на штабные должности в армию, с 28.05.1919 г. был 2-м генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего, непосредственным начальником Г. И. Клерже. Со 2 октября по 8 ноября 1919 г. находился в должности начальника штаба Восточного фронта. Отступал с Сибирским ледяным походом, в феврале 1920 г. прибыл в Забайкалье. Был послан как представитель атамана Г. М. Семёнова в Китай, а затем в конце 1920–1921 гг. возглавлял в Японии Миссию главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины. С 1921 по 1924 г. работал в Шанхае в пропагандистском Бюро печати, существовавшем на деньги Г. М. Семёнова. В 1927 г. уехал в Чехословакию, в Русском народном университете в Праге вел кружок по изучению Первой мировой войны, в 1929–1930 гг. писал мемуары. На кафедрах разведки

российских военных вузов до сих пор используется для обучения его классический труд «Разведывательная служба в мирное и военное время» (Томск: Издание Военной академии, 1919. В 2 ч.).

Ист.: Рябиков Павел Федорович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1684 (дата обращения: 28.09.2008) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 77 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… М., 2003. С. 177–178 ; Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Т. 1. С. 30–31, 52–53, 58 ; Т. 2. С. 285–287 ; Волков С. В. Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 438–439.

[123]**Бабушкин Василий Александрович** (1857 – ?) – генерал-майор (1913). Окончил 2-е Константиновское военное училище (1878). С 1887 г. служил в Отдельном корпусе жандармов, в 1904–1917 гг. был начальником ряда губернских жандармских управлений Российской империи. 30.09.1917 г. отправлен в отставку. 23.03.1919 г. вызван из отставки и назначен начальником контрразведывательной части осведомительного отдела Главного штаба Военного министерства Российского правительства А. В. Колчака. После расформирования Главного штаба в мае 1919 г. состоял в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 11.09.1919 г. продолжил службу в департаменте милиции МВД. В эвакуации находился во Владивостоке. Во Временном Приамурском правительстве братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых занимал с лета 1921 г. должность начальника общего отделения по заведыванию железнодорожной и водной милицией УВД, 17.12.1921 г. был назначен помощником начальника милицейско-инспекторского отдела УВД. После прихода к власти в Приморье генерала М. К. Дитерихса был с августа по октябрь 1922 г. председателем Приамурского поместного совета и министром внутренних дел Приамурского земского края.

Ист.: Бабушкин Василий Александрович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1598 (дата обращения: 28.09.2008) ; Волков Е. В. Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 91 ; Приказы по отдельным ведомствам Временного Приамурского правительства // Вестник Временного Приамурского правительства. Владивосток, 1922. № 2 (12 янв.). С. 2.

[124]**Злобин Николай Павлович** (1874 – ?) – генерал-майор (1919), в описываемое время полковник. Окончил Алексеевское военное училище (1894). Находился на службе в Отдельном корпусе жандармов с 1890 г., был в должности помощника начальника жандармского управления в ряде губерний. С началом Первой мировой войны командирован в 1914 г. в распоряжение генерал-губернатора Галиции графа Бобринского во Львов, принимал участие в военных действиях, в 1916–1917 гг. состоял при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта. После Февральской революции с августа 1917 до середины 1918 г. состоял в тайной Алексеев-

ской организации в Казани, отвечал в ней за политическую разведку, затем служил в 3-м Добровольческом полку. После отхода из Казани частей белой армии приехал в Омск, в ноябре 1918 г. назначен начальником управления контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. В 1920 г. состоял в Чите на должности помощника начальника административного отдела МВД правительства Г. М. Семёнова. После меркуловского переворота во Владивостоке с мая 1921 г. служил помощником начальника информационного отдела Временного Приамурского правительства, в ноябре 1922 г. эвакуировался в Корею с отрядом генерала Д. А. Лебедева. В Китае проживал в Чанчуне, с 1924 г. в Харбине, служил в 1925–1930 гг. на КВЖД раздатчиком на складе, конторщиком, кладовщиком, истопником. С 1930 по 1936 г. служил в железнодорожной полиции в управлении разведки, далее был безработным.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 16677. Л. 1–5 (Личное дело Н. П. Злобина в БРЭМ).

[125]**Акинтиевский Константин Константинович** (1884–1962) – Генерального штаба генерал-майор (1919), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). В годы Первой мировой войны был с октября 1915 г. помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, затем адъютантом штаба 1-го Гвардейского корпуса и штаб-офицером для поручений при штабе этого корпуса. С октября 1917 г. служил старшим адъютантом оперативного отделения штаба 2-й армии, был отправлен в Хабаровск на пост начальника штаба Приамурского военного округа. Прибыв к месту службы 21.12.1917 г., отказался вступить в должность из-за захвата власти на Дальнем Востоке большевистским Дальсовнаркомом. Уехал в Харбин, где служил в январе–мае 1918 г. в штабе Заамурского военного округа. С мая 1918 по март 1919 г. состоял при штабе русских частей полосы отчуждения КВЖД. Будучи переведенным в Омск, до мая 1919 г., находился в должности начальника квартирмейстерского отдела Главного штаба Военного министерства. После расформирования Главного штаба направлен на должность начальника общего, а затем оперативного отдела штаба Верховного главнокомандующего и начальника его походного штаба. С 17 июля по 12 ноября 1919 г. был начальником штаба 2-й армии. Под командованием генерала Н. А. Лохвицкого прошел Сибирский ледяной поход. В Забайкалье был генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, а с 12.02.1920 г. – помощником начальника штаба. С 30 апреля по 28 июля 1920 г. являлся начальником штаба Дальневосточной армии. В ноябре 1920 г. вместе с войсками отступил в Китай, затем прибыл в Приморье, где в 1921–1922 гг. служил в составе частей белой армии. В октябре 1922 г. эвакуировался в Харбин. В августе 1935 г. был выслан японской жандармерией из пределов Маньчжурской империи на основании доноса

руководителей БРЭМ. Жил в Шанхае, с 1937 г. являлся председателем Русского офицерского комитета, писал военно-политические обзоры для газеты «Шанхайская заря». Уехал в США, где и умер.

Ист.: Акинтиевский Константин Константинович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1591 (дата обращения: 20.01.2009) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 21 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 30–31 ; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 565. Л. 1–56 об (Личное дело К. К. Акинтиевского в БРЭМ).

[126]**Леонов Гавриил Васильевич** (1879 – ?) – Генерального штаба генерал-майор (1919), ошибочно именуется у Г. И. Клерже в описываемое время полковником. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). В годы Первой мировой войны был с августа 1915 г. и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 2-го Кавказского армейского корпуса, затем с декабря 1916 г. – и. д. начальника штаба 132-й пехотной дивизии. С 1917 г. преподавал в Военной (бывшей Николаевской) академии. Оказавшись в составе академии в Екатеринбурге и Казани, летом 1918 г. стал начальником отдела формирований Главного управления Генерального штаба Военного ведомства Народной армии Комуча. С 27.09.1918 г. служил вр. и. д. 2-го генерал-квартирмейстера, затем был дежурным генералом при Верховном главнокомандующем армией Всероссийского Временного правительства (Директории) генерале В. Г. Болдыреве. После колчаковского переворота некоторое время находился в опале, с 19.04.1919 г. стал и. д. 1-го генерал-квартирмейстера при штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, а с 18.06.1919 г. – генералом для поручений при начальнике штаба. В Омске был членом Военно-экономического общества. В августе–ноябре 1919 г. отправлен вместе с генералом Д. А. Лебедевым и Г. И. Клерже в Кокчетав на должность начальника штаба Отдельной Степной группы войск. Возвращен в Омск незадолго до его сдачи красным. В ходе отступления в конце 1919 г. в результате психического расстройства остался на одной из станций Сибирской железной дороги и попал в плен. С 1920 г. на службе в РККА, в 1921 г. находился на должности в штабе Заволжского военного округа.

Ист.: Леонов Гавриил Васильевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1649 (дата обращения: 28.09.2008) ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 127.

[127]Правильно: Супрунович, а не Сапрунович.

Супрунович Дмитрий Михайлович (1882 – ?) – Генерального штаба полковник (1919). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913). В годы Первой мировой войны был с ноября 1915 г. старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии, с июля 1916 г. – на аналогичной должности в 1-й Финляндской стрелковой дивизии. Пре-

подаватель Военной академии (бывшей Николаевской), вместе с академией оказался на Урале, затем в Сибири. В 1919 г. – начальник военных сообщений при штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака. В начале 1920 г. захвачен в плен красными. В апреле 1920 г. особый отдел 5-й советской армии направил его дело в распоряжение СибЧК. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ист.: Супрунович Дмитрий Михайлович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2960 (дата обращения: 28.09.2008) ; Супрунович Дмитрий Михайлович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/s.htm (дата обращения: 16.10.2008).

[128]**Котомин Василий Васильевич** (? – 1919) – полковник (1917). Участник боев на фронте Первой мировой войны. В ноябре 1916 г. возглавлял Тургайский отряд 197-го пехотного Лесного полка, подавлявший киргизское (казахское) восстание Амангельды Иманова. В 1918–1919 гг. был на службе в РККА, воевал на Восточном фронте в должности командира 2-й бригады 35-й дивизии 5-й большевистской армии. В мае–июле 1919 г. вел успешные бои против 7-й Уральской дивизии Русской армии А. В. Колчака. Составил и направил руководству РККА доклад о положении военных специалистов в большевистской армии, содержащий значительный заряд критики. Доклад читали и обсуждали члены Политбюро ЦК РКП (б), включая В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, а затем по настоянию Ленина – члены ЦК, причем Лениным критика состояния Красной армии была признана правильной. Котомин и ряд его подчиненных состояли в подпольной офицерской организации, в ходе Челябинской операции в ночь на 24.07.1919 г. они в числе 11 человек перешли на сторону белых. По поручению А. В. Колчака Котомин прочитал 09.08.1919 г. публичную лекцию в городском театре Омска, в которой указал на укрепление боевой мощи и дисциплины в Красной армии и негативно отозвался о низкой дисциплине и пьянстве в армии Российского правительства. Лекция встретила непонимание и негодование омских офицеров, слушатели обвинили лектора в большевизме и устроили ему обструкцию. Котомин был подавлен несправедливостью обвинений и находился в тяжелой депрессии. Умер в конце 1919 г.

Ист.: Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 161–162 ; Еленев Ю. Лекция полковника Котомина // Русская армия. Омск, 1919. 10 авг. (№171). С. 3 ; Общий список офицерским чинам Русской императорской… С. 452, 454.

[129]**Матковский Алексей Филиппович** (1877–1920) – Генерального штаба генерал-майор (1917). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1903). С 1912 г. был профессором этой академии. В годы Первой мировой войны с августа 1914 г. являлся начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса, затем командовал 12-м уланским Бел-

городским полком. С февраля по ноябрь 1915 г. – начальник штаба 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, затем командир 2-го лейб-уланского Курляндского полка. С 17.01.1917 г. занимал должность начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии, с 05.05.1917 г. служил в аналогичной должности в 5-м кавалерийском корпусе. Будучи отчисленным из фронтовых частей по болезни, 04.09.1917 г. вернулся к профессорской должности в Военной академии Генерального штаба (бывшей Николаевской). В марте 1918 г. переброшен с академией в Екатеринбург, но отказался уехать с ней в Казань, когда 20.07.1918 г. по распоряжению большевиков начальник академии А. И. Андогский приказал провести таковую эвакуацию из-за приближения фронта к Уралу. Скрывался в лесах с несколькими верными офицерами, легализовался с приходом белых сил. Зачислен на службу в Военное министерство Временного Сибирского правительства, с 05.09.1918 г. – инспектор кавалерии Сибирской армии, затем командир 2-го Степного Сибирского отдельного корпуса. Подавил 22.12.1918 г. попытку вооруженного большевистского восстания в Омске. С 25.12.1918 г. занимал должность командующего войсками Омского военного округа и начальника Омского гарнизона. После переезда Военной академии в Томск (ноябрь 1918 г.) вновь занялся преподавательской работой. 15.05.1919 г. был назначен председателем Думы кавалеров Георгиевского оружия. В период отхода Русской армии А. В. Колчака из Омска (09–14.11.1919 г.) был военным комендантом и начальником гарнизона города. Во второй половине ноября – начале декабря 1919 г. командовал белыми войсками в Алтайской губернии. Изловлен повстанцами после победы восстания Политцентра в Иркутске 05.01.1920 г. Осужден и расстрелян 08.06.1920 г. в Омске вместе с министрами правительства А. В. Колчака.

Ист.: Матковский Алексей Филиппович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=721 (дата обращения: 08.08.2010 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 136–137 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 491–492 ; Матковский Алексей Филиппович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.09.2008) ; Жертвы политического террора в СССР // Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007 ; Матковский Алексей Филиппович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/matkovsky.html (дата обращения: 08.08.2010).

[130]**Богомолец Николай Федорович** (1871–1951) – генерал-лейтенант (1920), в описываемое время генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Офицерскую артиллерийскую школу в Царском селе. В годы Первой мировой войны служил командиром батареи в 1-м конно-артиллерийском дивизионе, затем командовал 11-м конно-артиллерийским дивизионном. В 1917 г.– инспектор артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. С конца 1918 г. служил в должности инспектора артиллерии

Омского военного округа, затем в аналогичной должности – в Приамурском военном округе, включавшем в свой состав Забайкалье. С конца 1919 г. Богомолец командовал дивизией бронепоездов атамана Г. М. Семёнова. В ноябре 1920 г. эвакуировался в Китай вместе с армией атамана, жил в Харбине, с 1923 г. – в Лос-Анджелесе (США), работал сапожником, имел небольшую мастерскую по починке обуви. Состоял членом Общества русских офицеров в Лос-Анджелесе.

Ист.: *Шмелёв А. В.* Дело генерала Н. Ф. Богомольца // Сибирь в период Гражданской войны : материалы междунар. науч.-практ. конф. (6–7 февр. 2007 г., г. Кемерово). Кемерово, 2007. С. 209–211 ; Богомолец Николай Федорович // Общество Русских ветеранов Великой войны в Лос-Анджелесе : сайт. URL: http:// whiterussia1.narod.ru / EMI / LB.htm (дата обращения: 02.02.2009) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны… С. 51.

[131]**Агарков Александр Александрович** (1868–1932) – генерал-майор (1917). Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1888). В годы Первой мировой войны состоял на службе в 26-м пехотном Могилевском полку, затем командовал 37-м Сибирским стрелковым запасным полком. 13.10.1917 г. вышел в отставку. Временным Сибирским правительством назначен 23.07.1918 г. и. д. генерала для поручений при главном начальнике Западно-Сибирского военного округа в Омске. В 1919 г. занял должность дежурного генерала в штабе Омского военного округа. 12.06.1919 г. назначен временным членом Омского военно-окружного суда на период процесса по делу Г. И. Клерже. С 22.08.1919 г. состоял в должности инспектора военно-спортивных обществ Омского военного округа. С 1920 г. в эмиграции в Харбине, был директором Харбинских ремесленных курсов.

Ист.: Агарков Александр Александрович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1590 (дата обращения: 10.12.2008) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 29.

[132]Судебный процесс по делу Г. И. Клерже происходил в Омском военно-окружном суде с 17 по 19.06.1919 г. Отчеты о суде опубликованы в газете «Русская армия».

[133]**Лохвицкий Николай Александрович** (1867–1933) – генерал от инфантерии (1931, звание присвоено великим князем Кириллом Владимировичем), в описываемое время – генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). В годы Первой мировой войны был с августа 1914 г. командиром 95-го Красноярского полка, затем – бригады в пехотной дивизии. С января 1916 г. командовал 1-й (Особой) бригадой, преобразованной позднее в русской Экспедиционный походный корпус во Франции. Уехал из Франции после победы над Германией, с марта 1919 г. был командиром 3-го Уральского горного кор-

пуса в Русской армии А. В. Колчака, в июле–августе 1919 г. командовал 2-й армией Восточного фронта, затем Северной группой армий (1-й и 2-й). В октябре 1919 г. был направлен А. В. Колчаком в Иркутск для подготовки переброски туда учреждений военной и гражданской власти Российского правительства, но главным образом – для переговоров с атаманом Г. М. Семёновым о посылке семеновских частей на Восточный фронт. В декабре 1919 – феврале 1920 г. совершил вместе с отступавшей армией Сибирский ледяной поход в Забайкалье. С 24 апреля по 22 августа 1920 г. был командующим Дальневосточной армией Г. М. Семёнова, затем – представителем бывшей Каппелевской армии при штабе Семёнова, в августе–сентябре 1920 г. – начальником этого штаба. Из-за разногласий с Г. М. Семёновым был направлен последним в Китай в полосу отчуждения КВЖД. Окончательно испортив отношения с Семёновым, заявил 01.10.1920 г., что он выходит из его подчинения и признает единственным главнокомандующим вооруженных сил России генерала П. Н. Врангеля. Жил в Китае, в 1922 г. во времена Земской рати М. К. Дитерихса был во Владивостоке членом Общества офицеров гвардии, в ноябре 1922 г. уехал в эмиграцию. С 1923 г. жил в Париже. В 1927 г. стал председателем Общества легитимистов (монархической организации великого князя Кирилла Владимировича – претендента на русский престол) и Совета по военным и морским делам при великом князе. Работал в военно-исторической комиссии Военного министерства Французской республики. Умер в Париже.

Ист.: Лохвицкий Николай Александрович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/lokhvitsky.htm (дата обращения: 17.11.2008) ; Залесский К. А. Первая мировая война. Правители и военачальники : биограф. энцикл. слов. М., 2003. С. 153–154 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны… С. 129–130 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 484–485 ; Лохвицкий Николай Александрович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 05.11.2008) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 201–202 ; Лохвицкий Николай Александрович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_l/lohvicky.html (дата обращения: 08.08.2010).

[134]**Оберюхтин Виктор Иванович** (1887 – ?) – Генерального штаба генерал-майор (1919), в описываемое время полковник. Окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба (1914). В годы Первой мировой войны был с апреля 1915 г. старшим адъютантом штаба 3-й Гвардейской пехотной дивизии, в 1917 г. стал начальником отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. Попал в немецкий плен, но сумел бежать. 25.04.1918 г. поступил на службу в Красную армию. Советским командованием был направлен в Военную академию Генерального штаба (бывшую Николаевскую). В июле 1918 г. прибыл в Казань в эвакуирован-

ную из столицы академию для завершения высшего военного образования, был назначен заведующим офицерами, обучавшимися в академии. После антибольшевистского переворота с 08.08.1918 г. стал помощником начальника канцелярии Военного ведомства Комуча, с октября 1918 г. был начальником отдела снабжения, затем организационного отдела Главного штаба Военного министерства Всероссийского Временного правительства (Директории), позднее состоял в этой же должности в Военном министерстве Российского правительства А. В. Колчака. 25.03.1919 г. назначен генерал-квартирмейстером Западной (3-й) армии, затем с 20.04.1919 г. был начальником штаба этой армии и с 10.10.1919 г. – Московской группы армий Восточного фронта. Накануне сдачи Омска назначен 08.11.1919 г. начальником штаба Восточного фронта. 09–11.12.1919 г. временно был главнокомандующим Восточным фронтом, затем исполнял должность инспектора военных школ и пополнений. 05.01.1920 г. под Красноярском был захвачен красными, 03.02.1920 г. арестован особым отделом 30-й дивизии РККА. 22.03.1920 г. осужден Омской губЧК на 5 лет лагерей, однако затем отпущен на службу в Красную армию. С 20.07.1921 г. был штатным заведующим курсантами, обучавшимися в Военной академии РККА, затем – помощником начальника учебного отдела этой академии. Полковник Красной армии с 1935 г. В 1935 и 1937 г. издал два труда по истории Первой мировой войны. Репрессирован в 1938 г., умер в лагере после 1950 г.

Ист.: Оберюхтин Виктор Иванович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1664 (дата обращения: 15.09.2008) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 3 ; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта… С. 151 ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просвет. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM) ; Бондарь М. М. Разорванная фотография // Эхо ГУЛАГа. М., 1993. № 3 (июль). С. 3.

[135]**Песоцкий (Пясоцкий) Вениамин Дмитриевич** (ок. 1884 – ?) – Генерального штаба подполковник (1918). В звании подпоручика окончил в 1911 г. Восточный институт во Владивостоке по корейскому отделению. Участвовал в Амурской экспедиции 1911–1913 гг., составитель тома «Корейский вопрос в Приамурье» в «Трудах» Амурской экспедиции (1913). Поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но в связи с началом Первой мировой войны был в 1914 г. откомандирован обратно в полк. В 1917 г. окончил старший класс 1-й очереди ускоренных курсов академии. 14.09.1917 г. переведен в Генеральный штаб на должность обер-офицера для поручений при штабе 1-го Сибирского армейского корпуса. В 1918 г. – начальник оперативного отдела штаба Одесского военного округа, находился на службе у подпольного Временного правительства Автономной Сибири, которое с января 1918 г. набирало на Украине вооруженные силы из состава сибирских фронтовых частей. Был военным комиссаром, далее главным военным комиссаром этого прави-

тельства при Одесском военном округе, затем – военным комиссаром Временного Сибирского правительства на Украине. В июле 1919 г. прибыл в Сибирь, являлся командиром учебного полка Морской дивизии. В январе 1920 г. взят в плен красными на ст. Камышет, затем служил в РККА.

Ист.: Волков С. В Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб. ; М., 2003. С. 423 ; Кавтарадзе А. Г. «Скорее пополнить действующую армию офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба..» // Воен.-ист. журн. М., 2001. № 1. С. 48–55 ; Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский Во власти и в изгнании… С. 541.

[136]**Колегов Степан Николаевич** (1890–1931) – Генерального штаба подполковник (1919). Из 97-го пехотного Лифляндского полка поступил в 1913 г. в Николаевскую академию Генерального штаба, но в связи с началом Первой мировой войны откомандирован в 1914 г. обратно в полк. Служил с июня 1915 г. обер-офицером для поручений, затем старшим адъютантом при штабе 3-го армейского корпуса. В 1917 г. окончил старший класс 1-й очереди ускоренных курсов Николаевской академии, 14.09.1917 г. переведен в Генеральный штаб на должность старшего адъютанта штаба 83-й пехотной дивизии, был вр. и. д. начальника этого штаба, затем начальником штаба 39-го армейского корпуса. С июня 1918 г. состоял на службе в белых армиях Восточного фронта, был помощником командира учебного полка Морской дивизии (В. Д. Песоцкого). 04.02.1920 г. в Иркутской губернии попал в плен, перешел на службу в РККА. Был преподавателем повторных курсов командного состава Петроградского военного округа, затем групповым лектором Военной академии РККА, руководил в академии практическими занятиями по стратегии и тактике. Арестован в должности преподавателя Военной академии им. М. В. Фрунзе 14.08.1930 г., приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу по делу бывших белогвардейцев 09.04.1931 г. Расстрелян.

Ист.: Колегов Степан Николаевич // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2331 (дата обращения: 28.07.2010) ; Список лиц с высшим общим военным образованием… С. 109–110 ; Жертвы политического террора в СССР/ Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 эл.-оптич. диск (CD-ROM).

[137]**Жардецкий Валентин Александрович** (1884–1920) – присяжный поверенный, журналист. До 1915 г. жил в Москве, работал в Союзе городов. Переехав в Омск, стал деятельным членом местного отделения Партии народной свободы (кадетов), был избран гласным Омской городской думы, с марта 1917 г. входил в Омский коалиционный комитет, с апреля 1917 г. возглавлял Западно-Сибирский комитет Союза городов. Был избран председателем Омского комитета Партии народной свободы, редактировал газету комитета «Сибирская речь» и много в ней публиковался. Убежденный противник большевиков. После установления советской власти явился одним из инициаторов вооруженного выступления 30.10–02.11.1917 г. в Омске 2-й школы прапорщиков. С поражением этого вос-

стания скрылся в станице Ачаир Сибирского казачьего войска, где 24.11.1917 г. был пойман и отправлен Омским совдепом в Томскую тюрьму. Освобожден в апреле 1918 г., принял активное участие в общественной жизни Омска после установления здесь в июне 1918 г. власти Временного Сибирского правительства. Выступал за военную диктатуру и восторженно принял появление во власти А. В. Колчака. Стал одним из главных организаторов в Омске блока правых политических партий и общественных организаций, представителей торговых и промышленных кругов, кооператоров, поддерживавших политику Колчака. Один из создателей омской организации Союза возрождения России, член Государственного экономического совещания. В ноябре 1919 г. эвакуировался на восток, ушел в подполье и под чужим именем затаился в Красноярске. В апреле 1920 г. арестован ЧК по доносу, привезен в Омск и расстрелян.

Ист.: Жардецкий Валериан [ошибочно, в действительности: Валентин. – А. П.] Александрович // Хронос… URL http://www.hrono.info/biograf/bio_zh/zhardecky.html (дата обращения: 24.09.2008 ; Жардецкий Валериан [ошибочно, в действительности: Валентин. – А. П.] Александрович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 24.09.2008) ; *Безродный К. Э.* В. А. Жардецкий: «По чувству долга, но без радости надежд» // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: история и современность : материалы Всерос. науч.-метод. конф., 17–18 дек. 1998 г. Омск, 1998. С. 91–95 ; *Его же.* Новые архивные материалы к биографии В. А. Жардецкого // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Омск, 28–29 сент. 2000 г. Омск, 2000. Ч. 1. С. 165–171.

[138]**Нечаев Константин Петрович** (1883–1946) – генерал-лейтенант (1920). Окончил Тверское кавалерийское училище (1904). В Первой мировой войне – подполковник 5-го драгунского Каргопольского полка. С августа 1918 г. был командиром кавалерийского отряда (офицерского эскадрона), затем 1-го Казанского Добровольческого кавалерийского полка и Казанского (бывшего 5-го Каргопольского) драгунского полка в войсковых соединениях В. О. Каппеля (Народная армия Комуча). С февраля 1919 г. командовал Отдельной Волжской кавалерийской бригадой, затем Волжской кавалерийской дивизией Волжского армейского корпуса. Во время Сибирского ледяного похода в ноябре 1919 – феврале 1920 г. командовал конной группой. В Забайкалье с марта по октябрь 1920 г. – начальник читинского гарнизона, командир 1-й Маньчжурской конной дивизии в Дальневосточной армии. В сентябре 1920 г. принял должность начальника 1-й сводной атамана Г. М. Семёнова дивизии на ст. Даурия. Отличился в октябре–ноябре 1920 г. в боях при отходе Дальневосточной армии в Маньчжурию. В 1921 г. был с Г. М. Семёновым в Приморье. В эмиграции с конца 1921 г., работал извозчиком в Харбине. В сентябре 1924 г. по приглашению Чжан Цзолина сформиро-

вал и возглавил в армии этого маршала Отдельный русский отряд из офицеров-эмигрантов, победоносно боролся на стороне Чжана против армий Национального правительства Гоминьдана, в 1925 г. получил звание генерал-лейтенанта китайской армии. После тяжелого ранения в 1926 г. перенес ампутацию ноги. В 1926 г. русский отряд К. П. Нечаева стал 65-й (русской) дивизией в Шаньдунской (Мукденской) армии, но сам Нечаев в 1927 г. ушел от командования ею. С 1927 г. жил в Дайрене, работал брокером. Являлся уполномоченным главы русской эмиграции Д. Л. Хорвата, членом правления, затем председателем Русской национальной общины, в 1943–1945 гг. был начальником Дайренского отделения БРЭМ. Являлся членом Дальневосточного монархического союза (1922–1924), Дальневосточного отдела РОВС (1922–1937). В 1934–1937 гг. состоял в Российской фашисткой партии. Арестован 07.09.1945 г. советской контрразведкой в Дайрене, расстрелян 05.02.1946 г. в Чите.

Ист.: Нечаев Константин Петрович // Википедия … URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B0%D0%B5%D0%B2,_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 29.04.2010) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 148 ; Жертвы политического террора в СССР… Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM) ; Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 231 ; Нечаев Константин Петрович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/ bio_n/nechaev_kp.html (дата обращения: 08.08.2010) ; *Николаев Н. [Н.]* История возникновения Русской группы Мукденских войск: (краткий исторический очерк) [Рукопись] // ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–5 ; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 33263. Л. 1–3 (Личное дело К. П. Нечаева в БРЭМ) ; К. П. Нечаев вступил в должность начальника Дайренского бюро эмигрантов // Время. Харбин, 1943. 10 апр.

[139]**Нокс Альфред Уильям Фортефью** (1870–1964) – английский военный и политический деятель. Член Консервативной партии Великобритании. Окончил штабной колледж Британской королевской армии (1905), офицер Генерального штаба, служил в Военном министерстве. Бригадный генерал. С 1911 г. был военным атташе при посольстве Великобритании в России, во время Первой мировой войны находился в Ставке Верховного главнокомандующего Русской императорской армии на фронте. В январе 1918 г. стал начальником русского отдела Военного министерства Великобритании, затем был отправлен руководством Антанты на русский Дальний Восток во главе военной миссии союзников. Познакомившись летом 1918 г. в Японии с А. В. Колчаком, в дальнейшем оказывал на адмирала большое влияние. 05.09.1918 г. Нокс прибыл во Владивосток, возглавив британскую миссию в России, являлся заместителем генерала М. Жанена по верховному командованию войсками союзников в Сибири и на Дальнем Востоке. В ведении Нокса находились

вопросы тыла и снабжения оружием, обмундированием белых армий и союзнических войск. Историки предполагают, что Нокс явился одним из вдохновителей переворота А. В. Колчака, отправившегося в конце сентября 1918 г. в Омск для принятия поста военного министра Временного Всероссийского правительства (Директории). Нокс сопровождал Колчака до Читы, куда он ехал для встречи с атаманом Г. М. Семёновым в начале октября 1918 г. Считался личным другом А. В. Колчака. После переворота 18.11.1918 г. Нокс некоторое время оставался во Владивостоке, организовал вместе с К. В. Сахаровым на Русском острове офицерскую и унтер-офицерскую школы для Русской армии с участием английских инструкторов-преподавателей. В середине января 1919 г. прибыл в Омск, заняв должность главы Британской военной миссии и английского Высокого комиссара. Организовал снабжение армий А. В. Колчака и зарубежные поставки военной продукции в Сибирь. Эвакуировался вместе с миссией в ноябре 1919 г. на Дальний Восток, в 1920 г. вернулся в Англию. Продолжил военную и политическую карьеру, служил в армии. С 1924 по 1945 г. избирался членом британского парламента от Консервативной партии. Организовывал помощь российским эмигрантам в Европе.

Ист.: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 235 ; Нокс Альфред // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0% 9D%D0% BE%D0%BA%D1%81,_%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%84%D1%80%D0% B5%D0%B4 (дата обращения: 29.04.2010) ; Нокс А. // Биографии … URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.01.2010).

[140]**Драгомиров Абрам Михайлович** (1868–1955) – генерал от кавалерии (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1893). В годы Первой мировой войны был командиром сводной кавалерийской дивизии, затем с ноября 1914 г. – Сводного кавалерийского корпуса. С апреля 1915 г. командовал 9-м армейским корпусом, с августа 1916 г. – 5-й армией. 29.04.1917 г. назначен главнокомандующим армиями Северного фронта, но 01.06.1917 г. уволен в отставку за резко негативное выступление в Зимнем дворце перед главнокомандующим А. Ф. Керенским по вопросу о Декларации прав военнослужащих. В конце 1917 г. уехал на Дон, где участвовал в формировании Добровольческой армии, 20.08.1918 г. стал помощником Верховного руководителя армии М. В. Алексеева. 26.09.1918 г. назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине. Занимался гражданским управлением на территории белого Юга. С сентября 1919 г. являлся главнокомандующим Киевской области и командующим войсками киевского направления. В марте 1920 г. в Крыму был председателем Военного совета, избравшего П. Н. Врангеля главнокомандующим вместо А. И. Деникина. В ноябре 1920 г. – заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска. В эмиграции в Сербии, с 1931 г. во Франции, с 1934 г. снова в Сербии, затем в Австрии. Один из организаторов и активных функционеров РОВС в 1924–1939 гг., генерал для поручений при пред-

седателе Общества. Во Второй мировой войне поддерживал Русскую освободительную армию А. А. Власова, в начале 1945 г. был зачислен в резерв чинов его штаба. С 1950 г. проживал во Франции.

Ист.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 474 ; Клавинг В. В. Гражданская война в России… С. 438 ; Драгомиров Абрам Михайлович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 23.09.2008) ; Драгомиров Абрам Михайлович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/dragomir_am.php (дата обращения: 08.08.2010).

[141]**Гурко-Ромейко Василий Иосифович** (1864–1937) – генерал от кавалерии (1916). Сын генерал-фельдмаршала Иосифа Владимировича Гурко, брат государственного деятеля монархиста Владимира Иосифовича Гурко. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Во время англо-бурской войны 1899–1900 гг. был военным агентом России при армии буров. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., с 1906 по 1911 г. был председателем Военно-исторической комиссии по описанию этой войны. В Первой мировой войне командовал с ноября 1914 г. 6-м армейским корпусом, затем 5-й (Особой) армией. После Февральской революции был до мая 1917 г. командующим войсками Западного фронта. 22.05.1917 г. смещен с должности главнокомандующим А. Ф. Керенским за противодействие Декларации прав военнослужащих, принятой 15.05.1917 г. После корниловского выступления был арестован и в августе – сентябре 1917 г. находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. 08.09.1917 г. появилось постановление Временного правительства о высылке В. И. Гурко за границу. Выехав через Архангельск при помощи английского правительства, 15.10.1917 г. он прибыл в Великобританию. Жил в Италии, был активным членом РОВС, председателем Союза инвалидов. Публиковал статьи в эмигрантском военном журнале «Часовой». Умер в Риме.

Ист.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 414–415 ; Залесский К. А. Первая мировая война... С. 98–99 ; Гурко Василий Иосифович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BE,_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 29.04.2010).

[142]**Войцеховский Сергей Николаевич** (1883–1951) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1920), генерал Чехословацкой армии (1929). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912). В годы Первой мировой войны занимал в 1914–1917 гг. должности в штабах 69-й пехотной дивизии, затем – 20-го армейского корпуса. С января по август 1917 г. служил начальником штаба 176-й, затем 126-й пехотных дивизий. В августе 1917 г. был назначен начальником штаба 1-й Чехословацкой дивизии, с февраля 1918 г. являлся командиром 3-го Яна Жижки полка в Чехословацком корпусе. Вместе с войсками корпуса прибыл весной 1918 г. с Украины в Западную Сибирь. В ходе восстания, поднятого частями

корпуса против большевиков, захватил 26.05.1918 г. своими войсками Челябинск и железную дорогу от Златоуста до Челябинска. С 27.05.1918 г. – командующий чехословацкими войсками Челябинской группы и Уральского фронта. 28.07.1918 г. захватил Екатеринбург, вслед за тем – Нижний Тагил. Одновременно с июня по октябрь 1918 г. был командиром 1-й Чехословацкой дивизии. 17.10.1918 г. принял должность командующего Самарской группой войск в Уфе. В декабре 1918 г. ушел со службы в Чехословацкой армии и поступил в Русскую армию А. В. Колчака, с января по июнь 1919 г. командовал 2-м Уфимским армейским корпусом, затем до сентября 1919 г. – Уфимской группой войск во 2-й армии. В сентябре 1919 – январе 1920 г. являлся командующим 2-й армией. В декабре 1919 г., в ходе отступления на восток, подавил в Новониколаевке восстание Барабинского полка. Во время Сибирского ледяного похода с 26.01.1920 г. – командующий Восточным фронтом и Московской группой войск (назначен вместо себя умиравшим В. О. Каппелем). По приходе в Забайкалье в феврале 1920 г. стал командующим вновь созданной Дальневосточной армией, подчиненной главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины Г. М. Семёнову. В апреле 1920 г. армия под руководством Войцеховского отбила первое наступление Народно-революционной армии ДВР на Читу. Имея плохие отношения с Семёновым, 25.04.1920 г. ушел в отставку с поста командующего армией и уехал во Владивосток, где присоединился к чехословацким войскам, в сентябре 1920 г. эмигрировал в Мукден (Китай). По приглашению правительства Чехословакии прибыл в 1921 г. в Прагу, принял чехословацкое гражданство и поступил на службу в армию Чехословацкой республики (ЧСР). В 1921–1924 гг. был командиром бригады, в 1924–1927 г. – дивизии. С 1928 г. командовал военным округом Брно, вторым по значению после Пражского. С 27.09.1938 по 14.10.1938 г. являлся командующим 1-й Чехословацкой армией, настаивал на вооруженном отпоре будущей германской агрессии и готовил армию к такому отпору. Смещен с поста в ходе Мюнхенских переговоров. После гитлеровской оккупации Чехословакии – участник движения сопротивления, в 1939–1945 гг. военный министр в подпольном правительстве ЧСР. После взятия Праги советскими войсками арестован 25.05.1945 г. и отправлен в СССР, где 15.09.1945 г. осужден на 10 лет лагерей. Умер 07.04.1951 г. в лагере на ст. Тайшет Красноярского края.

Ист: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 63–64 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 66–73 ; *Клавинг В. В.* Гражданская война в России… С. 411–412 ; Войцеховский Сергей Николаевич… // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/voycehovsky_sn.html (дата обращения: 08.08.2010 ; Войцеховский Сергей Николаевич // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 25.09.2008) ; [*Дмитриев Н. И.*] Генерал Сергей

Войцеховский: страницы жизни : [Буклет выставки]. [Екатеринбург, б. г.]. – [12] с.

[143]Осведверх – Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего, входил в состав 2-го генерал-квартирмейстерства штаба. Создан в мае 1919 г. в ходе реорганизации высшего военного руководства белой Сибири. В июле 1919 г. статус отдела был повышен, он стал Осведомительным управлением штаба Верховного главнокомандующего. После вынужденного ухода Г. И. Клерже с поста начальника Осведверха последний, в связи с новой реформой военного управления и созданием штаба главнокомандующего Восточным фронтом, был передан в ведение этого штаба и стал называться Осведфронтом.

Ист: *Луков Е. В., Шевелев Д. Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. 184 с. ; *Посадсков А. Л.* Последний рубеж Осведфронта: попытка организации «идейного» отпора большевизму в Новониколаевске (осень 1919 г.) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2002. № 2 (8). С. 90–94.

[144]**Оссендовский Антоний Фердинанд Мартин**, в России назывался Оссендовский Антон Мартынович, за границей использовал имя Оссендовский Фердинанд (1876–1945) – ученый, экономист, писатель, журналист, общественный деятель. Поляк, кроме родного, прекрасно владел русским литературным языком. Автор нескольких научных и беллетристических книг, изданных в России, а также 77 книг, выпущенных в Польше в 1923–1939 гг. Химик по специальности, учился химии и физике в парижском университете Сорбонны, в 1902 г. закончил Петербургский университет. Приехал в Томск в только что созданный Томский технологический институт, где в 1902–1903 гг. работал на кафедре как ассистент геолога профессора В. А. Обручева. В 1903 г. по направлению В. А. Обручева уехал во Владивосток, работал специалистом в химической лаборатории Управления Уссурийской железной дороги и являлся правителем дел Общества изучения Амурского края. Затем перевелся в Харбин, где работал в 1904–1906 гг. заведующим Испытательной химико-механической лабораторией Управления КВЖД. Здесь участвовал в октябре 1905–1906 гг. в революционном движении, редактировал нелегальные листовки, возглавлял стачечный комитет КВЖД. В 1906 г. осужден военным судом в Харбине на полтора года заключения. Выйдя в 1908 г. из тюрьмы, уехал сначала в Томск, затем в Киев и в 1909 г. в Петербург. Впечатления от пребывания в тюрьме описал в книге «В людской пыли», которая вышла в 1909 г., но была запрещена петербургской цензурой (в 1911 г. выпущена в переработанном виде под названием «Людская пыль»). В 1909–1917 гг. Оссендовский много работал как журналист и писатель, был секретарем редакции газеты «Вечернее время» (1914–1917) и редактором польской газеты «Dzennik Petersburgski» («Петербургский дневник», 1910–1911). Не прекращая научных занятий, был в 1911–1917 гг. секретарем Постоянной совещательной конторы золото- и платинопро-

мышленников, редактором журнала «Золото и платина», а также директором-распорядителем Русского товарищества тигельных заводов (1913–1914). Являлся одним из основоположников жанра фантастики в России (повести «Грядущая борьба», 1914; «Женщины восставшие и побежденные», 1915 и др.). Неоднократно приезжал в Западную Сибирь как путешественник и охотник. В 1915 г. прибыл в Томск вместе с бывшим ссыльным народовольцем, писателем Н. А. Морозовым, которого сопровождал в поездке, знакомил в Томске с Г. Н. Потаниным и другими учеными университетского центра. После Февральской революции вместе с журналистом Е. П. Семёновым явился фабрикатором так называемых «бумаг Сиссона» – документов, свидетельствующих о связях В. И. Ленина и большевиков с германским Генеральным штабом и о финансировании Германией антигосударственной деятельности большевистской партии. Эти документы, признанные спустя несколько десятилетий подделками, широко публиковались тогда в русской и мировой печати. В начале 1918 г., скрываясь от преследования большевиков, Оссендовский вернулся в Томск, где вошел в ближайшее окружение Г. Н. Потанина («Потанинский кружок»). На первом томском митинге после свержения большевистской власти в мае 1918 г. он выступал вторым после Потанина. Уехав в Омск, где формировалось Временное Сибирское правительство, Оссендовский стал чиновником Министерства финансов, промышленности и торговли, членом совета министерства и вице-директором кредитной канцелярии, в 1919 г. – главным редактором журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли», членом ученого совета Министерства сельского хозяйства. Был избран профессором и преподавал химию одновременно в Омском политехническом и Омском сельскохозяйственном институтах. Постоянно выступал с публичными лекциями антибольшевистского содержания. С мая 1919 г. – сотрудник Осведверха, заведующий подотделом печати, писал и рассылал по редакциям газет статьи, очерки, рассказы как материал Осведверха для газетных публикаций. В ноябре 1919 г. вместе с эшелоном Осведверха эвакуировался на восток, в начале января 1920 г. под угрозой ареста большевиками скрылся из Красноярска и вместе с группой польских офицеров совершил побег через юг Сибири, пройдя сквозь Хакасию и Урянхайский край (нынешняя Тува) в Монголию. В столице Монголии Урге познакомился с бароном Р. Ф. Унгерном фон Штернбергом, командиром Азиатской конной дивизии, захватившим Монголию и объявившим себя главой буддийского государства и воплощением Будды. Из Урги Оссендовский приехал в Харбин, а после меркуловского переворота в мае 1921 г. – во Владивосток, откуда морем уехал в Японию, а затем в США. С помощью американского писателя и переводчика Л. С. Палена выпустил в 1922 г. на английском языке свою самую знаменитую книгу «Звери, люди и боги», в которой описал свое бегство из Сибири в Монголию и Китай, уделив особое внимание Унгерну, которого считал безумцем. В 1923 г. после возвращения Оссендовского в Польшу книга вышла на польском языке, а в последующие годы была переведена

на 19 языков и издана 142 раза (русское авторизованное издание вышло в 1925 г. в Риге). В дальнейшем Оссендовский стал одним из наиболее популярных польских писателей, выпуская в год примерно по шесть беллетристических книг, часто на исторические темы или с описанием своих путешествий по Африке, Индии, Китаю и т. п. Кроме литературной деятельности, преподавал с 1922 г. в Польше в Высшем военном и Высшем коммерческом училищах, в Училище политических наук в Варшаве. В 1929–1930 гг. во время работы над книгой «Ленин», разоблачавшей большевизм, Оссендовский стал объектом новой разработки со стороны ОГПУ, рассылавшего запросы о его прежней деятельности в Сибири. После немецкой оккупации Польши Оссендовский проявил себя как противник нацизма, работал в национальном подполье, с 1943 г. являлся членом конспиративной организации «Стронництво народове». Умер 03.01.1945 г. в пригороде Варшавы. После прихода советских войск его могила была вскрыта сотрудниками НКВД, которые с помощью дантиста, лечившего Оссендовского, удостоверились в том, что «враг Ленина и Сталина» мертв.

Ист.: *Колганова А. А., Рейтблат А. И.* Оссендовский Антон Мартынович // Русские писатели. 1800–1917 : биограф. слов. М., 1999. Т. 4. С. 460–462 ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 229 ; *Michalowski W. S.* Tajemnica Ossendowskiego. Warszawa, 1990. 168 s. ; Его же. Wielke safari Antoniego O.: Kim byl Antoni Ferdynand Ossendowski? Warszawa, 2004. 288 s. ; Его же. Ossendowski Ferdynand // Polski slovnik biograficzny. Warszawa, 1979. T. 24/2. S. 381–385 ; Ossendowski Ferdynand // Wikipedia Polska. URL: http://pl.wikipedia.org/wiki/Ferdynand_Ossendowski (дата обращения: 10.10.2009) ; Um Ferdynand Ossendowski: Ferdinand – Antoni Ossendowski zur authentizitat prufer und zeugen nachwort. Frankfurt-am-Main, 1925. 168 s.

[145]**Глинская Вера** – актриса, руководитель театральной труппы. С весны по осень 1919 г. гастролировала по Сибири, проехав со спектаклями своего коллектива от Приуралья до Забайкалья. В репертуаре труппы были пьеса сибирского автора А. Е. Котомкина-Савинского «Меченосцы», спектакли «Роман», «Псиша», «Трильби», «Черная пантера» и др.

Ист.: *Василевский В. И.* Забайкальская белая государственность: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 88.

[146]**Каринская Мария Александровна** (1884–1942) – певица. В 1916–1917 гг. в течение года давала концерты перед русскими солдатами и офицерами в прифронтовой полосе. В 1918 г. выступала с концертами в Добровольческой армии, в 1919 г. приехала в Сибирь, где прошло несколько десятков ее выступлений («летучих концертов») перед военнослужащими Русской армии А. В. Колчака. В репертуаре были в основном русские народные песни и цыганские романсы. Концерты Каринской сопровождались ее лекциями о русской народной песне и раздачей про-

пагандистских изданий. Уехала в эмиграцию, в начале 1920-х гг. пела в Харбине, затем в Шанхае, США и Канаде.

Ист.: Аннотированный указатель имен // *П. В. Вологодский.* Во власти и в изгнании… С. 521 ; *Луков Е. В., Шевелев Д. Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 гг.). Томск, 2007. С. 138–139 ; *Белокрыс М. [А.].* Любимая певица Колчака // Ом. вестн. 2005. 7 сент. С. 13.

[147]Русское бюро печати (Русское общество печатного дела, РОПД) – издательство, созданное на основе Отдела печати Совета министров Российского правительства А. В. Колчака специально для широкой антибольшевистской печатной агитации и пропаганды. Было оформлено как независимая коммерческая организация – акционерное общество. Паи этого АО были распределены исключительно между ответственными сотрудниками бывшего Отдела печати, а последним деньги на приобретение паев были даны из государственной казны. 24.05.1919 г. учредительное собрание АО РОПД объявило о его создании. Расходы на издание агитационной литературы оплачивались из бюджета правительства, проходя утверждение в Совещании по делам печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. Июнь–сентябрь 1919 г. явились временем наибольшей продуктивности издательства, оно выпустило не менее 1 млн экз. листовок и брошюр, наладило выпуск массовой «Нашей газеты» тремя региональными изданиями – в Омске (основной общероссийский выпуск), Новониколаевске и Томске. АО РОПД имело две собственных типографии и экспедицию по распространению литературы. С осени 1919 г. выпускало в Омске газету «Русское дело». В ноябре 1919 г. было эвакуировано в Иркутск, где возобновился выход «Нашей газеты» и «Русского дела», вновь начался выпуск листовок и брошюр, но значительно меньшими тиражами и в основном в виде переизданий. АО РОПД ликвидировано в Иркутске по решению его сотрудников 04.01.1920 г. в ходе восстания Политцентра.

Ист.: *Посадсков А. Л.* К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. 6–7 мая 1997 г., г. Омск. – Новосибирск, 1997. – С. 140–143 ; Его же. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах Гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестн. Ом. ун-та. Омск, 1999. № 4. С. 99–104 ; 2000. № 1. С. 63–69 ; Его же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства // Клио : межвуз. журн. для ученых. 1997. № 2. С. 131–133 ; Луков Е. В., Шевелев Д. Н. Осведомительный аппарат белой Сибири… 184 с.

[148]**Клафтон Александр Константинович** (1870–1920) – политический и общественный деятель, журналист, издатель. Учась на медицинском факультете Казанского университета, был на 4-м курсе арестован и отправлен в тюрьму за активное участие в революционных студенческих кружках, через несколько месяцев освобожден. На почве революционного студенческого движения был знаком в это время с В. И. Ульяновым (Ле-

ниным). Будучи выслан в Самару в 1894 г., сотрудничал в либеральной газете «Самарский вестник», работал в ее редакции, принимал активное участие в общественной жизни Поволжья. Служащий Самарского уездного земства, затем – секретарь Самарской губернской земской управы. Вступил в Партию народной свободы (кадетов), с 1905 г. являлся членом ее Самарского губернского комитета. В сентябре 1918 г., находясь в Москве, принял предложение Наркомпроса РСФСР перейти на территорию, занятую войсками Комуча, и вступить в переговоры с представителями Белого движения о возвращении в советскую Россию детей и жен видных большевистских руководителей, которые летом были вывезены в Поволжье на отдых и оказались захваченными в заложники. Получив мандат от Международного общества Красного креста и заручившись удостоверением от руководителей упраздненного Всероссийского союза земств и городов, А. К. Клафтон перешел фронт, проехал в Поволжье, затем на Урал. Переговоры не увенчались успехом (только после Гражданской войны заложники вернулись в РСФСР через США). Клафтон остался в Самаре, вскоре уехал в Омск и был избран председателем Восточного отдела партии кадетов. Занимался организацией в Сибири отделений Всероссийского союза земств и городов, был заведующим Российским телеграфным агентством (РТА). Один из учредителей в мае 1919 г. Русского общества печатного дела (Русского бюро печати), с июня по декабрь 1919 г. – директор-распорядитель этого издательства. В январе 1920 г. был арестован Политцентром и доставлен в Омск вместе с министрами Российского правительства А. В. Колчака, проходил с ними в мае–июне 1920 г. по одному процессу, хотя не был министром. Приговоренный к расстрелу, обратился лично к Ленину как своему бывшему знакомому, с просьбой о помиловании, но ходатайство, в числе других, было отклонено Президиумом ВЦИК. Расстрелян в Омске в ночь на 23.06.1920 г.

Ист.: Посадсков А. Л. Книжное дело в Сибири. 1919–1923 гг. Новосибирск, 1979. С. 293 ; Звягин С. П. А. К. Клафтон: российский либерал в условиях революций и Гражданской войны // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы IV Всерос. чтений. Кемерово, 2006. С. 23–29 ; Клафтон Александр Константинович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 22.10.2008) ; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. : [док. и стеногр.] / отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. 700 с.

[149]**Болдырев Дмитрий Васильевич** (1885–1920) – богослов, философ, публицист, общественный деятель. Окончил Петербургский университет. Спасаясь от большевизма, уехал в 1918 г. во вновь открытый Пермский университет, где был избран доцентом, а затем профессором. С приходом в декабре 1918 г. белых войск перебрался в Омск, где с мая 1919 г. был вместе с Н. В. Устряловым вице-директором Русского общества печатного дела (Русского бюро печати). Выступал с философско-публицистическими статьями в омской газете кадетов «Сибирская речь», был номинальным редактором газеты «Русское дело». Основатель и руководитель движения

за создание дружин Святого креста и Зеленого полумесяца – добровольческих вооруженных формирований белого движения на Восточном фронте, которые шли в отчаянные атаки на большевиков, оказывая большое моральное воздействие на армию. Один из наиболее ярких ораторов и агитаторов на митингах, посвященных добровольной записи в эти дружины. Категорически требовал от военных активной обороны Омска, уехал из города одним из последних. Заболел тифом, в Иркутске был арестован большевиками и содержался в тюремной больнице, где умер 12.05.1920 г.

Ист.: Болдырев Дмитрий Васильевич // Большая энциклопедия русского народа / Ин-т рус. цивилизации : сайт. URL: http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=207&abc=1 (дата обращения: 23.10.2008) ; Болдырев Н. В., Болдырев Д. В. Смысл истории и революция. М., 2001. 392 с.

[150]**Устрялов Николай Васильевич** (1890–1937) – публицист, издатель, общественный и политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1913), с 1916 г. – приват-доцент этого университета по курсу государственного права. Член Партии народной свободы (кадетов), публиковался в журнале «Русская мысль». После Февральской революции проявил себя как активный кадетский лидер, возглавил Калужский комитет партии, печатался в газете «Утро России» (затем «Заря России»), издал несколько пропагандистках брошюр под псевдонимом Петр Сурмин. Участник подпольной конференции кадетов в Москве в мае 1918 г. Скрываясь от большевиков, в сентябре 1918 г. переехал в Пермь во вновь созданный Пермский университет, где был избран доцентом, заведовал кафедрой государственного права. После взятия Перми Сибирской армией переехал в январе 1919 г. в Омск, был юрисконсультом Российского правительства. С февраля 1919 г. – директор пресс-бюро Отдела печати в Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. В мае 1919 г. – один из учредителей Русского общества печатного дела (Русского бюро печати), его вице-директор. Фактический редактор газеты «Русское дело», автор ряда циркулярных статей РОПД, рассылавшихся провинциальным газетам для повсеместного опубликования. В ноябре 1919 г. вместе с РОПД эвакуировался в Иркутск, продолжал здесь, в отсутствие А. К. Клафтона и Д. В. Болдырева, руководить изданием газет и брошюр, вел эту работу и в дни восстания Политцентра вплоть до 04.01.1920 г., затем скрывался в представительстве Армянской республики и тайно выехал в Харбин на поезде японского экспедиционного корпуса в Сибири. С февраля 1920 г. сотрудник харбинской либеральной газеты «Новости жизни». В ряде статей, обобщенных затем в сборнике «В борьбе за Россию» (1920) и других его книгах, Устрялов первым выступил как идеолог сменовеховства («национал-большевизма»). Инициатор создания и один из организаторов в 1920 г. первого русского вуза в Харбине – Высших экономико-юридических курсов, ставших затем Юридическим факультетом, был избран его профессором (1920–1934) и стал первым деканом (1920–1924). В 1920 г. редактировал вместе с С. Я. Алымовым литературный журнал «Окно». В 1922–1925 гг. являлся директором

Первого Харбинского общественного училища, одновременно в 1924 г. – директором коммерческих училищ КВЖД. В 1925 г. получил советское гражданство и работал с этого времени в учреждениях КВЖД: в 1925–1928 гг. был начальником учебного отдела, в 1928–1935 гг. – директором Центральной библиотеки. Как служащий дороги – советский гражданин уехал в августе 1935 г. с эшелонами КВЖД в СССР. Был профессором экономической географии в Московском институте инженеров транспорта. Репрессирован, расстрелян 14.09.1937 г.

Ист.: Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). Изд. 2-е. М., 2009. 608 с. ; Его же. Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму. Н. Новгород, 2010. 462 с. ; Посадсков А. Л. Книжное дело в Сибири… С. 328–329 ; Его же. Деятельность Н. В. Устрялова в Харбине: к вопросу об эволюции его взглядов // Дальний Восток России – северо-восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 117–122 ; Устрялов Николай Васильевич // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 24.10.2008) ; Устрялов Николай Васильевич // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_we/vrangel_pn. php (дата обращения: 28.07.2010) ; Устрялов Николай Васильевич // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%81%D1% 82%D1% 80%D1%8F%D0%BB%D0% BE%D0%B2,_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0 %B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0% B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 28.07.2010).

[151]**Иванов Всеволод Никанорович** (1888–1971) – писатель, журналист, издатель. Окончил историко-философский факультет Петербургского университета (1911), стажировался в университетах Германии. Как литератор сотрудничал в газетах и журналах с 1909 г., работал переводчиком в немецком (лейпцигском) издательстве «Деятель» в Петербурге. По окончании университета был на военной службе в звании прапорщика в 28-м пехотном Полоцком полку, находящемся в Твери. С началом Первой мировой войны переведен в 107-й запасной пехотный полк в Перми, был начальником унтер-офицерской школы (учебной команды полка). После Февральской революции демобилизован в звании поручика, сотрудничал с газетой пермских кадетов «Народная свобода». В феврале 1918 г. принял приглашение преподавать во вновь созданном Пермском университете, работал младшим ассистентом кафедры энциклопедии и философии права. После взятия Перми 24.12.1918 г. войсками Сибирской армии был редактором фронтовой газеты этой армии «Сибирские стрелки». В мае 1919 г. переехал в Омск, работал в Русском обществе печатного дела (Русском бюро печати), где заведовал печатным, а затем газетным отделом, редактировал «Нашу газету». В сентябре–октябре 1919 г. организовал региональные выпуски этой газеты в Новониколаевске и Томске. При эвакуации РОПД в ноябре 1919 г. в Иркутск был оставлен в Омске как начальник «фронтовой» группы издательства, выпускал

«Нашу газету» и листовки вплоть до взятия Омска Красной армией, бежал днем 14.11.1919 г., когда красные части входили в город. Вместе с различными отрядами отступавших белых войск дошел до Забайкалья, а затем выехал в Харбин, где с марта 1920 г. сотрудничал в «Русском голосе» и многих других газетах. В сентябре 1920 г. ездил в Читу к атаману Г. М.Семёнову и на полученные от него деньги организовал в Харбине агентство «Дита» («Дальневосточное информационное телеграфное агентство»). В начале 1921 г. прибыл во Владивосток, где принял активное участие в работах первого и второго Съездов несоциалистических организаций Дальнего Востока, готовил меркуловский переворот. После переворота 26.05.1921 г. был назначен уполномоченным по информации во Временном Приамурском правительстве, стал редактором официального «Вестника Временного Приамурского правительства» и неофициальной правительственной «Вечерней газеты». После прихода к власти М. К. Дитерихса летом 1922 г. издавал монархическую газету «Вестник национального движения». Эвакуировался 22.10.1922 г. в Корею, затем жил в Японии, с 1923 г. в Шанхае и в Харбине. В конце 1925 г. начал сотрудничество с советским агентством ТАСС в Китае. В Тяньцзине основал в 1926 г. на деньги Н. Д. Меркулова газету «Наш путь», но затем резко разошелся с Меркуловым и ушел из редакции. В 1931 г. принял советское гражданство, публиковался с 1931 г. в газете «Шанхай Геральд», издававшейся советским посольством. С 1928 по 1933 г. был редактором русско-китайской газеты «Гун Бао». Осенью 1935 г. стал одним из основателей в Тяньцзине кружка китаеведения, в марте 1936 г. начал редактировать китаеведческий журнал «Вестник Китая». В мае 1936 г., переехав в Шанхай, официально заявил в прессе о своем разрыве с эмиграцией и переходе в стан советской России. В 1936–1937 гг. сотрудничал в советских газетах «Чайна Дэйли Геральд» и «Новости дня», с 1937 г. редактировал «Мой журнал», первый номер которого был приурочен к 20-летию советской власти (07.11.1937 г.). В феврале 1945 г. вернулся в СССР, жил в Хабаровске, был принят в Союз советских писателей, выпустил в 1952–1970 гг. 12 книг в советских издательствах. В последние годы жизни работал над воспоминаниями, которые увидели свет только в 1989–1996 гг.

Ист.: *Иванов Вс. Н.* Исход: из воспоминаний. Хабаровск, 2008. 400 с. ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 134–135 ; *Посадсков А. Л.* Книжное дело в Сибири... С. 288–289.

[152]**Лембич Мечислав Станиславович** (1891–1932) – журналист, издатель. Окончил реальное училище, высшего образования не получил. До революции работал журналистом в московской либеральной газете «Русское слово», в 1914–1917 гг. был военным корреспондентом этой газеты на фронтах. В 1918–1919 гг. издавал газету при Добровольческой армии. Весной 1919 г. с большими трудностями пробрался с Юга России через линию фронта в Сибирь, в Омске участвовал в издании газеты «Заря» и работе Русского общества печатного дела (Русского бюро печати). В ноябре 1919 г. эвакуировался сначала в Новониколаевск, затем за гра-

ницу. В Харбине с 15.04.1920 г. вместе с Г. Н. Шипковым начал издание газеты «Заря», был в дальнейшем основателем и владельцем издательства и типографии этой газеты. В 1923 г., проживая в Шанхае, основал газету «Вечерняя заря», ставшую затем «Шанхайской зарей», был ее издателем. В 1928 г. начал издание газеты «Наша заря» в Тяньцзине. Стал главой Синдиката русских газет М. С. Лембича на Дальнем Востоке, вошел в историю эмигрантской прессы как глава медиа-империи, наиболее успешный российский газетный предприниматель, подчинивший себе к началу 1930-х гг. почти всю прессу Харбина. После смерти М. С. Лембича его дело продолжила жена Ольга Викторовна Лембич.

Ист.: *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 182–183 ; *Лембич М. С.* Десять лет «Зари» // Заря. Харбин, 1930. 1 июня. С. 1.

[153]**Арнольдов Лев Валентинович** (1894–1958) – журналист. По окончании Иркутской гимназии слушал в 1912–1913 гг. лекции в учебных заведениях Берлина, Парижа и Тулузы, за границей хорошо овладел европейскими языками. В 1915–1916 гг. начал публиковаться как литератор в газете «Иркутская жизнь». С 1916 г. учился в Томском университете на медицинском и юридическом факультетах, в 1918 г. был одним из редакторов университетского журнала «Известия Совета студенческих старост». После белогвардейского переворота приехал в Омск, поступил на службу в Министерство внутренних дел, был начальником отделения в департаменте по делам печати этого министерства. Затем перешел на службу в МИД на должность директора Бюро информации министерства. Публиковал статьи в основном на внешнеполитические темы в газетах «Заря» и «Русская армия», преподавал английский язык в Омском сельскохозяйственном институте. В мае 1919 г. получил пост начальника Бюро иностранной информации в Русском обществе печатного дела (Русском бюро печати). В конце июля 1919 г. самовольно уехал из Омска, что на фоне летних поражений белой армии было сочтено в РОПД за дезертирство. Обосновавшись в Хабаровске, Л. В. Арнольдов преподавал иностранные языки в Хабаровском графа Н. Н. Муравьева-Амурского кадетском корпусе, 2-й женской гимназии, Коммерческом училище и Народном университете. Сотрудничал в газетах «Приамурская жизнь» и «Приамурье». С лета 1920 г. жил в Харбине, являлся сотрудником агентства «Дита» («Дальневосточное информационное телеграфное агентство») Вс. Н. Иванова. Приезжал в 1921 г., перед переворотом братьев Меркуловых, во Владивосток, под псевдонимами Виктор Сербский, В. Сольский участвовал во многих правых газетах («Слово», «Последние новости», «Вечер» и др.). В октябре 1922 г. окончательно уехал в эмиграцию в Китай, сотрудничал в харбинских газетах «Заря», «Русский голос», «Свет», «Рупор». Был штатным преподавателем 2-й мужской гимназии и Железнодорожной гимназии им. Д. Л. Хоравата. В 1925 г. Арнольдов уезжает в Шанхай, приняв предложение М. С. Лембича стать редактором его вновь созданной газеты «Шанхайская заря». Почти 15 лет (до 1940 г.) на посту редактора

этой газеты стали вершиной журналистской карьеры Л. В. Арнольдова, он опубликовал в газете сотни статей, а в типографии газеты отпечатал три своих книги. В Китае стал членом Ротари-клуба, состоял также в Русском юридическом обществе и нескольких других эмигрантских организациях. Был лектором китаеведения на Высших коммерческо-юридических курсах Шанхая. Около 1946 г. уехал в Бразилию, где и умер.

Ист.: *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 36–37 ; Арнольдов Л. В. [Некролог] // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 12 янв.

[154]**Гинс Георгий Константинович** (1887–1971) – правовед, государственный и политический деятель, чиновник высшего звена управления. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1908). Выступал в печати, с 1906 г. – сотрудник газеты «Бессарабская жизнь» и журнала «Студенческая жизнь», был одним из инициаторов издания студенческого журнала «Вопросы обществоведения». Служил с 1910 г. в Министерстве земледелия, ведал юридическими вопросами переселения в Туркестан и Степной край, по поручению Переселенческого управления изучал на месте проблемы водного права в этих регионах. Летние отпуска 1911–1912 гг. проводил в Германии и во Франции, где слушал лекции ведущих юристов. С 1915 г. – сотрудник петроградского журнала «Исторический вестник». В 1916 г. избран приват-доцентом Петроградского университета по кафедре гражданского права, стал юристом Особого совещания по продовольствию, затем Министерства продовольствия. В 1917 г., кроме того, читал курс римского права в Психоневрологическом институте. В январе 1918 г., лишившись министерских должностей, уехал из Петрограда в Омск, работал в Союзе кооперативных союзов Западной Сибири «Центросибирь» в области кооперативного просвещения, вошел в состав кандидатов, затем членов правления. Весной 1918 г. был избран экстраординарным профессором по кафедре гражданского права во вновь созданном Омском политехническом институте. В июне 1918 г. после свержения в Западной Сибири советской власти назначен управляющим делами Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, являлся фактическим автором всех первых законов новой власти. 01.07.1918 г. преемственно стал управляющим делами Временного Сибирского правительства, с августа 1918 г. – членом Административного совета правительства. 04.11.1918 г. назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения Всероссийского правительства (Директории), в декабре 1918 г. стал товарищем министра иностранных дел Российского правительства А. В. Колчака. В феврале 1919 г. переболел сыпным тифом, в связи с болезнью ушел с министерской службы. С 01.04.1919 г. – министр без портфеля Российского правительства, в середине апреля – середине августа 1919 г. – председатель Государственного экономического совещания. С августа 1919 г. член, в декабре в Иркутске – председатель Совещания по делам печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. 15.08.1919 г. Г. К. Гинс

вновь назначен управляющим (далее – главноуправляющим) делами Верховного правителя и Совета министров. В ноябре 1919 г. вместе с правительством проследовал в эвакуацию в Иркутск, откуда в январе 1920 г. – после установления власти Политцентра, а затем большевиков тайно выехал с японским эшелоном в Харбин. Служил в Правлении общества КВЖД сначала начальником канцелярии (1920–1924), затем главным контролером (1924–1926). В 1921–1926 гг. – председатель Комитета образовательных учреждений КВЖД. Являлся членом Харбинского общественного управления, в 1920–1923 гг. был председателем собрания уполномоченных и председателем комиссии по составлению положений и наказов. Избирался членом совета директоров харбинского Общества домовладельцев. С декабря 1920 по октябрь 1927 г. редактировал журнал «Русское обозрение». В 1921 г. совместно с В. М. Посохиным основал предприятие «Русско-маньчжурская книготорговля», имевшее сеть книжных магазинов в Китае (работало до 1935 г.). С момента создания в феврале 1920 г. Высших экономико-юридических курсов (позднее Юридического факультета) в Харбине – профессор права этого высшего учебного заведения, читал курсы римского права, торгового права, гражданского права, общей теории права, был заместителем декана Юридического факультета (1926–1928), редактировал его «Известия». В 1925–1937 гг. преподавал также в педагогическом институте в Харбине. Являлся вдохновителем и теоретиком движения солидаризма, в 1929–1930 гг. стоял у истоков создания солидаристского Народно-трудового союза нового поколения (НТС). 23.04.1929 г. защитил в Париже перед Академической группой магистерскую диссертацию «Водное право», в 1932–1941 гг. был членом Харбинской академической группы. После закрытия Юридического факультета был в 1937–1938 гг. преподавателем Северо-Маньчжурского университета, созданного японцами, и Харбинского коммерческого института. За 20 лет жизни в Харбине Г. К. Гинс выпустил не менее 26 своих книг и брошюр по вопросам права и обществоведения. 30.06.1941 г. уехал из Китая к сыновьям в Сан-Франциско, США. До 1944 г. редактировал здесь газету «Русская жизнь», участвовал в журнале «Русский язык», был членом и секретарем правления Кулаевского благотворительного фонда, членом правления Дома Святого Владимира. В 1944–1945 гг. жил в Вашингтоне, в 1945–1954 гг. – в Беркли, где читал лекции по русской истории и советскому праву в Калифорнийском университете, преподавал также в Армейской школе иностранных языков в Монтерее. В 1955–1964 гг. был консультантом русской службы радиостанции «Голос Америки». Публиковался в «Новом журнале» (США), журналах «Возрождение» (Франция), «Посев» (Германия), «Мысль» (США) и «Наши дни» (США).

Ист.: *Звягин С. П.* Профессор Юридического факультета в Харбине Г. К. Гинс: материалы к биографии // Годы. Люди. Судьбы: история российской эмиграции в Китае : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Харбина и КВЖД. М., 1998. С. 29–31 ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 88–89 ; *Его же.*

Профессор Г. К. Гинс – ученый, политик, публицист // Проблемы Дал. Востока. М., 2001. № 5. С. 138–145 ; *Дмитриев Н. И.* Георгий Константинович Гинс – министр, юрист, педагог // Персонажи российской истории: (история и современность) : тез. 3-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1996. С. 234–238 ; *Вибе П. П.* Гинс Георгий Константинович // П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачева. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 60–61 ; Гинс Георгий Константинович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 14.09.2008).

[155]**Михайлов Иван Адрианович** (1891–1946) – экономист, политический и общественный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1913), был оставлен на кафедре политической экономии для подготовки к профессорскому званию, специализировался по вопросам финансового права. С 1908 г. состоял в Партии социалистов-революционеров. Сотрудник Всероссийского союза земств и городов, с созданием в 1915 г. экономического отдела союза был заведующим Петроградским отделением этого отдела. После Февральской революции 1917 г. был на службе в министерствах земледелия, продовольствия и финансов, в последнем являлся личным секретарем министра А. И. Шингарёва. Позднее занял должность управляющего делами экономического совета при Всероссийском Временном правительстве А. Ф. Керенского. Был связан с Центральным бюро профсоюзов в Петрограде и правлениями отраслевых профсоюзов, принимал участие в их работе. В декабре 1917 г. избран товарищем (заместителем) председателя Петроградского союза сибиряков-областников. От партии эсеров был избран в Учредительное собрание. По приглашению Союза кооперативов Западной Сибири «Центросибирь» приехал в январе 1918 г. в Омск, заведовал финансовым отделом этого союза. Сибирской областной думой на тайном заседании в Томске в ночь с 25 на 26 января 1918 г. был избран министром финансов Временного правительства Автономной Сибири. Преемственно стал в июле 1918 г. министром финансов Временного Сибирского правительства, затем правительства Директории, а после переворота 18.11.1918 г., который он активно готовил – Российского правительства А. В. Колчака (до августа 1919 г.). Весной 1918 г. избран доцентом, а осенью 1918 г. – профессором Политехнического института в Омске по кафедре кооперации и финансовой политики. Находясь в ближнем окружении А. В. Колчака, был одним из наиболее влиятельных его министров, заслужил репутацию жесткого консерватора, закулисного дирижера правительственных интриг, вершителя тайных расправ, беспринципного властолюбца. В августе 1919 г. в результате правительственного кризиса был заменен на посту министра финансов Л. В. фон Гойером. Уехал в Харбин, где в 1920–1924 гг. был заведующим Экономическим бюро Правления общества КВЖД. Осенью 1920 г. стал одним из организаторов «Национально-экономического союза», поддерживавшего атамана Г. М. Семёнова. Публиковался в газете «Заря», был издателем журнала Экономического бюро КВЖД «Экономический вестник Маньчжурии». В октябре 1924 г. был аре-

стован китайскими властями. В 1930-е гг. сотрудничал в японской газете для русских эмигрантов «Харбинское время», являлся советником японской военной разведки в Маньчжурии. Был связан со Всероссийской фашистской партией и лично с ее лидером К. В. Родзаевским. В сентябре 1945 г. арестован в Маньчжурии советской контрразведкой, вывезен в СССР и осужден к смертной казни на процессе над атаманом Г. М. Семёновым, К. В. Родзаевским и др. Повешен в Москве 30.08.1946 г.

Ист.: *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. 304 с. ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 208 ; Михайлов Иван Адрианович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 24.10.2008) ; *Дмитриев Н. И.* Михайлов Иван Адрианович // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 342.

[156]«Керенки» – денежные знаки в виде бумажных ассигнаций различного достоинства, выпущенные в 1917 г. Всероссийским Временным правительством А. Ф. Керенского. До апреля 1919 г. находились в свободном обращении как на территории советской России, так и в белой Сибири. 20.04.1919 г. «керенки» 20- и 40-рублевого достоинства были изъяты из оборота постановлением Российского правительства на всей подконтрольной ему территории.

Ист.: *Рынков В. М.* Обмен «керенок» в Сибири и на Дальнем Востоке весной – летом 1919 г. // Материалы XXXIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1996. С. 85–88.

[157]В действительности эта работа была проведена Особым (контрпропагандистским) отделом при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров, который работал под общим руководством Осведверха.

Ист.: *Посадсков А. Л.* Б. А. Деминов – создатель и руководитель Особого отдела Российского правительства А. В. Колчака // Клио: журн. для ученых. 2002. № 4 (19). С. 175–178.

[158]Правильно: Супрунович. См. примечание № 127.

[159]Здесь и далее автор воспоминаний ведет скрытую полемику с К. В. Сахаровым, А. Е. Котомкиным и другими мемуаристами, дававшими самые негативные оценки деятельности Чехословацкого корпуса в Сибири.

[160]Заячек – в действительности **Зайчек Иосиф** – полковник Чехословацкой армии (1918). Контрразведчик, начальник военного контроля Чехословацкого корпуса (1918–1919).

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 517 ; Зайчек Иосиф. Белое движение в лицах… // Хронос… URL: http://hrono.ru/biograf/bio_b/belye.php (дата обращения: 04.08.2010).

[161]**Головачев Мстислав Петрович** (1893–1956) – правовед, общественный и политический деятель. По политическим взглядам сибирский областник. Окончил юридический факультет Московского университета (1913) и прослушал полный курс Московского археологического института.

В 1915 г. был прикомандирован к Одесскому университету для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. В 1917 г. после защиты диссертации стал ассистентом профессора, а в 1918 г. избран приват-доцентом Томского университета. Летом 1918 г. после свержения большевиков прибыл в Омск, получил должность профессора Омского сельскохозяйственного института, с июня 1918 г. был управляющим отделом иностранных сношений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства, затем с июля 1918 г. министром и товарищем (заместителем) министра иностранных дел во Временном Сибирском и Российском правительствах. Уехал во Владивосток, где в 1920–1922 гг. имел должность профессора международного права во вновь созданном Государственном Дальневосточном университете. После меркуловского переворота 26.05.1921 г. стал министром иностранных дел Временного Приамурского правительства, в дни эвакуации из Владивостока Земской рати М. К. Дитерихса 22–25 октября 1922 г. – министр иностранных дел Сибирского правительства А. В. Сазонова. С 1922 по 1927 г. был в эмиграции членом Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири. Во Владивостоке в 1921 г. вступил в члены Всетихоокеанского союза, издавал в Харбине областнический журнал «Сибирские вопросы» (1921). С 1922 по 1935 г. был членом приходского совета Святой Алексеевской церкви в Харбине и членом Харбинского комитета помощи русским беженцам. В 1925 г. стал одним из основателей Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине, читал в нем до 1935 г. лекции по государственному и международному праву, спецкурс «Проблемы Тихого океана». Поссорившись с В. И. Моравским, вышел в 1928 г. из Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири и создал свою областническую структуру Совет уполномоченных сибирских организаций, действовавшую до 1935 г. В 1930 г. явился одним из учредителей харбинской типографии «Сибирь», в 1933–1935 гг. редактировал русско-китайскую газету «Гун Бао». Избран профессором, в 1934 г. исполнял обязанности ректора Института Святого Владимира в Харбине. В августе 1935 г. выслан японской жандармерией из Харбина за противодействие БРЭМ и агитацию против Японии. Поселился в Шанхае, вел адвокатскую практику, преподавал в Русском коммерческом институте и с 1938 г. – в Первом русском реальном училище им. А. С. Пушкина. Был сотрудником шанхайской газеты «Слово», в 1936–1937 гг. издателем газеты «Эмигрантская мысль», вице-председателем Благотворительного общества в Шанхае. В 1947 г. уехал на Филиппины, а оттуда в 1949 г. в США. Жил в Филадельфии, в 1955–1956 гг. был сотрудником эмигрантской газеты «Россия» (Нью-Йорк).

Ист.: *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции. – Новосибирск, 2003. – 304 с. ; *Шиловский М. В.* Головачев Мстислав Петрович // Сиб. газета. 1994. № 8. С. 12 ; Головачёв М. П. // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 23.09.2008).

[162]**Судзуки Тейити** (1888– ?) – генерал-лейтенант японской императорской армии. В 1919–1920 гг. командовал 4-й и 5-й дивизиями японского экспедиционного корпуса в Забайкалье. В 1930–1933 гг. был военным

атташе Японии в Китае, затем служил в отделе военных дел Военного министерства. С 1938 по 1940 г. был начальником отдела политических связей Совета по развитию Великой Восточной Азии (то есть завоеванных Японией территорий). С 17.10.1941 г. являлся председателем Плановой палаты и министром без портфеля в кабинете министров Х. Тодзио. С 1943 г. служил советником кабинета министров. В сентябре 1945 г. арестован американцами как военный преступник, Токийским международным трибуналом приговорен к пожизненному заключению, но в 1956 г. был отпущен из тюрьмы.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 551 ; *Залесский К. А.* Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003. С. 346.

[163]Временное Приамурское правительство (председатель С. Д. Меркулов, военно-морской министр и министр иностранных дел – его брат Н. Д. Меркулов) создалось во Владивостоке в результате государственного переворота 26.05.1921 г., в ходе которого было свергнуто эсеро-демократическое Временное правительство Дальнего Востока (Приморской областной земской управы). Представители Белого движения – участники переворота – установили в Приморье последний «островок» белой государственности. «Меркуловское» правительство просуществовало до июля 1922 г., когда в ходе внутренней политической борьбы власть в Приморье была передана генералу М. К. Дитерихсу, принявшему титул правителя Приамурского земского края.

[164]Восстание, свергнувшее в Томске власть А. В. Колчака, произошло 18.12.1919 г. На следующий день в город вошли части 30-й дивизии Красной армии и был создан Ревком.

Ист.: Примечания // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 334.

[165]В действительности книга называется «Звери, люди и боги». См. примечание № 144 .

[166]По-видимому, А. М. Оссендовский запрашивал у Г. И. Клерже эти сведения в связи с работой в 1928–1930 гг. над книгой «Ленин».

[167]Взрыв, вызванный небрежностью солдат, сопровождавших эшелон с минами, прогремел на ст. Ачинск утром 28.12.1919 г. Среди погибших тогда оказался друг А. В. Колчака, его соратник по полярным экспедициям морской штурман В. Н. Альбанов, которого Колчак незадолго до этого вызвал в Омск для работы на Северном морском пути.

[168]**Богословский Борис Петрович** (1883–1920) – Генерального штаба генерал-майор (1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912). В годы Первой мировой войны был с октября 1915 г. штаб-офицером для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии, тяжело контужен и направлен на преподавательскую работу в Николаевскую академию. В феврале 1918 г. пошел на службу в РККА, сформировал и возглавил генерал-квартирмейстерство штаба Петроградского военного округа. В июне 1918 г. откомандирован в Екатеринбург

на службу в Военную академию Генерального штаба РККА (бывшую Николаевскую). После образования Восточного фронта в июле 1918 г. назначен большевиками командующим 3-й армией. При взятии чехословаками и белогвардейцами Екатеринбурга 25.07.1918 г. остался в городе с частью своего штаба и перешел на сторону белого движения. Через три дня был назначен начальником штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса белой армии, с августа 1918 г. – начальником штаба Восточного отряда Р. Гайды. С октября по декабрь 1918 г. состоял начальником штаба Екатеринбургской группы войск. С 04.01.1919 г. – в должности начальника штаба Сибирской армии. С 01.07.1919 г. находился в Омске в распоряжении штаба Верховного главнокомандующего А. В. Колчака, со 2.08.1919 г. являлся инспектором школ и пополнений Восточного фронта, затем со 02.10.1919 г. – начальником управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. 11.12.1919 г. стал начальником штаба Восточного фронта при главнокомандующем фронтом В. О. Каппеле. 06.01.1920 г. перешел на сторону Красной армии: вместо обхода с частями В. О. Каппеля Красноярска с севера, оставив свой штаб, добровольно явился в Красноярск, занятый в этот день 30-й дивизией красных. Получив от штаба 30-й дивизии предписание прибыть в Томск в распоряжение штаба 5-й армии, был 23.01.1920 г. арестован в Томске особым отделом армии, переправлен в Омск и расстрелян в омской тюрьме по постановлению губернской ЧК.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 46–47 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 51–52 ; Богословский Борис Петрович // Восточный фронт адмирала А. В. Колчака… URL: http://east-front.narod.ru/bio/bogoslovsky.htm (дата обращения: 15.11.2008) ; Богословский Борис Петрович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 05.10.2008) ; Богословский Борис Петрович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1603 (дата обращения: 08.08.2010).

[169]**Щетинкин Петр Ефимович** (1884 / 1885–1927) – красный партизан, руководитель партизанского движения в Енисейской губернии. Первую мировую войну закончил в звании штабс-капитана, полный Георгиевский кавалер (награжден четырьмя Георгиевскими крестами и двумя французскими орденами). Демобилизовавшись, уехал в 1917 г. в Ачинск, где вступил в 1918 г. в РКП (б) и активно участвовал в становлении советской власти, был начальником уголовного розыска и начальником оперативного военного отдела Ачинского совдепа. После антибольшевистского восстания в конце мая 1918 г. – член военно-революционной тройки Ачинского уездного исполкома и командир отряда Красной гвардии. С победой белых ушел в подполье, в декабре 1918 г. создал партизанский отряд, ставший в марте 1919 г. после соединения с отрядом А. Д. Кравченко Северо-Ачинской партизанской армией. С апреля 1919 г. – заместитель командующего армией А. Д. Кравченко и начальник его штаба, руководил боевыми действиями на Тассевском фронте. 05–06 января 1920 г. по плану красного командования выступил под

Красноярском вместе с регулярными частями 30-й дивизии РККА против отступавших армий Восточного фронта В. О. Каппеля. В 1920 г. был членом Ачинского и Минусинского уездных комитетов РКП (б), членом Енисейского губернского и заместителем председателя Ачинского уездного исполкомов. В августе 1920 г. сформировал 21-й (партизанский) Сибирский добровольческий стрелковый полк и отправился с ним на Врангелевский фронт, участвовал в ноябре 1920 г. в штурме Перекопа. В мае–августе 1921 г. был начальником экспедиционного отряда Красной армии, выступившего в Монголию против Р. Ф. Унгерна фон Штернберга и ликвидировавшего его войска. В 1922–1926 гг. являлся начальником штаба пограничных войск ОГПУ Сибирского военного округа. По приглашению правительства красной Монголии служил с 1926 г. инструктором Государственной военной охраны Монгольской Народной Республики. Убит в Улан-Баторе.

Ист.: Щетинкин Петр Ефимович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.01.2008) ; Щетинкин Петр Ефимович // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/ biograf/bio_sh/ shetinkin.html (дата обращения: 08.08.2010).

[170]**Зиневич Бронислав Михайлович** (1874 – ?) – генерал-майор (1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны был офицером в 31-м Сибирском стрелковом полку. В июне 1918 г. стал командиром отряда белых добровольцев в районе Златоуста, в июле 1918 г. – командиром Енисейского стрелкового полка. С 20.07.1918 г. являлся начальником 1-й Сибирской стрелковой дивизии в Средне-Сибирском корпусе генерала А. Н. Пепеляева, 20.05.1919 г. сменил Пепеляева на посту командира корпуса. 20.12.1919 г. вступил в должность командующего войсками Красноярского военного района (фактически – 1-й Сибирской стрелковой дивизии) и начальника гарнизона Красноярска. 23.12.1919 г. публично объявил о своем неподчинении А. В. Колчаку и главнокомандующему Восточным фронтом В. О. Каппелю и о свержении власти Колчака в Енисейской губернии. Войдя в союз с эсерами – представителями Политцентра в губернской земской управе (Е. Е. Колосов, В. И. Кузьмин и др.) – пытался вместе с ними создать в Восточной Сибири «буферное» демократическое государство (между красными на западе и белыми на востоке). Вошел по этому вопросу в переговоры с командованием 30-й дивизии РККА, наступавшей на Красноярск, предлагая перемирие, но в итоге согласился с условиями красных и сдал Красноярск без боя. 05.01.1920 г. был арестован Ревкомом, возникшем в Красноярске, через день освобожден командованием 30-й дивизии, вступившей в город. Служил в РККА, в 1920–1921 гг. занимал в Омске должность помощника инспектора пехоты при помощнике главкома РККА по Сибири. 15.11.1921 г. был арестован Омской ЧК и 13.02.1922 г. приговорен за службу в армии Колчака к заключению в концлагерь до обмена, как поляка по национальности, военнопленными с Польшей.

Ист.: Посадсков А. Л. Демократический переворот 23 декабря 1919 – 5 января 1920 г. в Красноярске: страница из истории Гражданской войны на востоке России // Общество. Интеллигенция. Репрессии : сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Красильникова. Новосибирск, 2009. С. 58–77 ; *Клавинг В. В.* Гражданская война в России… С. 446–447 *; Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 95 ; Зиневич Бронислав (Александр) Михайлович // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_z/zinevich.html (дата обращения: 22.01.2010) ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просвет. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM).

[171]Однако П. Ф. Рябиков в своих неопубликованных воспоминаниях утверждает обратное: по его словам, он виделся с Г. И. Клерже в мае 1921 г. в Порт-Артуре накануне отплытия Клерже, в качестве начальника штаба атамана Г. М. Семёнова, во Владивосток с целью поставить Семёнова во главе победившего в Приморье антибольшевистского переворота *(См.: ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 81–82).*

[172]**Канабеев Лев Николаевич** (1885 – после 1948) – Генерального штаба полковник (1919). Окончил ускоренные курсы 4-й очереди Военной академии в Томске (1919). В годы Первой мировой войны был штаб-офицером для поручений при главном начальнике Двинского военного округа на театре военных действий, затем старшим адъютантом штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Перед демобилизацией служил в штабе Особой армии в г. Ровно. Участвовал в боях в районе г. Пинска, был контужен, после демобилизации с декабря 1917 г. находился в отставке. Проживал у отца в Вольске, в июне 1918 г., с приближением к городу Красной армии, бежал с женой в Самару, где был мобилизован в Народную армию Комуча. Служил при штабе Самарской дружины, а затем группы войск подполковника В. О. Каппеля. После отступления из Самары был назначен начальником военно-цензурного отделения Западного фронта. С декабря 1918 г. учился в Военной академии, по окончании которой с мая 1919 г. являлся начальником осведомительного бюро в Осведомительном отделе штаба Верховного главнокомандующего (Осведверхе). Вместе с Г. И. Клерже прибыл в начале марта 1920 г. в Забайкалье. 02.04.1920 г. назначен начальником Осведомительного отдела личной канцелярии главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины Г. М. Семёнова. В июне 1920 г. был командирован в Харбин, где и остался на жительство. В 1920–1921 гг. служил в комендатуре генерала Карамышева, в 1921–1931 гг. работал на КВЖД конторщиком-делопроизводителем службы пути. С 1921 г. являлся секретарем Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, затем состоял в Обществе офицеров Генерального штаба, в 1926–1932 гг. был членом союза легитимистов. С 30.12.1931 г. по 1934 г. – пенсионер КВЖД, в 1935–1940 гг. служил в Маньчжурской акционерной компании в должности помощника бухгалтера. С апреля 1940 г. находился на службе в Японской воен-

ной миссии в Харбине. Во 2-м отделе миссии, в группе пехоты и конницы, занимался изучением советской прессы и сбором информации о боевых действиях Советской армии. С января по июнь 1944 г. – был сотрудником группы радиовещания (перехвата радиосообщений ТАСС). Составил хронологический перечень всех постановлений, указов, решений ВКП(б) и советского правительства о Красной (Советской) армии с 1918 по июнь 1944 г. В октябре 1944 г. переведен преподавателем в школу русского языка для японских солдат и офицеров. В апреле 1945 г. уволился со службы у японцев. Работал кассиром в союзе владельцев винно-гастрономических и бакалейных предприятий, 01.08.1945 г. был уволен со службы. 30.08.1945 г. арестован советской контрразведкой, вывезен из Маньчжурии в СССР, в ноябре 1945 г. осужден к 10 годам лагерного заключения.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19013. Л. 1–15 (Личное дело Л. Н. Канабеева в БРЭМ) ; Архив УФСБ по Хабаровскому краю. Д. П-16100. Т. 1. Л. 133–138 ; Т. 2. Л. 109–120, 134–139 (Архивно-следственное дело о Л. Н. Канабееве и др. лицах. 1945 г.)

[173]30-я стрелковая дивизия входила в состав 5-й большевистской армии Восточного фронта.

[174]Командиром 30-й стрелковой дивизии в данный момент (январь–февраль 1920 г.) являлся А. Я. Лапин, после занятия Иркутска в марте 1920 г. его сменил И. К. Грязнов.

[175]Штабной поезд командира 30-й стрелковой дивизии прибыл в Иркутск, по-видимому, 28.02.1920 г., за неделю до вступления в город 07.03.1920 г. основных частей дивизии.

Приложения

Документы о Г. И. Клерже в государственных архивах Российской Федерации

Приложение 1

Документы о деятельности Г. И. Клерже на посту начальника Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии

11 ноября (ст. ст.) 1917 – 20 февраля (ст. ст.) 1918 г.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 13185 (Персидская казачья Его Величества шаха дивизия)
Оп. 1. Д. 196, 212, 213, 265, 273, 302.

Документ № 1

Телеграмма
начальника Генерального штаба Русской армии генерал-майора В. В. Марушевского начальнику Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии барону В. Н. Майделю о производстве расследования в дивизии и ответная телеграмма барона В. Н. Майделя [8 или 9] – 11 ноября 1917 г.

Телеграмма

Секретно. До окончания расследования, предпринимаемого по моему приказанию, никакие перемены [в] личном составе дивизии не желательны.

Марушевский.

[Телеграмма получена в Персидской казачьей дивизии 11 ноября 1917 г.]

Ответная телеграмма

Петроград. ОгенквART[1]. [О] расследовании мне ничего не известно. Прошу уведомить, кто, когда и о чем будет производить.

Барон Майдель.

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 212. Л. 77. Подлинник. Текст ответа: автограф В. Н. Майделя).

Документ № 2

Уведомление начальника Генерального штаба Русской армии генерал-майора В. В. Марушевского Г. И. Клерже о назначении последнего начальником Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 15 ноября 1917 г.

Главное управление Генерального штаба.
Отдел генерал-квартирмейстера.
Часть 1 обер-квартирмейстера.
Делопроизводство Ближневосточное 2-е.
15 ноября 1917 г. № 35682. Петроград.

Председателю Главной военно-цензурной комиссии при Главном управлении Генерального штаба полковнику Клерже.

12 ноября с. г. по докладу начальника Генерального штаба от 11 ноября с. г. за № 35072 последовало согласие вр[еменно] управляющего Военным министерством на назначение Вас начальником Персидской казачьей дивизии.

Ввиду изложенного, с получением сего Вам предписывается незамедлительно отправиться к месту службы в г. Тегеран для принятия командования названной дивизией.

При отбытии Вы должны быть удовлетворены ординарными прогонными деньгами до персидской границы, на дальнейший же проезд до места назначения Вы будете удовлетворены по прибытии к месту назначения из сумм Персидской казачьей дивизии, согласно имеющемуся на сей предмет соглашению. Правами русской службы Вы пользуетесь по существующему положению, в качестве состоящего в распоряжении начальника Генерального штаба.

Начальник Генерального штаба
генерал-майор Марушевский *(подпись)*

Первый генерал-квартирмейстер генерал-майор *(подпись)*

Обер-квартирмейстер генерал-майор *(подпись)*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 265. Л. 1. Копия).

Документ № 3

Телеграмма начальника Генерального штаба Русской армии генерал-майора В. В. Марушевского о назначении Г. И. Клерже начальником Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. Переписка с прежним начальником дивизии бароном В. Н. Майделем по данному вопросу. 26 ноября – 19 декабря 1917 г.

Телеграмма

Из Петрограда. 26 ноября 1917 г.

Начальнику Персидской казачьей дивизии барону Майдель. По моему докладу 12 ноября управляющий Военным министерством Маниковский, принимая [во] внимание возникшие в дивизии нежелательные и недопустимые трения, приказал Вам сдать должность вновь назначенному этого же числа начальнику Персидской казачьей дивизии Генерального штаба полковнику Клерже. Вы остаетесь [в] моем распоряжении, прочие перемены [в] инструкторском составе дивизии будут произведены по докладу мне командируемого [в] Тегеран для расследования теперь [же] представителя ГУГШ, спешно выезжающего.

Начальник Генерального штаба, генерал-майор Марушевский

Рукописный текст ответной телеграммы

Петроград. ГУГШ. Прошу уведомить, когда мне выехать из Тегерана.

Барон Майдель.

Ответная телеграмма с разъяснением

19 декабря [1917 г.]. Начальнику Персидской казачьей дивизии генералу Майдель. Вам надлежит выехать [по] сдаче дивизии полковнику Клерже. Шеф.

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 212. Л. 97–100. Подлинники. Текст ответа: автограф В. Н. Майделя).

Документ № 4

Приказ
Г. И. Клерже о вступлении в должность начальника Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
26 декабря 1917 г.

Приказ
По Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
г. Тегеран. № 130. 26 декабря 1917 г.

По строевой части.

§ **1.** 12 ноября с. г. я назначен начальником Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. Основание: Предложение начальника Генерального штаба от 11 ноября с. г. № 35682.

§ **2.** 20 декабря я прибыл в Тегеран и 25 декабря вступил в командование вверенной мне дивизией.

Горжусь назначением на такую высокую и почетную должность, горжусь так, как, я уверен, гордится честью служить в рядах дивизии каждый русский инструктор, персидский офицер и казак.

Приветствую всех чинов дивизии и выражаю надежду, что в дальнейшей нашей совместной службе и работе мы приложим все усилия для достижения наивысших результатов в обучении военному делу.

Со своей стороны я всеми мерами буду стремиться к тому, чтобы дивизия, насчитывающая за собою почти 40-летнее существование, стала ближе к сердцу персидского народа и обеспечила бы последнему спокойную жизнь.

Время мы переживаем тяжелое и ответственное. Посему части дивизии должны быть крепко спаянными между собою и отличаться выдающимися образцами воинской дисциплины, основанной на разумном отношении к своему долгу каждого персидского офицера и казака.

Казаки! О нуждах ваших, а также интересах вашей религии прежде всего буду заботиться лично я и к этому постоянно буду призывать руководящих вашим воспитанием и обучением русских инструкторов, к которым вы должны относиться с полным доверием и уважением.

Дружно за дело и да поможет нам Бог! Приказ этот прочесть во всех отдельных частях отрядов дивизии в присутствии всех русских инструкторов, объяснить персидским офицерам и казакам смысл его в указанном выше духе.

Начальник дивизии
Генерального штаба полковник Клерже. *(подпись)*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 159 об – 160. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 5

Уведомление
специального представителя ГУГШ подпоручика Н. А. Ригана начальнику Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии Г. И. Клерже о своем прибытии в дивизию для производства расследования. 26 декабря 1917 г.

И. д. делопроизводителя ГУГШ подпоручик Ригана. 26.XII.[19]17 г. Начальнику Персидской казачьей дивизии.

Уведомляю Вас, что на основании секретного предписания ГУГШ от 15. XI – 1917 г. за № 35688 я прибыл в Тегеран для выполнения возложенного на меня поручения, о характере коего имею беседовать с вами лично.

Ригана *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 213. Л. 95. Подлинник. Автограф).

Документ № 6

Приказ
Г. И. Клерже о проведении подпоручиком Н. А. Ригана, по заданию ГУГШ, ревизии в Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 27 декабря 1917 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 131. 27 декабря 1917 г.

По строевой части.

§ **1.** Вследствие секретного предписания ГУГШ от 15 ноября с. г. за № 35678 в г. Тегеран прибыл и. д. делопроизводителя того же управления подпоручик Ригана, которому начальником Генерального штаба поручено присутствовать в качестве представителя ГУГШ при приеме мною дивизии и произвести, по соглашению со мною, ревизию строевой, хозяйственной и инструкторской части Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.

Ввиду изложенного приказываю всем чинам дивизии, по требованию подпоручика Ригана, незамедлительно представлять ему необходимые для этого материалы и документы.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 196. Л. 161 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 7

Телеграмма
Г. И. Клерже начальнику Военной академии Генерального штаба А. И. Андогскому. 6 января 1918 г.

Телеграмма

Петроград, начальнику Николаевской военной академии.

Вследствие назначения [в] Тегеран лишен чести читать лекции [в] Академии. Позволю смелость надеяться, что оказавшая мне лестное доверие конференция не лишит [в] будущем права вернуться [к] желанной кафедре.

Начдив Персидской казачьей дивизии полковник Клерже *(подпись).*
6 января 1918 г. Тегеран.

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 265. Л. 7. Подлинник. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 8

Приказ
Г. И. Клерже (в дальнейшем отмененный) об отчислении от Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии скомпрометировавших себя офицеров. 8 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 137. 8 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Вступив в командование дивизией и обратив внимание на личный состав инструкторов дивизии, я нахожу необходимым произвести в последнем некоторые изменения. На основании изученных мною материалов и личных наблюдений я пришел к заключению, что служба с некоторыми инструкторами для меня неприемлема. Ввиду изложенного и на основании [права,] предоставленного мне пунктом 3 Инструкции 1909 года и по согласию с представителем ГУГШ отчисляю от дивизии с 8 сего января в свои части: прикомандированного к штабу дивизии подполковника 8-го гренадерского Московского полка Воинова и младшего инструктора Хамаданского отряда 12-го уланского Белгородского полка ротмистра Макарова.

Названных офицеров исключить из списков дивизии и довольствия[2].

<…> Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 196. Л. 173 об. – Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 9

Приказ
Г. И. Клерже о новых нормах окладов содержания русских военнослужащих Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 8 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 137. 8 января 1918 г.

По строевой части.

§ **2.** Объявляя при сем новые нормы окладов содержания в месяц (в кранах)[3] русским чинам вверенной мне дивизии, выработанных хозяйственной частью штаба дивизии по согласованию с представителем ГУГШ и дивизионным комитетом, считаю необходимым поставить в известность инструкторский состав дивизии, что исходной точкой для переработки прежних норм окладов содержания и установления новых послужило всеми признанное очень тяжелое материальное положение наших сотрудников инструкторов-солдат, которое представлялось необходимым незамедлительно улучшить, возможно меньше выходя из утвержденного Главным управлением Генерального штаба бюджета дивизии.

Уравнение окладов содержания сделано на основах справедливости и некоторой материальной жертвы со стороны старших чинов дивизии, которые, я надеюсь, охотно принесут эту жертву, войдя в положение младших своих сотрудников инструкторов-солдат, и тем еще больше скрепят существующее взаимное чувство доверия и связи между офицерами и солдатами-инструкторами дивизии.

Новые нормы содержания считать вошедшими в законную силу с 9 сего января 1918 г.[4]

<…> Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 174–174 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 10

Приказ
Г. И. Клерже о прикомандировании к штабу Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии офицера Мамед-ага Шихлинского. 9 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 138. 9 января 1918 г.

По строевой части.

Прикомандировывается к штабу дивизии запасной офицер кавалерии Тегеранского отряда наиб 1-го ранга[5] Мамед-ага Шихлинский[6].

(*РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 176. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).*

Документ № 11

Проект телеграммы
Г. И. Клерже в Петроград о положении Персидской казачьей Его Величества шаха дивизиии и о своей деятельности.
11 января 1918 г.

Зашифровать целиком. Петроград. Начальнику Генерального штаба[7].

Острота денежного вопроса, [с] одной стороны, и тяжелое материальное положение инструкторов-солдат, [с] другой стороны, поставили меня [перед] необходимостью нижеследующих экстренных мер: сокращение содержания на 100–50 туманов [в] месяц <…> начальствующим лицам дивизии, начиная [с] меня, и прибавка содержания инструкторам-солдатам в размере 2–3 дуара туманов [в] месяц каждому. Независимо [от] сего мною отчислены от дивизии подполковник Воинов и ротмистр Макаров [с] 8 января.

Г. Клерже. 11 января 1918 г. Тегеран.

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 212. Л. 79–79 об. Подлинник, запись карандашом. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 12

Приказ
Г. И. Клерже с благодарностью военнослужащим Рештского отряда Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии за усердную службу. 12 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 140. 12 января 1918 г.

По строевой части.

При проезде моем из Энзели в Тегеран 16 и 17 декабря минувшего года мною был произведен смотр Рештскому отряду, который представлен был мне начальником последнего подполковником Яковлевым в прекрасном состоянии.

Вижу, что при добром усердии и внимательном отношении к делу обучение персидских казаков и офицеров может дать в короткий срок хорошие результаты.

Благодарю подполковника Яковлева и его ближайших помощников за службу.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 196. Л. 179. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 13

Приказ
Г. И. Клерже о реформировании школ офицерских и казачьих детей и создании Персидского кадетского корпуса. 12 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 140. 12 января 1918 г.

По строевой части.

Знакомство со школами офицерских и казачьих детей Тегеранского отряда в воскресенье и понедельник 7 и 8 января показало мне, что, хотя занятия в них идут и с большим усердием, но при наблюдающемся горячем желании персидских мальчиков учиться и их поразительной способности к наукам, из них можно сделать гораздо более развитых и полезных для своей страны граждан и деятелей.

Вменяя себе в краеугольную обязанность взять на свое попечение этот вопрос целиком, на первое время предлагаю начальнику Тегеранского отряда подполковнику Равину озаботиться немедленным пересмотром программы школы казачьих детей на предмет слияния последней со школой офицерских детей.

Школа должна быть одна. Детей разделять лишь по способностям и по подготовке. Школу казачьих детей упразднить, как только найдены будут способы по распределению наличных ее учеников по классам школы офицерских детей.

Школу офицерских детей впредь именовать Персидским кадетским корпусом. При корпусе иметь 2 старших специальных курса, из которых должны выходить юнкера, подготовленные для службы офицерами в различных родах войск.

На физическое развитие кадет и юнкеров следует обратить также весьма существенное внимание.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись)*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 179–179 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 14

Приказ
Г. И. Клерже по итогам маневров частей Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 13 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 141. 13 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** 10 января произведена была военная прогулка, а 11 января выполнен был маневр частями Тегеранского и Хамаданского отрядов. Материальная часть отрядов, видимо, в общем, в порядке, хотя конский состав заставляет желать большей срепетовки и слаженности. Пехота выглядит молодцами в обоих отрядах. Хамаданцы, благодаря строгому однообразию одежды, производят весьма бодрящее впечатление.

Начальствующие лица – персидские офицеры – командуют частями уверенно, хотя не всегда спокойно.

Русских инструкторов прошу неизменно быть при частях, когда последние находятся в строю.

По-видимому, не у всех офицеров-инструкторов имеются верховые лошади. Пора бы завести!

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись)*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 182. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 15

Приказ
Г. И. Клерже о соблюдении правил устава Русской армии во внешнем виде и поведении военнослужащих Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 13 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 141. 13 января 1918 г.

По строевой части.

§ **2.** Замечаю в городе казаков в неряшливом виде; возможно, что это из числа находящихся в различных командировках.

Приказываю всем инструкторам, персидским офицерам и начальствующим лицам из числа персидских казаков усилить за этим наблюдение в городе и немедленно арестовывать провинившихся.

Не все отдают исправно честь и часто вяло отвечают на мое приветствие.

Требовать щегольской отдачи чести, по которой сразу должна быть видна лихая традиция части.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 182–182 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 16

Приказ
Г. И. Клерже о мерах по усилению безопасности в районах расположения отрядов Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 13 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 141. 13 января 1918 г.

По строевой части.

§ **3.** Для наблюдения за порядком в ближайших по расположению отрядов районах и для охраны последних, помимо дневальных и часовых у ворот, днем и ночью во всех отрядах дивизии назначать дозоры, за работой которых наблюдать дежурным по отрядам офицерам.

Генерального штаба полковник Клерже (подпись).

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 182 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 17

Приказ
Г. И. Клерже с благодарностью военнослужащим Исфаганского отряда Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 15 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 142. 15 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Перед отправлением горного артиллерийского взвода Тегеранского отряда в Исфаган я видел полуроту казаков Исфаганского отряда, командированную в Тегеран в качестве конвоя к названному взводу.

Прекрасный вид казаков исфаганцев произвел на меня самое отрадное впечатление. Если в Исфаганском отряде все казаки такие же молодцы, то я могу поздравить с этим подполковника Хабарова и от лица службы выразить ему сердечную благодарность.

Горняки-тегеранцы имели бодрый вид. Надеюсь, что в этой командировке они не ударят лицом в грязь перед исфаганцами.

Генерального штаба полковник Клерже (подпись).

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 188 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 18

Приказ
Г. И. Клерже о посещении богослужений русскими военнослужащими Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 15 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 142. 15 января 1918 г.

По строевой части.

§ **2.** Посещая богослужения в православной миссийской церкви в Тегеране, к глубокому прискорбию я должен был убедиться в том, что оторванные от родины русские инструктора не чувствуют потребности духовного общения с Богом.

Если этому обстоятельству препятствуют занятия в дивизии, то разрешаю в воскресные дни русским инструкторам присутствовать на строевых занятиях в Кадетском корпусе лишь до 10 часов утра, то есть до начала богослужения в православной церкви, организовав остальную работу в этот день в частях распоряжением персидских чинов.

Также под руководством персидских же чинов должна идти работа и в двунадесятые праздничные дни, объявленные в приложении к приказанию по дивизии от 21 мая 1917 г., когда русские инструктора освобождаются от занятий.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 196. Л. 188 об – 189. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 19

Приказ
Г. И. Клерже об усилении воинской дисциплины
в Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
15 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 142. 15 января 1918 г.

По строевой части.

§ **3.** Обращаю внимание всех чинов дивизии на необходимость неуклонного и точного исполнения моих и всех начальствующих лиц приказаний и указаний.

Медлительность в проведении в исполнение последних буду относить к небрежному отношению к прямым служебным обязанностям.

Недостаточно отдать приказание, надо проследить за тем, чтобы оно было своевременно исполнено.

Подобной точки зрения я придерживаюсь строго и вменяю это в обязанность всем начальствующим чинам дивизии.

Генерального штаба полковник Клерже (подпись).

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 196. Л. 189 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 20

Приказ
Г. И. Клерже об изменях в форме одежды Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 20 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 144. 20 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Признавая необходимым, чтобы офицеры и казаки Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии имели в составе своей формы особое отличие, указывающее на принадлежности их к Персидской армии и являющееся внешней эмблемой национальных интересов, ради которых существует дивизия, нахожу своевременным возобновление ношения всеми офицерами и казаками дивизии государственного герба Ирана, причем обязательность ношения его распространяется и на инструкторский состав дивизии, как призванный служить тем же интересам.

Государственный герб Персии предписываю носить на погонах и эполетах: русских офицеров-инструкторов, амир-туманов, мир-пянджей и сартибов в венке из дубовых и лавровых ветвей, увенчанном шахской короной. На погонах русских инструкторов-подпрапорщиков и урядников и на погонах и эполетах персидских штаб и обер-офицеров в полувенке из таковых же ветвей. Всем же мумы-нанбан, векимм и казакам на погонах – герб без венка.

Всем носить герб цвета, обратного прибору, причем офицерам – накладной, а казакам – трафаретный или накладной, в зависимости от условий, в которых находится данный отряд, но обязательно одинаковый для всех казаков каждого отряда.

Для установления отличия казаков по отрядам, легко бросающегося в глаза, предписываю каждому отряду иметь один общий для всего отряда цвет погон для казаков:

Тегеранскому, как самому старому, национальный цвет – зеленый;
Хамаданскому – желтый;
Исфаганскому – синий;
Рештскому – белый;
Тевризскому – красный;
Урмийскому – голубой;
Ардебильскому – черный;
Мешхедскому – малиновый;
Астрабадскому – защитный (серый).

Все канты, определяющие принадлежности к разным родам оружия, упразднить, введя для обозначения артиллерии и пулеметчиков соответствующие накладные знаки, носимые выше герба. Кавалерия отличается от пехоты обратным цветом герба.

Полагаю и надеюсь, что вводимые изменения в форме одежды дивизии послужат к еще большему укреплению чувства товарищества в каждом из отрядов и во всей дивизии, а ношение национального герба упрочит связь казаков с их собратьями по оружию: амтэ и сарбазами, часто борящимися вместе с казаками за охрану интересов того же персидского народа. Образцы гербов (нишанов) при сем прилагаются.

Начальник Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии,
Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 273. Л. 3–4. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 21

Приказ
Г. И. Клерже с указанием недостатков караульной службы в Тегеранском отряде Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 22 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 146. 22 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Караульная служба в Тегеранском отряде находится не на высоте своего назначения. О разводе караулов представления не имеют даже офицеры.

24 января я присутствовал на разводе, производившемся чуть ли не впервые за последние годы существования отряда. Говорить о смене главного караула также не приходится.

Так как устава гарнизонной службы, переведенного на персидский язык, нет, то естественно, что знание караульной службы не обеспечено.

Приказываю немедленно восполнить указанный пробел и постановку караульной службы во всем Тегеранском отряде возложить на штабс-капитана Дигмелова, согласно с данными ему мною лично указаниями.

Начальнику штаба дивизии немедленно озаботиться изданием в достаточном количестве экземпляров на персидском языке устава гарнизонной службы и снабжением им всех отрядов дивизии.

Караульную службу в дивизии довести до совершенства.

Как на пример недостаточного знания устава гарнизонной службы могу указать парных часовых у подъезда моего дома, которые сходят со своих мест, прячутся в будки, стоят где попало и даже отдают честь, становясь фронтом иногда в разные стороны, не смотря друг на друга.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 273. Л. 8 – 8 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 22

Приказ
Г. И. Клерже о порядке предоставления казенных конских экипажей и лошадей военнослужащим Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 22 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 146. 22 января 1918 г.

По хозяйственной части.

§ **2.** Прошу начальников отрядов иметь в виду, что состоящие в обозе отряда казенные экипажи и лошади должны находиться в полном их ведении и отнюдь не распределяться в постоянное и неизменное пользование для частных надобностей одних и тех же отдельных инструкторов и их семей.

Недоразумений на этой почве совершенно не допускаю.

Для помощника моего полковника Старосельского теперь же назначить экипаж с парою лошадей и кучером-казаком от Тегеранского отряда.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 273. Л. 8 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 23

Приказ
Г. И. Клерже по поводу вооруженного столкновения солдат 1-го Кавказского кавалерийского корпуса с персидскими казаками Тегеранского отряда Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 26 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.
№ 148. 26 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** В городе Казвине имел место печальный случай. Казаки Тегеранского отряда потеряли убитым одного из своих сотоварищей и другого раненым. Погиб честный персидский казак не в бою, а от бессмысленной стрельбы, поднятой по улицам толпой недисциплинированных солдат.

Скорблю по утрате одного из младших моих сослуживцев и единственным мне утешением является то единодушие, с которым русские и пер-

сидские власти приняли меры к тому, чтобы, с одной стороны, привлечь к законной ответственности виновников и, с другой – вознаградить семьи пострадавших казаков.

Из нижеприведенной телеграммы командира 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова чины дивизии увидят это. Персидское же правительство запросило необходимые сведения о семейном положении обоих казаков.

С своей стороны приказываю начальнику Тегеранского отряда, по выяснении всех обстоятельств указанного случая, немедленно войти ко мне с представлением о назначении от дивизии пенсии семье убитого казака и о выдаче пособия на лечение другому раненому казаку. При сем объявляю полученную мною телеграмму генерала Баратова и мой ответ на нее:

Тегеран.
начальнику Персидской казачьей дивизии полковнику Клерже.

Начальник гарнизона Казвина полковник Кануков донес мне, что ночью на 23 января солдатами убит один персидский казак и ранен другой. Приказал произвести строгое расследование, дабы виноватые понесли законную кару. Глубоко возмущен совершенным над казаком дружественной страны злодеянием и прошу в лице Вашем и Персидскую дивизию принять мое искреннее сожаление о случившемся.

[Телеграмма №] 000296. Баратов.

Хамадан.
комкору генералу Баратову.

Жгучей болью [в] моем сердце и сердце каждого русского инструктора отразился печальный случай убийства и ранения русскими солдатами персидских казаков, охранявших Казвин [,] мирных жителей.

Больно за дорогую Россию, свободные сыны которой не щадят ее имени даже там, где на нее смотрят вполне дружелюбно народы Ирана. От лица дивизии приношу признательность за искреннее сожаление и принятые меры расследования и хочу верить, что бессмысленно загубленная жизнь и пролитая кровь честных персидских казаков не омрачит прежних симпатий между русской и персидской армиями.

[Телеграмма №] 3617. Клерже.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп.1. Д. 273. Л. 11 об – 12 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 24

Приказ
Г. И. Клерже о недопустимости подношений офицерам Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 30 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 150. 30 января 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Один из офицеров персидской службы вверенной мне дивизии позволил себе 29 января с. г. прислать мне на квартиру в виде «петкеша»[8] убитого джейрана. Возвратив присланное немедленно его владельцу с запиской, я указал этому лицу неблаговидность сделанного им поступка.

Сим объявляю, что при дальнейших попытках кого бы то ни было повторить «петкеш» мне или вообще если я узнаю, что это где-либо в дивизии практикуется, буду немедленно увольнять вовсе со службы без мундира и пенсии как лицо подарившее, так и лицо, принявшее это «доброхотное даяние».

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись)*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 273. Л. 15. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 25

Приказ
Г. И. Клерже о лишении должности и наложении взыскания на офицера Мамед-ага Шихлинского. 30 января 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 150. 30 января 1918 г.

По строевой части.

§ **2.** Прикомандированного к штабу дивизии запасного наиба 1-го ранга Мамед-агу Шихлинского за недисциплинированное обращение к старшим чинам дивизии и проявленную им полную нетактичность откомандировываю от штаба дивизии обратно в полк и приказываю начальнику Тегеранского отряда арестовать названного офицера на гауптвахте сроком на десять суток.

Для заведывания моим личным конвоем начальнику Тегеранского отряда вместо убывшего наиба 1-го ранга Мамед-ага Шихлинского назначить другого офицера, вполне тактичного и дисциплинированного.

Избранного кандидата представить мне 31 января в 12 часов дня.

Полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 273. Л. 15 об. Подлинник, рукопись штабного писаря. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 26

Приказ
Г. И. Клерже о сложении им обязанностей начальника Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. 3 февраля 1918 г.

Приказ
по Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии. № 151. 3 февраля 1918 г.

По строевой части.

§ **1.** Сего числа я слагаю с себя обязанности начальника дивизии и выражаю надежду, что часть, которой мне пришлось командовать 39 дней, будет долгоденствовать и в будущем. Персидским офицерам и казакам шлю сердечный привет, а русским инструкторам желаю держать свое имя высоко и довести до конца с честью принятые на себя тяжелые обязательства перед нашей дорогой великой Родиной.

Начальник дивизии,
Генерального штаба полковник *(подписи нет).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 273. Л. 20. Подлинник, рукопись штабного писаря).

Документ № 27

Письмо
Г. И. Клерже начальнику штаба Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии с просьбой командировать в его распоряжение офицера Мамед-ага Шихлинского для сопровождения в поездке до г. Баку. 12 февраля 1918 г.

Начальник
Персидской казачьей Его
Величества шаха дивизии.

Спешно.
Начальнику штаба дивизии.

Для сопровождения меня в г. Баку прошу командировать Н / I [9] Мамед-агу Шихлинского, снабдив его соответствующим предписанием и денежным довольствием.

Полковник Клерже.

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 265. Л. 11. Подлинник на бланке. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 28

Письмо
Г. И. Клерже в штаб Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии по вопросу о незаконности его свержения с поста начальника дивизии. 13 февраля 1918 г.

Начальник
Персидской казачьей Его
Величества шаха дивизии.

№ 36
13 февраля 1918 г. г. Тегеран (Персия)

В штаб Персидской казачьей дивизии

3 февраля под давлением вооруженной силы Хамаданского отряда Персидской казачьей дивизии, руководимого русскими офицерами-инструкторами, я был принужден написать приказ о сложении с себя обязанностей начальника дивизии.

Оценивая действия русских офицеров – участников события 3 февраля как заговор и военный бунт против начальника и имея возможность на насилие ответить силой, я тем не менее не пожелал вызывать пролитие крови персидских казаков, полагая совершенно недопустимым [в] событие, разыгравшееся среди русских инструкторов, вмешивать персов и заставлять их безвинно страдать.

Руководясь этим соображением и не имея иного выхода под угрозой кровопролития, я написал вышеупомянутый приказ о сложении обязанностей.

Однако, будучи назначен начальником Персидской казачьей дивизии законной властью начальника Генерального штаба, я, отправляясь в Петроград для доклада ему о положении дел в дивизии, продолжаю считать за собою все законные права начальника последней до тех пор, пока начальник Генерального штаба не даст мне соответствующих приказаний. Как законно назначенный на настоящую мою должность, я могу быть смещенным с нее также лишь законным путем.

Моя почти полная изолированность со дня 3 февраля от дел дивизии, выразившаяся даже в принятии мер, препятствовавших мне передавать шифрованные телеграммы, в чем у меня имеются документальные данные, понудила меня поспешить с отъездом в Петроград для доклада о делах дивизии. В этом решении меня укрепила также моя переписка 11 февраля с временно командующим дивизией полковником Старосельским по вопросу о вызове военного следователя из штаба корпуса генерала Баратова, из како[вой] переписки я усмотрел, что моему законному желанию ускорить следствие по делу военного бунта

в дивизии и произвести его в моем присутствии встречаются препятствия в виде якобы необходимости вызова уполномоченного лица с Кавказа, что, не давая для дела никаких преимуществ, создает лишь огромную проволочку времени, как известно, сглаживающего многие следы.

Ввиду всего изложенного я заявляю:

1) что отданный мною приказ от 3 февраля, как выполненный мною под прямой вооруженной угрозой, считаю не имеющим законной силы;

2) что я до приказа начальника Генерального штаба о моем смещении должен считаться начальником Персидской казачьей дивизии на законном основании и со всеми от сего законными правами до получения содержания включительно;

3) что сего 13 февраля я отправляюсь в служебную командировку для доклада начальнику Генерального штаба о делах Персидской казачьей дивизии и о военном бунте среди инструкторского состава 3 февраля;

4) что я буду категорически и решительно настаивать на немедленном назначении следствия над действиями русских чинов Персидской казачьей дивизии.

К сему добавляю, что я не сдавал, не имея к тому возможности, дивизии моему помощнику полковнику Старосельскому, вступившему согласно с приказом его от 3 февраля по старшинству во временное командование дивизией и не передавал ему ни своих прав, ни полномочий, полученных мною от начальника Генерального штаба, являющегося единственным и прямым начальником русских инструкторов в Персидской казачьей дивизии.

Кроме всего вышеизложенного, заявляю, что Персидская казачья дивизия должна руководствоваться русско-персидской конвенцией 1895 года до изменения ее заинтересованными законными правительствами и указаниями Главного управления Генерального штаба, являющегося, по его соглашению со штабом Кавказского военного округа, единственным руководителем деятельности русского состава чинов Персидской казачьей дивизии.

Копия настоящего мною препровождается вместе с сим:

1. В Российскую миссию в Тегеран[е];
2. В штаб Кавказского военного округа и Кавказского фронта;
3. В Главное управление Генерального штаба и
4. Персидскому военному министру.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 302. Л. 2–3. Подлинник на бланке, машинопись. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 29

Благодарность
Г. И. Клерже офицеру Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии Мамед-ага Шихлинскому за образцовое выполнение поручения по сопровождению его в поездке из Тегерана. 20 февраля 1918 г.

Начальник
Персидской казачьей
Его Величества шаха дивизии.

20 февраля 1918 г.

Наибу 1-го ранга Мамед-ага Шихлинскому.

Согласно приказания моего штабу дивизии Вы были назначены сопровождать меня во время моей служебной командировки на Кавказ и в Петроград.

Возложенное на Вас поручение выполнили Вы, несмотря на многие причины и затруднения, самым блестящим образом, за что я считаю справедливым выразить Вам от лица службы глубокую благодарность.

Вполне уверен, что и дальнейшая Ваша служба в дивизии всегда будет отмечена начальствующими лицами так же, как ценил и я Вас.

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись).*

(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 265. Л. 12–12 об. Подлинник на бланке. Автограф Г. И. Клерже.

Приложение 2

Документы Центральной следственной комиссии Военного министерства Российского правительства из «Дела Военного контроля о полковнике Клерже Георгии Иосифовиче». (начато 25 апреля (ст. ст.) 1919 г. окончено 13 октября (ст. ст.) 1919 г.).

(Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-188 (Центральная следственная комиссия при Военном министерстве Российского правительства). Оп. 1. Д. 3).

Документ № 1

Рапорт помощника начальника Военного контроля г. Перми о начале следствия против Г. И. Клерже 2 мая 1919 г.

Помощник начальника Военного
контроля г. Перми и его уезда
надворный советник Кирста[10]

Начальнику Военного контроля
Вх. № 9249
4 мая 1919 г.

2 мая 1919 г.
№ 48
г. Пермь

Рапорт

В бытность мою в Екатеринбурге помощником начальника Екатеринбургского Военного контроля капитан Шуминский просил меня собрать о КЛЕРЖЕ сведения, необходимые военному министру Степанову[11]. Ныне сведения собраны, проверены через опросы лиц, знавших Клерже и ввиду срочности таковые вместе с протоколом опроса представляю Вам, г. начальник, на распоряжение.

Приложение: дело о Клерже.
Надворный советник Кирста А. Ф. *(подпись)*

Резолюция: С[овершенно] секретно. Препроводить в Следственную комиссию.
10.V.[1919 г.] *(подпись неразборчива)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 1. Подлинник, машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 2

Сводка, обобщающая собранные сведения о Г. И. Клерже и его родственниках во время их пребывания в Перми. Без даты.

Агентурно – секретно

Сводка сведений на полковника Георгия Осиповича Клерже.

В квартире Георгия Николаевича Бирона – коммуниста, помощника начальника военных сообщений 3-й армии красных и Владимира Густавовича Шпилевского, служащего штаба 3-й армии, жил по Оханской ул. в доме № 29 Георгий Иосифович (Осипович) Клерже (по сцене Светланов), артист 26 лет[12], православный, в Пермь прибыл из Москвы 5-го августа 1918 года с женой Марией Ивановной Клерже 42 лет. Кроме них здесь же жили вместе с ними дочь жены Клерже от первого брака Татьяна Чарльсовна ВИЛЬЯМС 18 лет, артист Лаури (Матикошвили) Иосиф Ильич 39 лет, женат на дочери Клерже – Вильямс и Матаков Семен Ильич[13] 20 лет, гражданин города Верхне-Удинска, прибыл из Тифлиса. Все эти лица поселились в одной квартире, реквизированной Клерже у Варвары Шиляевой с ее согласия, жили дружно. Клерже в Перми ничем не занимался, кутил, был в большой дружбе с большевиками, спекулировал платиной, реквизировал для своей квартиры мебель и дрова, а для себя – пищевые продукты у хозяина и квартирантов, считался большевиком- коммунистом.

По изгнании красных из Перми выехал из Перми в Екатеринбург со всеми своими, кроме Бирона и Шпилевского, эвакуировавшихся с красными. Живших с ним Лаури и Матакова принимали за шпионов красных.

Помощник начальника Воен[ного] контроля,
надворный советник Кирста *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188.Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4об. Подлинник, машинопись. Подпись: автограф А. Ф. Кирсты).

Документ № 3

Протокол допроса свидетеля Н. В. Щербаченко. 2 мая 1919 г.

Протокол

1919 года, мая 2 дня помощник начальника Военного контроля штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса, надворный советник КИРСТА производил допрос: гражданина Николая Васильевича Щербаченко, жительствующего в городе Перми по Оханской улице № 29 в собст[венном] доме

по делу полковника Клерже Георгия Осиповича в качестве свидетеля, который показал:

Клерже Георгий Осипович прибыл в г. Пермь со своей женой Марией Ивановной, 42 лет и ее дочерью от первого брака Татьяной Чарльсовной Вильямс, 18 лет. Клерже, заняв квартиру в моем доме по Оханской улице № 29 по мандату, записался в домовой книге как артист (по сцене Светланов) 46 лет, по удостоверению Петроградского профессионального союза артистов от 21 июля 1918 года за № 324, как прибывший из Москвы 5 августа 1918 года. Через некоторое время в его квартире поселились: Иосиф Ильич Лаури (Матикошвили), артист 39 лет; затем Матаков Семен Ильич, из гор. Верхне-Удинска, 20 лет, прибывший в Пермь из Тифлиса; затем известные пермские коммунисты Владимир Густавович Шпилевский, служащий штаба 3-й советской армии и Бирон Георгий Николаевич, помощник начальника штаба 3-й армии, 25 лет. Клерже со всеми этими лицами был в более чем дружественных отношениях, жил богато, имел массу товаров, которые обменивал на привозимые из деревни крестьянами продукты. О том, что у Клерже были товары, знали не только коммунисты Бирон и Шпилевский, но и другие большевики, посещавшие квартиру Клерже, приезжая в таковую на автомобилях. Клерже ничем не занимался, никаким гонениям со стороны большевиков не только не подвергался, но был и защищаем ими. Чувствовалось, и замечал я, что Клерже больше чем дружен с большевиками. Его поступки и поведение, вызывающие самоуверенность в безнаказанности, посещение его квартиры коммунистами и особенная дружба с видным большевицким деятелем коммунистом Георгием Николаевичем Бироном, вполне укрепляли сложившееся мнение о Клерже как коммунисте.

Передам Вам некоторые штрихи из моих разговоров с Клерже и о его разговорах с другими. Помню, за месяц до изгнания красных из Перми Клерже без моего разрешения затопил бани, и когда послали к нему узнать о причинах такого самовольства, последний накричал на посланную служанку, крикнув ей: «Ты знаешь, с кем имеешь дело?». Со мной же [он] разговаривал заносчиво вызывающе. Клерже реквизировал у квартирантов дрова, мебель и даже пищевые продукты, которыми, по всей вероятности, угощал посещавших его и живших с ним коммунистов. Что же касается живших с ним Лаури (Матикошвили) и Матакова Семена Ильича, то последний, по-моему, был брат, со слов Лаури, его же – Лаури и жил по подложному паспорту и, по-моему, [они] были коммунисты и даже шпионы.

Уже по приходе сибирских войск в Пермь Матаков предлагал мне добыть заграничный паспорт, как он уже добыл таковой при красных в Москве для Варвары Александровны Шиляевой[14]. На дочери Клерже – Вильямс был женат не Матаков, а Лаури[15].

Когда Бирон отъезжал из Перми перед занятием таковой правительственными войсками, то у Клерже он ничего не взял, а забрал часть плохой

мебели у Шиляевой, оставив Клерже новую хорошую – это лишний раз доказывает, что Клерже и коммунисты были одно и то же.

Домовладелец по Оханской улице № 29
Николай Васильевич Щербаченко *(подпись).*
Помощник начальника Кирста *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6. Рукопись на типовом бланке допроса. Автографы подписавших лиц).

Документ № 4

Протокол показаний свидетельницы О. М. Царьковой. 2 мая 1919 г.

2 мая [1919 г.]

Гражданка Владимирской губернии Миленковского уезда, Крюковской волости Ольга Михайловна Царькова, жительствующая по Пермской улице дом № 57, объяснила:

Я служила сначала у Шиляевой, а затем, когда Клерже по мандату занял ее квартиру и выгнал [ее], я осталась служить у Клерже и была очивидицей, как Клерже реквизировал дрова, обстановку и съел хозяйские продукты. [К] Клерже на квартиру приезжали какие-то лица на автомобилях, причем двери открывал он им сам и старался, разговаривая с ними и с кем бы то ни было, меня в ту комнату, где велся разговор и сидели гости, не впускать. Клерже часто пугал меня и говорил: «Ты знаешь, кто я?». Когда же я заступилась за хозяйское имущество, которое Клерже портил, то как он сам, так и его жена грозили мне «чрезвычайкой», и даже по изгнании красных из Перми Клерже пожалел, что нет теперь «чрезвычайки», куда бы он меня отправил за то, что я сделала замечание за разломанный хозяйский шкаф, откуда они брали книги. Кроме Клерже, его жены и дочери, с ними жили: Лаури, Матаков, Шпилевский и Бирон с женой. Все они были очень дружны, и Бирон, и его жена особенно защищали Клерже, даже мне жена Бирона говорила, что если я буду смотреть за хозяйской мебелью и беспокоить Клерже с женой, то меня ее муж Жоржик Бирон поставит к стенке. Клерже жил богато, но ничем не занимался. Я всех их очень боялась.

Что такое большевик и коммунист я не знаю.

За неграмотностью гр. Царьковой по ее личной просьбе расписался Григорий Васильевич Кожин *(подпись).*

Помощник начальника Кирста *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об. – 7. Рукопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 5

Протокол показаний свидетельницы В. А. Шиляевой. 2 мая 1919 г.

2 мая [1919 г.]

Гражданка г. Перми Варвара Александровна Шиляева, жительствующая по Пермской улице № 57, дом Жирнова, объяснила:

Клерже вселился в моей квартире с моего согласия, хотя и по мандату, вместе с дочерью и женой. Затем к нему приехал[и] жених его дочери Лаури, сын жены Клерже Матаков, а в мое отсутствие, когда я из-за преследования большевиков бежала из Перми – коммунисты инженер Белевич, Шпилевский и Бирон с женой. Все они были очень дружны. Приезжали к ним какие-то лица на автомобилях.

Из разговоров со Шпилевским я узнала от него, что Клерже занимается спекуляцией, скупая и продавая платину, и что, зная это, его не только скрывали коммунисты, но даже Шпилевский продавал платину ему. Коммунист ли Клерже, не знаю, но что он разворовал мое имущество, то это правда. Его зять Лаури – наверное коммунист.

Хочу сказать Вам, что Бирон называл себя участником убийства Государя и его семьи, подробности которого рассказывал.

Варвара Александровна Шиляева *(подпись).*

Помощник начальника Кирста *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–7 об. Рукопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 6

Оперативная разработка контрразведки Главного штаба Военного министерства по делу о Г. И. Клерже. 2 марта 1919 г.

Разработка

02.03.1919 г. Полковник КЛЯРЖЕ – помощник начальника Главного штаба. По слухам, еще не проверенным, в бытность в Тегеране (в Персии) содействовал разложению армии (призывал офицеров-прапорщиков к неповиновению). В настоящее время справляется, нет ли в Омске лиц, знавших его в Тегеране.

Дальнейшая разработка производится.

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 41. Машинопись. Незаверенная копия).

Документ № 7

Оперативная разработка контрразведки Главного штаба Военного министерства по делу о Г. И. Клерже и И. И. Матикошвили. 4–5 марта 1919 г.

Разработка

4 марта 1919 г. Во время службы в Персии полковник Клярже командовал 1-й Сводной Персидской казачьей бригадой. Во время Российской революции персидские власти противились созданию в этой бригаде солдатских комитетов, но полковник КЛЯРЖЕ всячески противодействовал этому и со своей стороны поддерживал Советы.

Ценные сведения, характеризующие личность и деятельность полковника КЛЯРЖЕ в Персии могут дать:

1). Лейб-гвардии Кирасирского ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА полка полковник КОРДАШЕВСКИЙ Николай Викторович[16], служивший ранее в Тегеране. Полковник КОРДАШЕВСКИЙ в настоящее время состоит переводчиком при Гемпширском полку (г. Омск, Баронская улица, здание Епархиального училища) и жена одного из высших чинов русского посольства в Тегеране Екатерина Александровна г-жа КИРСАНОВА, в настоящее время служащая в отделе печати Министерства иностранных дел в г. Омске.

В настоящее время полковник КЛЯРЖЕ, кроме прямых своих обязанностей по службе, получил еще назначение информировать Главный штаб о деятельности в г. Омске Союза Христианской молодежи[17].

Как на службе, так и вне службы полковник КЛЯРЖЕ ходит в штатском платье.

5 марта 1919 г. По данному адресу значится: МАТИКО (беженец) Иосиф Ильич, православного вероисповедания, подполковник, 29 лет[18], при Французской военной миссии в распоряжении генерала ЖАНЕН, проживает по документу – удостоверению французского вице-консула С. Везоч от 30 декабря нов. ст. 1918 года № 50. Значится прибывшим из г. Перми 6/19 января 1919 года.

МАТИКО (беженка) Татьяна Чарльсовна, православная, 18 лет, род занятий – домашность. Проживает без документов. Указано, что документы в Екатеринбурге. Значится прибывшей из Перми 6/19 января с. г.

По справке, наведенной в штабе генерала ЖАНЕН, установлено, что подполковник МАТИКО в распоряжении Французской военной миссии не состоял и не состоит, о чем начальник штаба и выдал официальную справку.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 24. – Машинопись. Незаверенная копия).

Документ № 8

Удостоверение И. И. Матикошвили, выданное французским вице-консулом в г. Екатеринбурге. 30 декабря 1918 г.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВО
г. Екатеринбург
Vice-Consulat de France a Ekaterinbourg
№ 50
REPUBLIQUE FRAÇAISE
Пермь, 30 декабря 1918 г.

Удостоверение

Сим удостоверяю, что предъявитель сего подполковник Матико, состоявший при Французской военной миссии в Москве, командирован последней в распоряжение генерала Жанен. Прошу военные и административные власти оказывать подполковнику Матико содействие к беспрепятственному проезду в город Омск.

(подпись неразборчива)

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 129. Рукопись на бланке вице-консульства. Автограф составителя документа).

Документ № 9

Справка Французской военной миссии о И. И. Матикошвили. 5 марта 1919 г.

Le Chef d'Etat-Major de la Mission Militaire Française declare, que le Colonel Maticqui, se pretend de la M. M. Française, n'a jamais appartenu et n'appartient pari le Mission, qu'il n'y et pas connue et que c'est le premier fois qu'il entend prononcer son nom.

Le Chef d'Elat-Major (подпись).

[Перевод:]

Чехословацкая армия
и Французская военная миссия
в Сибири.

Омск,
05.03.1919 г.

Глава Высшего штаба Французской военной миссии сообщает, что полковник Матик, который претендует на [принадлежность к] Французской в[оенной] м[иссии], никогда не принадлежал а равно не принадлежит сейчас к миссии, что он ей не известен и что его имя произносится для нее впервые.

Глава Высшего штаба *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 23. Рукопись на бланке миссии. Автограф составителя документа).

Документ № 10

Секретно-оперативные сведения контрразведки Главного штаба Военного министерства о И. И. Матикошвили и его связях в Омске [март–апрель 1919 г.]

Сведения

Иосиф Ильич МАТИКО с женой Татьяной Чарльсовной (девичья фамилия ВИЛЬЯМ) проживают на углу Конюшенной и Перевозной улиц, дом № 20/24 Голенкова, квартира хозяина. Он называет себя кавказцем (грузином) и состоит на службе во Французской миссии. Татьяна Чарльсовна называет себя англичанкой, но, по-видимому, она русская. Матико чисто говорит по-русски, но вероятно, что еврей. Приехали месяц тому назад, по их словам, из Перми (причина переезда неизвестна). На днях у них появился якобы брат Иосифа – Самсон Ильич МАТИКО, проживает по Плотниковской улице, д. № 13, как говорят, недавно приехал, часто посещает Иосифа вместе с каким-то офицером ХАЦЕВАДЗЕ, проживающим вместе с Самсоном. Часто собираются по вечерам в квартире Иосифа – ХАЦЕВАДЗЕ и Самсон и ведут какие-то подозрительные беседы, а иногда и слышен стук очень тихий. Во время разговора мужчин супруга Иосифа выходит и старается отвлечь внимание, играя громко на рояле. Часто по ночам Иосиф куда-то уходит. У Иосифа имеется много паспортов на разные фамилии. Приехав в квартиру, МАТИКО дал было один из них для прописки, но потом взял обратно и дал другой на имя МАТИКО, сказав: «Это настоящий, а эти были у меня нужны при большевиках». Разговоры ведут шепотом. Однажды у Иосифа велась таинственная беседа и на вопрос, почему у них так тихо, когда их четверо, жена Иосифа сказала, что они играют в шахматы, но шахматная доска стояла не занятая. Увидев это, она смутилась. Имеют много переписки и ведет переписку жена.

ХАЦЕВАДЗЕ Кронид Иванович на руках имеет бриллиантовые перстни. Однажды они сказали, что жизнь им за четыре месяца стоила 80 тысяч рублей. Иногда Самсон приходит один, по несколько раз в день, и разговорился[19] с Иосифом, как бы что-то требуя. Очень часто к Иосифу ходит какой-то господин, называющий себя генералом КЛЯРЖЕ Иосиф Григорьевич, состоящий уполномоченным при генерале ЖАНЕН. Иногда приходит с супругой Марией Ивановной. Жена Иосифа называет себя дочерью Марии Ивановны. У Иосифа, по-видимому, имеет[ся] много денег. Иосиф почему-то предупреждает встречи ХАЦЕВАДЗЕ и Самсона с генералом КЛЯРЖЕ. При КЛЯРЖЕ ни разу не были у Иосифа Самсон с Хацевадзе, но по уходе генерала появляются сейчас же Самсон с Хацевадзе и начинаются таинственные разговоры. По-видимому, от генерала что-то скрывают.

Когда бывает генерал, то разговаривают нормально. Однажды пришел Самсон, когда ни Иосифа, ни жены не было дома, то он попросил

клочок бумаги и написал что-то, после чего запрятал в потайное место у стола и ушел, это видела девушка-гимназистка и по уходе вынула записку и переписала. Генерал КЛЯРЖЕ проживает по Войсковой улице в доме № 24. Недавно говорили о выезде во Владивосток. Все это наводит на подозрения, не имеют ли они связи с большевиками или с крупными экспроприаторами.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об – 40. Машинопись. Незаверенная копия).

Документ № 11

Протокол допроса свидетеля Н. В. Кордашевского Центральной следственной комиссией Военного министерства. 11 марта 1919 г.

Протокол

1919 года марта 11 дня в г. Омске, на основании ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, вследствии приказания уполномоченного Министерства внутренних дел подполковника РУССИЯНОВА[20], я, подполковник Лалетин, опрашивал нижепоименованного, который показал: зовут меня: Имя: Николай. Отчество: Викторович. Фамилия: Кордашевский. Лета: 40. Вероисповедание: Православный.

Адрес: Английская военная миссия.

На предложенные мне вопросы отвечаю: В 1917 году я был назначен Ставкой в город Тегеран в Персию – в Российскую миссию, где и состоял при русском посланнике фон Эттер, [одном из] наиболее преданных долгу службы и честнейших людей.

Вскоре туда прибыл из Петрограда полковник Клерже, назначенный командующим Его Величества шаха персидского казачьей дивизией (с русскими инструкторами – которая комплектовалась персами). Начальник дивизии, помимо должности, кажется, негласно нес обязанности и военного агента. Приезд полковника Клерже в Тегеран состоялся помимо желания посланника – и все это носило характер интриги против генерала нашей русской службы Майдель.

На обеде у посланника был поднят разговор о проезде через большевиков, бывших тогда уже в силе, в полном обмундировании и при оружии.

Полковник Клерже, который носил черкеску и бешмет – обмундирование Кавказских казачьих войск синего цвета терских казаков. С ним был один прапорщик, фамилию коего я сейчас не припомню, служивший ранее в Русском банке в Тегеране и бывший затем в Генеральном штабе в Восточном отделе. Он, этот прапорщик, производил впечатление доверенного лица при полковнике Клерже. Полковник Клерже на упомянутом обеде с улыбкой ответил, что «они отлично проехали» и приблизительно свою речь дополнил, сказав, что «все документы у него были в порядке». Приняв дивизию, Клерже стал всячески демократизировать дивизию, в том

смысле, в каком понималась тогда «демократия» в армии. При нем процветали дивизионные комитеты и он, полковник Клерже, пошел даже дальше, слив воедино школу солдатских детей-персов с кадетским персидским корпусом. В этой области одним из ближайших его сотрудников был русский офицер, кажется по чину есаул – и по фамилии Писарев. Командование дивизией полковник[ом] Клерже продолжалось в течение 39 дней – и закончилось внезапным окружением его дома войсками Персидской дивизии отряда полковника Филатьева[21]. Внезапный арест полковника Клерже, как мне кажется, вызывался желанием избежать вооруженного столкновения, так как Клерже мог бы быть поддержанным русскими урядниками-казаками, что невыгодно бы отозвалось на престиже России в Персии. По натуре Клерже произвел на меня впечатление как человек с довольно низкими нравственными качествами и даже авантюрист. Арест произошел в присутствии посланника, где ему, Клерже, было предложено или сдать командование или быть арестованным. Клерже сдал командование и потом, как ходил слух, он устроил торг, обозначая нужную ему цифру суммы денег на выезд из Персии. По принятии дивизии полковником Старосельским по приказанию посланника он уничтожил все новшества, введенные в дивизии и в кадетском корпусе Клерже.

Материалы по этому делу могут быть следующие: 1) рапорт, поданный полковником Старосельским командующему Кавказским военным округом; 2) ответ на запрос Российскому посланнику в Персии о деятельности полковника Клерже. В Тегеране полковник Клерже был в обществе какой-то дамы, которую он называл падчерицей, то есть дочерью жены от ее первого брака. Я ее видел один только раз в темной передней и, насколько припоминаю, ей лет 30, худосочная блондинка или шатенка, но не брюнетка, росту среднего, фигура худенькая, по-русски говорит хорошо. Как будто с ней было двое детей. Фамилия Матико мне совершенно неизвестна.

Полковник Кордашевский *(подпись)*

Подполковник Лалетин *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–27. Рукопись на типовом бланке допроса. Автограф подписавших лиц).

Документ № 12

Личное письмо Н. В. Кордашевского Г. И. Клерже. 19 марта 1919 г.

Милостивый государь,
Георгий Иосифович.

Из ваших слов я выяснил, что до Вас дошли сведения об официальном допросе меня о Вашем пребывании в Персии и событиях, связанных с вашим отъездом из Тегерана.

Подтверждаю, что это соответствует действительности.

Показаний же, что Вы «большевик», служили у большевиков и уехали из Тегерана с крупной суммой денег, мной не давалось.

На Ваш вопрос, были ли показания написаны мной лично – могу Вам сказать, что писались они с моих слов и я подписал их, не прочитав.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что показания даны мной не как очевидцем, но как слышавшем об этом всем от непосредственных участников событий.

Прошу принять Вас уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Готовый к услугам[22] Н. Кордашевский *(подпись).*
19 марта 1919 г.
г. Омск.

21/03. Г. Клерже (рукописная помета и подпись)

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 38. Подлинник, машинопись. Подписи: автографы Н. В. Кордашевского и Г. И. Клерже.

Документ № 13

Сопроводительное письмо управляющего Министерством иностранных дел И. И. Сукина управляющему Военным министерством Н. А. Степанову к телеграмме из Тегерана от российского посланника в Персии фон Эттера. 4 апреля 1919 г.

Совершенно секретно
Временно управляющий
Министерством иностранных дел

Милостивый государь,
Николай Александрович.

В последствие личных с Вами переговоров и в дополнение к письму вр. и. д. товарища министра иностранных дел В. Г. Жуковского[23] от 27 минувшего марта за № 49 на имя начальника Главного штаба, имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству копию с секретной телеграммы Российского посланника в Персии за № 91 по вопросу о деятельности в Тегеране полковника Генерального штаба Клерже.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Сукин (подпись).
№ 55 с
4 апреля 1919 г.
Его Пре[восходитель]ству
Н. А. Степанову

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 44. Подлинник, машинопись на бланке министерства. Подпись: автограф И. И. Сукина).

Документ № 14

Телеграмма из Тегерана от Российского посланника в Персии Н. С. фон Эттера. 2 апреля 1919 г.

Копия

[Получена] 2 апреля.
Министерство иностранных дел.
Секретная телеграмма посланника в Тегеране.
На имя министра иностранных дел
от 14 марта 1919 г. № 91.

Ваш № 2444 получен. Назначенный после большевистского переворота полковник К л е р ж е прибыл сюда наперекор моему совету. Шахом и министрами принят не был. Через два месяца вынужден был по требованию солдат, офицерского состава уехать.

Заигрывание с солдатским инструкторским элементом[24].

Эттер.

С подлинной верно: и. д. делопроизводителя *(подпись).*

Резолюция: Странно, что несмотря на заигрывание с солдатами, они потребовали выезда Клерже из Тегерана[25].

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 44а. Заверенная копия, машинопись. Резолюция: автограф без подписи).

Документ № 15

Вопросы, заданные Центральной следственной комиссией Военного министерства Г. И. Клерже во время его первого допроса. 8 мая 1919 г.

I

1). Будучи командиром Персидск[ой] бригады, создал ли солдатские комитеты или таковые уже существовали, и какой был взгляд Персидск[ого] правительства на эти комитеты?

2). Не было ли с Вашей стороны сочувствия этим комитетам и в чем оно выражалось?

3). Кем был назначен начальн[иком] Перс[идской] бригады и не получали ли от кого-либо из чинов русского посольства в Персии совета не вступать в командование?

4). Вследствие какой причины вынуждены были сдать командование. Было ли известно Вам требование солдат и офицеров, чтобы Вы сдали командование и уехали из Персии?

5). Не делали ли Вы каких-либо послаблений по службе или в обращении с солдатским инструкторским элементом?

6). В каких отношениях Вы состояли с бароном Майдель?

7). На обеде у посланника во время разговора о поезд[к]е через фронт большевиков (в офицерской форме и при оружии) Вами произнесены были фразы, что «мы отлично проехали» и что «все документы у него[26] были в порядке». Как понимать эти фразы и почему большевики не задержали Вас в дороге, как это они делали со всеми офицерами?

8). Демократизировали ли Вы дивизию в том смысле, в каком понималась тогда «демократия»?

9). Соединили ли Вы школу солдатских детей с Кадетским корпусом?

10). Какую должность при Вас нес есаул Писарев? Было ли постановление офицеров и членов миссии об удалении есаула Писарева из Персии?

11). Получили ли Вы какую-либо сумму на выезд из Персии и кто таковую назначил?

12). Известно ли Вам содержание рапорта полковника Старосельского?

13). Встречались ли Вы с г-жой Кирсановой в Персии в посольстве?

14). Какие отношения между Вами и семейством Иосифа Ильича Матико? Часто ли Вы бывали у них на квартире?

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 57–57 об. Подлинник, рукопись).

Документ № 16

Ответы Г. И. Клерже на вопросы Центральной следственной комиссии Военного министерства во время его первого допроса. 8 мая 1919 г.

I

Спрошенный 8 мая 1919 года полковник Генерального штаба Георгий Иосифович Клерже, православный, 36 лет[27], членом следственной комиссии генерал-майором Шулькевичем[28], показал:

Отвечаю по вопросам:

1). Комитет русских чинов (офицеров и солдат) Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии создан еще летом 1917 года при Керенском, на основании тел[еграм]мы Гл[авного] упр[авления] Генер[ального] штаба. Я же прибыл в Тегеран в декабре 1917 г. Жалоб на комитет со стороны Персидского правительства не было ни одной. Но от н[ачальни]ка дивизии – генерала барона Майделя, который вообще находил 75% всего инструкторского русского состава совершенно не отвечающим (по нравственному и политическому поведению) своему назначению, поступали на имя н[ачальни]ка Генеральн[ого] штаба генерала Романовского и позже ген[ерала] Марушевского (нынешний командующий Русской армией на Архангельском фронте) постоянные жалобы.

Это ставилось генералу бар[ону] Майделю на вид (особенно генералом Марушевским) как неумение руководить ответственным делом за границей и послужило причиной отчисления его от должности н[ачальни]ка дивизии, которое было предрешено в конце сентября 1917 г.

2). Дивизионный комитет я считал злом для нашего дела за границей в Персии и получил секретное указание от генерала Марушевского свести его «на нет» и ликвидировать без особого шума. Так как приходилось действовать осторожно – на первое время я ограничил работу комитета вопросами только хозяйственного порядка (о чем сказал всему комитету в присутствии старших русских чинов дивизии соответствующее слово). Комитет вызвал вообще большое волнение среди некоторой группы офицеров дивизии главным образом тем, что вскрывал факты недобросовестного обращения с казенными авансами, выдававшимися на руки в очень большом размере (по 200–300–500 тыс. рублей в месяц на каждого н[ачальни]ка отряда и в соответствующем также очень большом количестве – н[ачальни]кам хозяйственной части и казначеям отрядов). Отрядов всего было девять – в различных городах Северной Персии.

К сожалению, должен сказать, что производимые мною два раза поверки сумм комиссиями давали очень тяжелые в этом смысле картины, что мною отмечалось в приказах по дивизии.

Нахожу, что особых политических выступлений, тем более при мне, комитет дивизии не производил.

Считая необходимым потушить очень обостренное отношение, я принял и начал методически приводить в исполнение систему рассредоточения по другим городам из Тегерана и даже отчисления из дивизии наиболее нетерпимых лиц из обеих групп (то есть запятнавших себя неодобрительным поведением вообще и указанным отношением к казенным суммам и также наиболее рьяных «комитетчиков»-политиканов).

Список таких лиц, характеристика которых была Главному упр[авлению] Генер[ального] штаба доподлинно известна, намечен был еще в Петрограде и неоднократно докладывался генерал-квартирмейстеру ГУГШа (генмайору Гиссеру[29] – сейчас он в Швеции), и я ехал в Тегеран уже с точными указаниями.

К этому надо добавить, что на общее отрицательное поведение русских офицеров инструкторов в Персид[ской] каз[ачьей] дивизии поступали н[ачальни]ку Генерального штаба жалобы и со стороны нашего Ми[нистерст]ва иностр[анных] дел, которое само напоминало неоднократно ГУГШу о необходимости замены значительной части из них и также указывало на пассивную работу генерала бар[она] Майделя.

Начальник Генеральн[ого] штаба (ген[ерал]-лейт[енант] Романовский) сознавал всю трудность моей задачи, так как предстояло переменить значительную часть состава русских инструкторов и в то же время упорядочить хозяйственную часть дивизии (ежемесячный бюджет которой был около трех миллионов рублей, а система практиковалась только авансовая) – он назначил от себя представителя подпоручика Ригана н[ачальни]ком отделения ГУГШа для ревизии и, по возвращении в Петроград, для доклада о принятых мерах на месте и необходимых реформах.

Подпоручик Ригана выехал в Тегеран одновременно со мной. Теперь подп[оручик] Ригана живет в Тегеране.

3). а) нач[альни]ком Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии я был назначен последним воен[ным] министром при Керенском – генералом от артиллерии Маниковским, который вскоре после моего отъезда из Петрограда был большевиками арестован. Та же участь постигла и н[ачальни]ка Генер[ального] штаба ген[ерала] Марушевского, скрепившего своею подписью мое назначение.

б) по дороге в Персию я заехал в Тифлис, где провел большую часть своей службы перед этим в Генеральном штабе и в строю, и здесь мне в штабе округа товарищи по службе – оф[ице]ры Генер[ального] шт[аба] – говорили, что была какая-то тел[еграм]ма от посланника в Тегеране, что ввиду того, [что] меня считали «большевиком», он предупреждал, что могут быть «осложнения».

Был я у командующего Кавк[азской] армией генерала Пржевальского и др. старших чинов, и по поводу этой тел[еграм]мы (подлинника которой не могли никак найти, и я ее не видел) лишь обменивались шуточными фразами.

По приезде же моем в Тегеран сам посланник сначала встретил меня холодно, но потом – сам смеялся над этой выдумкой со стороны тех из старших чинов дивизии, которые рассчитывали занять место н[ачальни]ка дивизии после ухода генер[ала] Майделя.

Посланник наш ф[он] Эттер – очень слабовольный и легко поддающийся мимолетному влиянию близко с ним соприкасающихся лиц.

Достаточно указать на то, что «тучи над моим большевизмом» настолько рассеялись, что я был чествован парадными официальными обедами у русского и английского посланников и ответил на это также официально.

4). Причин отказа моего командовать дивизией несколько: первая – внешнеполитическая (давление Англии, стремившейся вытеснить русское влияние из Северной Персии и оказывавшей в этом отношении серьезное влияние на Персидского шаха и Сов[ет] министров), вторая – интрига полковника Старосельского, помощника нач[альни]ка дивизии, который мечтал занять мое место и был очень огорчен моим приездом и своевременно влиял на посланника: почему тот и послал отмеченную выше «предупредительную» телеграмму в Тифлис. Третья – сильное недовольство со стороны тех офицеров, кого я отчислил, перевел в другие пункты из столицы Персии и [тех,] которые чувствовали за собою очередь к той же участи. Так как они задерживались умышленно в Тегеране, то и служили «кадром» для производства крупного по моему адресу скандала, подготовкой которого невидимой рукой руководил полковник Старосельский.

Очень верный в этом направлении обрис[30] положения может дать полковник Мясоедов[31], только что прибывший из Персии в г. Омск и назначенный нач[альни]ком Томских военно-училищных курсов – он прямо говорил мне, что когда я уехал из Тегерана, то всем стало ясно, что «этого только и добивался п[олковни]к Старосельский, чтобы получить назначение на должность н[ачальни]ка дивизии».

Требования о моем уходе мне ни разу не предъявлялись ни со стороны солдат, ни со стороны офицеров. Я ничего не подозревал о заговоре, который был подготовлен очень тонко и скрытно и закончился внезапным моим арестом (утром в постели) при помощи группы вооруженных русских офицеров, оцепивших мой дом батальоном персидской пехоты с пулеметами. Под угрозой штыков меня заставили написать приказ об отказе командовать дивизией.

Никакие убеждения мои, что это грозит полной потерей русского престижа в Персии, не действовали, и только два старших из офицеров, бывших сильно пьяными, твердили, что еще накануне «они дали кому-то честное слово, что н[ачальни]ком дивизии будет полк[овник] Старосельский, а не Клерже»!

Внезапный скандал мог кончиться большим кровопролитием, так как часть офицеров и персидских солдат хотела открыть огонь по захватчикам власти, но так как это для сущности вопроса было уже бесполезно – мне не оставалось ничего делать, как уехать из Тегерана, тем более что посланник наш ф[он] Эттер, к этому времени вновь «обработанный» сподвижниками п[олковни]ка Старосельского, не высказал желания вмешаться для прекращения скандала и лишь, растерявшись от шума, поднятого в городе, боялся нового контрпереворота.

Самое важное отметить то, что в Персии революции не было, и «смещение» меня с должности можно было квалифицировать только лишь как военный бунт.

Чтобы оставить официальный след этой оценки, я написал об этом соответствующее заявление нашему посланнику и в копии сообщил персидскому военному министру, в штаб Персидской каз[ачьей] див[изии] и командиру Кавказского кавалерийского корпуса генералу Баратову (бывшему в это время на Персидском фронте со своим корпусом) с просьбой к последнему командировать в Тегеран для производства расследования чинов военно-прокурорского надзора.

Последнее не осуществилось, так как корпус генерала Баратова сам быстро разлагался.

5). Никаких послаблений ни по службе, ни в обращении с солдатским инструкторским составом (который, между прочим, состоял весь из одних только подпрапорщиков, прослуживших в Персидской дивизии по 5–8–10 лет и потерявших всякое желание вернуться в Россию, так как достаточно там обжились) я не делал. Наоборот, неоднократно указывал им на серьезное значение их работы в Персии во время революции в России для того, чтобы не потерять престижа последней, который персы и англичане постараются у нас теперь выбить.

6). Генерала Майделя я знал только по тем бумагам, которые были в Глав[ном] упр[авлении] Генер[ального] штаба. Знаю, что он был командующим дивизией на нашем фронте во время большой войны и отчислен от должности «по несоответствию». В Персию он был назначен против желания ГУГШа, но за ним была чья-то сильная протекция (не помню, кто за него просил перед генералом Аверьяновым[32] – бывшим н[ачальни]ком Генеральн[ого] штаба), которая и решила самое назначение.

По приезде в Тегеран я его увидел впервые. Сначала он высказал мне сомнение о подлинности моего назначения, но когда я ему предъявил предписание от того же н[ачальни]ка Генерального штаба (генерала Марушевского), от которого он сам перед этим получал в течение нескольких месяцев распоряжения из ГУГШа, то он немедленно сдал мне дивизию.

Никакой личной неприязни между нами не было, да и не имелось к тому специальных причин.

7). Я уехал из Петрограда в Тегеран в середине ноября 1917 г., то есть после переворота через две недели и все офицеры в Петрограде и по всей России ходили в погонах и при холодном оружии. Я и поручик[33] Ригана ехали в вагоне международного об[щест]ва, в который «товарищи», тогда еще не совсем обнаглевшие, вообще не лезли; да и над другими офицерами, которых мы всюду тогда видели, еще издевательства не было. Это началось уже тогда, когда я был в Тегеране и об этом я там узнавал по агентским телеграммам.

Действительно, мы ехали «отлично», так как это был один из последних поездов, который до образования боевого фронта на Дону успел проскочить прямым сообщением от Москвы до Минеральных Вод.

Документы у меня и у подпоручика Ригана были те, которые выдал ГУГШ, то есть предписание мне о новом моем назначении, а ему – о производстве расследования и для поверки хозяйственных сумм дивизии.

Один раз в пути у нас документы «потребовали» какие-то солдаты, но когда увидели бланки «Гл[авного] управ[ления] Генерального штаба», то почтительно их нам вернули обратно. На запрос об оружии мы указали на шашки, которых они не нашли нужным отбирать. На вопрос о револьверах – мы ответили, что их у нас нет, и они, поверив, ушли.

8). Никакой «демократизации» дивизии не производил, так как слишком ясно видел на опыте, что сталось из-за этого с Русской армией.

9). При дивизии был Кадетский корпус (7 классов) и школа солдатских детей (2 класса), как бы подготовительная для корпуса. Ввиду недостатка учителей, помещений и излишнего расхода я упразднил школу солдатских детей, приказав перевести наиболее способных мальчиков в младшие классы Кадетского корпуса. Это мероприятие имелось в планах и Главного управления Генерального штаба, которое находило, что уровень воспитания кадет и школьников настолько однотипен, что делать два отдельных учебных заведения признавалось излишним.

10). Поручик Писарев (а не есаул) состоял до меня, при мне и после меня дивизионным интендантом, он же был председателем офицерско-солдатского комитета русских чинов дивизии.

До моего прибытия в Тегеран на поручика Писарева очень жаловался нач[альник] дивизии ген[ерал] Майдель, прося его уволить из дивизии, но н[ачальни]к Генерального штаба не согласился это сделать, сказав подождать расследования (которое имелось в виду сначала возложить на меня из Петрограда, но когда ген[ерал] Марушевский решил отчислить генерала Майделя от должности и предложить мне назначение на последнюю, то расследование было возложено на подпоручика Ригана, знакомого по прежней своей службе с бытом Персии и юриста по образованию).

Я назначил поручика Писарева в один из дальних пунктов Персии, чтобы убрать его из Тегерана, где он будировал среди офицеров, но пока он сдавал должность интенданта, подоспели события «3 февраля 1918 г.» – вследствие которых я покинул Персию.

Поручик Писарев внешним образом делал вид, что служит делу искренне, а втайне был в соглашении с группой, которая явно была ко мне враждебна.

Ловкость этого офицера настолько очевидна, что даже теперь он остается еще в дивизии.

11). По выезде из Персии я получил за февраль и март 1918 г. жалование (по 600 туманов [в] месяц), суточных на командировку обратно в Петроград по расчету на четыре месяца, так как не исключалась возможность моего возвращения в Тегеран (по 300 туманов в мес.) и на представительство 300 туманов.

Все это было проведено приказом по дивизии за подписью полк[овника] Старосельского.

Всего я получил около 2700 туманов (курс тумана тогда был около 13–14 рублей, теперь он дошел до 26 рублей), то есть русскими деньгами, примерно, около 35 т[ысяч] рублей.

12). Содержание рапорта полковника Старосельского, поданного им на имя командующего Кавказ[ской] армией (генерала Лебединского[34] тогда уже) и полного несостоятельной подтасовки фактов, я читал и разъяснил в Тифлисе его смысл.

В Тифлисе, конечно, этим вопросом уже не могли тогда интересоваться, так как Кавказ отваливался от России, а немцы с турками подступали к Тифлису и Баку.

13). С г[оспо]жой Кирсановой в Персии я встречался очень редко, так как вообще она не везде была одинаково принимаема. Она жена одного из русских консулов в Персии, и я у нее был только с официальным визитом.

14). Подполковник Иосиф Ильич Матиков женат на моей второй падчерице – Татьяне Чарльсовне. (Первая падчерица моя – Тамара Чарльсовна замужем сейчас за капитаном Масленниковым и находится с ним на Кубани, где ее муж служит в штабе генерала Деникина – в отделе дежурного генерала).

Пока я не принял должности помощника н[ачальни]ка Главн[ого] штаба, у Матиковых я бывал очень часто, но после, вследствие усталости от службы в штабе и большой работы по разборке бумаг штабных на дому, я вынужден был сократить свою частную жизнь и поэтому стал бывать реже и у Матиковых. Показание писал собственноручно.

Омск, 8 мая 1919 г.

Генерального штаба
полковник Г. Клерже *(подпись)*

Генер[ал]-майор Шулькевич *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 58–63. Подлинник, рукопись. Со слов: «Отвечаю по вопросам» – автограф Г. И. Клерже).

Документ № 17

Вопросы, заданные Центральной следственной комиссией Военного министерства Г. И. Клерже во время его второго допроса. [8 мая 1919 г.].

II

Когда и откуда прибыли и

1). В какой квартире (адрес) и с кем жили в г. Перми до взятия этого города сибирскими войсками?

2). Род занятий в городе Перми?

3). Была ли квартира нанята Вами или реквизирована и с чьего разрешения или распоряжения?

4). Были ли Вами лично или с разрешения кого-либо реквизированы мебель, дрова, продукты и проч.?

5). Куда и когда именно выехали из Перми? Кто вместе с Вами и живущими на квартире выехал из Перми и кто остался в Перми?

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 64. Подлинник, рукопись).

Документ № 18

Ответы Г. И. Клерже на вопросы Центральной следственной комиссии Военного министерства во время его второго допроса. 8 мая 1919 г.

II

Отвечаю по вопросам:

1). а)[35] В первых числах августа (н. ст.) 1918 года из Петрограда со своей семьей (жена, падчерица и пасынок) и с подполковником И. И. Матиковым прибыл в Пермь и остановился по Оханской ул., д. № 29, кв. 7 (Ширяевых)[36].

Примечание. По возвращении из Персии, с февраля 1918 г. по июнь, вследствие перерыва сообщений с Петроградом, где оставалась вся моя семья, я оставался на Кавказе и проживал в Тифлисе.

В Петроград приехал к концу июня месяца, воспользовавшись автомобилями персидского консула (от Тифлиса до Владикавказа по Военно-Грузинской шоссейной дороге) и вагоном американского консула (от Владикавказа до Москвы). Последний, в числе прочих союзных нам иностранных представителей, покидал в это время Тифлис ввиду подхода к нему со стороны Батума немецких войск. Бумаги я имел в это время выданные мне, по посредничеству знакомых, на имя переводчика-француза при персидском консульстве. Ничего офицерского – документов и одежды – я не брал (бросил все в Тифлисе).

В Петрограде, где уже наблюдалось усиленное гонение на офицеров, я скрывался по разным квартирам знакомых, так как дома у себя жить

опасался. Решив пробраться на восток и в то же время избежать голодания с семьей в Петрограде, выехал сначала через Нижний в Казань, но когда последняя – в то время, когда мы подъезжали к ней по Волге со стороны Нижнего Новгорода – была занята на наших глазах «белыми» и мы проскочить не успели, пришлось повернуть вверх по Волге до ст. Мантурово и дале[е] через Вятку в Пермь.

Документы у меня и у подполковника Матикова были добытые в Петрограде за довольно большие деньги через одного из знакомых артистов из «Союза артистов сцены и арены».

Подлинник при сем прилагаю.

Благодаря избранному псевдониму «Светланов», я везде называл себя таковой фамилией, не рискуя быть уличенным в умышленном умалчивании своей настоящей фамилии, если бы в этом встретилось какое-либо заявление со стороны большевистских властей.

К счастью, это меня всегда выручало, тем более что и внешнюю свою облицовку я решительно изменил (брил усы и носил английский пробор). То же делал и Матиков, именуясь артистом «Лаури».

(В Петрограде подполк[овни]ка Матикова знали многие, так как он сам был командиром ударного б[атальо]на в 12-й армии под Ригой, а во время пребывания в Петрограде отправлял добровольцев через некоторые организации в армию генералов Каледина, Краснова и Деникина. Численность таковых превышала $2^1/_2$ тыс. человек).

2). Так как у нас были документы артистов, то нас, как людей, добывающих себе пропитание «собственным трудом», не преследовали, и первое время наша полная незанятость фактическими обязанностями профессионалов сцены и арены, объясняемая нами любопытным выспрашивателям временной причиной (неприездом антрепренера и др.), вполне сходила незамеченной.

Тем более это было сначала не трудно, так как фронт от города был еще далеко и не ощущалось особого наплыва коммунистов с позиций.

Труднее стало к концу октября месяца, когда вообще в связи с террором стали часто производиться обыски. Так как без работы сидеть было опасно, мы взяли напрокат рояль и стали «давать уроки пения и музыки» (жена и падчерица играют на рояле, а я и «Лаури» вообще знакомые с техникой постановки голоса, так как действительно оба проходили раньше школу пения. «Лаури» учился раньше войны в Вене), вывесив на подъезде соответствующую вывеску.

Так как особенных уроков у нас не было, за неимением необходимого количества учеников, то мы объясняли свои средства якобы получаемой от антрепренера неустойкой, которую он нам должен был платить, согласно с заключенным контрактом, по январь 1919 г.

Этот способ нас спасал до конца. По призыву меня не брали, так как по документу числилось мне 47-й год, а тогда брали лишь до 35 лет. А Лаури (Матиков) предъявлял, кроме этого, паспорт от грузинского консульства в Петрограде (большевики Грузию считают независимой).

Последнее время приехавший к Матикову из Петрограда его брат Самсон Матиков также был «забронирован» грузинским удостоверением.

Один из большевистских комиссаров, который жил с нами на этой квартире позже, настолько верил нашему профессиональному призванию, что начал брать у подп[олковника] Матикова уроки пения, и проделывал это до самого падения Перми.

3). Квартира была мною нанята у г-жи Варвары Александровны Ширяевой по добровольному с ней соглашению: за 150 руб. в месяц две комнаты с обстановкой, пользованием кухней и отоплением комнат. Прислуга, дрова на кухню и электричество оплачивались нами отдельно по действительной стоимости.

Условия мною лично были заключены с хозяйкой квартиры (в которой она продолжала тогда еще – в августе 1918 г. – занимать три комнаты. Вся квартира была из пяти комнат).

Несмотря на добровольный наем, требовалось иметь «мандат» (ордер) из комиссии городской на занимаемые комнаты, и это нами было оформлено.

Свидетелем заключения условий был квартальный наблюдатель Меделица (проживающий по Вознесенской ул., д. № 59).

Хозяина квартиры самого купца Владимира Николаевича Ширяева тогда не было, так как он, преследуемый большевиками за какую-то скрытую от их «учета» сумму своего дохода с магазина, подлежал аресту и расстрелу. Это мы узнали со слов В. А. Ширяевой и ее прислуги. Сама Варвара Александровна тоже жила наполовину нелегально, так как боялась, что ее за мужа могут взять в «заложники».

Она часто не ночевала дома, а если оставалась в квартире, то всемерно пряталась от всех посторонних, и в случае опасных моментов мне часто приходилось, путем известной находчивости, отвлекать от нее внимание случайных посетителей квартиры. А таких посетителей, которые прямо являлись из комиссариата за поверкой наличия свободных комнат, иногда документов или продовольственных карточек, было иногда довольно много.

Это нас страшно всегда нервило[37] и беспокоило. Мы просили В. А. Ширяеву не злоупотреблять нашим желанием ее выручать и серьезно подумать о том, чтобы меньшее количество времени проводить в ее собственной кв[арти]ре. Если же она не могла этого сделать, то хоть избавила бы нас от необходимости постоянно быть начеку, чтобы так или иначе не проговориться и ее не подвести, да и себя не погубить. Шутить с этим было весьма опасно. Расстрелы шли каждую ночь.

Однако В. А. Ширяева, бывшая вообще человеком очень жадным, мелочным и взбалмошным, не придавала серьезного значения нашим просьбам и продолжала бывать дома, ставя таким образом под страхом постоянной тревоги меня, мою жену (больной человек), детей и даже свою собственную прислугу.

Жизнь в доме была полна вечной тревоги. Особенно это было тяжело при условии того, что я и Матиков скрывали свое офицерское звание, что

грозило нам неминуемою смертью, если бы это было случайно кем-либо обнаружено.

Менять квартиры было очень трудно, так как их в городе не было.

Пользуясь знакомством одного инженера, подп[олковник] Матиков временами жил со своей женой (венчалась моя падчерица в Перми в октябре) на другой квартире, но так как это сильно удорожало наши расходы, а деньги были на исходе, он вновь возвращался жить с нами.

Жили мы все очень скромно.

В ноябре месяце в пермских газетах появилось объявление, что самые богатые купцы (в списке приложенном был и Ширяев) города Перми, скрывающиеся до сего времени, должны явиться в комиссариат или прислать своих ближайших родственников. В противном случае это грозило конфискацией их имущества и обращением их достояния (квартиры, обстановка и др.) в собственность советской власти.

Результатом этого объявления стало то, что в квартиру Ширяевых начали насильственно вселять кого попало. Тут были и комиссары, и просто красноармейцы.

Так как хозяйка нас сама просила, чтобы мы ее вещи сколько могли бы спасли, сказав, что будто мы у нее купили, и просила нас перейти в ее комнаты, обставленные более ценною мебелью, так как не хотела, чтобы ею пользовались комиссары, и как-нибудь протянуть до прихода из Екатеринбурга «белых», мы это сделали.

В квартире поселились комиссары Шпилевский, Бирон (с женой) и временно инженер Билевич.

Теснота была большая. Кухней пользовались все без разбора, беспорядок был большой.

Продолжая украдкой навещать свою квартиру, В. А. Ширяева (которую в это время усиленно искала чрезвычайная следственная комиссия) ставила нас в очень тяжелое положение.

Она, например, упрашивала нас пустить переночевать ее в одну из двух нанятых нами комнат, в то время как по соседству были (за дверью) комиссары. Мы должны были скрывать ее присутствие и в то же время опять рисковать своей головой. Жалея ее, мы это делали иногда, и однажды, когда чрезвычайная комиссия нагрянула днем (около 11 ч. дня; комиссары были все на занятиях вне квартиры) для ее ареста (а она в эту ночь привела даже своего мужа ночевать), дело едва не кончилось катастрофой. Полураздетые, оба Ширяевых были спрятаны мною в уборной и когда члены «чрезвычайки» увлеклись обыском золотых вещей в комодах Ширяевой, мне удалось вынести им обоим теплые вещи и дать возможность бежать через парадную дверь, которую большевики почему-то не наблюдали.

Этот случай особенно был тягостен для меня потому, что после него моя жена заболела тяжелым нервным приступом, так как уже считала, что мы все с Ширяевыми попались и подлежим аресту и расстрелу.

Бог нас спас, однако не оценила этого случая только сама виновница этого переживания – В. А. Ширяева. Будучи жадной вообще и боясь комис-

саров, которые ее в сущности ограбили, увезя большую часть ее ценных вещей и костюмов (когда эвакуировались из Перми), она всю бессильную свою злобу излила на нас, которая выразилась в ее одной дикой выходке по отношению меня в то время, когда город заняли части Сибирской армии.

Она привела в квартиру коменданта городского участка с двумя вооруженными солдатами и, объявив, что мы были какими-то «подозрительными артистами», назвала нас большевиками. Офицер принял грозный тон, грозил меня арестовать, и когда я, отведя его в другую комнату, назвал себя настоящим именем и званием, то смущению офицера не было конца и он удалился, забрав свой конвой.

Госпоже В. А. Ширяевой (которая растерялась, увидя, что офицер смущенный удалился; она и до сего времени не знает, что я вообще офицер и притом Генерального штаба) я высказал всю неблаговидность ее поступка и заявил, что через несколько дней уезжаю в Екатеринбург и Омск. С ней разговаривать я больше не пожелал, и для расчетов за квартиру, дрова и др. расходы просил мне вызвать хозяина дома Щербаченко, которому и уплатил, что с меня следовало согласно с общими с Ширяевой уговорами, и взял от Щербаченко соответ[ствующую] расписку (при сем прилагается)[38].

Муж Ширяевой, оставшийся также в Перми (ему удалось спрятаться в последние дни падения города), настолько был смущен неуместной выходкой своей жены, что постеснялся явиться к себе на квартиру, пока мы не уехали.

Возможно, что проученная мною за свою выходку Ширяева затаила в душе неприязнь ко мне, и в этом отношении готова теперь на какую-нибудь инсинуацию, тем более, что злословием вообще она отличалась всегда и этим еще в Перми нам доставляла немало всяких мелких домашних неприятностей.

Живя невольно в одной квартире с названными выше комиссарами (Шпилевским и Бироном), из которых первый отличался чрезвычайной болтливостью и говорил положительно все, что делалось в штабе 3-й советской армии, и иногда слушая через дверь их разговоры между собой и с другими приходившими к ним в гости (для игры в карты) комиссарами, я очень хорошо изучал общую обстановку на фронтах армии большевиков и пополнял сведения из газет, легко представлял себе общую картину и на других фронтах Гражданской войны.

От Бирона я получил очень много данных о гибели царской фамилии, так как Бирон хвастался тем, что сам принимал участие в убиении Государя и находившихся при нем лиц.

Весь этот ценный материал я по прибытии в Омск изложил в особом секретном докладе чинам штаба Верховного главнокомандующего. По личному повелению Верховного правителя делал ему доклад по этим же вопросам[39], из которых Его Высокопр[евосходительст]во интересовала особенно судьба царской фамилии, дал подробнейшие показания с обрисовкой всех деталей моей жизни в Перми генералу Дидерихсу[40], и он мне указал на необходимость сообщения тех же фактов следователю Соколову[41],

который занят, под руководством ген[ерала] Дидерихса, сбором материалов по вопросу о судьбе царской фамилии.

В городе Перми, по занятии его частями Сибирской армии, я и подполк[овник] Матиков зарегистрировались у городского коменданта и по предложению последнего направились в штаб корпуса генерала Пепеляева для представления к[оманди]ру корпуса.

Принял нас нач[альни]к штаба корпуса ген[ерал] Сурнин[42] довольно холодно, на мое предложение ознакомить его с имеющимися у меня данными наблюдений он не ответил интересом.

Получив право на выезд в Омск, я в самых первых числах января уехал из Перми, получив самое широкое содействие со стороны железнодорожного коменданта ст. Пермь.

4). Мебель, дрова и продукты мною ни у кого не реквизировались – брали все самовольно комиссары, жившие в квартире, и значительная часть вещей Ширяевых была вывезена из квартиры и подвалов еще до падения Перми чинами чрезвычайной комиссии, которая вообще хотела забрать всю обстановку и не сделала этого только лишь потому, что мы протестовали, требуя оставить для нас все необходимое.

В соседнем доме Грибушина та же чрезвычайная комиссия вывезла богатый дом, сняв даже дверные ручки. В этом же районе большевиками были «обчищены» (по словам самих комиссаров) до последней табуретки около 18 квартир. В доме же Ширяева осталось сравнительно очень много вещей (мебели).

Дрова по условию мы должны были получать от хозяйки. То же, что лишнего было нами сожжено на свои нужды, я оплатил через хозяина дома Щербаченко, что видно из прилагаемой при сем расписки.

Расценка сажени дров была сделана самим Щербаченко и прислугой Ширяевой (Ольгой Михайловной Царьковой), которая очень строго соблюдала интересы хозяйки, и когда мы уезжали, то она проливала горькие слезы, благодаря нас за внимательное к ней и к хозяйскому добру отношение.

Прислуга сама нам говорила всегда, что В. А. Ширяева – женщина злая на язык и «никогда не помнит добра», и что от нее всегда можно ждать всяких неприятных и необоснованных выпадов.

Продуктов в доме почти не было, и теми небольшими остатками, кои были на попечении прислуги, пользовалась последняя, посылая часть из них на другую квартиру самой Ширяевой и родным ее мужа.

С ведома прислуги дома некоторые продукты брали комиссары, но это было, помню, очень редко.

Мы для себя доставали продукты из ближайших деревень, для чего подполк[овник] Матиков часто ездил с крестьянами в деревню Березняк.

В квартире Ширяевой, так как не было времени продавать, была оставлена обстановка подп[олковни]ка Матикова (кушетка, 6 стульев, письмен[ный] стол и платяной шкаф) на одну комнату. Судьба ее нам еще неизвестна, хотя была поручена для продажи прислуге (Царьковой) и попечению хозяина дома Щербаченко.

5). Выехали в Екатеринбург–Омск из Перми 1 января, то есть через 5–6 дней после занятия Перми сибирскими войсками.

Со мной выехали: жена, пасынок кадет VI класса, подполковник Матиков с женой и его брат-студент, бывший доброволец в ударном батальоне, которым командовал подполковник Матиков[*43].

В Перми никто не оставался.

Приложение:

1) 2 удостоверения Петроградского отдела Всер[оссийского] проф[ессионального] союза артистов сцены и арены за № 324 и 345.

и 2) расписка от 1 января 1919 года на мое имя от Н. В. Шербаченко.

Показание писал собственноручно
Генерального штаба
полковник Г. И. Клерже *(подпись)*

8 мая 1919 г
Генер[ал-]майор Шулькевич *(подпись)*
Омск.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 65–70 об., 75. Подлинник, рукопись. Автограф Г. И. Клерже.

Документ № 19

Удостоверение Г. И. Клерже (артиста Светланова), выданное Петроградским отделом Всероссийского профсоюза артистов сцены и арены. 1 августа 1918 г.

<table>
<tr><td rowspan="2">Коллегия секции «Профессэтика»</td><td>Петроградский отдел
Всероссийского профессионального союза.
АРТИСТОВ СЦЕНЫ и АРЕНЫ.
Коллегия секции «ПРОФЕССЭТИКА»
№ 345</td><td>Петроград 1 августа 1918 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ</td></tr>
<tr><td colspan="2">Предъявитель сего член секции «ПРОФЕССЭТИКА»
Артист Клерже (Светланов)
Жанра певец
(Круглая печать: Всероссийск. профессион.
Член коллегии (подпись)
союз артист. сцены и арены: Петр. отд.).
Секретарь (подпись)</td></tr>
</table>

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 72. – Подлинник. Печатный бланк, рукописные записи).

[*] Отец Матиковых – священник, военный (был на фронтах и в Сибири), хорошо известный командиру корпуса ген[ералу] кн[язю] Голицину, который знает и Самсона Матикова.

Документ № 20

Членский билет Всероссийского профсоюза артистов сцены и арены, выданный Г. И. Клерже. 1918 г.

Всероссийский профессиональный союз артистов сцены и арены
(Бывший Р.О.А.В. и Ц. №……..).

Петроградский отдел	(Круглая печать: Всероссийск. профессион. союз артист. сцены и арены. Петр. отд.).

Членский билет № 973
По регистрации секции № 345
Фамилия Клерже……
Имя Георгий……..
Отчество Иосифович……..
Псевдоним Светланов……..
Лета ……..46……..
Жанр певец……
Билет действителен по 31 марта 1919 г.
Председатель Г. Костанди (подпись)
Казначей Немиров (подпись)

«Похоронная касса»

Апрель	Май	Июнь	Июль
Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Декабрь	Январь	Февраль	Март

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 73. Подлинник. Печатный бланк, рукописные записи).

Документ № 21

Удостоверение, выданное Г. И. Клерже на выезд в г. Пермь от Петроградского отдела Всероссийского профсоюза артистов сцены и арены. 3 июля 1918 г. Запись о регистрации Г. И. Клерже в советской милиции г. Перми. 23 августа 1918 г.

Петроградский отдел
Всероссийского профессионального союза
артистов сцены и арены
31/VII дня 1918 г.
№ 324
Петроград.

Родился 7 апреля 1872 г.
46 лет.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Дано сие члену Всероссийского профессионального союза артистов сцены и арены артисту Георгию Иосифовичу Клерже (Светланов) в том, что ему необходимо выехать в г. Пермь для выполнения подписанного им договора с 3 августа по 25 октября и вернуться обратно в Петроград.

Круглая печать: Всероссийск. профессион. союз артист. сцены и арены. Петр. отд.

Председатель Г. Костанди *(подпись)*

Секретарь *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 74, 74 об. Подлинник. Машинопись, рукописные записи).

Документ № 22

Вопросы, заданные Центральной следственной комиссией Военного министерства Г. И. Клерже во время его третьего допроса. 10 мая 1919 г.

[III.].

Прошу дополнить показания следующим вопросом:

Когда именно (месяц) приехал[и] на квартиру Шкляевой[43] Бирон и Шпилевский, а также в каких отношениях были Вы и лица, жившие вместе с Вами (подп[олковник] Матико и др.) с Бироном и Шпилевским (бывали ли у них, вели ли разговоры, посещали ли вместе общественные собрания и пр.). Или же знакомство было вынужденное, как живущих в одной общей квартире.

Когда Вами было обнаружено, что Бирон, Шпилевский принадлежали к большевикам?

Не давал ли повод подп[олковник] Матико считать его сочувствующим большевикам, даже шпионом в пользу последних.

Генер[ал]-майор Шулькевич *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 77. Рукопись. Автограф В. Л. Шулькевича.

Документ № 23

Ответы Г. И. Клерже на вопросы Центральной следственной комиссии Военного министерства во время его третьего допроса. 10 мая 1919 г.

III

Отвечаю по вопросам:

1). а). Шпилевский – въехал на квартиру в конце октября 1918 г.

Бирон – в конце ноября 1918 г.

б) Знакомство с Бироном и Шпилевским было чисто вынужденное в силу того, что жили все в одной квартире (по мандатам). Никаких посещений вместе с указанными лицами вне дома не происходило ни со мной, ни с лицами моей семьи и подполковника Матикова.

Разговоры бывали самого обыкновенного житейского характера, которых фактически, дабы не быть самим нам на подозрении у них, избежать ни в коем случае было невозможно.

Кухня, прислуга в квартире, оставшейся в это время (вторая половина октября месяца по 15–20 декабря, то есть до эвакуации большевиков из Перми) без хозяйки В. А. Ширяевой, была общей. Это особенно ставило нас в неприятное положение, так как Бирон и Шпилевский для пользования кухней все время ходили через столовую, бывшую проходной

комнатой и находящейся в моем распоряжении. Другой, более удобной группировки комнат, где бы можно было избежать непосредственного столкновения и разговоров с ними, в этой же самой квартире принять нельзя было.

Вообще же, резко подчеркивать отчужденность нам не приходилось, так как это неминуемо повлекло бы к доносу со стороны Шпилевского и Бирона в чрезвычайную комиссию и следствием сего несомненно явился бы наш немедленный арест.

2). Это было ясно при первом их появлении, так как они громогласно всем распоряжались, к[а]к комиссары штаба 3-й советской армии.

3). Никакого повода не давал, так как я сам за этим зорко следил, вообще строго наблюдал, чтобы с нашей стороны не было каких-либо тактических ошибок. Но это доставалось большим трудом, стоило очень сильных нервных потрясений.

В результате таковых, по прибытии в Омск я был очень серьезно болен в нервном отношении и специально принужден был пройти курс холодных обтираний.

10 мая 1919 г.
г. Омск.

Генерального штаба
полковник Г. Клерже *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 80. Подлинник, рукопись. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 24

Запрос председателя Центральной следственной комиссии Военного министерства в контрразведку Ставки Верховного главнокомандующего о И. И. Матикошвили. 2 июня 1919 г.

Секретно
Начальнику контрразведки при Ставке
Верховного главнокомандующего

Центральная следственная комиссия при военном министре
2 июня 1919 г. № 37.
г. Омск

Прошу сообщить, не имеется ли в вашем распоряжении каких-либо сведений о подполковнике Матико, а именно:

1) о его политической благонадежности;

2) чем он занимался по приезде из Перми в Омске и чем ныне занимается;

3) не имеется ли каких-либо данных о принадлежности его в бытность в Перми к большевикам;

4) не было ли оснований считать его или кого-нибудь из его близких за большевических шпионов;

5) и другие имеющиеся сведения.

Председатель комиссии
генерал-лейтенант Катанаев[44].

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр Хомутов.

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 89. Отпуск. Машинопись).

Документ № 25

Ответ начальника контрразведки и Военного контроля на запрос председателя Центральной следственной комиссии о И. И. Матикошвили. 13 июня 1919 г.

Начальник
Отдела контрразведки
и Военного контроля при
штабе верховного
главнокомандующего

Председателю Центральной следственной комиссии при Военном министерстве.

13 июня 1919 г.
№ 26066
г. Омск.

Вх. № 19.
16/VI.

На сношение Ваше от 2 сего июня за № 37 сообщаю, что подполковник Иосиф Ильич МАТИКО в г. Омск прибыл из г. Ново-Николаевска, проживал здесь в гостинице ЕГОРОВА, по Грязной ул. в д. № 12 по удостоверению начальника гарнизона гор. Ново-Николаевска от 9 мая с. г. за № ……[45], выбыл обратно в Ново-Николаевск 14 мая с. г. О названном МАТИКО во вверенном мне отделе военной контрразведки и Военного контроля компрометирующих его политическую благонадежность сведений не имеется.

Полковник *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 49–49 об. Незаверенная копия на бланке отдела контрразведки и Военного контроля. Машинопись).

Документ № 26

Протокол допроса свидетелей В. Н. Шиляева и Н. В. Щербаченко Военным контролем г. Перми по запросу Центральной следственной комиссии Военного министерства. 3 июня 1919 г.

Протокол допроса

1919 года, июня 3 дня в г. Перми следователь военно-следственной комиссии при Военном контроле г. Перми и его уезда подпоручик Русских допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 490, 493, 494 и 501 ст[атей] В.С.У[46], причем допрашиваемый ПОКАЗАЛ:

Владимир Николаевич Шиляев (а не Владимир Александрович Ширяев), гр. города Перми, 35 лет, православный, женат, детей не имеют, грамотный, не судился, Клерже посторонний, проживают в г. Перми, Пермская 57, раньше проживал по Оханской 29.

13 июня 1918 года я принужден был из Перми скрыться и проживал на лугах около дачной местности «Нижние Курьи». Изредка я посещал Пермь. В конце июля того же года в моей квартире занял две комнаты артист Светланов, имени и отчества какового я точно не помню. Светланов поселился вместе с[о] своей женой, дочерью и Матаковым (он же Матокошвилли), последний вскоре поженился на дочери Светланова. Во время проживания в моей квартире Светланов дважды ездил в Петроград, где, по заявлению Светланова, была какая-то комиссионная торговля. Чем именно торговал Светланов в Петрограде, мне неизвестно. Однажды Светланов, он же Клерже, как он стал именовать себя после первой поездки в Петроград, предложил мне вступить в пайщики в его торговое дело, потребовав сначала 15 тыс. рублей, а потом 65 тыс. рублей. На мой же вопрос, чем собственно торгует Клерже, последний заявил: когда Вы внесете пай, тогда только я могу Вам сказать, что у меня за торговля.

Виделся я с Клерже всего лишь раз пять–есть, когда я приходил в Пермь. О том, что я скрывался от большевиков, Клерже было известно и он относился ко мне очень сочувственно. Так однажды, находясь в Перми, явились ко мне на квартиру два агента из «чрезвычайки». Узнав о приходе агентов, я вместе с женой вышел в коридор, а Клерже повел беседу с пришедшими. Узнав от агентов о намерении меня арестовать, Клерже бросил в коридор мое верхнее платье и помог мне из квартиры бежать. По моему убеждению, Клерже не большевик, а большой аферист. От многих я слыхал, что Клерже занимался спекуляцией платья и платины вместе с Матаковым-Матокошвилли, какового я считал за шпиона, так как он постоянно имел дело с какими-то картами. Почему Клерже не бежал вместе с Бироном и другими большевиками, мне не известно, так как я знал Клерже очень мало и виделся с ним, как я уже заметил, всего лишь раз шесть. Чарльсона я совершенно не знаю. Падения Перми жители ожидали давно, но все-таки оно было неожиданным. В моей квартире несколько

раз были производимы большевиками обыски, во время которых были похищены многие мои ценные вещи, а также вещи моей жены, но все-таки уверен, что часть вещей была похищена и самим Клерже. Так, после взятия Перми сибирскими войсками, когда Клерже поселился в квартире Лощинского, я был в этой квартире и нашел в комнате Клерже мою леопардовую шкуру. Во времена большевизма Клерже жил довольно-таки широко и своим образом жизни указывал на то, что он имеет большие денежные средства. Мне совершенно было неизвестно, что Светланов-Клерже в действительности русский офицер. До прибытия на мою квартиру Бирона и Шпилевского к Клерже приезжали из Петрограда какие-то личности армянского типа, совершенно не нуждавшиеся в деньгах, и казались мне очень подозрительными, так как жили широко, а между тем ничем не занимались. Эти же личности бывали и при Бироне и Шпилевском, но бывали не у Бирона и Шпилевского, а у Клерже. По уходе из Перми большевиков моя жена жаловалась на Клерже офицеру Губанову. Последний приходил к Клерже, посмотрел его документы и тем дело кончилось. Я предполагаю, что Клерже взял у меня часть платья и посуды. Живя у Лощинских, как об этом мне передавала соседка Лощинского, Клерже выдавал себя за полковника французской армии. Прочитано.

Владимир Николаевич Шиляев *(подпись)*

Следователь подпоручик Русских *(подпись)*

Николай Васильевич Щербаченко,
гр. Астраханской губ., Царевского
уезда, Быковской волости и села,
49 лет, православный, грамотный,
не судился, Клерже посторонний,
проживаю в г. Перми, Оханская, 29.

Матико и Чарльсон я не знаю совершенно. Знаю я Матакова, который жил в квартире Шиляевых вместе с Клерже. Я не замечал, чтобы Матаков был шпионом. Никаких фактов и свидетелей деятельности Матакова я указать не могу. Клерже жил по большевистскому времени очень широко, но сколько он проживал в месяц, я определить не могу, причем Клерже одинаково широко жил как по приезде в Пермь, так и при совместном квартировании с Бироном и Шпилевским. Каковы были отношения Шиляевых с Клерже, мне не известно. Что Клерже большевик, об этом Шиляевы утвердительно мне не говорили. Никаких свидетелей, могущих подтвердить, что Клерже большевик, спекулянт и аферист, я указать не могу. Я не помню, чтобы Шиляевы мне говорили, что Клерже сам приглашал большевиков производить обыски у Шиляевых, и что Клерже сам принимал участие в этих обысках. К кому именно: к Бирону, к Шпилевскому или к Клерже приезжали подозрительные личности,

я указать не могу. Почему Бирон и Шпилевский ютились в комнатах, мне не известно, и я не знаю, имели ли они квартиры в городе. В каких именно отношениях был Клерже с Бироном и Шпилевским, мне совершенно не известно. Сказать утвердительно, что Клерже занимался торговлей, я не могу.

Квартиру Шиляевых я не посещал. Слышал, что Клерже снабдил Шиляеву подложным паспортом за деньги, но за какую сумму, мне не известно. Я не слыхал, чтобы Клерже присвоил себе вещи Шиляевых.

Николай Щербаченко *(подпись)*

Следователь подпор[учик] Русских *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 157–159 об. Подлинник, рукопись следователя. Автографы подписавших лиц).

Документ № 27

Протокол допроса свидетелей О. М. Царьковой и В. А. Шиляевой Военным контролем г. Перми по запросу Центральной следственной комиссии Военного министерства. 5 июня 1919 г.

Протокол допроса

1919 года, июня 5 дня в г. Перми следователь военно-следственной комиссии при Военном контроле г. Перми и его уезда подпоручик Русских допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 490, 493, 494 и 501 ст. ВСУ, причем допрашиваемые показали:

Ольга Михайловна Царькова, гр. Владимирской губ., Меленковского уезда, Крюковской волости и села, 34 лет, православная, неграмотная, не судилась, Клерже посторонняя, проживаю в г. Перми по Пермской ул. д. № 57, ранее проживала по Оханской ул. д. № 29.

Мне совершенно не известно, приезжал ли кто-либо в квартиру Шиляевых на автомобилях, так как парадный ход я никогда не отворяла. С черного же хода ходил к Клерже и Матокошвилли какой-то грузин Абдаладзе. Кроме же последнего я никогда никого в квартире Шиляевых не видала. Абдаладзе бывал у Клерже и ранее переселения в квартиру Шиляевых Бирона и Шпилевского. Мне известно, что с обысками агенты «чрезвычайки» были дважды. Первый раз были до приезда в квартиру Бирона и Шпилевского, причем агенты посмотрели документы у Клерже и Матакошвилли и ушли. Вторично обыск был после отъезда из квартиры Бирона и Шпилевского. При последнем обыске присутствовали: Клерже, его зять Матакошвилли, жена Клерже. При этом обыске присутствовала и я в качестве понятой. Большевики обыскивали шкафы, комоды и взяли с собой много платья, белья, восемь золотых вещей, из коих я видела часы хозяина Владимира Николаевича и часы хозяйки. После обыска хозяйка мне говорила, что у нее пропали: обручальное кольцо, цепь золотая и говорила, что не восемь вещей у нее было взято, а много

больше, но сколько именно и какие вещи, она мне не говорила. Взял ли Клерже у Шиляевой какие-либо вещи, мне не известно. Я совершенно не знаю, чтобы Клерже чем-либо торговал или спекулировал. Правда, Клерже получал от крестьян продукты в обмен на мануфактуру. Я не замечала, чтобы Щербаченко бывал в квартире Шиляевых у Клерже, Бирона и Шпилевского и проводил бы с ними время. Прочитано. Зачеркнуто: «Клерже». Неграмотная.

Следователь подпор[учик] Русских *(подпись).*

Варвара Александровна Шиляева (а не Ширяева), гр. гор. Перми, 28 лет, православная, не судилась, Клерже посторонняя, проживаю в г. Перми, Пермская 57, ранее проживала по Оханской 29.

В то время, когда у меня производился обыск, присутствовал при обыске Клерже. При обыске у меня были похищены разные золотые вещи, носимое платье и белье. В силу того, что Клерже присутствовал при обыске и не взял от агентов «чрезвычайки» никакого документа об обыскании вещей, я пришла к заключению, что часть моих вещей была похищена самим Клерже, но утвердительно об этом я сказать не могу, а также не могу сказать, какие именно вещи были взяты Клерже. Никакого протеста по этому поводу я Клерже не заявляла. Когда Клерже жил в квартире один, то есть до переезда в квартиру Бирона и Шпилевского, я в квартире не бывала, а потому не могу сказать, бывал ли кто у Клерже. Когда же переехал на квартиру Шпилевский, то я встречала каких-то подозрительных лиц, но кто именно бывал, я не знаю. Бывали эти лица у Клерже, а не у Бирона и Шпилевского. Бывал ли у Клерже кто-либо из чинов штаба Красной армии, мне не известно. Клерже был очень дружен со Шпилевским, и я не допускаю мысли, чтобы Клерже обманывал Шпилевского, выдавая себя за большевика. Сама же я не была уверена, что Клерже большевик, но не была уверена и в том, что Клерже не большевик. Я просто считала его за афериста и не допускала мысли, чтобы он мог быть офицером. Я не знаю хорошо, был ли Бирон человек доверчивый и поддающийся обману, но про Шпилевского я могу сказать, что он человек умный и обмануть его вряд ли возможно. За месяц до прихода в Пермь сибирских войск, когда точно, я не знаю, я и мой муж были в своей квартире. Это было днем часов в двенадцать. В дверь раздался стук. Прислуга спросила, кто идет, и получив ответ: «Из чрезвычайки», сказала: «Я сейчас привяжу собаку», а сама сообщила о приходе агентов «чрезвычайки» нам. Я и муж прошли в другую комнату, а затем в уборную, куда Клерже принес верхнее платье для меня и мужа и мы благополучно из квартиры вышли. Были ли у меня обыски, я сказать затрудняюсь, но меня и мужа часто спрашивали агенты «чрезвычайки», но никогда нас дома не заставали и в один прекрасный день забрали все наши вещи. В комнатах Клерже обысков совершенно не производилось. Никаких свидетелей,

которые бы подтвердили, что Клерже большевик и что он похитил мои вещи, я указать не могу. Дружба Клерже с Бироном и Шпилевским выражалась, между прочим, в том, что Бирон и Шпилевский способствовали Клерже в поездках в Петроград, так, Шпилевский предоставлял Клерже свой вагон. По моему мнению, Клерже проживал в месяц по несколько тысяч рублей. Фамилию Чарльсон я не слыхала. Падчерица же Клерже носила фамилию Вильямс. Я предполагала, что Матакошвилли шпион, но никаких данных к тому я не знала. После взятия Перми я на Клерже никому не жаловалась, а лишь обратилась к коменданту осмотреть квартиру, чтобы выяснить, не осталось ли оружия после скрывшихся большевиков – Бирона и Шпилевского. Почему Клерже остался в Перми, не поехал с Бироном и Шпилевским, я не знаю, но я думаю, что Клерже не уехал потому, что не успел, так как Пермь была взята неожиданно.

Прочитано. Зачеркнуто: «взятых агентами», «не». Вписано: «штаба».
В. А. Шиляева *(подпись).*

Следователь подпор[учик] Русских *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 160 об. – 162. Подлинник, рукопись следователя. Автографы подписавших лиц).

Документ № 28

Письмо Центральной следственной комиссии Военного министерства начальнику Военного контроля г. Перми об уточнении компрометирующих сведений о Г. И. Клерже и И. И. Матикошвили. 18 июня 1919 г.

Центральная следственная комиссия при военном министре
18 июня 1919 г.

Секретно
Начальнику Военного контроля г. Перми
№ 78. гор. Омск

Прошу опросом Щербаченко и Шиляевой точно выяснить, кто именно Щербаченко предлагал выдать паспорт Грузинской республики – полковник Клерже или Матико, а Шиляевой, кто именно вручил ей паспорт Грузинской республики и кому она отдала в руки деньги и сколько.

Член комиссии генерал-майор Шулькевич

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 95. Отпуск. Машинопись).

Документ № 29

Письмо полковника Д. Н. Мясоедова с ответами на вопросы Центральной следственной комиссии Военного министерства. 10 июня 1919 г.

10 июня [1919 г.] Секретно
№ 3. Председателю следственной комиссии при военном министре.
На № 38. К делу п[олковни]ка Клерже.
В № 17

Я, начальник 1-х Томских Военно-училищных курсов полковник Мясоедов, в отношении Вашем за № 38 названный Масловым. 10 марта 1919 г. я прибыл во Владивосток из Персии, где пребывал в Тегеране январь, февраль, март и по 22 апреля 1918 года. После ухода из пределов Курдистана вверенного мне 36-го Туркестанского стрелкового полка в советскую Россию я остался в Тегеране, ожидая результат переписки о разрешении моего выезда во Владивосток через Индию за счет британского правительства.

В Тегеране, будучи не у дел, я проводил время в обществе членов русской и иностранных миссий. Полковника Клерже ранее не знал и в Тегеране был у него с визитом вскоре после его приезда. Полковник Клерже у меня не был и на этом наше знакомство и оборвалось. О громкой истории его, так сказать, низвержения с поста начальника Персидской казачьей дивизии знаю по городским слухам, разнообразно и тенденциозно освещаемым, тем не менее вследствие Вашего отношения за № 38 попытаюсь изложить свои личные впечатления и взглянуть на затронутый Вами вопрос.

1). Было ли какое-либо неудовольствие против полковника Клерже среди персидских казаков – мне неизвестно. Положение же русских инструкторов (подпрапорщиков), поскольку мне известно, с приездом полковника Клерже улучшилось и потому едва ли среди них неудовольствия могли иметь место.

В среде же офицеров было явное неудовольст[вие] против прибывшего нового начальника дивизии: я слышал весьма нелестные разговоры о полковнике Клерже от начальника штаба той же дивизии Генерального штаба полковника ФИЛИППОВА, начальника Хамаданского отряда той же дивизии полковника ФИЛАРЕТОВА и его адъютанта ротмистра ТКАЧЕНКО.

В[о] всегда гостеприимном доме последнего почти ежедневно собирались офицеры и, бывая там изредка, я слышал не скрываемые ими неудовольствия по отношению к новому начальнику дивизии.

Все неудовольствия сводились к следующему:

1). Полковник Клерже самолично увеличил содержание инструкторам за счет офицеров и объяснялось это, по общему мнению, исканием популярности.

2). Полковник Клерже усилил значение комитетов, сформированных до его прибытия, которые, по словам офицеров, начинали оказывать вредное действие на туземные элементы.

3). Офицеры выражали неудовольствие по поводу общего тона и направления в дивизии, даваемого новым начальником. Особенно чувствовался этот новый тон после ухода его предшественника – твердого по своим убеждениям генерала барона Майдель. Посланник наш в Тегеране фон Эттер относился к полковнику Клерже несомненно отрицательно, благодаря быстро создавшейся в Тегеране неблагоприятной служебно-политической репутации полковника Клерже и отрицательного отношения миссийского общества, которому полковник Клерже, видимо, и не считал нужным нравиться. Был ли посланник против назначения полковника Клерже, мне неизвестно, но сколько помню, в Тегеране узнали по телеграфу (от Главного управления Генерального штаба) о совершившемся факте назначения полковника Клерже [с] отрешением барона МАЙДЕЛЬ без объяснения причин.

С полковником Клерже в Тегеран приехала барышня, которую называли его падчерицей.

В заключение позволю себе высказать свой личный взгляд: в первое и единственное мое свидание в Тегеране с полковником Клерже я вынес впечатление, что положению и деятельности полковника Клерже дают весьма неблагоприятное освещение не столько он сам, сколько следующие обстоятельства:

1). Адъютантом при нем состоял некий поручик РИГАНА – офицер новой формации в духе Керенского, из чиновников русского банка в Тегеране, куда и возвратился с уходом полковника Клерже. Еврейски развязный, навязчивый и крикливый, он подавлял личность своего начальника – на мой взгляд, вовсе не застенчивого характера. Этот поручик, по-моему, и внес, главным образом, демократический элемент в дивизию.

2). Числившийся при русской миссии полковник ЗАХАРЧЕНКО, проникнутый насквозь политиканством и современным карьеризмом, якшавшийся с известным в Тегеране лидером Персидской демократической партии ЗАГРАБ-ЗАДЕ, пронырливый и болтливый, он не скрывал, что надеется с помощью персидских демократов возвести на пост военного министра какого-то перса и с его помощью получить высокое назначение – реорганизатора Персидской армии на новых демократических началах.

Полковник Захарченко, неумеренно хвастливый, говорил, что Персидская дивизия «сыграет в этом деле важную роль» и что новый ее начальник полковник Клерже «светлая личность, с которым и говорить и дело делать можно, – не то, что барон МАЙДЕЛЬ, которого вовремя сдали в архив». Естественно, что подобные громкие разговоры в период обнаружившегося большевизма в Казвине (в 160 верстах от Тегерана) создали некоторую тревогу в обществе, тем более, что в Тегеране не дремавшая демократическая партия с вышеупомянутым Заграб-Заде во главе уст-

раивала митинги и торжественные персидские противоправительственные манифестации. Одновременно с сим полковник ЗАХАРЧЕНКО повел клеветническую кампанию против наиболее устойчивых и видных элементов* дивизии, дабы устранить, по его мнению, их трение с новым демократическим течением, для него весьма приятным; эта интрига была мною открыта и своевременно разоблачена.

Имел основание или нет полковник Захарченко надеяться в своих честолюбивых замыслах на полковника Клерже – не знаю.

На мой взгляд, полковник Клерже производил впечатление некоторой растерянности в упоении непривычного, исключительно хорошего во всех отношениях положения – начальника Персидской казачьей дивизии – и создавшегося политического водоворота, но факт испорченной репутации явился фактом и причиной неожиданного низвержения, ошеломившего главных политических деятелей**, которые своею растерянностью в те дни подтвердили основательность подозрений тегеранского общества с посланником во главе.

Полковник Мясоедов *(подпись).*

Адъютант курсов
капитан Николаевский *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–18 об. Подлинник, машинопись. Примечания в тексте письма и подпись: автограф Д. Н. Мясоедова).

Документ № 30

Ответ штаба Верховного главнокомандующего Центральной следственной комиссии Военного министерства о полномочиях Г. И. Клерже как начальника Осведомительного отдела при штабе Верховного главнокомандующего. 27 июня 1919 г.

ДЕЖУРНЫЙ ГЕНЕРАЛ
Штаба ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
26 июня 1919 года
№ 172
г. Омск
В № 44
27/VI 19 г.

Председателю Центральной следственной комиссии при военном министре

В ответ на сношение Ваше от 20 сего июня за № 86 сообщаю, что начальнику Осведомительного отдела Управления 2-го генерал-квар-

* Полковник Старосельский и полковник Филиппов.
** Поручик Ригана и полковник Захарченко.

тирмейстера при ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ подчинены следующие отделения: осведомительного бюро: 1-е по сбору и обработке сведений и 2-е по составлению и отправке информации; подотдела печати: 1-е – печати, 2-е – художественное и 3-е – издательское и подотдела технического: 1-е – хозяйственное и 2-е – экспедиционное.

Что же касается контрразведки, то таковая начальнику вышеназванного Отдела не подчинена.

Резолюция: 27 июня / К сведению. Г. К.[47]

И. д. дежурного генерала, полковник Кондрашев *(подпись)*
Начальник Общего отдела, полковник *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 99. Подлинник, машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 31

Сопроводительное письмо в Центральную следственную комиссию Военного министерства 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего П. Ф. Рябикова, приложенное к копии письма И. И. Матикошвили Г. И. Клерже. Июль 1919 г.

2-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем
В[есьма] спешно.

Председателю следственной
комиссии генерал-лейтенанту
Катанаеву
Канцелярия
… июля 1919
№ 20253
г. Омск

Сообщаю прилагаемое письмо, полученное мною от полковника Клерже, как документ, могущий служить материалом по делу полковника Клерже.

Генерального штаба
генерал-майор П. Рябиков *(подпись).*

Вр. и. д. начальника канцелярии,
коллежский асессор Голохватов *(подпись).*
Резолюция: Ген[ера]лу Шулькевичу. Г. К.[48]

(ГАРФ. Ф. Р–188. Оп. 1. Д. 3. Л. 105. Подлинник, машинопись на бланке 2-го генерал-квартирмейстера. Автографы подписавших лиц).

Документ № 32

Копия письма И. И. Матикошвили Г. И. Клерже. 9 июля 1919 г.

19 июля [1919 г.][49]

Копия
В[есьма] срочно.

Многоуважаемый Георгий Иосифович,

7 июля с. г. на омском вокзале неожиданно я встретил чету Шиляевых. Зная кое-что о их показаниях в г. Перми относительно Вашего «большевизма», я невольно после обычного приветствия упрекнул г. Шиляева в том, что последний, будучи обязанным Вам своим существованием, возвел на Вас заведомо ложное свидетельство.

Г-н Шиляев, взволнованный и растроганный моими словами, возразил мне следующее (постараюсь привести его собственные слова):

«Иосиф Ильич, меня удивляет многое из того, что Вы сейчас сообщили. О многом я знал, но не в силах был противодействовать власти. Вы говорите, что я предъявил счет на вывезенные вещи Георгию Иосифовичу. Это – ложь. Меня просили сделать опись вывезенного большевиками имущества и сказали, что постараются его разыскать или взыскать за них с большевиков.

Я даже не имел представления, что этот счет может быть представлен Георгию Иосифовичу. Что касается причастности его большевизму, то да… Меня позвали в контрразведку и спросили: что я знаю по этому поводу о г. Клерже.

Когда я начал говорить, что г. Клерже спас мне жизнь от большевиков и что сам, конечно, не мог быть большевиком, офицер, производящий следствие, крикнул: «Об этом Вас не спрашивают. Отвечайте только на мои вопросы».

В этот момент в разговор вмешалась г-жа Шиляева и, не смотря мне в глаза, сказала: «Мы говорили одно, они писали другое».

Когда же я заметил: «Наверное, показания подписаны Вами», г-жа Шиляева возразила: «Да, я подписала, сама не знала что. Мое показание мне не читали, а подписать заставили».

Я удивился и перебил ее словами: «Кто же мог заставить подписать Вас то, чего Вы не хотели?» Г-жа Шиляева ответила: «Иосиф Ильич! Это было при такой ужасной обстановке… Вы представить себе не можете… Да, вот хотя бы Михайловна… Ей угрожали револьвером, на нее кричали, что она не хочет выдавать г-на Клерже потому, что она сама большевичка и т. д. Понимаете, что это был кошмар…»

Желая проверить, насколько их разговор имел ценность как показание, как материал для следствия, я заявил г-ну Шиляеву: «Дело еще не кончено. Будет суд. Неужели Вы и там будете доказывать, что показания, которые Вы подписали, не Ваши».

Г-н Шиляев мне ответил: «Я ничего не боюсь. Я везде буду показывать правду. Я всегда скажу: «Никакого большевизма ни в Георгии Иосифовиче, ни в ком бы то ни было из вас я не видел. Счетов Георгию Иосифовичу я не предъявлял».

Говорили мы еще о многом, мало относящемся к делу. Во время этого разговора мне удалось установить, что чета Шиляевых направляется в г. Владивосток, а может быть и дальше.

Считая изложенное весьма важным, я прошу Вас принять меры к немедленному допросу Шиляевых, так как они могут уехать за границу. Тем более, насколько мне известно, г-н Шиляев должен был быть призван в солдаты.

Остаюсь уважающий Вас И. И. Матиков.
9 июля 1919 г.
г. Омск

С подлинным верно:

За начальника канцелярии коллежский асессор *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 106–106 об. Заверенная копия, машинопись).

Документ № 33

Ответ Ставки Верховного главнокомандующего на запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства о должности И. И. Матикошвили. 21 июля 1919 г.

Дежурный генерал при
Верховном главнокомандующем
Инспект[орский] отдел
21 июля 1919г. № 69724/605
$^{3}/_{VIII}$ г. Омск
На № 87
Вх. 4 августа

Секретно

Председателю Центральной
следственной комиссии
при военном министре

Подполковник Иосиф Ильич МАТИКОВ занимает должность начальника осведомительной канцелярии штаба Западной армии.

И. д. дежурного генерала
полковник Кондрашев *(подпись)*

И. д. начальника отдела
полковник (подпись неразборчива)

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 138. Подлинник, машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 34

Письмо Центральной следственной комиссии Военного министерства в департамент милиции Министерства внутренних дел с просьбой о поиске свидетелей-беженцев В. Н. и В. А. Шиляевых. 23 июля 1919 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
следственная комиссия при военном министре

23 июля 1919 г. № 180
гор. Омск

Секретно

В департамент милиции Министерства внутренних дел

Для комиссии крайне необходимо возможно скорее опросить граждан г. Перми Владимира Николаевича Шиляева и его жену Варвару Александровну Шиляеву (по слухам, имевших в г. Перми писчебумажный магазин) и проживавших в доме Щербаченко по Оханской улице.

Комиссии известно, что упомянутые лица были проездом из Перми в гор. Омске 7 сего июля и направились по железной дороге на восток – к г. Владивостоку, а может быть и дальше.

Ввиду серьезности дела комиссия покорнейше просит не отказать сделать распоряжение о наведении справки: не остановились ли Шиляевы на жительство в одном из попутных городов к Владивостоку и в случае обнаружения этого сообщить комиссии, предупредив их, что они крайне необходимы как свидетели по имеющемуся в комиссии делу.

Член комиссии генерал-майор

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 116–116 об. Незаверенная копия, машинопись).

Документ № 35

Запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства в адресный стол г. Омска о возможном проживании в городе В. Н. и В. А. Шиляевых, Н. В. Щербаченко, О. М. Царьковой, И. И. Матикошвили, Т. Ч. Вильямс и Н. И. Матикошвили. 23 июля 1919 г.

Центральная следственная комиссия при военном министре

23 июля 1919 г. № 177 Секретно
гор. Омск В адресный стол г. Омска

Прошу [в] возможно непродолжительном времени сообщить, не проживают ли в г. Омске: 1) беженцы г. Перми купец Владимир Николаевич Шиляев и его жена Варвара Александровна Шиляева. 2) Николай Васильевич Щербаченко. 3) Ольга Михайловна Царькова. 4) Иосиф Ильич Матико

с женою Татьяной Чарльсовной (фамилия девичья Вильямс). 5) Артист Лаури Матикошвили Никифор Ильич.

Член комиссии
генерал-майор

И. д. делопроизводителя
штабс-ротмистр

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 117. Незаверенная копия, машинопись).

Документ № 36

Телеграмма Центральной следственной комиссии Военного министерства коменданту станции Пограничная об опросе свидетелей В. Н. и В. А. Шиляевых в случае пересечения ими границ России. 26 июля 1919 г.

Военная.
Коменданту станции Пограничная

При предъявлении паспортов проезжающим[и] прошу опросить беженцев из Перми супругов Шиляевых [:] встречались ли они [на] вокзале [в] Омске 7-го июля с Матико–Лурье, отказывались ли от своих прежних показаний по обвинению полковника Клерже, угрожали ли им револьвером производившие опрос.

Краткий ответ телеграфируйте [в] Омск председ[ателю] Центр[альной] следст[венной] комиссии при Военмине.

Подробности показаний и адрес Шиляевых сообщите почтой. $^{26}/_{VII}$ [1919 г.]. № 186

П. п. председатель ген[ерал]-лейт[енант] Катанаев.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 133. Отпуск, машинопись).

Документ № 37

Запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства в Главный штаб Военного министерства о командировке в Китай двух офицеров с документами за подписью Г. И. Клерже. 13 июня 1919 г.

Центральная следственная комиссия при военном министре

Секретно

13 июня 1919 г.
№ 63 с
Гор. Омск.

Дежурному генералу Главного штаба

Прошу Ваше Превосходительство сообщить, были ли командированы Главным штабом с предписанием за подписями полковника Клерже

в Японию и вообще на Дальний Восток два обер-офицера и выдавалась ли им очень крупная сумма денег, и если командировались, то по какому поводу.

Член комиссии
генерал-майор Шулькевич *(подпись).*

И. д. делопроизводителя
штабс-ротмистрХомутов *(подпись).*

Резолюция: Секретно. Контр[разведка] Гл[авного] шт[аба]. 13.06.19 [г.]. По дежурству не проходили бумаги за подписью п[олковни]ка Клерже.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 12. Подлинник, машинопись. Автограф подписавших лиц).

Документ № 38

Запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства в штаб Верховного главнокомандующего о командировке в Китай двух офицеров. 30 июня 1919 г.

30 июня 1919 г.
№ 109
Омск

Помощнику начальника штаба
Верховного главнокомандующего

Прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о наведении справки в делах бывшего Главного штаба, по какому поводу Главным штабом были посланы на восток офицеры Белоусов и Калдулов, какие им были даны поручения, сколько им было отпущено денег и кем давались предписания; и о сообщении этих сведений во вверенную мне комиссию.

Основание: Ст. 13 утвержденного Верховным правителем Постановления Совета министров от 20 мар[та] с/г., приказ по В[оенному] в[едомству] с/г. № 106.

П. п. генерал-лейтенант Катанаев

И. д. делопроизводителя
штабс-ротмистр Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 85. Отпуск, машинопись).

Документ № 39

Запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства в Министерство иностранных дел с просьбой прислать копию донесения Российского консульства в Шанхае о недостойном поведении офицеров, командированных в Китай Г. И. Клерже. 30 июня 1919 г.

30 июня 1919 г.
№ 110

В Первый департамент
Министерства иностранных дел

На основании ст. 13 Постановления Совета министров от 20 марта с/г. о военных следственных комиссиях, Центральная следственная комиссия

при военном министре имеет честь просить Первый департамент прислать копию донесения министру иностранных дел Генерального консульства в Шанхае за № 65 о непристойном поведении курьеров офицеров Белоусова и Калдулова.

Член комиссии генерал-майор Шулькевич

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 86. Отпуск, машинопись).

Документ № 40

Копия донесения Российского консульства в Шанхае о недостойном поведении офицеров, командированных в Китай Г. И. Клерже. 27 апреля 1919 г.

Копия с копии доверительного донесения Генерального консульства в Шанхае в Миссию в Пекине от 27 апреля с. г. за № 65.

Недавно в Шанхай прибыли два офицера Русской армии, штабс-ротмистры Белоусов и Калдуров, которые предъявили помощнику военного агента документы от помощника начальника Главного штаба в Омске полковника Клерже, удостоверяющие, что они отправляются к генералу Деникину с весьма спешной и секретной миссией, имея при себе секретные бумаги и шифр. Полковник Клерже просил подполковника Кременецкого[50] оказывать названным офицерам полное содействие, снабжать их деньгами, если нужно, а затем непосредственно прислал телеграмму с просьбой посодействовать скорейшему отъезду обоих курьеров к месту командировки. Г.г. Белоусов и Калдуров встретили, вследствие этого, в Шанхае полное содействие как со стороны военной агентуры, так и со стороны Генерального консульства, которое вошло в сношение с Великобританским генеральным консулом и просило последнего, ссылаясь на предъявленные документы (в том числе и удостоверение о цели поездки, выданное нашим офицерам начальником Британской миссии генералом Блэром), устроить их на ближайшем отходящем в Европу казенном пароходе, так как пассажирские все переполнены на много месяцев вперед. Таковым оказался зафрахтованный английским правительством пароход «Yardiganshire». На этом пароходе Генеральному консульству уже удалось исхлопотать проезд для поручика Пфеля с женой, также командированного адмиралом Колчаком к генералу Деникину. Англичане сначала отказались за неимением свободных мест принять на пароход штабс-ротмистров Белоусова и Калдурова, но в конце концов благодаря личным настояниям моим перед сэром Э. Фрезером, согласились предоставить им свободную до Гонконга каюту. Предполагалось послать телеграмму нашему консулу в Гонконге, прося его заручиться разрешением британских военных властей на сле-

дование наших офицеров на том же пароходе и дальше. Подполковник Кременецкий купил им билеты до Гонконга, а на дальнейший путь выдал им наличными 880 долларов. Отход парохода был назначен на воскресенье 13 апреля в 10 часов утра.

После отхода «Yardiganshire» выяснилось, что Белоусов на нем уехал со всеми деньгами, а Калдуров остался со всеми паспортами и документами, так как запьянствовал и опоздал на пароход. При этом Белоусов, как передавали, явился на пароход накануне его отхода вечером в сильно нетрезвом состоянии и вел себя непристойно и будто бы говорил, что у него денег нет. Калдуров показался в консульстве лишь в понедельник и вторично получил билет в Гонконг на пароход, отходящий в четверг 17-го. После этого он снова загулял и уехал. Военная агентура и Генеральное консульство не могли разыскать его перед отъездом, чтобы передать требование английского консульства явиться для выполнения необходимых формальностей. Неисполнение их вызвало затем уничтожение визы.

По прибытии Калдурова в Гонконг наш консул телеграфировал, что может устроить для обоих офицеров дальнейший проезд при условии перевода еще 1.000 долларов, но запрошенный по этому поводу военный агент наш в Пекине предложил Белоусова и Калдурова выслать обратно в Шанхай и Владивосток.

Во время пребывания в Шанхае оба офицера предавались пьянству и кутежам. Калдуров ходил с перевязанным глазом, отвечая на вопросы, что у него ячмень. Мне однако известно, что поранение глаза явилось последствием пьяного инцидента.

О столь возмутительном поведении названных офицеров, позорящем возрождающуюся Русскую армию и подрывающем престиж Омского правительства, я счел своим долгом донести миссии на случай, если бы она признала желательным обратить внимание Министерства иностранных дел в Омске и указать, что подобные случаи, роняя лишь в глазах иностранных властей и общества ценность рекомендаций Генерального консульства в Шанхае, наносит тем самым чувствительный вред интересам России и русских граждан, нуждающихся в помощи и поддержке Генерального консульства.

Верно: второй секретарь миссии *(подпись)*

С копией верно: и. д. секретаря IV политического отдела *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 104–104 об. Копия, машинопись).

Документ № 41

Запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства в Военный контроль и контрразведку при штабе Верховного главнокомандующего об офицерах, командированных в Китай. 8 августа 1919 г.

Центральная следственная комиссия при военном министре

8 августа 1919 г.
г. Омск, № 214
Исх. 8/VIII [1919 г.]

Начальнику Военного контроля
и контрразведки при штабе
Верховного главнокомандующего.

Прошу в возможно скором времени сообщить комиссии все, что известно о штабс-ротмистрах БЕЛОУСОВЕ и КОЛДУРОВЕ, главным же образом прошлое этих офицеров, а также указать лиц, знающих их.

Член комиссии генерал-майор Шулькевич

И. д. делопроизводителя Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 168. Отпуск, машинопись).

Документ № 42

Ответ инспекторского отдела Управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем на запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства об офицерах, командированных в Китай. 11 августа 1919 г.

11 августа 1919 г.
№ 61963/660 на № 213

Начальник инспекторского отдела
Управления дежурного генерала
при Верховном главнокомандующем.

вх. № 106/12/VIII [1919 г.]
№ 2

В Центральную следственную комиссию при военном министре

Штабс-ротмистры Белоусов и Кандуров, а не «Колдуров», были в прикомандировании к Управлению дежурного генерала при ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ несколько дней и убыли в служебную командировку с генералом-лейтенантом КАРЦЕВЫМ 2-м[51] 17 июня с. г.

Числились по Сибирскому казачьему войску. По пунктам 3 и 4 сообщить, за неимением никаких сведений, не представляется возможным.

ОСНОВАНИЕ: приказ по штабу ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО № 177.

И. д. начальника отдела, полковник Гериберг *(подпись)*

И. д. начальника 3 отделения, полковник *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 171. Подлинник, машинопись на бланке инспекторского отдела. Автографы подписавших лиц).

Документ № 43

Ответ Центральной следственной комиссии Военного министерства на просьбу контрразведывательного отдела и Военного контроля штаба Верховного главнокомандующего уточнить сведения об офицерах, командированных в Китай. 12 августа 1919 г.

Центральная следственная комиссия при военном министре

12 августа 1919 г. г. Омск, № 233 на № 29246 Исх. 19/VIII	Начальнику контрразведывательного отдела и Военного контроля Управления 2-го генерел-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего

Вследствие сношения Вашего от 9 августа с/г. №29246 комиссия сообщает, что имена и отчества штабс-ротмистров БЕЛОУСОВА и КОЛДУРОВА ей не известны, и что вопрос касается тех самых штабс-ротмистров Белоусова и Колдурова, которые были командированы полковником Клерже через Дальний Восток к генералу Деникину, но миссии своей не исполнили и по ходатайству Министерства иностранных дел, вследствие учиненных ими бесчинств, были возвращены обратно, ныне по слухам они находятся в распоряжении генерала Карцева.

Помимо сего комиссия просит на будущее время иметь в виду, во избежание излишней переписки, что в последующих запросах, если только будут известны имена и отчества разыскиваемых лиц, комиссия будет их Вам сообщать при самом запросе, если же в запросе не будет соответствующего указания, значит, комиссии имена и отчества не известны.

Член комиссии генерал-майор Шулькевич

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 170 –170 об. Отпуск, машинопись).

Документ № 44

Ответ контрразведывательного отдела и Военного контроля штаба Верховного главнокомандующего на запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства об офицерах, командированных в Китай. 17 августа 1919 г.

17 августа 1919 г.
№ 29295
г. Омск
на № 214

Начальник контрразведывательного отдела и Военного контроля Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего

Секретно

Председателю Центральной следственной комиссии при военном министре

В ответ на Ваше сношение от 8 августа с/г. за № 214 сообщаю, что штабс-ротмистр Николай Петрович БЕЛОУСОВ и штабс-ротмистр Всеволод КАЛДУРОВ по делам отдела до сего времени не проходили и сведений о них не имеется.

За начальника отдела
помощник подполковник *(подпись)*

Начальник регистрационного
отделения подпоручик *(подпись)*

делопроизводитель подпоручик *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 183. Подлинник, машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 45

Письмо Центральной следственной комиссии Военного министерства в Министерство иностранных дел с просьбой к консулу М. С. Щёкину рассказать о деятельности Г. И. Клерже в Персии. 28 июля 1919 г.

28 июля 1919 г. № 192
гор. Омск

Председатель
Центральной следственной
комиссии при военном министре

Товарищу министра иностранных дел

По дошедшим до комиссии сведениям наш консул на Востоке Щёкин[52] имеет важные сведения о деятельности полковника Клерже в бытность его начальником дивизии в Персии в конце 1917 года и в начале 1918 года.

Вследствие сего имею честь просить Вас передать г. Щокину просьбу комиссии сообщить все, что ему известно о полковнике Клерже.

Комиссия помещается: Крепость, здание Коммерческого училища, при канцелярии военного министра.

ОСНОВАНИЕ: ст. 13 утвержденного верховным правителем Постановления Совета министров о военно-следственных комиссиях от 20 марта 1919 года.

Генерал-лейтенант

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 137–137 об. Отпуск, машинопись).

Документ № 46

Письмо Г. И. Клерже в Центральную следственную комиссию Военного министерства с просьбой найти и допросить свидетелей В. Н. и В. А. Шиляевых. 2 августа 1919 г.

2 августа 1919 года.
№ 52.
гор. Омск

Начальник Осведомительного отдела
Управления 2-го генерал-квартирмейстера
при Верховном главнокомандующем

Срочно

Председателю Центральной следственной комиссии
при военном министре

Как видно из прилагаемой при сем переписки, еще 9 июля с/г. мною был подан рапорт с ходатайством о срочном допросе Шиляевых.

Будучи уверенным, что комиссия, куда, как видно из резолюции 2-го г[енерал]-кв[артирмейстер]а ген[ерал]-м[айора] Рябикова, направлено это ходатайство (по-видимому особым сношением, так как оригинал моего рапорта № 35 ген[ерал]-м[айор] Рябиков мне передал, сказав на словах, что в комиссию он уже написал, препроводив туда копию письма подполковника Матикова), уже приняла меры к опросу свидетелей Шиляевых в пути, я ждал результатов. Прошло около месяца, но меня комиссия не удовлетворила и результатов мне новых не известно.

Дело мое – о «большевизме», возбуждающее во мне самое глубокое чувство недоумения и, сказал бы, негодования, длящееся уже около полугода и основанное на фактах, с моей точки зрения, не стоящих никакого внимания и, кроме того, построенных на искусственно скомбинированных совершенно невероятных положениях, заставляет меня просить следственную комиссию немедленно вызвать меня в следующее по моему делу заседание, где бы я мог лично разбить всю гнусность возведенных на меня обвинений.

Генер[ального] штаба
полковник Клерже *(подпись)*

Резолюция: 2 авг[уста]. Просить полк[овника] Клерже пожаловать в комиссию 5 авг[уста] во вторник. Г. К.[53]

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 142–142 об, 146–146 об. Подлинник на бланке начальника Осведомительного отдела, рукопись. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 47

Письмо Г. И. Клерже в Центральную следственную комиссию Военного министерства с просьбой об очной ставке со свидетельницей О. М. Царьковой. 3 августа 1919 г.

3 августа 1919 года.
№ …[54].
гор. Омск

Начальник Осведомительного отдела
Управления 2-го генерал-квартирмейстера
при Верховном главнокомандующем

Председателю Центр[альной] следств[енной] комиссии
при военн[ом]министре

По дошедшим до меня [сведениям], в г. Омске находится очень важная по моему делу свидетельница Ольга Михайловна Царькова (прислуга Шиляевых), которая будет допрошена во вверенной Вам комиссии; прошу вызвать меня на время этого допроса для личной с нею ставки, так как по опыту знаю, что она женщина трусливая и, не разбираясь в «целях» допроса, м[ожет] б[ыть], опять будет нести невероятные инсинуации.

Генер[ального] штаба
полковник Клерже *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 147–147 об. Подлинник на бланке начальника Осведомительного отдела, рукопись. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 48

Протокол допроса Центральной следственной комиссией Военного министерства однофамилицы и полной тезки О. М. Царьковой. 11 августа 1919 г.

Протокол

1919 года августа 11 дня член следств[енной] комиссии генерал-майор Шулькевич производил допрос: Ольги Михайловны Царьковой, жительствующей в г. Омске, Тюремная улица, Кустики, д. № 16/4, по делу Клерже в качестве свидетеля, который показал:

Я, Ольга Михайловна Царькова, живу около 16 лет в г. Омске. В Перми никогда не бывала и у купцов Шиляевых никогда не служила. Неграмотная.

Показание мне прочитано.

Генер[ал]-майор Шулькевич

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 172. Подлинник на бланке протокола допроса, рукопись. Автограф В. Л. Шулькевича).

Документ № 49

Протокол допроса Центральной следственной комиссией Военного министерства свидетеля К. С. Кускивадзе. 12 августа 1919 г.

Протокол

1919 г. августа 12 дня член Центральной следств[енной] комиссии генер[ал]-майор Шулькевич производил допрос поручика Кронид[а] Сократович[а] Кускивадзе, жительствующ[его] в г. Омске, Новая ул., д. № 33 по делу полков[ника] Клерже в качестве свидетеля, который показал:

По делу Генштаба п[олковни]ка Клерже и подполковника Матикова могу кратко показать следующее.

Подполковника Матикова знаю давно и совершенно определенно считаю, что все подозрения и обвинения его в сочувствии большевизму являются одной из тех чудовищно-фантастических нелепостей, которые могут иметь место только в силу крайне ненормальных условий существования раздираемой гражданскими неурядицами России.

Подп[олковник] Матиков в особенно тяжелые для государства дни, а именно после октябрьского переворота в Петербурге, был одним из тех, может быть, немногих офицеров, которые не на словах, а на деле не знали, что такое прямое или косвенное «соглашательство» с большевиками.

Как известно, большевицкий переворот произошел далеко не одновременно по всей России. В частности, на Северном фронте и особенно в 12-й противогерманской армии большевикам удалось полностью захватить власть только в конце декабря 1917 г.

Это обстоятельство следует в целом объяснить энергичною работою всех противобольшевицких организаций армии.

Главную активную и относительно успешную роль в борьбе с большевизмом на Северном фронте сыграли национальные объединения, представлявшие из себя особые национальные роты, комитеты, легионы и т. п. руководящие центры сплоченных национальными идеями элементов.

К концу декабря в г. Валке образовался т[ак] наз[ываемый] «Национальный блок» (по три представителя от к[омите]тов: мусульманского, грузинского, польского, литовского, эстонского, латышей-земледельцев, Украинской Рады и белорусского объединения).

Председателем назв[анного] блока был избран я, вышедший от грузин-воинов всего Северного фронта.

Блок, опиравшийся на реальные вооруженные силы, повел энергичную борьбу с большевицким Исп[олнительным] к[омите]том 12 арм[ии] («Искосол 12») и военно-рев[олюционным] к[омите]том, опиравшимся главным образом на латышских стрелков и вольных, тоже латышских, рабочих («Искорад 12»).

В это время подполковник Матиков был назначен грузинским к[омите]том 1-м командиром 1-го Северного грузинского национального полка*.

В конце же декабря Матиков получил от нац[ионального] груз[инского] к[омите]та поручение вступить в переговоры с больш[евистским] «Искосолом», но в помещении последнего его председателем С. Нахимсоном (чл[ен] Учр[едительного] собрания от большевиков) был предательски арестован.

Узнав об аресте, Национ[альный] блок предъявил б[ольшеви]кам 24-часовой ультиматум с требованием освобождения Матикова, но ультиматум удовлетворен не был.

Одновременно блоку стало известно, что над Матиковым замышляется со стороны латышских стрелков самосуд. Тогда мною отдано было распоряжение стоявшей в 12 верстах от Валка украинской кавалерийской дивизии, 1-му груз[инскому] сев[ерному] нац[иональному] полку, а также поддерживавшим нас инженерным войскам тайно стянуться в Валк.

С помощью перечисленных воинских частей под моим командованием Матиков силою был освобожден (из бывш[его] Валков[ск]ого комендантск[ого] упр[авле]ния).

Изложенный эпизод, даже в таком скомканном виде, полагаю, должен вполне оттенить всю нелепость возведенных на Матикова обвинений.

Своевременно о изложенном был поднят шум как фронтовой прессой, так и столичной (наприм[ер], в петр[оградских] газ[етах] «День», «Речь» и др.).

В последующем (в январе и феврале) подп[олковник] Матиков находился в Петрограде и, будучи одним из ответственных организаторов противобольшевицкого переворота, проживал нелегально в конспиративной квартире (Дмитровский переулок, дом – номер не помню, в квартире, занимаемой семейством находившегося в Персии Генштаба п[олковни]ка Клерже).

Подп[олковник] Матиков проживал по «удостоверению», выданному ему мною на бланке Исп[олнительного] к[омите]та инженерн[ых] войск 12-й армии.

Вышеуказанный конспиративный адрес подп[олковника] Матикова был одним из 3 адресов, в которые с Северн[ого] фронта направлялись вооруженные** надежные противобольшевицкие элементы, и где последние

---

* Кроме грузин в полку, сформированном почти нашими с Матиковым усилиями, было много и «грузин», наприм[ер], «Макарошвили», «Иваноидзе», «Карташевидзе» и др. Состав полка был самый разношерстный: бывшие матиковские ударники, бежавшие из частей после [введения] выборного начала кавалер[ийские] офицеры и т. п.

** Оружие провозилось, конечно, тайным образом: в разобранном виде, в багажах сестер милосердия и т. д.

уже точно инструктировались о дальнейших действиях: или оставлялись в Петрограде, или же на Дон, в Москву и т. д. (два других адреса были: курсы Лесгафта[55] и д[ом] Герцена[56]).

В интересах краткости изложения не буду показывать различных деталей работ прошлого.

В дальнейшем не виделся с п[одполковником] Матиковым с начала марта 1918 года и до января 1919 года (м. б. декабря 1918 г., точно не помню).

Встретился уже в Омске совершенно случайно на улице, на второй день приезда Матикова в Омск. Здесь узнал, что подп[олковник] Матиков уже женился и здесь же познакомился с его тестем – Генштаба п[олковни]ком Клерже.

Из разговоров и расспросов познакомился с теми переживаниями и мытарствами, которые выпали на долю перечисленным лицам за время их пребывания в советск[ой] России до перехода их (после взятия Перми) на нашу сторону.

Будучи теперь в курсе нелепых «обвинений» Генштаба полковника Клерже в каком-то «ограблении» пермского гражданина(ки), считаю полезным показать следующее.

Во время обмена воспоминаниями о пережитом, я помню, семействами Клерже и Матикова мне было рассказано об изумительном случае хамства и неблагодарности, проявленном по отношению к ним со стороны бывших, не помню, квартиро- или домовладельцев.

Примерно дело обстояло так.

В самые кошмарные дни, перед уходом б[ольшеви]ков из Перми, семейства Клерже и Матиковых оказали массу ценных услуг очень состоятельным кв[артиро-] или домовладельцам того помещения, в котором они (Клерже и Матиков) жили.

Путем остроумного и находчивого «околпачивания» кр[асноармей]цев, Клерже и Матиковым удалось спасти большую часть имущества своих кварт[иро-] или домовладельцев. Для достижения этого приходилось страшно рисковать. Напр[имер], супруга Клерже указала на закрытый чемодан с вещами хозяина дома, как на нагруженный бельем и кухонной посудой, в дальнейшем же оказалось, что это был чемодан с...[57].

Когда же б[ольшеви]ки ушли, «благодарные» домовладелец и дом[овладели]ца явились к Клерже и к Матикову и с крайне хамской наглостью заявили приблиз[ительно] следующее:

«Теперь б[ольшеви]ков нет и мы, владельцы помещения, не намерены больше себя стеснять. Потрудитесь оставить помещение».

Крайне возмущенные Клерже с Матиковым резко предложили им «убраться» и не беспокоить своей наглостью.

Но на этом дело не кончилось.

Владельцы опять, но уже с комендантом, явились требовать своих «законных прав».

Очевидно, к[омендан]ту было сказано, что Клерже и Матиков «подозрительны» в смысле большевизма.

После непосредств[енных] переговоров и ознакомления с действительным положением дела к[омендан]т ушел крайне смущенный и очень извинялся за то, что благодаря нечистоплотности «хамья» он причинил упомянутое беспокойство.

В заключение, по существу различных обвинений Генштаба полковника Клерже, считаю долгом сказать следующее.

Если бы «несчастные» пермские граждане были бы на самом деле «ограблены», то полковник Клерже, хотя бы в первые дни пребывания в Омске, не стеснялся бы в материальном положении.

А я знаю наверное, что материальное положение Генштаба полковника Клерже и в первые дни пребывания в Омске и в последующее время – далеко не блестящее.

В частности, нуждается и нуждался в средствах и подп[олковник] Матиков. В доказательство упомяну, что последний является моим, хотя и небольшим, правда, но все же должником: зимою мною дано Матикову взаимообразно 400 рублей.

Относительно Генштаба полковника Клерже выскажу свой взгляд.

Во-первых, по субъективным и объективным данным и соображениям, считаю его одним из самых достойнейших и способных офицеров Генерального штаба. Не буду слишком самоуверенным, если выскажу свое глубокое убеждение в том, что все обвинения, предъявляемые к полковнику Клерже, есть в лучшем случае результат недоразумения, а в худшем – недопустимая тенденция со стороны каких-то темных лиц.

Убежден, что чем скорее будет предоставлена незаслуженно и тяжко оскорбляемому Генштаба полковнику Клерже не «ублюдочная», а вполне ясная и соответствующая спокойная моральная обстановка работы, тем больше выиграет дело возрождения России и тем скорее будет пройден нашими войсками тернистый путь Омск–Москва.

10/VIII 1919 г. Поручик Кускивадзе *(подпись)*
г. Омск

Показание писал собственноручно. Поручик Кускивадзе

Генер[ал-] майор Шулькевич *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 174-177. Подлинник, рукопись. Автограф К. С. Кускивадзе).

Документ № 50

Письмо Г. И. Клерже в Центральную следственную комиссию Военного министерства с просьбой активизировать расследование его дела. 12 августа 1919 г.

12 авг[уста] 1919 года
№ 65. г. Омск.

Начальник Осведомительного отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем

Спешно

Председателю Центральной следственной комиссии
при в[оенном] министре.

4 с[его] августа, будучи вызванным комиссией, я просил мне сообщить адрес важнейшего моего свидетеля Ольги Михайловны Царьковой (приехавшей из Перми), которую я мог бы привлечь к показаниям во вверенной Вашему Превосходительству комиссии и для очной ставки со мной. Об этом же я просил и в одном из предыдущих моих письменных заявлений в комиссию. В сообщении адреса Царьковой (в г. Омске) комиссия мне отказала, заверив меня, что Царькова будет вызвана для показаний непосредственно от комиссии и меня об этом уведомят для устройства очной ставки.

Хотя меня это и не совсем удовлетворило, тем не менее, я был уверен, что мои интересы в этом случае не пострадают и решил ожидать вызова меня в заседание комиссии.

Неожиданно для меня, во время присутствия моего на Сибирском войсковом кругу 10 августа (в воскресенье), Ваше Превосходительство меня уведомили, что «Царькова исчезла», предложив, одновременно с сим, мне самому принять меры к разысканию. Это сообщение, совершенно неприятное для моего дела, так как снова и снова затягивает его разрешение, заставляет меня возбудить официально вопрос: не есть ли это новый умысел со стороны лиц, инсценировавших мой «большевизм» и «грабительство», устроивших в самый важный момент так, что серьезный и уличающий их свидетель вдруг «исчез».

Находя дальнейшее мое нравственное состояние невыносимым, я прошу дать делу законный ход и довести об этом до сведений военного министра и Верховного правителя.

Со своей стороны я полагаю вполне уместным и своевременным предать все производства прокурору для выяснения лиц, шантажирующих моим честным именем патриота и офицера.

Прошу не отказать в соответствующих и срочных мероприятиях, так как уже меняется третий военный министр и перед каждым из них начинают с того, что «обливают» ушатами грязи имя того человека, который менее всего во всей освободительной войне этого заслужил.

Я говорю о себе.

Генерального штаба
полковник Клерже *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 178–179 об. Подлинник, рукопись на бланке начальника Осведомительного отдела. Автограф Г. И. Клерже).

Документ № 51

Письмо Центральной следственной комиссии Военного министерства Г. И. Клерже с сообщением об О. М. Царьковой – однофамилице и полной тезке свидетельницы по его делу. 13 августа 1919 г.

13 августа 1919 г.
г. Омск

Председатель Центральной
следственной комиссии
при военном министре

Начальнику Осведомительного отдела штаба
Верховного главнокомандующего

В дополнение к словесному моему Вам сообщению о свидетельнице по Вашему делу Ольге Михайловне Царьковой сообщаю, что проживающая в Омске, в 5-й части ул. Тюремная (Кустики) д. № 4/16 (больница) Царькова явилась во вверенную мне комиссию и как выяснилось из допроса ее, оказалась совсем другим лицом и лишь однофамилицей, причем с одинаковым именем и отчеством, свидетельницы по Вашему делу. Являвшаяся в комиссию Царькова без выезда проживает в Омске шестнадцать лет и никогда в Перми не была.

Генерал-лейтенант Катанаев

И. д. делопроизводителя
штабс-ротмистр Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 177а. Отпуск, машинопись).

Документ № 52

Запрос Г. И. Клерже в Центральную следственную комиссию Военного министерства о состоянии расследования по его делу, в связи с предстоящим назначением его на новую должность. 15 августа 1919 г.

Канцелярия
15 августа 1919 г.
№ 39526/осв.
г. Омск
Исх. № 113. 15 авг[уста]

Начальник Осведомительного отдела
Управления 2-го генерал-квартирмейстера
при Верховном главнокомандующем

Срочно

Председателю Следственной центральной комиссии при военном министре

Прошу не отказать в срочном порядке меня уведомить, чем задерживается разрешение моего дела в комиссии и какое предположено, по рассмотрении его по существу, дать ему дальнейшее направление.

Эти сведения необходимы мне для доклада военному министру ввиду предстоящего назначения меня на новую должность[58].

Генерального штаба полковник Клерже *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 182. Подлинник, машинопись на бланке начальника Осведомительного отдела. Подпись: автограф Г. И. Клерже.

Документ № 53

Ответ Центральной следственной комиссии Военного министерства Г. И. Клерже об обстоятельствах, задерживающих рассмотрение его дела и о неимении препятствий для занятия им новой служебной должности. 15 августа 1919 г.

15 августа 1919 г.
№ 241.
г. Омск
Исх. на № 39526

Председатель Центральной следственной
комиссии при военном министре

Начальнику Осведомительного отдела Управления
2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем

Вследствие сношения Вашего от 15 сего августа за № 39526 сообщаю, что рассмотрение Вашего дела по существу задерживается неполучением комиссией нижеперечисленных данных, необходимых комиссии для обоснованной полной Вашей реабилитации, а именно:

1). Министерство иностранных дел сношением от 2 июня с. г. за № 89с уведомило комиссию, что во исполнение ее просьбы запрошен поверенный

по делам в Тегеране о причинах, заставивших Вас покинуть командование дивизией в Персии, и о деятельности Вашей в качестве начальника дивизии; по получении ответов поверенного министерство обещало тотчас сообщить их комиссии. Ответов этих до сего времени не получено.

2). Сношением своим от 28 июля с. г. за № 192 комиссия просила товарища министра иностранных дел запросить русского посланника в Токио г. Щёкина о деятельности Вашей за тот же период времени, так как по только что в то время полученным комиссией сведениям г. Щёкин хорошо знает все обстоятельства Вашей службы в Персии; ответ г. Щекина пока не получен.

3). Полковник Матиков в своих показаниях комиссии заявил, что свидетели, дававшие показания против Вас, а именно супруги Шиляевы и прислуга Царькова, по словам их самих, указанные показания давали под сильным давлением лиц, производивших допрос, доходящим до угроз револьвером; ввиду сего комиссия приняла меры к точному выяснению этого меняющего все дело обстоятельства, во исполнение чего сношениями от 22 июля за № 176 и 178 комиссия просила начальника Военного контроля и контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего произвести точное расследование обстоятельств допроса в гор. Перми вышеперечисленных свидетелей. Ответ от начальника Военного контроля до сих пор не получен.

4). Ввиду отмеченного в предыдущем пункте заявления полковника Матикова комиссией приняты следующие меры к розыску Шиляевых и Царьковой:

а) послана телеграмма от 26 июля за № 186 коменданту станции Пограничная о вторичном опросе этих свидетелей, если они будут проезжать через указанную станцию, как направляющиеся во Владивосток;

б) сношением от 23 июля с. г. за № 180 комиссия просила департамент милиции Министерства внутренних дел сделать распоряжение о разыскании этих свидетелей по всем городам; с) кроме того, запрошены местная милиция и адресный стол; ответов пока не получено, между тем, отказаться от показаний этих свидетелей комиссия считает возможным не иначе как исчерпав все возможности к их розыску.

Таковы обстоятельства, задерживающие рассмотрение и окончание Вашего дела.

Дать точный ответ на второй вопрос: «Какое предположено, по рассмотрению дела по существу, дать ему дальнейшее направление», ныне не представляется возможным, так как ожидаемые ответы могут коренным образом изменить все дело; вместе с сим считаю необходимым довести до Вашего сведения, что те данные, которыми комиссия располагает, не дают ей оснований препятствовать получению Вами какого-либо нового служебного назначения.

П. П. генерал-лейтенант Катанаев

И. д. делопроизводителя штабс-ротмистр Хомутов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 180–181 об. Отпуск, машинопись).

Документ № 54

Сообщение департамента милиции Министерства внутренних дел о нахождении свидетелей В. Н. и В. А. Шиляевых в Иркутске. 23 августа 1919 г.

Вх. №129
23/VIII [– 1919 г.]

Телефонограмма № 79/50

Начальнику Центральной следственной комиссии при военном министре
22-го августа 1919 года
На № 180

Согласно телеграммы из Иркутска от начальника Государственной охраны от 21-го августа 1919 года за № 3826 департамент милиции сообщает, что Шиляевы проживают в Иркутске.

Необходимость их допроса как свидетелей им объявлена.

Подписал за директора департамента милиции
и. д. вице-директора Траусман

Передала Жанинова

Принял Чичагов

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 185. Подлинник, машинопись).

Документ № 55

Предписание Центральной следственной комиссии Военного министерства начальнику Государственной охраны г. Иркутска допросить свидетелей В. Н. и В. А. Шиляевых. 23 августа 1919 г.

Исх. № 157
23 августа 1919
г. Омск

Секретно

Начальнику Государственной охраны
г. Иркутска

Прилагая при сем вопросные листы, комиссия покорнейше просит поручить допросить одновременно, но в различных помещениях супругов ШИЛЯЕВЫХ, причем по важности дела крайне необходимо иметь ответы ясные и определенные, а не уклончивые и в неопределенной форме. Для спешности дела желательно получить возможно в непродолжительном времени.

За председателя
член комиссии генерал-майор

И. д. делопроизводителя
штабс-ротмистр

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 188. Отпуск, машинопись).

Документ № 56

Предписание Центральной следственной комиссии Военного министерства начальнику Военного контроля и контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего о допросе сотрудника Военного контроля В. А. Белобродского. 22 июля 1919 г.

22 июля 1919 года
гор. Омск
№ 176.

Центральная следственная комиссия
при военном министре

Начальнику Военного контроля и
контрразведки при штабе Верховного
главнокомандующего

Прошу Вашего распоряжения о возможно скорейшем допросе, по прилагаемому опросному листу, помощника начальника Военного контроля штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса инженера-технолога БЕЛОБРОДСКОГО[59] и о препровождении его показаний в комиссию.

Если имеются лица, могущие подтвердить показания Белобродского, необходимо допросить и этих лиц. В случае нахождения инженера-технолога Белобродского в г. Омске, прошу, не производя допроса, командировать его для непосредственного допроса в комиссию (помещение канцелярии военного министра).

Основание: ст. 13 полож[ения] о комиссиях (приказ по В[оенному] в[едомству] с.г. № 106).

Член комиссии
генерал-майор Шулькевич

И. д. делопроизводителя,
штабс-ротмистр Хомутов

С подлинным верно:

За делопроизводителя
титул[ярный] советн[ик] *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 200. Копия, машинопись. Подпись: автограф лица, сделавшего выкопировку).

Документ № 57

Группа показаний сотрудников Военного контроля А. Ф. Кирсты, А. Н. Старцева, В. А. Белобродского, Т. М. Бибика, Г. М. Прокофьева, данных заведующему военно-следственными комиссиями района 1-й (Сибирской) армии. 22–23 августа 1919 г.

Протокол допроса

Получено 24/VIII 1919 г.
Вход. № 528

1919 г. августа 22-го заведывающий военно-следственными комиссиями района 1-й Сибирской армии допрашивает, согласно предписания

начальника Военно-административного управления района 1-й Сибирской армии от 21 августа 1919 г. за № 540, начальника контрразведывательного отделения 1-й Сибирской армии надворного советника Кирста, который показал: Дело о полковнике Клерже началось по негласной установке наблюдателя «Уралец», которая была поручена для разработки начальником Пермского Военного контроля полковником Никифоровым мне. Разработку я не успел окончить, так как я получил новое назначение в 1-ю Сиб[ирскую] армию, но успел опросить только 2–3 свидетелей и дело передал полковнику Никифорову, и дальнейшая судьба его мне неизвестна. На вопрос: правда ли, что при допросе по делу о полковнике Клерже граждан Николая Васильевича Щербаченко, Варвары Александровны Шиляевой и Ольги Михайловны Царьковой сам надворный советник Кирста или кто-либо другой из присутствовавших заставляли их показывать против полковника Клерже, причем произносились разные угрозы? – надворный советник Кирста показал: Записывалось только то, что названные свидетели показывали, причем записывал собственноручно поручик Старцев, никаких угроз свидетелям не было ни с моей стороны, ни со стороны присутствовавших при допросе поручика Старцева и инженера Белобродского.

На вопрос: правда ли, что эти угрозы доходили до того, что вынимали револьвер и угрожали им? – надворный советник Кирста показал: «Нет, не угрожали и не было к тому надобности, так как свидетели все искренне показывали. Показания их на меня производили впечатление не свидетелей, а потерпевших-жалобщиков».

На вопрос: правда ли, что записывали в протокол не то, что говорилось свидетелями и заставляли последних подписать показания, не прочитав их? – надворный советник Кирста показал: «Нет, все было записано, как они показывали и показания их им же были прочитаны записывавшим таковые поручиком Старцевым. Щербаченко и Шиляеву, как людей интеллигентных, было бы невозможно заставить говорить то, чего они не захотели».

На вопрос: если изложенное в предыдущих вопросах неправда, то кто может подтвердить, как все происходило в действительности? – надворный советник Кирста показал: поручик Старцев и инженер Белобродский.

На вопрос: кто присутствовал при допросах и может подтвердить? – надворный советник Кирста показал: «Названные поручик Старцев и инженер Белобродский».

Показание мною прочитано и своею подписью подтверждаю.

А. Ф. Кирста *(подпись)*

Заведывающий военно-следственными комиссиями
района 1-й Сибирской армии подпоручик *(подпись)*

Подпоручик Анатолий Николаевич Старцев, обер-офицер для поручений при начальнике Военно-административного управления 1-й Сибирской

армии, опрошенный 22 августа 1919 г., показал: В начале мая в г. Перми я присутствовал при допросе по делу полковника Клерже свидетелей Варвары Алексеевны Шиляевой, Николая Васильевича Щербаченко и Ольги Михайловны Царьковой и записывал их показания, ввиду болезненного состояния допрашивавшего их надворного советника Кирста. Я же производил установку и сбор агентурных сведений по делу о политической деятельности во время большевизма полковника Клерже, его некорректного отношения чисто большевистского характера к домовладельцу Щербаченко и кухарке Царьковой и расхищении имущества Шиляевой и Щербаченко. При допросе указанных выше лиц в качестве заявителей и свидетелей ни надворный советник Кирста, ни я, ни присутствовавший при допросе инженер Белобродский никаких угроз не произносили и револьвером свидетелям не угрожали. Агентурные сведения, собранные помимо свидетелей, вполне сходились с их показаниями, и потому не было никакой надобности в воздействии на свидетелей. В протоколе я записывал лишь только то, что говорили свидетели. Показания свидетелей были им прочитаны дважды: мной и надворным советником Кирста, причем со стороны свидетелей никаких возражений на неправильность записи сделано не было.

Показание мне прочитано и своей подписью подтверждаю.

Подпоручик Старцев *(подпись)*

Заведывающий военно-следственными комиссиями района
1-й Сибирской армии подпоручик *(подпись)*

1919 г. август 22-го дня. Заведывающий военно-следственными комиссиями района 1-й Сибирской армии допрашивал, согласно предписания начальника Военно-административного управления района 1-й Сибирской армии от 21 августа 1919 г. за № 40, начальника Военного контроля при Военно-административном управлении района 1-й Сибирской армии инженера-технолога Владимира Александровича Белобродского.

На вопрос: Когда он производил допрос по делу о полковнике Клерже гражданина Владимира Николаевича Шиляева? – инженер Белобродский показал: 8 мая в г. Перми.

На вопрос: Что приблизительно он (Шиляев) показал? – инженер Белобродский показал: «Шиляев на допросе мне заявил, что явившись на свою квартиру после скрывательства в лесах, он встретил у себя на квартире полковника Клерже, причем Шиляев выразил сожаление, что у него нет подложного паспорта, что облегчит ему возможность скрываться, на это Клерже сказал, что если Шиляев даст ему 15 тыс. руб., то он устроит его компаньоном какого-то предприятия в Петрограде. Шиляев согласился дать 15 000 руб., но когда Клерже дал ему подписать условие, не давая его прочитать, то Шиляев увидел, что в условии написано не 15 тыс.руб., а 65 000 руб., видя в этом аферу со стороны Клерже, он отказался подписать условие. Тот же Шиляев показал, что полковник Клерже и зять его

Матиков ввели в заблуждение его жену Варвару Александровну и за 5000 руб. выдали ей удостоверение в принадлежности ее к гражданам Грузинской республики. Удостоверение это за № 762 Шиляев сдал Военному контролю, откуда оно было отправлено в Омск в Центральную военно-следственную комиссию. Шиляев кроме того показал, что Клерже предложил жене Шиляева подписать расписку, что она не имеет к нему никаких претензий, ни денежных, ни имущественных. Но она таковую не подписала. Эта расписка также была принесена в контроль самим Шиляевым и отправлена вместе с удостоверением № 762 в Омск. По отъезде Клерже из квартиры Шиляева, последним была обнаружена в ней пропажа вещей на сумму до 40 тыс. руб.

На вопрос: Правда ли, что при допросе вышеназванного лица сам Белобродский или кто-то другой из присутствовавших заставлял Шиляева показывать против полковника Клерже, причем произносились различные угрозы? – Нет не правда.

На вопрос: Правда ли, что эти угрозы доходили до того, что вынимали револьвер и угрожали им? – Инженер Белобродский показал: Нет, не правда.

На вопрос: Правда ли, что в протокол записывали не то, что говорилось свидетелем и заставили Шиляева подписать показания, не прочитав их? – Инженер Белобродский показал: Показание Шиляева было ему прочитано, равно как было ему прочитано также показание его жены. Я записывал в протокол только то, что показывал Шиляев.

На вопрос: Если изложенное в предыдущих вопросах неправда, то кто может подтвердить, как все происходило в действительности? – Инженер Белобродский показал: Подтвердить правильность записанного мною показания Шиляева может подпоручик Русских, который производил передопрос Шиляева и других лиц по этому делу.

На вопрос: Кто присутствовал при допросах и может подтвердить показания Белобродского по настоящему опросному листу? – Инженер Белобродский показал: Кажется, подпоручик Прокофьев и заведывающий наружным наблюдением Бибик.

При допросе надворным советником Кирста В. А. Шиляевой и Царьковой я присутствовал и утверждаю, что никем никаких угроз в отношении допрашиваемых не применялось, тем более не угрожали револьвером. Записывали только то, что говорили свидетели. Записанное показание было прочитано свидетелям. Показание Шиляева и Царьковой записывалось в их присутствии подпоручиком Старцевым под диктовку надворного советника Кирста. После каждой фразы надв[орный] советник Кирста спрашивал данного свидетеля «так?», на что получал ответ: «так».

Показание мне прочитано и своей подписью подтверждаю.

Белобродский *(подпись)*

Заведывающий военно-следственными комиссиями района
1-й Сибирской армии подпоручик[60] *(подпись)*

Старший наблюдатель при Пермском отделении Военного контроля Терентий Михайлович Бибик, 65 лет, православный, спрошенный 23 августа 1919 г., показал: В начале мая в г. Перми инженер Белобродский допрашивал Шиляева, при допросе я присутствовал урывками, так как часто выходил из комнаты по делам службы. При допросе Шиляева инженер Белобродский угрожающих выражений не употреблял и револьвера в его руках я не видал. Я [заметил], что Шиляев давал свои показания совершенно спокойно. Вообще при допросах инженер Белобродский никогда не позволял себе угрожать допрашиваемым, это я знаю, потому что часто присутствовал при его допросах.

Показания мне прочитаны.

Т. М. Бибик *(подпись)*

Заведывающий военно-следственными комиссиями района
1-й Сибирской армии подпоручик *(подпись)*

Чин для поручений при военно-контрольном отделении при Военно-административном управлении района 1-й Сибирской армии подпоручик Георгий Михайлович Прокофьев, спрашиваемый 23 августа 1919 г., показал: Возможно, что я присутствовал при допросе инженером Белобродским Шиляева, но совершенно точно не помню. Я знаю, что инж[енер] Белобродский при допросах свидетелей никогда к угрозам не прибегает, знаю это потому, что присутствовал почти на всех его допросах.

Показание прочитано.

Подпоручик Г. Прокофьев *(подпись)*

Заведывающий военно-следственными комиссиями района
1-й Сибирской армии подпоручик *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 203–206 об. Подлинник, рукопись. Автографы участвовавших лиц).

Документ № 58

Предписание Военно-судного отдела Верховного главнокомандующего о прекращении расследования дела Г. И. Клерже вследствие помилования его Верховным главнокомандующим А. В. Колчаком. 26 августа 1919 г.

26 августа 1919 г. № 121040
Входящ. № 141

Дежурный генерал
при Верховном главнокомандующем
Отдел Военно-судный

Секретно

Председателю Центральной следственной комиссии генерал-лейтенанту
КАТАНАЕВУ

Сообщаю резолюцию начальника штаба ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО по делу помощника начальника Главного штаба Генерального штаба полковника Клерже, слушавшегося Омским военно-

окружным судом 17–19 июня с. г.: «ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ помиловал и приказал допустить полковника Клерже к и[сполнению] д[ел] в штабе генерала Лебедева. Прочие дела прекратить. 18/VIII. Г[енерал]-л[ейтенант] Дитерихс».

Генерал-майор Кондрашев *(подпись)*

И. д. начальника отдела, поручик *(подпись)*

Резолюция: 27 авг[уста 1919 г.]. К исполнению. Г. К.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 195. Подлинник, машинопись на бланке дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Подписи и резолюция: автографы подписавших лиц).

Документ № 59

Вопросный лист Центральной следственной комиссии Военного министерства и протокол ответов свидетеля В. Н. Шиляева. 4 сентября 1919 г.

Вопросный лист

Допросить Шиляева Владимира Николаевича:

1). Призывала ли его жена офицера на квартиру и заявляла ли жалобу на Клерже и на что именно.

2). В каких отношениях полковник Клерже был с БИРОНОМ и ШПИЛЕВСКИМ.

3). Известно ли было ему и его жене, что жилец их СВЕТЛАНОВ офицер.

4). Был ли случай, когда полковник Клерже спас его во время обыска и затем, после этого обыска, было ли известно ему или его жене, что большевики обыскивали его комоды и шкафы и не было ли обнаружено затем какой-либо пропажи вещей, и когда это было.

5). Как вошли наши войска в Пермь – неожиданно для жителей или об этом знали заблаговременно.

6). Как он полагает, почему Клерже не уехал вместе с БИРОНОМ и другими большевиками.

7). На каком основании МАТИКО и ЧАРЛЬСОНА считает шпионами и были ли какие-либо данные на подозрительное их поведение.

8). Точно ли он знает, что вещи у его жены похищены КЛЕРЖЕ, не допускает ли он, что вещи были взяты другими большевиками во время обысков.

9). Насколько жил широко полковник Клерже.

10). Проезжая станцию Омск, встречался ли он с МАТИКО и имел ли с ним какой-либо разговор.

11). Заявлял ли ШИЛЯЕВ в разговоре с МАТИКО, что он «о многом знал, но не в силах был противодействовать властям». В утвердительном случае ясно и определенно указать, что и кто из властей позволил себе противозаконные действия, которые могли бы вызвать определенный протест со стороны ШИЛЯЕВА.

12). Составляя опись пропавшим вещам, какую цель преследовал Шиляев.

13). Заявлял ли он полковнику МАТИКО, что офицер контрразведки, опрашивавший Шиляева, когда последний начал говорить, что полковник Клерже спас ему жизнь от большевиков, крикнул: «Отвечайте только на мои вопросы».

14). Кто предлагал ШИЛЯЕВУ вступить в Торговое общество г. Петрограда и не было ли со стороны предлагавших [намерения] ввести ШИЛЯЕВА в недобросовестную сделку, и как она была обнаружена.

Член комиссии
ген[ерал]-майор Шулькевич *(подпись)*

Протокол

1919 г. сентября 4 дня, г. Иркутск. Я, помощник начальника Иркутского губернского управления Государственной охраны, подпоручик Балаев, допрашивал, согласно сношения председателя Центральной следственной комиссии при военном министре от 23 августа с. г. за № [61], жителя г. Иркутска Владимира Николаевича Шиляева, 36 лет, вероисповедания православного, который на предложенные ему вопросы показал:

1). Жена моя просила коменданта города прислать кого-либо для осмотра квартиры; заявляла ли она при этом жалобу на Клерже, и на что именно – я не знаю.

2). Об отношениях Клерже с Бироном я ничего не знаю, а об отношениях первого со Шпилевским слышал от своей жены, что они были очень хорошие.

3). Ни мне, ни жене не было известно, что наш жилец Светланов – офицер.

4). Приблизительно в конце октября 1918 г. действительно был случай, что Клерже спас меня и мою жену от ареста большевиками; после этого обыска мне было известно, что большевики обыскивали мои комоды и шкафы; пропало что-либо при этом – я не знаю, это было в тот же день, когда Клерже спас нас от ареста.

5). Вступление наших войск в Пермь было неожиданным для жителей.

6). Полагаю, что Клерже не уехал вместе с Бироном и другими большевиками потому, что он сам не был большевиком и им не сочувствовал.

7). Чарльсона я совсем не знаю; Матико же считал шпионом ввиду того, что он был родственником Клерже и они всегда вместе разбирались с картами и т. п., причем шпионство это предполагалось мною не со стороны большевиков, а с нашей.

8). Похищены ли вещи именно самим Клерже, я утверждать категорически не могу, допускаю, что похищение было произведено и другими большевиками.

9). Насколько жил широко Клерже – я не знаю.

10). Проезжая станцию Омск, я встретился с Матико и мы с женой имели с ним следующий разговор: он говорил, что видел в Военном контроле все производство по нашему делу и знает, что жена моя заявила контролю о похищении вещей Клерже, и что за такую клевету она будет привлечена к ответственности. Затем Матико заявил, что мобилизация, порученная Клерже, проводилась им очень удачно, но благодаря инциденту с нами все это дело затянулось, а это, в свою очередь, отозвалось неудачами на фронте.

11). В разговоре с Матико я не заявил ему, что «я о многом знаю, но не в силах противодействовать властям».

12). Опись пропавшим вещам составлена была мною не по моей инициативе, а по требованию Военного контроля.

13). Я вовсе не заявлял Матико о таком случае с офицером контрразведки, да такого случая и не было в действительности.

14). Вступить в Торговое общество в Петрограде мне предлагал[и] Клерже и Матико, для моего вступления туда компаньоном, по предварительному условию, я должен был внести 15 тыс. руб., а мне достали бы подложный паспорт, чтобы переправить в Петроград в вагоне комиссара Шпилевского. При составлении письменного условия в квартире Матико оказалось, что эти 15 тыс. руб. я должен внести им в Перми, а кроме того – внести еще 50 тыс. рублей по прибытии в Петроград, кроме того, подробные функции этого торгового предприятия мне объявили бы только по подписании условия. Все это заставило меня усомниться в честности этой сделки и я отказался от таковой; к моему отказу они, по-видимому, отнеслись очень легко, так как выйдя для совещания в соседнюю комнату – они даже смеялись там и вскоре ушли.

Протокол мне прочитан.

Владимир Николаевич Шиляев *(подпись)*

Допрашивал: подпоручик
А. Балаев *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 208–210. Подлинник, рукопись следователя и машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 60

Вопросный лист Центральной следственной комиссии Военного министерства и протокол ответов свидетельницы В. А. Шиляевой. 4 сентября 1919 г.

Вопросный лист

1). Опросить ШИЛЯЕВУ Варвару Александровну:

2). Почему она прямо указывает, что КЛЕРЖЕ ее ограбил; не допускает ли она, что вещи были взяты БИРОНОМ, ШПИЛЕВСКИМ или другими большевиками при обыске.

3). Если точно знает, что брал КЛЕРЖЕ, то что именно он взял и разграбил и какие именно вещи похитил.

4). Заявляла ли она КЛЕРЖЕ свой протест по этому поводу и если да, то что он ответил; были ли при этом какие-либо свидетели.

5). Приезжали ли разные подозрительные лица именно к КЛЕРЖЕ или, может быть, специально к БИРОНУ и Шпилевскому, приезжали ли эти подозрительные лица к КЛЕРЖЕ и тогда, когда дома других большевиков не было, или даже еще ранее их переселения в квартиру.

6). Не ездил ли к КЛЕРЖЕ кто-нибудь из штаба Красной армии.

7). Не допускает ли она мысли, что КЛЕРЖЕ не был настоящим большевиком, а выдавал себя за большевика, чтобы обмануть БИРОНА и ШПИЛЕВСКОГО, чем легче было скрыть, что он на самом деле офицер; были ли БИРОН и ШПИЛЕВСКИЙ, на ее взгляд, люди доверчивые, которых легко можно было обмануть, или это были люди умные и хитрые, которые могут дружить только с тем, кто принадлежит к их кругу и действует как они.

8). Был ли случай, что КЛЕРЖЕ спас ее, когда большевики пришли арестовывать ее, и если был, то при каких обстоятельствах все это произошло.

9). Почему она так плохо отзывается о человеке, который выручил ее из беды.

10). Много ли раз были у нее обыски.

11). Были ли обыски в комнатах, занимаемых КЛЕРЖЕ.

12). Может ли она указать других свидетелей, которые подтвердили бы, что КЛЕРЖЕ большевик и, кроме того, похитил ее вещи.

13). В чем именно выражалась дружба КЛЕРЖЕ с БИРОНОМ и другими большевиками.

14). Очень ли широко жил КЛЕРЖЕ, сколько приблизительно проживал в месяц.

15). На каком основании считали большевистскими шпионами МАТИКО и ЧАРЛЬСОН (падчерица Клерже).

16). Призывала ли она, после занятия Перми белыми войсками, офицера для ареста КЛЕРЖЕ как большевика и почему он не был арестован.

17). Как была взята Пермь: неожиданно для жителей или падение предвидели и задолго ожидали.

18). Как она думает, почему КЛЕРЖЕ не уехал с другими большевиками, а оставался в Перми.

19). Видела ли она лично, что КЛЕРЖЕ спекулировал платиною, и если только слышала от ШПИЛЕВСКОГО, то как могла с ним разговаривать, когда ее преследовали большевики.

20). Проезжая станцию Омск, заявляла ли она МАТИКО, что «мы говорили одно, они писали другое».

21). Заявляла ли Шиляева МАТИКО, что показания свои «она подписывала, но сама не знала что. Показания мне не читали, а подписать заставили».

22). Заявляла ли ШИЛЯЕВА, что допрос ее производился при какой-то ужасной обстановке. Если да, то какая это была обстановка и в чем заключались ужасы.

23). Говорила ли она, что Михайловне кто-то из производящих дознание угрожал револьвером.

24). Где находится прислуга Ольга Михайловна ЦАРЬКОВА.

25). Был ли случай, когда Шиляева осматривала вещи у жены полковника КЛЕРЖЕ, и на каком основании. Нашла ли что-либо из своих вещей. Не было ли по этому поводу какой-либо ссоры между ними.

26). Не вывозила ли ШИЛЯЕВА сама из квартиры своих золотых и других ценных вещей для скрытия их от большевиков.

27). Присутствовала ли ШИЛЯЕВА или ее муж в день отъезда полковника КЛЕРЖЕ из квартиры и какие последним были взяты с собою вещи.

28). Часто ли ШИЛЯЕВА посещала свою квартиру и в особенности после обысков и не обнаружила ли она кражи вещей красноармейцами.

29). Были ли случаи, что МАТИКО спасал ее вещи и возвращал ШИЛЯЕВОЙ через прислугу ЦАРЬКОВУ.

Член комиссии
генерал-майор Шулькевич *(подпись)*

Протокол

1919 года, сентября 4 дня, г. Иркутск. Я, помощник начальника Иркутского губернского управления Государственной охраны, прапорщик Кромский, допрашивал, согласно сношения председателя Центральной следственной комиссии при военном министре от 23 августа с/г жительницу г. Иркутска Варвару Александровну Шиляеву, 25 лет, вероисповедания православного, которая на предложенные ей вопросы показала:

2). Мои вещи были разграблены в мое отсутствие. О совершившемся факте я узнала уже после, когда я вернулась домой, от зятя Клерже, по фамилии Матикошвили (Лаури).

3–4). Что вещи взял Клерже, этого я не утверждаю. Похищено было много золотых и домашних вещей. Бирона никогда не видала. Шпилевского я видела, знаю его.

5). Бывал ли кто-нибудь у Клерже, я не знаю. По словам прислуги, у него бывал какой-то поляк, какой-то грузин и инженер Буткевич. В момент переселения на мою квартиру Бирона, Шпилевского и других коммунистов меня уже там не было. В это время я уже скрывалась то в городе, то по деревням. При Шпилевском, переехавшем ранее Бирона, я несколько раз бывала и даже ночевала у себя на квартире.

6). Бывал ли у Клерже кто-нибудь из штаба Красной армии, не знаю, не видала.

7). Был ли Клерже большевиком, я не знаю. С большевиками он был очень любезен. Впечатления бывшего офицера не производил, был скорее похож на спекулянта. Шпилевский же сам говорил мне: «Вот подработаю миллиончика два и уеду за границу». На вид Шпилевский был очень добродушен, считал себя коммунистом.

8). При Клерже большевики хотели нас арестовать. Нас вообще большевики давно разыскивали, чтобы арестовать. Однажды во время завтрака пришли из «чрезвычайки», чтобы нас арестовать. Клерже помог нам незаметно уйти из квартиры. Я ушла к своим знакомым, муж тоже. Свидетелей этому никаких не было.

9). Клерже был для меня человеком непонятным. Сначала был человеком, на мой взгляд, симпатичным, а потом нет. Помог уйти нам он, я думаю, потому, что боялся, чтобы его не разоблачили, а может быть и из добрых к нам намерений.

10–11). Обысков у меня не было. Приходили только два раза из сыскного бюро взять мою или мужа фотографические карточки, но обыска не производили.

12). Был ли Клерже большевиком и расхищал ли мои вещи, я не знаю.

13). Клерже, особенно его зять Лаури, часто виделись с[о] Шпилевским. Вместе столовались. Все время они были вместе. Был ли кто-нибудь еще из коммунистов у Клерже, я не знаю.

14). Жил Клерже очень хорошо. Было в то время все очень дорого. Ездили по деревням и привозили мясо, масло и т. д. Это они получали в обмен на сахарин, ситец и еще что-то. По-видимому, спекулятивным путем.

Один раз Клерже ездил в Петроград и оттуда привозил разные товары: сахарин и что-то другое.

15). О какой-либо деятельности Матикошвили не знаю. О деятельности падчерицы Клерже, Татьяны Чарльсовны Вильямс, как мне ее называли, тоже ничего не знаю. Были ли они большевистскими шпионами, ничего не знаю.

16). При занятии белыми войсками Перми я обратилась к коменданту города с просьбой осмотреть мою квартиру, так как там жили большевики, в том числе Шпилевский, нет ли там чего-нибудь. Когда я об этом сказала Клерже и заявила, что хочу занять свою квартиру, Клерже на меня накричал, что я напрасно это сделала, так как в квартире ничего нет. Разговор этот происходил при офицере комендантского управления, которого Клерже не пустил произвести осмотр квартиры.

17). Взятие Перми для жителей было неожиданным, ходили только слухи. Город был взят тихо. Клерже и другие очень боялись этого взятия и искали безопасного убежища, хотели даже спрятаться в подполье. Где они были во время взятия города, я не знаю.

18). Почему Клерже остался в городе, а не уехал – я не знаю. Мне он говорил, что как только возьмут Пермь, он поедет в Екатеринбург и там будет работать.

19). От Шпилевского, с которым я несколько раз разговаривала, когда он жил у меня на квартире, я слышала, что кто-то у кого-то купил платину и денег не заплатил. Лаури часто говорил, что он имеет много платины, и предлагал ее купить у него. Занимался ли Клерже спекуляцией платиной и серебром, я не знаю.

20). В Омске я видела зятя Клерже, Матикошвили–Лаури, который мне сказал, что видел мои показания, данные мною в Перми, и пригрозил, что он на суде меня «засудит». Грозил мне чуть ли не расстрелом.

Относительно того, что я говорила одно, а писали другое – я ничего ему не говорила, так как мои показания были записаны правильно, только в сжатой форме.

21). Относительно того, что меня заставили подписать протокол допроса, а протокола не прочли – я ничего ему не говорила.

22). Перед моей подписью мне протокол был прочитан и тогда я подписала его.

23). Никто револьвером мне не угрожал и говорить об этом Михайловне я не могла.

24). Царькову Ольгу Михайловну я оставила в Екатеринбурге, так как она устроила мне скандал из-за неудобства в вагоне.

25). Вещей Клерже и его жены никогда не осматривала и ничего у них не искала. Ссор у нас вообще не было.

26). Никаких вещей для скрытия от большевиков из квартиры своей никуда не увозила.

27). В квартире своей, после прихода сибирских войск, не жила, так как Клерже меня туда не пустил. Когда он уехал из квартиры, не знаю. При отъезде он, видимо, взял с собой мою подушку и чехол с оттоманки. Костюм моего мужа, который носил родственник Клерже, Матаков, остался.

28). Квартиру свою посещала редко. Много вещей пропало, но где они находятся, я не знала. Кто их растащил – я не знаю. Клерже говорил, что «чрезвычайка».

29). Никаких вещей мне Матикошвили не возвращал – ни лично мне, ни через Царькову.

Зачеркнуто «часто», надписала «Один раз» – верить.

Протокол прочитан.

Варвара Александровна Шиляева *(подпись)*

Допрашивал прап[орщик] Кромский *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 211–214. Подлинник, рукопись следователя и машинопись. Автографы подписавших лиц).

Документ № 61

Сопроводительное письмо Министерства иностранных дел к документам о Г. И. Клерже, полученным от Российской миссии в Персии по запросу Центральной следственной комиссии Военного министерства. 9 октября 1919 г.

Товарищ министра иностранных дел — Секретно

№ 150 с.ж.
9 октября 1919 г.
г. Омск

Канцелярия военного министра.
Получено
13 октября 1919 г.
Секр. вход. № 2354

Его пр[евосходитель]ству А. П. Будбергу[62].
Милостивый Государь
барон Алексей Павлович,

Имею честь препроводить с сим к Вашему Превосходительству копию отношения Российской миссии в Персии от 21 мая с. г. за № 1650 с двумя к ней приложениями[63] по вопросу о деятельности полковника Клерже в Персии.

При этом считаю долгом добавить, что препровождаемая копия является ответом на телеграмму министерства от 17 мая с. г. за №810, посланную миссии в Персии, согласно запроса о полковнике Клерже Центральной следственной комиссии при военном министре от 8 мая с. г. за № 32.

Примите, Милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и таковой же преданности.

В. Жуковский *(подпись)*

Резолюция: В Центр[альную] след[ственную] комиссию.

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 217. Подлинник, машинопись. Подпись и резолюция: автографы подписавших лиц).

Документ № 62

Ответ Российской миссии в Персии по запросу Центральной следственной комиссии Военного министерства о деятельности Г. И. Клерже в Персии. 21 мая 1919 г.

Российская миссия
в Персии
№ 1650
21 мая 1919 г.
г. Тегеран

Копия

Доверительно

Точный ответ на секретную телеграмму 17 мая за № 810 затруднителен ввиду того, что в архиве миссии не имеется подобных материалов о проис-

шествиях в Персидской казачьей дивизии в феврале 1918 г., а большинства непосредственных участников их в настоящее время нет в Тегеране. На поставленные вопросы возможно дать следующие ответы.

1. Под заискиванием полковника К л е р ж е перед инструкторским составом предшественник мой, по-видимому, разумел повышение полковником Клерже жалования урядникам и уменьшение жалования офицерам, а равно принятие им участия (косвенно) в выборных организациях дивизии и русской колонии.

По вопросу о распределении вознаграждения инструкторам, к тому же весьма высокого, – миссия считает себя некомпетентной. В отношении организаций следует принять во внимание общее положение дел в начале 1918 года.

2. Главный вопрос лежал не в плоскости отношений полковника Клерже с его подчиненными, а в том, что Персидское правительство отказалось его принять. Недовольство подчиненных было именно по поводу подрыва самого существования их части вследствие возникновения личного вопроса о признании полковника Клерже, совершенно не подымавшегося при его предместнике генерале бароне Майделе. Возможно, что существовало предположение, что полковник Клерже, желая быть назначенным в Тегеран, использовал некоторые жалобы, отправленные на барона Майделя отдельными чинами дивизии.

Что касается оппозиции Персидского правительства, то внешне оно ссылалось на факт назначения полковника Клерже уже после водворения большевиков. Полковник Клерже отстаивал точку зрения, что Главное управление Генерального штаба есть учреждение техническое и существует независимо от политических перемен. Главная причина оппозиции крылась гораздо глубже: персы определенно хотели свести на нет казачью дивизию в числе других русских учреждений, и хотели использовать в этом отношении смену начальника дивизии.

При старых порядках глава инструкторской миссии прямо назначался из Петрограда, но при условиях данного времени персы явно могли обидеться таким самостоятельным распоряжением. Из прилагаемого отчета о беседе с военным министром ясно видно, как обстояло дело с полковником Клерже.

3. Заговор, вылившийся в события утра 3 февраля 1918 г., никогда не был в точности расследован, так как просьба о присылке военного следователя не могла быть выполнена ввиду распадения Кавказского командования.

Подводя итог, можно сказать, что арест полковника Клерже явился безусловно печальным инцидентом, одним из многочисленных «действ» переживаемой эпохи. Особенно печально, что он произошел на глазах иностранцев. Вряд ли полковника Клерже можно преследовать, в особенности после всего, что его постигло. Но с другой стороны, оставление полковника Клерже на месте могло явно привести к большим осложнениям. Что,

например, предпринял бы он, на основании теории о продолжении технической работы Главного управления, при получении прилагаемой телеграммы генерала Потапова от 11 мая 1918 года № 98?[64].

Дивизия, между тем, продолжает свое существование до настоящего момента, пользуясь субсидией англичан, передаваемой теперь через Персидское правительство. Вся опора, на которой она держится, это есть желание самих персов сохранить ее. В этом отношении какие-либо трения с Персидским правительством были бы гибельны. Тут и приходится отдать все должное работе полковника В. Д. Старосельского, исключительные заслуги которого мой предшественник столь справедливо отмечал в Омске.

Поверенный в делах, советник МИДа Беляев

Верно: и. д. делопроизводителя *(подпись).*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 218–219. Копия, машинопись. Подпись: автограф лица, сделавшего выкопировку).

Документ № 63

Протокольная запись беседы первого секретаря Российской миссии в Персии с военным министром правительства Персии (Приложение к ответу Российской миссии в Персии на запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства). 29 января 1918 г.

Копия

Разговор первого секретаря миссии В. Ф. Минорского[65] с военным министром Мушир-уд-Доулэ от 29 января 1918 года.

Мушир-уд-Доулэ. – Персы хотят создать одну общую военную организацию, имеющую поглотить и казаков и английскую организацию S.P.R.[66] на юге.

Если нельзя будет поставить ее на ноги с помощью одних персов, будут приглашены инструкторы. Предполагаются шведы. С англичанами идут переговоры. Они соглашаются, но в последний момент говорят, чтобы отложить до окончания войны. Казачьей бригадой, и даже дивизией персы дорожат, но хотят, чтобы во главе ее стоял человек перс[идского] подданства или человек нейтральный, вроде Hjalmarson.

В[опрос]. – Как же тогда представляете Вы положение русских офицеров?

О[твет]. – Они должны покинуть Персию. Будущее неизвестно. Что еще будет? А пока военная миссия считается отозванной. В известиях рабочих депутатов[67] появился декрет Ленина из пяти пунктов (вывод русских войск, отозвание инструкторов, уничтожение договора 1907 года[68], пересмотр Туркменчайского трактата[69], пересмотр таможенного тарифа).

В. – Но для изменений в устройстве дивизии нужны деньги.

О. – Деньги будут. Из общей суммы малиата[70] в 30 куруров[71] туманов мы не добираем 10 куруров ввиду несовершенства контрольного аппарата. Повышение пошлин даст еще 5 куруров. С повышением и улучшением взиманий пошлин на опиум у нас будет достаточно денег на содержание общей силы тысяч в двадцать человек. Барон Майдель сказал, что за 1 200 000 туманов в год можно содержать … человек, значит, на наши 20 000 потребуется …[72], а мы будем экономнее англичан, бросающих деньги на громадное жалование на юге. Когда войска будут в наших руках, мы будем добирать много недоимок.

В. – Но все это вопросы будущего, а сейчас какая же немедленная программа?

О. – Англичане должны нам за мораториум и т. д. около одного миллиона восемьсот тысяч туманов, так что и на первое время у нас будут деньги.

В. – Отчего Вы не хотите принять полковника Клерже?

О. – Раз отозвана военная миссия, он не имеет никаких прав. Он приехал во время кризиса кабинета, и мой помощник написал барону Майделю не сдавать дивизию, но ни барон Майдель, ни полковник Клерже не послушались. Я не могу признать его в новом качестве. Пусть он пришлет, например, полковника Старосельского.

В. – Но ведь Вы не отрицаете, что полковник Клерже фактически распоряжается дивизией и ответствен за нее. Даже если будут проходить Ваши реформы, надо же Вам будет с ним говорить.

О. – Это все вопрос сложный. Мне надо подумать и поговорить с коллегами.

В. – Но если Вы опасаетесь прецедента, отчего Вам не принять полковника Клерже част[н]о, без «тешахоса»[73]. Можно написать ему приглашение, упомянув, что визит не предрешает принципиальных вопросов.

О. – Нет, пусть лучше приедет третье лицо.

В. – Итак, вообще вопросы теперь не ставятся как навязывание нашей воли, а как соображения целесообразности. Раз Вы решаете вопросы, Вы можете и решить, удобно ли среди данной обстановки будет разрушить часть, которая, как Вы видите (читаю ему донесение Кадлубовского) несет же отлично службу в Казвине. Что говорят большевики, я не знаю, но как русский я не могу отказаться от мысли, что нам надо ценить и поддержать работу, сделанную рядом русских офицеров, сохранивших и сейчас дисциплину в командуемых ими персидских частях. Значит, технически работа их не подлежит критике, а если возражения политические, то: 1) не надо забывать дух великих переворотов в России; 2) для парализации политики есть сотни нейтральных мер, о которых возможно договориться. Сколько знаю, барон Майдель всегда спрашивал же Ваших распоряжений.

О. – Нет, и барон Майдель, который оставил о себе добрую память, не всегда меня слушал.

В. – Что слышно о «дженгели»[74]?

О. – Хорошо не известно, но они поклялись остаться, пока не покинут Персию иностранцы.

В. – Однако войска наши все уходят, а дженгели все растут.

О. – Ваше место занимают англичане.

В. – Уничтожение соглашения 1907 года может иметь это естественное последствие. Кроме того, не забывайте, что пока мы живем в мире отвлеченной любви к человечеству, идет еще жестокая война, и англичане не могут спокойно подставлять бока опасности из Афганистана и т. д.

О. – Да, но если Вы не можете протестовать против продвижения англичан, то персы должны это делать.

Подп[исано]: Минорский
и. д. делопроизводителя *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 220–221. Копия, машинопись. Подпись: автограф лица, сделавшего выкопировку).

Документ № 64

Сопроводительное письмо Министерства иностранных дел к информации советника Российского посольства в Токио М. С. Щёкина по делу Г. И. Клерже, переданной в ответ на запрос Центральной следственной комиссии Военного министерства. 13 октября 1919 г.

Министерство иностранных дел Совершенно доверительно
Первый департамент
№ 151с
13 октября 1919 г.
г. Омск

Г[осподину] председателю
Центральной следственной
комиссии при военном министре.

Вследствие отношения от 28 июля с. г. за № 192, имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству в копии письмо на мое имя М. С. Щёкина от 6-го минувшего сентября за № 840 по делу полковника Клерже.

Товарищ министра иностранных дел В. Жуковский *(подпись)*

И. д. директора [департамента] Колбецкий *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 223. Подлинник, машинопись на бланке Министерства иностранных дел. Автографы подписавших лиц).

Документ № 65

Письмо советника Российского посольства в Токио М. С. Щёкина с информацией о деятельности Г. И. Клерже в Персии. 6 сентября 1919 г.

Российское посольство в Токио
6 сентября 1919 года
№ 840

Совершенно доверительно

Милостивый Государь,
Владимир Григорьевич[75],

В ответ на письмо от 29 июля с. г. № 128, имею честь сообщить Вам все, что мне известно о полковнике Клерже в связи с его деятельностью начальника Персидской казачьей дивизии в конце 1917 г. и в начале 1918 г. Более обстоятельные и документальные данные по этому делу имеются, конечно, в нашей миссии в Тегеране, а равно в архивах Военного ведомства в Тифлисе, если таковые уцелели.

В октябре 1917 г. я находился в Петрограде, собираясь ехать в Тегеран, куда был назначен посланником. В числе дел, касающихся наших военных интересов в Персии, которыми мне пришлось тогда заниматься и с которыми я успел ознакомиться полностью, вопроса о назначении нового начальника Персидской казачьей дивизии не значилось, из чего можно заключить, что вопрос этот в период времени, предшествовавший большевистскому перевороту, в определенной форме не возбуждался, так как по установленному порядку на всякое назначение начальника упомянутой дивизии должно испрашиваться предварительное согласие шаха через Министерство иностранных дел и нашу миссию в Тегеране.

В декабре 1917 г., находясь в Баку, я случайно узнал, что туда прибыл полковник Клерже проездом в Тегеран для занятия должности начальника Персидской казачьей дивизии. Затем из переписки с Н. С. Эттером и другими сослуживцами в Тегеране я постепенно осведомился сначала о затруднениях миссии, связанных с приездом полковника Клерже (сомнительность приказа о его назначении, подписанного генералом Маниковским в период времени, по-видимому, совпадающий с большевистским переворотом, уклончивое отношение Персидского правительства, не запрошенного предварительно о Клерже и проч.), затем о кратковременном командовании Клерже, которое кончилось его арестом офицерами дивизии и фактическим устранением его от должности. За все это время миссия вынуждена была держаться довольно пассивного положения, отчасти ввиду царившего кругом хаоса, отчасти опасаясь, по-видимому, столкновений с местным революционным комитетом русской колонии, подпавшим под влияние приехавшего в Тегеран вместе с Клерже некоего Леграна[76], бывшего служащего Учетно-ссудного банка в Персии.

Этот Легран примыкал к большевикам, но вместе с тем вел интриги против большевистского посланника в Тегеране Бравина, выставляя себя кандидатом на его место.

Во время моего пребывания в Тифлисе в феврале 1918 года ко мне неожиданно явился полковник Клерже и просил разрешения доложить о своем деле. Его объяснения сводились к тому, что весь инцидент в Тегеране был плодом личных счетов и интриг офицеров, из числа которых он, однако, исключал своего предшественника по командованию дивизией. Я ответил что, не разбираясь в том, кто прав, кто виноват, считаю одно вполне ясным – именно невозможность для моего собеседника когда-либо вернуться в Тегеран после разыгравшегося там скандала. Клерже вполне согласился с такой точкой зрения, но стал доказывать, что считает себя вправе получить компенсацию в форме сохранения за ним содержания по должности командира дивизии, которое при переводе с персидских туманов на рубли составляло очень значительную сумму. Клерже выразил надежду, что военное начальство согласится на такую компенсацию и просил моего содействия в этом вопросе.

В тот же день меня посетил прибывший одновременно с Клерже делегат от офицеров дивизии, привезший подробный документальный материал для представления штабу. В его докладе содержался целый ряд обвинений как личного, так и политического характера против Клерже, причем особый вес придавался утверждению, что со дня вступления в командование дивизией все его старания были направлены к тому, чтобы придать ей большевистскую организацию и свести офицеров на соответствующую таким принципам роль.

Несколько времени спустя я имел случай говорить по этому поводу с генералами Лебединским и Левандовским[77]. Оба были согласны относительно невозможности возвращения Клерже в Тегеран и спросили мое мнение о праве его на компенсацию. Я ответил, что вопрос сводится к правильности его назначения. Даже оставляя в стороне такую существенную подробность, как отсутствие согласия Персидского правительства, приказы генерала Маниковского, изданные в конце октября и в ноябре старого стиля 1917 г., должны рассматриваться в данную минуту в связи с одним документом, не существовавшим во время приезда Клерже в Тегеран. Документ этот – недавно опубликованный в большевистских официальных «Известиях» отчет «главковерха» Крыленко о захвате им Военного министерства и о роли, которую он заставил играть при этом генерала Маниковского. Несмотря на крайний цинизм упомянутого отчета, игнорировать его, мне казалось бы, нельзя, и это по меньшей мере заставляет относиться с осторожностью к приказам генерала Маниковского, изданным в указанный промежуток времени.

Других разговоров с военным начальством о полковнике Клерже у меня не было, но последний еще раз заходил ко мне и сообщил, что,

не получив удовлетворения в Тифлисе, уезжает в Петроград. Из Тифлиса он действительно уехал, но куда именно, мне неизвестно.

Вскоре после того был издан приказ штаба, утвердивший исполняющим обязанности командира Персидской казачьей дивизии офицера, заменившего Клерже, по фамилии, если память мне не изменяет, полковник Старосельский.

Примите, Милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Щёкин

Верно: и. д. делопроизводителя *(подпись)*

(ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 224–225 об. Копия, машинопись. Подпись: автограф лица, сделавшего выкопировку).

Приложение № 3

Документы о деятельности Г. И. Клерже на посту начальника штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины Г. М. Семёнова

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39532 (штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала). Оп. 1. Д. 73, 76 ; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-936 (Управление делами Временного Приамурского правительства). Оп. 1. Д. 63 ; Русский воин (газета). Владивосток, 1921. 19 июня (№11).

Документ № 1

Личная записка атамана Г. М. Семёнова Г. И. Клерже г. Порт-Артур. 21 мая 1921 г.

Дорогой Георгий Иосифович!

Телеграмма на русский шрифт переведена неправильно, смотрите в тексте мои поправки[78]. Что касается Владимира, думаю, что нашелся новый провокатор против Вас. Впрочем, у меня сейчас явилась мысль, не Ломакин[79] ли это?

21. V. 1921 г. Ваш Г. Семёнов

P.S. Черкните Ваше мнение с подателем сего.

А. С.[80]

(РГВА. Ф. 39532. Д. 76. Л. 18 об. Рукопись. Автограф Г. М. Семёнова).

Документ № 2

Протокол совещания, состоявшегося на корабле «Лейтенант Дыдымов»[81] в бухте Золотой Рог между председателем Временного Приамурского правительства С. Д. Меркуловым и главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины Г. М. Семёновым. 8 июня 1921 г.

Присутствовали:

Главнокомандующий генерал-лейтенант атаман Семёнов.

Начальник штаба Главнокомандующего, Генерального штаба генерал-майор Клерже.

В. С. Шарабурин – делегат первой сессии Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока[82].

Председатель Временного Приамурского правительства С. Д. Меркулов[83].

Генерал Лебедев[84].

Японские представители, приглашенные со стороны С. Д. Меркулова.

В начале заседания начальник штаба главнокомандующего генерал-майор Клерже предложил присутствующему на заседании В. С. Шарабурину взять на себя обязанности секретаря и вести протокол. Предложение было принято.

Заседание открыто в 6 часов 35 минут вечера С. Д. Меркуловым, который обращается к главнокомандующему с вопросом: каковы его желания.

Главнокомандующий: Мое желание – это освобождение измученного населения от ига насильников коммунистов-большевиков. Эта задача была поставлена мной четыре года тому назад и я ее, чего бы мне это ни стоило, доведу до конца. На основании данных, полученных из Амурской, Приморской и Забайкальской областей, а также [от] ряда общественно-политических организаций, путем донесений с мест и от делегаций, мной совместно с начальником штаба 5 апреля 1921 г. был составлен общий план весенней кампании борьбы с коммунистами и находящимся во всех названных выше областях подчиненным мне военным группам и признавшим меня общественно-политическим организациям мною были преподаны указания и, таким образом, переворот во Владивостоке был совершен по моим директивам и является частичным осуществлением составленного мною плана. Я не отрицаю Вашей работы, она велика и я стараюсь облегчить ее Вам. Мной были отпущены средства на созыв съезда и содержание делегатов, а также и для избранного съездом Совета несоциалистических организаций. Одним словом, мной были приняты все меры и сделано все для того, чтобы облегчить Вашу работу и изгнать коммунистов из Приморья. Этого Вы отрицать не должны и, уверен, не будете. Я приехал сюда не для того, чтобы совершать новый переворот и посягать на Вашу власть, ибо она мне не нужна. Я приехал, исполняя волю народа, из подчинения которой я никогда не выйду. Цель моего приезда – координировать с Вами, русскими людьми, свою работу и приступить к осуществлению названного выше плана, ибо момент наступил.

Относительно конструкции власти – я уже высказал свои соображения и они выражаются в следующем: из представителей всех областей, общественно-политических организаций (до кооперации включительно), а также общественно-политических группировок Харбина создается Народное собрание, которое, по мере продвижения командуемой мною армии, пополняется представителями населения освобожденных от коммунистов областей. Второе – это избранный деловой аппарат власти, причем за мной остается прерогатива Верховной власти подписывать законы вместе с председателем Народного собрания, оставаясь главнокомандующим всеми вооруженными силами. Третье – это Совет управляющих ведомствами. Указанная мною система управления признается всеми, в том числе и кооперативами.

Повторяю еще раз, что я должен был приехать в Приморье и всякое замедление в моей поездке могло вызвать нежелательные ни для меня,

ни для Вас эксцессы со стороны подчиненных мне воинских частей, которые могли объяснить мою задержку как предательство, совершенное Вами по отношению ко мне. Заканчивая свои объяснения, я еще раз остановлюсь на следующем моменте: или остается в силе договоренность с демократическими организациями и представителями всех слоев населения Дальнего Востока на тех основаниях, как это было предусмотрено в Порт-Артуре[85], или я организую Комитет борьбы с большевиками-коммунистами и еду туда, куда призывает меня мой долг служения измученному народу.

С. Д. Меркулов: Мне хотелось бы знать, каковы Ваши финансовые основания для ведения операций?

Главнокомандующий: На первое время хватит, а на остальное есть источники, из которых эти средства всегда можно добыть.

С. Д. Меркулов: Каковы они?

Главнокомандующий: Таковы, что я должен приступить к осуществлению своих заданий немедленно.

С. Д. Меркулов: Неясно…[86].

С. Д. Меркулов: Национально-экономический союз и крестьянский, по имеющимся у нас сведениям, организации дутые. В качестве представителей крестьянства у нас имеется крестьянская фракция, представляющая подлинное крестьянство.

Главнокомандующий: Если подходить с Вашей точки зрения к оценке общественно-политических организаций, то обесценить и дискредитировать можно любую, но не в этом дело. Крестьянский союз[87] представлен беженским элементом и во всяком случае, раз существует организация и в ней есть люди и, кроме того, если задачи ее совпадают с начертанным планом возрождения Родины, то она уже представляет из себя политическую единицу, которую нельзя скидывать со счетов и с которой можно координировать свою работу. Крестьянская фракция может быть и отражает стремления крестьянства Приморской области, но ведь это совсем не значит всего крестьянства. Я опираюсь на волю населения, представленную организациями и делегациями от казаков, крестьян, бурят и других инородцев, а также и горожан. Кроме того, мною получены просьбы немедленно выступить на борьбу с коммунистами из Западной Сибири и из России. Таким образом, я опираюсь на широко выраженную волю народа. Чрезвычайная делегация из казаков, крестьян и бурят находится сейчас со мной.

С. Д. Меркулов: Крестьянский союз был у нас на съезде, предлагал заключить соглашение, мы условились обменяться представителями, но представитель Крестьянского союза к нам до сих пор не явился. У нас были крестьяне некоторых деревень Приморья и заявили, что если не будет всеобщей мобилизации, то они нас признают. Крестьянская же фракция заявила, что если мы не признаем атамана Семёнова, то они признают нас. Уссурийское войско признало нас условно. Казачья кон-

ференция была у нас и заявила о признании. Ваш план вооруженной борьбы приведет к разрухе. Если Вы пойдете насильственным, а не мирным путем к Хабаровску, то Вы придете к пепелищу, ибо все будет уничтожено, в том числе и железная дорога. Единственный мыслимый мною способ захвата Хабаровска – это переворот. С финансовой стороны мы находимся в тяжелом положении. У нас 170 мил[лионов] долгу иностранцам, 1 млн 647 тыс. руб. золотом не уплачено служащим жалованья, 164 тыс. нам не выдают на том основании, что это деньги колчаковского правительства и будут выданы законному правительству. Представители японских торгово-промышленных кругов заявили, что они дадут нам 3 млн иен при условии, если им будет предоставлена возможность взять весь залог в выданной сумме с собой – на том основании, что если будет атаман Семёнов, то весь залог может погибнуть, так как возможны реквизиции, как то было в Чите. Я осветил Вам создавшуюся финансовую обстановку и считаю, что если мы не найдем выхода из создавшегося положения, то мы погибнем. Во всяком случае я все-таки уверен, что при нашем плане мирной борьбы путем переворотов и сокращения расходов, мы сможем выйти все-таки из создавшегося положения. Что касается Вас, то я считаю, что Вы мало знакомы с обстановкой здесь у нас и я считаю, что Приморье для Вас должно явиться базой, дружественным тылом, который будет облегчать Вашу работу.

Главнокомандующий: Заявление представителей торгово-промышленных кругов я считаю необоснованным и построенным на провокации, ибо в Чите у меня были всего две реквизиции и те получили судебное завершение. Что же касается Ваших финансовых планов, то если Вы координируете со мной свою работу, то мы получим заем, если же нет, то один Вы ничего не получите и погибните.

С. Д. Меркулов: Относительно денег, отпущенных на съезд, то, во-первых, это деньги государственные, а во-вторых, их было получено немного и на съезде истрачено всего 4 тыс., нам же съезд обошелся в 28 тыс., а весь переворот в 70 тыс. руб. Я не знаю кому еще и какие деньги Вы отпускали.

Главнокомандующий: Я давал деньги Вашему брату Н. Д. Меркулову[88] и Ивановым[89] и могу доказать документально, что деньги брались на Вашу работу.

С. Д. Меркулов: Относительно Верховной власти я считаю, что Верховная власть и Законодательное собрание не должны смешиваться.

Главнокомандующий: Я против народной воли не пойду.

С. Д. Меркулов: Сейчас создалась катастрофическая обстановка, ведется гнусная интрига, сыплятся угрозы. Необходимо найти выход из создавшегося положения и мы его, этот выход, мыслим в следующем: Вы единственная историческая фигура, к имени которой все прислушиваются, и мы совершенно не намерены были скидывать Вас со счетов, ибо другого такого человека как Вы нет. Но звание главнокомандующего на нашем маленьком клочке слишком громкое и поэтому мы Вам предлагаем

пост командующего с тем, чтобы Вы, по вступлении в должность, издали приказ о том, что Вы уезжаете по делам и на месяц уехали бы из Приморья.

Главнокомандующий: С моим отъездом теряет в ценности выдвинутая мной идея борьбы с большевиками и рвется связь с ведущими работу и подчиняющимися мне организациями, политическими и военными центрами. Ваш план применим в местном масштабе, где присутствуют иностранные войска, но не применим в Амурской и Забайкальской областях, где обстановка складывается иначе.

С. Д. Меркулов: Если Вы не согласитесь на предложенную комбинацию, то я соберу все общество и предложу ему избрать Коллегию и взять на себя власть.

Начальник штаба генерал Клерже: План был составлен нами и владивостокский переворот явился прямым следствием нашего плана. Вы говорите, что через 3–4 недели Вам удастся совершить переворот в Хабаровске, а я Вам заявляю, что через 1–2 недели Хабаровск будет наш и этот план проведу я от имени главнокомандующего. Я внимательно прислушивался к Вашим словам и не нашел ни одного серьезного мотива к отъезду атамана, и я считаю этот вопрос не срочным и еще раз подчеркиваю – не серьезным и подлежащим…[90]

Я сегодня три часа беседовал с генералом Вержбицким[91], и мы с ним вполне сошлись во взглядах, он также стоит на высказанной мной выше точке зрения. Необходимо прийти к соглашению, отъезд атамана, под каким бы соусом он ни проходил, может [вызвать] и вызовет большие потрясения. Вы говорите об интригах и угрозах, но Вы их сами создаете: когда ехал атаман, с которым было всего только 9 человек чинов штаба, подготовлялась попытка вооруженного нападения и ареста, также сейчас у Вас подготавливается попытка захвата идущего из Японии во Владивосток безоружного «Патрокла»[92], по бухте разъезжают вооруженные милиционеры. Что им нужно? Кого они караулят? Об этом нужно спросить Вас.

Дальше, части заявили атаману о желании сделать смотр. Атаман все время откладывал эти предложения, и наконец мы получили от Н. Д. Меркулова записку, в которой он в крайне грубой и вызывающей форме заявил, что смотра он не допустит. Я наблюдал за Н. Д. Меркуловым в Порт-Артуре и наблюдаю здесь, и прихожу к заключению, что его роль совмещает в себе признаки князя Львова[93] во время столкновения генерала Корнилова с Керенским, а его поступки являются повторением старого пройденного.

С. Д. Меркулов: Мне это ничего не известно, что же касается Н. Д. Меркулова, то он искреннейший человек, но он молодой политический деятель, горячий и, пожалуй, часто делает промахи. Я уже все высказал и мне нужно идти, так как меня ждут более важные дела.

Начальник штаба генерал Клерже: Если Вы считаете, что настоящее заседание, от того или иного результата которого может произойти кровопролитие, маловажным, то я нахожу, что Вы относитесь к настоящему заседанию и затронутому вопросу, имеющему международный характер, и к которому прислушиваются все – не серьезно.

Генерал Лебедев: Я думаю, что мы выход из создавшегося положения можем найти в следующей комбинации: Временное правительство продолжает вести свою работу в местном масштабе, но кроме того создается Комитет или орган, который берет на себя всю тяжесть этого органа, но оно ему помогает чем может и старается облегчить работу. Весь вопрос заключается в рациональном проведении этого принципа в жизнь.

С. Д. Меркулов: Я не уполномочен изменять своих предложений и еще раз предлагаю: или Вы командующий, или я соберу представителей населения и пусть этот вопрос разрешат они.

Главнокомандующий: Предложение генерала Лебедева я считаю наиболее продуманным и в его словах узнаю в нем истинного сына Родины, что же касается народной воли, то это продолжится один месяц и вместо представителей населения Вы соберете коммунистов. Ваши же предложения мне уехать – я считаю построенными на эгоистических, честолюбивых стремлениях ухватиться за призрак власти.

С. Д. Меркулов (к генералу Лебедеву): Хорошо, Ваше предложение я передам правительству и завтра не позднее трех часов сообщу ответ.

Генерал Лебедев: Повторяю, что эта комбинация разрешит и военный вопрос. В случае брожения войск их можно подразделить на местные и подчинить центральному органу, Комитету или как хотите его назовите, руководящему общей борьбой против большевиков.

С. Д. Меркулов: Кому же местные войска подчиняются?

Начальник штаба генерал Клерже: Приказам правительства, по директивам главнокомандующего.

С. Д. Меркулов: Что делать, если войска не подчинятся атаману Семёнову?

Генерал Клерже: Подчинятся Вам…[94]

С. Д. Меркулов: Ваши группировки тоже признали нас, а сейчас протестуют.

Главнокомандующий: Мои группировки признали Вас, имея в виду соглашение с демократическими организациями. Протестуют они потому, что считают действия правительства нарушением договорных условий.

С. Д. Меркулов: Если Ваши группировки протестуют, считая, что мы нарушили договорные условия, то ведь мы с каппелевцами за полтора месяца до переворота заключили договор и те тоже могут протестовать…[95]

Что же касается В. Ф. Иванова, про которого Вы упоминали, то никогда и никаких командировок мы ему не давали.

Генерал Лебедев: Ваши части остаются с Вами…[96]

С. Д. Меркулов: Внесенное предложение я доложу правительству, где оно будет обсуждаться не более трех часов и во всяком случае я не буду протестовать против выдвинутой комбинации. Что же касается Н. Д. Меркулова, то я ему предложу не действовать[97] в этом заседании, а так как выдвинуты обвинения, что мой брат играет роль князя Львова, то я поставлю условие, чтобы он вышел из состава правительства в данном

заседании. Я еще сегодня за час до заседания говорил, что нам нельзя работать, или я или он должны уйти из состава правительства.

Заседание закрыто.

(ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–3. Незаверенная копия, машинопись).

Документ № 3

Доклад Г. И. Клерже как председателя казачьей конференции командному составу Гродековской группы войск о переговорах атамана Г. М. Семёнова с правительством С. Д. Меркулова. Июнь, не позднее 10, 1921 г.

Генерал Клерже о текущем моменте.

Вследствие того, что в печать попадают отрывки истинных происшествий, искажение фактов, а иногда и умышленная провокация, я собрал вас, чтобы поставить в известность о текущих событиях и чтобы вы могли бы осветить вашим подчиненным обстановку, при которой я пытался употребить все меры к сближению двух групп[98] для согласной работы.

Занятый чисто специальной работой, я взял на себя тяжелый ответственный труд быть посредником и вести переговоры, так как у атамана Семёнова, располагающего только штабом, не было другого органа, который мог бы взять на себя эту задачу.

Скажу вам, что обостренность отношений зачастую доходила до возможности кровопролития, но, идя на все решительно уступки, я избегал этого и могу сказать, что со стороны нас сделано все, что мы могли. В противоположность же нашему честному желанию размотать клубок интриг и личных интересов, мешавших объединению, мы встречали не только недомолвки, лживость, но и самое недобросовестное отношение, выражавшееся в отвратительных интригах, подличаниях, партийных счетах. Особенно трудно было установить общность взглядов каппелевского командования и правительства Меркулова.

В разговоре с Меркуловым последний, как бы соглашаясь на все, ссылался на непримиримую позицию и тормоз в лице каппелевского командования, и для меня стало несомненным и ясным, что и между Меркуловым и каппелевским командованием также лежит масса недоговоренного и тайных интриг.

Получалась картина такого свойства, что то, что можно говорить с правительством, нельзя говорить со штабом и наоборот, и моя определенная и открытая позиция автоматически разоблачала их интриги между собой.

Что касается меня лично, то каждый мой шаг известен и санкционирован атаманом, моя работа носит систематический и планомерный характер, и в основу ее положена выдержка и полная терпимость.

Между прочим С. Меркулов заявил, что он связан договором со штабом и что он готов даже устранить Николая Меркулова и пойти на соглашение, но мешает штаб армии.

Тогда я выразил готовность переговорить с генералом Вержбицким. Наше свидание с последним продолжалось три часа. Командарм [был] в полной нетерпимости, часто уклонялся на почву личных интересов и персональных выгод командного состава. Видя бесполезность дальнейшего разговора, я встал и, обращаясь к командарму, высказал мое последнее мнение, что то, что проводится им, является «войной генералов», личными счетами и недостойно текущего момента, который переживает Россия, а поэтому я, не желая, чтобы история будущего могла бы бросить справедливый упрек в мелочности и эгоизме руководителей, опубликую наш разговор во всей его неприкрашенной целостности.

Генерал Вержбицкий остановил меня, и уже в более мягких тонах мы повели беседу, которая закончилась полным соглашением на следующих основаниях: 1. Общий фронт, 2. Одна цель и 3. Одна конструкция тыла.

Казалось бы, все шло к благополучному разрешению вопроса, но приезд генерала Пучкова[99] оказал самое пагубное влияние. Генерал Вержбицкий и С. Меркулов переменили снова тактику и тон на нетерпимость и полную отчужденность, а поведение С. Меркулова стало носить совершенно неискренний характер. Я снова решил бросить все счеты и, не считаясь с занимаемой мною должностью и положением, поехать к генералу Пучкову. Генерал Пучков подчеркнул, что он не приветствует меня и принимает как необходимое зло, на что я ему ответил, что в приветствиях не нуждаюсь, так как меня интересует только лишь Родина и предстоящая за нее борьба, а не генерал Пучков с его приветствиями. В генерале Пучкове я встретил человека, отбившегося[100] какими-то не жизненными заключениями и взглядами на качающейся платформе эсеровского пошиба и политической маниловщины. Было ясно, что какие-то партийные интриги и интересы устанавливают новую стену, нарушающую общее согласие. Словом, переговоры были окончательно сорваны генералом Пучковым. Правительство, как эхо, повторило ту же тактику и уклонилось от ответа, который должно было дать в 5 ч. вечера. Крайне характерно, что С. Меркулов заявил, что каппелевская армия никуда не годится, что она превратилась в преторианцев и т. д. Мне подобное заявление показалось по меньшей мере странным.

Собравшийся съезд несоциалистических организаций уже разгадывает всю сеть интриг, и его желание услышать мнение атамана показывает глубокое государственное понимание важности текущего момента. Думаю, что ему удастся пролить свет на всю позорную картину свалки и личных счетов за голую власть, отбросив служение Родине.

Позиция, занятая генералом Лебедевым, являющимся абсолютно нейтральным, достаточно ясна. Со своей стороны, выполняя желание съезда, я по приказанию атамана дам полную информацию о текущих событиях .

Обращаюсь к вам, господа, с призывом к полному спокойствию и полной лояльности в отношении братьев каппелеских войск.

Моя глубокая уверенность в том, что раскол, партийность и интриги цветут только в штабе, возглавляемом генералом Пучковым и не затрагивают

офицеров и солдат, вместе проливавших кровь и лежащих сейчас забытыми в одних и тех же лазаретах.

(Русский воин. Владивосток. 1921. 19 июня (№ 11). С. 4. Печатное издание ; РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–5. Машинопись, гектограф).

Документ № 4

Письмо Г. И. Клерже начальнику военных сообщений Японских экспедиционных войск в Сибири Сибо с просьбой о предоставлении вагонов для поездок по Приморью. 10 июня 1921 г.

Начальник штаба
главнокомандующего
всеми вооруженными силами
и походного атамана
всех казачьих войск
Российской Восточной
окраины
10 июня 1921 года.
№ 399
гор. Владивосток

Его Превосходительству
начальнику военных сообщений
Японских экспедиционных войск
в Сибири генерал-майору Сибо

Ваше Превосходительство,

Имея в ближайшие дни необходимость в вагонах и пользуясь неизменной Вашей любезностью, я прошу Ваше Превосходительство не отказать сделать распоряжение о предоставлении вверенному мне штабу трех классных вагонов, по возможности пульмановского типа I и II классов, одного вагона III класса под кухню и одной теплушки.

Заранее принося сердечную благодарность, прошу принять уверенность в совершенном почтении и искренней преданности.

Г. Клерже

(РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 1. Подлинник, машинопись. Подпись: автограф Г. И. Клерже).

Документ № 5

Сообщение для прессы о деятельности атамана Г. М. Семёнова, содержащее его речь на корабле «Киодо-Мару» перед представителями общественности Дальнего Востока. 23 июня 1921 г.

Делегации у атамана Семёнова

В среду 23 июня к атаману Семёнову на пароход «Киодо-Мару» прибыл ряд депутаций, являвшихся непрерывно с 12 часов дня до 2-х. Каждая из депутаций принесла с собой хлеб-соль и глава ее произносил горячую сочувственную речь к атаману от имени той организации, коей представителем была депутация <…>[101].

Атаман просил депутации собраться на верхней палубе и выслушать ту информацию, которую он считает необходимым им дать, учитывая текущий момент.

Все поднялись наверх и заполнили всю палубу, ожидая слов атамана.

Главнокомандующий встал и обратился к присутствующим представителям.

Речь атамана Семёнова

Я очень рад Вас видеть пред собой собравшимися от таких различных обществ, учреждений и союзов и считаю своим долгом осветить вам истинное положение вещей, раскрыть всю обволакивающую тайну переговоров со мною правительства, возглавляемого Меркуловым, и таким образом вскрыть этот нездоровый нарыв, чтобы Вы все ясно и отчетливо видели позорную и унизительную игру, которую вели со мной эти господа.

Мое прибытие сюда и стояние на рейде вот уже 18 дней, конечно, связано с целым планом, разработанным моим помощником генералом Клерже и тем общегосударственным договором, в составлении которого принимал участие также и Меркулов, подписав тогда и нарушив его сейчас.

Общественные организации Забайкалья, Читы, Приамурской области, Монголии и Сибири внесли свою лепту созидания, и на общих условиях был построен один план кампании 1921 года, так гнусно и отвратительно, предательски нарушенный Меркуловым.

Задержка на 18 дней уже, может быть, отражается там, на фронте.

Объединение всех групп в Артуре состоялось на одной общей платформе борьбы с большевиками.

Владивосток должен был быть только эпизодом борьбы на всем фронте.

Я дал на этот переворот Меркулову деньги, все что мог и, отправляясь сюда, совершенно не собирался оставаться во Владивостоке и оспаривать у него власть, а моей целью было движение на запад.

То же, что здесь происходит, является грязной игрой политических шулеров, устроивших здесь ловушку, обманувших меня и, очевидно, с тайной целью затягивания переговоров выиграть им нужное время. Я хочу, чтобы голая правда озарила тот мрак лживых и грязных сплетен и провокаций, которые распускают это правительство и его агенты.

Мой приезд вызвал немедленное заявление, что стоит мне сойти на берег, как начнется резня, и что будто бы забастуют все железные дороги и на улицах города будут бросать бомбы. Подробные донесения выяснили мне всю вздорность и лживость этой галиматьи.

Русский народ знает правду, что атаману Семёнову не нужно ни почестей, ни славы, ни власти… Ему нужна великая воскресшая Россия. Я пришел сюда вести моих солдат освобождать Родину, а не вырывать власть у опереточных министров и разводить политику интриг во Владивостоке.

Я пришел сражаться, а не спорить за власть.

Но эти господа не останавливаются ни перед чем, они забыли стыд и гордость русского имени, бегают по передням …, лгут, клевещат и не дают мне идти на помощь тем, кто задыхается там, в советской России.

На «Патрокле» 20 числа Спиридон Меркулов подписал со мной соглашение, где все мои части принимаются на одно общее довольствие и снабжение. Он это подписал под давлением японского командования, а 21 отменил и разорвал соглашение.

Я пошел на все уступки…

Я согласился высадиться на Посьете[102] и оттуда вести руководство операциями, но, с трудом согласившись оставить конвой, они приставляют мне политического комиссара.

Наконец, они отказались и от этого и заявили, что желают меня «интернировать».

Это меня-то, четыре года сражавшегося с большевиками, держать в плену!

(Голоса: «Негодяи. Предатели. Изменники»).

Они потребовали от меня, чтобы я отказался от своих солдат и боевых товарищей, бросил армию и руководство ею. Я на это ответил отказом.

(Крики: «Правильно»).

Меркулов мне говорил, что они решили не бороться с большевиками, а мирно изжить большевизм, проповедуя какой-то новый глупейший способ непротивления.

Мало этого, когда я заявил, что отнюдь не собираюсь вмешиваться ни в политическую, ни [в] административную жизнь, он к моему безграничному удивлению потребовал от меня ШЕСТИМЕСЯЧНОГО ПЕРЕРЫВА БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ, то есть определенного уничтожения и ликвидации красными восстаний[103] и разгрома группировок по частям.

Это глупое выбалтывание со стороны Меркулова раскрыло мне глаза на то, что тут зреет определенное предательство и, может быть, явная провокация и измена делу возрождения России.

Мои просьбы не продавать склады боевых припасов не помогли, и сделка состоялась. Только запрещение японцев спасло положение, но зато Меркулов продает рельсы, а вы сами знаете, как это нужно сейчас.

Ставя такие условия позора, он оскорбляет меня, но я готов перенести это и уехать в Посьет.

(Крики: «Не Вас оскорбляют, а всю Россию. Это пощечина всей России. Негодяи»).

Я же не могу отказаться от борьбы и пока со мной останется хоть один человек, я буду биться против большевиков.

(Крики: «Ура, да здравствует атаман Семёнов!» прервали речь атамана и взволнованный, он мог только благодарить депутатов).

(РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л.7–13. Машинопись. Гектограф).

Приложение № 4

Документы о Г. И. Клерже, собранные в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ)

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830 (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 20551 (досье на Г. И. Клерже. Начато 2 апреля 1935 г., окончено 7 мая 1938 г.).

Документ № 1

Письмо руководителей Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в штаб Квантунской армии с доносом об антияпонской деятельности Г. И. Клерже и других руководителей русской военной эмиграции в Китае. 25 июня 1935 г.

Бюро по делам Российских эмигрантов
в Маньчжурской империи.
Канцелярия. 25 июня 1935 г. № С 48.
Харбин, Биржевая, 27

Г[осподину] помощнику начальника штаба Квантунской армии, генерал-майору Итагаки.

<…>[104]. Против Бюро началась систематическая вредительская работа, проводимая агентами советско-американских кругов – начальником Харбинского отдела Общевоинского союза Вержбицким, начальником штаба этого союза полковником Белоцерковским[105], генералом Сычёвым[106] и находящимся в Шанхае генералом Дитерихсом, известным своим враждебным отношением к Ниппон[107].

К этой же враждебной ниппонскому военному командованию и Бюро группировке примыкает хорошо известный своей авантюристической деятельностью Георгий Иосифович Клерже.

Сведения о прошлой деятельности Г. И. Клерже.

Г. И. Клерже, к величайшему сожалению, является офицером Генерального штаба. Он примкнул к большевикам с первых же дней захвата ими власти в России. В ноябре 1917 г. он получил от советской власти крупное назначение – начальником сводно-казачьей шаха персидского дивизии, стоявшей в Персии. Когда Г. И. Клерже прибыл к месту своего служения, офицеры дивизии категорически отказались признать его своим начальником и он, в конце концов, принужден был со скандалом бежать из Персии.

В 1918 г. в разгар Гражданской войны в Сибири Клерже явился в штаб Сибирской армии после взятия белыми г. Перми, где он проживал. Что делал Клерже в Перми до прихода туда белых – установить весьма трудно,

но принимая во внимание, что он, по его же словам, жил в квартире вместе с красным комиссаром, нетрудно догадаться, что у него были связи с Красной армией.

Ввиду большого недостатка в офицерах Генерального штаба, Клерже был принят в белую армию и получил назначение начальником Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего адмирала Колчака. С этой должности он был уволен по суду за допущение распространения в районе частей действующей армии коммунистической и антиправительственной литературы и пропаганды.

В 1920 г. он появился в Чите в чине генерал-лейтенанта и получил назначение в штаб 2-го корпуса, которым в то время командовал генерал Вержбицкий.

Пребывание генерала Клерже в Чите ознаменовалось организацией им, совместно с авантюристкой-шпионкой Нитуш, грандиознейшей аферы – получения по подложным документам 20 млн зол[отых] рублей из Военного министерства. Это мошенничество было предотвращено только благодаря личному вмешательству главнокомандующего атамана Семёнова. Генерал Клерже обставил дело так, что виновником аферы до последнего времени считали ныне покойного полковника барона Жирар[а] де Сукантон[108] и только уже в эмиграции удалось выяснить истинного виновника – генерала Клерже.

После оставления белой армией Забайкалья генерал Клерже сумел войти в доверие к атаману Семёнову и получил назначение на должность начальника штаба к нему в Порт-Артуре. В мае 1921 г., после организованного атаманом переворота во Владивостоке, Клерже вместе с атаманом прибыл туда на п[аро]х[оде] «Киодо-Мару».

Как известно, братья Меркуловы повели работу против атамана и Клерже в этом им усиленно помогал. Это предательство, однако, не было по достоинству оценено бр[атьями] Меркуловыми и Клерже не получил никакой должности в Приморье. Очутившись в Маньчжурии, генерал Клерже сумел установить самую тесную связь с генералом Ян Чжоу[109], а через него с Чжан Зо-лином[110] Установлению этой связи много способствовало то обстоятельство, что Клерже передал китайским генералам ценнейшие грузы Дальневосточной армии за бесценок. Между прочим, в числе грузов было и личное имущество атамана Семёнова. Через Ян Чжоу Клерже связался с коммунистическом агентом Похвалинским[111]. Впоследствии Ян Чжоу был казнен за доказанную работу с красными, а Клерже должен был скрыться на японскую концессию в Мукдене. Перед этим Клерже был уличен штабом маршала Чжан Зо-лина в выдаче секретных документов американской разведке в Пекине. Проживая в Мукдене на концессии, Клерже тщательно скрывал свое прошлое, что дало ему возможность обмануть доверие некоторых добрых японцев, при содействии коих он приблизился к штабу Квантунской армии и даже получил службу в информационном отделе штаба.

Будучи командирован в Харбин в качестве секретного служащего Военной миссии, он совершил здесь массу злоупотреблений, прикрываясь

высоким авторитетом этого учреждения. Злоупотребления эти были обнаружены и он немедленно был уволен со службы тогдашним начальником миссии полковником Камацубара.

Но и после этого увольнения он продолжал уверять всех, что он пользуется полным доверием ниппонских военных кругов, что дало ему возможность обмануть многих доверившихся ему русских эмигрантов. Но скоро он снова был расшифрован.

После этого он связался с американским вице-консулом Лилиестромом и стал работать в американской агентуре. Ниппонское жандармское управление, зная его прошлую связь с Ниппонской военной миссией, отнеслось к нему с полным великодушием и вместо сурового наказания, которое он заслуживал, ограничилось негласной его высылкой из пределов Маньчжурской империи.

Теперь он снова пытается скрыть свою прошлую преступную работу и старается получить разрешение на въезд в Маньчжу Ди Го.

Горячее стремление его попасть сюда как раз совпадает с успешной работой Бюро и происшедшим объединением самых мощных организаций казаков, фашистов и легитимистов, что очень встревожило советско-американские круги. Отсюда вытекает и задача Клерже – в угоду и по заданиям этих группировок он путем различных провокаций и разлагающей работы должен внести смуту и раскол в эмигрантскую среду Маньчжу Ди Го, о чем имеются неопровержимые сведения.

Бюро поставило себе задачей – решительно устранять вредную работу подобных людей.

Бюро видит, что Клерже, примыкая по своей деятельности к одинаково враждебным группировкам, возглавляемым Дитерихсом и Вержбицким, и имея с ними одинаковую тактику и секретную поддержку от советско-американских группировок – решили образовать единый фронт против Маньчжу Ди Го и Японии.

Бюро отлично сознает, что мы стоим и держим большой экзамен, данный нам штабом Квантунской армии. Настоящее время Бюро при содействии и великодушной поддержке Квантунской …[112]

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–29, 29а. Подлинник, машинопись и рукопись. Черновик).

Документ № 2

Биографическая справки о Г. И. Клерже, составленная сотрудниками БРЭМ. [2 апреля 1935 г.]

Генерал Георгий Иосифович Клерже

Выпущен в армию в Туркестанский округ, приблизительно в 1907–1908 гг. окончил Павловское военное училище.

В 1914 г. поименован был в списках Генерального штаба в чине капитана Генерального штаба, в этом же году переименован в титулярные советники (гражданский чин) и назначен в Тегеран в качестве секретного сотрудника Генерального штаба.

Во время германской войны находился в Главном управлении Генерального штаба в Петербурге по разведывательному отделению.

В 1917 г. были получены сведения из отряда генерал-лейтенанта Баратова, находящегося на Персидском фронте, об отчислении пол[ковника] Клерже по требованию английской военной разведки.

К тому же времени стал известен поступок Клерже, когда он потребовал от великого князя Дмитрия Павловича снять погоны.

Великий князь в то время находился также в отряде Баратова.

В марте 1919 г. в г. Омске находился захваченный с документальными доказательствами своей деятельности на пособничество большевикам – Генерального штаба подполковник Чубаков[113]. Чубаков был послан в Омск для окончательного разбора дела.

К тому же времени был вызван в Омск из Харбина Генерального штаба полковник Акинтиевский.

Акинтиевского вызвал начальник Главного штаба, который ему поручил работу по разведке.

В это время полк[овник] Клерже в Омске уже занимал должность начальника квартирмейстерской части Главного штаба.

Приблизительно через 2 недели после принятия в Омске Акинтиевского ему были представлены два документа:

1) От главного представителя английской военной миссии генерала Нокса, в котором указывалось, что требование от отчислении полк[овника] Клерже от отряда Баратова было поставлено англ[ийской] разведкой на том основании, что она имела неопровержимые доказательства работы Клерже с большевиками, против которых в то время боролась Месопотамская армия и отряд Баратова.

2) Документ, показывающий, что Клерже, живя совместно с большевицким комиссаром, вырабатывал стратегические планы против белой армии.

В Перми Клерже остался случайно, благодаря тому, что Пермь была стремительно взята белыми и он не успел убежать.

В связи с этим Главный штаб предписал особую осторожность в отношении Клерже.

Упомянутый выше Чубаков, на основании дружеских отношений с Клерже и попустительства Ставки адмирала Колчака, несмотря на свое нахождение под следствием, свободно разгуливал по Омску и ежедневно посещал Клерже в его служебном кабинете.

В связи с этим Акинтиевскому было приказано посетить в обычное время служебный кабинет Клерже и заявить официально Чубакову запрещение посещать генерал-квартирмейстерскую часть, пригрозив в противном случае арестом.

Ген[ерал] Акинтиевский это выполнил. Все это делалось с попустительства начальника штаба адмирала – генерала Лебедева.

В июле месяце того же года комиссия Катанаева, разобрав дело Чубакова и Клерже, признала их виновными и оба должны были быть заключены в крепость. Но по приказанию ген[ерала] Лебедева были назначены на фронт в Степную армию.

Затем начинается отступление белых армий и Клерже попадает в Читу, где он занимает разные должности у атамана Семёнова (1920 год).

В это время Клерже предпринял авантюристическую попытку получить от атамана Семёнова 1 млн ien.

Деньги эти он и его соучастники не получили, так как этому помешал полковник Жирар.

Дальнейшая деятельность Клерже протекает в эмиграции, где он временами состоял при атамане.

Последние годы он жил в Мукдене, издавая газету «Мукден», работая с японцами, которые его после закрытия этой газеты перевели в Харбин в Японскую военную миссию на работу по обзору русской прессы и, по-видимому, по разведке в эмигрантских кругах.

После случая с рассылкой писем различным деятелям эмиграции (было им разослано около 150 писем) с призывом к объединению, был уволен из военной миссии. В этих письмах он упомянул, что японские учреждения якобы уполномочили его вести эту работу.

Теперь вместо Клерже в японской военной миссии работает А. И. Коробов[114].

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 1–4. Подлинник, рукопись).

Документ № 3

Информация агента-осведомителя БРЭМ о возможном сотрудничестве генералов Г. И. Клерже и К. К. Акинтиевского с китайской национальной армией Чан Кайши. 29 марта 1937 г.

СД-2[115]
96
Набор русских инструкторов в армию Чжан-Кай-Ши[116]

Имеются сведения, что недавно в Харбине якобы получились письма от генерала КЛЕРЖЕ и генерала АКИНТИЕВСКОГО. Эти генералы пишут сюда своим друзьям и знакомым и вызывают их на службу в национальную китайскую армию.

Якобы по совету англичан ЧЖАН-КАЙ-ШИ решил принять на службу в свою армию до 200 человек русских эмигрантов военных высшей квалификации.

КЛЕРЖЕ И АКИНТИЕВСКИЙ будто бы уже поступили на службу.

Х-173[117]
29.03.1937 [г.]

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 32. Копия, машинопись).

Документ № 4

Информация агента-осведомителя БРЭМ о расстреле в Тяньцзине Г. И. Клерже и других лиц. 12 февраля 1938 г.

Слух в городе о расстреле в Тяньцзине генерала Клерже, Голубева, Слуцкого и Рачинского

В городе имеется следующий слух.

В Тяньцзине ликвидированы властями генерал КЛЕРЖЕ, ГОЛУБЕВ (брат д[окто]ра Голубева)[118], СЛУЦКИЙ[119] и некий РАЧИНСКИЙ, служащий одной иностранной фирмы. Официально все эти лица уехали в Америку. Расстреляли их за шпионаж. Одновременно передают, что Романов, в конторе которого убили К. ВОРОНИНА[120], состоит на службе советов.

12/II – 1938 года.
Х-234.
4/п-38
Р/НГ-8

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 36. Копия, машинопись).

Документ № 5

Информация агента-осведомителя БРЭМ о расстреле в Тяньцзине Г. И. Клерже. 6 мая 1938 г.

Слухи о расстреле генерала Клерже

Из разговоров в городе
(агентурные сведения)

Получены следующие сведения.

В городе ходят слухи, что в Тяньцзине расстрелян генерал КЛЕРЖЕ. Причиной расстрела является якобы шпионаж.

6/V – 38 года
7/V – 38 года
ВПМ – ЭК-7
Х-158

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 33. Копия, машинопись).

Комментарии к тексту приложений

[1]Огенкварт – отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба Русской императорской армии. Отдел был создан в 1910 г., среди других функций в нем были сосредоточены военная разведка и контрразведка, общее руководство которыми осуществлял генерал-квартирмейстер.

Ист.: Очерки истории Российской внешней разведки. М., 2003. Т. 1. С. 220–225 ; *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 21–23.

[2]Данный параграф приказа был отменен. В тексте книги приказов по дивизии он перечеркнут красными чернилами с припиской: «Зачеркнутому в сем приказе § 1 красными чернилами верить».

Приказом Г. И. Клерже от 19 января 1918 г. указанные офицеры были уволены с другой формулировкой – о переводе их в резерв чинов: Воинов – Приамурского военного округа, а Макаров – Омского военного округа, с добавлением: «О сдаче ротмистром Макаровым должности заведывающего хозяйством Хамаданского отряда доложить мне» *(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 196. Л. 183 об.).*

[3]Кран – персидская денежная единица.

[4]Далее в приказе объявлялись новые нормы содержания русских офицеров и солдат (казаков) дивизии.

[5]Наиб – младшее офицерское звание в войсках шахского Ирана, соответствовало следующим русским чинам: наиб-сейюм первого ранга – прапорщик; наиб-дейюм – подпоручик, наиб-аваль – поручик.

Ист: *Булацель С.* Воспоминания о службе в Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 11 (май) С. 18.

[6]**Шихлинский Мамед-ага** – офицер Русской армии, азербайджанец. Предположительно, сын или другой родственник Али-ага Шихлинского (1863–1943), генерала Русской императорской армии. Фамилия дана от названия родового села Шихлы, близ Тбилиси.

[7]Отправляя телеграмму на имя начальника уже не существующего старого Генерального штаба Русской армии, Г. И. Клерже не имел сведений о «большевизации» этого высшего органа военного управления, но, по-видимому, догадывался о произошедших переменах. Возможно, он надеялся на преемственность в работе старого и нового руководства Генштаба, хотя, скорее всего, действовал «по инерции», сохраняя привычный порядок субординации и информирования вышестоящей инстанции.

[8]Петкеш (перс.) – подарок, подношение.

[9]То есть наиба 1-го ранга.

[10]**Кирста Александр Федорович** – юрист, сотрудник военной контрразведки белых армий. Имел чин надворного советника. После свержения власти большевиков возглавил в конце июля 1918 г. Екатеринбургский уголовный розыск. По своей инициативе начал следствие об убийстве в Екатеринбурге 17.07.1918 г. императора Николая II и его семьи. На основе дезинформации большевиков о расстреле, якобы, только Николая II и о вывозе остальных членов семьи в Пермь Кирста составил ложную версию преступления и, вопреки фактам, придерживался ее в своем расследовании. Был отстранен от следствия и арестован военными властями как фальсификатор. Р. Гайдой назначен помощником начальника Военного контроля 1-го Средне-Сибирского корпуса, служил в этой должности в Екатеринбурге. После взятия 25.12.1918 г. Средне-Сибирским корпусом Перми стал помощником начальника Военного контроля Перми и Пермского уезда. В июле 1919 г. вместе с белыми войсками ушел в Сибирь, был начальником контрразведывательного отделения 1-й (Сибирской) армии.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.) : энцикл. и библиогр. В 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 164. (Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия).

[11]Упоминание военного министра Н. А. Степанова, которому должны быть переданы все документы, доказывает правоту утверждения Г. И. Клерже, что военный министр являлся одним из инициаторов расследования «большевизма» Клерже.

[12]Ошибка. В описываемое время Г. И. Клерже было 46 лет.

[13]В ряде других документов следственного дела он именуется Матиков Самсон Ильич.

[14]Хозяйка квартиры, в которой проживал в Перми Г. И. Клерже.

[15]Уточнение, по-видимому, вызвано дополнительным вопросом следователя, которого могла смутить разница в возрасте супругов: И. И. Матикошвили (Лаури) 39 лет, Т. Ч. Вильямс 18 лет.

[16]**Кордашевский Николай Викторович** служил в 1917–1918 гг., в звании полковника, инструктором конвоев Российской миссии в Тегеране. Сохранились его личные документы за этот период – дневник, письма, рисунки *(РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Д. 729. 275 л.).*

[17]Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), Young Men's Cristian Association (YMCA) – международная общественная организация. Возникла в 1844 г. в Англии, имея целью просвещение и нравственное воспитание молодежи. Наибольшее распространение YMCA получил в США. В России ХСМЛ существовал с 1900 г., его деятельность особенно активизировалась после Февральской революции 1917 г. Базой ХСМЛ в России в годы Гражданской войны стала организация во Владивостоке, созданная в 1918 г. На территории Белого движения общества ХСМЛ существовали в 1919 г. в Омске, Иркутске, Красноярске, Томске, Новониколаевске,

Челябинске, Хабаровске и Харбине. ХСМЛ организовывал в Сибири клубы, библиотеки, школы, кружки, спортивные поля и площадки, издавал журналы, брошюры, бюллетени, оказывал помощь русским солдатам и офицерам, возвращавшимся из плена. После ухода белых армий с Дальнего Востока в 1922 г. организации ХСМЛ функционировали в среде русской эмиграции в Китае. В Харбине находились клуб «Маяк», гимназия (затем колледж) и крупнейшая на Востоке библиотека ХСМЛ (разгромлены в 1947 г. 8-й армией коммунистических сил Китая).

Ист.: Христианский союз молодых людей // Все о Китае : интернет-альманах. URL: http://www.china-voyage.com/2010/01/xristianski-soyuz/ (дата обращения: 06.08.2010).

[18]В предыдущих документах сообщалось, что И. И. Матикошвили 39 лет.

[19]Так в тексте документа. Правильно: разговаривая.

[20]**Руссиянов Виктор Николаевич** – жандармский офицер, участник Белого движения на востоке России. В 1919 г. – начальник Государственной охраны в Омске, подполковник. Организатор разгрома губернского совета омских профсоюзов 1 января 1919 г. и ареста профсоюзных деятелей. В 1920–1921 гг. на службе у атамана Г. М. Семёнова, получил звание генерал-майора. В эмиграции в Китае – один из сотрудников Г. М. Семёнова и Г. И. Клерже. Летом 1927 г. по поручению Клерже участвовал в неудавшейся попытке захвата жены М. М. Бородина – главного политического советника ЦИК Гоминьдана, члена Бюро и представителя Коминтерна в Китае.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 6 – 8, 15,17.

[21]Ошибка. В действительности Хамаданским отрядом командовал полковник Филаретов.

[22]Слова «Готовый к услугам» написаны от руки.

[23]**Жуковский Владимир Григорьевич** (1871–1921) – литератор, дипломат. Служил в Министерстве иностранных дел Российской империи с 1897 г. Был российским консулом в Кенигсберге и Праге. В литературной среде был известен как поэт, печатал свои стихи в петербургских газетах (главным образом в «Новом времени»), журналах и альманахах. Переводил с французского стихи Хосе Эредиа и других «парнасцев». Считался поэтом академической школы. Выпустил сборник «Стихотворения. 1893–1904» (СПб., 1905). В 1918 г. В. Г. Жуковский оказался в Сибири, стал последовательно и. д. товарища (заместителя) министра иностранных дел Временного Сибирского, Всероссийского (Директории) и Российского правительств. После ухода в отставку министра Ю. В. Ключникова был одним из кандидатов на его должность. С 05.09.1919 г. – товарищ управляющего МИД. Арестован в Иркутске в конце 1919 г., в мае – июне 1920 г. был одним из обвиняемых на процессе над министрами А. В. Колчака. Приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме г. Новониколаевска.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании : дневник премьер-министра антибольшевистких правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 517 ; Жуковский Владимир Григорьевич // Биографии : сайт А. В. Квакина. URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 24.10.2008).

[24]Так в тексте документа (при снятии копии в МИД была сокращена средняя часть телеграммы).

[25]Рукописная помета без подписи.

[26]Так в тексте документа.

[27]Ошибка. В момент допроса Г. И. Клерже было 46 лет.

[28]**Шулькевич Василий Львович** (1860 – ?) – генерал-майор (1916). Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. В годы Первой мировой войны был помощником командира 11-го Финляндского стрелкового полка, с 1916 г. находился в отставке. 25.02.1917 г. вновь вызван на службу, был начальником 33-й пехотной запасной бригады, затем с 05.04.1917 г. служил генералом для поручений при командующем Казанским военным округом. С лета 1918 г. состоял в резерве чинов штаба Сибирской армии. С 15.05.1919 г. являлся членом Центральной следственной комиссии Военного министерства, фактическим заместителем Г. Е. Катанаева. В ноябре–декабре 1919 г. находился на службе в канцелярии Военного министерства Российского правительства А. В. Колчака.

Ист.: *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны : биогр. справ. М., 2003. С. 227 ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи : энцикл. слов. генералов и адмиралов от Петра I до Николая II : в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 777.

[29]**Гиссер Георгий Георгиевич** (1872–?) – Генерального штаба генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). В годы Первой мировой войны с 10.11.1915 г. был начальником штаба 2-го армейского корпуса, затем с 01.11.1916 г. служил генерал-квартирмейстером штаба 11-й армии. В 1917 г. назначен на должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. С апреля 1918 г. в эмиграции.

Ист.: Гиссер Георгий Георгиевич // Русская армия в Великой войне: картотека проекта. URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1008 (дата обращения: 20.10.2008) ; *Волков С. В.* Генералитет Российской… Т. 1. С. 352.

[30]Так в тексте документа.

[31]**Мясоедов Дмитрий Николаевич** (1873–?) – генерал-майор (1920), в описываемое время полковник. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Служил в гвардейской кавалерии, в том числе до 22.04.1918 г. командовал 36-м Туркестанским стрелковым полком в Отдельном Кавказском кавалерийском корпусе в иранском Курдистане. Отказался уйти вместе с полком в советскую Россию и в марте 1919 г. выехал из Персии во Владивосток, оттуда в Омск. Был назначен начальником

1-х Томских военно-училищных курсов, в должности оставался до начала 1920 г. Участник Сибирского ледяного похода, в феврале 1920 г. прибыл в Забайкалье. 02.03.1920 г., во время взятия Верхнеудинска красными, попал в плен. Служил в РККА, в начале 1930-х гг. был репрессирован.

Ист.: *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Казаки в Персии. 1909–1918 гг. – М., 2007. С. 176 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 144 ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просветит. благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-оптич. диск (CD-ROM).

[32]**Аверьянов Петр Иванович** (1867–1937) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1894). В годы Первой мировой войны был с 20.11.1914 г. и. д. начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, затем с 18.08.1916 г. и. д. начальника Генерального штаба. С 15.05.1917 г. служил в должности главного начальника снабжений Кавказского фронта, был генеральным комиссаром и главноуправляющим турецкими областями, занятыми Русской армией в ходе войны, помощником главного начальника Кавказского военного округа. В 1918–1920 гг. служил в Добровольческой армии, затем в Вооруженных силах Юга России помощником начальника военного управления. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма, жил в Югославии, служил в сербской армии.

Ист.: Аверьянов Петр Иванович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=352 (дата обращения: 15.09.2008) ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 28 ; *Рутыч Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 19–20.

[33]Так в тексте документа. В действительности Н. А. Ригана был подпоручиком.

[34]**Лебединский Евгений Васильевич** (1873–?) – Генерального штаба генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). В годы Первой мировой войны с 05.03.1915 г. командовал 81-м пехотным Апшеронским полком, затем с 03.07.1916 г. 6-й Особой пехотной бригадой и с 29.01.1917 г. – 4-й Особой пехотной дивизией. В июне–августе 1917 г. находился в должности начальника штаба 7-го Кавказского армейского корпуса, был дежурным генералом штаба армий Кавказского фронта. С 05.10.1917 г. являлся начальником штаба Кавказского фронта, с декабря 1917 по май 1918 г. находился на посту командующего Кавказским фронтом.

Ист.: Лебединский Евгений Васильевич // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=965 (дата обращения: 29.09.2008) ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 26.

[35]В дальнейшем тексте ответов пункт «б» отсутствует.

[36]Ошибка. Здесь и далее в документе имеется в виду чета В. Н. и В. А. Шиляевых. По-видимому, по прошествии времени Г. И. Клерже забыл точную фамилию своих пермских домохозяев.

[37]Так в тексте документа (лексика данной эпохи).

[38]Данная расписка от 1 января 1919 г. об уплате Г. И. Клерже через домовладельца Н. В. Щербаченко 340 рублей В. А. Шиляевой имеется в следственных документах (ГАРФ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 3. Л. 75а).

[39]В тексте рукописная помета следователя: «Где этот доклад?».

[40]Правильно: Дитерихсу.

[41]**Соколов Николай Алексеевич** (1880–1924) – юрист. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Служил в судебных учреждениях Пензенской губернии, к 1917 г. был судебным следователем по особо важным делам. После захвата большевиками власти, оставив должность, переоделся крестьянином и ушел из Пензы. Летом 1918 г. пешком дошел до территории, занятой войсками Комуча, перешел фронт. С осени 1918 г. служил судебным следователем по особо важным делам Омского окружного суда. В феврале 1919 г. назначен А. В. Колчаком следователем по делу об убийстве большевиками в Екатеринбурге царской семьи. Собрал и задокументировал большое количество вещественных доказательств этого преступления, опросил сотни свидетелей. В 1920 г. эвакуировался из Сибири, жил во Франции, пытаясь продолжить расследование. Подготовил книгу «Убийство царской семьи» (незаконченный вариант издан в 1925 г.). Был найден мертвым в саду своего дома (1924).

Ист.: Соколов Николай Алексеевич // Хронос – всемирная история в Интернете : сайт. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/sokolov_na.php (дата обращения: 25.04.2010) ; Соколов Николай Алексеевич (следователь) // Википедия : электрон. энцикл. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2,_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_(%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C) (дата обращения: 29.04.2010) ; Звягин С. П. Следователь по делу об убийстве Николая II и его семьи Н. А. Соколов // История российской монархии: мнения и оценки : материалы 18-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000. С. 152–155.

[42]**Сурнин Александр Александрович** (1877–1941) – Генерального штаба генерал-майор (1919). Учился в Николаевской академии Генерального штаба, окончил 2 класса по 1-му разряду (1914). В годы Первой мировой войны служил в штабе 6-го Сибирского армейского корпуса, в 1915 г. – старший адъютант штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии. С 14.12.1915 г. был помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии, в 1917 г. – начальником контрразведывательной части в этом отделе. С 06.10.1917 г. являлся начальником контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа. Мобилизован

красными в РККА, с 10.05.1918 г. служил начальником статистического отдела мобилизационного управления штаба Уральского военного округа. Летом 1918 г. перешел на сторону белой армии. Со 02.10.1918 по 25.04.1919 г. служил начальником штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала А. Н. Пепеляева, затем возглавлял штаб Северной армейской группы А. Н. Пепеляева в составе Сибирской армии. С 20.08.1919 г. исполнял должность начальника квартирмейстерского отдела штаба Иркутского военного округа. Через Забайкалье в 1920 г. прибыл в Приморье. Правительством Приморской областной земской управы (Временным правительством Дальнего Востока) зачислен 15.03.1921 г. в резерв чинов вооруженных сил до выхода в отставку. Вновь мобилизован после меркуловского переворота, 12.06.1921 г. назначен генералом для поручений при штабе главнокомандующего вооруженными силами Временного Приамурского правительства. Стал известен в Приморье как разработчик теории и тактики борьбы с отрядами красных партизан, в 1922 г. издал во Владивостоке книгу (учебное пособие) по антипартизанской войне. Один из авторов и издателей офицерского журнала «Воин» (Владивосток, 1922). С ноября 1922 г. – в эмиграции в Китае. Умер в Шанхае.

Ист.: Сурнин Александр Александрович // Русская армия в Великой войне... URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1703 (дата обращения: 10.12.2008) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 201.

[43]Ошибка. Правильно: Шиляевой.

[44]**Катанаев Георгий Ефремович** (1848–1921) – генерал-лейтенант Сибирского казачьего войска (1906), историк, архивист, краевед. Окончил Сибирский кадетский корпус в Омске (1865). Будучи кадетом, познакомился с Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и другими сибирскими областниками, воспринял их учение о сибирской автономии. Учился с 1870 г. в Москве в Петровской земледельческой и лесной академии, через три года вернулся в Омск, был избран войсковым собранием в советники Войскового хозяйственного правления. Одновременно был учителем истории и географии в Сибирской военной гимназии, изучение этих наук привело Г. Е. Катанаева к научным занятиям в области истории, быта сибирских казаков и соседствующих с ними народов. Учился в Николаевской академии Генерального штаба, но ушел с 3-го курса по обстоятельствам службы в Сибирском казачьем войске. Переменив несколько штабных должностей, Катанаев с 1889 по 1906 г. служил председателем Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Выйдя в отставку в 1906 г., он был гласным Омской городской думы, членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, председателем Общества попечения о нуждах населения Сибирского казачьего войска, вел другую общественную деятельность. Катанаев являлся членом-учредителем Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО), в 1877–1893 гг. был председателем распорядительного

комитета, в 1893–1897 гг. избирался председателем ЗСОИРГО. Автор многочисленных книг и статей по истории Сибирского казачьего войска, Степного края и Сибири в целом. В 1916–1917 гг. – редактор первой в Сибири войсковой казачьей газеты «Сибирские казачьи ведомости». После Февральской революции 1917 г. ушел с должности редактора в знак протеста против революционных настроений части казачества, выразившихся в решениях 1-го Войскового съезда Сибирского казачьего войска. Летом 1918 г. после создания Временного Сибирского правительства Катанаев вошел в состав Военного совещания при этом правительстве и стал редактором газеты (затем журнала) «Иртыш: Голос Сибирского казачьего войска». Участник Государственного совещания в Уфе (сентябрь 1918 г.), создавшего Временное Всероссийское правительство. После установления власти Российского правительства А. В. Колчака Катанаев становится членом Военного совета при Верховном главнокомандующем и председателем Центральной следственной комиссии при Военном министерстве (по расследованию дел офицеров, обвинявшихся в службе у большевиков). В феврале–марте 1919 г. возглавлял Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию деятельности атамана Г. М. Семёнова и его приближенных, направленную А. В. Колчаком в Читу. В ноябре 1919 г. Г. Е. Катанаев выехал в эвакуацию в Иркутск, где в начале 1920 г. был арестован властями Политцентра и находился в одной тюрьме с А. В. Колчаком. По предложению К. А. Попова – председателя следственной комиссии по делу А. В. Колчака – Катанаев был освобожден из тюрьмы с мотивировкой: ввиду дряхлости и отсутствия серьезных обвинений (Попов знал Катанаева по Омску как ученого и общественного деятеля). Вернувшийся в Омск Катанаев был принят В. Д. Вегманом (большевиком) на службу в Сибархив. В 1920–1921 гг. Г. Е. Катанаев являлся заведующим историко-экономической секцией Сибархива, много сделав для осуществления первых мероприятий государственной архивной службы в регионе. Руководил также отделом истории и археологии музея ЗСОРГО. Умер от истощения и холода в конце 1921 г.

Ист.: *Шиловский М. В.* Г. Е. Катанаев и его мемуары о наиболее значительных событиях политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX – первых двух десятилетий XX века // Г. Е. Катанаев. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска / отв. ред. А. Л. Посадсков. Новосибирск, 2005. С. 9–22 ; *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… С. 626 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 110–111 ; Катанаев Георгий Ефремович // Биографии. URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.09.2008).

[45]Номер удостоверения не указан.

[46]В.С.У. – военно-судебные установления

[47]Помета на документе. Автограф Г. Е. Катанаева.

[48]Помета на документе. Автограф Г. Е. Катанаева.

[49]Ошибка составителя копии. В действительности дата: 9 июля 1919 г.

[50]**Кременецкий Константин Александрович** (1868 – ?) – полковник (1913), сотрудник русской военной разведки. С 27.05.1917 г. являлся помощником военного агента в Шанхае.

Ист.: Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 1. С. 445.

[51]Карцев второй: имеется в виду **Карцов (Карцев) Владимир Александрович**, приехавший в Ставку А. В. Колчака весной 1919 г. – в отличие от своего старшего брата (и тоже Генерального штаба генерал-лейтенанта) Карцова (Карцева) Петра Александровича (Карцева первого), остававшегося в Екатеринодаре.

[52]**Щёкин (Щокин) Михаил Сергеевич** (?–1929) – русский дипломат. До 1914 г. являлся временным поверенным в делах России в Пекине. В октябре 1917 г. был назначен посланником Российской республики в Тегеран, однако из-за появления в Персии в январе 1918 г. полномочного представителя советской России был вынужден оставаться в Тифлисе. С 1918 по 1924 г. (до признания Японией СССР) служил в должности советника российского посольства в Токио.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 562.

[53]Автограф Г. Е. Катанаева.

[54]Номер документа не указан.

[55]**Лесгафт Петр Францевич** (1837–1909) – врач, анатом, педагог. Основоположник высшего образования в области спортивной медицины и физической культуры, научной системы врачебного контроля в спорте и физкультуре. Пропагандист физического воспитания и здорового образа жизни. С 1886 г. был профессором Петербургского университета. Организатор и участник многих спортивно-педагогических обществ: курсов преподавателей гимнастики и фехтования для армии (1881), Петербургского общества содействия физическому развитию (1893), курсов воспитательниц и руководительниц физического образования для женщин (1896). Последние назывались Высшими курсами Лесгафта. По-видимому, здание этих курсов имел в виду допрашиваемый К. С. Кускивадзе.

[56]«Дом Герцена» в Москве – здание на Тверском бульваре, использовавшееся как помещение для творческих организаций. С начала 1920-х гг. в здании располагался Дом писателей, затем – Литературный институт Союза писателей СССР.

[57]Последующий текст данной фразы не читается.

[58]Речь идет о назначении Г. И. Клерже на должность начальника военно-административного управления Отдельной армейской Степной группы, с выездом его в г. Кокчетав.

[59]**Белобродский Владимир Александрович** (1890–1941) – инженер, общественный и политический деятель. Окончил Петроградский императора Николая I технологический институт (1915). Служил на судостроительном

заводе «Наваль» в г. Николаеве, выпускавшем военные суда для Черноморского флота. Во время испытания на море партии контрминоносцев участвовал в сражении русской эскадры, получил ожог. С осени 1915 г. инженер-конструктор, а затем заведующий артиллерийскими складами на Невском судостроительном и механическом заводе в Петрограде, член Военно-промышленного комитета. С момента организации в ноябре 1917 г. Комитета спасения и возрождения России состоял его активным членом, 06.12.1917 г. приговорен за это к расстрелу, но бежал с помощью подкупа охранников. С 13.12.1917 г. проживал в Перми, являлся представителем указанного комитета на Урале. Состоял инженером службы тяги Пермской железной дороги, вел преподавательскую работу в Пермском железнодорожном училище и Пермском техникуме. Одновременно являлся одним из организаторов антибольшевистского подполья в Перми, руководил восстаниями в деревнях Пермской губернии, неоднократно устраивал крушения поездов Красной армии. После взятия 25.12.1918 г. Перми белой армией В. А. Белобродский вступил в нее добровольцем и был назначен на должность помощника начальника Военного контроля 1-го Средне-Сибирского корпуса, а в 1919 г. стал начальником Военного контроля 1-й Сибирской армии. После отступления с Ледяным походом в Забайкалье он являлся в Чите начальником разведывательного отделения штаба Омской стрелковой дивизии. Участник боев в Забайкалье и Амурской области. Избирался, как представитель дивизии, в Приморское земское собрание. С февраля 1921 г. жил в г. Никольске-Уссурийском, служил сначала преподавателем 1-й городской женской гимназии, а затем директором 2-й женской гимназии. С подходом к городу войск ДВР в сентябре 1922 г. уехал в эмиграцию, с осени 1922 г. работал преподавателем, затем с 1929 г. профессором Харбинского политехнического института по кафедре теплотехники и машиностроения. В 1926 г. принял китайское гражданство. Кроме профессиональной, вел большую общественную антикоммунистическую деятельность. Являясь председателем комиссии по изучению СССР при 2-м отделе БРЭМ, Белобродский постоянно выступал с докладами о советской экономике на публичных мероприятиях, публиковал статьи в газете «Наш путь», журналах БРЭМ «Луч Азии» и Всероссийской фашистской партии «Нация» (часть этих статей переделывалась затем в его радиодоклады). Несмотря на свою антикоммунистическую позицию, в августе 1935 г. В. А. Белобродский попал на подозрение японских властей как нелояльное лицо и в составе семи противников японского режима (генералы К. К. Акинтиевский, Е. Г. Сычёв и др.) подлежал до 15.09.1935 г. депортации из Маньчжурской империи вслед за Г. И. Клерже. Белобродский остался в Харбине благодаря заступничеству БРЭМ, но в 1937 г. из-за «японизации» Харбинского политехнического института был оттуда уволен в числе многих русских преподавателей. В 1937–1941 гг. работал заведующим механическим отделением Харбинских технических курсов.

Ист.: [*Дмитриев Н. И.*] Белобродский Владимир Александрович // Белая армия. Белое дело : ист. науч.-попул. альм. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 45–50.

[60]Фамилия неразборчива.

[61]Номер в документе не указан.

[62]**Будберг Алексей Павлович**, барон (1869–1945) – Генерального штаба генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1895). В годы Первой мировой войны был начальником штаба 10-й армии, с 21.10.1915 г. командовал 70-й пехотной дивизией, затем в 1916–1917 гг. командир 14-го армейского корпуса. После демобилизации армии уехал 23.01.1918 г. на Дальний Восток, до апреля 1918 г. жил в Японии, затем до марта 1919 г. находился в Харбине. Прибыл в Ставку А. В. Колчака, с 29.03.1919 г. был главным начальником снабжения белых армий. С 27.08.1919 г. по 20.10.1919 г. являлся военным министром Российского правительства. Уйдя с поста ввиду болезни, в ноябре 1919 г. был назначен начальником штаба Приамурского военного округа. В 1920 г. уехал в Харбин, откуда в 1921 г. эмигрировал сначала во Францию, а затем в США. Активный участник общественных организаций русской эмиграции, до 1939 г. являлся начальником 1-го Северо-Американского отдела РОВС, до 1945 г. был председателем Общества ветеранов Великой (Первой мировой) войны. Автор широко известного «Дневника белогвардейца». Умер в Сан-Франциско.

Ист.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 1. С. 203 ; Будберг Алексей Павлович // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 23.09.2008) ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 56–57 ; Будберг Алексей Павлович // Хронос… URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_b/budberg.html (дата обращения: 09.08.2010).

[63]Второе приложение к ответу Российской миссии в Персии (ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 222) в настоящей публикации опущено, как не содержащее важной информации.

[64]Телеграмма (второе приложение к ответу Российской миссии в Персии) излагает приказ о реформировании – снятии с должностей и отправке в Россию, в распоряжение штаба Кавказского военного округа – всего русского инструкторского состава Персидской казачьей дивизии.

[65]**Минорский Владимир Федорович** (1877–1966) – русский дипломат, востоковед. В научной среде признан выдающимся курдоведом и ирановедом. Окончил юридический факультет Московского университета (1900) и Лазаревский институт восточных языков (1903), свободно говорил на курдском языке. По окончании института с 1903 по 1919 г. служил в МИД Российской империи, в основном в российских дипломатических миссиях в Турции и Иране. Автор многочисленных трудов по истории Закавказья, Турции и Ирана, этнографии народов Передней Азии, по истории ислама. Наибольший резонанс имели его работы по курдоведению,

а также публикации о лурах, гуранах и других народах Курдистана. Участник Международной комиссии по демаркации турецко-иранской границы (1913–1914), занимал в этой комиссии должность комиссара от России. В результате настояния В. Ф. Минорского захваченные турками в 1911 г. районы персидского Курдистана были возвращены Ирану, демаркационная линия получила название «линия Минорского». В 1916–1918 гг. являлся первым секретарем и поверенным в делах Российской миссии (посольства) в Иране. После приезда в Тегеран советского полпреда ушел с дипломатической службы, в 1918–1920 гг. был советником белогвардейского правительства Л. Ф. Бичерахова в Дагестане, в апреле 1920 г. после разгрома этого правительства уехал во Францию, где до 1923 г. представлял его интересы, но затем дистанцировался от политической борьбы. С 1923 г. преподавал в Школе живых восточных языков в Париже. В 1932 г. переехал в Лондон, был преподавателем в Школе восточных исследований, с 1937 г. являлся профессором Лондонского университета. В 1939–1944 гг. был профессором Кембриджского университета. Выйдя затем на пенсию, продолжал научную работу. В 1960 г. побывал в Москве как участник 25-го Международного конгресса востоковедов. С помощью жены осуществлял переводы на западноевропейские языки классических трудов русских востоковедов И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда. Был действительным членом Французской и Британской академий, почетным доктором Кембриджского и Бельгийского свободного университетов, почетным членом ряда научных обществ. Награжден золотой медалью Британского Азиатского общества. Умер в Кембридже.

Ист.: Минорский Владимир Федорович // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 07.08.2010) ; Минорский Владимир Федорович // Большая советская энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article076737.html (дата обращения: 07.08.2010).

[66]S.P.R. (South Persia Rifles, Южно-Персидские винтовки) – военный корпус персидской армии, созданный в 1916 г. англичанами по поручению шаха. Воевал под командованием английских офицеров. Насчитывал свыше 11 тыс. воинов. Расформирован в 1921 г. Русские инструкторы Персидской казачьей дивизии называли это военное соединение «эспиар» – по первым буквам английской аббревиатуры S.P.R.

Ист.: hhtp://en.wikipedia.org/wiki/South_Persia_Rifles (дата обращения: 28.02.2011) ; *Калугин С.* Персидская казачья Его Величества шаха Персии дивизия // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 11 (май). С. 16.

[67]Имеется в виду газета «Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов» – официальный правительственный орган Советской России, издававшийся с марта 1917 г.

[68]Договор от 18 (31).08. 1907 г. между Россией и Англией представлял собой двустороннее соглашение о разделе сфер влияния в центрально-азиатских странах: Персии, Афганистане и Тибете. По договору Афганистан и Тибет почти полностью считались зоной влияния Великобритании, а Персия (Иран) разграничивалась на британскую (на юге) и российскую (на севере) сферы интересов. Эти сферы разделяла нейтральная территория, на которой обе страны – участницы договора – имели равные права. При этом русская и британская стороны обязались сохранять территориальную целостность и государственную независимость Ирана и не вмешиваться во внутреннюю политику его правительства. Договор был направлен на воспрепятствование проникновению в Иран влияния Германии.

Ист.: Англо-русское соглашение 1907 г. // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_(1907) (дата обращения: 06.08.2010).

[69]Туркменчайский трактат – мирный договор между Россией и Ираном, подписанный 10(22).02.1828 г. в деревне Туркменчай (близ Тебриза) после окончания Русско-Иранской войны 1826–1828 гг. В разработке договора участвовал А. С. Грибоедов. По трактату к России отходили Эриванское (Ереванское) и Нахичеванское ханства, Персия обязалась не препятствовать переселению армян в Россию. Правительство Ирана выплачивало России контрибуцию в 20 млн руб. серебром. Россия получала исключительное право держать в Каспийском море свой военный флот. Между странами устанавливались дипломатические отношения на уровне посланников (послов), а Россия признавала Аббас-Мирзу, подписавшего договор, законным наследником персидского престола. Трактат, фактически, способствовал консолидации армян как нации и подрывал позиции Великобритании в Иране.

Ист.: *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. – М., 1960. 369 с. ; *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960. 294 с. ; Туркменчайский мирный договор // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%87%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80 (дата обращения: 06.08.2010).

[70]Малиат – налог, вносимый деньгами или натурой в казну Персидского государства.

[71]Курур – количественная мера для измерения денег в Иране. Один курур равнялся 0,5 млн туманов (денежных единиц) или 1 млн рублей по курсу 1917 г.

[72]В документе цифры отсутствуют.

[73]Тешахос – официальный прием у шаха.

[74]Дженгели, дженгелийцы (от перс. дженгель – лес) – участники партизанского антиправительственного движения, начавшегося в 1912 г. в провинции Гилян под флагом иранского национализма и борьбы с засилием иностранцев. Наиболее известным лидером повстанцев в 1916–1918 гг. был Мирза Кучек-хан. До 1919 г. движение возглавляла панисламистская буржуазная организация «Единение ислама», затем дженгелийцы блокировались в 1920–1921 гг. с иранскими коммунистами, в результате чего 05.06.1920 г. была провозглашена Гилянская республика. Кучек-хан и другие руководители повстанцев, опасавшиеся усиления коммунистов, организовали 29.09.1921 г. контрреволюционный переворот, после которого войска шаха подавили восстание.

Ист.: *Иванова М. Н.* Национально-освободительное движение в Иране в 1918–1922 гг. М., 1961. 181 с. ; *Иванов М. С.* Новейшая история Ирана. М., 1965. 255 с. ; Дженгелийцы // Большая советская энциклопедия. URL: http://bse.sci-lib.com/article025830.html (дата обращения: 06.08.2010).

[75]Имеется в виду товарищ министра иностранных дел В. Г. Жуковский.

[76]Ошибка, в действительности дело идет о поручике Н. А. Ригана.

[77]**Левандовский Владимир Антонович** (1873–1946) – Генерального штаба генерал-майор (1915). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). В годы Первой мировой войны был с 30.12.1915 г. начальником 3-й Забайкальской казачьей бригады, затем с 21.10.1916 г. – Сибирской казачьей бригады. В 1917–1918 гг. служил и. д. начальника штаба Кавказского фронта.

Ист.: *Волков С. В.* Генералитет Российской империи… Т. 2. С. 26 ; Левандовский Владимир Антонович // Русская армия в Великой войне… URL: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2862 (дата обращения: 25.09.2008).

[78]Речь идет о приложенной здесь же (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 17–18) телеграмме от 21.05.1921 г., которая была отправлена через Осака (Япония) на имя «генерала Клерже». Русские слова в телеграмме переданы латинскими буквами, в результате перевода этой транслитерации кем-то из сотрудников Г. И. Клерже получил такой текст: «Все устроено чрезвычайно удачно, даже более чем предполагалась. С докладом единолично доложите атаману, если его [в] Артуре нет, мне телеграфируйте [в] Мукден [, гостиница] Ямато [.] Владимир». Телеграмма, по-видимому, была воспринята Г. И. Клерже как важное сообщение. На ней имеется его резолюция: «Срочно. Д[оклад]. Г. Клерже. 21/V. 5ч. дня». Прочтя телеграмму, Г. М. Семёнов нашел и исправил ошибку перевода, менявшую смысл сообщения: вместо «единолично» следовало читать «еду лично». На бланке телеграммы слово «Владимир» обведено карандашом, рядом с ним написана фамилия «Щёкин», причем оба этих слова соединены стрелкой.

[79]**Ломакин Владимир Михайлович** (?–1933) – юрист, общественный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского универ-

ситета. Работал адвокатом, был уездным предводителем дворянства в Саратовской губернии. В годы Гражданской войны жил в Омске, с осени 1919 г. был сотрудником Осведомительного отдела Сибирского казачьего войска (Осведказака), эвакуировался с эшелоном Осведказака на восток. В 1920 г. – в Чите, затем уехал в эмиграцию в Харбин, где основал общество «Спасение России» и был его председателем. С середины 1920-х гг. находился в Мукдене, работал юристом в одном из министерств правительства Трех Восточных провинций Чжан Цзолина. В 1928 г. переехал в Шанхай, где вел частную практику как адвокат.

Ист.: *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: биобиблиогр. словарь. Владивосток, 2000. С. 188.

[80]То есть: атаман Семёнов.

[81]«Лейтенант Дыдымов» – охранный крейсер, использовавшийся в годы Гражданской войны в районе Владивостока как сторожевой корабль. 28.05.1921 г. вернулся из рейда в районе о. Путятин. В официальном тексте протокола, сохранившемся в архиве, это судно именуется «пароходом».

Ист.: Возвращение «Лейтенанта Дыдымова» // Голос Родины. – Владивосток, 1921. 29 мая (№499). С. 4.

[82]**Шарабурин В. С.**– юрист. До революции был присяжным поверенным. В 1919–1920 гг. жил в Чите, работал в юридических службах семеновского правительства Забайкалья. Произведен атаманом Г. М. Семёновым в чин действительного статского советника (гражданского генерала) и назначен главным прокурором Российской Восточной окраины. В марте 1921 г. приехал во Владивосток как делегат от Г. М. Семёнова на 1-й Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, 27.03.1921 г. зачитал съезду приветствие от атамана. Оставался во Владивостоке до меркуловского переворота 26.05.1921 г., затем присоединился к приехавшему Г. М. Семёнову и в июне 1921 г. уехал вместе с ним в Гродеково. В июле–августе 1921 г. по поручению Г. М. Семёнова, переданному через Г. И. Клерже, состоял юрисконсультом при генерале К. И. Сербиновиче, решавшем вопросы признания статуса Семёнова на Дальнем Востоке и его взаимоотношений с Временным Приамурским правительством. В 1920–1930-е гг. эмигрант в Китае. С 1938 г. – начальник юридического отдела Антикоммунистического комитета в Тяньцзине.

Ист.: *Балакшин П. [П.]* Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 256 ; Вестник Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока. Владивосток, 1921. 29 марта (№ 6). С. 1 ; РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 76. Л. 6 об.

[83]**Меркулов Спиридон Дионисьевич** (1870–1957) – юрист, политический деятель. Младший брат предпринимателя Н. Д. Меркулова, на его деньги получил образование в Петербургском университете, окончив два факультета: естественный и юридический. Работал присяжным поверенным, с 1902 г. был юрисконсультом Владивостокских городской думы

и управы, а также частным поверенным Владивостокского окружного суда. Позднее служил в должности главного инспектора Северного страхового общества на Дальнем Востоке. Вел научную деятельность, изучая вопросы экономики и колонизации Дальнего Востока, автор более 100 статей и заметок на эти темы. В 1903 г. выдвигался торгово-промышленными кругами Дальнего Востока в Государственный совет Российской империи, не прошел из-за относительно молодого возраста (32 года). Член Государственной думы от Дальнего Востока. По просьбе премьер-министра П. А. Столыпина делал ему доклады об экономике края. В 1912 г. перешел на службу в Петербург в Комитет по заселению Дальнего Востока. 10.03.1912 г. в великокняжеском дворце прошла торжественная церемония представления С. Д. Меркуловым доклада «Русское дело на Дальнем Востоке» великим князьям Александру Михайловичу и Сергею Михайловичу, в присутствии приглашенных великими князьями лиц. Тогда же доклад был опубликован отдельной книгой, которая оценивалась специалистами как вдумчивое и оригинальное экономическое исследование, основанное на большом круге источников. С 1912 по 1918 г. С. Д. Меркулов являлся членом Петроградского клуба общественных деятелей. Скрываясь от большевиков, вернулся в 1918 г. во Владивосток. В марте и мае 1921 г. – председатель 1-го и 2-го Съездов несоциалистических организаций Дальнего Востока, готовивших белогвардейский переворот во Владивостоке. На 2-м Съезде избран председателем Совета несоциалистических организаций – подготовительного комитета будущего правительства. В результате переворота 26.05.1921 г. утвердился у власти, возглавив Временное Приамурское правительство. Оставался на этом посту до июля 1922 г., когда власть перешла к правителю Приамурского земского края М. К. Дитерихсу. Через Японию выехал в США, где жил в эмиграции. Умер в Сан-Франциско.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 533 ; *Пустовая Т. И.* Редкие краеведческие издания в фонде библиотеки // Библиотека и общество: связь времен. Владивосток, 2009. С. 128–129.

[84]**Лебедев Дмитрий Антонович**, генерал-лейтенант.

[85]Речь идет о соглашениях, достигнутых 22.05.1921 г. в г. Порт-Артуре между атаманом Г. М. Семёновым и делегатами от казачества, крестьянства, общественности Забайкальской, Амурской и Приморской областей, представителями бурят, промышленников («Национально-экономического союза») и части кооперации, ряда организаций Белого движения, Крестьянского союза и др. В выработке соглашений активную роль играл Г. И. Клерже. Среди участников проходивших тогда совещаний были представители будущего Временного Приамурского правительства Н. Д. Меркулов, В. Ф. Иванов, городской голова Владивостока И. И. Еремеев. Соглашения касались конструкции власти на Дальнем Востоке после изгнания большевиков. Договоренности гласили, что Верховным прави-

телем (Верховной властью) будет объявлен Г. М. Семёнов, создастся Забайкальское народное собрание и Совет министров, ответственный перед этим собранием. Одновременно участниками совещания был одобрен план военных действий против большевиков на Дальнем Востоке, выработанный в апреле 1921 г. Г. М. Семёновым и Г. И. Клерже.

Ист.: РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 22–23.

[86]Далее в записи, возможно, пропущена часть разговора, замененная многоточием.

[87]Крестьянский союз – организация, оформившаяся в феврале 1920 г. в Чите под эгидой Г. М. Семёнова. Пропаганда атамана подавала ее как независимую организацию, подпольно созданную в 1919 г. в советской России (в Нижнем Новгороде), лидеры которой бежали в Забайкалье. Крестьянский союз провозгласил Г. М. Семёнова верховным главой России, выпустил в Чите свою программу, устав, агитационную литературу.

Ист.: Государственный архив Читинской области. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 14. Л. 23–35 об., 71–77 об., 79; Д. 78. Л. 34–46 об. ; РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 56. Л. 11–24 об.

[88]**Меркулов Николай Дионисьевич** (1869–1945) – предприниматель, политический деятель. Старший брат С. Д. Меркулова. Окончил 3 класса гимназии, работал на пароходах, курсировавших по Амуру. В возрасте 21 года (1890) стал капитаном самого крупного амурского парохода «Граф Муравьев-Амурский». В дальнейшем стал владельцем пароходства на Амуре, основал и владел спичечной фабрикой «Седанка» во Владивостоке. Длительное время состоял членом Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Активный член Приморского народного собрания, функционировавшего в 1920 – мае 1921 г. при Временном правительстве Дальнего Востока (Приморской областной земской управы). Был в 1920–1922 гг. издателем правой газеты «Слово» во Владивостоке. В мае 1921 г. 2-м Съездом несоциалистических организаций Дальнего Востока, после больших колебаний делегатов, включен в состав Совета несоциалистических организаций вместе со своим братом. После переворота 26.05.1921 г. стал управляющим сразу в двух ведомствах – военно-морском (до 12.10.1921 г.) и иностранных дел. После прихода к власти в июле 1922 г. М. К. Дитерихса оставался в его кабинете министром иностранных дел. В октябре 1922 г. эвакуировался из Приморья. В 1925–1931 гг. был старшим советником генерал-губернатора Шаньдунской провинции маршала Чжан Цзунчена, отвечал на этом посту за русский отряд (затем группу, бригаду и 65-ю дивизию) Мукденской армии маршала. Китайцам Н. Д. Меркулов был известен под китаизированной фамилией Ми Лофу или Ма Кувын. После поражения от войск национального правительства Китая (Чан Кайши) и расформирования русской бригады Н. Д. Меркулов жил в Шанхае, был вице-председателем Совета объединенных русских организаций. Умер в Циндао.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 533 ; *Николаев Н. [Н.]* История возникновения русской группы Мукденских войск: (краткий исторический очерк) [Рукопись] // ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–5 ; *Зубец В. А.* На службе в китайской армии // Русская Атлантида. Челябинск, 2010. № 36. С. 49–50.

[89]Имеются в виду **Иванов Василий Федорович** (1855–1944) – адвокат, публицист и общественный деятель, один из наиболее активных организаторов меркуловского переворота, первый председатель Совета управляющих ведомствами (Совета министров) Временного Приамурского правительства с 16 июня по 14 июля 1921 г.; и возможно, **Иванов Всеволод Никанорович** (1888–1971) – журналист, писатель, главный редактор официальных меркуловских газет.

[90]Далее в записи, по-видимому, отсутствует часть выступления Г. И. Клерже.

[91]**Вержбицкий Григорий Афанасьевич** (1875–1941) – генерал-лейтенант (1919). Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897). 12.06.1913 г. отправлен по собственному желанию в составе военной экспедиции в Монголию как командир отряда охраны русских коммуникаций. 31.08.1913 г. его отряд захватил китайский город-крепость Шарасуме. Оставался в Монголии до 15.03.1915 г. В годы Первой мировой войны командовал батальоном в стрелковых полках, был дважды ранен и контужен. С января 1917 г. формировал Ефремовский полк в 134-й пехотной дивизии, с 01.09.1917 г. командовал бригадой в этой дивизии. 08.12.1917 г. отказался от предложения большевистского руководства (солдатских комитетов) занять должность начальника 134-й пехотной дивизии, за что общим собранием этих комитетов был приговорен к расстрелу, как не исполнивший директиву советской власти. С помощью верных солдат сумел бежать, уехал в Омск, затем перебрался в Усть-Каменогорск, где создал нелегальную организацию офицеров. В июне 1918 г. стал активным участником антибольшевистского переворота в Усть-Каменогорске. 20.06.1918 г. назначен командиром 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, ставшей затем Западно-Сибирским отрядом и в итоге 4-й Сибирской стрелковой дивизией. В июле 1918 г. его отряд (затем дивизия) разгромил большевиков под Тюменью, в августе 1918 г. взял Нижний Тагил, осенью дивизия захватила значительные территории Урала (Алапаевск, Оса, Сарапул, Верхотурье, бассейн р. Тавды, Горнозаводской район). В составе 1-го Сибирского корпуса А. Н. Пепеляева дивизия участвовала во взятии Перми. 12.01.1919 г. Г. А. Вержбицкий был назначен командующим 3-м Сибирским армейским корпусом пепеляевской Сибирской армии. В январе–марте 1919 г. его корпус отличился во время Кунгурской операции, 07.04.1919 г. взял Воткинский завод, 13.04.1919 г. – г. Ижевск. 10.04.1919 г. Вержбицкий был назначен командующим Южной группой Сибирской армии (переименованной позднее во 2-ю армию). Пройдя путь отступления по Сибири, командовал колонной в Сибирском ледяном походе, которая

в феврале 1920 г. прибыла в Забайкалье. 22.02.1920 г. принял командование 2-м корпусом Дальневосточной армии атамана Г. М. Семёнова (составленного из остатков 2-й армии), воевал с красными партизанами в Нерченском и Сретенском уездах. 22.08.1920 г. назначен, по приказу Г. М. Семёнова, командующим Дальневосточной армией. В октябре–ноябре 1920 г., оставив Читу, отступил с армией в Маньчжурию. Перебросив армию в Приморье, оставался ее командующим, кроме 1-го «семёновского» корпуса, расквартировавшегося в Гродеково. Стал формальным руководителем частей «каппелевцев». В январе 1921 г. был избран депутатом Учредительного собрания Дальневосточной республики. После меркуловского переворота 26.05.1921 г. приехал во Владивосток и 31.05.1921 г. был назначен командующим войсками Временного Приамурского правительства. 12.10.1921 г. стал управляющим Военно-морским ведомством (министерством), сменив на этом посту Н. Д. Меркулова. 01.06.1922 г. сдал должность генералу М. К. Дитерихсу, приглашенному в военные министры Приамурским народным собранием, 08.08.1922 г. назначен помощником воеводы Земской рати М. К. Дитерихса. Вместе с войсками покинул Приморье в октябре 1922 г., в эмиграции жил в Харбине, став владельцем дамской шляпной мастерской. В 1924 г. избран председателем Маньчжурского отдела РОВС. С 1928 г. являлся председателем Русской национальной общины Харбина, с 1930 г. – помощником начальника Дальневосточного отдела РОВС (М. К. Дитерихса), с 1931 г.– председателем комитета старшин Русского национального клуба. После оккупации японскими войсками Северной Маньчжурии в октябре 1931 г. отказался возглавлять формирование дивизии из русских эмигрантов для японской Квантунской армии, за что лишился всех общественных постов. За отрицательное отношение к созданию БРЭМ был в 1934 г. выслан японской жандармерией из Харбина в Тяньцзин. Возглавлял здесь местное отделение РОВС, но после оккупации японцами в 1937 г. всего Северного Китая постоянно ожидал репрессий, как нелояльный элемент. Умер в Тяньцзине.

Ист: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 1. С. 59 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 61–62 ; Вержбицкий Григорий Афанасьевич // Хронос… URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verzhbicky.html (дата обращения: 29.04.2010) ; Вержбицкий Григорий Афанасьевич // Википедия… URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0% 92%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0 %B1% D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0 %B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD %D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 29.04.2010) ; Клавинг В. В. Гражданская война в России: белые армии. М., 2003. С. 406–408 ; Вержбицкий Григорий Афанасьевич // Биографии… URL: http://akvakin.narod.ru (дата обращения: 15.01.2008).

[92]«Патрокл»– русский военный корабль, отплывший из Японии по вызову Г. М. Семёнова, вошедший в бухту Золотой Рог примерно

10–12.06.1921 г. Г. М. Семёнов, прибывший на рейд Владивостока на частном японском пароходе «Киодо-Мару», с приходом «Патрокла» перешел на его борт и находился на нем несколько дней.

Ист.: РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 73. Л. 24.

[93]**Львов Георгий Евгеньевич**, князь (1861–1925) – политический и общественный деятель. В 1915–1917 гг. являлся председателем Всероссийского союза земств и городов (Земгора). Министр-председатель и министр внутренних дел Всероссийского Временного правительства в Петрограде весной 1917 г. После попытки большевистского мятежа 07.07.1917 г. ушел в отставку. В январе 1918 г. был арестован большевиками и находился в заключении в Екатеринбурге до апреля 1918 г. По выходе из тюрьмы уехал в Сибирь, где после прихода к власти Временного Сибирского правительства был вновь призван на государственную службу и отправлен правительством в США, Англию и Францию с заданием способствовать признанию западными державами новой власти. С октября 1918 г. постоянно жил в Париже, в 1918–1920 гг. являлся членом Русского политического совещания.

Ист.: Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский. Во власти и в изгнании… С. 530.

[94]Возможно, лакуна в записи протокола.

[95]То же.

[96]То же.

[97]Так в тексте документа. Очевидно, имеется в виду: не участвовать или не проявлять своего мнения.

[98]Имеются в виду «семёновцы» и «каппелевцы».

[99]**Пучков Федор Абрамович** (1886–1953) – Генерального штаба генерал-майор (1919). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1914). В годы Первой мировой войны был старшим адъютантом штаба 57-й пехотной дивизии. В апреле 1918 г. демобилизован и уволен большевиками из старой армии. В июле 1918 г. вступил в Самаре в Народную армию Комуча, с 18 июля по 30 сентября 1918 г. был начальником формирований и начальником штаба войск Уфимского района. Одновременно находился с августа 1918 г. в должности начальника штаба 4-й стрелковой дивизии Народной армии. С 4 октября по 5 декабря 1918 г. и с 18 января по 1 июля 1919 г. являлся начальником штаба Уфимского отдельного (затем 2-го Уфимского армейского) корпуса Западной армии, далее до 20.02.1920 г. был начальником 8-й Камской им. адмирала Колчака стрелковой дивизии. Участник боев под Красноярском в начале января 1920 г. Пройдя с армией Сибирский ледяной поход, в феврале 1920 г. оказался в Забайкалье. С апреля 1920 г. являлся генерал-квартимейстером, а с 28.07.1920 г. по 18.06.1921 г. начальником штаба Дальневосточной армии. После меркуловского переворота во Владивостоке назначен 01.06.1921 г. начальником штаба войск Временного Приамурского правительства, с июля по 10.08.1922 г. состоял в той же должности в Земской

рати М. К. Дитерихса. С августа 1922 г. был начальником канцелярии правителя Приамурского земского края М. К. Дитерихса. Вместе с армией уехал в эмиграцию в октябре 1922 г., жил в Китае, затем в США, где был с 1946 г. председателем русского Общества ветеранов Великой (Первой мировой) войны. Умер в Сан-Франциско.

Ист.: *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале… Т. 2. С. 57–58 ; *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.* Белые генералы Восточного фронта… С. 169 ; *Пучков Ф. А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Добровольческий корпус : сайт # +1868. URL: http://www.dk1868.ru/history/puchkov.htm (дата обращения: 24.04.2010).

[100]Так в тексте документа.

[101]Далее в публикации опущено описание организаций, приславших своих делегатов к Г. М. Семёнову, и тексты их приветственных посланий.

[102]Посьет – торговый порт и поселок в Приморье юго-западнее Владивостока, традиционное место дислокации русских вооруженных сил. Расположен в бухте Посьет, залив Петра Великого, Японское море.

[103]Речь идет о крестьянских восстаниях против большевиков, проходивших весной–летом 1921 г. в Западной Сибири и в Забайкалье.

[104]Опущена преамбула послания с кратким описанием целей БРЭМ, которые трактуются как усиленная работа по объединению русской эмиграции вокруг задач Японской империи по борьбе с СССР и коммунизмом в Азии.

[105]**Белоцерковский Николай** – полковник. В 1919 г. был начальником Военного контроля при уполномоченном по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермской губернии. До ареста японцами и высылки в августе 1935 г. из пределов Маньчжурской империи (вместе с генералами К. К. Акинтиевским, Е. Г. Сычовым и др.) являлся начальником штаба Маньчжурского (Харбинского) отделения РОВС. Иных сведений не найдено.

[106]**Сычёв (Сычов) Ефим Георгиевич** (1879 – ок. 1945) – генерал-майор (1919). Из казаков Амурского казачьего войска. Окончил Нерчинско-Заводское окружное горное училище и Иркутское юнкерское училище по 1-му разряду (1899). В годы Первой мировой войны командовал 4-й Приамурской сотней в лейб-гвардии Сводном казачьем полку. С мая 1915 до июня 1916 г. служил во 2-м Амурском казачьем полку, затем до мая 1917 г. был начальником 1-го Амурского казачьего полка. Участвовал в Восточно-Прусской операции 17.08/14.09.1915 г., в боях за Карпаты и на Румынском фронте. 17.03.1917 г. отстранен генералом П. Н. Врангелем от командования полком за поддержку Февральской революции, поднятие полком красных флагов и пение Марсельезы. С 01.06.1917 г. зачислен в Забайкальское казачье войско и стал командиром 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии. В январе 1918 г. 4-м Войсковым кругом Амурского казачьего войска Е. Г. Сычёв за наказания, которым он подвергал казаков на фронте, призывался к судебной ответственности, это

решение было подтверждено 5-м Войсковым кругом в октябре 1918 г. В составе Забайкальского казачьего войска Сычёв осенью 1918 г. участвовал в установлении власти атамана Г. М. Семёнова на Амуре в ст. Игнашинской. С конца 1918 г. являлся начальником гарнизона г. Иркутска и (с января 1919 г.) – начальником Иркутского военного района. Вел активные боевые действия против восстания Политцентра в Иркутске 24.12.1919 г. – 05.01.1920 г. Накануне арестовал 31 заговорщика, готовивших это восстание, и передал их в руки контрразведчиков Г. М. Семёнова, в результате чего арестованные, в том числе видные лидеры эсеров, были убиты 05.01.1920 г. семёновцами на ледоколе «Ангара» во время следования по оз. Байкал. Отступив в Забайкалье после победы Полицентра, Е. Г. Сычёв служил в 1920 г. начальником гарнизона г. Сретенска, участвовал в борьбе с красными партизанами на Амуре. В феврале 1920 г. накануне взятия власти в Благовещенске большевиками, создал Амурскую военную организацию, переведя ее затем на китайский берег в пос. Сахалян, где организовал также Временное правительство Амурского казачьего войска. Проводил военные вылазки, засылал белых партизан из Маньчжурии на территорию Амурской губернии ДВР и (с 1923 г.) СССР, издавал «Бюллетень штаба Амурской военной организации». С середины 1921 г. жил в основном в Харбине, являясь товарищем атамана Амурского казачьего войска А. Д. Кузнецова в эмиграции и представителем меркуловского Временного Приамурского правительства. С 1927 г. был руководителем Российского общества военнослужащих, в 1923 г. явился одним из основателей Сибирского (затем Восточного) казачьего союза в Маньчжурии, в апреле 1933 г. избран председателем этого союза. Одновременно входил в состав руководителей Дальневосточного отделения РОВС, некоторое время с 1929 г. возглавлял его харбинский отдел. Редактировал газету «Амурский казак» (с 1932 г.) и официальный орган Восточного казачьего союза журнал «Россия и казачество» (1933–1934 гг.). Резко отрицательно относился к атаману Г. М. Семёнову и к ориентации семёновской части эмиграции на Японию, выступал против БРЭМ, хотя определенное время был сотрудником Японской военной миссии в Харбине. Будучи по своей первой профессии горного техника чертежником и художником, рисовал на заказ у себя дома картины, чертежи, делал художественные изделия из дерева. С 1934 г. работал как художник в японской фирме «Мицуми Шоо Кан». Вместе с шестью другими противниками БРЭМ и японского режима (М. П. Головачёвым, генералом К. К. Акинтиевским, полковником Н. Белоцерковским, И. Ф. Брокмиллером, Л. Н. Горошкевичем и В. А. Белобродским) Е. Г. Сычёв был 15.08.1935 г. арестован японской жандармерией и освобожден 21.08.1935 г. с требованием покинуть пределы Маньчжурской империи. Уехал в Шанхай, где продолжал вести антияпонскую пропаганду, рассылая эмиграции свои доклады. С 1937 г. служил управляющим домами на французской концессии Шанхая. С августа 1941 г. стал добровольно сотрудничать как военный обозреватель на советской радио-

станции «Голос Родины», вещавшей из Шанхая. Предположительно, получил советское гражданство. По сведениям агентов БРЭМ, семья Е. Г. Сычова выехала в 1944 г. в СССР.

Ист.: *Абеленцев В. Н.* Председатель Восточного казачьего союза генерал Е. Г. Сычов // Белая гвардия : альманах. М., 2005. Вып. 8: Казачество России в Белом движении. С. 292–301 ; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе… С. 299 ; Аннотированный указатель имен // П. В. Вологодский Во власти и в изгнании…С. 552 ; ГАХК. Ф. Р – 830. Оп. 3. Д. 46234. Л. 1–26 (Личное дело (досье) Е. Г. Сычова в БРЭМ).

[107]В 1934 г. законодательством Маньчжурской империи русским эмигрантам было запрещено употребление в печати, официальных документах и устных выступлениях русского наименования «Япония», вместо него вводилось официальное государственное название «Ниппон».

[108]**Жирар де Сукантон Лев Львович**, барон – русской службы полковник. В 1920 г. служил в Чите у атамана Г. М. Семёнова, в 1920-е гг. был связан с русским отрядом в составе Мукденских войск через начальника штаба отряда полковника А. А. Тихобразова. Был офицером Шанхайского русского отряда (полка) в звании капитана Шанхайской муниципальной полиции. С 20.09.1928 г. был помощником начальника отряда. 28.12.1928 г. ушел в отставку и работал в шанхайской телефонной компании.

Ист.: Жирар де Сукантон Лев Львович // Русские в Китае : биогр. указ. URL: http://www.hrono.info//biograf/bio_k/kit-russ.php (дата обращения: 20.07.2010) ; ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об. – 2.

[109]Друзья Г. И. Клерже, однако, сообщали противоположное. По их словам, большевики, «купив совесть» генерала Ян Чжо (Ян Чжао), постарались с его помощью «свалить ненавистную и опасную для них фигуру ген[ерала] Клерже», что им в итоге и удалось 01.04.1924 г., когда Клерже был уволен со службы у маршала Чжан Цзолина.

Ист.: Старый кунак : к юбилею ген[ерала] Клерже (окончание)… С. 2.

Генерал Ян Чжо считался наиболее «русским» военачальником из всего окружения Чжан Цзолина. Еще в детском возрасте он был увезен в Россию женой известного певца Агренева-Славянского после гастролей их хора по Дальнему Востоку. Ян Чжо свободно говорил и писал по-русски, получил классическое русское образование. В начале 1920-х гг. он был назначен председателем ревизионной комиссии Общества КВЖД. П. П. Балакшин приводит информацию, что после 1917 г. Ян Чжо стал сотрудничать с разведкой России, а затем СССР. С Ян Чжо якобы был связан всемогущий генерал Ян Юйтин (Ян Утин) – начальник штаба Мукденских войск маршала Чжан Цзолина. По версии эмигрантов, советская разведка готовила восстание, которое должен был поднять генерал Ян Юйтин. После захвата им власти предполагалось создание Маньчжурской Народной Республики – третьей в череде советских сателлитов на Востоке (после Тувинской и Монгольской), во главе которой будто бы планиро-

валось поставить Ян Чжо. После раскрытия заговора оба генерала были казнены.

Ист: *Балакшин П. П.* Финал в Китае. – Т. 1. – С. 146–147.

Но современные исследователи выдвигают другую версию этих событий. Два Яна были арестованы и казнены сыном маршала Чжан Сюэляном в январе 1928 г., через четыре дня после его назначения главнокомандующим пограничными войсками Китая. Специалисты полагают, что в основе этой расправы лежало желание Чжан Сюэляна избавиться от сильного конкурента в борьбе за верховную власть в Северном Китае – генерала Ян Юйтина.

Ист: *Каретина Г. С.* Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20-е – 30-е гг. XX в.). Владивосток, 2001. С. 118, 136.

[110]Правильно: Чжан Цзолином.

[111]**Похвалинский (Веселов) Борис Александрович** (1893–1938) – советский партийный и дипломатический деятель. Окончив два курса университета, в 1920 г. был назначен директором (начальником) Государственной политической охраны ДВР (аналог советской ВЧК). Освобожден от должности в январе 1921 г. за крупные злоупотребления своих подчиненных. Направлен на работу в Китай. В 1927 г. был генеральным консулом СССР в Кантоне (Гуанчжоу). С 1928 г. работал в Москве в должности заведующего отделом Дальнего Востока Народного комиссариата иностранных дел. В 1930-е гг. являлся первым секретарем Полномочного представительства СССР в Латвии. Репрессирован, расстрелян.

Ист: *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 381 ; Жертвы политического террора в СССР / Междунар. ист.-просветит., благотворит. и правозащит. о-во «Мемориал». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2007. 1 электрон.-оптич. диск (CD-ROM) ; Краевая хроника // Рус. голос. Харбин, 1921. 2 февр. (№ 170). С. 3.

[112]Далее текст обрывается. Документ представляет собой черновой, правленый вариант. Других копий в архивном фонде БРЭМ не имеется.

[113]**Чубаков Илиодор Илиодорович** (1879–?) – Генерального штаба подполковник (1913). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1907). В годы Первой мировой войны был с февраля 1915 г. и. д. начальника штаба 84-й пехотной дивизии, затем и. д. начальника штаба 121-й пехотной дивизии. С 10.06.1916 г. находился в распоряжении начальника Генерального штаба. В первой половине 1917 г. направлен Главным управлением Генерального штаба в Северо-Американские Соединенные Штаты для ведения разведки против Японии. В 1918 г. приехал в Сибирь. После краха Белого движения вступил в Красную армию, где поначалу был военспецом для особых поручений при командующем 5-й армией, затем находился в распоряжении начальника Всероссийского Главного штаба и полевого штаба Реввоенсовета Республики. Далее служил начальником информационного отделения оперативного управ-

ления этого полевого штаба и преподавателем Военной академии РККА (1923).

Ист.: Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 г. СПб., 1914. С. 544 ; Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 г. Пг., 1917. С.107 ; *Алексеев М.* Военная разведка России… С. 157–158 ; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 г. [Пг.], 1923. С. 247.

[114]**Коробов Александр Иванович** (1881–?) – врач, юрист, журналист. Закончил медицинский и юридический факультеты Казанского университета. Служил земским врачом в Самарской губернии, затем состоял присяжным поверенным округа Саратовской судебной палаты. Член Партии народной свободы (кадетов). С 01.09.1914 по 31.12.1917 г. являлся главным врачом госпиталей Земского союза в Самаре по выбору Самарского губернского земства. После демобилизации вел частную практику как присяжный поверенный. Активно поддержал свержение большевизма в Поволжье. Сотрудник кадетской газеты, в сентябре 1918 г. был арестован представителями Комуча за статьи, признанные реакционными. Был консультантом представителя Уральского правительства кадета Л. А. Кроля на Государственном совещании в Уфе, 23.09.1918 г. подписал от имени ЦК Партии народной свободы Акт об образовании Всероссийской верховной власти (конституцию Уфимской Директории). С эвакуацией Самары уехал в октябре 1918 г. в Омск, где служил юрисконсультом Главного управления Красного Креста. Деятельно участвовал в Омске в работе кадетской партии, входя, по словам Н. В. Устрялова, в состав правого крыла Восточного комитета Партии народной свободы. С мая 1919 г. был управляющим делами, членом правления и одним из ведущих акционеров АО «Русское общество печатного дела» (Русское бюро печати). В ноябре 1919 г. эвакуировался вместе с обществом в Иркутск. 02.02.1920 г., в ходе восстания Политцентра, получил на последнем заседании правления АО право и доверенность на единоличное управление делами общества. Оставался в Иркутске до начала марта 1920 г., уехал в эмиграцию накануне вступления в город частей Красной армии. Прибыл в Харбин 08.03.1920 г., был приглашен издателем С. В. Востротиным в редакцию газеты «Русский голос». После преобразования ее в 1926 г. в «Русское слово» стал редактором газеты, в 1931 г. с должности редактора был перемещен на пост издателя. В 1932 г. ушел из «Русского слова», стал журналистом японской газеты «Харбинское время». До ноября 1931 г. являлся председателем Русского национального объединения, затем был председателем Делового комитета областных организаций (областническое объединение в эмиграции). С 1934 г. состоял в Русском общественном комитете. С октября 1934 г. работал в харбинском представительстве Министерства иностранных дел Маньчжурской империи. 09.05.1935 г. приказом БРЭМ персонально приглашен советником в первый состав Совета при БРЭМ. С 01.07.1933 по

октябрь 1934 г. был (вместо Г. И. Клерже) сотрудником Японской военной миссии в Харбине, обозревателем и аналитиком русскоязычной прессы, одновременно участвовал в агентурно-осведомительной работе в среде русской эмиграции. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. сотрудничал как журналист в газете «Заря». С 1937 г. отношение к А. И. Коробову со стороны японцев меняется, его начинают подозревать в связях с агентурой ГПУ–НКВД, осведомители БРЭМ отмечают, что он страстный картежник и проигрывает огромные суммы, живет не по средствам, что наводит на мысль о сотрудничестве с какой-то разведкой. Статьи Коробова в газетах, по определению руководства БРЭМ, характеризуют его как либерала, противника царской России и сближения эмигрантов с Японией. С 1940 г. А. И. Коробов входил в группу И. А. Михайлова, В. Ф. Иванова и других сибирских эмигрантов, выступавших против прояпонского руководства БРЭМ. 06.06.1941 г. японцы через БРЭМ рекомендовали редакции газеты «Заря» не помещать в дальнейшем статей А. И. Коробова, как не соответствующих политическому моменту. После начала Великой Отечественной войны Коробов высказывался против установления власти оккупантов в СССР. 28.02.1942 г. приказом по БРЭМ был освобожден от должности советника Бюро. В феврале 1943 г. стал кандидатом в уполномоченные в группе российских эмигрантов, служащих в представительстве МИД Маньчжурской империи в Харбине.

Ист.: ГАХК. Ф. Р – 830. Оп. 3. Д. 22834. Л. 1–63 (Личное дело А. И. Коробова в БРЭМ) ; Д. 17253. Л. 135–136, 144–145, 158 ; *Устрялов Н. В.* Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 221 ; *Ковган П.* Открытое письмо Ал. Ив. Коробову и иже с ним – редактору «Русского слова». Харбин, 1929. 8 с.

[115]Здесь и далее в документах указывается шифр секретной документации (СД) БРЭМ.

[116]Так в тексте документа. Правильно: Чан Кайши.

[117]Здесь и далее в документах указывается номер (шифр) агента-осведомителя БРЭМ.

[118]**Голубев Николай Павлович** (1887–?) – врач. Окончил Томский университет в 1915 г. (сдал государственные экзамены в 1918 г.). С 1915 г. был младшим ординатором, затем заведующим хирургическим отделением 149-го Сводного эвакуационного госпиталя в Томске. На фронтах Первой мировой войны служил главным врачом передового перевязочного отряда 16-й Сарапульской дивизии. В 1918–1919 гг. в этой же должности – в передовом перевязочном отряде № 4 Екатеринбургского комитета Всероссийского союза городов (в белой армии). Участник Сибирского ледяного похода, отступил вместе с армией в Забайкалье. В Чите в 1920 г. был особоуполномоченным Всероссийского союза городов по Забайкалью и главным врачом корпусного лазарета 2-го корпуса Дальневосточной армии. Имел два легких ранения. От Г. М. Семёнова получил чин коллежского асессора. Вместе с семёновцами оказался в 1921–1922 гг. в Гродеково, в ноябре 1922 г. отступил из Приморья в Маньчжурию. До советско-

китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. имел частную лечебницу на ст. Пограничная, осенью 1929 г. переехал в Харбин, где успешно продолжал частную лечебную практику. С 1931 г. член Дальневосточного отделения РОВС, был участником многих других эмигрантских организаций. Некоторые круги русской эмиграции в Харбине подозревали Н. П. Голубева в связи с НКВД, приписывая ему отравление митрополита Мелетия и попытку отравления В. Ф. Иванова.

Брат «доктора Голубева», живший с ним в одном доме, Г. П. Голубев был известен в эмиграции как общественный деятель, статский советник дореволюционного времени. В Харбине он являлся членом руководства (Верховного совета) Братства Русской Правды, но также подозревался в тайной работе на пользу советской разведки. Г. П. Голубев был выслан японскими властями из Харбина и с 1936 г. обосновался в Тяньцзине, где сотрудничал как агент-информатор в Японской военной миссии. Приехавший в начале 1937 г. в Тяньцзин А. И. Левицкий (член Братства Русской Правды и организатор его отделения в Тяньцзине) заявлял, что он разоблачил Г. П. Голубева как советского провокатора в этом Братстве. Став одним из ведущих функционеров Антикоммунистического комитета в Тяньцзине, Левицкий способствовал аресту Голубева и расправе с ним.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10452. Л. 1–3 (Личное дело Н. П. Голубева в БРЭМ) ; Д. 26627. Л. 1–2 ; Д. 8718. Л. 13 ; *Балакшин П.[П.]* Финал в Китае. Т. 1. С. 214–215 ; 251–253.

[119]**Слуцкий Владимир Семёнович** (1894–1938) – подполковник. В 1919–1920 гг. был командиром еврейской роты в войсках атамана Г. М. Семёнова. После бунта роты и ее расформирования остался на службе у атамана, в 1922 г. уехал из Приморья в эмиграцию. В 1927–1928 гг. служил в сыскном отделении полиции Харбина, за ряд служебных преступлений был арестован, но бежал из Харбина в Мукден, где имел свой комиссионный магазин «Дело» и (главным образом) работал осведомителем полиции. Исполнял негласные коммерческие поручения Г. М. Семёнова, продавая его вещи, и будущего маньчжурского императора Пу И, проживавшего тогда на английской концессии в Тяньцзине. В начале 1931 г. В. С. Слуцкий приехал в Дайрен к атаману Г. М. Семёнову и занял пост его секретаря. Это вызвало злобу антисемитских кругов русской эмиграции и породило многочисленные разговоры о «еврейском засилье» в окружении атамана. Слуцкого обвиняли сначала в том, что без его ведома (и соответствующей мзды) невозможно проникнуть к Г. М. Семёнову, что он за плату снабжает японцев сведениями из канцелярии атамана. Сообщалось, что все статьи за подписью Г. М. Семёнова в журнале БРЭМ «Луч Азии» пишет В. С. Слуцкий. С 02.02.1936 по 01.04.1937 г. Слуцкий был советником отделения БРЭМ в Дайрене. Против него возникло и приобрело устойчивый характер обвинение в сотрудничестве с советской разведкой, но П. П. Балакшин полагает, что эти слухи намеренно распускал один из ведущих деятелей Антикоммунистического

комитета в Тяньцзине Л. Н. Гутман, находившийся во враждебных отношениях со Слуцким. В конце 1937 г. В. С. Слуцкий приехал в Тяньцзин по поручению Г. М. Семёнова, но здесь был арестован Антикоммунистическим комитетом и после «разоблачения» казнен японской жандармерией.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 43833. Л. 1–28 (Личное дело (досье) В. С. Слуцкого в БРЭМ) ; *Балакшин П.[П.]* Финал в Китае… Т. 1. С. 246–247 ; 256.

[120]**Воронин Константин Матвеевич** (1921–1938) – эмигрант. В 1917 г. приехал в Харбин вместе с родителями, окончил гимназию Д. Л. Хорвата, два года был на клубной работе в клубе Харбинского железнодорожного узла. Имея советское гражданство, в 1932 г. выехал в СССР в г. Хабаровск для продолжения образования, поступил на курсы инженеров по линейно-кабельным сооружениям железных дорог. 04.03.1933 г. был арестован секретно-политическим отделом Полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю, судебной тройкой ОГПУ осужден на 10 лет концентрационных лагерей. В декабре 1933 г. бежал из лагеря на территорию Маньчжурии. По сведениям осведомителей БРЭМ, состоял здесь в дружбе с известным поэтом А. И. Несмеловым (Митропольским). Устроился на службу в японскую жандармерию Маньчжу Ди Го, участвовал во многих полицейских бесчинствах, пытках и карательных акциях. После убийства гражданина Франции (эмигранта из России) молодого пианиста С. И. Каспе Воронин и его подручные скрылись в 1936 г. из Харбина в Тяньцзин, где Воронин стал информатором японской жандармерии. Антикоммунистический комитет Тяньцзина, изучив деятельность К. М. Воронина, сделал вывод, что он советский агент, засланный в Китай под видом побега с целью возмутить эмигрантов своими преступлениями и спровоцировать их на борьбу с японской оккупацией. Попытка Л. Н. Гутмана, А. И. Левицкого и других руководителей комитета 02.02.1938 г. арестовать К. М. Воронина в помещении банкирской конторы Нилуса закончилась убийством Воронина.

Ист.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8718. Л. 1–4 (Личное дело К. М. Воронина в БРЭМ) ; *Балакшин П.[П.]* Финал в Китае… Т. 1. С. 253–255.

Именной указатель

А

Аббас-Мирза, 503
Абеленцев В. Н., 513
Аблажей Н. Н., 89, 366, 368
Аверьянов П. И., 410, 495
Ага-Магомет, 159
Агарков А. А., 235, 240, 241, 345
Агренев-Славянский, 513
Адамсон Г. К., 60, 61, 67, 88
Айронсайд, 25
Акинтиевский К. К., 36, 66, 69, 226, 237, 255, 341, 342, 488, 489, 500, 511, 512
Александр I, 159, 160
Александр II, 312, 329
Александр III, 313
Алексеев М. В., 81, 108, 112, 115, 298, 304, 305, 352, 491, 515
Алымов С. Я., 360
Альбанов В. Н., 369
Алькимович, 117
Андогский А. И., 127, 219, 220, 221, 247, 308, 309, 344, 378
Анов (Иванов) Н. И., 33, 84
Арнольдов Л. В., 51, 255, 362, 363
Асай-хан, 24
Ататюрк К., 320
Аурилене Е. Е., 88, 89, 304
Ауслендер С. А., 33

Б

Бабушкин В. А., 225, 340
Баградиты (Багратуни), 158, 160
Базаревский А. Х., 219, 239, 246, 338
Балаев А., 460, 461
Балакшин П. П., 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 505, 513, 517, 518
Балмасов С. С., 12, 73, 81, 82, 87, 88, 89, 90
Барановский В. Л., 109, 111, 305, 306
Баратов Н. Н., 13, 20, 82, 139, 152, 153, 298, 312, 315, 389, 392, 410, 488
Бартольд В. В., 502
Басманов М. И., 296
Безродный К. Э., 349
Белевич (Билевич), 399, 416
Белобродский В. А., 66, 454, 455, 456, 457, 458, 499, 500, 501, 512
Белокрыс М. А., 357
Белоусов Н. П., 437, 438, 439, 440, 441, 442
Белоцерковский Н., 66, 485, 511, 512
Беляев, 468
Беляев М. А., 99, 101, 295
Берсенев, 44
Берхман Г. Э., 161, 321
Бибик Т. М., 454, 457, 458
Бирон Г. Н., 25, 198, 199, 200, 202, 206, 208, 325, 396, 397, 398, 399, 416, 417, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 459, 460, 461, 462, 463
Бичерахов Л. Ф., 502
Блэр, 438
Бобринский, 341
Бове, 51
Боголюбский А., 159
Богомолец Н. Ф., 235, 345

Богословский Б. П., 273, 274, 369
Богунский Н. Ф., 70, 72, 73, 90
Болдырев В. Г., 331, 342
Болдырев Д. В., 254, 359
Болдырев Н. В., 359
Бондарь М. М., 347
Борисенко Е. И., 80
Борисенко И. В., 5
Бородин М. М., 60, 493
Бородин Н., 47, 86
Бородина Ф., 59, 60
Бочкарёва М. Л., 304
Бояр, 177
Бравин, 17, 472
Брокмиллер И. Ф., 67, 512
Бронштейн (Троцкий), 24
Будберг А. П., 33, 466, 501
Булак-Булахович С. Н., 325
Булацель И. С., 146, 319
Булацель С. С., 83, 319
Бурлин П. Г., 219, 227, 228, 237, 240, 241, 243, 334
Бурцев В. Л., 316
Буткевич, 463
Бучко Н. П., 84
Бюксеншютц, 178

В

Вадбольский Н. П., 129, 142, 144, 310
Ваксберг А. И., 299
Валиагд, 17, 18
Василевский В. И., 84, 357
Ватала Э., 306
Вахтанг, 158
Вегман В. Д., 498
Везоч С., 400
Венков А. В., 305
Вержбицкий Г. А., 37, 39, 43, 45, 47, 50, 66, 67, 481, 485, 486, 487,508, 509
Верховский А. И., 102, 297
Вибе П. П., 365
Вильямс (Канабеева) Н. Л., 84
Вильямс (Клерже) М. А., 327
Вильямс Т. Ч., 30, 327, 396, 397, 402, 428, 435, 436, 464, 492
Виталий, иеромонах, 148
Власов, 40
Власов А. А., 331, 352
Власов В. В., 47, 85
Воинов, 378, 380, 491
Войцеховский С. Н., 39, 250, 275, 353, 354
Волков Е. В., 11, 81, 85, 89, 299, 302, 310, 319, 322, 323, 326, 328, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 354, 369, 371, 494, 495, 497, 498, 501, 509, 511
Волков С. В., 295, 296, 298, 304, 307, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 318, 321, 322, 323, 326, 334, 335, 336, 337, 340, 348, 352, 494, 495, 498, 504
Волобуев П. В., 324
Вологодский П. В., 87, 302, 312, 329, 348, 357, 367, 368, 499, 506, 508, 510, 513
Воронин К. М., 78, 79, 93, 490, 518
Воронцов-Дашков И. И., 134, 313
Воскресенский В. Г., 315
Врангель П. Н., 141, 145, 214, 302, 305, 313, 315, 316, 317, 334, 336, 346, 352, 511
Выгорницкий А. И., 144, 318
Высоцкий, 147
Вязьмитинов В. Е., 144, 317

Г

Гаврилов Н. И., 171
Гайда Р., 216, 330, 331, 369, 492
Гейман В. В., 105, 117, 118, 119, 304

Георгий XII, 159, 160
Герасименко Г. А., 296
Гериберг, 440
Геркен Ю., 254
Гибер, 176, 177, 178, 179, 208
Гильдебрандт Г., 147
Гинс Г. К., 255, 363, 364, 365
Гиссер Г. Г., 26, 408, 494
Гитлер А., 264, 308, 331
Глебов Ф. Л., 51, 54, 69, 70
Глинская В., 253, 356
Глинский Б. Б., 104, 302
Гойер Л. В., 366
Головачёв М. П., 66, 69, 266, 367, 368, 512
Головин Н. Н., 219, 246, 247, 248, 249, 336, 337, 338
Голохватов, 432
Голубев Г. П., 517
Голубев Н. П., 490, 516, 517
Горошкевич Л. Н., 67, 512
Грегори, 57
Грибоедов А. С., 503
Грибушин, 418
Григорьев, 239, 246
Григорьев В., 50
Григорьев С. Д., 219, 338
Гро, 194, 208
Гродзенский С. Я., 299
Грязнов И. К., 372
Губанов, 425
Гуляев, 288
Гурко И. В., 352
Гурко И. И., 247
Гурко-Ромейко В. И., 352
Гусев К. В., 296
Гутман (Гуттман) Л. Н., 75, 76, 78, 91, 92, 93, 518
Гучков А. И., 100, 101, 295, 308
Гущин, 59

Д

Давид, 160
Давос, 312
Дашкевич-Горбацкий В. В., 219, 335, 336
Деминов Б. А., 366
Деникин А. И., 108, 112, 142, 143, 144, 145, 150, 151, 213, 219, 300, 305, 306, 307, 313, 317, 320, 331, 334, 335, 352, 412, 414, 438, 441
Джонсон, 327
Дигмелов, 387
Дитерихс М. К., 33, 34, 37, 66, 200, 216, 217, 219, 237, 238, 239, 242, 243, 255, 259, 301, 302, 325, 326, 330, 331, 333, 340, 346, 361, 367, 368, 417, 459, 485, 487, 506, 507, 509, 511
Дмитриев Н. И., 354, 365, 366, 501
Добромыслов В. А., 148, 149, 161, 320
Доманевский В. Н., 103, 298, 299
Драгомиров А. М., 247, 351, 352
Дроков С. В., 307
Дубинин, 52
Дубовицкий В, 318
Дюсимитьер Л. П., 104, 114, 303

Е

Егоров, 423
Егоров Н. Д., 11, 81, 85, 299, 302, 310, 319, 322, 323, 326, 328, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 354, 369, 371, 494, 495, 497, 498, 501, 509, 511
Екатерина Великая, 159, 164
Елачич С. А., 12, 70
Еленев Ю., 344
Елисеев Ф. И., 81
Еремеев И. И., 41, 506

Ж

Жанен М., 176, 178, 266, 321, 322, 351, 400

Жанинова, 453
Жардецкий В. А., 241, 349
Жданов Е. А., 54
Жижка Я., 353
Жилин, 22
Жирар де Сукантон Л. Л., 38, 486, 489, 513
Жоффр, 321
Жуков В. Я., 195, 196, 323, 324
Жуковский В. Г., 405, 466, 470, 493, 504

З

Забиякин И. И., 77, 93
Забиякина М. С., 77, 93
Завойко В. С., 104, 300, 301
Загоскин Д. В., 47, 85
Заграб-Заде, 430
Зайчек (Заячек) И., 263, 264, 367
Залесский К. А., 297, 303, 313, 324, 325, 346, 352, 368
Занкевич М. И., 219, 246, 248, 249, 337
Захарин И. Е., 83
Захарченко, 430, 431
Звягин С. П., 358, 365
Зданович А. А., 303
Зиневич Б. М., 273, 323, 338, 370, 371
Златоустовский А. В., 5, 80, 81
Злобин Н. П., 70, 71, 225, 341
Зо-лин Ч., 486
Зубец В. А., 508
Зырянов П. Н., 306

И

Иванов В. Ф., 41, 85, 477, 479, 506, 508, 516, 517
Иванов Вс. Н., 33, 84, 85, 254, 360, 362, 363, 508
Иванов М. С., 504
Иванова М. Н., 504
Иванов-Ринов П. П., 52, 53
Иваноидзе, 446
Иманов А., 343
Ипатьев Н. Н., 208, 328
Ипполитов Г. М., 305
Ираклий II-й, 159

К

Кавтарадзе А. Г., 348
Кадлубовский, 469
Казаков В. Г., 68, 69, 89
Казанов Б. Я., 324
Калаушин А., 61
Калашников Н. С., 28
Калдуров В., 437, 438, 439, 442
Каледин, 414
Калитин П. П., 161, 321
Калмыков, 76, 91
Калугин С. М., 83, 146, 319
Камацубара, 487
Канабеев Л. Н., 34, 35, 84, 279, 282, 283, 285, 287, 289, 292, 293, 294, 371
Кануков, 389
Каппель В. О., 93, 216, 219, 244, 245, 250, 273, 275, 290, 327, 331, 332, 349, 353, 369, 370, 371
Караев С., 75, 76, 91
Карамышев, 372
Каретина Г. С., 316, 514
Каринская М. А., 254, 357
Карманов, 282, 283
Карташевидзе, 446
Картер Н., 38
Карцов (Карцев) В. А., 219, 334, 440, 441, 499
Карцов (Карцев) П. А., 334, 499
Каспе С. И., 518
Катанаев Г. Е., 33, 423, 432, 437, 450, 452, 458, 489, 494, 497, 498, 499
Кахетинский Теймурлаз, 158
Квакин А. В., 301, 494, 498

Квинитадзе Г. И., 134, 314
Кедроливанский В. М., 74, 78, 94
Керенский А. Ф., 19, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 119, 120, 122, 123, 125, 132, 138, 209, 210, 296, 297, 298, 299, 302, 303, 305, 308, 326, 351, 352, 365, 366, 407, 409, 430, 478
Киров С. М., 324
Кирсанова Е. А., 400, 407, 412
Кирста А. Ф., 395, 396, 454, 455, 492
Кислицын В. А., 79
Клавинг В. В., 302, 305, 307, 308, 310, 315, 319, 320, 331, 337, 344, 346, 352, 354, 371, 509
Клафтон А. К., 254, 358, 359
Клемм В. О., 130, 311
Клерже Г. И., 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 104, 106, 107, 111, 113, 114, 126, 130, 136, 138, 176, 178, 179, 180, 181, 222, 225, 226, 229, 232, 233, 234, 240, 241, 263, 285, 289, 294, 295, 301, 304, 311, 312, 313, 315, 316, 319, 320, 323, 327, 328, 333, 339, 342, 345, 354, 368, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 399, 400, 403, 404, 405, 406, 407, 410, 412, 413, 419, 420, 421, 422, 424, 425, 427, 428, 429, 431, 432, 433, 436, 437, 438, 441, 442, 443, 444, 447, 448, 449, 450, 451, 455, 457, 458, 459, 460, 461, 464, 465, 466, 467, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 478, 479, 480, 482, 485, 486, 487, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 499, 500, 504, 505, 506, 507, 508, 513, 516
Клерже И. И., 5
Клерже М. И., 396
Клерже Н. И., 80
Клерже П., 5, 80, 177
Клерже С. И., 80
Ключников Ю. В., 329, 493
Ковган П., 516
Кожин Г. В., 398
Козлов, 149
Козлов В. П., 325
Колбецкий, 470
Колганова А. А., 356
Колегов С. Н., 239, 292, 348
Колесников Н. В., 51
Колосов Е. Е., 371
Колпакиди А. И., 73, 88, 90, 340
Колчак А. В., 22, 25, 28, 33, 34, 40, 49, 55, 70, 71, 82, 104, 116, 117, 118, 119, 150, 151, 179, 200, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 234, 238, 246, 248, 249, 251, 254, 256, 257, 261, 265, 266, 267, 268, 273, 275, 276, 286, 290, 292, 294, 300, 301, 302, 303, 306, 309, 311, 317, 321, 322, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 349, 351, 353, 357, 358, 364, 365, 366,

368, 369, 370, 438, 458, 486, 493, 494, 496, 498, 499, 501
Кондратьев А. Е., 145, 150, 318
Кондрашев, 432, 434, 459
Коннов, 23
Корбейль, 176
Кордашевский Н. В., 400, 403, 404, 405, 492
Корнилов Л. Г., 81, 102, 103, 104, 105, 108, 112, 113, 118, 115, 116, 119, 296, 298, 299, 300, 303, 304, 305, 331, 478
Коробов А. И., 489, 515, 516
Костанди Г., 420
Котович М. А., 219, 246, 337
Котомин В. В., 232, 343
Котомкин-Савинский А. Е., 356, 366
Кочик В. Я., 73
Кравченко А. Д., 370
Краковецкий А. А., 298, 330
Красильников С. А., 371
Краснов,
Краснов П. Н., 296, 305, 414
Крачковский И. Ю., 502
Кременецкий К. А., 438, 439, 499
Кроль Л. А., 515
Кромский, 463, 465
Кручинин А., 315
Крыленко Н. В., 103, 115, 299, 310
Крымов А. М., 104, 105, 114, 115, 303
Кузнецов, 72, 90
Кузнецов А. Д., 512
Кузьмин В. И., 371
Купцов И. В., 11, 81, 85, 299, 302, 310, 319, 322, 323, 326, 328, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 354, 369, 371, 494, 495, 497, 498, 501, 509, 511
Курбатов, 300
Кускивадзе К. С., 445, 448, 499
Кучук-хан Ага Мирза, 146, 153, 318, 504

Л

Лазарев, 160
Лалетин, 403, 404
Лапин А. Я., 372
Лашевич М. М., 196, 324
Лебедев Д. А., 27, 28, 34, 104, 107, 115, 217, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 237, 238, 240, 243, 300, 301, 302, 335, 341, 342, 459, 474, 479, 481, 489506
Лебедев Н. В., 219, 335
Лебединский В. А., 472
Лебединский Е. В., 412, 495
Левандовский В. А., 472, 504
Левицкий (Левитский) А. И., 75, 76, 78, 92, 93, 517, 518
Лембич М. С., 254, 255, 362, 363
Лембич О. В., 362
Ленин (Ульянов) В. И., 112, 120, 210, 306, 343, 355, 356, 358, 368, 468
Леонов Г. В., 227, 274, 342
Леонтьев М. Н., 8
Лесгафт П. Ф., 447, 499
Лилиестром, 487
Ловцевич Л. Л., 43, 50, 58
Ломакин В. М., 474, 504
Лохвицкий Н. А., 36, 39, 237, 341, 346
Лощинские, 425
Лощинский, 425
Луков Е. В., 31, 83, 354, 357, 358
Лукомский А. С., 59
Луценко, 147
Львов Г. Е., 478, 479, 510
Люшков Г. С., 73
Ляхов В. П., 129, 310

М

Майдель В. Н., 13, 14, 17, 18, 20, 24, 129, 138, 311, 373, 375, 403,

406, 407, 408, 409, 410, 411, 430, 467, 469
Макаров, 22, 378, 380, 491
Макарошвили, 446
Макензен (Mackensen), 126, 308
Малакен, 50, 75
Мамонов П. П., 16, 17, 82
Маниковский А. А., 123, 130, 137, 138, 308, 375, 409, 471, 472
Манкевич А. И., 33, 35
Маннергейм, 312
Марковский В. И., 26, 27, 28, 34, 179, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 236, 237, 240, 242, 243, 244, 263, 322, 323
Марлинг Ч., 24
Мартынов, 154
Мартынов Е. И., 300
Марушевский В. В., 26, 122, 130, 136, 137,138, 307, 373, 374, 375, 407, 408, 409, 411
Масленников, 412
Маслов Г., 20
Матиков (Матико, Матаков) С. И. 396, 397, 399, 402, 414, 415, 418, 421, 424, 425, 443, 445, 446, 447, 465, 492
Матикошвили (Матико, Матиков) И. И., 25, 30, 31, 35, 400, 401, 402, 404, 407, 412, 413, 421, 422, 423, 425, 428, 432, 433, 434, 435, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 492, 493
Матковский, 235, 240
Матковский А. Ф., 344, 345
Матюшин М., 299
Махно Н. И., 325
Махов, 94
Меделица, 415
Мелетий, митрополит, 517
Меркулов Н. Д., 41, 51, 57, 58, 301, 333, 340, 361, 368, 477, 478, 479, 480, 505, 506, 507, 509
Меркулов С. Д., 41, 43, 44, 45, 51, 52, 53, 85, 87, 301, 340, 368, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 484, 505, 506, 507
Меркуловы, братья, 50, 51, 69, 326, 363, 486
Мецлер К. Э., 69
Миллер Е. К., 307
Минорский В. Ф., 468, 470, 501, 502
Миронов Н. Д., 104, 108, 302
Михайлов И. А., 256, 365, 366, 516
Михеев А. П, 365
Молчанов В. М., 43, 44, 47, 50, 86, 92, 333
Моравский В. И., 367
Морозов Н. А., 355
Мохаммад Али-шах, 310
Муссолини Б., 264
Мушир-уд-Доулэ, 468
Мясников Г. И., 327
Мясоедов Д. Н., 409, 429, 431, 494

Н

Нагаев Н. В., 219, 334
Надир, 158
Нахимсон С., 446
Нейпир, 151
Немысский, 51
Несмелов (Митропольский) А. И., 518
Нечаев К. П., 57, 91, 244, 256, 309, 316, 349, 350
Никифоров, 455
Никодим, архиепископ, 334
Николаев А. А., 78, 79
Николаев Н. Н., 58, 87, 350, 508
Николаевский, 117, 431

Николай I, 80, 248
Николай II, 215, 295, 306, 312, 318, 326, 329, 492, 494
Нина, св., 158
Нокс А., 245, 267, 322, 350, 351

О

Оберюхтин В. И., 238, 239, 245, 246, 273, 274, 347
Обручев В. А., 354
Осака, 504
Оссендовский А. М., 30, 34, 55, 253, 256, 269, 270, 271, 354, 368
Охотин Н. С., 28, 33, 35

П

Павел I, 159, 160
Пален Л. С., 356
Парагвай, 61
Парис, 176, 177, 194
Парфёнов (Алтайский П. С.), 309
Пастухин Е. Н., 75, 76, 77, 91
Пепеляев А. Н., 204, 205, 206, 216, 250, 327, 328, 330, 331, 370, 497, 418, 508
Пепеляев В. Н., 327, 331
Перминов В. В., 89
Песоцкий (Пясоцкий) В. Д., 239, 292, 347, 348
Петр Великий, 159, 164, 295, 494
Петров В. В., 67
Петров П. П., 89
Петухов Н. Ф., 61
Пехлеви Реза-шах, 319
Пинкертон Н., 38
Пирютинский, 77
Писарев, 404, 411, 412
Плотников И. Ф., 11, 81, 302, 309, 319, 322, 325, 326, 327, 328, 331, 333, 339, 340, 342, 346, 347, 350, 351, 354, 369, 492, 509
Попов К. А., 498
Португальский Р., 306
Посадсков А. Л., 354, 357, 358, 360, 362, 366, 371, 498
Посохин В. М., 364
Потанин Г. Н., 355, 497
Потапов, 468
Похвалинский (Веселов) Б. А., 486, 514
Пржевальский М. А., 134, 161, 312, 313, 409
Прозоркевич Н. В., 129, 311
Прокофьев Г. М., 454, 457, 458
Прохоров Д. П., 73, 88, 90, 340
Пу И, 517
Пугачева Н. М., 365
Пурин А. А., 64, 89
Пустовая Т. И., 506
Пучков Ф. А., 39, 43, 45, 50, 481, 510, 511
Пушкин А. С., 112
Пфель, 438

Р

Равин, 382
Радзинский Э., 325
Ракитин В. В., 219, 246, 248, 249, 337, 338
Распутин Г. Е., 110, 132, 306, 312
Рачинский, 490
Реза Хан, 148
Рейтблат А. И, 356
Ригана Н. А., 13, 20, 22, 130, 131, 133, 135, 141, 147, 312, 377, 408, 411, 430, 431, 495, 504
Родзаевский К. В., 366
Розанов С. Н., 323
Романов, 490
Романов Д. М., 132
Романов Д. П., 312

Романов М. А., 202, 326, 327
Романов Н. Н., 214
Романов Н. Н. (младший), 329
Романовский В. К., 360
Романовский И. П., 122, 306, 307, 407, 408
Романовы, 326
Рунов В., 306
Руссиянов В. Н., 59, 60, 67, 73, 403, 493
Русских, 424, 426, 428, 457
Рутыч Н. Н., 302, 307, 313, 317, 321, 334
Рынков В. М., 366
Рябиков П. Ф., 10, 29, 32, 41, 42, 43, 56, 71, 73, 79, 81, 221, 227, 258, 273, 274, 304, 308, 339, 340, 371, 432, 443

С

Савельев К. Н., 97, 295
Савинков Б. В., 303
Савченко С. Н., 312
Сазонов А. В., 367
Сазонов С. Д., 143, 150, 317
Сальников Д. Н., 217, 238, 239, 255, 259, 332, 333
Сахаров К. В., 34, 216, 218, 238, 239, 242, 245, 246, 250, 259, 267, 273, 301, 327, 331, 332, 344, 351, 366
Семёнов Г. М., 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 72, 85, 87, 91, 268, 271, 300, 306, 312, 322, 328, 333, 336, 340, 341, 345, 346, 350, 351, 353, 361, 366, 371, 372, 474, 476, 477, 480, 482, 483, 484, 486, 489, 493, 498, 504, 505, 506, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 516, 517
Семёнов Е. П., 355
Сербинович К. И., 505
Сербский В., 51, 86, 363
Сибо, 45, 482
Сибояма, 47
Сидорин В. И., 104, 114, 302
Симонов Е. Д., 299
Синюков В. В., 306
Скалон В. Е., 127, 128, 310
Скоропадский, 336, 338
Сливицкий А. С., 16, 144, 317
Слуцкий В. С., 490, 517, 518
Смилга И. Т., 196, 324
Смолин И. С., 43, 50
Соколов Н. А., 417, 496
Сольский В., 363
Сорокин А., 33
Сталин И. В., 296, 324, 325, 356
Старосельский В. Д., 16, 20, 21, 23, 24, 25, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 315, 388, 392, 393, 404, 407, 409, 410, 412, 431, 320, 468, 469, 473
Старцев А. Н., 454, 455, 456
Степанов Н. А., 27, 28, 179, 219, 220, 221, 225, 227,228, 229, 232, 233, 234, 235, 236, 240, 243, 244, 263, 301, 322, 323, 395, 405, 492
Столыпин П. А., 506
Стрелянов (Калабухов) П. Н., 82, 311, 314, 315, 319, 495
Судзуки Т., 268, 368
Сукин И. И., 213, 266, 268, 328, 329, 405
Сулин, 147
Супрунович Д. М., 343
Сурнин А. А.., 329, 418, 496
Сычёв (Сычов) Е. Г., 66, 485, 500, 511, 512, 513,

Т

Таки, 76, 77, 92, 93
Тамара, 159
Тамерлан, 158
Танака Р., 33, 84
Таскин С. А., 37, 44, 51

Тачибана, 48
Тихобразов А. А., 58, 88, 513
Ткаченко, 140, 429
Тодзио Т., 368
Толмачев, 51
Толстов В. С., 146, 152, 319
Томашевский, 57
Траусман, 453
Троцкий (Бронштейн) Л. Д., 101, 112, 120, 210, 296, 324, 343
Туманов Г. Н., 101, 109, 110, 122, 297
Тухачевский М. Н., 325

У

Уборевич И. П., 196, 324
Унгерн фон Штернберг Р. Ф., 41, 47, 77, 93, 355, 370
Урусов Л. П., 104, 299
Устрялов Н. В., 254, 255, 359, 360, 515, 516
У Пейфу, 56, 57

Ф

Фадеев А. В., 503
Федор Иоанович, 159
Федоров, 52
Фет-Али-Шах, 160
Филаретов, 20, 22, 140, 148, 316, 429
Филиппов Г. В., 23, 25, 105, 136, 138, 139, 140, 142, 145, 146, 304, 315, 429, 431
Филиппова, 138
Флуг В. Е., 323
Фрезер, 438
Фукуда, 266, 267

Х

Хабаров, 384
Хандорин В. Г., 306
Хацевадзе К. И., 402
Хирохито, 309
Хисамутдинов А. А., 12, 78, 81, 94, 310, 335, 356, 362, 363, 365, 366, 505, 513
Хлебников В., 318
Хомутов, 437, 438, 441, 452, 454
Хонджо, 62, 63
Хорват Д. Л., 298, 311, 323, 350, 518
Хусаинов, 279
Хусейн-Али-Хан, 145

Ц

Царькова О. М., 398, 418, 435, 444, 449, 450, 455, 456, 463, 465
Церетели З. Ф., 219, 225, 226, 339
Ципкин Ю. Н., 300

Ч

Чан Кайши, 316, 317, 489, 515
Черкасов-Георгиевский В. Г., 305
Черкашин Н. А., 307
Чжан Сюэлян, 55, 57, 58, 60, 72, 514
Чжан Цзолин, 47, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 72, 87, 513, 316, 309, 316, 350, 505, 514
Чжан Цзунчен, 507
Чжичен В., 89
Чингис-Хан, 158
Чичагов, 453
Чубаков И. И., 488, 514

Ш

Шабалин А., 40
Шабловский И. С., 103, 299
Шамурин Е. И., 30
Шанина М. А., 30

Шапуи Г., 176
Шарабурин В. С., 474, 475, 505
Шатилов П. Н., 134, 313
Шаховской Д. И., 104, 117, 299
Шевелёв Д. Н., 31, 83, 354, 357, 358
Шикман А. П., 304, 312, 325
Шиловский М. В., 368, 498
Шильников И. Ф., 58
Шиляев В. Н., 424, 425, 433, 435, 436, 443, 453, 456, 459, 460, 461, 496
Шиляева В. А., 396, 397, 428, 433, 435, 436, 443, 453, 455, 456, 461, 463, 465, 496
Шингарёв А. И., 365
Шипков Г. Н., 362
Шихлинский Али-ага, 491
Шихлинский Мамед-ага, 23, 380, 390, 391, 394, 491
Шишканов, 44
Шишкин В. И., 127, 308, 359
Шмарглит Р. Г., 11, 81
Шмейссер М. П., 76
Шмелёв А. В., 345
Шостакович С. В., 503
Шпилевский В. Г., 25, 396, 397, 399, 416, 417, 421, 422, 425, 426, 428, 459, 464
Шульгин В. В., 295
Шулькевич В. Л., 407, 419, 421, 432, 437, 438, 441, 444, 448, 454, 460, 463, 494

Щ

Щёкин (Щокин) М. С., 26, 452, 442, 470, 471, 473, 499
Щербаченко Н. В., 26, 396, 398, 417, 418, 424, 425, 426, 428, 435, 455, 496
Щетинкин П. Е., 273, 369, 370

Э

Эредиа Х., 493
Эрн Н. Ф., 61
Эттер Н. С., 12, 23, 26, 139, 143, 315, 403, 405, 406, 409, 410, 430, 471

Ю

Юденич Н. Н., 8, 9, 134, 161, 305, 312, 313, 314
Юй, 92

Я

Ядринцев Н. М., 497
Яковлев М. Н., 254
Яковлев Н. А., 13, 136, 137, 146, 314, 318, 381
Яковлев Н. Н., 30
Якубович Г. А., 101, 109, 110, 111, 122, 296, 297
Якушев И. А., 330
Ян Чжо (Ян Чжао), 486, 513, 514,
Ян Юйтин (Ян Утин), 513

Clerget G., 62
Michalowski W. S., 87, 356

Географический указатель

А

Абхазо-Карталинское царство, 158
Австралия, 319
Австрия, 176, 352
Австро-Венгрия, 299, 337
Азербайджан, 14, 16, 17, 18, 144, 145, 314
  Персидский, 164
Азербайджанская ж. д., 311
Азербайджанская республика, 155, 161
Азиатско-Тихоокеанский регион, 81, 94, 310, 335, 356, 362, 363, 365, 366, 505, 513
Азия, 25, 511
  Восточная, 368
  Малая, 164
  Передняя, 501
  Средняя, 320
Акмолинская обл., 213
Актюбинск, г., 31
Алапаевск, г., 201, 202, 508
Алатырь, г., 186
Алтай, 333
Алтайская губерния, 344
Америка, 53, 118, 144, 234, 266, 271, 490
  Северная, 10
  Южная, 81, 310, 505
Амур, 91, 266, 507, 512
  Верхний, 91
Амурская губерния ДВР, 512
Амурская обл., 91, 92, 475, 478, 500, 506
Амурская, ст., 88
Амурский край, 354
Анатолия, 134, 156
Англия, 118, 312, 317, 351, 409, 492, 503, 510
Анучино, пос., 50
Арагви, р., 165, 321
Ардатов, г., 186
Ардебиль, г., 142, 145
Армения, 134, 161, 164, 320
  Турецкая, 155, 156, 161
Армянская республика, 155
Артвин (Артаани), провинция, 314
Архангельск, г., 118, 307, 352
Астара, г., 145
Астраханская губ., 425
Астрахань, г., 331
Афганистан, 129, 470, 503
Африка, 356
Ачаир, станица, 349
Ачинск, г., 272, 370
Ачинск, ст., 272, 273, 369
Аян, порт, 328

Б

Багдад, г., 144
Байкал, оз., 218, 250, 266, 332, 512
Бакинский р-н, 155
Баку, г., 11, 14, 71, 135, 136, 145, 154, 155, 156, 157, 320, 391, 412, 471
Баладжарский ж. д. узел, 156
Балай, ст., 277, 279, 280, 284, 289
Барановичи, 215
Барановичи, ж. д. ст., 215
Барнаульский р-н, 333

Басра, г., 319
Батум, порт, 162
Батуми, г., 145, 310
Башкиро-Киргизские степи, 251
Белгород, г., 133
Белград, г., 313, 334
Белоруссия, 325
Белосток, г., 319
Бельгия, 299, 305, 317
Березняк, деревня, 418
Берлин, г., 302, 312, 362
Бийский р-н, 333
Благовещенск-на-Амуре, г., 92, 309, 512
Ближний Восток, 129
Болгария, 317, 321
Боливия, 61
Бомбей, г., 318
Бразилия, 363
Брест-Литовск, г., 126, 127, 132, 155, 162, 220, 309, 310
Брно, г., 353
Бугуруслан, г., 332
Бузулук, г., 332
Бухара, г., 144, 318, 320
Восточная, 320
Быковская волость, 425

В

Валк, г., 445
Варшава, г., 90, 356
Вашингтон, г., 365
Великий Сибирский ж. д. путь, 213
Великобритания, 18, 350, 352, 503
Вена, г., 414
Венгрия, 305
Венден, г., 306
Верхнеудинск, г., 93, 268, 396, 397, 495
Верхотурье, г., 508
Византия, 158
Вильно, г., 90
Владивосток, г., 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 44, 51, 53, 54, 55, 84, 85, 86, 177, 221, 245, 262, 270, 271, 284, 301, 302, 303, 309, 311, 321, 326, 330, 331, 333, 334, 340, 341, 346, 347, 351, 353, 354, 356, 361, 363, 367, 368, 371, 403, 429, 434, 435, 439, 475, 483, 486, 492, 494, 497, 505, 506, 507, 509, 510, 511
Владикавказ, г., 80, 133, 164, 165, 169, 413
Владикавказская ж. д., 169
Владикавказский р-н, 166
Владимирская губерния, 398
Военно-Грузинская дорога, 133, 164, 165, 166, 413
Волга, р., 93, 183, 182,184, 186, 187, 203, 213, 215, 219, 220, 243, 414
Волго-Бугульминская ж. д., 311
Воронежская губерния, 305
Восток, 181, 318, 320, 442, 493
Вятка, г., 187, 189, 193, 206, 414
Вятский ж. д. узел, 190

Г

Галиция, 341
Гензан, порт, 68
Георгиевская крепость, 159
Германия, 161, 162, 163, 176, 302, 317, 318, 320, 331, 336, 346, 355, 360, 363, 365, 503
Гилян, провинция, 14, 504
Гилянская республика, 504
Гилянский округ, 319
Грузинская республика, 134, 142, 145, 151, 152, 155, 157 161, 163, 166, 168, 181, 314, 428
Грузия, 134, 142, 145, 152, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 284, 310, 314, 320

Гурьев, г., 319

Д

Дагестан, 502
Дайрен, 39, 74, 78, 350, 517
Дальневосточная республика, 39, 325, 509
Дальневосточный край, 73, 518
Дальний Восток, 10, 30, 40, 46, 47, 52, 59, 66, 84, 112, 129, 141, 148, 163, 196, 203, 213, 274, 298, 306, 309, 311, 321, 322, 324, 331, 341, 351, 361, 362, 366, 368, 372, 437, 441, 474, 476, 482, 493, 497, 501, 505, 506, 507, 513, 514
Дарьяльские ворота, 164
Дарьяльское ущелье, 164, 165, 166
Даурия, ст., 93, 350
Дербентские ворота, 164
Дон, 163, 203, 296, 298, 301, 302, 305, 307, 351, 411, 447
Донская обл., 305
Душанбе, г., 320

Е

Европа, 10, 25, 149, 164, 182, 266, 271, 304, 351, 438
Восточная, 9
Ейский уезд, 6
Екатеринбург, г., 176, 177, 182, 193, 199, 201, 202, 208, 209, 217, 309, 326, 327, 339, 342, 344, 353, 369, 395, 396, 400, 401, 416, 417, 419, 465, 492, 496, 510
Екатеринодар, г., 81, 144, 335, 499
Елабуга, г., 184
Елизаветпольская губерния, 155, 157, 170
Енисейская губерния, 369, 370

З

Забайкалье, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 47, 68, 71, 93, 203, 245, 275, 291, 294, 323, 327, 331, 332, 336, 340, 342, 345, 346, 350, 353, 356, 361, 368, 372, 483, 486, 495, 497, 500, 505, 507, 509, 510, 511, 512, 516
Забайкальская обл., 37, 214, 266, 268, 475, 478, 506
Загреб, г., 307
Закавказская ж. д., 156, 170
Закавказская республика, 162, 314
Закавказье, 134, 155, 156, 157, 161, 162, 164, 315, 320, 501
Закаспийская обл., 14
Западно-Сибирский р-н, 253, 260
Зима, ст., 291, 293
Златоуст, 353, 370
Золотой Рог, бухта, 44, 46, 474, 510

И

Иверская земля, 159
Игнашинская, ст., 512
Ижевск, г., 508
Иланское, пос., 288, 289, 290
Илецкая Защита, 31
Иман, 44
Индия, 25, 318, 356, 429
Инта, пос., 336
Ирак, 25, 319
Иран, 319, 386, 501, 502, 503, 504
Иркутск, г., 35, 213, 246, 248, 253, 265, 267, 268, 287, 288, 289, 291, 292, 293, 294, 322, 325, 327, 329, 330, 331, 344, 346, 357, 359, 361, 364, 372, 453, 460, 463, 492, 493, 498, 512, 515

Иркутская губерния, 323, 332, 348
Иркутский р-н, 268
Иртыш, р., 209, 215, 326
Италия, 149, 299, 329, 352

Й

Йоханнесбург, г., 320

К

Кавказ, 5, 6, 8, 71, 128, 131, 132, 134, 135, 137, 152, 155, 159, 164, 165, 181, 284, 313, 393, 412, 413, 503
Северный, 310
Кавказский горный хребет, 164, 166
Казанская ж. д., 174
Казань, г., 177, 183, 184, 185, 186, 215, 309, 332, 341, 342, 344, 414
Казбек, г., 165, 166
Казбек, ст., 165, 166
Казвин, г., 137, 149, 152, 388, 389, 430, 469
Кама, р., 183, 184, 196, 207, 327
Камчатка, п-ов, 64
Камышет, ст., 348
Канада, 84, 357
Канакеры, с., 5
Канск, г., 284
Кантон (Гуанчжоу), г., 514
Карпаты, 511
Карс, крепость, 5, 157
Карталиния, 158, 159
Каспийское море, 151, 164
Кахетинский подъем, 172
Кахетия, 158, 159
Кембридж, г., 502
Кемчуг, ст., 339
Кенигсберг, г., 493
Киев, г., 113, 142, 144, 326, 355
Киевская губерния, 5
Кизильская, станица, 31
Китай, 26, 43, 47, 49, 51, 55, 59, 60, 61, 63, 72, 74, 78, 82, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 129, 303, 316, 326, 329, 331, 335, 336, 340, 341, 342, 345, 346, 353, 356, 361, 363, 364, 365, 368, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 485, 493, 494, 505, 507, 511, 513, 514, 517, 518
Северный, 55, 68, 72, 74, 91, 92, 93, 316, 509
Северо-Восточная провинция, 141
Северо-Восточный, 62
Центральный, 316
Южный, 62
Китайская республика, 316
Китайско-Восточная ж. д., 70, 92, 94, 312, 324, 333, 341, 346, 354, 360, 364, 365, 366, 372, 513, 517
Китайско-Восточный р-н, 335
Кокчетав, г., 34, 238, 301, 342, 499
Кокчетавские степи, 242, 255, 258, 270
Коми АССР, 336
Константинополь, г., 336
Корея, 341, 361
Красноярск, г., 261, 267, 273, 274, 275, 276, 279, 284, 288, 294, 301, 323, 347, 349, 355, 369, 370, 371, 492, 510
Красноярский край, 354
Красноярский р-н, 323
Крестовый перевал, 165
Крым, 81, 145, 208, 302, 305, 307, 313, 315, 316, 317, 329, 334, 336, 352, 495
Крюковская волость, 398
Кубанская обл., 169, 172, 174
Кура, р., 165
Курдистан, 429, 502
Курская губерния, 305
Кутаисская губерния, 160
Кюрдамир, ст., 170

Л

Латвия, 514
Лос-Анджелес, г., 345
Львов, г., 341
Люксембург, г., 299
Ляонин, провинция, 316

М

Макарьев, г., 187
Манджуро-Монгольское государство, 63
Манила, 94
Мантурово, д., 187
Мантурово, ст., 414
Маньчжурия, 39, 51, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 63, 65, 69, 73, 74, 78, 88, 91, 92, 93, 316, 350, 366, 372, 486, 509, 512, 517, 518
Северная, 509
Маньчжурия, ст., 91
Маньчжурская империя, 511, 512, 513, 516
Месопотамия, 139, 152
Миленковский уезд, 398
Минеральные Воды, 411
Минино, ст., 272, 273, 274
Минусинский р-н, 273
Млетский перевал, 133
Млетский подъем, 166
Млеты, ст., 166
Могилев, г., 108, 114, 115, 118, 215
Моздок, крепость, 164
Монголия, 55, 61, 63, 65, 88, 91, 128, 129, 271, 355, 356, 370, 483, 508
Внешняя, 94
Монтерей, 365
Москва, г., 60, 113, 155, 169, 174, 176, 178, 179, 182, 183, 190, 193, 194, 208, 213, 216, 231, 296, 324, 349, 358, 359, 366, 396, 397, 401, 411, 413, 447, 448, 497, 502, 514
Московское царство, 159
Мотовилиха, 194, 195
Мукден, г., 35, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 72, 90, 141, 316, 328, 353, 486, 489, 504, 505, 517
Мулинские копи, 72, 90
Мцхет, 158

Н

Нанкин, г., 60, 69
Нахичеванское ханство, 503
Нерченский уезд, 509
Нижнеудинск, г., 289, 327, 329
Нижний Новгород, г., 183, 185, 186, 414, 507
Нижний Тагил, г., 353, 508
Николаев, г., 500
Николаевская ж. д., 174
Никольск-Уссурийский, г., 92, 500
Новгород, г., 296
Новониколаевск, г., 34, 35, 235, 238, 259, 260, 261, 269, 271, 330, 353, 354, 357, 361, 362, 423, 492, 493
Новороссийск, г., 352
Новосибирск, г., 324, 328
Новочеркасск, г., 304
Нью-Йорк, г., 296, 300, 368

О

Одесса, г., 91
Омск, г., 26, 29, 30, 33, 34, 59, 70, 71, 84, 118, 135, 177, 178, 179, 181, 202, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 221, 222, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 237, 238, 239, 241, 244, 245, 248, 249, 253, 258, 259, 260, 264, 266, 267, 268, 273, 300, 306, 323, 326, 328, 335, 338, 341, 342, 343, 344, 345, 349, 351, 355,

357, 358, 359, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 369, 399, 400, 401, 402, 405, 409, 412, 417, 418, 419, 422, 423, 428, 431, 434, 435, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 447, 448, 449, 450, 451, 453, 454, 457, 459, 461, 462, 465, 466, 468, 470, 488, 492, 493, 494, 497, 498, 505, 515
Омская железная дорога, 227
Орджоникидзе, г., 80
Орловская губерния, 305
Орск, г., 31
Оса, г., 184, 508
Оханск, г., 184
Охотское море, 328

П

Парагвай, 61
Париж, г., 65, 143, 150, 177, 178, 296, 299, 313, 315, 336, 346, 362, 364, 502, 510
Пекин, г., 56, 60, 61, 92, 93, 438, 439, 486, 499
Пенза, г., 496
Пензенская губерния, 496
Перекоп, 370
Пермская губерния, 500, 511
Пермский р-н, 206
Пермский уезд, 492
Пермь, г., 25, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 186, 187, 189, 190, 193, 194, 195, 196, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 231, 251, 323, 327, 332, 359, 361, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 402, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 433, 435, 444, 447, 449, 450, 458, 459, 460, 462, 464, 465, 485, 492, 500, 508
Пермь, ст., 418
Персидское государство, 503
Персия, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 23, 26, 71, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 158, 159, 160, 175, 298, 304, 311, 312, 315, 318, 319, 320, 386, 400, 403, 404, 405, 406, 409, 410, 411, 412, 413, 429, 442, 446, 452, 466, 468, 471, 485, 494, 495, 499, 501, 503
Северная, 131, 149, 153, 408, 409
Петербург, г., 5, 7, 106, 159, 160, 306, 316, 355, 360, 445, 488, 506
Петроград, г., 9, 10, 14, 18, 23, 24, 25, 29, 101, 102, 103, 104, 105, 108, 112, 114, 115, 117, 118, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 136, 138, 139, 140, 153, 155, 163, 169, 174, 176, 180, 181, 182, 183, 187, 188, 190, 193, 194, 195, 205, 208, 209, 210, 215, 247, 251, 284, 295, 296, 297, 298, 300, 303, 304, 312, 316, 324, 326, 337, 363, 365, 375, 380, 392, 403, 408, 409, 411, 412, 413, 414, 415, 424, 425, 428, 446, 447, 460, 461, 464, 467, 471, 473, 500, 510
Поволжье, 183, 309, 358, 515
Пограничная, ст., 72, 90, 436, 517
Подольская губерния, 300
Польша, 271, 354, 356, 371
Порта, 159
Порт-Артур, г., 39, 40, 41, 42, 43, 48, 49, 56, 371, 476, 478, 486, 506
Посьет, пос., 484, 511
Прага, г., 340, 353, 493
Приамурская обл., 483
Приамурский земский край, 302, 340, 511

Приамурье, 76, 92, 348
Прибалтийский край, 299
Приморская обл., 39, 53, 300, 334, 475, 506
Приморский р-н, 268
Приморье, 39, 41, 44, 45, 46, 49, 51, 68, 86, 92, 203, 245, 266, 301, 326, 334, 340, 342, 350, 368, 371, 475, 476, 477, 482, 486, 497, 507, 509, 511, 517
Приуралье, 201, 356
Приуральский р-н, 217, 253
Приуральско-Волжский р-н, 208
Псков, г., 115
Путятин, о, 505

Р

Радымно, 9, 126
Раздольная, ст., 50
Решт, г., 146
Рига, г., 299, 306, 356
Рижский залив, 117
Рим, г., 158, 352
Российская восточная окраина, 35, 37, 38, 39, 44, 45, 46, 55, 86, 306, 342, 353, 372, 474, 505
Российская Федерация, 373
Россия, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23, 25, 29, 39, 43, 49, 50, 54, 55, 57, 68, 69, 70, 73, 78, 90, 97, 98, 99, 101, 105, 108, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 126, 128, 131, 133, 134, 136, 137, 140, 143, 147, 150, 152, 153, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 177, 181, 182, 184, 186, 193, 203, 205, 208, 211, 215, 239, 246, 250, 262, 264, 266, 267, 268, 295, 296, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 313, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 326, 327, 330, 332, 337, 346, 351, 352, 354, 355, 358, 361, 366, 371, 389, 404, 410, 411, 412, 436, 439, 445, 447, 448, 476, 481, 483, 484, 485, 492, 493, 499, 500, 501, 502, 503, 507, 516, 518
Азиатская, 203
Европейская, 29, 203, 218, 277
Имперская, 99
Советская, 162, 176, 177, 234
Центральная, 203, 328
Юг, 80, 81, 82, 115, 141, 142, 144, 145, 151, 152, 300, 302, 305, 307, 310, 311, 315, 316, 317, 320, 321, 331, 334, 335, 336, 338, 352, 362, 495
Ростов, г., 143
Ростовский р-н, 322
РСФСР, 56, 202, 284, 299, 324, 358
Румыния, 81, 299, 336, 337
Русский о-в, 48, 331, 351

С

Самара, г., 332, 358, 510, 515
Самарская губерния, 515
Сан-Франциско, г., 90, 364, 501, 505, 506, 511
Сарапул, г., 184, 508
Саратов, г., 215
Саратовская губерния, 505
Сарыкамыш, 9, 157
Сахалян, пос., 512
Свияжск, 186
Северный Кавказ, 305
Северный морской путь, 369
Северо-Американские Соединенные Штаты, 514
Сербия, 274, 352
Сибирская ж. д. магистраль, 214, 260, 266, 267, 276, 269, 342
Сибирская тайга, 181, 214, 274
Сибирь, 10, 27, 29, 30, 31, 34, 45, 53, 83, 84, 86, 118, 119, 150, 163, 175, 178, 179, 182, 194, 203, 204, 208, 211, 212, 213,

214, 216, 218, 219, 220, 221, 229, 230, 231, 236, 245, 246, 248, 249, 255, 261, 262, 264, 265, 266, 267, 275, 284, 293, 298, 301, 306, 321, 324, 326, 327, 329, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 343, 345, 348, 351, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 362, 365, 366, 367, 401, 474, 482, 483, 485, 492, 493, 496, 498, 508, 510, 514
Восточная, 329, 371
Западная, 203, 213, 330, 353, 355, 363, 365, 476, 511
Сидней, г., 335
Симбирск, г., 28, 215, 332
Скандинавия, 26
Сорбонна, 354
Спасск, 325
Сретенск, г., 512
Сретенский уезд, 509
СССР, 57, 59, 60, 67, 70, 72, 73, 76, 90, 91, 296, 297, 299, 318, 324, 325, 330, 331, 344, 354, 360, 361, 366, 372, 495, 499, 500, 511, 513, 514, 518
Ставрополь, г., 332
Стамбул, г., 307
Степной край, 363, 498
Сунгари, р., 54
США, 26, 49, 90, 296, 298, 304, 305, 328, 329, 342, 345, 356, 357, 358, 364, 365, 368, 492, 501, 506, 510, 511
Сызрань, г., 215, 332

Т

Тавда, р., 508
Тайга, ст., 239, 269, 270, 271, 327
Тайшет, ст., 354
Танка, поселение, 78
Ташкент, г., 308
Тбилиси, г., 491
Тверь, г., 360
Тебриз, 503
Тегеран, г., 11, 13, 17, 18, 23, 25, 26, 128, 130, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 140, 142, 145, 146, 147, 148, 151, 152, 153, 304, 310, 319, 374, 376, 377, 378, 381, 384, 399, 400, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 429, 430, 452, 467, 471, 472, 492, 499, 502
Терек, р., 165, 166
Тетюши, г., 93
Тибет, 55, 503
Тифлис (Тбилиси), г., 6, 8, 11, 23, 61, 71, 132, 133, 134, 135, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 169, 171, 183, 315, 396, 397, 409, 412, 413, 471, 472, 473, 499
Тифлисская губерния, 160
Тихий океан, 214, 253
Тихорецкая, ст., 169, 170, 172
Тихорецкий ж. д. узел, 169
Токио, г., 26, 52, 470, 471, 499
Томск, г., 213, 235, 239, 270, 271, 309, 327, 339, 344, 354, 355, 357, 361, 365, 368, 369, 371, 492, 516
Тува, 355
Тулуза, г., 362
Тулун, ст., 290, 291, 332
Туркестан, 313, 363
Туркестанская обл., 313
Туркестанский округ, 487
Туркменчай, деревня, 503
Турция, 8, 129, 158, 159, 160, 161, 163, 307, 317, 320, 321, 336, 501
Тюмень, г., 508
Тяньцзин, г., 57, 67, 74, 75, 76, 78, 88, 91, 92, 93, 94, 130, 312, 361, 362, 490, 505, 509, 517, 518

У

Украина, 305, 325, 326, 338, 348, 353

Улан-Батор, г., 370
Унжа, р., 186, 187
Урал, 11, 53, 84, 86, 150, 175, 176, 177, 182, 190, 201, 203, 208, 213, 253, 302, 309, 319, 322, 326, 327, 328, 331, 333, 339, 340, 342, 343, 344, 346, 347, 350, 358, 369, 474, 492, 500, 508
Урга, г., 85, 128, 355, 356
Урмийское озеро, 151
Урянхай, 55
Урянхайский край, 55, 355
Уссурийская ж. д., 45, 354
Уссурийский край, 41
Усть-Каменогорск, г., 508
Утай, разъезд., 332
Уфа, г., 92, 331, 353, 498, 515
Уфимский р-н, 510
Ухань, г., 335
Уюн, г., 93

Ф

Филадельфия, 368
Филиппины, 78, 368
Финляндия, 296, 307, 312, 324
Фонтанка, р., 101, 110
Фошань-сян, г., 93
Франция, 39, 177, 182, 194, 247, 248, 249, 296, 299, 305, 307, 312, 313, 314, 317, 319, 321, 322, 329, 330, 336, 337, 338, 346, 352, 363, 365, 496, 501, 502, 510, 518

Х

Хабаровск, г., 44, 48, 92, 325, 333, 341, 361, 362, 477, 478, 493, 518
Хайлар, г., 69, 92, 94
Хайлар, ст. (КВЖД), 47
Хакасия, 355
Ханькоу, г., 335
Харбин, г., 40, 52, 54, 58, 59, 63, 65, 66, 67, 69, 73, 74, 75, 76, 84, 88, 91, 92, 93, 219, 221, 304, 309, 311, 312, 322, 323, 324, 326, 327, 333, 334, 335, 341, 342, 345, 350, 354, 355, 356, 357, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 372, 475, 486, 489, 493, 500, 501, 505, 509, 512, 515, 516, 517, 518
Харбинский ж. д. узел, 518
Харьков, г., 90
Хэйлунцзян, провинция, 316

Ц

Цаган, ст., 91
Царевский уезд, 425
Царицыно, г., 82
Царицынская губерния, 305
Царское село, 345
Цзилинь, провинция, 316
Циндао, г., 90, 507

Ч

Чанчун, г. 341
Челябинск, г., 217, 353, 493
Черемхово, 329
Черное море, 162, 203, 214
Чертов мост, 166, 167, 168
Чехословакия, 264, 265, 330, 340, 353
Чистополь, 184
Чита, г., 34, 35, 36, 37, 68, 92, 214, 274, 301, 323, 328, 331, 341, 351, 353, 361, 477, 483, 486, 489, 498, 500, 505, 507, 509, 513, 516

Ш

Шанхай, г. 54, 55, 59, 66, 67, 68, 69, 70, 74, 78, 90, 93, 94, 302, 303, 326, 340, 342, 357, 361, 362, 363, 367, 437, 438, 439,

485, 497, 499, 505, 507, 512, 513
Шарасум, город-крепость, 508
Шату (Франция), 314
Швейцария, 312
Швеция, 26, 307, 408
Шитоуха, ст., 94
Шихлы, с., 491

Э

Энзели, 135, 136, 144, 145, 146, 152, 153, 154, 381
Эриван (Ереван), г., 80
Эриванская губерния, 5, 155
Эриванское (Ереванское) ханство, 503
Эстония, 312

Ю

Югославия, 307, 310, 313, 317, 321, 322, 334, 495
Юрьевец, г., 186

Я

Якеши, ст., 69
Якутия, 328
Янцзысян, г., 92
Япония, 46, 49, 67, 69, 92, 129, 213, 246, 248, 266, 267, 300, 309, 326, 340, 351, 356, 361, 367, 368, 437, 487, 499, 501, 504, 506, 510, 512, 514, 516
Японское море, 511

Список сокращений

БРЭМ – Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи.
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.
ГАПК – Государственный архив Приморского края.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.
ГАЧО – Государственный архив Читинской области.
ГУГШ – Главное управление Генерального штаба.
ДВР – Дальневосточная республика.
ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
РГВА – Российский государственный военный архив.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РОВС – Российский общевоинский союз.
ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

Содержание

А. Л. Посадсков. Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г. И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста 5
Г. И. Клерже. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания 95
Как «началась» революция 97
Первые впечатления 98
Разочарование в военных кругах 100
«Корниловское» выступление 102
Участие в корниловской организации 112
Адмирал А. В. Колчак[33] и корниловское движение 116
Переход власти к большевикам 119
Отъезд из Петрограда 125
Персидская Его Величества шаха дивизия 128
Путешествие из Петрограда в Тифлис 132
В родном Тифлисе 134
Въезд в Персию и тамошние «настроения» 135
Приезд в Тегеран 137
Отъезд из Персии 152
Новое возвращение на Кавказ 155
Краткая история Грузии 158
Путешествие из Тифлиса в Петроград 162
«Экспортер» платины 174
Отслоение «белых» сил 203
Армия Верховного правителя 204
Последние дни в Перми 206
На белом фронте 207
Столица Верховного правителя 213
Центральные военные учреждения Омска 214
Осведверх 250
Ледяной поход 260
На санях по... шпалам 269
От Тайги до Балая... 271
С котомкой по... шпалам 286
В поезде начальника 30-й советской дивизии 291

Комментарии к тексту воспоминаний 295
Приложения. Документы о Г. И. Клерже в государственных архивах Российской Федерации 373
Приложение 1. Документы о деятельности Г. И. Клерже на посту начальника Персидской казачьей Его Величества шаха дивизии.....373
Приложение 2. Документы Центральной следственной комиссии Военного министерства Российского правительства из «Дела Военного контроля о полковнике Клерже Георгии Иосифовиче». 395
Приложение 3. Документы о деятельности Г. И. Клерже на посту начальника штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины Г. М. Семёнова 474
Приложение 4. Документы о Г. И. Клерже, собранные в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ).....485
Комментарии к тексту приложений.....491
Именной указатель 519
Географический указатель.....530
Список сокращений.....540

Научное издание

Клерже *Георгий Иосифович*

Революция и гражданская война:
личные воспоминания

Редактор *Р. К. Суханова*
Корректор *А.С. Бочкова*
Дизайн *Н. В. Вишняковой*
Верстка *Н. А. Айгаровой*

Подписано в печать 19.04.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Печ. л. 34,0
Уч.-изд. л. 30,7. Тираж 150 экз. Заказ № 105.

Редакционно-издательский отдел ГПНТБ СО РАН.
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.
E-mail: rio@spsl.nsc.ru.
Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН.
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15.

Клерже, Г. И.

К48 Революция и Гражданская война: личные воспоминания / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. Л. Посадсков. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. – 544 с. – (Серия «История Сибири в воспоминаниях и дневниках»).

ISBN 978-5-94560-110-9

Георгий Иосифович Клерже – военный журналист, разведчик русского Генерального штаба, в 1919 г. был в Сибири организатором и начальником Осведомительного управления при штабе Верховного главнокомандующего А. В. Колчака (Осведверха). Одновременно он являлся подозреваемым по «делу» о причастности к большевизму. Следствие длилось полгода, закрыл его лично А. В. Колчак. Оказавшись в китайской эмиграции, Г. И. Клерже написал воспоминания о своей деятельности в Гражданской войне, о событиях и людях в штабе адмирала. Книга вышла мизерным тиражом в 1932 г. в Мукдене. Настоящее издание воспоминаний Г. И. Клерже воспроизводится по этому редкому экземпляру книги. Кроме самого текста в издание включено почти полностью большое следственное дело о «большевизме» Г. И. Клерже.

Для широкого круга читателей, специалистов и любителей сибирской истории.

УДК 94(571.1/.5)"1917/1920"
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612-9(253)

Clerget, G. I.

Revolution and Civil War: personal recollections / State Publ. Sci.-Technol. Libr. of Siberian Branch of Russ. Acad. of Sciences ; ed.-in-chief, author of the introductory article and comments A. L. Posadskov. – Novosibirsk : SPSTL SB RAS, 2012. – 544 p. – (Series of the books «History of Siberia in memories and diaries»).

Georgy Iosifovich Clerget – a military journalist, spy of the Russian General Staff in 1919 in Siberia, was the organizer and head of News management at the headquarters of the Supreme Commander of A. V. Kolchak (Osvedverkh). At the same time he was a suspect in the «case» of involvement in Bolshevism. The investigation lasted six months, and was personally closed by Kolchak. Caught in the overseas Chinese, G. I. Clerget wrote memories about their activities in the Civil War, the events and people in the headquarters of the admiral. The book was miserable run of 1932 in Mukden. This edition of the memoirs of G. I. Clerget reproduced our book. In addition to the text included in the publication of almost all great investigative file of «Bolshevism» of G. I. Clerget.

For a wide range of readers, professionals and amateurs Siberian history.